ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ IX.

ВЫПУСКИ ПЕРВЫЙ и ВТОРОЙ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ТРУДЫ
ОТДѢЛЕНІЯ СЛАВЯНСКОЙ И РУССКОЙ АРХЕОЛОГІИ.

ИЗДАВАЕМЫЕ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

С. Ѳ. ПЛАТОНОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1897.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Секретарь *В. Дружининъ.*

1945 г. БИБЛИОТЕКА Научно-исслед. института краеведческой и музейной работы П 588.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, въ азбучномъ порядкѣ расположенное. **П. И. Савваитова** (посмертное изданіе подъ наблюденіемъ **А. Ѳ. Бычкова**) 1

Закладничество-патронатъ. **Н. П. Павлова-Сильванскаго** . . 185

Обозрѣніе нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи въ археологическомъ отношеніи (продолженіе):

VI. Новгородская губернія 237

VII. Псковская губернія 249

VII. Витебская губернія 256

IX. С.-Петербургская губернія 268

X. Тверская губернія 278

Народная русская сказка и народное шитье. **И. А. Шляпкина** . 294

Акты Алексѣевыхъ изъ Яренска. Сообщ. **А. И. Маркевича** . . 296

Книги переписныя Кексгольмскаго уѣзда Коневскаго монастыря церковныя 1733 года. Сообщ. **И. А. Шляпкина**. . . . 305

Слѣды уставныхъ грамотъ въ писцовыхъ книгахъ Псковскихъ пригородовъ. Сообщ. **С. В. Рождественскаго** 309

Протоколы засѣданій Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества за 1895 г.:

Общія собранія I

Засѣданія Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи. . XX

Приложенія къ протоколамъ:

I. **В. В. Стасовъ.** Отзывъ объ изданіи А. В. Звенигородскаго: Исторія и памятники Византійской эмали. XLIII

II. **С. А. Жебелевъ.** Отзывъ о сочиненіи В. К. Мальмберга: Предметы греческаго и греко-варварскаго искусства, найденные въ курганѣ Карагодеуашхъ. . . XLVII

III. **А. Ѳ. Бычковъ.** Воспоминанія о П. И. Савваитовѣ. LV

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ОПИСАНІЕ

СТАРИННЫХЪ РУССКИХЪ УТВАРЕЙ,

ОДЕЖДЪ, ОРУЖІЯ, РАТНЫХЪ ДОСПѢХОВЪ

И

КОНСКАГО ПРИБОРА,

ВЪ АЗБУЧНОМЪ ПОРЯДКѢ РАСПОЛОЖЕННОЕ.

Павла Савваитова.

Благословите, братцы, старину сказать
Какъ-бы старину стародавную.

Др. Росс. Стихотв.

Йно сѳдѣ́нїе во́ннѣ, йно сѳдѣ́нїе ты́сѧщникѣ, йно пѧтьдеся́тникѣ, и́ йно сѳдѣ́нїе кѣ́пцѣ, и́ йно златарю́, йно желѣ́зномѣ ковачю́, и́ йно сѳрачю́, и́ йно проси́телю, и́ йно жена́мъ, ѩкоже и́мъ носи́ти и́ глаго́лемыѧ торло́пы.... Комѣ́ждо подоба́етъ свое́ сѳдѣ́нїе.

Стоглавъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1896.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Секретарь *В. Дружининъ.*

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Въ 1865 году, въ XI томѣ Записокъ Императорскаго Археологическаго Общества былъ помѣщенъ объяснительный указатель П. И. Савваитова къ описанію старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружій, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора. Главнымъ матеріаломъ для этого указателя послужили напечатанныя въ этомъ же томѣ извлеченія изъ рукописей и столбцовъ XVI и XVII вв., хранящихся въ архивѣ Московской Оружейной Палаты и содержащихъ въ себѣ драгоцѣнныя данныя для отечественной археологіи. Въ томъ же году этотъ трудъ П. И. Савваитова, вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ, былъ имъ представленъ въ Императорскую Академію Наукъ на соисканіе Уваровской преміи и ею удостоенъ малой Уваровской награды. И. И. Срезневскій, разсматривавшій, по порученію Академіи Наукъ, это сочиненіе, отозвался о немъ какъ объ очень замѣчательномъ вкладѣ въ литературу отечественной археологіи и сравнительно съ предшествовавшими ему подобными трудами Висковатова, Строева, Вельтмана и преосвященнаго Саввы отличающемся большею опредѣленностію содержанія и во многихъ случаяхъ болѣе удовлетворительнымъ объясненіемъ словъ, но при этомъ замѣтилъ, что въ указателѣ многаго недостаетъ и многое могло бы быть изъ него исключено.

Къ своей рецензіи Срезневскій приложилъ выписки изъ письменныхъ памятниковъ XV и XVI вв. тѣхъ словъ, которымъ слѣдуетъ дать мѣсто въ словарѣ одеждъ и вооруженія. Всѣми

этими указаніями П. И. Савваитовъ большею частію воспользовался и до послѣднихъ дней своей жизни продолжалъ исправлять и пополнять свой трудъ, который намѣревался предложить для изданія Императорскому Русскому Археологическому Обществу. Къ сожалѣнію, мысль эта не была приведена въ исполненіе за смертію автора, скончавшагося въ 1895 году. Хотя самыя послѣднія буквы этого указателя не были еще окончательно отдѣланы П. И. Савваитовымъ и представляли лишь замѣтки и указанія на источники, тѣмъ не менѣе Археологическое Общество, озабочиваясь, чтобы многолѣтній трудъ уважаемаго сочлена не пропалъ безслѣдно, вошло въ соглашеніе съ наслѣдниками П. И. Савваитова объ уступкѣ его труда Обществу и постановило напечатать его ко дню празднованія своего пятидесятилѣтія. Нѣтъ сомнѣнія, что трудъ П. И. Савваитова и въ новомъ дополненномъ изданіи еще требуетъ многихъ пополненій, разысканій и поправокъ, но и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ нынѣ является въ свѣтъ, нельзя не признать за нимъ пользы, которую онъ можетъ при разнаго рода справкахъ принести занимающимся отечественною археологіею. Описаніе печаталось подъ наблюденіемъ члена Общества А. Ѳ. Бычкова.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Адамашка, одамашка (дамашка) сортъ камки, которая, какъ видно изъ названія, первоначально привозилась въ Европу изъ Дамаска. По Торговой книгѣ XVI—XVII столѣтія «адамашка не линяетъ, узоръ мелокъ на ней, тонка; аршинъ купятъ $\frac{к| \ |}{| \ |}$ и $\frac{| \ |}{| \ |в}$»; по цѣнности она ниже другихъ сортовъ, кромѣ *соломянки*, которую покупали по $\frac{I| \ |}{| \ |}$ и по $\frac{I|г|в}{| \ |}$ за аршинъ»[1]). Употреблялась адамашка на разныя принадлежности утварей и одеждъ не слишкомъ нарядныхъ. «Ферези подпушены камкою жолтою одамашка.—Тѣлогрѣя камка адамашка мелкотравная; шолкъ алъ да бѣлъ».—«Надъ кроватью небо камка одамашка бѣла, въ немъ камки 7 арш. безъ 2 вершк.;... внутри подъ верхомъ застѣнокъ, въ немъ камки одамашки бѣлой 5 арш.; въ головахъ завѣсъ камка одамашка жъ бѣла»[2]).

1) Торг. кн. 1575—1610 г. ркп. гл. 217, л. 65 об.

2) Описн. кн. 97 г. № 665 и 150 г. № 679.—Забѣл. Дом. бытъ Рус. нар. т. I. стр. 486 и 487.

Азямъ мужская верхняя одежда съ узкими рукавами, простиравшаяся до колѣнъ или нѣсколько выше, со сборами назади, съ пуговицами и петлями напереди для застегиванья. Полагаютъ, что Русскіе переняли эту одежду отъ Татаръ; названіе ея показываетъ, что первоначально пришла она съ Востока: слово *азямъ* образовалось изъ Араб. عجم *аджям* иноземщина, Персы. **Азямскій** или **азямный** — Персидскій. Въ запискѣ купчины Московскаго гостя Котова «О ходу въ Персицкое царство» читаемъ: «платье Персы и Кизылбащи[1]) носятъ каѳтаны озямные киндячные и дорогильные и кутняные»[2]). Въ описи пожитковъ Бориса Ѳеодоровича значится «кафтанъ озямской отласъ зеленъ, кружки золоты съ шолки съ розными; подложенъ дороги багровы»[3]).—Въ описи имущества князей Голицыныхъ значатся: «азямъ камка Китайская, цвѣтъ таусинной, по ней травы золотныя

розныхъ шелковъ; подложенъ камкою луданною зеленою; пугвицъ нѣтъ; цѣна 4 руб.—Азямъ Китайской, по таусинной землѣ травы золотныя розныхъ цвѣтовъ; подложенъ тафтою осиновою»[4]).

1) Тур. قزلباش *кызылбаш* знач. красная башка. Такъ, по свидѣтельству Мальколъма, Турки стали называть Персіянъ со временъ Аббаса Великаго.

2) Времен. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос. М. 1852. кн. XV. отд. II. стат. 2. стр. 19.

3) Описн. кн. 97 г. № 665.

4) Оп. имущ. кн. Голиц. столб. 68.

Аксамитъ, оксамитъ золотная или серебряная ткань съ травами и разводами, плотная и ворсистая какъ бархатъ[1]). Въ польскомъ **aksamit** и значитъ бархатъ. Нѣтъ сомнѣнія, что названіе этой ткани образовалось изъ Греч. ἑξάμετον, отъ котораго можно производить и Нѣмецкое Sammet. Эта дорогая ткань давно была извѣстна Русскимъ; но, по высокой цѣнности своей, она не могла быть въ большомъ употребленіи[2]). Объ аксамитѣ упоминается въ Словѣ о полку Игоревомъ: «помчаша (Русичи) красныя дѣвкы Половецкыя, а съ ними злато и паволокы и драгыя оксамиты»[3]). Въ Лѣтописи, подъ 1175 годомъ: «ты нынѣ въ оксамитѣ стоиши, а князь нагъ лежитъ[4]). **Аксамитный** значитъ сдѣланный изъ аксамита: «опошень отласъ золотной, розводъ шолкъ червчетъ, по немъ травы золоты, аксамитныя»[5]). **Аксамиченный** сдѣланный какъ аксамитъ, на аксамитное дѣло. «Бархатъ Венецейской золотной, травы шолкъ алъ, въ травахъ аксамичено золотомъ и серебромъ.—Отласъ золотной по червчатой землѣ, оксамиченъ.—Розвода и травы оксамичены золотомъ.—Образцы оксамичены золотомъ.—Вошвы по таусинному бархату шиты золотомъ и серебромъ съ шолки на аксамитное дѣло»[6]).

1) Инокъ Симеонъ Суздальскій, въ своемъ описаніи путешествія въ Италію въ 1437 году, между прочимъ замѣчаетъ, что во Флоренціи «дѣлаютъ камки и аксамиты со златомъ». Сахар. Путеш. Рус. людей. Спб. 1839. ч. II. стр. 105. У насъ до сихъ поръ извѣстны *бархаты Флоренскіе*.

2) Преосв. Саввa, основываясь на древнихъ описяхъ Патріаршей Ризницы, говоритъ, что «до половины XVII столѣтія не было у насъ ни одного святительскаго облаченія изъ этой дорогой ткани». Указат. для обозр. Патр. Ризн. М. 1858. поясн. слов. стр. 2.

3) Рус. достопам. ч. III. М. 1844. стр. 50.

4) Лѣтоп. по Инат. сп. изд. 1871. стр. 401.

5) Вых. госуд. стр. 353 и мн. др.

6) Описн. кн. 97 г. № 665 и 190 г. № 140.—Вывѣсн. кн. 137 г. № 127.—Переписн. кн. 191 г. № 145 и 189 г. № 148.

Аламъ, оламъ, оломъ. 1) Серебряная, вызолоченная бляха, кованая или чеканная. На бархатную накладную шубку царевнѣ Иринѣ Михаиловнѣ (1636 г.) были «нашиты аламы *кованы* серебряны, золочены, обнизано около аламовъ жемчюгомъ»[1]). У царицы Агаѳіи Симеоновны была

бархатная распашная шубка «съ аламами серебряными, золочеными *чеканными*; жемчюгъ, которой около тѣхъ аламовъ былъ обнизанъ, весь снятъ и пугвицы отняты въ хоромѣхъ у государыни царицы, и отъ ожерелья нижній аламъ отнятъ въ хоромѣхъ же.... Съ сей шубки аламы всѣ, щетомъ сорокъ шесть мѣстъ, вѣсу въ нихъ 12 фунтовъ 83 золотника, сняты и отданы въ Серебряную палату, на окладъ образа Богородицы, что въ церкви на потѣшномъ дворѣ» [2]). 2) Вырѣзокъ ткани, *низанный* жемчугомъ съ каменьемъ. Въ 1675 г. ноября 20, по царскому указу, велѣно послать князю К. М. Черкаскому «шапку бархатъ золотной съ петли да ферезѣю бархатную золотную на соболяхъ съ аламы, низаными жемчюгомъ; и указано тѣ петли и аламы дѣлать великой государыни царицы въ хоромехъ верховымъ мастерицамъ»; на это дѣло куплены въ серебряномъ ряду двѣ кисти жемчугу, цѣною на 658 руб. 28 алт. 2 денги; и декабря 5 «отъ великого государя съ верху снесены четыре алама низаны по таусинному шолку по бѣли съ канителью; а сколко на тѣ аламы изъ того числа пошло жемчюгу, того невѣдомо» [3]). Въ одной рядной записи XVI или нач. XVII столѣтія записаны: «четыре алама оерезейные, низаные, прорезные, на красномъ бархатѣ болшой жемчюгъ;—десять оламовъ низаныхъ по вишневому отласу» [4]). Для украшенія одеждъ аламы обнизывались жемчугомъ и пришивались къ нимъ на переди, на плечахъ и назади, вмѣстѣ съ круживомъ. Великій князь Іоаннъ Даниловичь Калита въ своей духовной (1328 г.) писалъ: «что есмь нынѣча нарядилъ 2 кожуха съ аламы съ женчугомь, а то есмь далъ меншимъ дѣтемъ своимъ Марьи же Федосьи ожерельемъ» [5]). На бархатную шубку царицы Марьи Ильиничны (1648 г.) было «нашивано круживо съ оламами, около оломовъ низано жемчюгомъ» [6]). Въ описи казны царевича Алексѣя Михаиловича «четыре аламы низаны жемчугомъ съ каменьемъ и съ завязки тканы въ столбецъ золото съ серебромъ, варворки низаны жемчугомъ» [7]).

Карамзинъ говоритъ, что аламами назывались наплечки съ застежками [8]). Но въ духовныхъ завѣщаніяхъ русскихъ князей наплечки отличаются отъ аламовъ; напр. въ духовной в. князя Іоанна Іоанновича (1356 г.) сказано: «далъ сыну своему Ивану... аламъ сженчужный; наплечки золоты съ круги, съ каменьемъ съ женчуги; аламъ малый съ женчуги, что ми дала княгини Марья» [9]). В. кн. Дмитрій Іоанновичъ (1389 г.) завѣщалъ сыну своему кн. Петру «поясъ золотъ съ калитою да съ тузлуки, да наплечки, да аламъ» [10]). — Д. И. Языковъ говоритъ, что **аламъ** Татарское испорченное слово, собственно халомъ; но не объясняетъ его значенія [11]). — Висковатовъ считаетъ аламы нашивкою [12]). Въ Древностяхъ Россійскаго Государства аламами называются въ одномъ мѣстѣ наплечки, въ другомъ—

стоячій воротникъ или козырь, а въ третьемъ — вообще воротники, стоячіе и лежачіе [13]).—У Вельтмана аламъ — накладной воротникъ или ожерелье пристяжное [14]); а у И. Е. Забѣлина: «**аламы** или **образцы** большіе запаны, полагаемые на ѣздовомъ платьѣ, напр. на ферезеѣ, на чугѣ, одинъ на груди, другой на спинѣ, а остальные по плечамъ; на нихъ изображались орлы, львы, инроги, грифы». Тамъ-же: «наплечки вѣроятно тоже, что и аламы» [15]). Въ другомъ мѣстѣ: «круживо (у шубокъ) особенно по передамъ украшалось аламами, большими круглыми бляхами изъ басменнаго золоченаго серебра» [16]). По указанію В. В. Вельяминова-Зернова, слово аламъ Арабско-Татарское: علم *алам* знакъ, значекъ, знамя, нашивка на платьѣ и вообще всякій признакъ, составляющій отличіе одного предмета отъ другаго. Значитъ также *образецъ*.

1) Кроил. кн. 144 г. № 771.
2) Переп. кн. 189 г. № 148.
3) Дополн. къ Акт. истор. т. VII. стр. 46. 47.
4) Зап. Археол. Общ. Спб. 1865. т. XI. стр. 592.
5) Собр. госуд. грам. и догов. М. 1813. ч. I. стр. 32.
6) Кроил. кн. 156 г. № 990.
7) Вельтманъ Моск. Оруж. Пал. Слов. стр. 1.
8) Ист. Госуд. Рос. т. IV. прим. 325.
9) Собр. Госуд. грам. и догов. ч. 1. стр. 40.
10) Тамъ-же, стр. 61.
11) Энцикл. Лекс. изд. Плюшара. Спб. 1835. т. I. стр. 398.
12) Историч. Опис. од. и вооруж. ч. I. Спб. 1841. прилож. стр. XXVII.
13) Древн. Рос. Госуд. Отд. IV. стр. 9. 47 и 64.
14) Моск. Оруж. Пал. Слов. стр. 1 и 2. — Древн. Рос. Госуд. Отд. IV. стр. 64.
15) Зап. Имп. Археол. Общ. т. V, стр. 103. 104.
16) Дом. бытъ Рус. нар. т. II. стр. 364.

Алебарда, олебарда. См. **Бердышъ.** Названіе этого оружія алебардою образовалось изъ Араб. الحربة *альхарба*, имѣющаго значеніе копья, преимущественно короткаго, дротика. Средне-нѣмецкое helmbarte.

Алмазъ (Перс. الماس) «всѣхъ черствие каменій и крѣпчае, треска не имѣтъ никакая». См. **Камни.**

Алтабасъ ткань по золотной или по серебряной землѣ съ серебряными или золотыми узорами. «Алтабасъ по золотной землѣ травы, кубы серебряны. — Алтабасъ по серебряной землѣ травки, листочки золоты». — Названіе алтабаса производятъ одни отъ Турецк. التون *алтун* золото и بز *бязъ* ткань [1]); другіе отъ Араб. الديباج *эл-дыбачь* [2]). То и другое указываетъ на первоначальный вывозъ этой драгоцѣнной ткани съ Востока. Алтабасъ употреблялся на платна, зипуны, вошвы для лѣтниковъ, на тѣлогрѣи, шапочные верхи, рукава, башмаки и др. [3]). **Алтабасный** сдѣланный или сшитый изъ алтабаса: «Зипунъ алтабасный; обнизь алтабасная, золотная» [4]).

1) Сенков. Энциклоп. Лекс. Спб. 1835. т. II. стр. 21. —Савельевъ Мухамед. нумизм. Спб. 1847. стр. CCXVI.

2) Вельтманъ. Моск. Оруж. Пал. Слов. стр. 2.

3) Перепис. кн. 181 г. № 145 и 189 г. № 148.— Вых. госуд. стр. 643: «платно царское алтабасъ золотной, по немъ коруны серебрены».

4) Вых. госуд. стр. 217. 622 и др.

Амагиль, омагиль дорожный сосудецъ — золотой, серебряный, хрустальный, раковинный; фляжка, натруска (для пороха). Носилась на перевязи. «Перевезь алмазная съ амагилью золотою. — Амагиль золотая съ каменьи.— Амагиль серебрена, золочена съ орломъ, въ ней часы» [1]). Омагиль серебрянъ, рѣзанъ травы. — Омагиль серебрена, невеличка, травы рѣзаны казанскія, золочены, на покрышкѣ въ гнѣздѣ камень червецъ» [2]).

1) Вых. госуд. стр. 285. 286. 340.

2) Описн. кн. 97 г. № 665.

Арефедъ. См. **Рефедъ.**

Аркобузъ. См. **Самопалъ.**

Армякъ, армячокъ, ормякъ, ормячокъ комнатная одежда халатнаго покроя изъ тонкой или толстой шерстяной матеріи (армячины), съ завязками (отъ 8 до 12) на вороту и на боковыхъ прорѣхахъ у подола. Армячки подпушались шолковой матеріей; украшались кружевомъ и образцами. Перс. ارمک *урмяк* означаетъ платье изъ грубой шерстяной ткани, а въ Бухарѣ — матерію изъ верблюжьяго волоса [1]). «Ормячокъ тонкое полотенцо; на немъ круживо Нѣмецкое ....на вороту и на прорѣхахъ 14 образцовъ»; у другаго ормячка «12 завязокъ».— «Ормякъ толстой, бѣлъ, Ординской [2]).

1) А. Борнсъ. Путеш. въ Бухару. ч. III. М. 1849. стр. 254.

2) Описн. кн. 97 г. № 665. — См. еще опись домашн. имущ. царя Ивана Васильевича во Времен. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос. М. 1850. кн. VII. Отд. III. стр. 9. 18. 32.

Арчакъ (Татар. انكرچاق *ангырчак* собственно сѣделка) деревянный сѣдельный приборъ, остовъ сѣдла. Онъ обтягивался кожею, сукномъ, бархатомъ, парчей; иногда украшался камнями, преимущественно бирюзою [1]). «У князей Голицыныхъ были: «арчагъ, оправа серебряная сканная съ винифтью; подушки и крылца бархатъ рытой зеленой, колца и ввяски серебряныя, золочены; тебенки и крылца того жъ бархату; кругомъ крыльцъ и тебенковъ галунъ серебряной; снасть тесма цвѣтная шолковая, наконешники серебряныя; стремена мѣдныя, золоченыя. Цѣна 30 руб.—Арчагъ, подушка и крылца, и тебенки, и луки и известь бархатъ червчатой, шиты волоченымъ золотомъ; огиби и ввяски серебряныя, вызолочены; снасть тесмы цвѣтныя

шелковыя; стремена мѣдныя, золочены. Цѣна 30 р. — Арчагъ Турецкой, луки высокія, оправа серебряная съ бирюзами, золочена; напои золотые вь яшмахъ съ искры яхонтовыми; на лукахъ 8 яшмъ съ искры яхонтовыми жъ; подушка и крылца шиты по бархату червчатому пряженымъ золотомъ и серебромъ; подъ ними войлоки, на войлокахъ опушка тафта рудожелтая; крылца бархатъ червчатой, шиты волоченымъ золотомъ и серебромъ; подпруги гарусныя широкія; стремена желѣзныя, насѣканы золотомъ и серебромъ» [2]).

1) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 31.
2) Опис. имущ. кн. Голиц. стлб. 143. 144.

Атласъ, отласъ (Араб. الطلس *атлас* знач. гладкій) шелковая глянцовитая гладкая ткань. Атласы были Венедицкіе или Виницейскіе, Кизылбашскіе, Китайскіе, Турскіе, Нѣмецкіе; одноцвѣтные, разноцвѣтные, золотные, аксамиченные, съ разными узорами. Въ началѣ XVII столѣтія аршинъ атласа съ золотомъ цѣнился въ 40 алтынъ [1]). Въ приходной книгѣ 1645 г. записано, что 29 сентября, на другой день послѣ вѣнчанія царя Алексѣя Михаиловича царскимъ вѣнцомъ, Вологодскій архіепископъ поднесъ ему, между прочимъ: «отласъ золотной двойной, по серебру шитье золото, мѣрою 9 арш. 6 вершк., цѣна 35 руб.; отласъ золотной по червчатой землѣ, мѣрою 9 арш. $1^1/_2$ верш., цѣна 35 руб.; отласъ гладкой алъ, мѣрою 10 арш. безъ чети, цѣна по 30 алт. аршинъ» [2]). Изъ атласа дѣлались: платна, опашни, кафтаны, ферези, чюги, зипуны, шубы, шубки столовыя, лѣтники, тѣлогрѣи, подлатники, тафьи, кики, шапки, полки (поля) у наурузовъ и шляпъ, рукава, рукавицы персчатыя, штаны, подолники у лѣтниковъ, подпушки у чюгъ и тѣлогрѣй, чулки, чеботы, башмаки, одѣяла, гривы у одѣялъ, наволоки на постеляхъ, взголовьяхъ и подушкахъ, завѣсы у постелей; по атласу вышивали и низали ожерелья, запястья, вошвы, нашивки и т. п. [3]).

1) Ист. Гос. Рос. т. X. прим. 426.
2) Вѣстн. Евр. 1827 г. № 15. стр. 163.
3) Описн. кн. 97 г. № 665; 190 г. № 140 и 150 г. № 679.— Вывѣсн. кн. 137 г. № 127.— Переписн. кн. 148 г. № 678; 181 г. № 145 и 189 г. № 148.

Багрецъ. См. **Сукно.**

Байберекъ, бамберекъ, банберекъ ткань изъ крученаго шелка, гладкая или съ золотыми и серебряными узорами [1]); по описямъ: Бухарская, Китайская, Турецкая. Названіе этой ткани происходитъ отъ Греч. βαμβάκηρος. Около половины XVII столѣтія аршинъ Турецкаго байберека цѣнился въ 30 алтынъ [2]). Изъ байберека шились: кафтаны, ферези, чюги,

тѣлогрѣи, верхи на рукавахъ [3]).—**Байберековый** сдѣланный или сшитый изъ байберека. «Верхней кафтанъ байберековой маковой, золотной холодной» [4]).

1) По Энциклоп. Лекс. т. IV (Спб. 1835) стр. 238: «Бамберекъ родъ Бухарской шелковой ткани, на которой въ ровномъ разстояніи по всей поверхности вытканы шишечки»
2) Описн. кн. 148 г. № 678. л. 271.
3) Описн. кн. 190 г. № 140 и Переп. кн. 189 г. № 148.
4) Вых. госуд. стр. 701.

Байдана, бадана (Араб. بدن *бадан* и بدنه *бадана* lorica curta ac brevis, по Арабско-Латин. словарю Г. В. Фрейтага, 1830 г.) доспѣхъ въ видѣ рубахи, изъ плоскихъ довольно крупныхъ колецъ, длиною до колѣнъ, съ рукавами до локтей и ниже. Если этотъ доспѣхъ былъ въ длину немного ниже пояса и съ рукавами выше локтей, то назывался *полубайданою*, *полубоданьемъ* [1]). «Бадана Мисюрская съ сеченымъ колцомъ, съ мишенью, безъ ожерелья; воротъ и рукава и по подолу пушена въ три ряда мѣдью золоченой» [2]). — «Полубайдана, на ней три мишени мѣдные, посеребрены» [3]).

1) Историч. опис. од. и вооруж. ч. 1. стр. 45. Сн. прим. 109. стр. LXVI.
2) Описн. кн. 97 г. № 665. л. 168.
3) Историч. опис. од. и вооруж. стр. LXXV.

Банделеръ. См. **Берендейка.**

Бармица. См. **Шеломъ.**

Бармы, рѣдко **барма,** драгоцѣнное, украшенное священными изображеніями, широкое оплечье [1]), которое, до временъ Петра Великаго, возлагали на себя русскіе государи при вѣнчаніи на царство и при другихъ торжественныхъ случаяхъ. Какъ принадлежность княжескаго и царскаго сана, бармы, вмѣстѣ съ золотою шапкою и такою же цѣпью съ крестомъ, были преемственнымъ наслѣдіемъ великихъ князей и царей русскихъ. Великій князь Іоаннъ Даниловичь Калита (1328 г.) завѣщалъ сыну своему Іоанну «коць великий зъ бармами», а другому сыну Андрею «скорлатное портище сажено зъ бармами» [2]); сынъ Калиты Іоаннъ (1356 г.) завѣщалъ также сыну своему Дмитрію бармы [3]). Тоже находимъ и въ послѣдующихъ завѣщаніяхъ великихъ князей: Димитрія Іоанновича (1389 г.) [4]), Василія Дмитріевича (1423 и 1424 г.) [5]), Василія Васильевича (1462 г.) [6]). Въ 1498 г. великій князь Іоаннъ III Васильевичь, благословляя внука своего Дмитрія Іоанновича «при себѣ и послѣ себя великимѣ княжествомъ», въ Успенскомъ соборѣ возложилъ на него шапку Мономахову и бармы [7]), которыя, по устраненіи Дмитрія отъ престола, сдѣлались достояніемъ другаго сына Іоаннова Василія Іоанновича (1502 г.) [8]); а сынъ послѣдняго Іоаннъ IV Васильевичъ, въ 1547 г., тор-

жественно «вѣнчанъ бысть прародителя его вѣнчаніемъ царя великаго князя Владимера Маномаха животворящимъ крестомъ и царскимъ вѣнцемъ и діадимою, еже древле тѣмъ животворящимъ крестомъ и вѣнцемъ царскимъ и діадимою вѣнчанъ бысть на царство Руское прародитель его князь великій Владимеръ» [9]). Изъ чиновъ вѣнчанія на всероссійское царство Ѳеодора Іоанновича (1584 г.) [10]), Михаила Ѳеодоровича (1613 г.) [11]), Алексѣя Михаиловича (1645 г.) [12]), Ѳеодора Алексѣевича (1676 г.) [13]) и, въ послѣдній разъ, Петра и Іоанна Алексѣевичей [14]) видно, что «по древнему царскому чину» были возлагаемы на нихъ бармы [15]).— Въ описяхъ, выходныхъ книгахъ и другихъ памятникахъ древней письменности бармы называются и *діадимами*, а по священнымъ изображеніямъ на нихъ—*святыми бармами*. Въ чинѣ вѣнчанія на царство Алексѣя Михаиловича читаемъ: «въ лѣто 1645 сентября въ 28.... великій государь царь и великій князь Алексѣй Михаиловичь.... изволилъ вѣнчатися царскимъ пресвѣтлымъ вѣнцемъ и святыми бармами, еже есть діадимою по древнему царскому чину.... А какъ пріиде время, и благочестивый государь царь и великій князь Алексѣй Михаиловичь.... послалъ изъ Золотые полаты на казенной дворъ по животворящій крестъ Господень и по святыя бармы.... и по весь царскій чинъ своего государева боярина Василья Ивановича Стрѣшнева.... А несли съ казенново двора царскій чинъ: протопопъ Стефанъ несъ святый животворящій крестъ Господень, въ немъ же древо святаго животворящаго креста Господня, да святыя бармы, еже есть царская діадима, да царскій вѣнецъ, еже есть шапка Манамахова, да чепь злату, а несъ на главѣ на златомъ блюдѣ, подъ драгою низаною пеленою съ драгимъ со многимъ каменіемъ, съ великою честію, со страхомъ и трепетомъ и со всяцемъ благоговѣніемъ и благочиніемъ, и тихо и зѣло стройно» [16]).— Въ 1822 году, близь с. Старой Рязани найдены бармы, заслуживающія особеннаго вниманія любителей отечественной старины. Онѣ состоятъ изъ одиннадцати круглыхъ, изъ чистѣйшаго золота бляхъ, украшенныхъ накладною, золотою же узорчатою сканью съ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Такихъ бляхъ, въ $3\frac{1}{2}$ дюйма въ діаметрѣ, находится на передней сторонѣ пять: на одной представлено изображеніе Богоматери съ Греческою подписью $\overline{\text{МР}}$ — $\overline{\text{ѲѴ}}$. По сторонамъ этой бляхи двѣ подобныя съ поясными изображеніями великомученицы Варвары и мученицы Ирины, какъ значится въ надписяхъ, идущихъ отъ верху къ низу: ВАР — ВАР и ОР — ИНА; надъ нею овальная бляха, въ $2\frac{2}{8}$ д. длины и $1\frac{7}{8}$ д. ширины въ діаметрѣ, на ней изображено Распятіе Спасителя съ предстоящими у креста Богоматерію и Іоанномъ Богословомъ, съ двума Херувимами надъ крестомъ и съ Греческою надписью по обѣ стороны креста ІΔОѴ О ѴІОС СѸ ІΔОѴ И $\overline{\text{МР}}$ СѸ. Двѣ крайнія бляхи на передней и

четыре на задней сторонѣ состоятъ только изъ украшеній драгоцѣнными, разной величины, камнями и жемчугомъ, которымъ обнизаны какъ среднія каймы, такъ и края бляхъ. На задней-же сторонѣ, надъ средними бляхами помѣщена односторонняя также круглая бляха, въ діаметрѣ $1^{4}/_{8}$ д., представляющая поясное изображеніе Богоматери (?), съ надписью ѧм — рнд. На двухъ самыхъ большихъ, въ $4^{5}/_{8}$ д. въ діаметрѣ, представлены поясныя изображенія князей (Бориса и Глѣба) въ вѣнцахъ, съ крестомъ въ правой рукѣ и въ крестчатой приволокѣ, а по бокамъ ихъ два украшенія изъ цвѣтовъ на поддонахъ; вѣнцы, одежды и цвѣты изъ синей финифти, равно какъ и одежды прочихъ изображеній. Всѣ бляхи съ проушинами, значитъ онѣ были навѣсныя [17]).

1) Митрополитъ Ефремъ «цѣлова образъ Спасовъ и образъ пречистыя Богородицы и животворящій крестъ и прочихъ святыхъ на святой бармѣ», говорится въ чинѣ вѣнчанія на царство Михаила Ѳеодоровича. Собр. госуд. грам. и догов. ч. III. стр. 72.

2) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 32.

3) Тамъ-же, стр. 41.

4) Тамъ-же, стр. 61.

5) Тамъ-же, стр. 81. 84.

6) Тамъ-же, стр. 206.

7) Собр. госуд. грам. и догов. ч. II. стр. 28.

8) Лѣтоп. по сп. Никон. ч. VI. стр. 167: «тояжъ весны (1502 г.) апрѣля 11, въ понедѣльникъ, князь великій Иванъ положилъ опалу на внука своего, на в. князя Дмитрея и на его матерь на в. княгину Елену, и отъ того дни не велѣлъ ихъ поминати в октеньяхъ и литіяхъ, ни нарицати великимъ княземъ, и посади ихъ за приставы.— Апрѣля 14, въ четвертокъ, князь великій Иванъ Васильевичь пожаловалъ сына своего Василія, благословилъ его и посадилъ на великое княженіе Владимерское и Московское и всеа Русіи самодержцемъ, по благословенію Симона, митрополита всеа Русіи».

9) Лѣтоп. по Ник. сп. ч. VII. стр. 50—52. — Царств. кн. Спб. 1769. стр. 129—132.

10) Собр. госуд. гр. и догов. ч. II. стр. 72—85.

11) Собр. госуд. гр. и догов. ч. III. стр. 70—87.

12) Др. Рос. Вивл. изд. 2. ч. VII. стр. 234—303.

13) Тамъ-же, стр. 304—371.

14) Тамъ же, стр. 407—477.

15) Тамъ-же, стр. 234. 241. 242. Сн. Полн. Собр. Зак. II. 47.

16) Др. Рос. Вивл. ч. VII. стр. 234. 241 и сл.

17) Письма К. Ѳ. Калайдовича къ А. Ѳ. Малиновскому. М. 1833. Ряз. древности Оленина.

Барсъ санная барсовая полсть. «Барсъ болшой санной, подложенъ бараномъ. — Барсъ *наметный* (то есть, которымъ покрывался осѣдланный конь), подложенъ бархатомъ алымъ Нѣмецкимъ» [1]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.

Бархатъ шелковая ткань съ лица ворсистая, а съ изнанки безворсная. Бархаты были: Бурскіе, Виницейскіе, Калмыцкіе, Кизылбашскіе, Китайскіе, Литовскіе, Нѣмецкіе, Турскіе, Флоренскіе; гладкіе, косматые,

петливатые, или петельчатые (неразрѣзные), рытые, съ вытисненными узорами, одноморхіе и двоеморхіе (съ двойною ворсою). «Бархатъ Венедитцкой, на золотой землѣ шолкъ червчатъ съ золотомъ и съ серебромъ, петлеватъ.— Бархатъ Виницейской, по золотной землѣ, по немъ травы золотныя и серебряныя петелчаты да травы морхъ червчатъ.—Бархатъ Турской, по золотной землѣ травы шолкъ червчатъ, листье серебряное. — Бархатъ Кизылбашской, по серебряной землѣ люди сидячіе и барсы и звѣри, шолки розные. — Бархатъ Кизылбашской рытой, по серебряной землѣ травы и листье, шолкъ алъ да вишневъ» [1]). Конечно эти-то сорты бархата и назывались въ старину аксамитомъ. Въ 1584 году аршинъ бархата Венедицкаго гладкаго стоилъ рубль; въ 1585 году аршинъ съ четвертью бархата Бурскаго «болшія земли» стоилъ 2 рубля, а аршинъ такого-же бархата «меншія земли» 40 алтынъ [2]). Въ XVII столѣтіи аршинъ бархата съ золотомъ цѣнился въ $1^1/_2$ рубля [3]), а бархата червчатаго и гладкаго по рублю [4]). Въ 1673 г. апрѣля 8, куплено для верховыхъ расходовъ 22 аршина двоеморхового червчатого бархату, цѣною по 9 руб. аршинъ [5]). Въ XVII-мъ же столѣтіи являются бархаты Московскаго дѣла. Кромѣ шелковаго употреблялся еще бумажный бархатъ или **бархатель**—нынѣшній плисъ. Изъ бархата дѣлались тѣже нарядныя одежды и украшенія, какія и изъ атласа. **Бархатный** сдѣланный или сшитый изъ бархата. «Шапка бархатная, ходилная. — Подножье бархатное, теплое». **Бархаченый** сдѣланный какъ бархатъ, на бархатное дѣло. «Вошвы шиты золотомъ и серебромъ лученчеты, бархочены черчатымъ да зеленымъ шолкомъ» [6]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665; 190 г. № 140; 150 г. № 679.
2) Дополн. къ Акт. Истор. т. I. стр. 200 и 193.
3) Ист. Гос. Рос. т. X. прим. 426.
4) Торг. кн. въ Зап. Рус. и Слав. Археол. т. I. отд. III. стр. 127.
5) Дополн. къ Акт. Истор. т. VII. стр. 122.
6) Вых. Госуд. стр. 126. 127 и мн. др. — Забѣл. Дом. бытъ рус. нар. т. II. стр. 37.

Баусъ драгоцѣнный камень «сизъ, голубъ, яхонтъ его имѣтъ». См. **Камни.**

Бахрама, бахрома (Араб. مقرمه *макрама*) шнуръ или тесьма съ обращенными въ одну сторону мохрами изъ нитей или прядей—золотыхъ, серебряныхъ, шелковыхъ, гарусныхъ. Пришивалась, для украшенія, къ краямъ одеждъ и уборовъ—иногда съ круживомъ, а иногда безъ кружива. У перевязи «по краемъ бахрома золотая съ переперы» [1]). У запястій рукавицъ «бахрома золотная; бахр. золото съ серебромъ; бахрома золотная съ звѣстками; бахр. лопусти канитель золотная» [2]). У кафтановъ «круживо ткано шолкъ червчатъ съ золотомъ, бахр. шолкъ зеленъ съ серебромъ;

круживо ткано золото съ зеленымъ шолкомъ, бахр. шолкъ червчатъ съ серебромъ; круживо шолкъ червчатъ золото съ серебромъ, бахр. шолкъ зеленъ съ серебромъ; круживо золотное съ серебромъ, бахр. шолкъ червчатъ съ серебромъ»[3]). У завѣсъ и завѣсныхъ подзоровъ бахрама *вязеная* съ кистми; бахр. золотная; бахр. *уская* шолкъ алъ да зеленъ. Завѣсъ тафта двоелишняя, кругомъ бахрама шолкъ алъ да желтъ; къ тому-жъ завѣсу подзоръ, а у него бахрама вязеная съ кистми, шелки желтъ да алой. Два подзора завѣсныхъ тафта двоелишная, у одного бахрама *длинная* шолкъ алъ да желтъ, а у другого подзора кругомъ бахрама уская шолкъ алъ да желтъ; вокругъ завѣса у дву полотнищъ бахрама уская шолкъ алъ да зеленъ.—Кругомъ ковровъ бахрама шолкъ зеленъ»[4]). Вокругъ попонъ, полстей, наметовъ бахромы гарусныя и шелковыя разныхъ цвѣтовъ[5]).— Въ сѣверныхъ описяхъ бахрамы называются **тряпками:** «ширинка по бѣлой тафтѣ шита золотомъ и серебромъ и шолками, тряпки червчатой шолкъ съ серебромъ. — Ширинка на полотнѣ шита золотомъ и серебромъ и шолки, съ науголники, тряпки шолкъ червчатъ. Двѣ ширинки на полотнахъ шолки шиты, тряпочки червчатые»[6]).

1) Забѣлинъ. Дом. бытъ рус. нар. т. II. матер. стр. 28.
2) Вых. госуд. стр. 287. 283—295.
3) Тамъ же, стр. 142. 153. 158. 195.
4) Оп. имущ. кн. Голиц. стлб. 80—84.
5) Тамъ же, стлб. 151. 152.
6) Оп. Сольвыч. Благов. собора 1579 г. въ арх. Имп. Археол. Общ.

Бахтерецъ, бехтерецъ доспѣхъ изъ стальныхъ, желѣзныхъ или мѣдныхъ пластинокъ, соединенныхъ кольцами въ нѣсколько рядовъ, съ разрѣзами на бокахъ и на плечахъ, съ подзоромъ или желѣзной сѣткой внизу. Боковые и плечные разрѣзы, для застегиванья, имѣли пряжи (пряжки) и запряжники или ремни съ металлическими наконечниками. Пластинки и подзоръ или опушка, пряжи, запряжники и наконечники иногда наводились золотомъ и серебромъ. «Бахтерецъ Кононова дѣла стальной, наведенъ черезъ рядъ золотомъ; опушка и пряжи и запряжники желѣзные золочены, наконешники серебреные рѣзные золочены»[1]). Бахтерцы дѣлались и безъ рукавовъ, и съ рукавами. Въ одной описи: «восмь рукавовъ бахтерцовыхъ стальные, немного поржавили. — Бехтерецъ Борисова плеча Ѳедоровича, по подолу въ двѣ доски золоченъ»[2]). Названіе этого доспѣха происходитъ изъ Монгольскаго ᠪᠠᠭᠲᠠᠷ *бектер*, по-персидски بکتر, означающаго доспѣхъ, у котораго на боковыхъ, нагрудной и спинной частяхъ было по нѣскольку рядовъ металлическихъ дощечекъ[3]).

1) Описн. кн. 195 г. въ арх. Оруж. Пал. л. 511.
2) Описн. кн. 97 г. № 665.
3) Зап. Археолог. Общ. т. II. стр. 353.

Башмаки шились изъ юфти и сафьяна; нарядные — изъ алтабаса, атласа и бархата разныхъ цвѣтовъ; унизывались жемчугомъ съ запанами и драгоцѣнными камнями; вышивались и строчились золотомъ, серебромъ и шелками; украшались круживомъ или бахрамою; подошвы и каблуки подбивались, какъ у сапоговъ, или сплошь или только по краямъ, гвоздями, а каблуки, сверхъ того, и скобками. Ихъ носили какъ мущины, такъ и женщины. Полагаютъ, что башмаки стали вводиться у насъ около XVII столѣтія. Названіе этой обуви Татарское: باشمق *башмак* знач. обувь. Въ описи платью и другой казнѣ царя Михаила Ѳеодоровича значатся: «башмаки хозъ яринной цвѣтъ, шиты золотомъ волоченымъ, скобы серебрены, въ нихъ чулки камка Кизылбашская еринной цвѣтъ, подвязки камка еринной же цвѣтъ».— «Башмаки сафьянъ жолтъ, подрядъ бѣлъ, пятки обшиты золотомъ.—Башмаки строченые по бѣлому сафьяну. — Башмаки низаны жемчюгомъ по червчатому бархату съ запаны» [1]).— У царицы Евдокіи Лукіановны были: «башмаки бархатъ червчатъ, рытъ, по рудожолтой землѣ низаны жемчугомъ мелкимъ; скобы серебряны. — Башмаки бархатъ червчатъ по рудожолтой землѣ, круживо кованое серебро съ пелепелы; скобы серебряны.— Башмаки съ чедыги, Крымское дѣло, шиты по отласу по червчатому золотомъ да серебромъ волоченымъ.—Башмаки отласъ бѣлъ гладкой, круживо ткано шолкъ алъ съ золотомъ, скобы желѣзныя» [2]). — У князей Голицыныхъ: «Четверы башмаки розныхъ бархатовъ и въ томъ числѣ одни шиты золотомъ и серебромъ; цѣна 10 алт. — Двои башмаки: одни бархатные, а другіе суконные красные; цѣна 3 алт. 2 д.» [3]).

1) Описн. кн. 138 г. № 128. — Вых. госуд. стр. 633. 4. 5 и др.
2) Описн. кн. 150 г. № 679.
3) Оп. имущ. кн. Голиц. стлб. 111. 168.

Безаръ, безуръ, безуй, заберзатъ. См. **Камни.** Въ 1613 г. дек. 13, «Государю въ хоромы (взято) въ коробочкѣ въ Нѣмецкой въ круглой 10 золотн. камени безару; 21 году марта 16, три камени безуръ, вѣсу въ нихъ 24 золотника безъ денги, цѣна 215 руб.» [1]). — «Камень безуй въ коробочкѣ» [2]).

1) Расх. кн. 122 г. № 717 и 124 г. № 903.
2) Забѣлинъ. Дом. бытъ Рус. цар. т. II. матер. стр. 48. — Торг. кн. ркп. гл. 48.

Безъ = Бязь.

Бенделеръ. См. **Берендейка.**

Бендъ или **бендь** (Перс. также بند *бенд* отъ بستن *бестен* связывать) означаетъ вообще связь. Въ нашихъ описяхъ бендями назывались плащи въ округленныхъ углахъ налучи и колчана; къ этимъ плащамъ прикрѣплялся или привязывался поясъ саадачный. Бенди были украшаемы драгоцѣнными камнями: «въ налучѣ бендь, а въ ней въ гнѣздѣ въ золотѣ камень алмазъ граненой, да изумрудъ граненой въ гнѣздѣ жъ золотомъ, двадцать семь яхонтовъ червчатыхъ» [1]). — Бенди привязочные у налучей, колчановъ и кишеней Бориса Годунова были серебряные, золоченые, съ концами наведенными финифтью или чернью; у колчановъ и налучей людскихъ саадаковъ — серебряные съ травами, наведенными чернью и рѣзными [2]). У саадачнаго лубья царя Михаила Ѳеодоровича бенди были серебряные, позолоченные съ зеленымъ финифтомъ или съ каменьями того же цвѣта, и просто серебряные, позолоченные [3]).

1) Описн. кн. 195 г. въ Арх. Оруж. Пал.
2) Описн. кн. 97 г. № 665.
3) Описн. кн. 148 г. № 678.

Бердышъ широкій и продолговатый, съ лезвіемъ въ видѣ полумѣсяца и съ копьемъ на верху, топоръ, насаженный на длинномъ древкѣ съ металлическимъ *втокомъ* или оковкою на нижнемъ концѣ. Бердыши были весьма разнообразны и употреблялись только пѣшими. По объясненію Вельтмана «бердышъ по-польски bardycz [1]) и bard есть одно изъ древнѣйшихъ рукопашныхъ оружій въ видѣ широкаго на длинномъ древкѣ топора, съ острыми рогами, какъ у луны; по этой причинѣ бердышъ и назывался у Римлянъ *lunata securis;* у Славянъ просто *сѣкирой*, у Готовъ Bart и Bardisan» [2]). «У Чеховъ и Венгровъ», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «Bard и Bart называется *косарь*, большой ножъ, сдѣланный изъ косы. Изъ этого земледѣльческаго орудія, насаженнаго на ратовище, образовалось бардище и *бердышъ*. У Франковъ бердышъ bardis(an) принялъ названіе partisane и pertuisane. Это было преимущественно оружіе наемныхъ тѣлохранителей» [3]). — Въ Руси бердыши царскихъ тѣлохранителей носили названіе *алебардъ*, которыми эти тѣлохранители были вооружаемы при разныхъ торжественныхъ случаяхъ. Такъ, 8 мая 1660 г., при встрѣчѣ Грузинскаго царевича Николая Давыдовича, «отъ проходныхъ сѣней до сѣней же, что передъ Грановитою полатою, стояли жильцы [4]) въ терликахъ въ бархотныхъ и въ обьяринныхъ и въ шапкахъ золотныхъ съ протозаны и съ олебарды, 62 человѣка» [5]); и 20 мая 1661 г., при встрѣчѣ цесарскихъ пословъ, когда они, «къ Грановитой полатѣ къ сѣнемъ пришли, и у сѣнехъ по крыльцу поставлено было жильцовъ 50 человѣкъ въ терликахъ розными

цвѣты, съ протозаны и съ олебарды» [6]). — «Бердышъ болшой прорѣзной съ обухомъ; цѣна 13 алт. 2 д. — Два бердыша болшихъ, на ратовищахъ зеленыхъ; цѣна 20 алт. — 88 бердышей, безъ ратовищъ; цѣна 4 р. 13 алт. 2 денги» [7]).

1) Linde Słow. jęz. polsk.: «**Bardysz, berdysz** kij z siekierą na kształt halabardy, *lunata securis*, die Streitaxt. Berdysz źle piszą, zamiast bardysz... Nasi krótką bronią od moskiewskich berdyszów zasłaniać się nie mogli. Siekierą, ktorą bardyszem zowią, głowę jego rozciął.... Piechota się berdyszem siekła.

2) Истор. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 66 и 67.—Вельтманъ Моск. Оруж. пал. слов. стр. 5.

3) Древн. Рос. Госуд. Отд. III. М. 1853. стр. 110 и XVIII.

4) *Жильцами* назывались дѣти боярскіе и дьячьи и подьяческіе. «Чинъ ихъ таковъ: для походу и для всякого дѣла, спятъ на царскомъ дворѣ, человѣкъ по 40 и болши, и посылаютъ ихъ во всякіе посылки; а будетъ ихъ числомъ съ 2000 человѣкъ. Да и всѣмъ боярскимъ и околничихъ и думныхъ людей дѣтемъ первая служба бываетъ при царскомъ дворѣ такова жъ, толко по породѣ своей одни зъ другими не ровны». Котош. О Россіи, изд. 2. стр. 21.

5) Др. Росс. Вивл. ч. VIII. М. 1789. стр. 128.

6) Тамъ-же, стр. 156. 157.

7) Оп. имущ. кн. Голиц. стлб. 135.

Берендейка деревянная, оклеенная кожею трубочка, съ донышкомъ и крышечкой, для помѣщенія пороха и пули, потребныхъ на одинъ зарядъ; зарядецъ. По нѣскольку такихъ зарядцевъ привѣшивалось къ *перевязи* или ремню, который надѣвался черезъ лѣвое плечо и назывался также *берендейкою*. Вельтманъ приводитъ выписку изъ описной книги 1687 г., гдѣ берендейка называется *бенделеромъ* и *банделеромъ* (Bandelier): «Двадцать банделеровъ мушкетныхъ. Да на дворѣ Никиты Ивановича Романова, сверхъ прежнихъ переписныхъ книгъ: пятдесятъ *ремней съ банделеры*, цѣна по 3 алт. по 2 денги, и того 5 рублей. Восмь сотъ *банделеровъ безъ ремней*, цѣна по 3 алт. по 2 денги за сто» [1]). Въ Воинскомъ уставѣ 1647 г. значится: «что о зарядцахъ, и въ томъ никому указывати немочно, потому многія розныя образцы; только перевязямъ доведется быти на три или на четыре перста шириною; а на ней (т. е. на перевязи) одинадцать зарядцевъ, а тѣмъ зарядцамъ доведется быть изъ цѣлаго древа точенымъ, а не склеенымъ, съ кровельками и кожею оклеены, и тѣ есть лучшія, потому что порохъ въ нихъ сухъ живетъ, и зарядцы передъ иными, которые мѣдные или жестяные и у которыхъ дна вставлены, долѣ живутъ.... Да у банделира, сирѣчь у перевяза, быти коженному мѣшечку, во что пульки и сало и пыжи и иное надобіе, чѣмъ мушкетъ чинить, класти» [2]). Висковатовъ говоритъ, что «у однихъ берендеекъ привѣшивались: сумка фетильная, т. е. для фитиля, сумка пулечная и рогъ для пороху; у другихъ была одна только сумка для пуль и рогъ, или въ замѣнъ его натруска, а фитиль наматывался

на ремень берендейки, около сумки. Рога и натруски дѣлались изъ дерева, кости, перламута, мѣди и серебра. Рога были всегда одинаковаго вида — къ одной сторонѣ широкіе, а къ другой узкіе, почти остроконечные; натруски же дѣлались разнообразно, но преимущественно круглыя» [3]).

1) Древн. Рос. Госуд. Отд. III. стр. 108.

2) Ученіе и хитр. ратн. строен. — Котошихинъ говоритъ, что «банделеры, какъ и другое «ружье: карабины и пистоли и олстры и мушкеты на царской обиходъ покупали в-ыныхъ государствахъ». О Россіи, изд. 2. стр. 90.

3) Истор. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 75 и 76.

Бечета драгоцѣнный камень «къ свѣту въ немъ какъ пузырьки». См. **Камни.**

Бешметъ (Тат. بشمت *бешмет*) стеганое полукафтанье, стеганая поддевка подъ кафтанъ. «Бешметъ камка Китайская дымчатая, подкладка киндякъ темномаковъ, у ворота пугвица обшивная, на рукавахъ 6 гапель; цѣна 2 р. 16 алт. 4 денги» [1]).

1) Оп. имущ. кн. Голиц. стлб. 68.

Бирюза драгоцѣнный камень небесно-голубаго цвѣта. См. **Камни.**

Боболевъ кутазъ, Боболевъ хвостъ, по объясненію Висковатова, большая, длинная кисть изъ шелка или шерсти, преимущественно бѣлаго цвѣта съ краснымъ; она вѣсилась на шнурѣ подъ шеею лошади [1]). В. Броневскій говоритъ, что «*бобылемъ* называли коня чисто бѣлаго» [2]), а *кутазъ* — Польск. *kutas,* означаетъ кисть. Но Сенковскій объясняетъ это иначе: онъ говоритъ, что словомъ *кутазъ* называется «особая порода быковъ, встрѣчающаяся въ Малой Бухаріи и Тибетѣ; она отличается особенно широкимъ и пушистымъ хвостомъ, который Бухарцы сравниваютъ съ хвостомъ туземныхъ и Крымскихъ барановъ. Изъ хвоста этихъ быковъ они дѣлаютъ *бунчуки* или волосяныя космы, которыя носятъ на своихъ штандартахъ; отсюда-то воинскіе хвосты у Оттомановъ и получили названіе *кутас* قطاس» [3]). Въ описи 1589 г. находимъ послѣ тулумбазовъ «два кутаза боболевы чорны; кутазъ боболевъ бѣлъ курчаватъ; 5 кутазовъ бѣлые нацвѣты; кутазъ боболевъ бѣлъ, чекма серебряна черезъ грань; 2 кутаза бѣлы, чекмы мѣдяные» [4]). У казаковъ **боболевъ хвостъ** есть одинъ изъ знаковъ атаманскаго достоинства, состоящій изъ древка, у коего, вмѣсто набалдашника, золотой шаръ, на верху украшенный двуглавымъ орломъ; бѣлый конскій хвостъ выходитъ изъ шара — знакъ этотъ въ войсковомъ кругу означаетъ волю [5]). Между предметами конскаго прибора у князей Голицыныхъ оказались: «нарядъ лошадиной тафтяной, плетенъ золотомъ и серебромъ по алому бархату; кутасъ, у него чашка мѣдная, позо-

лочена, лопасти розныхъ тафтъ; цѣна 6 рублевъ.—Нарядъ розныхъ отласовъ по червчатому бархату, оплетенъ серебромъ съ золотомъ, бахрама золотная; кутасъ деревянной, оплетенъ узлами Кафимскими, подъ кутасомъ и въ срединѣ и въ концахъ узлы Кафимскіе, кисти серебряныя; цѣна 15 рублевъ» [6]).

1) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 32.

2) Ист. Дон. войска. ч. III. Спб. 1834. стр. 119.

3) Baron G. de Meyendorf Voyage d'Orenbourg à Boukhara, fait en 1820. Paris, 1826 p. 341. Ср. Notices et extraits. t. XIV. pag. 495. Эти указанія сообщены В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ. О. Н. Бетлингкъ говоритъ, что упомянутая порода быковъ у Индѣйцевъ извѣстна подъ именемъ चमरी *чамари* bos grunniens. Хвосты этихъ быковъ называемые चामर *чамара*, по словамъ одного Индѣйскаго поэта, уступаютъ въ красотѣ только прекрасной косѣ жены бога Шивы; «если бы», говоритъ онъ, «въ сердцѣ животныхъ было чувство стыда, то *чамари*, при взглядѣ на эту прекрасную косу дочери Гималая, безъ сомнѣнія, меньше любовались бы своимъ хвостомъ». O. Böhtlingk, въ Indische Sprüche. Th. II. St.-Petersb. 1864. S. 188. По высокой цѣнности, *чамара* употребляется только владѣтельными или самыми богатыми людьми на опахала и на конскія головныя украшенія.

4) Описн. кн. 97 г. № 665 и 150 г. № 679.

5) Ист. Дон. войска, стр. 119. Нынѣ, по словамъ М. Г. Хомутова, бывшаго наказнымъ атаманомъ войска Донскаго, *бобылевъ хвостъ* состоитъ изъ древка съ золоченымъ копьемъ; къ нему на золотыхъ шнурахъ въ золотой сѣткѣ прикрѣпленъ лошадиный бѣлый хвостъ.—Въ описаніи путешествія Наслѣдника Цесаревича по землѣ войска Донскаго въ 1863 г. (см. Рус. Инв.) читаемъ: «Знаки атаманскаго достоинства: 2 бунчуга и 2 бобылевые хвоста были везены впереди Государя Наслѣдника къ собору (въ Новочеркаскѣ) офицерами л.-гв. атаманскаго полка; перначъ же (также знакъ атаманской власти), на приготовленномъ мѣстѣ, оставался въ войсковомъ кругу регалій».

6) Опис. имущ. кн. Голиц. стлб. 326.

Боканъ пурпуровая краска, добываемая изъ червеца (кошенили); но въ Торговой книгѣ говорится: «камень боканъ выбирать съ примѣтомъ какъ соболь доброй». См. **Камни.**

Болтъ самострѣльный. См. **Стрѣлы.**

Брань или **Бранина** узорчатая ткань, у которой нити основы прибираются особеннымъ счетомъ для составленія желаемаго узора. Употребляется для убрусовъ, скатертей, пологовъ и т. п. **Браный** сшитый изъ этой ткани. «Скатерти браныя; браный пологъ; полотенце браное» [1]).

1) Сахаровъ. Пѣсни Рус. нар. ч. V. Спб. 1839. стр. 383.— Акт. Юрид. стр. 266.— Оп. имущ. кн. Голиц. и мн. др.

Броня составляла главное прикрытіе воина, *оборонявшее* его отъ непріятельскихъ ударовъ. Была броня *досчатая:* бехтерецъ, зерцало, калантарь, кирисъ, куякъ, латы, юмшанъ; *колчатая:* байдана, колчуга, панцырь. Въ лѣтописяхъ упоминается о бронѣ подъ 968 годомъ: «вда Печенѣжьскый князь Притичю конь, саблю, стрѣлы; онъ же дасть ему брони, щитъ, мечь» [1]).

1) Новг. лѣтоп. по Синод. сп. стр. 19.

Брусъ знакъ военачалія въ видѣ каменной булавы, обтесанной углами. У Бориса Ѳеодоровича: «брусь аспиденъ; топорищо поволочено газомъ чорнымъ, по газу перевито серебромъ». Другой брусь аспиденъ; топорищо желѣзно, поволочено бересты жолты» [1]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.

Брюкишъ. См. **Сукно.**

Бряцары. См. **Ножны.**

Бугай верхняя одежда на мѣху. Покрой ея намъ неизвѣстенъ. Великій князь Іоаннъ Даниловичь (1328 г.) завѣщалъ сыну своему Андрею «бугай соболий съ наплечки съ великимъ женчугомъ съ каменьемъ» [1]). Нынѣ въ Галичскомъ уѣздѣ Костромской губерніи *бугаемъ* называется шубка безъ рукавовъ, въ отличіе отъ *шугая* или шубки съ рукавами.

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. 1. стр. 32.

Буздыханъ или **буздуганъ.** См. **Булава.**

Булава деревянный или металлическій жезлъ съ шаромъ или яблокомъ на верхнемъ концѣ; сперва — оружіе, потомъ знакъ военачалія или властительства. Вмѣсто шара или яблока, на концѣ властительскихъ жезловъ насаживались обушки, или брусы, клевцы, перья: отъ чего и самыя булавы назывались *обушками, брусями, клевцами, пернатами, шестоперами.* Въ описяхъ встрѣчается названіе пернатовъ *буздыханами* или *буздуганами:* «буздуганъ костеной шестерогранной, прорѣзной; цѣна 16 алт. 4 денги» [1]). У Турокъ и Татаръ بوزدغان *буздыган* означаетъ воеводскій жезлъ, у котораго яблоко набито острыми гвоздями. — Яблоко булавы дѣлалось изъ золота, серебра, булата, желѣза, хрусталя; украшалось бирюзою и драгоцѣнными камнями. «Булава и черенъ золотые, въ булавѣ и въ ободу и въ обручахъ камни: вверху изумрудъ, попорченъ, граненой, около булавы и обруча камни жъ, въ обручѣ камня нѣтъ; цѣна 200 руб.—Булава жъ серебреная, золочена, съ камни; цѣна 50 руб.» [2]). Гречане Дмитрій Ѳоминъ и Иванъ Петровъ били челомъ царю Михаилу Ѳеодоровичу булавами, оправленными серебромъ съ позолотою; одна изъ нихъ «съ каменьемъ съ бирюзами и съ винисами и съ яшмою, а въ яшмѣ искорки яхонтовыя, мелкія»; другая «съ бирюзами, вверху яшма, а въ ней 4 искры яхонтовыя» [3]). Въ оружейной палатѣ хранится болѣе 40 разныхъ булавъ, буздыхановъ, пернатовъ, и проч. Одни изъ нихъ достались государямъ по праву владѣнія, другіе получены изъ покоренныхъ странъ, иные присланы въ даръ отъ разныхъ владѣльцевъ. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: а) Новгородская булава, бывшая

знакомъ посадничества; б) Лифляндская; в) Казанская; г) Сибирская; д) гетмана Богдана Хмѣльницкаго, поднесенная имъ царю Алексѣю Михаиловичу въ 1654 году, при вступленіи Малороссіи въ подданство Россіи; е) Польскихъ конфедератовъ, принадлежавшая Ваврженкому; ж) хрустальная; з) Грузинскій буздыханъ, поднесенный царю Алексѣю Михаиловичу въ 1658 г. Грузинскимъ царемъ Теймуразомъ, въ изъявленіе подданства его со всею Грузіею; и) два желѣзные шестопера, отобранные въ 1675 г. у Калмыцкихъ тайшей.

1) Опис. имущ. кн. Голиц. стлб. 121.
2) Тамъ же, стлб. 218.
3) Переп. кн. 148 г. № 678.

Булавка спень съ головкою на одномъ концѣ и съ остріемъ на другомъ; употребляется для прикалыванія разныхъ уборовъ. «Три булавки зерна Гурмыжскіе на золотыхъ спняхъ, большіе, скатные. Четыре булавки зерна невелики Гурмыжскіе жъ — три на золотѣ жъ, а четвертая на серебрѣ» [1]). — Пять булавокъ убрусныхъ серебряные, золочены, з жемчюгами. — Три булавки съ орликами, на нихъ пять жемчюжковъ мѣлкихъ; да булавка жъ съ камешкомъ червчатымъ въ кожушкѣ (въ оправѣ): всѣ тѣ булавки серебреные» [2]).

1) Забѣлинъ. Дом. бытъ Рус. нар. т. II. Матер. стр. 44.
2) Изв. Имп. Археолог. Общ. т. III. стр. 60 и 63.

Бумажная шапка. См. **Шеломъ.**

Бумажникъ бумажная (набитая хлопчатою бумагою) постель, подкладываемая подъ пуховикъ. На бумажники надѣвались наволоки камчатныя, тафтяныя, байберековыя, атласныя и др. Въ 1627 г. окт. 26 «царицѣ скроенъ бумажникъ да зголовейцо въ камкѣ червчатой мелкотравной, пошло 11 арш. 1 верш., да въ простилку пудъ бумаги хлопчатой битой, а на зголовейцо камки 7 арш. 10 верш., да пуху лебяжія бѣлого 7 фунт.» [1]). — «Постеля бумажная; на постелѣ наволока отласъ по серебряной землѣ круги велики золоты, около круговъ шолкъ зеленъ, межъ круговъ крушки невелики золоты жъ, въ кружкахъ въ деревцахъ шолкъ алъ» [2]).

1) Кроил. кн. 136 г. № 746.
2) Описн. кн. 150 г. № 679.

Бутырлыкъ или поножи доспѣхъ, состоящій изъ трехъ выгнутыхъ желѣзныхъ или стальныхъ пластинъ, закрывавшихъ ногу всадника, отъ колѣна до подъема, и соединявшихся назади пряжками съ запряжни-

ками и наконечниками [1]). По объясненію Дорджи Банзарова, названіе этого доспѣха Турецко-Татарское بتورلق и значитъ «панталонникъ» или «наножникъ» [2]). Въ описи 1687 г. значатся: «Бутурлыки косые долики, Григорьева дѣла Вяткина, черезъ долъ золочены; пряжи и запряжники и наконечники серебряные, золочены; тесьма шолкъ червчатъ съ золотомъ и серебромъ; гвоздья серебряные репейчатые; кольца желѣзные; подложены отласомъ червчатымъ. — Бутурлыки стальные съ долами, черезъ долъ и около бутурлыковъ коймы наведены золотомъ травы; кольца и пряжи желѣзные; наконечниковъ нѣтъ; тесьма шолкъ червчатъ, зеленъ, съ золотомъ и серебромъ; гвозди серебреные горощетые, подложены отласомъ червчатымъ» [3]).

1) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 52.
2) Зап. Археол.-нумизм. Общ. т. II. Спб. 1850. стр. 354.
3) Древн. Рос. Госуд. отд. III. стр. 56.

Бязь или **Безъ** (Тат. بز) бумажная прочная ткань, въ родѣ толстаго миткаля [1]). Она привозилась изъ Хивы и Бухары; ее употребляли преимущественно на подкладку и подпушку кафтановъ, опашней и др. одеждъ, также на фаты, ширинки и т. п. «Кафтанъ Турецкое дѣло .... подложенъ тафтою зеленою да бязью бѣлою. — Кафтанъ сукно порпіанъ .... подпушенъ бязью». — «Зипунъ .... рукава подложены бязью». — У намета Турецкаго шатра .... «двѣ полы яринныя бязи» [2]). — **Безинный** сдѣланный изъ бязи. «Ѳата безинная синя, полосы бѣлые» [3]).

1) Писали *бязь* и *безь*: «рухлядь свою приказали Олешунѣ Селиванову полшестьдесятъ косяковъ *бези*» и проч. Ист. Гос. Рос. т. VI. прим. 603. — Въ Толков. слов. Даля: «*Бязь* Азіатская, Персидская и Бухарская ткань, бумажный холстъ, бурметь. Бязь въ торговлѣ двухъ сортовъ: простая *шиля*, лучшая *ханаги*й».
2) Описн. кн. 150 г. № 679 и 97 г. № 665. — Оп. имущ. кн. Голиц. стлб. 60. 317.
3) Забѣлинъ. Дом. бытъ Рус. нар. т. II. Матер. стр. 51.

Варворка = ворворка.

Варежки. См. **Рукавицы.**

Варенікъ камень «хотя красенъ, ино цѣлое мѣсто свѣтитъ бѣло, какъ и всякой хрусталь». См. **Камни.** «Серебрянаго ряду торговому человѣку за серги съ жемчюги, каменье варенники, рубль 16 алт. 4 денги» [1]).

1) Расход. кн. 160 г. № 816.

Венгерка. См. **Пищаль.**

Вениса = Виниса.

Веревка шнурокъ; обводка. «Петли и круживо сажены рясою, кругомъ веревка канительная. — Кругомъ каемъ веревочка литая» [1]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.

Вертлугъ стержень, шалнеръ (charnière), соединяющій двѣ пластинки такъ, что онѣ могутъ удобно поворачиваться взадъ и впередъ, или складываться и раскрываться. Въ духовной грамматѣ кн. Дмитрія Іоанновича (внука в. кн. Іоанна III) значится «поясъ золотъ на вертлизѣхь, рѣзанъ съ чернью» [1]). — У Бориса Ѳедоровича «у колчана чепь серебряна, золочена, на вертлугѣхъ, звончата» [2]).

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 407.
2) Описн. кн. 97 г. № 665.

Взголовье. См. **Зголовье.**

Виниса, вениса (ср. Перс.) драгоцѣнный камень, гранатъ, «а цвѣтъ у него красенъ, жидокъ». См. **Камни.**

Влагалище, лагалище, нагалище ящикъ или футляръ для храненія какой либо вещи. Во влагалищахъ хранились напр. кресты (влагалище крестовое), вѣнцы, серги, ожерелья, жезлы, зеркала и т. п. [1]). Въ 1667 г., при отпускѣ царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ пословъ Польскаго короля у царевича Алексѣя «шапку горлотную съ колпакомъ, и колпакъ болшой обнизной, и посохъ, и ожерелье низаное круглое во *влагалищѣ* бархатномъ несли въ Грановитую полату стряпчіе» [2]). «Оболочено два каптурные *лагалища* сафьяномъ червчатымъ, пошло 4 сафьяна, на подкладку 5 арш. дороговъ гилянскихъ зеленыхъ; а на другое 3 арш. киндяку жолтого, да на жуки на серебренье пошло 2 ефимка». «Скроено два *нагалища* на рясы низаные жемчюжные, въ тафтѣ червчатой, пошло тафты по 9 верш., на подкладки тафты жолтой по 9 верш., на настилку бумаги хлопчатой четь Ф.» — «Скроено (на хоромное зеркало) *лагалище* въ бархатѣ червчатомъ гладкомъ, пошло 5 верш., на подкладку полтретья верш. тафты алой» [3]).

1) Вых. госуд. стр. 8. 26. 149. 197 и др.
2) Тамъ же, стр. 484.
3) Кроил. кн. 158 г. № 811.

Волосникъ сѣтка или шапочка для уборки волосъ, съ обшивкою по околу. Въ описяхъ: «64 волосники золотныхъ; 3 волосники съ ошивками, везены золотомъ и серебромъ; волосникъ серебренъ; 2 волосника шолкъ червчатъ да зеленъ съ золотомъ, ошивка шита золотомъ» [1]).

1) Забѣлинъ. Дом. бытъ рус. нар. т. II. стр. 595 и Матер. 30. 42.

Ворворка, рѣже **варворка,** шарикъ на шнуркѣ или тесьмѣ надъ вотолкою кисти. Ворворки дѣлались золотныя, серебряныя, шолковыя, шерстяныя, нитяныя, часто жемчужныя, иногда съ камешками. «Поясъ тканъ шелкъ зеленъ з золотомъ і серебромъ крестовой; варворки серебряные литые позолочены, с камешками; пряжа (пряжка) и наконешникъ резные серебряные; четыре кисти золоты съ шелкомъ зеленымъ; даяние боярина Ѳедора Івановича Шереметева» [1]). У наузовъ Бориса Ѳедоровича Годунова: «ворворка золотная, по вотолки ворворки серебряны; — ворворки жемчюжные, а наверхъ ворворокъ по плящику серебряну золочену; — ворворка шолкъ червчатъ да бѣлъ». У ухватовъ его же: у одного «на столпцѣхъ по 5 кистей .... а по верху кистей 11 ворворокъ: 3 съ конителью да малыхъ ворворокъ у кисти по 8 ворворокъ низаны жемчюгомъ»; у другаго «на столпцѣ по 6 кистей, а у нихъ ворворки враны серебромъ» [2]). У однорядки его же «кисти Ирѣйскіе [3]), ворворки серебряны на Литовское дѣло»; у ферези «на вороту и на прорѣхахъ 12 завязокъ плоскихъ съ лопатками, шолкъ алъ съ серебромъ; кисти Ирѣйскіе; ворворки канительные золоты». У небольшихъ кистей иногда употреблялись, вмѣсто ворворокъ, драгоцѣнные камни и жемчужныя зерна: «наурузъ .... у него кисть золота да серебряна, за ворворки мѣсто яхонтъ лазоревъ. Вершокъ шапошной.... у него 2 кисти.... за ворворки мѣсто зерно жемчюжное, продолговато» [4]). — Въ сѣверныхъ описяхъ ворворки называются **соврулями** или **соврульками.** «Завязки з золотомъ да с серебромъ, двѣ соврули жемчюгомъ сажены» [5]). Осмнатцать кистей сканныхъ з золотомъ и с серебромъ и с шелкомъ и с соврулки. — Девятнатцать кистей шелковыхъ с сребромъ и золотомъ, а поверхъ кистей соврюлки жемчюгомъ обнизаны. — Поясъ шелковой разныхъ цвѣтовъ, при немъ четыре кисти шелковые, узлы серебряные, надъ ними и подъ ними восемь соврулекъ шелковые, шиты серебромъ; пряжка мѣдная. — Четыре кисти шелковые разныхъ цвѣтовъ, на нихъ четыре соврули шелковые, шиты мишурой и шелкомъ; пряжка желѣзная. — Поясъ нитяной, двѣ подвѣзи (завязки) и кисти и соврулки — все тканое; пряжка желѣзная» [6]).

1) Описн. кн. Кирил. Бѣлоез. мон. 1668 г. ркп. л. 384.

2) Описн. кн. 97 г. въ арх. Оруж. Пал. № 665.

3) Въ Дополн. къ Акт. Истор. т. I. стр. 199: «Завязки шолкъ бѣлъ съ золотомъ, на гирѣйское дѣло». — Въ описи имущ. царя Ивана Васильевича (Врем. кн. VII. отд. III. стр. 16): «Кушаки гирейскіе дымчаты».

4) Описн. кн. 97 г. № 665.

5) Оп. Сольвыч. Благов. соб. 1578 г. (въ арх. Археол. Общ.).

6) Писц. кн. г. Устюга 1683 г. и Оп. Глед. мон. 1756 г. Выписки изъ этихъ описныхъ книгъ сообщены извѣстнымъ Вологодскимъ археологомъ Н. И. Суворовымъ.

Вотола, вотолка головка кисти или чашечка, въ которой скрѣплены пряди кисти. В. кн. Димитрій Іоанновичь завѣщалъ сыну своему кн. Юрію «поясъ золотъ, Шышкина дѣла, вотола сажена» [1]). — «Наузъ шолкъ бѣлъ, на немъ вотолка плетена золотомъ, съ ворворками» [2]).

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. М. 1813. стр. 61.
2) Описн. кн. 97 г. № 665.

Вотола грубая, толстая ткань, дерюга, у которой основа посконная, а утокъ изъ льняныхъ охлопьевъ. Отсюда **вотоляный** сдѣланный или сшитый изъ этой ткани. «Облечеся (Исакій) въ власяницю и на власяницю свиту вотоляну» [1]).

1) Лѣтоп. по Лавр. сп. изд. 1872. стр. 189. — У И. И. Срезневскаго въ Матер. для слов. древнерус. языка приведено слѣдующее мѣсто изъ грам. митр. Кипр. Пск. «а мужи бы къ святому причастью во вотолахъ не приходили, но снимаа вотолы».

Вошва лоскутъ или вырѣзокъ дорогой ткани, пришиваемый, для украшенія, къ другой ткани. Какъ матеріею, такъ и цвѣтомъ вошвы всегда были отличны отъ тѣхъ тканей, къ которымъ пришивались. Въ духовной грамматѣ кн. Михаила Андр. Верейскаго (ок. 1486 г.) значатся: «кортель соболей, а вошва аксамитъ синь, да кортель соболей, а вошва аксамитъ чернъ; .... лѣтникъ объяри полосатъ, а вошва аксамитъ чернъ; лѣтникъ червьчатъ, а вошва аксамитъ синь; лѣтникъ цини (ценинный?) голубы, вошва аксамитъ чернъ; лѣтникъ камка зелена, вошва аксамитъ багрянъ; лѣтникъ отласенъ, вошва камка зелена з золотомъ [1]). Вошвы большею частію вышивались золотомъ, серебромъ и шелками, иногда съ канителью, трунцаломъ и перепелами; унизывались жемчугомъ съ драгоцѣнными камнями. У лѣтниковъ царицы Евдокіи Лукьяновны были «вошвы по бархату по червчатому низаны жемчюгомъ орлы и инроги съ канителью и съ трунцалы и съ нацвѣты. — Вошвы по бархату по черному низаны жемчюгомъ травы, межъ травъ въ золотыхъ гнѣздѣхъ 18 яхонтовъ лазоревыхъ да 41 яхонтовъ червчатыхъ, дробницы и репьи золоты, въ травахъ канитель цвѣтная съ зерны жемчюжными, промежъ травъ звѣздки золоты.—Вошвы по бархату по чорному шиты птицы и травы золотомъ съ серебромъ и съ шолки. — Вошвы стараго дѣла, дѣлано золото волоченое, по нихъ столбцы низаны жемчюгомъ. — Вошвы бархатъ золотной петельчатой. — У роспашницы «вошвы по бархату по чорному шиты золотомъ да серебромъ травы, межъ травъ орлы и инроги и птицы и листье, аксамичено». У кортлей «вошвы шиты по атласу червчатому травы золотомъ да серебромъ» [2]). У торлопа «вошвы бархатъ на золотѣ шолкъ червчатъ да зеленъ» [3]). У сѣдла

Бориса Ѳедоровича «крылца и вошвы шиты золотомъ и серебромъ по бархату по черному». У тулумбаза «вошва по бархату по червчатому да по лазоревому мѣсты шиты шолки, промежъ шолковъ писано золотомъ». — Вошивка шита золотомъ и серебромъ волоченымъ. — *Вошивка* нахтермянная [3]).

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 302 и 303.

2) Описн. кн. 150 г. № 679. У лѣтниковъ царевны Софіи Алексѣевны, Переп. кн. 181 г. № 145; царицы Агаѳіи Симеоновны, Переп. кн. 189 г. № 148.

3) Описн. кн. 97 г. № 665.

Вощага. См. **Тулумбазъ.**

Враный плетеный (отъ *вирать* плести) [1]). В. кн. Іоаннъ Іоанновичь (1356 г.) завѣщалъ сыну своему Дмитрію «чепь золоту великую врану съ крестомъ золотымъ»; такую же «чепь золоту врану съ крестомъ» и другому сыну, Ивану [2]). Въ духовной кн. Василія Іоанновича (1509 г.) записаны «двѣ чепи золоты: одна врана, а другая огнивчата съ колотками» [3]).

1) Въ Новгородской губерніи можно и нынѣ слышать выраженіе «вирать лапти». Отъ *вирать* произошло также *обвирать*, *обвиранный:* «петли серебряны, концы обвираны золотомъ» (Оп. кн. 97 г. № 665).

2) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 40.

3) Тамъ же, стр. 407.

Выбойка крашеной холстъ съ набивнымъ узоромъ. «Ѳата цвѣтная выбойка турская. — Дуркѣ Катеринѣ сдѣлана тѣлогрѣя въ выбойкѣ по лимонной землѣ, пошло 8 арш. 1 верш. по 5 алт.» [1]).

1) Забѣлинъ. Дом. бытъ рус. нар. т. II. Матер. стр. 46. 83.

Вѣнецъ царскій головное украшеніе, состоящее изъ золотого окола и такой же тульи, украшенныхъ бурмицкими зернами и драгоцѣнными камнями, съ крестомъ на верху; это — одна изъ утварей царскаго сана (регалій). Въ описи государеву большому наряду царя Михаила Ѳеодоровича (1642 г.) значится «вѣнецъ золотъ съ каменьемъ: съ олмазы и съ яхонты червчатыми и лазоревыми и съ лалы и с-ызумруды и съ зерны гурмышскими»; въ росписи каменьевъ этого вѣнца, присланной думнымъ дьякомъ Ив. Грамотинымъ, показано: 561 алмазъ, 148 бурм. зеренъ, 19 лаловъ, 72 изумруда и 161 яхонтъ, и самый вѣнецъ названъ *коруною* новою [1]). У царя Ѳеодора Алексѣевича былъ «вѣнецъ царской золотъ съ запаны; на немъ крестъ золотъ, въ крестѣ 24 алмаза, да на верху и по сторонамъ и подъ крестомъ 4 зерна гурмыцкихъ; да въ вѣнцѣ жъ яхонтъ червчатъ великъ, да 3 яхонты лазоревы велики, гранены; 20 яхонтовъ

лазоревыхъ менши тѣхъ, 118 яхонтовъ червчатыхъ да 4 изумруда велики, 36 среднихъ и меншихъ, 16 лаловъ, 539 алмазцовъ и искорокъ алмазныхъ, 110 зеренъ гурмыцкихъ; подъ запаны и подъ дугами тесмякъ золотъ съ шемаханскимъ шолкомъ; подложенъ отласомъ червчатымъ. Влагалище деревянное, сверху оклеено бархатомъ чорнымъ» (Помѣчено: 190 г. іюня въ 20 день съ сего вѣнца изъ-подъ креста зерно гурмыцкое снято на крестъ же на Мономахову шапку великого государя царя и великого князя Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца [2]). Царскіе вѣнцы назывались также *шапками*. При поставленіи на в. княжество кн. Дмитрія Іоанновича (4 февр. 1498 г.), среди Успенскаго собора былъ поставленъ «налой, а на немъ положили *шапку* да бармы, да покрыли ширинкою»;... митрополитъ «велѣлъ къ себѣ принести шапку двѣма архимандритомъ; да вземъ митрополитъ у архимандритовъ шапку, далъ еа великому князю.... и князь великій положилъ шапку на внука;.... а князь великый Дмитрей въ шапкѣ и въ бармахъ изъ Пречистыа пошелъ въ двери, что отъ площади, къ Архангелу» [3]).—Шапкою называется знаменитый вѣнецъ Владимира Мономаха, который между утварями царя Ѳеодора Алексѣевича описывается такъ: «*шапка* царская золотая, сканная, *Мономахова;* на ней крестъ золотъ, гладкой, на ней по концамъ и въ исподи 4 зерна гурмыцкихъ; да въ ней каменья въ золотыхъ гнѣздахъ: яхонтъ жолтъ, яхонтъ лазоревъ, лалъ, изумрудъ, 2 бирюзы, кора яхонта лазореваго, 4 винисы, 28 зеренъ гурмыцкихъ на золотыхъ спняхъ; околъ соболей, подложенъ отласомъ червчатымъ. Влагалище деревянное, оклеено сверху и изнутри бархатомъ червчатымъ съ голуномъ золото съ серебромъ; крючки и петли серебряные гладкіе» [4]). Объ этой шапкѣ Карамзинъ замѣчаетъ: «Въ Оружейной Московской Палатѣ хранятся: такъ называемая *Мономахова златая шапка* или корона, цѣпь, держава, скипетръ и древніе бармы, коими украшаются самодержцы наши въ день своего торжественнаго вѣнчанія, и которые дѣйствительно могли быть даромъ императора Алексія (Владимиру Мономаху). Мы знаемъ, что и въ X вѣкѣ государи Россійскіе часто требовали царской утвари отъ Византійскихъ императоровъ; знаемъ также, что великіе князья Московскіе XIV столѣтія отказывали въ завѣщаніяхъ наслѣднику трона нѣкоторыя изъ сихъ вещей, сдѣланныхъ въ Греціи (какъ то свидѣтельствуютъ надписи оныхъ и самая работа» [5]). Но А. Ѳ. Вельтманъ полагаетъ, что «животворящій крестъ и наслѣдственный царскій чинъ присланы, по уставному повсемѣстному обычаю (?), Греческими императорами (Василіемъ и Константиномъ) первовѣнчанному царю и великому князю Владимиру Кіевскому» (равноапостольному, а не Мономаху). Онъ старается доказать, что «сохранность царскаго чина (т. е. златаго вѣнца, святыхъ

бармъ, державы и крещатой цѣпи при животворящемъ крестѣ), съ 988 года по настоящее время, могла бы подлежать сомнѣнію, еслибъ рядъ положительныхъ свидѣтельствъ не подтверждалъ, что онъ сбереженъ и въ гибельную эпоху разгрома Россіи Татарами, и въ Московскую поруху 1611 и 1612 годовъ»[6]). Въ недавнее время В. Регель, на основаніи сообщаемыхъ имъ изслѣдованій и соображеній относительно такъ называемой шапки Мономаховой, хранящейся въ Московской Оружейной Палатѣ, утверждаетъ, что «la forme et le travail du «bonnet de Monomaque» indiqueraient qu'il n'avait jamais vu Byzance (?). Il est plutôt d'origine orientale barbare et pareillement à la couronne de Kazan, conservée au Palais des Armures, il doit provenir du Volga ou des contrées avoisinantes de la Mer Caspienne (?).... Il est bien probable (?) que ce «bonnet» précieux fût envoyé en don à un des grands-ducs russes par un khan tartare. Avec le temps il subit différents changements, la partie inférieure, le bonnet proprement dit, fut perdu et il ne restait plus que la partie supérieure formée de huits plaques d'or. Quand les grands-ducs prirent le titre de tsar ils complétèrent le bonnet par la coiffe surmontée d'une croix correspondante à une couronne impériale. Sous cette forme modifiée le «bonnet» primitif tartare a été conservé jusqu'à nos jours comme couronne des tsars. C'est donc commettre une erreur en voulant identifier le «bonnet de Monomaque» avec la couronne qui fut envoyée de Byzance à Vladimir le Saint. La dernière a dû périr avec les autres ornements lors de la prise et du pillage de Kiev par les Tartares en 1240. Le «bonnet de Monomaque» est d'origine beaucoup plus récente. Il doit appartenir aux XIII—XV siècles et il semble que c'est lui qui est mentionné pour la première fois en 1356 dans le testament du grand-duc Ivan II simplement comme «шапка» (bonnet). Ce n'est qu'à partir du XVI s. que la légende le précisa sous le nom de «bonnet de Monomaque»[7]).

Вѣнцы *царскіе* носили и царицы. Въ описаніи царскаго свадебнаго чина Котошихинъ говоритъ: «Царь со всѣмъ своимъ поѣздомъ ходитъ къ царицѣ, а царица въ то время бываетъ во всемъ своемъ одѣяніи и въ вѣнцѣ царскомъ» [8]).

1) Описн. кн. 150 г. № 681 л. 5.
2) Описн. кн. 190 г. № 140.
3) Уст. церк. (собр. Погод.) ркп. Публ. Библ. л. 284 и сл.
4) Описн. кн. 190 г. № 140.
5) Ист. Госуд. Рос. т. II. изд. 2. стр. 153.
6) Моск. Оруж. Пал. изд. 1860. стр. 27. 30—36.
7) Anal. Byzant.-Russ. ed. W. Regel. Petrop. 1891. p. XCVI. XCVII.
8) О Россіи, изд. 2. 1859. стр. 10.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Вѣнецъ дѣвичій нарядный головной уборъ [1]), состоящій изъ золотой или серебряной, прорѣзной *цки*, усаженной жемчугомъ и драгоцѣнными камнями и обнимающей голову въ видѣ кольца или обруча; верхній край ея украшался замысловатыми фигурами въ видѣ зубцовъ, репьевъ, теремовъ, звѣздокъ и т. п.; къ нижнему краю привѣшивалась спереди жемчужная *поднизь;* по сторонамъ, близъ ушей, прицѣплялись *рясы*, а сзади пришивался *косникъ*. Верхъ вѣнца оставался открытымъ. Этою особенностью дѣвичій вѣнецъ отличался отъ головныхъ уборовъ замужнихъ женщинъ. Князь Михаилъ Андр. Верейскій (около 1486 г.) назначаетъ дочери своей Маріи «вѣнецъ царской зъ городы да съ яхонты да съ лалы да зъ зерны съ великими; другой вѣнокъ низанъ великимъ жемчюгомъ... рясы съ яхонты да съ лалы, колтки золоты съ яхонты» [2]). Подробности этого головнаго убора можно видѣть въ слѣдующихъ описаніяхъ его: «Вѣнецъ теремчатъ о десяти верхѣхъ, дѣланъ по золотой *цкѣ* травы прорѣзные съ финифты съ розными; а въ вѣнцѣ въ нижнихъ теремахъ въ золотыхъ гнѣздехъ три яхонта червчаты гранены да три яхонта лазоревы да четыре изумруда гранены; да въ верхнихъ теремахъ въ золотыхъ же гнѣздехъ четыре яхонта червчаты да три яхонта лазоревы да три изумруда четвероугольны; около верхнихъ и нижнихъ теремовъ и на низу обнизано жемчюгомъ; поверхъ теремовъ на спняхъ десять зеренъ гурмыцкихъ; подложенъ тафтою червчатою. *Поднизь* по отласу по червчатому низана жемчюгомъ большимъ и среднимъ; межъ жемчюгу звѣздки золоты; у поднизи въ пяти репьяхъ жемчюжныхъ пять звѣздъ золоты четвероугольные, а въ гнѣздѣхъ три яхонты червчаты да два изумруда; по сторонамъ у поднизи по репейку жемчюжному, а въ нихъ два изумрудца невелики; да межъ большихъ репьевъ четыре репьи жемчюжныхъ безъ каменья; у поднизи на привѣскахъ 31 зерно гурмыцкихъ на золотыхъ спняхъ. *Рясы* жемчюжные, у рясъ колодочки и колца серебряны золочены съ финифтомъ съ червчатымъ, межъ рясъ и по концамъ 6 яхонтовъ лазоревыхъ да 6 лаловъ. *Косникъ* по цкѣ серебреной золоченой низанъ жемчюгомъ репьи; ворворка низана жемчюгомъ, кисть золота съ шолкомъ съ червчатымъ» [3]). Таковъ былъ нарядный головной уборъ царевенъ и княженъ. Его носили также дочери бояръ и даже богатыхъ простолюдиновъ, но большею частію онѣ употребляли *перевязку*, которая, по украшеніямъ, иногда дѣлалась похожею на вѣнецъ и даже называлась *вѣнцемъ* и *коруною*. См. **Перевязка.**

1) Котошихинъ. О Россіи, стр. 6: Къ царскому бракосочетанію «новую царевн прикажетъ (царь) нарядити во все царственное одѣяніе, опричь короны, а положатъ на нее *вѣнецъ дѣвичей*.

2) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 303.

3) Описн. кн. 138—144 г. № 672. л. 125.

Гагатка запястье, браслетъ изъ гагата. «Перло в три нитки мелкого жемчугу, з гагатками» [1]).

1) Зап. Археолог. Общ. т. XI. Спб. 1865 г. стр. 597. — *Гагатъ* надобно отличать отъ *агата: агатъ* (agate) камень, слоистый халцедонъ, иногда содержитъ аметисты; бываетъ разныхъ цвѣтовъ — синеватый, темнокрасный, бѣлый; а *гагатъ* (gagate, jayet) отвердѣвшая горная смола, похожая на каменный уголь, съ сильнымъ блескомъ; у ювелировъ извѣстенъ подъ названіемъ *чернаго янтаря* (schwarzer Bernstein).

Гаитанъ, гоитанъ (Тур. غيطان гайтан) снурокъ. «Манисто на гайтанѣ» [1]). «На чепочкѣ въ манистѣ на гоитанѣ понагѣя золота.... на манистѣ жъ, промежъ понагѣй и крестовъ на гоитанѣ двѣ прониски золоты». «Гаитанъ шолкъ шемоханской съ золотомъ, 23 алт. 2 денги» [2]).

1) Собр госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 339.
2) Описн. кн. 134 г. № 668 и Расходн. кн. № 924.

Галунъ, голунъ тесьма или лента золотная, серебряная, мишурная, шолковая или гарусная, узорчато сотканная. Употреблялся для обшивки и украшенія одеждъ и другихъ предметовъ; замѣняетъ круживо. «Кафтанъ дождевой съ голуномъ золотнымъ» [1]).—«Рукавки перщатые.... кругомъ голунъ золотной» [2]). «Кафтанъ возничей.... по немъ галунъ серебреной». — 7 каптуровъ.... розшиты галунами гарусными. — Платъ бархатной таусинной, кругъ его галунъ шолковой. — Завѣсъ двойной на двѣ полы.... на полахъ во шти мѣстехъ пришиванъ галуномъ золотнымъ» [3]).

1) Описн. кн. 190 г. № 140.
2) Переп. кн. 189 г. № 148.
3) Оп. имущ. кн. Голиц. стлб. 150. 151. 158. 310 и мн. др.

Гамалейка мѣшечекъ, сумка. Ср. **Амагиль.** «Гамалейка турецкаго дѣла» [1]).

1) Оп. кн. 190 г. № 140.

Ганчеръ = Кончаръ.

Гапель (Араб. حبل *хабель*) бляшка съ крючкомъ для застегиванья, застежка. Въ описяхъ значатся: у кафтана «вверху, гдѣ бываютъ пугвицы, гапелка серебреная неболшая съ петлею»; у другихъ кафтановъ на рукавахъ — по 2, по 3, по 4, по 5 и по 6 гапель; у одного зипуна — «серебреныхъ 10 гапель съ петли»; у другаго «4 гапли»; у емурлука — «у длинной нашивки гапли бѣлыя, а у короткой нашивки гапли съ финифтью»; у бешмета — «на рукавахъ 6 гапель» [1]).

1) Оп. имущ. кн. Голиц. стлб. 59. 60. 64—68. 70. 202. 203.

Гнѣздо металлическая ямочка, въ которую вставляется драгоцѣнный камень или жемчужное зерно. Гнѣзда дѣлались и съ гладкими, и съ зубчатыми краями. «Во образцѣхъ (шапки вставлено) по бирюзѣ въ гнѣздѣхъ въ золотыхъ; въ звенѣхъ (серебряной золоченой цѣпи) по берюзѣ въ гнѣздѣхъ, а гнѣзда серебряны золочены; по вѣнцу (шлема) 4 изумруды да 4 яхонты лазоревыхъ да 4 лалы, всѣ въ гнѣздѣхъ золотыхъ» [1]). «Межъ жемчюгу (чеботовъ) каменье въ золотыхъ гнѣздѣхъ, по лалу да по 3 яхонта лазоревыхъ да по 5 изумрудовъ; въ привѣскѣ (золотаго пера) 5 алмазовъ въ гнѣздахъ» [2]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.
2) Описн. кн. 190 г. № 140.

Гоитанъ = Гаитанъ.

Голомень или голомя боковая, плоская сторона полосы у меча, сабли, палаша, кончара, тесака и кинжала [1]).

1) Истор. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 59. 61. 63. 64. LXXXII. LXXXIII. LXXXV.

Городы 1) выемка въ видѣ сплошныхъ зубцовъ или полукруговъ на краяхъ круживъ; 2) въ вышиваньѣ узоръ такого же вида. «Ферези теплые, ... обнизь съ городы» [1]).

1) Вых. госуд. стр. 137. 138.

Грива 1) плетеная изъ пряденаго золота или серебра сѣтка, которою покрывали гриву лошади для украшенія. «Грива круживо серебряное, нашивано по черной тафтѣ, съ бахрамою золотною; цѣна рубль 16 алт. 4 д.» [1]).— 2) обшивка одѣялъ спальныхъ и санныхъ; дѣлалась изъ объяри, атласа, тафты; обводилась золотнымъ галуномъ; украшалась жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Въ 1626 г. октября 22, отъ царицы изъ хоромъ принесена «*одѣвалная* грива, по отласу по червчатому низаны травы жемчюгомъ, межъ травъ въ гнѣздѣхъ 22 яхонты лазоревыхъ да 25 изумрудовъ да 7 лаловъ; подкладка киндякъ лазоревъ. Да одѣвалныхъ же три каймы низаны жемчюгомъ по атласу по червчатому. И та грива и каймы у государева у большого одѣяла» [2]). Одѣяльныя гривы назывались и *огривками*, и *загривками:* «одѣяло хребты песцовые, поволочено зенденью тмосинею; огривокъ зендень тмозелена» [3]). «Одѣяло горностайное, покрыто камкою Кизылбашскою цвѣтною; загривокъ отласъ золотной, по зеленой землѣ шолкъ красной съ бѣлымъ» [4]).

1) Опис. имущ. кн. Голиц. стлб. 151.
2) Прих.-расх. кн. 135 г. № 737. — Описн. кн. 190 г. № 140 и др.
3) Забѣлинъ. Дом. бытъ Рус. нар. т. II. Матер. стр. 53.
4) Врем. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос. кн. XV. отд. II. стр. 55.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Гривна шейное украшеніе, состоявшее изъ металлическаго кольца или обруча, большею частію съ постепеннымъ утонченіемъ его къ сходящимся назади концамъ. Гривны были золотыя, серебряныя и мѣдныя; гладкія, съ гранями и витыя жгутомъ или искусно сплетенныя изъ проволокъ; мѣдныя гривны обвивались серебряною проволокой. Подобныя украшенія видѣлъ въ Царьградѣ одинъ изъ спутниковъ митроп. Пимена; описывая вѣнчаніе на царство Мануила Палеолога (1391 г.) онъ говоритъ, что изъ присутствовавшихъ на этомъ торжествѣ въ Софійскомъ храмѣ «на персехъ ношаху овіи жемчюженъ, овіи *обручь златъ на шіи*, овіи чѣпъ злату на шіи и на персехъ» [1]). Въ тверскомъ музеѣ хранятся: шейная гривна въ видѣ кольца изъ сплава серебра съ цинкомъ, вѣсомъ 34 зол., въ діаметрѣ $7^1/_2$ англ. дюйма, толщиною въ 2 л.; поверхность ея имѣетъ видъ граней (фасетовъ); она застегивается крючкомъ въ петлю изъ того же куска металла, изъ котораго сдѣлано кольцо, съ утонченіемъ онаго къ сходящимся въ видѣ крючка и петли концамъ; на одномъ концѣ сохранилась часть спирально обвивающей его серебряной плоской проволоки, а на другомъ остались слѣды такой же проволоки. — Серебряная гривна, вѣсомъ 50 зол., въ діаметрѣ 5 в.; она сдѣлана изъ одного прута съ гранями, концы котораго образуютъ крючекъ съ петлею и обвиваютъ спирально гривну. — Мѣдная шейная гривна, въ діаметрѣ 4 в., витая изъ двухъ проволокъ, въ діаметрѣ каждая $^1/_{10}$ д.; концы ея оканчиваются пластинками съ крючками для застежки [2]). Въ древнѣйшія времена гривны служили не только украшеніемъ, но и наградою за воинскіе подвиги и другія заслуги; позднѣе, и даже одновременно съ гривнами, носились *цѣпи*, которыя всегда разнились отъ гривенъ. Въ народныхъ былинахъ сохранилось преданіе о Владимировомъ богатырѣ Александрѣ съ золотою гривною [3]). Лѣтопись говоритъ, что «в лѣто 6508 (1000) пріиде Володаръ с Половцы х Кіеву; и изыде нощію во стрѣтеніе имъ Александръ Поповичь и уби Володаря, и бра его, и иныхъ множество Половецъ изби, а иныхъ в поле прогна. И се слышавъ Володимеръ, и возрадовася зѣло, и возложи на нь гривну злату» [4]). Въ повѣсти о убіеніи князя Бориса (1015 г.) говорится, что вмѣстѣ съ княземъ убитъ былъ и слуга его Угринъ Георгій, «его же любляше повелику Борисъ, бѣ бо възложилъ на нь гривну злату велику, в ней же предъстояше предъ нимь. Георгіеви же сему не могуще вборзѣ сняти гривны съ шіѣ, усѣкнуша главу его, и тако сняша гривну» [5]). Въ 1591 г., послѣ бѣгства Крымскаго хана Казыгирея изъ-подъ Москвы, п. Ѳеодоръ Іоанновичь въ радости и веселіи мнозѣ, «пріемлетъ отъ своея царьскія выя златокованную *чепь*, ея же ношаше в почесть великого своего самодержавнаго царьствія, и возлагаетъ на выю достохвальному своему воеводѣ Борису Ѳедоровичю, достойную честь побѣдѣ его воздая»; такъ

говоритъ лѣтописецъ [6]); а въ грамматѣ объ избраніи на царство Бориса Ѳедоровича объявляется, что царь «снемъ съ себя царскую свою *златую гривну*, возложи на выю шурина своего Бориса Ѳедоровича» [7]). — На восточное происхожденіе этого украшенія указываетъ самое его названіе, взятое отъ Санскр. ग्रीवा *грива*. Въ славянскомъ переводѣ книгъ Ветхаго Завѣта гривна встрѣчается 12 разъ; этимъ словомъ переведены Греческія: ὅρμίσκος, (Быт. 38, 18. 25), κλοιὸς (42. Притч. 1, 9. Сир. 6, 25. 30), ψέλιον (Числ. 31, 50), μανιάκης (Дан. 5, 7. 16. 29), κάθεμα (Іезек. 16, 11), μηνίσκος (Ис. 3, 18). Такъ какъ при большей части приведенныхъ словъ находится прибавленіе «на выи» или «окрестъ выи» (περὶ τὸν τράχηλον), то очевидно, что гривною называлось именно украшеніе, носимое на шеѣ. Названіе μηνίσκοι (Слав. *луницы* гривенныя) означаетъ видъ гривны, обнимавшей шею и лунообразно спускавшейся на грудь. Это подтверждаютъ и слова изъ харатейной рукописи 1263 г.: «аще се прилучить ему (смерду или нищему) и кнеза видѣти, сѣдеща въ сра(чи)цѣ бисромь покыданѣ, гривну *цетаву* [8]) на выи носяща и обручи на руку, поясомъ вълръмитомъ поясана, и мьчь златъ при бедрѣ висѣщъ, и оба полы его болѣры сѣдеще въ златыхъ гривнахъ и поясахъ» [9]). — Изъ словъ духовной грамматы Іоанна Даниловича Калиты: «дчери своей Фетиньи чело и гривну, то есмь далъ при собѣ» [10]), видно, что гривна служила и женскимъ украшеніемъ. Въ 1838 г., въ курганахъ при с. Верхогрязьѣ Звенигор. уѣзда на женскихъ остовахъ найдены: жгутъ мѣдный, витый изъ трехъ проволокъ, найденъ около шеи; жгутъ изъ мѣдной же проволоки, найденъ около шеи; ожерелье изъ красныхъ сердоликовъ четырехугольной продолговатой формы и бѣлыхъ круглыхъ. Ожерелье находилось около шеи, подъ жгутомъ [11]). Подобныя находки были въ Волынской, Кіевской, Орловской и Смоленской губерніяхъ [12]).

1) Рус. Лѣт. по Ник. сп. ч. IV. стр. 173.

2) Свѣдѣнія объ этихъ и другихъ гривнахъ Тверскаго Музея, съ рисунками ихъ, сообщены А. К. Жизневскимъ.

3) Ист. Гос. Рос. т. I. изд. 2. стр. 232.

4) Рус. Лѣт. по Ник. сп. ч. I. стр. 110.

5) Лѣтоп. по Лавр. сп. изд. 1872. стр. 131.

6) Рус. Лѣт. по Ник. сп. ч. VII. стр. 345.

7) Др. Рос. Вивл. изд. 2-е. ч. VII. стр. 57. 58.

8) Цетаву или цатаву отъ *цата*. Этимъ словомъ въ церковныхъ описяхъ называется полукруглая, въ видѣ молодой луны привѣска къ вѣнцу иконы.

9) Рус. историч. од. отъ X до XIII в. Спб. 1877. стр. 8.

10) Собр. Госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 32.

11) Рус. историч. Сборн. изд. М. Общ. Ист. и Др. Рос. 1838. т. 3. стр. 284 и сл.

12) Въ описаніи Смоленскаго клада (Спб. 1870) гривны наз. просто *обручами*. стр. 14—16.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Дамашка = Адамашка.

Дараги = Дороги.

Деманидъ, демантъ (diamant) алмазъ, «всѣхъ черствие каменей и крѣпчае, треска не имѣтъ никакая». См. **Камни.** Князь Андрей Меньшой, въ 1481 г., писалъ въ своей духовной граммат҃: «Великого князя (Іоанна III) сыну князю Юрью даю икону Пречистые на деманид҃, что мя ею благословилъ отецъ мой князь велики» [1]).

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 272.

Держава. См. **Яблоко.**

Джидъ влагалище съ гнѣздами для сулицъ. «Джидъ тройной; ножны и черенья оправа серебреная черневая, мѣсты золочена; поясъ шолкъ красной съ бѣлымъ; цѣна 3 руб.» [1]). Джидъ привѣшивался къ поясу и иногда въ одномъ изъ гнѣздъ имѣлъ длинный ножъ или тесакъ [2]).

1) Опис. имущ. кн. Голиц. стлб. 134.
2) Опис. од. и вооруж. Рос. войскъ. т. I. стр. 65.

Діадима. См. **Бармы, ожерелье.** Діадимы были шитыя и низанныя, т. е. съ вышитыми и низаными украшеніями. У царя Ѳеодора Алексѣевича были: «діадима перваго наряду по таусинному отласу низана скатнымъ жемчюгомъ; а въ ней 8 дробницъ большихъ да 9 дробницъ круглыхъ, золоты съ розными ѳиніѳты; на нихъ образцы: всемилостиваго Спаса и пречистые Богородицы и Архангельскіе и Апостольскіе и Святительскіе и Преподобныхъ. Въ вѣнцѣ и въ цатѣ и въ подножіи у Спасителева образа и кругомъ дробницы 64 алмаза граненыхъ; у Богородична и у Предотечева образовъ въ вѣнцахъ и въ подножіяхъ 26 алмазцовъ; у Архангельскихъ и у Апостольскихъ и у Святительскихъ и у Преподобныхъ образовъ въ вѣнцахъ 92 алмазца. Кругомъ дробницъ и около дробницъ большихъ и меньшихъ яхонтиковъ и искръ яхонтовыхъ 367, да 231 изумрудецъ, да три мѣста порожжіе». Далѣе слѣдуетъ описаніе золотыхъ запанъ съ драгоцѣнными камнями въ золотыхъ же гнѣздахъ. «Около діадимы: 12 яхонтовъ лазоревыхъ, 12 изумрудовъ, 12 лаловъ, всѣ гранены, въ золотыхъ гнѣздахъ, съ розными ѳиніѳты; межъ каменья 84 зерна гурмыцкихъ на золотыхъ спняхъ; около діадимы жъ низано большимъ гурмыцкимъ жемчюгомъ, по щету 523 зерна; около сей діадимы обведено канителью золотною; 10 крючковъ золотыхъ съ петли; подложена отласомъ червчатымъ».— Діадима втораго наряду, по таусинному отласу низано жемчюгомъ, кругомъ жемчюгу обвожено канителью золотною; въ ней 16 дробницъ золоты съ

чернью, рѣзныхъ; 3 яхонта лазоревыхъ большихъ граненыхъ, въ золотыхъ гнѣздахъ, съ финифтью; 3 изумруда большихъ граненыхъ, въ золотыхъ же гнѣздахъ; да 3 изумруда менши тѣхъ, въ золотыхъ же гнѣздахъ; 11 изумрудовъ въ золотыхъ же гнѣздахъ; 28 камней яхонтовъ червчатыхъ и лаловъ большихъ и меньшихъ, въ золотыхъ гнѣздахъ; 5 крючковъ серебряныхъ съ петли; подложена отласомъ червчатымъ». — Діадима причастная, низано жемчюгомъ мелкимъ по таусинному отласу; дробницы шиты золотомъ и серебромъ; 27 дробницъ серебряныхъ золоченыхъ; 4 яхонта лазоревыхъ въ золотыхъ гнѣздахъ; да 2 лала, 2 изумруда въ золотыхъ же гнѣздахъ; 10 гнѣздъ крючковъ серебряныхъ; подложена отласомъ червчатымъ». «Діадима золотая Греческаго дѣла, нашито на бѣломъ отласѣ; а въ ней 7 дробницъ съ алмазы и съ яхонты червчатыми; напереди крестъ золотъ съ алмазы и съ яхонты червчатыми и съ лазоревыми и съ изумруды». — «Діадима, шиты образы всемилостиваго Спаса и пресвятыя Богородицы и Предотечи и Ангельскіе и Апостольскіе и Святительскіе и иныхъ Святыхъ золотомъ и серебромъ, съ розными шолки, по таусинному отласу; травы и межъ Святыхъ каймы низаны жемчюгомъ; подложена отласомъ червчатымъ». Діадимы хранились въ деревянныхъ, оклеенныхъ бархатомъ влагалищахъ [1]). Греческое названіе διάδημα (изъ διὰ и δῆμα или δέμα отъ δέειν) означаетъ собственно навязку съ вясячими назади концами, какую древніе цари носили на головѣ.

1) Описн. кн. 190 г. № 140.

Долъ широкая желобоватая выемка, напр. на голомени. Узкіе выемки назывались *доликами* или *мелкими долами*. «Сабля ... съ кованымъ доломъ, долы въ припуску. — Сабля ... верхній долъ съ перерывомъ. — Сабля ... по обѣ стороны долы мелки» [1]). «Ножъ .... съ доломъ съ кованымъ, на тылѣ 2 долика; а съ обѣ стороны въ дву мѣстѣхъ по 2 долика наведены золотомъ» [2]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.
2) Переписн. кн. 148 г. № 678.

Домра струнный музыкальный инструментъ. Потѣшниковъ, игравшихъ на этомъ инструментѣ, называли *домрачеями* [1]). «Потѣшные полаты домрачеемъ Лукашу слѣпому съ товарищи на струны 4 алт. — Потѣшному Лукѣ слѣпому на домерные струны 3 алт. 2 д. — Потѣшные палаты Якушу слѣпому на струны 3 алт. 2 д.» [2]).

1) Дом. бытъ Рус. нар. т. II. Матер. стр. 112.
2) Тамъ же, стр. 113. 114.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Дороги шелковая ткань, большею частію полосатая или клѣтчатая, иногда струйчатая съ золотными, серебряными и шелковыми деревцами и травками. По описямъ извѣстны дороги Гилянскіе, Кашанскіе, Кизылбашскіе, Турскіе, Ясскіе. Употреблялись они преимущественно на подкладку кафтановъ, зипуновъ, лѣтниковъ, распашницъ, тѣлогрѣй, куяковъ, наручей; на подшивку поднаряда у стелекъ и башмаковъ. «Кафтанъ... подкладка дороги Кизылбаскіе съ травки золотными. — Зипунъ... подкладка дороги зелены. — Лѣтникъ.... подкладка дороги лазоревы. — Роспашница.... подкладка дороги зеленые Гилянскіе» [1]). — «Наручи подложены дорогами красными» [2]). Впрочемъ изъ дороговъ дѣлались и верхи; напр. «ферези дороги алы»; «одѣяло верхъ дороги Кизылбаскіе алые, по ней травки мелкія золотныя и серебряныя. — Одѣяло, верхъ дороги Кизылбаскіе по брусничной землѣ, по ней деревца золотныя съ шолками» [3]). У одного изъ знаменъ царя Михаила Ѳеодоровича была «середка дороги вишневы» [4]).— **Дорогильный** сдѣланный или сшитый изъ дороговъ. «Ферези дорогильные полосатые, что по нихъ полоски мелкія» [5]).

1) Описн. кн. 190 г. № 140 и 150 г. № 679. — Переп. кн. 181 г. № 145 и 189 г. № 148.
2) Описн. кн. 97 г. № 665. — Древн. Рос. Госуд. отд. III. стр. 54.
3) Описн. кн. 97 г. № 665 и 190 г. № 140.
4) Переп. кн. 148 г. № 678.
5) Вых. госуд. стр. 116. 188.

Дробницы металлическія бляхи или пластинки — плоскія, выпуклыя, круглыя, продолговатыя, многоугольныя, въ видѣ блестокъ, лапочекъ, плигокъ, луночекъ, кіотцовъ и т. п. Мелкія дробницы обыкновенно употреблялись при плетеніи круживъ, при вышиваньѣ золотомъ и серебромъ и при низаньѣ жемчугомъ и бисеромъ. «Круживо, ... а въ немъ дробницы серебряны золочены» [1]). «Дробницы мелкіе, на нихъ рѣзаны репьи и слова и травы; дробницы лапочки, на нихъ рѣзаны травки золочены; 12 дробницъ кіотцами; дробницы мелкіе басмянные; 14 дробницъ круглыхъ, золоченыхъ» [2]).—«Запушье подволочное, сажено жемчюгомъ гурмыскимъ з дробницою на бели на камкѣ на червчатой» [3]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.
2) Расх. кн. 125 г. № 894 и 134 г. № 924.
3) Собр. госуд. грам. и догов. ч. 1. стр. 406.

Дска. См. **Цка.**

Дѣло 1) издѣліе, работа: Греческое дѣло, Калмыцкое, Кизылбашское, Литовское, Московское, Мугальское, Нѣмецкое, Турское, Фряжское; 2) образецъ, подобіе: на аксамитное дѣло, ананасное, витое, грушевое,

достокановое, желудевое, кедровое, миндальное, шишковое; 3) передѣлка и поправка по старымъ образцамъ [1]).

1) Древн. Рос. Госуд. отд. III. стр. 126 и разн. описн. книги.

Елманъ или **Елмань** нижнее разширеніе полосы у сабли и палаша, которое дѣлалось для приданія большей силы удару [1]). Тат. يلمان *елман* имѣетъ то же значеніе. «Сабля.... отъ черена до елмана золотомъ наведена. — Сабля.... елманъ золотомъ наведенъ» [2]).

1) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 61 и 62.
2) Описн. кн. 97 г. въ арх. Оруж. Пал. № 665.

Еловецъ, Еловъ (Тат. يلوو *елоу* флагъ) значекъ или лоскутокъ ткани, вставлявшійся въ трубку на вершинѣ шлема. «Еловь тафта червчата, кругомъ бахрама шолкъ лазоревъ съ золотомъ» [1]). Изъ этого описанія, равно какъ и изъ словъ Сказанія о Куликовской битвѣ: «еловци жь шеломовъ ихъ аки поломя огняное пашется» [2]), можно заключать, что еловцы у шлемовъ были красные. См. **Шеломъ.**

1) Древн. Рос. Госуд. отд. III. стр. XIII.
2) Ист. Госуд. Рос. т. V. прим. 76.

Емурлукъ (Тат. يغمور لوق *ягмурлук*) верхняя отъ дождя одежда, какъ показываетъ и самое названіе, происходящее отъ Тат. يغمور *ягмур* дождь. «На дорогѣ изволилъ великій государь надѣть емурлукъ сукно малиново, для того, что былъ дождь» [1]). — «Емурлукъ сукно вишневое, подкладка тафта струйчетая, вишневая, кругъ снуръ золотной, по вороту 6 гнѣздъ нашивки горощатой длинной да 6 гнѣздъ нашивки горощатой же короткой; у длинной нашивки гапли бѣлыя, а у короткой нашивки гапли съ финифтью; цѣна 15 руб.» [2])—«Шесть емарлуковъ настрафильныхъ лазоревыхъ; цѣна по 2 руб.» [3]).

1) Вых. госуд. М. 1844. стр. 647.
2) Опис. имущ. кн. Голиц. стлб. 70.
3) Перен. кн. 148 г. № 678.

Епанча, Епанечка. См. **Япанча.**

Еренга сортъ сукна. См. **Сукно.**

Ерихонка. См. **Шеломъ.**

Жагра желѣзная или деревянная палка съ желѣзными ушками или щипцами на концѣ для вкладыванія фитиля, которымъ при стрѣльбѣ изъ пищалей поджигался порохъ; пальникъ. По Писцовой книгѣ г. Сольвыче-

годска 7133 (1625) г. значится въ казенномъ погребѣ зелейнаго двора «58 пищалей затинныхъ, а у всѣхъ пищалей у запалу полки придѣланы съ змейки, а запаливаютъ жагрою. Въ томъ же погребѣ 46 пищалей ручныхъ, а у всѣхъ ручныхъ пищалей замковъ нѣту, а у запаловъ полки змейки, запаливаютъ сжагрою» [1]).

1) Зап. Имп. Археол. Общ. т. VIII. Спб. 1856. Переч. засѣд. стр. 47.

Жезлы царскіе употреблялись государями примѣнительно къ нарядамъ при выходахъ. У царя Алексѣя Михаиловича были жезлы: золотой съ разными финифты; Греческій, украшенный драгоцѣнными камнями и золотымъ крестомъ на верху; костяной рыбей съ золотой насѣчкой и оправой, съ драгоцѣнными камнями и съ орломъ на верху; костяной единороговой, оправленный серебромъ, съ двуглавымъ орломъ на цѣпочкѣ; серебряной гладкій, съ яблокомъ на верху; Индѣйской деревянной съ серебряною оправою и орломъ воронеными; деревянной, оклеенной черепахою и раковинами (перломутромъ), съ хрусталемъ и яхонтовыми искрами на верху; костяной рѣзной, съ серебряными ободками; костяной рѣзной, безъ оправы; деревянной, оклеенный цвѣтнымъ стекломъ [1]).—У царицы Евдокіи Лукьяновны былъ «жезлъ, нѣмецкое дѣло, дерево черное гладкое; въ рукоять врѣзываны травы серебрены; межъ рукояди въ дву шурупѣхъ серебреныхъ золоченыхъ шурупцы костяные, въ шурупцахъ составы араматные; да тутъ же костяной *ставокъ* съ кровлею, а въ немъ зуботычки костяные; да въ томъ-же жезлѣ *трубка зрителная*; да поверхъ жезла, къ рукояди, въ шурупѣ серебреномъ золоченомъ *часы* солнечные съ маточникомъ; кровля серебрена золочена, на кровлѣ деретца левъ з змѣемъ; подковецъ у жезла серебренъ золоченъ» [2]). — Были жезлы и комнатные [3]).

1) Описн. кн. 190 г. № 140. л. 200.

2) Описн. кн. 134 г. № 668.

3) Строевъ, Указат. къ Вых. госуд. стр. 74 и 75, гдѣ показаны и случаи, при которыхъ употреблялись различные жезлы.

Желобчатый. См. **Ложчатый.**

Жемчугъ былъ самымъ обыкновеннымъ и любимымъ украшеніемъ разныхъ частей и принадлежностей одеждъ и утварей. Въ описяхъ безпрестанно встрѣчаются жемчуги: Бурмицкій [1]), Каѳимскій, окатный или скатный, то есть круглый, половинчатый, уголчатый или уродивый и зерна жемчужныя. Жемчугя садились или низались въ одну или нѣсколько нитей, *рефидью* — клѣтками, *рясою* или *въ рясную* — въ видѣ рѣшетки, *въ снизку* — сплошь, *фонариками* — въ видѣ сѣтки [2]). Крупной жемчугъ считался зер-

нами, а мелкій — и вѣсомъ; напр. «въ узлѣ жемчюгу въ трехъ прядехъ 108 золотниковъ, да 539 зеренъ жемчюгу скатново, 53 зерна большихъ и среднихъ, да мелково жемчюгу 4 золотника» [3]). Отборныя Бурмицкія зерна, отличавшіяся величиною, правильнымъ видомъ и чистотой воды, по своей дороговизнѣ въ сравненіи съ другими видами жемчуга, употреблялись на украшенія большею частію по одиночкѣ или въ два и три зерна. Жемчугъ получали въ Россіи преимущественно изъ чужихъ земель: извѣстно, что въ началѣ XVI столѣтія Русскіе ѣздили въ Азовъ и Кафу, гдѣ на свои товары вымѣнивали и жемчугъ [4]). Въ отпискахъ изъ Колмогоръ 1604—1605 г. находимъ, что на одномъ кораблѣ Галанскіе земли города Амстрадама привезено было «120 золотниковъ жемчюгу, по 2 рубли съ полтиною золотникъ; 476 золотниковъ жемчюгу, по рублю и по 26 алтынъ по 4 денги золотникъ; 24 зерна жемчюжку, по 26 алтынъ по 4 денги за зерно» [5]). Впрочемъ были и Новгородскіе «жемчюга немалы и хороши и чисты»; они добывались «у государя нашего въ землѣ, на Двинѣ на Колмогорахъ и въ Великомъ Новѣгородѣ въ рѣкахъ» [6]). Для покупки жемчугу въ чужихъ земляхъ въ Торговой книгѣ предлагаются слѣдующія наставленія: «*О жемчюгахъ.* Жемчюжные зерна Бурмынские смотри, чтобы скатны і сходчивы і водою были чисты; по зерномъ смотря и цѣна: а зерновой окатной чистой бѣлой зерня противъ двою денегъ в вѣсу купить $\frac{|\ |}{|\text{в}|}$, а въ $\overline{\text{д}}$ денги в вѣсу $\frac{|\ |}{|\text{а}|}$, а въ $\overline{\text{є}}$ денегъ в вѣсу зерня одно (или) противъ алтына в вѣсу и купить $\frac{|\ |}{|\text{з}|}$ и $\frac{|\ |}{|\text{и}|}$. Жемчюгъ чистой, гладкой і незубатой $\overline{\text{к}}$ зернъ в золотникъ середняя цена по $\frac{|\text{ѕ}|\text{а}}{|\text{а}|}$ и $\frac{\text{і}|\ |}{|\text{а}|}$ золот(никъ); а тотъ же, кой $\overline{\text{кє}}$ зернъ золот(никъ), тотъ купятъ по $\frac{|\ |}{|\text{а}|}$ и $\frac{|\text{г}|\text{в}}{|\text{а}|}$; а кой въ $\overline{\text{єі}}$ зернъ, тотъ купятъ золотникъ по $\frac{|\ |}{|\text{а}|\text{в}}$ и по $\frac{\text{к}|\text{г}|\text{в}}{|\text{а}|}$ золотникъ, а дороже того не живетъ; а въ $\overline{\text{л}}$ зернъ, тотъ купятъ золотникъ въ $\frac{|\ |}{|\text{в}|}$; а кой въ $\overline{\text{н}}$ зернъ, тотъ купятъ золот(никъ) въ $\frac{|\ |}{|\ |\text{в}}$; а кой въ $\overline{\text{ѯ}}$ зернъ, тотъ купятъ въ $\frac{\text{і}|\text{г}|\text{в}}{|\ |}$; а кой зубоватъ и чистъ, а при гладкомъ в полцѣны; а самой окатной чистой, тотъ і купятъ при рядовомъ в двѣ цены. А купити жемчюгъ все бѣлой чистой; а желтого никакъ не купи; на Русѣ ево никто не купитъ» [7]).

1) Слово *Бурмицкій* или *Бурмынскій* и *Бурмыжскій*, иначе *Гурмыжскій* и *Гурмынскій* произошло изъ стариннаго названія Персидскаго залива Гурмышскимъ моремъ. Хожд. Арс. Сухан. (Сахар. Сказ. рус. нар. т. II. кн. VIII. стр. 215): «Аиское море, еже есть Гурмышское, въ немже жемчугъ Бурмыжской родится».

2) Указат. для обозр. Моск. Патр. Ризн. поясн. слов. стр. 11.

3) Забѣлинъ. Дом. бытъ Рус. нар. т. II. матер. стр. 28.
4) Ист. Гос. Рос. т. VI. стр. 218 и прим. 603.
5) Тамъ-же, т. X. прим. 426.
6) Тамъ-же, т. VI. прим. 275 и т. X. прим. 425.
7) Торг. кн. ркп. гл. 51 и 52.—Въ 1627 г. гречанинъ Юрій челомъ ударилъ царевичу Алексѣю Михаиловичу большой жемчюжиной, цѣною въ 50 рублевъ. Доп. къ Акт. Истор. т. VII. стр. 46. — Въ 1676 г., въ Москвѣ, золотникъ жемчуга (для аламовъ) покупали по 5 руб. 20 алт.

Жиковина или **Жуковина.** См. **Перстни.**

Заберзатъ = Безаръ.

Завѣсная пищаль. См. **Пищаль.**

Завязки у одеждъ употреблялись вмѣсто пуговицъ и петель; къ нимъ привѣшивались кисти съ ворворками. Концы завязокъ дѣлались иногда въ видѣ лопатокъ. «12 завязокъ плоскія; шолкъ бѣлъ съ золотомъ; кисти ирѣйскіе, ворворки канительные. — 12 завязокъ плоскихъ съ лопатками, шолкъ алъ съ серебромъ; кисти ирѣйскія, ворворки канительныя золоты.— 12 завязокъ плоскихъ съ лопатками, шолкъ червчатъ съ золотомъ; кисти ирѣйскіе, ворворки серебряны [1]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665 и 190 г. № 140.

Загривокъ. См. **Грива.**

Закрѣпки у пуговицъ были большею частію «зерна Бурминскіе» или «жемчуги»; иногда вставляли «въ закрѣпкахъ по искоркѣ», иногда «камешки червцы». «Шапка.... на ней на верху лалъ на спнѣ золотомъ, закрѣпленъ 2-мя зерны гурмыцкими. — Ожерелье.... 2 пугвицы зерна гурмицкіе, въ закрѣпкахъ лалъ да изумрудъ» [1]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665. — Вывѣсн. кн. 137 г. № 127. — Описн. кн. 190 г. № 140.

Заломъ у шапки. См. **Шапки.**

Заноска цѣпочка, на которой женщины носятъ тѣльникъ. «Трои заноскы золоты» [1]).

1) Собр. госуд. гр. и догов. ч. I. стр. 303.

Запона 1) металлическая застежка въ видѣ двойной пуговки, вдѣваемая въ петли; 2) бляха золотая или серебряная съ драгоцѣнными камнями для украшенія утварей и одеждъ. На кучмѣ Бориса Ѳеодоровича была «запона золота съ травами, а въ ней изумрудъ зеленъ да 2 яхонта червчаты да яхонтъ лазоревъ да 2 алмаза да 2 жемчюга вислые»; у него же на шапкѣ «поверхъ прорѣхи запона кораблемъ съ раковиною» [1]). На платнѣ царя Ѳеодора Алексѣевича было на полахъ по «10 запонъ съ яхонты и съ

изумруды; на подолѣ 16 запонъ съ яхонты червчатыми; на полахъ, сверхъ кружива, 2 запаны круглыхъ съ алмазы и съ яхонты червчатыми; на рукавахъ на запястьѣ по 22 запаны съ яхонты червчатыми» [2]). Одинъ изъ треуховъ царицы Агаѳіи Симеоновны украшенъ былъ запанами вмѣсто кружива: «вмѣсто кружива запаны золоты съ каменьи съ алмазы и съ яхонты червчатыми, съ городы; кругомъ запанъ обнизано жемчюгомъ скатнымъ» [3]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.
2) Описн. кн. 190 г. № 140.
3) Переп. кн. 189 г. № 148.

Запона и **Запонъ** 1) полотно: посланный Греками къ в. кн. Владимиру (986 г.) философъ «показа ему запону, на нейже написано судище Господне» [1]); 2) завѣса, занавѣсъ: «скроенъ запанъ въ камкѣ индѣйской полосатой, пошло 11 аршинъ; на подкладку 12¼ арш. дороговъ зеленыхъ» [2]), — сѣнникъ постельный (для новобрачныхъ) оболочи внутри запонами шидяными» [3]).

1) Новг. лѣтоп. по синод. сп. изд. 1888. стр. 52. Въ др. сп.: «Запону златотканную, на ней же бѣ исткано» и пр. Полн. собр. русс. лѣт. т. II. стр. 254.
2) Забѣлинъ. Дом. бытъ Рус. нар. т. II. Матер. стр. 98.
3) Сахаровъ. Сказ. Рус. нар. т. II. кн. VI. стр. 98.

Запястье или **Заружавье** 1) вообще рукавная обшивка; 2) въ частности украшенія на оконечностяхъ рукавовъ у нарядныхъ одеждъ. Эти запястья низались по атласу или бархату жемчугомъ и украшались запанами и драгоцѣнными камнями; иногда они пришивались къ рукавамъ, а иногда пристегивались къ нимъ крючками. У становаго кафтана царя Ѳеодора Алексѣевича было «на рукавахъ запясье низано жемчюгомъ Каѳимскимъ по червчатому бархату; въ нихъ по 7 запанъ золотыхъ съ алмазы да 26 алмазовъ въ золотыхъ гнѣздахъ, 24 искры яхонтовыхъ въ золотыхъ гнѣздахъ; у нихъ 10 гнѣздъ крючковъ серебреныхъ золоченыхъ»; у теплыхъ рукавицъ «запястья пупчетые собольи» [1]). 3) Запястьемъ называлась и нижняя часть наручей у кисти [2]).

1) Описн. кн. 190 г. № 140.
2) Истор. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 51.

Зарбафъ (Перс. زربفت *зербафт*) золотная или серебряная ткань съ узорами шелковыми, серебряными и золотыми. Названіе ея, происходящее отъ Перс. زر *зер* золото и بفت *бафт* ткань (отъ بافتن *бафтен* ткать), указываетъ на вывозъ ея изъ Персіи. Нынѣшнее названіе золотныхъ и сереб-

ряныхъ тканей *парчею* указываетъ только видъ, въ которомъ онѣ продавались: Перс. پارچه *парча* значитъ кусокъ. Изъ зарбафа шились шапочные верхи, кафтаны, зипуны, ферези, шубы, штаны и другія нарядныя одежды. «Зарбаѳъ золотной, по немъ травки въ кружкахъ серебряны.—Зарбаѳъ по золотной землѣ, по немъ травы серебряны съ шолки.—Зарбаѳъ серебренъ, по немъ деревца шолкъ алъ да зеленъ съ золотомъ.—Зарбаѳъ серебренъ, по немъ травки золоты съ шолки съ зеленымъ да съ червчатымъ [1]).

1) Описн. кн. 190 г. № 140. — Переп. кн. 189 г. № 148.

Заручавье = Запястье.

Засапожники. См. **Ножи.**

Затинная пищаль. См. **Пищаль.**

Звенья цѣпей. См. **Цѣпь.** Золотыя, прорѣзныя, съ алмазами и червчатыми яхонтами звенья нашиты были на полахъ платна царя Ѳеодора Алексѣевича [1]).

1) Оп. кн. 190 г. № 140.

Зголовье, Взголовье 1) нижняя подушка изъ полагаемыхъ подъ головою на постелѣ; верхняя называлась просто подушкою. Наволоки на зголовьѣ и подушкахъ были: атласныя, бархатныя, объяринныя, камчатныя, тафтяныя, полотняныя. «Възголовье камка Мисюрьская зъ золотомъ, да другое възголовье камка на червьци бѣлъ шолкъ,... да три възголовья бѣлыхъ» [1]). 2) подушка, подкладываемая подъ сидѣнье. При бракосочетаніи царя Михаила Ѳеодоровича съ Евдокіею Лукьяновной (1626 г.) «приказалъ государь мѣсто чертожное, на которомъ сидѣти государю и государынѣ, устроить въ грановитой палатѣ, обить бархатомъ червчатымъ, а на немъ два сголовья бархатныхъ золотныхъ въ одинъ узоръ, каковы государь указалъ выдать изъ своей казны; а на сголовьи положить по сороку соболей». Передъ вѣнчаніемъ «царевну посадили на ее мѣсто, на сголовье, а сорокъ соболей, снявъ, дали держать дьяку Андрею Варѣеву.... А государь сѣлъ на своемъ мѣстѣ, подлѣ царевны, а сорокъ соболей, съ государева мѣста снявъ, дали держать дьяку Андрею Подлѣсову.... И какъ царь и великій князь, вставъ съ своего мѣста, пошелъ изъ палаты, и царя и великого князя сголовье, на чемъ сидѣлъ, положили тогда на царицыно сголовье, а два сорока соболей положили наверхъ на сголовье».... На четвертый день послѣ вѣнчанія «патріархъ пришелъ къ государю въ палату со всѣми властьми» для поздравленія,.... и сѣли государь и святѣйшій патріархъ по мѣстамъ на золотыхъ сголовьяхъ» [2]).

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 303.

2) Сахаровъ. Сказ. рус. нар. т. II. кн. VI. стр. 75. 77. 78. 83. 85 и др. — Въ расходной книгѣ 124 г. (№ 903) значится, что 28 іюня отпущено изъ казеннаго приказа въ конюшенный «на мѣстное изголовейцо 2 арш. бархату по серебреной землѣ шелкъ алъ, по рублю 23 алт. 2 д.; на подкладку полтора арш. камки адамашки червчатой, по 20 алт.; да пудъ бумаги хлопчатые, 4½ руб.».

Зендень шелковая ткань. «Ферези зендень еринной цвѣтъ». — «Тѣлогрѣя подложена зейденью». — У полъ кроватнаго завѣса «сверху по коймамъ зендень красная»[1]). Въ описяхъ встрѣчается зендень гвоздичнаго, лазореваго, мяснаго, синяго, червленаго и другихъ цвѣтовъ.

1) Описн. кн. 97 г. № 665. — Оп. имущ. кн. Голиц. стлб. 72. 82 и др.

Зепь (ср. Перс. جيب *джиб*) карманъ. Въ судномъ дѣлѣ 1680 года: «....Зинка-де у него (Якушки) изъ зепи вынялъ денегъ 6 алтынъ.... Положилъ мнѣ, сиротѣ твоему, въ зепъ табаку нетертово невѣдомо кто[1]). — «Кафтанъ около ворота и передовъ и зепей и рукавовъ опушенъ соболми»[2]). **Зепьный** карманный. Въ 1669 г. у князя Прозоровскаго воровскіе астраханскіе казаки взяли грабежемъ, между прочимъ, часы боевые зепьные, кожухъ (корпусъ) мѣдной, прорѣзной, золоченъ»[3]).

1) Акты Юрид. стр. 77. 79. 80.
2) Оп. имущ. кн. Голиц. стлб. 69.
3) Акты Истор. т. IV. стр. 399.

Зерцало досчатая броня безъ рукавовъ, составленная изъ двухъ половинокъ, которыя соединялись на обоихъ плечахъ и бокахъ. Каждая половинка зерцала называлась *доскою* и состояла изъ *круга* или *осьмиугольника*, стальныхъ или желѣзныхъ *щитковъ*, нашитыхъ вокругъ него на бархатъ или атласъ, стеганый на хлопчатой бумагѣ, и соединенныхъ кольцами, *ожерелья* надъ кругомъ и *обруча*, охватывавшаго шею. Въ кругѣ или осьмиугольникѣ нагрудной половинки Московскихъ зерцалъ изображались двуглавые орлы съ коронами. По окружности гербовыхъ щитовъ царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича былъ насѣченъ титулъ царскій[1]). Обѣ половинки зерцалъ соединялись *наramками* и *наплечками*[2]). Зерцала дѣлались граненыя, рытыя съ позолотою и чистыя (гладкія); украшались по краямъ бахрамами. Хранились въ чемоданцахъ[3]). «Зерцала четыре, доски булатныя, съ пряжки серебряными, насѣканы золотомъ; подписано: «Блаженные памяти великій государь царь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичь, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, во 188-мъ году, тѣми зерцалы пожаловалъ князь Василья Голицына»[4]).

1) Древн. Рос. Гос. отд. III. стр. 45. 49.
2) Историч. Опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 47 и 48.
3) Описн. кн. 97 г. № 665.
4) Оп. имущ. кн. Голиц. стлб. 221.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Зипунъ (Татар. زبون *зубун*) узкая одежда въ родѣ кафтана, простиравшаяся нѣсколько ниже поясницы, иногда до колѣнъ и рѣже до икоръ [1]). У Мещеряковъ زبون *збун* значитъ то же, что у Татаръ چكمان *чикмень* кафтанъ. Зипунъ носился сверхъ сорочки и былъ комнатною ходильною одеждою; на зипунъ надѣвали кафтанъ или ферезь. Зипуны шились изъ атласа, объяри, зарбафа, камки, тафты; на подкладкѣ изъ тафты или дороговъ, съ камчатною подпушкою; для застегиванья зипуновъ пришивалось къ нимъ отъ 11 до 16 пуговицъ или до 20 кляпышевъ. Иногда къ зипуну пристегивалось стоячее *ожерелье*, украшенное жемчугомъ и камнями, которое называлось *обнизью;* рукава также унизывались жемчугомъ. «Зипунъ отласъ бѣлъ; подкладка тафта зелена; подпушка камка червчата куѳтерь; 15 пуговицъ золоты съ розными ѳиниѳты, въ нихъ по 6 искорокъ яхонтовыхъ, въ закрѣпкахъ по яхонтику червчатому; рукава низаны жемчугомъ съ канителью золотною. Зипунъ отласъ дымчатъ, *стеганъ на бумагѣ* клинцы; подкладка дороги зелены; подпушка камка червчата куѳтерь; у него 20 кляпышей» [2]). Были зипуны и на мѣху: «зипунъ теплой безъ ожерелья. — Зипунъ камка мелкотравая, шолкъ червчетъ да бѣлъ, на пупкахъ на собольихъ; у него обнизь по червчетому бархату въ одно зерно съ канителью, меншая» [3]). — Зипунъ тафта рудожелтая, на черевьихъ песцахъ, а рукава подложены бязью, по вороту 4 пугвицы гладкихъ, позолочены, а на рукавахъ 10 гапелекъ серебреныхъ, позолочены» [4]).

1) Покрой зипуна показанъ, по кроильной книгѣ, у Вельтмана въ слов. къ Оруж. Пал. стр. 16: «1664 г. сентября въ 23 д. скроенъ великому государю (Алексѣю Михаиловичу) зипунъ отласъ бѣлъ; въ длину по передамъ 1 арш. 6 верш., позади тожъ; въ плечахъ ширина 1 арш. безъ полувершка; рукава длиною отъ стану 1 арш. безъ вершка, въ корени 7 верш., въ запястьѣ 3 вершка». — По кроильнымъ книгамъ: 1626 г. окт. 18 «скроенъ государю (Михаилу Ѳеодоровичу) зипунъ камка зелена мелкотравная; длина зипуну полтора аршина, камки пошло 6 арш. 10 верш.; на подпушку дано камки мелкотравной шолкъ червчатъ да алъ полтора арш.; на подкладку тафты виницейки лазоревой 3 арш. съ четью». — 1629 г. апр. 1 «скроенъ государю зипунъ камчатъ червчатъ куфтерной; длина въ отдѣлкѣ полтора аршина, ширина аршинъ безъ полутора вершка; рукавомъ длина отъ стану аршинъ съ тремя вершки; ширина въ корени 7 вершковъ, въ запястьѣ 3 вершка безъ чети; по подолу 3 арш.; камки вышло 6 арш. 10 вершковъ; на пугвицы на обшивку дано золота пряденого 28 арш., на столбецъ шолку Шамарханского золотникъ». Кроил. кн. 135 г. № 1156.

2) Описн. кн. 100 г. № 140.

3) Вых. госуд. стр. 8. 12 и мн. др.

4) Оп. имущ. кн. Голиц. стлб. 60.

Знамя. См. **Стягъ.**

Золото употреблялось въ разныхъ видахъ: кованое, волоченое, плащеное, пряденое и пареное. Старинныя правила для покупки золота состояли въ слѣдующемъ:

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

«*Золотые какъ чистое золото имати.* А золотой Угорской тянетъ $\frac{|\text{а}|\text{А}|\text{а}}{|\ |\ |}$ (во *Врем.* Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос. кн. VIII: пол-11 деньги; въ *Зап.* Отд. Рус. и Слав. Археол. т. I: 10 денегъ съ полуденьгою); а корабленой тянетъ $\frac{|\text{г}|\text{є}}{|\ |}$ (*Вр:* пол-4 алтына; *Зап:* 3 алтына 3 деньги); Португалской со крестомъ тянетъ $\frac{\text{і}|\text{з}|\text{г}}{|\ |}$ (*Вр:* пол-18 алтына; *Зап:* 17 алтынъ 3 деньги): въ тѣхъ всѣхъ золотыхъ ровно краскою золото. А изволи намъ серебро болши ся золота пригожаетъ, къ денгамъ борже. А на товарѣ золотые емлите дороже своихъ серебряныхь денегъ вдесятеро: ино станетъ Угорской золотой по $\frac{\text{і}|\text{з}|\text{г}}{|\ |}$ (*Вр:* = пол-18 алтына); корабленой по $\frac{|\text{а}|\text{А}}{|\text{а}|}$ (*Вр:* по рублю съ полугривною; *Зап:* по рублю и 10 денегъ); Португалской по $\frac{|\text{и}|\text{в}}{|\text{є}|}$ (*Вр:* = по пяти рублей съ четвертью). А в-ыныхъ и в золотыхъ, кое в ту жъ с пожега взрѣзавъ (*Вр:* в спожега и в зрѣза, *Зап:* съ пожега и съ взрѣза) красоту придетъ: и вы по вѣсу смѣчая цѣну (*Зап:* цѣною дешевле) емлите; а побѣловатие того, ино подешевле то золото емлите. А золотые имати въ ту цѣну, здѣсе не убрести у нихъ безъ накладу. И иное золото, кое не в золотыхъ, (а) в какомъ дѣлѣ или в слиткехъ, а и на ослѣ придетъ золото в ту же краску, а ножемъ взрѣжешъ и внутри видомъ таково жъ, а рукою погнешъ ино мякко: то чисто. А вѣсомъ что потянетъ ценою на товаръ, или в золотыхъ въ плавехъ, или въ слиткехъ, или в пруте, (то) пересѣкая (емли), а не пересѣкши не емли, блюдися внутри оману (обману), чтобъ внутри таково жъ было (чисто) какъ вонѣ (*Вр:* внѣ; *Зап:* и на лицо) чисто было; емли золотникъ по $\frac{\text{і}|\text{г}|\text{в}}{|\ |}$ (*Вр:* = по 4 гривны). А кое золото на пожегѣ или на взрѣзе внутри или на ослѣ хоти маленко побѣлее золотово ся покажетъ, то дешевле емли; а кое многимъ бѣлее, то добрѣ дешевле золотникъ емлите. А в золотникѣ вѣситъ $\frac{|\text{в}|\text{а}}{|\ |}$ (*Вр:* з деньгою два алтына старыхъ денегъ; *Зап:* 1 алтынъ съ полуденьгою).

О золотѣ цѣвошномъ. В цѣвошномъ золотѣ на шелку в цѣвке $\overline{\text{s}}$ золотниковъ, а нитей в цѣвкѣ $\overline{\text{z}}$, на розвѣсъ на золотникъ кладутъ (*Зап:* купятъ) по $\overline{\text{і}}$ нитей, а безъ нитей вѣситъ золотникъ противъ $\frac{|\text{а}|\text{А}}{|\ |}$; а в-ыной въ цѣвке $\overline{\text{s}}$ золотниковъ съ наугородкою живетъ, и $\overline{\text{s}}$ золотниковъ без наугородки, толко редко. А в литре цѣвокъ $\overline{\text{кі}}$ живетъ. А в-ыной цѣвке нитей $\overline{\text{о}}$ живетъ, ино тонки, толко рѣдко. А лутче покупати золотникъ с нитми; а $\overline{\text{і}}$ нитей тянетъ всего противъ полуторыхъ денегъ; а безъ нитей коли купишъ, ино золотникъ вѣситъ противъ $\frac{|\text{а}|\text{є}}{|\ |}$; а наугородк(ам)и или московками

вѣсишъ, однако тянетъ. А литру купятъ цевошного золота по $\frac{||}{|\text{д}|\text{к}|}$ и $\frac{||}{|\text{е}|}$ и (*Зап:* а коли дорого) $\frac{||}{|\text{е}|\text{к}|}$ и $\frac{||}{|\text{з}|}$ дорого» [1]).

Изъ золота дѣлали разныя принадлежности и украшенія одеждъ — запоны, пуговицы, крюки, образцы, плащи, дробницы, репьи, спни, гнѣзда для драгоцѣнныхъ камней и проч.; изъ золота дѣлали ткани, кисти; плели кружива, завязки, тесьмы; золотомъ обвирали петли, обшивали кляпыши, перевивали концы завязокъ; золотомъ шили и строчили (напр. въ три строки, въ одну петлю) по атласу, бархату, тафтѣ, хзу и т. п.; золотомъ наводили узоры на вооруженіяхъ. Въ царскихъ мастерскихъ палатахъ были особые *золотошвеи*; таковы Мартынъ Петровъ, Юрій Ондреевъ и Богданъ Григорьевъ, которые дѣлали царицѣ Иринѣ «шляпу болшого наряду» [2]).

1) Торг. кн. ркп. гл. 4 и 218. Ср. Времен. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос. кн. VIII. стр. 10; Зап. Отд. Рус. и Слав. Археол. т. I. отд. III. стр. 117. 118 и 129.

2) Дополн. къ Акт. Истор. т. I. стр. 206.

Зуѳь (صوف *суф* шерсть, и) шерстяная ткань, камлотъ разныхъ цвѣтовъ. Изъ нея шили опашни, кафтаны, однорядки, рукавицы перщатыя, подкладку у епанчей санныхъ. «Опашень зуѳь лимонна костомонка.—Кафтанъ Турской зуѳь бѣла Анбурская.—Верхи съ рукавицъ перщатыхъ зуѳь зелена» [1]). Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ на выносѣ и погребеніи отца своего былъ въ опашнѣ изъ черной зуѳи [2]). Зуѳь измѣрялась портищами; въ 1676 г. цѣна ея, въ Москвѣ, была по 5 рублей съ полтиною портище [3]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665 и 190 г. № 140 — Вывѣсн. кн. 137 г. № 127. — Зуфь костоманская: Дополн. къ Акт. Истор. т. I. стр. 199. — Зуфь амаульская: Забѣлинъ Дом. бытъ Рус. нар. т. II. Матер. стр. 33.

2) Вых. госуд. стр. 617.

3) Дополн. къ Акт. Историч. т. VII. стр. 104.

Изголовье = **Зголовье.**

Изорбафъ = **Зарбафъ.**

Ирха или **Ровдуга** баранья, козлиная или оленья шкура, выдѣланная на подобіе замши. **Иршаный** сдѣланный изъ ирхи. «Рукавки иршаныя, нѣмецкое дѣло; запястье шито золотомъ [1]).

1) Дом. бытъ Рус. нар. т. II. стр. 646.

Искепище = **Скепище.**

Ичеготы, иначе **Ичетоги, Ичетыги, Ичитыги, Ичотоги** и **Чедыги,** собственно сафьянные мягкіе сапоги, какіе носили и до сихъ поръ носятъ Татары всегда съ калошами-башмаками. Татарское названіе ихъ

ичь-итык, ичь-итыки, сокращ. четык (отъ ичь внутрь и итык сапогъ). Дѣлались чедыги и атласные, бархатные, камчатные, иногда съ золотымъ и серебрянымъ шитьемъ. «Ичетыги и башмаки сафьянъ желтъ. — Ичетыги отласъ червчатъ. — Ичетыги бархатъ рытой, морхъ червчатъ по желтой земли. — Ичетыги отласъ бѣлъ, шиты золотомъ» [1]. У царицы Евдокіи Лукьяновны «башмаки съ чедыги, Крымское дѣло, шиты по атласу по червчатому золотомъ да серебромъ волоченымъ» [2].

1) Вых. госуд. стр. 293. 221. 203. 205 и др.
2) Описн. кн. 150 г. № 679.

Кабатъ (Греч. καβάδιον) царская одежда въ родѣ святительскаго саккоса, съ нарамниками или бармами на раменахъ, съ дорогами по распашкѣ и подолу. Въ такой одеждѣ представленъ царь Алексѣй Михаиловичъ на изображеніи креста Господня съ предстоящими, находящемся въ алтарѣ Распятской церкви Кремлевскаго дворца. На томъ же изображеніи представлена царица Марія Ильинична въ кабатѣ съ мѣховымъ воротникомъ и пристяжнымъ ожерельемъ [1]. — Кабатъ царя Михаила Ѳеодоровича былъ передѣланъ на шубку царевны Ирины Михаиловны [2].

1) См. Древн. Рос. Госуд. отд. IV. рис. № 1 и стр. 5.
2) Вывѣсн. кн. 137 г. № 127.

Калантарь. См. **Колонтарь.**

Калиги обувь въ родѣ башмаковъ. Въ 1681 г. іюля 14, по преставленіи царицы Агаѳіи Симеоновны выдано «на калиги бархату червчатого 6 верш.; дѣлали *чеботники*» [1].

1) Забѣлинъ. Дом. бытъ Рус. нар. т. II. матер. стр. 144.

Калита кожаная сумка. «Калита старинная великаго князя Данила, сафьянъ черленъ; по ней шито серебромъ волоченымъ птицы и звѣри; у калиты жъ на закрышкѣ личинка золота, прорѣзная, а съ исподи плащъ рѣзной, золотъ же съ чернью; на верхней личинкѣ въ кругахъ по человѣку на конѣхъ, по середкѣ колечко; да на калитѣ жъ плащикъ золотъ рѣзной, съ чернью; на немъ шурупецъ [1]. Въ духовной в. князя Димитрія Іоанновича значится «поясъ золотъ съ калитою» [2].

1) Описн. кн. 150 г. № 681. л. 62.
2) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 61.

Калпакъ или Колпакъ (Татар. قلپاق *калпак*) высокая, къ верху съуживающаяся шапка, съ узкимъ мѣховымъ отворотомъ и съ одною или

двумя прорѣхами, къ которымъ прикрѣплялись пуговицы и запоны. Въ духовной грамматѣ князя Ивана Борисовича Волоцкаго читаемъ: «а что меня благословила мати моя двои серги яхонты, а третьи лалы, а то каменье и жемчуги на калпацѣ на моемъ [1]).— У князя Димитрія Іоанновича: «колпакъ столбунъ, полицы сажоны жемчугомъ Гурмыскимъ» [2]).— У Бориса Ѳеодоровича былъ «колпакъ саженой; на немъ 8 запонъ;.... да на прорѣхѣ 5 пугвицъ». — У царя Ѳеодора Алексѣевича «колпакъ бархатной червчатой; на немъ надъ прорѣхою запана золотая съ ѳиниѳты, въ немъ человѣкъ съ острогою.... да по сторонамъ двѣ запаны золотыхъ съ ѳиниѳты жъ;.... на полахъ въ отворотѣ 9 запанъ золотыхъ; да на колпакѣ жъ и на отворотахъ 7 лаловъ Китайскихъ да 33 яхонта лазоревыхъ да 2 желтыхъ; да на обѣихъ прорѣхахъ 5 яхонтовъ лазоревыхъ на золотыхъ спняхъ съ зерны Гурмыцкими; подложенъ камкою желтою чешуйчетою». Этотъ дорогой колпакъ хранился въ особенномъ влагалицѣ» [3]). — Спальные и комнатные калпаки вязались или ткались изъ бѣли, бумаги, шерсти, какъ и нынѣ.

Колпакомъ называлось также воинское наголовье, состоявшее изъ *вѣнца* или околыша, и *навершья* или высокой остроконечной тульи, сдѣланной изъ прямыхъ пластинъ или щитковъ и украшенной на концѣ металлическимъ *репьемъ* или *яблочкомъ*. Иногда, для защиты щекъ, затылка и плечъ, къ этому наголовью прикрѣплялась кольчужная сѣтка, которая у шеи или на груди застегивалась *запонами* [4]).

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 342.
2) Тамъ-же, стр. 407.
3) Описн. кн. 97 г. № 665 и 190 г. № 140.
4) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 53 и 54.

Камка шелковая цвѣтная ткань съ разными узорами и разводами. По Персидско-Арабско-Англ. словарю Ф. Джонсона (изд. Лондонъ 1852 г.), въ Персидскомъ языкѣ كَمْخَا *камха* значитъ Дамасскій шелкъ одного цвѣта, كمخا *кимха* — Дамасскій же шелкъ разныхъ цвѣтовъ; كمخاب *камхаб* — вышивная одежда одного цвѣта, а كمخاب *кимхаб* — такая же одежда разноцвѣтная. По Торговой книгѣ,

«*Имена камкамъ* (*Зап:* розно знати): добрая *куѳтеръ* не лѣняетъ, болшей узоръ; а коя толста, та и добра; $\frac{\text{м}\,|\,|}{|\,|}$ и $\frac{|\,|}{|\,\text{в}\,|}$ аршинъ купятъ. *Адамашка* леняетъ, узоръ мѣлокъ на ней, тонка; аршинъ купятъ $\frac{\text{к}\,|\,|}{|\,|}$ и $\frac{|\,|}{|\,\text{в}}$. *Кармазинъ* мѣлкой, не лѣняетъ, узоръ по краскѣ и по толщинѣ знати; добрая аршинъ купятъ по $\frac{\text{м}\,|\,|}{|\,|}$ и по $\frac{|\,|}{|\,\text{д}\,|}$; а широта у всѣхъ ровна аршинъ без четверти или безъ двою вершковъ; а длина камкѣ вся-

кой неровно, помѣря купятъ; а коя камка толще, та и лутче. Камка *соломянка*, широта ей аршинъ съ двѣма вершки і мене — с полуторымъ вершкомъ: а длина той камкѣ мѣря жъ купятъ аршинъ тое камки $\frac{\text{і}\,|\,|}{|\,|}$ и $\frac{\text{і}\,|\,\text{г}\,|\,\text{в}}{|\,|}$ (*Зап:* по 10 и по 13 алтынъ съ деньгою), а на рознь кто купитъ по аршину, ино дороже» [1]). Въ одной росписи «о товарехъ и о камкахъ» 1682 года куѳтерь оцѣнена по $\frac{|\,\text{ѕ}\,|\,\text{а}}{|\,\text{а}\,|}$ и $\frac{\text{і}\,|\,\text{ѕ}\,|\,\text{а}}{|\,\text{а}\,|}$, адамашка по $\frac{\text{к}\,|\,|}{|\,|}$ и $\frac{\text{к}\,|\,\text{ѕ}\,|\,\text{а}}{|\,|}$; а кармазинъ и соломенка въ ту же цѣну, какъ и въ Торговой книгѣ. Въ той же росписи находимъ «камки *Яские, Индѣйские* то же словутъ, узоръ середней, с-ыными камками, ни с адамашкою ни с кухтеремъ ни с кармазиномъ не сойдетца, а шелкъ сканой, а широта $\overline{\text{гі}}$ вершковъ, а длина $\overline{\text{ді}}$ аршинъ и $\overline{\text{ѕі}}$ и $\overline{\text{ии}}$ аршинъ; а коя толше, та и лутче; выходитъ ис косяка из болшево по $\overline{\text{в}}$ портиша; а живетъ в нихъ не все шелкъ, и посконь: гораздо кому за обычей, и онъ расмотритъ посконь; а цѣна $\frac{|\,|}{|\,\text{ѳ}\,|}$ и $\frac{|\,|}{|\,\text{з}\,|}$. *Камкасья* утокъ шолковой, а основа нити узоры всякие; а купятъ аршинъ въ $\frac{|\,\text{ѕ}\,|}{|\,|}$ и $\frac{|\,\text{ѕ}\,|\,\text{а}}{|\,|}$. *Камочки золотные* с посконью на отласной обрасчикъ, а золочено по травѣ или по бересту» [2]). Въ расходной книгѣ 1584—1585 г. значится цѣна камки Венедицкой багровой по 10 алтынъ аршинъ, Венедицкой червчатой по 19 алтынъ и по 2 денги, Венедицкой багровой по 20 алтынъ, адамашки по 20 алтынъ съ гривною (такъ!), доброй червчатой по 18 алтынъ, доброй по 20 алтынъ [3]). Въ описяхъ значатся камки: Бурская, Веницейская, Гирейская, Есская или Индѣйская, Кизылбашская, Китайская, Царегородская, Астрадамская, Мисюрская [4]), Нѣмецкая, адамашка, кармазинъ, куфтерь, лауданъ или луданъ, соломянка; золотная и безъ золота, бѣлозолотная («поручи и ризы и стихари камка бѣлозолотная»), двуличная, разныхъ цвѣтовъ; клетчатая, полосатая, чешуйчатая, травная, мелкотрава, хрущатая; большой руки, средней руки. «Камка Бурская, на червцѣ травы, листье золото.—Камка Кизылбашская полосата, по ней полосы алы, сизы, въ полосахъ люди и птицы золоты да серебряны, межъ ихъ каемки жолты.—Камка китайка песочна, большой руки» [5]). Камка употреблялась на кафтаны, чюги, шубы, лѣтники, распашницы, тѣлогрѣи, шубы, шапки, наурузы, рукава, кушаки, штаны, чулки, завѣсы, наволоки и одѣяла; на подпушку кафтановъ, ферезей, однорядокъ, зипуновъ и тѣлогрѣй.

1) Торг. кн. ркп. гл. 217. — Ср. Зап. Отд. Рус. и Слав. Археол. т. I. отд. III. стр. 128.

2) Дизимъ, ркп. л. 62.

3) Дополн. къ Акт. историч. т. I. стр. 195. 197. 199. 200. 202. 204. 207.

4) Въ духовной грам. князя Михаила Андреевича Верейскаго (1486 г.) значится: «постеля шита шолки на алѣ камкѣ, възголовье камка Мисюрьская зъ золотомъ, да другое възголовье камка на червьци бѣлъ шолкъ». Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 303. — Въ описи

имуществу царя Ивана Васильевича: «оерези камка Мисюрская, на бѣли крушки золоты мѣлкой узоръ съ чернымъ шолкомъ.— Каѳтанецъ короткой камка Мисюрская, на сини розные шолки съ золотомъ лоси». Врем. кн. VII. М. 1850. отд. III. стр. 20. 30 и др.— Въ одной описи читаемъ: «камки *лудану* краснова цвѣту аршинъ съ четвертью». Изв. Археолог. Общ. т. V. стр. 120. Въ оп. им. кн. Голицыныхъ: «камка *луданъ* облакотной (облачный) цвѣтъ». стлб. 70.

5) Описн. кн. 97 г. № 665.—140 г. № 678. — 150 г. № 679. — Выв. кн. 137 г. № 127.— Перен. кн. 181 г. № 145 и мн. др.

Камкосинный. Кушакъ камкосинной, полосатъ, шолкъ жолтъ лазоревъ да черчетъ да бѣлъ [1]).

1) Зап. Имп. Археол. Общ. т. XI. стр. 289.

Камни драгоцѣнные употреблялись на украшенія утварей, одеждъ, доспѣховъ и вооруженій въ такомъ множествѣ, что въ описяхъ безпрестанно встрѣчаются: алмазы, бирюзы, винисы, изумруды, лалы, перелифти, фатисы, яхонты — желтые (топазы), красные лазоревые (сапфиры) синіе и червчатые (рубины), камни — зеленые, червленые, разные, искры — алмазныя, изумрудныя, лаловыя, яхонтовыя и проч. Въ Торговой книгѣ даются слѣдующія наставленія распознавать, пытать и покупать разные драгоцѣнные камни:

«*О каменіе яхонте и о всякомъ.* Камень *яхонтъ* (*Вр:* а смотрити яхонтовые чистоты, аще будетъ) черчатъ или синь или чалъ (*Вр:* или синь, такожъ и лалъ) смотри, чтобъ вода (была) чиста; доброго почка $\frac{||}{||в}$ і болши, в вѣсъ купи, кой великой; а кой менши, тотъ дешевле цѣною и вѣсомъ. *О яхонтѣ.* Яхонтъ камень, по Русской ценѣ, черленъ самого хорошево цвѣту (въ) ползолотника $\frac{||}{|є|}$, а тотъ же (*Зап:* получше) и $\frac{||}{і||}$; а кой в золотникъ, тотъ въ $\frac{||}{к||}$, а хорошъ цвѣтомъ и въ $\frac{||}{л||}$ и въ $\frac{||}{м||}$; а кой камень вѣсомъ болѣ (*Зап:* болѣе золотника), тому и цѣна по тому же (*Зап:* бываетъ поболѣ): у болшего цѣны прибываетъ в вѣсу въдвое; а попадетъ великой камень яхонтъ черчатъ, и дорого купи: токо (= если; *Вр.* и *Зап:* только) с ласткино яицо, пригодился бы государю царю, и вы дайте и много на $\frac{||}{р||}$ (*Вр:* и тотъ сто рублей и болѣ), у цѣны не устойте (*приб. Вр:* а лучіе Фряскіе живутъ. *Зап:* лучшіе яхонты живутъ Фряжскіе). *О синемъ яхонтѣ.* Синие яхонты золотникъ купятъ кой на голубе въ $\frac{||}{|в|}$; а синей (*Вр:* самой синій) цвѣтъ, кой свѣтелъ, золотникъ купити въ $\frac{||}{|а|}$; а кой великой, по тому жъ купити, росчитая вѣсъ; а в два золотника купятъ въ $\frac{||}{|є|}$; а въ $\frac{1}{2}$ золотника, тотъ купятъ въ $\frac{||}{і|є|}$; а боле того вѣсомъ, тому и цена дороже; а кой яхонтъ синь добрѣ, тотъ купятъ въ двѣ цѣны

тѣмъ же вѣсомъ, а (*Зап:* были бы) чисты бы, сквозѣ видѣти. А *лалъ* купити доброго цвѣту полъ-золотника въ $\frac{|\,|}{|\,в\,|}$ и въ $\frac{|\,|}{|\,г\,|}$ и въ $\frac{|\,|}{|\,а\,|}$; а боле того дороже; а в золотникъ лалъ доброй въ $\frac{|\,|}{\imath\,|\,|}$; в вѣсу прибываетъ (*Вр:* а будетъ болѣ того в вѣсу, то дороже прибываетъ. *Зап:* а будетъ болѣе того, то цѣна дороже прибываетъ): чѣмъ тяжелѣ камень коего вдвое, купишъ ево в $\bar{\text{д}}$ цѣны; а кой лалъ пожиже тѣхъ, и тѣмъ цвѣтомъ купити в полы тое цѣны; а красныхъ кой вѣсомъ ровенъ, а цена бледого передъ краснымъ в полы (*Вр:* а красной кой вѣсомъ ровенъ, и цѣна блѣднова пред краснымъ в полы. *Зап:* а красный лалъ кой цвѣтомъ ровенъ, и цѣна тому выше, а больше того передъ блѣднымъ). *Пытати яхонтъ съ яхонтомъ.* А попадетъ купити каменье (*Вр.* и *Зап:* камень яхонтъ), и ты яхонтъ пытай яхонтовою трескою; а камень яхонтъ всякимъ цвѣтомъ одна крѣпость; а будетъ неиметъ коего яхонтовая треска, то яхонтъ; а коево хотя мало яхонтовая треска иметъ, то не яхонтъ — достоканъ іли слуда. А сверхъ своие попытки никому не вѣрте. А лалы знати при варенике: что межъ тресками не отбѣливало (*Вр:* чтобъ межъ тр .... *Зап:* коли треска не обѣливаетъ его), то лалъ. А *вареникъ* знати: хоти красенъ, ино цѣлое мѣсто свѣтитъ бѣло, какъ і всякой хрусталь; а вѣсомъ тянутъ кои вареники $\bar{\text{д}}$ золотника, і толко таковы велики (*Вр:* велики яхонты; *Зап:* велики какъ яхонты) і цвѣтомъ въ ту краску лалъ (*Вр:* лалъ *нѣтъ; Зап:* въ ту же краску какъ лалъ) купити $\bar{\text{к}}$ камени въ $\frac{|\,|}{\rho\,|\,|}$ и дороже: а одинъ яхонтъ (*Зап:* какъ яхонтъ) купити на тотъ (*Зап:* на тотъ же) образецъ въ $\frac{|\,|}{\text{н}\,|\,\text{н}|}$ (*Вр.* и *Зап:* въ 50 рублей). И берегитесь того, чтобы вамъ винисы за лалъ не продали; а *виниса* камень красенъ, а цвѣтъ жидокъ у нево; а лалы таковы $\bar{\text{к}}$ камени доброго цвѣту сережные (*Вр:* два камени противъ прежніе главы двухъ яхонтовъ доброво цвѣту сережново камени купите) $\frac{|\,|}{\text{н}\,|\,|}$ и $\frac{|\,|}{\bar{\text{а}}\,|\,|}$, хоти и дороже того; а житково цвѣту, тотъ цѣною в полы, хоти столь же великъ (*Вр:* и *Зап:* великъ вѣсомъ). А *бечеты* за лалъ не купите; а бечета знати: къ свѣту в немъ какъ пузырки. А камени *бауса* за голубой яхонтъ не купите (*Зап:* а камень баусъ сизъ, голубъ; и вы баусъ за яхонтъ не купите): яхонтъ ево иметъ. А камени *заберзатъ* (*Зап:* дешевъ и) дорого ево не купятъ; а попадетъ вамъ, і вы бы ево дорого не купили: на Москвѣ живетъ чистово в ползолотника ставка $\frac{|\,\text{а}\,|}{|\,|}$. Камень *бирюза*, цвѣтъ на немъ голубъ. Камень *сердоликъ* ісережный кирпишнымъ цвѣтомъ юфть (*Зап:* какъ юфть, на Москвѣ) купятъ. А пытайте *наждаку,* чѣмъ (*Вр:* чѣмъ камень) обравниваютъ, купятъ фунтъ нуждаку въ $\frac{|\,\text{г}\,|}{|\,|}$. И мотчи у мастера поучитися,

какъ алмазятъ и камень одѣлываютъ і рѣжутъ: ино бы отъ учения дати что возмутъ. А сказываютъ, что де всякой камень мякчѣетъ и рѣжутъ на немъ что захотятъ, потому что мякокъ станетъ, да и опять учинит(ся) твердъ по старинѣ, каковъ былъ. А *достоканъ* камень знати: во всякомъ пузырина есть; а потри того яхонтомъ хоти невострымъ, и яхонтъ достокана иметъ; а яхонтъ хоти і востръ, другово никако (*Вр:* другово яхонта; *Зап:* другаго никакого камня) не иметъ. А изумрудный цвѣтъ нынѣча почали достоканы свинцомъ (*въ ркп. ошиб.* к вѣнцомъ) поддѣлывати (*Вр:* почали нынѣ лживые достоканы дѣлати в-ызумрудной цвѣтъ, свинцомъ поддѣлывать стекло. *Зап:* почали нынѣ въ изумрудный цвѣтъ дѣлати достоканы лживые; а говорятъ, свинцомъ поддѣлываютъ стекло). І *изумрудъ* пытати изумрудовою трескою: будетъ треска не иметъ, іно то прямой изомрудъ; а иметъ, ино то поддѣлное стекло (*Вр:* и *Зап:* В-ызумрудѣ в дорогомъ, что въ зеркалѣ, видится видъ человѣка). Камень *виниса* обышной, тотъ купятъ золотникъ ограненнаго въ $\frac{\text{і}\,|\,|}{|\,|}$; а цвѣтъ у него красенъ жидокъ. А камени *яхонту черчатаго* золотникъ купятъ въ $\frac{|\,|}{\text{і}\,|\,|}$ и $\frac{|\,|}{\text{і}\,|\,\text{є}\,|}$, а самого доброго *черленого* золотникъ и въ $\frac{|\,|}{\text{к}\,|\,|}$; а *синево* яхонту золотникъ купятъ $\frac{|\,|}{|\,\text{є}\,|}$ а *лалъ* противъ синево яхонту купятъ; а добрѣ красенъ и чистъ лалъ, тотъ купятъ прн синемъ яхонтѣ въ двѣ цены. А яхонты пытаютъ синимъ и краснымъ, за искры мѣсто пытаютъ. Куплены $\bar{\text{к}}$ камешка яхонты, одинъ синь, а другой красной, оба $\frac{\text{к}\,|\,\text{s}\,|\,\text{а}}{|\,|}$; а куплены того для испыту, за искры мѣста пытати. А каменье надобно собою знати всякое. Камень *боканъ*, а выбирать (*Зап:* его надо) съ примѣтомъ: какъ соболь доброй купятъ отъ-дешева фунтъ $\frac{|\,|}{|\,|\,\text{в}}$, а дорогъ $\frac{|\,|}{|\,\text{в}\,|}$. Камень *ящуръ* смотри, которые бы бѣлы да велики да нахороше хороши были (*Зап:* который бы былъ цвѣтомъ бѣлъ да великъ, а купятъ его дешево») [1]). Въ росписи «о камениахъ» 1682 г. значится: камень *яшми*, а в немъ искра что кровь смѣшалась; купятъ ихъ в печаткахъ недорого. Камень *алмазъ*, а по-неметцки *демантъ*, а цвѣтомъ потемние хрусталя, всѣхъ черствие каменей и крѣпчае, треска не иметъ никакая; а в дешевую пору почку купятъ въ $\frac{|\,|}{|\,\text{в}\,|}$ і въ $\frac{|\,|}{|\,\text{н}\,|}$ и въ $\frac{|\,|}{|\,\text{а}\,|}$; а кой вѣсомъ болше, тому и цена вдвое, и на всякую почку цѣны прибываетъ вдвое. Камень *яхонтъ* черчатъ или синь или *лалъ* смотри, чтобъ вода чиста; доброго почка по $\frac{\text{і}\,|\,\text{s}\,|\,\text{а}}{|\,|}$ и болши» [2]). — Имѣя въ виду такія подробныя наставленія пытать и покупать драгоцѣнные камни, нельзя согласиться съ тѣмъ, будто на украшеніяхъ одеждъ не только у царей, но и у людей богатыхъ «по большей части камни были низкаго достоинства, такъ назы-

ваемое, по тогдашнему образу выраженія, плохое каменье», и будто «люди съ состояніемъ часто платили хорошія деньги за дурные камни, потому что не умѣли распознать ихъ достоинства», какъ утверждалъ Н. И. Костомаровъ [3]). Стоитъ только посмотрѣть на остатки прапрадѣдовскихъ нарядовъ, какіе хранятся еще и нынѣ въ нѣкоторыхъ старинныхъ домахъ, чтобы убѣдиться въ противномъ. Ключарь Московскаго Архангельскаго собора разсказывалъ мнѣ, что, послѣ коронаціи Императора Александра II, иностранцы, осматривавшіе достопримѣчательности этого собора, особенно удивлялись и множеству, и величинѣ и драгоцѣнности камней на старинныхъ царскихъ пеленахъ и утваряхъ, и чрезвычайно высоко цѣнили эти камни; но замѣчали, что многіе изъ нихъ испорчены тѣмъ, что просверлены посединѣ для спней и шелковыхъ нитокъ, которыми они прикрѣплены къ пеленамъ и утварямъ. Припомнимъ еще, что царь Иванъ IV Васильевичъ, показывавшій Горсею свои сокровища, языкомъ знатока описывалъ достоинство алмазовъ и яхонтовъ [4]). Впрочемъ для украшенія нѣкоторыхъ даже царскихъ одеждъ и утварей употреблялось и плохое каменье — но только не *по большей части*.

1) Торг. кн. ркп. гл. 32—50. Ср. Врем. Общ. Ист. и Древн. Рос. кн. VIII. стр. 14 и 15. — Зап. Отд. Рус. и Слав. Археол. т. I. стр. 120—122.
2) Дизимъ, ркп. л. 64 об.
3) Очеркъ дом. жизни и нрав. Великорус. нар. Спб. 1860. стр. 73.
4) Ист. Госуд. Рос. т. IX. стр. 257.

Канитель, Канутель, Канютель, Конитель, Конютель (Фр. cannetille) тонкая винтообразно витая золотая или серебряная проволока. Употреблялась при низаніи и вышиваніи украшеній для одеждъ, какъ-то: круживъ, петель, запястій, ожерельевъ, для обвивки пугвицъ, кляпышей и т. п. «Круживо и чепи низаны жемчюгомъ съ канителью по вишневому бархату. — Подлатникъ шитъ по червчатому отласу золотомъ пряденымъ, съ канителью *грановитою*. — Пуговки золоты конительны. — Круживо канительное серебреное» [1]). — «Вошвы дѣланы канютелью грановитою, золотою и серебряною, и кратулинью и трунсаломъ по полосамъ: одни полосы дѣланы по червчатому отласу, а другіе полосы по лазоревому отласу» [2]). — Были мастера канительные и канительное дѣло. 1628 г. октября 12 «взято изъ государевы изъ мастерскіе полаты полтретья золотыхъ Угорскихъ, отданы на канительное дѣло канительному мастеру Юшкѣ» [3]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665. — 150 г. № 679. — 190 г. № 140. — Вывѣсн. кн. 137 г. № 127.
2) Забѣлинъ. Дом. бытъ Рус. нар. т. II. Матер. стр. 31.
3) Прих.-расх. кн. 137 г. № 748.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Капторга особое металлическое украшеніе у пояса: «изъ золота далъ есмь сыну своему Ивану.... поясъ золотъ съ капторгами» [1]). — У Калмыковъ *хапторга* означаетъ металлическій футлярчикъ у пояса; нынѣ, впрочемъ, употребляется только для украшенія и дѣлается изъ серебра съ позолотой.

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. 1. стр. 32. — Въ Ист. Гос. Рос. т. IV. прим. 325: «поясъ съ *капторгами*» родъ застежекъ (?).

Каптуръ теплая шапка, мѣховая или стеганая, съ круглымъ верхомъ, съ мѣховымъ очельемъ и опушкою, покрывавшая не только голову, но и уши и даже шею. Въ духовной грамматѣ княгини Іуліаны Волоцкой значится «каптуръ соболей» [1]). У царицы Евдокіи Лукіановны были «три каптура собольихъ съ пухомъ. — Каптуръ соболей съ пухомъ, покрытъ миткалями арабскими» [2]). Ей же, 22 декабря 1648 г., былъ «скроенъ каптуръ соболей, пошло полтретьи пары — на пухъ 2 бобра безъ трети, въ оголовье 7 пупковъ собольихъ, на чехолъ 6 вершковъ миткалей широкихъ, на пухъ чолошной полбобра, поверхъ пуху нашито звено пуху накладного». Въ сентябрѣ 1649 г. «для ученія каптурного дѣла ученику скроенъ каптуръ, пошло полтретьи пары соболей, на пухъ пошелъ бобръ, на очелошной пухъ пошло полбобра черненого да звено пуху накладного; на чехолъ пошло 6 вершковъ миткалей» [3]). Подъ каптуръ строенъ кружочикъ въ отласѣ червчатомъ, пошло полпята вершка; да въ настилку пошло 6 золотн. бумаги хлопчатой; на шитье шолку $^1/_2$ золотн.

Дѣлались каптуры и для лошадей: въ конюшенной палатѣ князей Голицыныхъ нашлись «3 каптура, сукно красное, розшиваны сукномъ зеленымъ, кругъ ихъ бахрама гарусная, подложены холстомъ; цѣна рубль 16 алт. 4 д. — 7 каптуровъ черныхъ суконныхъ, розшиты галунами гарусными; цѣна рубль» [4]).

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 340.
2) Описн. кн. 150 г. № 679.
3) Кроил. кн. 157 г. № 807; 158 г. № 811 и 160 г. № 1000.
4) Опис. имущ. кн. Голиц. стлб. 151.

Капъ березовый выплавокъ, наростъ на березѣ. Употреблялся на разныя подѣлки. «Посохъ каповой съ костьми, во влагалищѣ деревянномъ, бархатномъ червчатомъ. Помѣчено: А по ерлыку, тотъ посохъ поднесенъ великому государю царю Михаилу Ѳеодоровичу, какъ онъ былъ на Костромѣ» [1]). «Клещи (у хомута) каповые. — Сѣдло гусарское оклеено капомъ» [2]).

1) Описн. кн. 190 г. № 140.
2) Опис. имущ. кн. Голиц. стлб. 157. 158.

Кармазинъ (отъ Араб. قرمزى *кырмизи*) ткань темнокраснаго цвѣта. Камка «кармазинъ мѣлкой, не лѣняетъ; узоръ по краскѣ и по толщинѣ знати» [1]). «Ферези камка червчата кармазинъ.—На постелѣ наволока камка кармазинъ червчата да бѣла да жолта да зелена, дѣланы лученки. — Зголовье.... наволока камка кармазинъ бѣла, червчата, жолта, зелена, дѣланы лученки» [1]). Судя по этому, можно полагать, что названіе кармазиномъ, данное въ Торговой книгѣ камкѣ, означаетъ не только цвѣтъ, но и сортъ ткани. У малороссіянъ *кармазына* значитъ красное сукно.

1) Торг. кн. ркп. гл. 217.
2) Описн. кн. 97 г. № 665 и 150 г. № 679. — Вывѣсн. кн. 137 г. № 127.

Картулинъ, Картунель, Кратулинь шнурокъ или нитка краснаго цвѣта въ круживахъ и вышивкахъ узоровъ [1]). «Запясье (у рукавокъ) по червчатому бархату шито конителью золоченою да серебряною съ картулиномъ да съ трунцаломъ, въ нацвѣтѣ шолкъ зеленъ, лазоревъ» [2]). — «Снуръ шляпочной дѣланъ картунелью и трунцалы съ жемчюги». — «Вошвы дѣланы канютелью грановитою золотою и серебряною и кратулинью и трунсаломъ» [3]).

1) У Даля (Слов.) «Картулимъ». — У Строева Указ. къ Вых. госуд. «картулинъ родъ канители».
2) Описн. кн. 150 г. № 679.
3) Забѣлинъ. Дом. бытъ рус. нар. т. II. Матер. стр. 50. 31.

Кафтанъ верхняя одежда, съ длинными рукавами, съ пугвицами или кляпышами и петлицами для застежки напереди. Кафтаны шились атласные, бархатные, байберековые, зарбафные, камчатные, объяринные, тафтяные, зуфные, суконные, мухояровые, крашенинные. Покрой и украшенія кафтановъ были чрезвычайно разнообразны. Къ нарядным кафтанамъ пришивали или пристегивали высокій стоячій воротникъ, закрывавшій весь затылокъ, сзади воротника отложное ожерелье, къ краямъ рукавовъ запястье, а къ поламъ круживо, для украшенія коихъ употребляли жемчугъ и каменье; петлицы были по большей части длинныя съ кисточками. Задъ кафтана иногда дѣлался нѣсколько короче переда, для того, чтобы видны были задки нарядныхъ сапоговъ [1]). Кафтаны надѣвались на ферезь или прямо на зипунъ. По различію покроя кафтаны назывались турскими и становыми; а по употребленію столовыми, ѣздовыми, дождевыми, смирными и проч.; были кафтаны верхніе и исподніе; теплые, то есть съ мѣховымъ исподомъ, съ горностаевымъ, собольимъ или песцовымъ подбоемъ, съ опушкою горностаевою или изъ собольихъ пластинъ и хвостовъ, стеганые и холодные; послѣдніе иногда безъ подкладки.

Турскій кафтанъ былъ безъ воротника и застегивался только у шеи и на лѣвомъ боку. Турецкое названіе кафтана также قفتان *кафтан*. «Кафтанъ Турской бархатъ Венедицкой на золотой землѣ шолкъ червчатъ съ петлею золотою; подложенъ отласомъ зеленымъ. — Кафтанъ Турской зуѳь бѣла Анбурская, подпушенъ отласомъ черчетымъ. — Кафтанъ Турской камка червчета кармазинъ; подложенъ шамохейкою червчетою, подпушенъ таѳтою жолтою» [2]). — «Кафтанъ Турской отласной, по серебряной землѣ травы золоты съ шолки розныхъ цвѣтовъ; подложенъ бязью безъ подпушки; у него жъ ожерельецо узкое того жъ отласу; цѣна 24 руб.» [3]).

Становой кафтанъ былъ съ перехватомъ и отличался отъ Турскаго не столь длинными рукавами; для застегиванья пришивалось къ нему отъ 8 до 12 пуговицъ, кои всѣ помѣщались на груди; сверхъ того къ боковымъ прорѣхамъ, или разрѣзамъ на подолѣ, пришивались еще 2 пуговицы. У одного изъ становыхъ кафтановъ царя Ѳеодора Алексѣевича были «на вороту да на поясу 2 пугвицы золоты съ искры яхонтовыми червчатыми» [4]). Вмѣсто пуговицъ иногда пришивались кляпыши: у кафтана Бориса Ѳеодоровича было «на вороту и на прорѣхахъ 19 кляпышевъ серебряныхъ» [5]).

Столовые кафтаны употреблялись государями когда они являлись въ столовую; *ѣздовые* — при выѣздѣ за городъ; *дождевые* — при ненастной погодѣ; *смирные* — при похоронахъ, панихидахъ и вообще во время траура. *Верхніе* кафтаны надѣвались на *исподніе*. Въ 1680 году іюня 29, во время литургіи въ селѣ Троицкомъ, «на великомъ государѣ было платья: кафтанъ ѣздовой верхней, съ широкими рукавы, объярь по червчатой землѣ травы золоты и серебряны, исподъ горностаевой; кафтанъ ѣздовой исподней объярь ала, струя серебрена; зипунъ тафта бѣла» [6]). *Причастные* кафтаны царя Ѳеодора Алексѣевича: камчатный Китайскій, съ золотымъ круживомъ, съ исподомъ изъ пупковъ и опушкою изъ пластинъ собольихъ; атласный Амстрадамскій цвѣтной, съ бѣлой тафтяной подкладкой и опушкой изъ песочной камки; камчатный Китайскій бѣлый, съ бѣлою же тафтяной подкладкой и съ круживомъ. — У дождевыхъ кафтановъ его, вмѣсто кружива, былъ золотной голунъ [7]).

Кафтаны носили цари, царицы, царевичи и царевны, князья, княгини и княжны, бояре, духовныя лица, житые люди, посадскіе, крестьяне. У царицы Евдокіи Лукьяновны были кафтаны изъ Персидскаго бархата, золотнаго атласа и золотной объяри; съ подкладкою и подпушкою изъ тафты, кутни и бязи; у одного на вороту 18 кляпышовъ; два изъ нихъ турецкое дѣло [8]). — «Клементьевскому *попу* Ивану Насѣдкѣ (1621 г.) скроенъ кафтанъ въ киндякѣ свѣтлозеленомъ: длина 2 арш. безъ 3 вершковъ, въ плечахъ аршинъ безъ полутора вершка, рукава отъ стану 5 вершковъ, въ

подолѣ пол-4 аршина. Киндяку пошло 9 арш., цѣна 23 алт. 2 денги; да на подпушку дано 2 арш. зендени темносиней, по 10 ден. аршинъ; на подкладку дано 9 арш. холста бѣлого по 8 ден. аршинъ; нашивка шолкъ багровъ съ зототомъ, цѣна 20 алт. И всему кафтану цѣна рубль 25 алт. 2 денги» [9]).— Въ 1649 г. «на казенномъ дворѣ сдѣланъ кафтанъ *поповской* въ камкѣ куфтерѣ зеленой, подложенъ исподъ черевей лисей краснобурой, нашивка нашита шолковая, пугвицы серебряныя золоченыя; и тотъ кафтанъ царица Марья Ильична пожаловала духовнику Стефану» [10]). У монастырскаго *стряпчаго* (1659 г.) «кафтанъ камчатой, а у него козырь золотной шитой; кафтанъ зеленой, исподъ лапчатой соболей» [11]). У *крестьянъ* (1579 г.): «кафтанъ теплой заечей хребтовой подъ сукномъ подъ тмозеленымъ подъ Аглинскымъ, а на немъ 15 пугвицъ серебряныхъ гладкихъ. — Пять кафтановъ бараньихъ подъ сукны подъ сермяжными: два подъ бѣлыми, а три подъ сѣрыми» [12]).—«Кофтанъ Есской червленъ, пушенъ крашениною сверху» [13]).

Съуженный и укороченный кафтанъ назывался *полукафтаньемъ*: «полукафтанье невелико, дорогильное, зелено; подпушка киндячная ценинна; подкладка крашенинна, лазорева» [14]).

1) Покрой кафтана показанъ, по кроильнымъ книгамъ, у Вельтмана въ слов. къ Оруж. Пал. стр. 20: «апрѣля въ 10 день (1666 г.) скроенъ великому государю кафтанъ становой объярь серебряна травы золоты съ шолки розныхъ цвѣтовъ, въ длину по передамъ 2 арш. 3 верш., позади 2 арш. полтретья вершка, въ плечахъ ширина 1 арш. безъ полвершка; рукавамъ длина отъ стану 1 арш. 5 верш., въ корени 7 верш., въ запястье 3 верш.; въ подолѣ ширина 5 аршинъ».

2) Описн. кн. 97 г. № 665.

3) Переписн. кн. 148 г. № 678.

4) Описн. кн. 190 г. № 140.

5) Описн. кн. 97 г. № 665.

6) Вых. госуд. стр. 685. 694.

7) Описн. кн. 190 г. № 140.

8) Описн. кн. 150 г. № 679.

9) Кроил. кн. 130 г. въ № 1149.

10) Кроил. кн. 158 г. въ № 811.

11) Акт. Юрид. стр. 153.

12) Тамъ же, стр. 92. 93.

13) Тамъ же, стр. 50. Въ описи имущ. кн. Голиц. стлб. 158: «Кафтанъ *возничей* нѣмецкой и штаны, сукно цвѣтъ коришной, по немъ галунъ серебреной; цѣна 5 р. — 2 кафтана возничьихъ объяринныхъ жаркихъ, на бѣльихъ черевьихъ мѣхахъ; цѣна 4 р. — 2 кафтана возничьихъ же объяринныхъ лимонныхъ, холодныхъ; цѣна 3 р.—Волосы накладные; цѣна 20 алт.».

14) Переп. кн. 148 г. № 678.

Кебенякъ, Кибенякъ верхняя суконная одежда, употреблявшаяся въ дождь и въ ненастье. Въ 1633 г. марта 17, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ ходилъ въ Алексѣевскій дѣвичь монастырь въ шубѣ; ... «да для ненастья было на государѣ, на шубѣ, кебенякъ скорлатъ червчетъ» [1]). Въ государе-

выхъ походахъ и объѣздахъ по церквамъ и монастырямъ кебеняки отпускались въ запасъ. «Кебенякъ лундышъ вишневъ; кебенякъ скорлатъ червчетъ; кибенякъ вишневъ; кебенякъ гронадъ вишневъ» [2]).

1) Вых. госуд. стр. 12.

2) Тамъ же, стр. 8—10. 27. 35. 99. — Покрой кебеняка по кроильной книгѣ 137 г. (№ 1156): сентября 12 «скроенъ государю кебенякъ лундышь темновишневъ, въ длину дву аршинъ безъ полутора вершка, ширина въ плечѣхъ аршинъ и полчетверта вершка, по подолу 4 арш. безъ дву вершковъ; рукава въ длину отъ стану аршинъ съ четью, ширина въ корени 7 вершковъ, въ запястьѣ 4 вершка безъ чети».

Кежа, Кежъ пеньковая плотная ткань — пестрая, полосатая, разныхъ цвѣтовъ. «Завѣсъ въ срединѣ кежа волнистая съ полосами, а опушена кежею жъ съ полосами. — Коверъ . . . . опушка кежа полосатая, полосы зеленыя и бѣлыя. — Бабръ (санная полсть) подоженъ кежемъ полосатымъ» [1]).

1) Оп. имущ. кн. Голиц. стлб. 2. 81. 153.

Кибить у лука. См. **Лукъ.**

Кика или **Кичка** женскій головной уборъ, у котораго околъ состоялъ изъ *цки*, огибавшей голову какъ широкой лентой и соединенной концами на затылкѣ; верхъ дѣлался изъ картона, который покрывался цвѣтною тканью. Передняя часть кики, называемая очельемъ и челомъ кичнымъ, украшалась запонами, репьями, переперами, съ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; она устроивалась и отдѣльно отъ кики и, когда было надобно, прикрѣплялась къ ней. Въ духовной грамматѣ кн. Димитрія Іоанновича (1509 г.) значатся: «чело кичное золото съ яхонты и зъ жемчуги и зъ жемчужинами и съ плохимъ каменьемъ; да три переперы кичные серебряны золочоны съ яхонты и съ плохимъ каменьемъ» [1]). Спереди къ кикамъ привѣшивались *поднизи*, по обѣимъ сторонамъ, близъ ушей, *рясы*, (см. **Поднизь, Рясы**), а сзади бархатъ или соболь. Вообще, по украшеніямъ, кика была схожа съ дѣвичьимъ вѣнцомъ, отъ котораго отличались тѣмъ, что подъ нею спрятывалась коса, и дѣвичій косникъ замѣнялся бархатомъ или соболемъ. Кики носили только замужнія женщины. По старинному свадебному чину, требовалось на одномъ изъ блюдъ на свадебномъ столѣ «положити кика; да положити подъ кикой подзатылникъ, да подобрусникъ, да волосникъ, да покрывало; да гребешокъ положити у кики на блюдѣ» [2]). По замѣчанію И. Е. Забѣлина, «подобно тому какъ дѣвичій вѣнецъ имѣлъ значеніе какъ бы короны дѣвичества, такъ и кика была короною замужнихъ женщинъ или короною замужества, вѣнцомъ брачной жизни» [3]). У царицы Евдокіи Лукіановны были: «Кика отласъ червчатъ, по ней запоны золоты съ каменьемъ съ алмазы

и сь яхонты и с-изумруды; у поднизи зерна гурмыцкіе на золотыхъ спняхъ; назади бархотъ чорной.—Кика отласъ червчатъ, на ней цка золота, по цкѣ въ репьяхъ каменье въ гнѣздѣхъ: яхонты лазоревы и червчаты и изумруды; въ поднизи зерна гурмыцкіе на спняхъ; позади бархотъ чорной. — Кика отласъ червчатъ, запоны золоты съ каменьемъ: съ алмазы и сь яхонты и с-ызумруды, межъ запонъ въ гнѣздѣхъ яхонты лазоревы и червчаты и лалы; въ поднизи репьи низаны съ каменьемъ, по краемъ у поднизи зерна гурмыцкіе; а по кикѣ на спняхъ золотыхъ птицы низаны жемчюгомъ; назади бархотъ чорной.—Кика бѣлая, у ней запаны золоты съ каменьемъ: съ яхонты и съ лалы и с-ызумруды и съ бирюзами; назади соболь. — Кика бѣлая жъ, у ней цка серебрена золочена; назади соболь» [4]). Въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ, гдѣ сохраняется старина, еще и въ настоящее время можно видѣть не только у крестьянокъ, но даже у горожанокъ головной уборъ похожій на буракъ или кузовокъ, иногда съ рогами, сдѣланный изъ лубка или изъ подклееннаго холста, обтянутый позументомъ или тканью яркаго цвѣта, и украшенный разными вышивками и бисеромъ, а у богатыхъ бабъ даже жемчугомъ и дорогими камнями. Этотъ уборъ въ однихъ мѣстахъ также называютъ *киками*, въ другихъ *кокошниками*, *сороками*. Даль говоритъ о послѣднемъ видѣ кички: «это некрасивый, но самый богатый уборъ, уже выходящій изъ обычая; но мнѣ самому еще случилось видѣть сороку въ десять тысячъ рублей» [5]).

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 406.
2) Домострой, ркп. гл. 67. стр. 188 об.
3) Дом. бытъ Рус. нар. т. II. стр. 597.
4) Описн. кн. 134—136 г. № 668 и 150 г. № 679.
5) Толк. слов. подъ словомъ «сорока».

Киндякъ бумажная набойчатая ткань. Въ началѣ XVII столѣтія цѣна ея была «по 40 алтынъ киндякъ» [1]) — мѣры неизвѣстной. Киндякъ употреблялся на подкладку одеждъ. — Въ Оружейной палатѣ Кирилловъ-Бѣлоезерскаго монастыря было «знамя служилое киндякъ червчатъ, среди крестъ, по краемъ опушено киндяку темнолазоревы, два клина киндяку червчата, третей бѣлой миткалинной» [2]).

1) Ист. Гос. Рос. т. X. прим. 426.
2) Описн. кн. Кирил.-Бѣлоезерск. мон. 1668 г. ркп. л. 659.

Кинжалъ. См. **Кончаръ.**

Китайка сортъ тафты. См. **Тафта.**

Кишень карманъ. У налучи Бориса Ѳеодоровича кишень изъ рытаго червчатаго бархата, обшитаго чернымъ хзомъ, по которому шито и стро-

чено золотомъ и серебромъ, съ образинами человѣчьими и шелковыми кистями на шелковыхъ же столпцахъ; другая кишень изъ бѣлаго сафьяна, строченаго золотомъ, съ вышитою золотомъ же мишенью [1]). — У малороссіянъ и нынѣ употребляется слово *кишеня*, означающее также карманъ:

«Въ кишени жъ пусто, ажь гуло» [2]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.
2) Котляревскій. Энеида на Малорос. языкѣ 1842 г. ч. I. стр. 32.

Кладенецъ. См. **Мечъ.**

Клевецъ знакъ военачалія въ видѣ остроконечнаго молотка. У Бориса Ѳеодоровича былъ «клевецъ Турской съ обушкомъ; топорище крашено, на концѣхъ топорища кости» [1]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.

Клеенка сортъ тафты. См. **Тафта.**

Клобукъ (то же что Тур. قلبق *калабак*) шапка, имѣющая видъ колпака съ мѣховымъ околышемъ. Это древнѣйшій видъ шапокъ у Русскихъ. Какъ наголовье княжеское, клобукъ упоминается въ лѣтописи подъ 6580 (1072 г.). Здѣсь говорится, что по перенесеніи мощей Бориса и Глѣба въ новую церковь, построенную Изяславомъ, во время литургіи «рече Святославъ къ Бернови: «нѣчто мя на главѣ бодетъ»; и сня клобукъ» [1]). Историографъ замѣчаетъ при этомъ, что «князья, вмѣсто короны, носили клобуки и не снимали ихъ въ церкви» [2]). Въ 6661 (1153) г. князь Ярославъ Галичскій, по смерти отца своего Ярослава, принялъ воеводу Петра, сидя «на отни мѣстѣ въ чернѣ мятли и въ клобуцѣ» [3]).

Примѣчаніе. Нынѣ *клобукомъ* называется шерстяное или шелковое покрывало монашеской камилавки, съ воскриліями или разрѣзами по краямъ.

1) Полн. собр. Рус. лѣтоп. т. V. стр. 146.
2) Ист. Гос. Рос. т. II. прим. 126.
3) Тамъ же, т. II. прим. 353.

Клопецъ узоръ при вышиваніи въ одинъ, два или три стежка, почему и назывался у золотошвеекъ одинокимъ, двойнымъ, тройнымъ. «Застѣнокъ .... по краямъ шито золотомъ в клопецъ» [1]).

1) Забѣлинъ. Дом. бытъ Рус. нар. т. II. Матер. стр. 58.

Кляпыши костыльки (въ родѣ оливокъ у гусарскихъ венгерокъ), употреблявшіеся вмѣсто пуговицъ и запонъ на вороту, прорѣхахъ и полахъ

платенъ, кафтановъ, зипуновъ, чюгъ, шубъ и другихъ одеждъ. Кляпыши дѣлались серебряные позолоченые, саженые жемчугомъ съ канителью, обшитые или обвитые золотомъ и шелками. У платенъ царскихъ было по 10 и 12 кляпышевъ серебряныхъ золоченыхъ [1]). У кафтана царицы Евдокіи Лукіановны было «на вороту 18 кляпышевъ, обдѣланныхъ золотомъ волоченымъ»; столько же и у чюги [2]). На чюгѣ Бориса Ѳеодоровича «12 кляпышевъ Турскихъ»; на другой чюгѣ «18 кляпышковъ Турскихъ шолкъ багровъ»; у шубы его же «на вороту 9 кляпышевъ сажены жемчугомъ и канителью [3]). У зипуна царя Алексѣя Михаиловича «20 кляпышей обшиты золотомъ волоченымъ» [4]). — Къ кляпышамъ привѣшивались кисти съ ворворками. «41 кистей кляпушныхъ золотыхъ, ворворки низаны жемчюгомъ.— 7 кляпушей золотыхъ съ кистми, ворворки низаны жемчюгомъ» [5]).

1) Описн. кн. 190 г. № 140.
2) Описн. кн. 150 г. № 679.
3) Описн. кн. 97 г. № 665.
4) Описн. кн. 190 г. № 140.
5) Дом. бытъ Рус. нар. т. II. Матер. стр. 41.

Кобылино у ноженъ желѣзныя полосы, между которыми вкладывалось оружіе; онѣ обтягивались кожею или прочною тканью. «Ножны отъ устья до наконечника поволочены газомъ чернымъ;. обоймица въ 4-хъ мѣстѣхъ мѣдяны; кобылино желѣзно; наконешникъ булатенъ; мишень наведена золотомъ» [1]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.

Кованцы выкованныя изъ золота или серебра круглыя бляхи, прикрѣплявшіяся по обѣимъ сторонамъ ухвата, у налобника и у переносья лошади [1]).

1) Истор. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 31.

Кожанъ кожаный кафтанъ. «Кожанъ ровдужной крашеной; другой кожанъ ровдужной ношенъ» [1]).

1) Изв. Имп. Археолог. Общ. т. III. стлб. 59.

Кожухъ кафтанъ подбитый мѣхомъ; украшался нашивками, круживомъ и аламами съ жемчугомъ; надѣвался на зипунъ [1]). Кожухи упоминаются въ Словѣ о полку Игоревомъ: «орьтъмами и япончицами и кожухы начашя (Русичи) мосты мостити по болотомъ» [2]). Въ лѣтописи говорится о князѣ Даніилѣ Галицкомъ что при свиданіи, въ 1252 г., съ нѣмецкими

послами у Пожга, былъ на немъ «кожюхъ оловира Грецького и круживы златыми плоскыми ошитъ» [3]). Великій князь Іоаннъ Даниловичъ Калита въ своей духовной грамматѣ писалъ, между прочимъ: «а исъ портъ изъ моихъ сыну моему Семену кожухъ черленый женчужьный, шапка золотая; а Ивану сыну моему кожухъ желтая обирь съ женчугомь, коць великий зъ бармами... А что есмь нынѣча нарядилъ 2 кожуха съ аламы съ женчугомь, а то есмь далъ меншимъ дѣтемъ своимъ.... [4]). «Кожухъ камка Бурская.... на соболяхъ, нашивка жемчюжная, пуговицы обнизаны жемчюгомъ» [5]). —У малороссіянъ *кожухомъ* называется нагольная шуба. Въ этомъ значеніи слово *кожухъ* сохранилось почти во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ.

Кожухомъ называется также корпусъ у часовъ: «часы боевые зепьные (карманные), кожухъ мѣдной прорѣзной, золоченъ» [6]). *Кожушкомъ* называлась и металлическая ямочка или гнѣздышко для вставки жемчужнаго зерна или камня: «булавка съ камешкомъ червчатымъ въ кожушкѣ» [7]).

1) Вых. госуд. стр. 178.
2) Рус. достопам. ч. III. стр. 50. 51.
3) Лѣтоп. по Ипат. сп. изд. 1871. стр. 541. — Оловиръ = Греч. ὁλόβηρος, тоже что ὁλοπόρφυρος; знач. кожухъ былъ весь пурпуровый.
4) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 32.
5) Вых. госуд. стр. 178.
6) Акт. Историч. т. IV. стр. 399.
7) Изв. Имп. Археолог. Общ. т. III. стлб. 63.

Козырь высокій стоячій воротникъ, закрывавшій весь затылокъ. Дѣлался изъ атласа, бархата, участка камки, объяри; вышивался золотомъ и серебромъ; унизывался жемчугомъ съ драгоцѣнными камнями. Козырь составлялъ одинъ изъ первыхъ предметовъ щегольства; отсюда выраженіе: «ходить козыремъ» [1]). «Козырь участокъ золотной. — Козырь шитъ золотомъ да серебромъ по бѣлому отласу» [2]).

1) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 14 и 15.
2) Изв. Имп. Археолог. Общ. т. III. стлб. 58. 60.

Кокошникъ женскій головной уборъ, состоящій изъ очелья и тульи, разширенной къ верху и закрывающій волосы. Очелье кокошника вышивалось золотомъ, серебромъ, разноцвѣтными нитками и шелками; унизывалось жемчугомъ или бисеромъ съ цвѣтными вставками. «Четыре кокошника золотыхъ». — «Кокошникъ низаной; пять кокошниковъ шитыхъ съ галунами и съ канетелью по камкамъ и по атласу». — «Кокошникъ низаной; кокошникъ шитой тафтяной съ круживомъ серебренымъ, кокошникъ тафтяной желтой съ лентами золотными, да восемь кокошниковъ шитыхъ,

бѣлыхъ» [1]). «Кокошникъ жемчюжной со ставками» [2]). «Очелья новые кокошниковъ, шиты по перевити нитми, мѣстами шито золотомъ».

1) Акты юрид. быта др. Россіи, т. III. стр. 292. 294. 296.
2) Изв. Имп. Археолог. Общ. т. III. стлб. 60.

Коловоротъ пищальный. См. **Пищаль.**

Коловратъ самострѣльный. См. **Самострѣлъ.**

Колонтарь, Калантарь доспѣхъ безъ рукавовъ, изъ крупныхъ металлическихъ пластинъ, соединенныхъ желѣзными кольцами и простиравшихся отъ шеи до пояса, съ кольчужною сѣткою отъ пояса до подола и съ разрѣзами на плечахъ и на бокахъ; обѣ половины его, передняя и задняя, стягивались ремнями или связывались тесьмами. Въ описаніи Куликовской битвы колонтари называются «злаченными» [1]). «Калантарь стальной, доски прорѣзные, пряжи и наконешники и гвоздья желѣзные, золочены; застешки тесма шолкъ зеленъ, червчатъ, съ золотомъ» [2]).

1) Ист. Гос. Рос. т. V. прим. 428.
2) Истор. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 45—46 и LXXV.

Колпакъ = Калпакъ.

Колтки, Колотки, Колодки, золотыя висюльки въ видѣ брусковъ у рясъ и серегъ. «У рясъ колодки и кольца золотыя съ финифты съ розными, около колодокъ веревочки низаны жемчюгомъ, у колодокъ въ гнѣздѣхъ 4 алмаза да 4 яхонта червчатыхъ да 2 изумруда» [1]).—«Двѣ колотки рясные золоты навожены финифтомъ, а въ нихъ 6 яхонтовъ червчатыхъ» [2]). См. **Рясы, Серьги.**

1) Описн. кн. 150 г. № 679.
2) Дом. бытъ Рус. нар. т. II. стр. 602. 603 и Матер. стр. 47.

Колчанъ (тулъ) влагалище для стрѣлъ. Колчаны дѣлались изъ кожи или сафьяна; у людей богатыхъ они обтягивались атласомъ, бархатомъ, парчей; украшались каймами съ разноцвѣтными косками, веревочками, плащами, репьями и т. п. Колчанъ съ стрѣлами пристегивался съ правой стороны или къ особенному, или къ сабельному поясу [1]). См. **Саадакъ.**

1) Описн. кн. 97 г. № 665. — Вывѣсн. кн. 137 г. № 127. — Истор. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 70.

Кольца. См. **Перстни.**

Кольчуга доспѣхъ въ родѣ рубашки изъ мелкихъ плотно сплетенныхъ желѣзныхъ колецъ, съ разрѣзами напереди — у шеи и у подола, кото-

раго края назывались *подзоромъ* [1]). Кольчуги дѣлались иногда на гвоздь, а иногда изъ такъ называемыхъ сѣченыхъ колецъ, то есть выбитыхъ изъ листоваго желѣза и нашитыхъ на подбой. На грудяхъ кольчугъ дѣлались мишени или круглыя бляхи, которыми задѣлывались также простр҃лы кольчугъ и въ другихъ мѣстахъ [2]). «20 колчюгъ с сѣченымъ колцомъ нѣмецкихъ. — 80 колчюгъ на гвоздь; на всѣхъ на нихъ на груди по 2 мишени мѣдяны» [3]). Въ 1848 году, при разрытіи сопки въ селѣ Велебицахъ, неподалеку отъ Новгорода, между множествомъ стариннаго оружія и доспѣховъ, найдена кольчуга, въ видѣ косоворотки, примѣчательная по кресту, прикрѣпленному къ вороту, который застегивался повидимому проволокой [4]). Кольчуги чистились въ особо устроенныхъ бочкахъ съ веретеномъ въ срединѣ: «бочка, в чемъ колчюги чистятъ, в ней веретено желѣзное» [5]).

1) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 44.
2) Древн. Рос. Госуд. отд. III. стр. 51.
3) Описн. кн. 97 г. № 665.
4) Зап. Археол. Общ. т. IV. перeч. засѣд. стр. 13.
5) Описн. кн. Кирил.-Бѣлоезер. мон. 1668 г. ркп. л. 746.

Конфаренный, Комфаренный, Кумофаренный насѣченный точками, пунктированный. Судя по издѣліямъ, кумофаренье было: грановитое, дорожчатое, струйчатое, травчатое, чешуйчатое, ячейчатое и т. п. «Вѣнцы чеканены, золочены, а земля была кумофарена» [1]).

1) Врем. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос. кн. VII. отд. III. стр. 2.

Кончаръ, Ганчеръ прямое оружіе съ длиннымъ (аршина въ 2) трехграннымъ или четырехграннымъ клинкомъ, котораго острый конецъ могъ проницать сквозь кольца панцыря [1]). Названіе кончара взято съ Тат. خنجر *ханджар* (= Монг. كينجار *кингар*), означающаго кинжалъ. Въ описи имѣнія М. Татищева 1608 г. значится «хонжаръ Кизыльбашкой булатенъ, черены и ножны золоты басмяны с лалы и з бирюзами и с винисы» [2]). Между оружіемъ кн. Голицыныхъ находились: «ганчеръ сталной, черенъ и ножны оправлены серебромъ и позолочены, на ножнахъ и на черену бирюзы; поясъ шелковой красного съ бѣлымъ; цѣна полосѣ 13 алт. 2 д., а оправѣ и ножнамъ 7 руб. — Ганчеръ, на черену и на ножнахъ оправа серебреная съ чернью, мѣсты золочена; поясъ шелковой, рудожелтой съ бѣлымъ; ножны оклеены ящуромъ; цѣна полосѣ 20 алт., оправѣ и ножнамъ 6 руб.» [3]).

1) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 62 и 63. — Въ старинномъ описаніи Куликовской битвы упоминаются «кончаны (кончары) *Фряжскія*». Ист. Гос. Рос. т. V. прим. 428.
2) Врем. М. Общ. Ист. и Древн. Рос. кн. VIII. смѣсь стр. 38.
3) Розыск. дѣла о Шаклов. т. IV. стлб. 130. 131.

Копья дѣлались съ тремя или съ четырьмя гранями изъ булата, стали, желѣза. Части полнаго копья: перо, тулея, яблоко и ратовище съ подтокомъ. *Перомъ* называлась острая грань отъ тулеи до оконечности; *тулеею* — трубка для насаживанія на ратовище; *яблокомъ* — шарикъ при соединеніи пера и тулеи; *ратовищемъ* — длинное древко; *подтокомъ* — металлическая оковка на тупомъ концѣ ратовища [1]). Перо, яблоко и тулея иногда наводились золотомъ; подъ тулеей прикрѣплялася бахрома; древко перевивалось галуномъ. «Копье Черкаское булатно, тощое, наведено золотомъ; яблочко серебряно гладкое. — Копье Московское, промежъ перъ до тулей черезъ грань наведено золотомъ» [2]). — «Копье сталное плоское, остроконечное, огненное, у замка трубка золочена; ратовище деревяное, оклеено кожею золотною; цѣна полтора рубля. — Копье прорѣзное троегранное съ яблокомъ, на яблокѣ голова змѣиная, трубка витая, мѣсты золочена; цѣна полтина. — Копье троеграное сталное, по немъ и по трубкѣ насѣкано золотомъ и серебромъ; цѣна полтина. — Копье троегранное, трубка и яблоко до полукопья золочено; цѣна 10 алт. — 5 копей длинныхъ троегранныхъ, съ яблоки; цѣна рубль».

1) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 65.
2) Описн. кн. 97 г. № 665.
3) Розыск. дѣла о Шаклов. т. IV. столб. 132.

Корзно мантія или плащъ, который накидывался сверху и застегивался на плечѣ запоною съ петлицами. Карамзинъ говоритъ, что «у древнихъ Россіянъ *корзномъ*, *коцемъ* или *кочемъ* называлась мантія или хламида» [1]). Въ извѣстномъ Святославовомъ Сборникѣ (1073 г.) на великомъ князѣ изображено корзно синяго цвѣта съ петлицею и обшивкою золотыми, застежкою и подкладкою красными. Въ лѣтописяхъ корзно упоминается подъ 6655 (1147) годомъ: когда Кіевляне, возмутившіеся противъ Игоря, «похытиша его на обѣдни .... и манотью на немъ оторгоша .... и тако изъ свиткы изволокоша .... и емше поведоша изъ манастыря, и срѣте ѝ Володимиръ .... и скочи съ коня и огъну (покры) ѝ коръзномъ» [2]).

1) Ист. Госуд. Рос. т. V. прим. 27.
2) Лѣтоп. по Ипат. сп. изд. 1871. стр. 248. Также подъ 6683 г. стр. 401: «сверже коверъ и корзно». — «Прикрывъ ѝ корзномъ».

Королекъ, Кралекъ кораллъ. Шарики совершенно круглые или продолговатые, выточенные изъ коралла, насаживались «на спяѣхъ», употреблялись вмѣсто пугвицъ у опашней, шубъ и т. п., и назывались пугвицами корольковыми или просто корольками. Напр. у Бориса Ѳеодоровича

было на шубѣ 15 корольковъ, на вороту и прорѣхахъ опашней 16 корольковъ (на одномъ продолговатыхъ) на серебряныхъ спняхъ съ жемчужными закрѣпками [1]). — Изъ корольковъ вытачивались и другія вещи: у царя Алексѣя Михаиловича была «фляшка королекъ бѣлъ, на ней львова голова, а въ ней лицо человѣчье» [2]). — «Пугвицы кралки» [3]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.
2) Вых. госуд. 285 и др.
3) Акты Юрид. стр. 455.

Кортель и **Кортли** женская нарядная одежда, покроемъ совершенно подобная лѣтнику, только на мѣху. «Кортель соболей; вошвы шиты золотомъ и серебромъ волоченымъ, лученчаты и бархачены, шолкъ зеленъ, червчатъ. — Кортель бѣлей хрептовой; вошвы аксамичены по червчатому бархату золотомъ и серебромъ. — Кортель бѣлей черевей; вошвы камка Кизылбашская, люди стоячіе и сидячіе, розные шолки. — Кортель камка Еская жолта на горностаехъ; вошвы бархатъ Венедитцкой шолкъ червчатъ съ золотомъ и съ петлями. — Кортель камка Цареградская на горностаехъ, шолкъ бѣлъ, червчатъ; безъ вошевъ» [1]). У царицы Евдокіи Лукіановны были: «кортель горностайной, опушенъ пухомъ чернымъ. — Кортель тафта бѣла, на черевахъ на бѣльихъ» [2]). — «Кортель куней» [3]).

1) Дом. бытъ рус. нар. т. II. Матер. стр. 28.
2) Описн. кн. 150 г. № 679.
3) Акт. Историч. т. I. стр. 211.

Косникъ или **Накосникъ** принадлежность дѣвичьяго головнаго убора, состоявшая обыкновенно изъ банта съ распущенными концами или изъ кисти съ ворворкою, прикрѣпленныхъ къ концу косы посредствомъ снурковъ, которые вплетались въ косу и проходили въ ней съ верху до низу, въ видѣ пожилинъ, между прядями волосъ. При богатомъ нарядѣ, вмѣсто ворворки привѣшивалась золотая или серебряная *цка* (пластинка), унизанная жемчугомъ, или дѣлалась привѣска въ родѣ подушечки, съ прикрѣпленными къ ней двумя и даже тремя кистями, также съ ворворками [1]). Въ 1636 г. января 24 царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ дщери своей царевнѣ Иринѣ «накосникъ по цкѣ серебреной золоченой, низанъ жемчугомъ большимъ; на концѣ у накосника три ворворки обнизаны жемчугомъ; въ кистей мѣсто низано жемчугомъ мелкимъ; по концамъ перепелы серебрены золочены; подложенъ тафтою жолтою». — «Другой косникъ по цкѣ серебреной золоченой низанъ жемчугомъ, межъ жемчугу 4 изумруда да 2 яхонта лазоревы да 5 лаловъ; три ворворки да двѣ кисти жемчужные» [2]).

Въ 1649 г. «царевнѣ Аннѣ сдѣлана къ коснику кисть, пошло 3 цѣвки золота да золотникъ съ четью шолку шемоханскаго» [3]). Ей же, въ 1652 г., «сдѣлано два косника одинъ серебряной, другой золотной съ шолкомъ: серебра пошло 3 цѣвки, да на пожилины и на снурокъ пошло золотникъ шолку бѣлого; а на другой 2 цѣвки золота да полпята золотника шолку шемоханскаго» [4]).

1) Дом. бытъ рус. нар. т. II. стр. 588 и 589.
2) Тамъ же, стр. 592.
3) Кроил. кн. въ № 807.
4) Кроил. кн. въ № 1000.

Кости у лука. См. **Лукъ.**

Кострышъ сортъ сукна.. По случаю свадьбы царя Михаила Ѳеодоровича съ Маріею Владимировной (1624 г.), для двухъ брачныхъ свѣчъ «къ кошелкамъ на круги пошло четь аршина сукна кострышу червчатого, 6 алт. 4 денги. — Патріарху Филарету Никитичу отпущено (1625 г.) 10 арш. сукна Аглинского да кострышу темносинего меншіе земли, по 20 алт.; а быть тому сукну у патр. Филарета Никитича въ крестовой палатѣ на двери и на окнахъ, какъ бываютъ при немъ, государѣ, иные земли власти» [1]). Въ 1613 г. января 28, дано «Тюменсково города головѣ Татарской Бесч. Малышеву 4 арш. сукна кострыжу кирпичново, цѣна 2 руб.— іюня 1, «Крымскому гонцу Усеину однорядка сукно кострышъ алой, цѣна 2 руб. 8 алт. 4 денги».—**Кострышный** сшитый изъ кострыша. Того-же іюня 23, «гонцу Реджену однорядка кострышная ала, цѣна 2 руб. 8 алт. съ денгою» [2]).

1) Расх. кн. 133 г. № 985.
2) Расх. кн. 122 г. № 717.

Котыга платье вообще и особенно верхнее платье. По замѣчанію Карамзина, *котыга* тоже, что *коць* или верхняя одежда [1]). Востоковъ приводитъ изъ памятниковъ XI и XII вв. мѣста, въ которыхъ словомъ *котыга* переведены греческія: χιτὼν, θερίστρον, ἱμάτιον и κεντῶνιον [2]). Князь Георгій Даниловичъ (1319 г.) приказалъ слугамъ своимъ покрыть тѣло убіеннаго в. князя Михаила Ярославича; «и се единъ прикры тѣло его своею котыгою, юже ношаше» [3]).

1) Ист. Гос. Рос. т. IV. прим. 237.
2) Слов. церк.-слав. яз. подъ словомъ котыга.
3) Соф. Врем. ч. I. М. 1820. стр. 311.

Коць или кочь. См. **Корзно.** У поляковъ *Кос* означаетъ 1) толстое, грубое сукно, также 2) плащъ или епанчу, косматую съ обѣихъ сторонъ, и

3) покрывало, попону [1]). Черниговскій князь Михаилъ (1245 г.) «снемь коць свой, верже къ нимъ (боярамъ), глаголя имъ: пріимете славу свѣта сего» [2]).—Великій князь Іоаннъ Даниловичъ (1328 г.) завѣщалъ сыну своему Ивану «коць великий зъ бармами» [3]).

1) Linde, Słown. jęz. polsk.: **Koc** die Kotze sukno grube kosmate na obie strony, gausape, zottiges Tuch .... opony. Сн. Ист. Гос. Рос. т. IV. пр. 43.
2) Новгор. лѣт. по синод. сп. изд. 1888. стр. 268.
3) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 32.

Кошуля заячья или овчинная шуба, покрытая крашениною или какою либо другою недорогой тканью. Ее носили мущины и женщины. «Кошуля заячинная подъ зеленымъ стамѣдомъ; другая кошуля овчинная подъ стамѣдомъ темнозеленымъ; кошуля жъ овчинная подъ яренкомъ зеленымъ,— всѣ съ снурками» [1]).

1) Изв. Археолог. Общ. т. III. стр. 59.

Кратулинь = Картулинъ.

Крашенина крашеный холстъ. Была разныхъ цвѣтовъ. «Кофтанъ Есской червленъ, пушенъ крашениною сверху» [1]). — «За 40 за 8 арш. съ полуаршиномъ крашенины черной, по 10 денегъ за аршинъ, и того 2 руб. 14 алт. съ денгою; куплена подъ сукно на колымагу государынѣ великой старицѣ Маѳѣ Ивановнѣ. — За 6 арш. крашенины лазоревой, по 5 ден. за аршинъ, и того 5 алтынъ; куплена къ Веденью пречистой Богородицѣ къ сиверскимъ дверямъ на завѣсъ» [2]). **Крашенинный** сшитый или сдѣланный изъ крашенины. «Кафтанъ крашенинной лазоревой, цѣна 18 алт.» [3]).

1) Прав. грам. 1547 г. въ Акт. Юрид. стр. 50.
2) Рус. Историч. Библіот. т. IX. Спб. 1884. стр. 45. 61.
3) Тамъ же, стр. 258.

Крестъ наперсный, какъ принадлежность царскаго сана, былъ надѣваемъ государями при всѣхъ нарядахъ. У царя Ѳеодора Алексѣевича былъ «крестъ животворящаго древа въ кипарисѣ», съ образомъ Спаса Нерукотвореннаго и съ золотою звенчатою троегранною цѣпью въ главѣ. При томъ же царѣ сдѣланъ «крестъ золотъ съ финифты», съ частями ризы Господней и животворящаго древа креста Господня, украшенный алмазами, съ золотою звенчатою цѣпью. Средняя часть этого креста съ лицевой стороны вскрывается. Внутри, на одной сторонѣ изображено на финифти вверху Благовѣщеніе, въ срединѣ Рождество Христово и означеніе года 1662, внизу Богоявленіе. На другой сторонѣ, на финифти же, молитва: «Спаси

Господи люди твоя и благослови достояніе твое, побѣды царю нашему на невѣрныя во Христа языки даруя и своя сохраняя крестомъ си люди»; подъ молитвою Нерукотворенный Образъ и подъ нимъ монограмма ΘΘΘΘ, которая значитъ Θέα Θεοῦ Θεῖον Θαῦμα, то есть Божіе видѣніе Божественное чудо [1]). Эта монограмма, равно какъ ЕЕЕЕ (зн. Εὕρηκεν Εὕρημα Ἐλένη Ἐν γολγοθᾷ, т. е. Елена нашла находку на Голгоѳѣ); ТКПГ (зн. Τόπος Κρανίου Παράδεισος Γέγονε, т. е. мѣсто Лобное рай бысть) ФХФП (зн. Φῶς Χριστοῦ Φωτίζει Πάντας, т. е. Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ); ΔΣ (зн. Δέησις, т. е. Моленіе) и др. во множествѣ встрѣчаются на стѣнахъ храмовъ, на иконахъ и крестахъ въ монастыряхъ Палестинскихъ и Аѳонскихъ, въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ [2]). При описаніи памятниковъ непремѣнно надобно обращать вниманіе на эти **монограммы**, какъ на особенность извѣстнаго времени. Изъ подражанія Грекамъ, и Русскіе художники употребляли подобныя монограммы, изъ которыхъ чаще встрѣчаются слѣдующія [3]):

ББББ т. е. Бичъ Божій Бьетъ Бѣса.
ВВВВ — Возвращеніе Въ рай Всѣмъ Вѣрнымъ.
ДДДД — Древо Добро Діаволу Досада.
или: Древо Даруетъ Древнее Достояніе.
КККК — Крестъ Крѣпость Константину Къ вѣрѣ.
ННИН — Невидимая, Непостижимая, Неизреченная, Неизглаголанная.
ППИП — Пою, Почитаю, Покланяюся Подножію (твоему, Владыко).
СССС — Спасъ Сотвори Сѣть Сатанѣ.
или: Слово Спасаетъ Сего Славящихъ.
ХХХХ — Хоругви Христова Христіаномъ Хвала.
ЦЦЦЦ — Цвѣти Церковніи Цвѣтъ Церкви.
ЧЧЧЧ — Честна Чисто Чтущимъ Человѣкомъ.

Кромѣ монограммъ, художники наши измыслили для своихъ произведеній разныя **символическія изображенія.** Знаніе ихъ также имѣетъ свое значеніе въ исторіи Русской символики и иконографіи. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ изображеній съ объясненіемъ значенія ихъ:

I. Изображенія изъ св. писанія.

Золотой крестъ, якорь и *сердце* знач. вѣра, надежда, любовь (1 Кор. 13, 13); *книга* — духъ премудрости; *златой свѣщникъ* — духъ разума; *Евангеліе* — духъ совѣта; *семь златыхъ роговъ* — духъ крѣпости; *семь златыхъ звѣздъ* — духъ вѣдѣнія; *громовыя стрѣлы* — духъ страха Божія (Исаіи 11, 2. 3); *сердце съ крыльями* — духъ любви; *лавровый вѣнокъ* — духъ радости; *дуга въ облакѣ* — духъ мира; *голубь въ купинѣ огненной* —

духъ долготерпѣнія; *семь златыхъ рюмокъ* — духъ благости; *голубица, держащая во рту вѣтвь* — духъ милосердія; *челнокъ въ облакахъ* — духъ кротости; *пукъ цвѣтовъ* — духъ воздержанія (Гал. 5, 22. 23); הרח — Духъ Божій ношашеся верху воды (Быт. 1, 2); *огнь на жертвенникѣ* — угліе возгорѣся отъ него (Псал. 17, 9); *катящіяся колеса* — духъ жизни (Іезек. 1, 20); *вѣнокъ, держимый двумя руками, посредѣ коего голубь съ крыльями* — духъ благодати (Зах. 12, 10); Αω — начатокъ и конецъ (Апок. 1, 8); *растворенныя врата* — прошедшій небеса (Евр. 4, 14).

II. ИЗОБРАЖЕНІЯ ИЗЪ АКАѲИСТА ІИСУСУ.

ІНС — Іис. Ангеломъ удивленіе; *жезлъ, крестъ, митра и панагія* — Іис. пресладкій патріархомъ величаніе; *рука, держащая скипетръ и корону* — Іис. преславный царемъ укрѣпленіе; *златая чаша* — Іис. премилостивый пресвитеромъ сладость; *цвѣтъ лиліи* — Іис. пречестный дѣвственныхъ цѣломудріе; *агнецъ стоящій* — Іис. агнецъ непорочный; *хлѣбъ, рукою держимый* — Іис. хлѣбъ животный; *кладезь съ водою* — Іис. питіе неисчерпаемое; *пукъ цвѣтовъ* — Іис. цвѣтъ благовонный; *семистолпный храмъ* — Іис. храмъ предвѣчный; *камень блестящій* — Іис. камень драгій; *сіяющее солнце* — Іис. солнце правды.

III. ИЗОБРАЖЕНІЯ ТАИНСТВЪ ЦЕРКОВНЫХЪ.

Сосудъ съ водою — тайна крещенія; *алавастръ* — тайна мѵропомазанія; *чаша и дискосъ* — тайна причащенія; *два глаза* — тайна покаянія; *рука благословляющая* — тайна священства; *рука, держащая руку* — тайна супружества; *стаканъ съ елеемъ* — тайна елеосвященія.

IV. РАЗНЫЯ ИЗОБРАЖЕНІЯ.

Голубь съ масличною вѣткою — не безъ труда обрѣтохъ; *орелъ съ поднятыми крыльями* — обновися юность его; *орелъ, осѣняющій крыльями птенцовъ своихъ* — да живъ будетъ; *левъ, стоящій на верху круга солнечнаго* — множайшій побѣждаетъ пламень; *горящая купина* — озаряетъ, но не опаляетъ; *на челнокѣ фонарь и кустъ огненный* — да блистаетъ яснѣе; *плывущій корабль* — сей къ спасенію общій; *колосья хлѣба* — падшій оживе; *древесный пень съ вѣтвями* — отъ сухаго оживе; *вѣтвь съ цвѣтами* — увядшій процвѣте; *яблоко съ листьями* — благоуханію и красотѣ вѣруй; *престолъ* — иже побѣждаетъ, воспріимлетъ.

1) Описн. кн. 190 г. № 140. Изображеніе этого креста см. въ Древн. Рос. Гос. отд. II. № 46.—Указанное нами значеніе монограммы ѲѲѲѲ видно изъ повѣствованія о нерукотворенномъ образѣ, помѣщеннаго въ Чет. Мин. подъ 16 Авг. (изд. М. 1856. л. 153 об.).

2) Архим. Порф. Письм. Кин. и Ман. Спб. 1857. стр. 24. — Изв. Археолог. Общ. т. I. стлб. 372. 373.

3) Предлагаемое здѣсь объясненіе Русскихъ монограммъ взято изъ рукописнаго Сборника, принадлежащаго Археограф. Коммиссіи, л. 444. Описаніе этого Сборника см. въ Лѣтоп. зан. Археограф. Ком. вып. 2. Спб. 1862 (д. б. 1864) г. отд. V. стр. 24—30.

Круги низанные съ каменьями, были нашиты на грудяхъ и на плечахъ у чюги царя Алексѣя Михаиловича; въ двухъ изъ нихъ «кресты и коруны съ яхонты червчатыми и съ изумруды»; въ другихъ двухъ «орлы, въ орлахъ въ грудяхъ по яхонтику червчатому въ золотыхъ гнѣздѣхъ» [1]).

1) Описн. кн. 190 г. № 140.

Круживо узорочная нашивка на одеждахъ—кованая, плетеная, тканая или низаная, иногда съ драгоцѣнными камнями. Круживомъ украшались платна, кафтаны, опашни, чюги, ферези, ормячки, однорядки, роспашницы, тѣлогрѣи, кожухи, шубы, шапки, рукава, рукавицы, башмаки, чеботы. Круживо дѣлалось — съ прямыми краями и зубчатое; боровчатое, веревчатое, колесчатое, колѣнчатое, кружковое, въ проемъ, въ цѣпки или чепми; притомъ широкое и узкое; послѣднее называлось *круживцомъ*. По описямъ значится круживо *кованое* золотое, кованое серебряное, кованое золото съ серебромъ; *плетеное* золотное и серебряное, съ городы и съ пелепелы; *тканое* въ цѣпки золото съ серебромъ и шолкомъ; *низаное* жемчугомъ съ канителью и картулиномъ, низаное въ шахматы и репьями, саженое рясою; дѣланное золотою или серебряною канителью, напр. «травы, межъ травъ звѣздки золоты. — Круживо кованое золото съ серебромъ веревчато, посредь проволока серебряная плащоная». — Упом. круживо Нѣмецкое, Молдацкое. На опашнѣ: «круживо золотное, Нѣмецкое тканое».— На шубахъ «круживо кованое серебреное; — круживо золото пряденое». — На ферезѣи: «круживо Нѣмецкое плетеное золото съ серебромъ съ городы». — На распашницѣ: «круживо низано жемчюгомъ по бархату по червчатому, а въ немъ 24 косы золоты, а въ нихъ въ золотыхъ гнѣздѣхъ 24 яхонтиковъ червчатыхъ да 46 изумрудцовъ» [1]). — На чеботахъ: «круживо золотное кованое; — золото съ серебромъ кованое; — серебряно, кованое, з золотомъ».— На башмакахъ «круживо кованое серебро съ пелепелы; — круживо ткано шолкъ алъ з золотомъ» [2]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665 и 190 г. № 140. — Вывѣсн. кн. 137 г. № 127. — Переп. кн. 181 г. № 145. — Вых. госуд. стр. 29. 220. 406 и мн. др.

2) Описн. кн. 150 г. № 679.

Крыжъ крестообразная рукоять у меча, палаша, тесака, кончара и сабли. Части крыжа: *яблоко* (набалдашникъ), *черенъ* и *огниво* (поперечное

желѣзцо). Черенъ обтягивался иногда хзомъ или бархатомъ и украшался рѣзьбою; въ огниво также врѣзывалось серебро, иногда съ позолотою и камнями. «Черенъ хозъ серебрянъ чеканенъ. — Въ черену на сторонѣ по змѣйкѣ. — Въ черену гвоздье наведены золотомъ. — Огнивцо булатно, рѣзано золотомъ, а на немъ по обѣ стороны плящи золоты, во гнѣздѣхъ камушки яхонты червчаты и берюзы. — Огниво и черенъ окованы серебромъ волоченымъ. — Огнивцо булатно съ прутики, золотомъ наведено» [1]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665. — Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 59. 61.

Крюкъ металлическій употреблялся, какъ и нынѣ употребляется, для застегиванія пояса. У саадачныхъ поясовъ Бориса Ѳеодоровича крюки у поясовъ были «серебряны золочены и конфарены, серебряны гладки, мѣдяны съ краски». У сабельныхъ поясовъ его-же были крюки серебряные и булатные съ золотою нарѣзкою.

1) Описн. кн. 97 г. № 665.

Кумачъ (Араб. قماش *кумаш*) Бухарская бумажная ткань преимущественно краснаго, рѣже — синяго и другихъ цвѣтовъ. Въ царской грамматѣ 8 марта 1678 г. значится «сто восмь кумачей, по рублю по пяти алтынъ кумачь» [1]). — **Кумачный** сдѣланный изъ кумача. «Два полотенца кумашныхъ, въ нихъ вшито по три полотна; цѣна 20 алт.» [2]).

1) Дополн. къ Акт. Историч. т. VII. стр. 107.
2) Розыск. дѣла о Шаклов. т. IV. стлб. 45.

Кумофареный = Комфаренный.

Курпечатый мѣхъ ягнячья овчина, мерлушка. «Кафтанъ обьярь осиновая на курпечатомъ мѣху [1]).

1) Розыск. дѣла о Шаклов. т. IV. стлб. 58.

Кутасъ боболевъ. См. **Боболевъ кутасъ.**

Кутня ткань изъ шелка и бумаги, большею частію полосатая. По описямъ Бухарская, Вавилонская, Индѣйская, Кизылбашская, Турская, Нѣмецкая. Бухарская خطنه *хутнэ* (Араб. قطنى *кутни*) по достоинству уступаетъ такой-же ткани изъ шелку и бумаги, называемой قصب *касаб*. «Тѣлогрѣя кутня Турская цвѣтная, по бѣлой землѣ полосками шолкъ алъ да таусиненъ, зеленъ, жолтъ». На подкладкѣ и подпушкѣ кафтановъ и чюгъ кутня дымчата, — жолта, — лазорева, — червчата, — полосата [1]). «Кутня полосатая, по ней травки серебреныя, изъ зеленаго шолку, 7 арш. 2 четв.

невступно; цѣна 4 руб.» [2]). «Ферези теплые кутняные, полосы шолкъ червчатъ да бѣлъ» [3]).

1) Описн. кн. 150 г. № 679.
2) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 77.
3) Вых. госуд. стр. 191.

Куфтерь сортъ камки. По торговой книгѣ «добрая куфтерь не лѣняетъ, болшей узоръ; а коя толста, та и добра; $\frac{\text{м}\,|\,|}{|\,|}$ и $\frac{|\,|}{|\,\text{а}\,|}$ аршинъ купятъ» [1]).— «Зголовье камка ала куфтерь. — Роспашница камка куфтерь червчата. — Тѣлогрѣя камка бѣла куфтерь. — Тѣлогрѣя камка куфтерь жолта» [2]).

1) Торг. кн. ркп. гл. 217.
2) Оп. кн. 190 г. и 150 г. №№ 140 и 145.

Кучма шапка съ мѣховымъ верхомъ и исподомъ. Употребляется и нынѣ у Малороссіянъ. У Бориса Ѳеодоровича была «кучма соболія, на ней запона золота съ травами, а въ ней изумрудъ зеленъ да 2 яхонта червчаты да яхонтъ лазоревъ да 2 алмаза да 2 жемчюга вислые, кругомъ ее и кругъ запоны круживо низано жемчюгомъ въ шахматы» [1]).

«За кучму сю твою велыку
Якъ дамъ ляща тоби я въ пыку,
То тутъ тобе лизне и чортъ» [2]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.
2) Котляревскій. Энеида на Малорос. яз. ч. I. стр. 33.

Кушаки дѣлались изъ разноцвѣтныхъ шелковъ и шерсти, часто съ примѣсью золота и серебра; при опоясываніи они складывались, какъ и нынѣ, въ нѣсколько разъ. У Бориса Ѳеодоровича кушаки были изъ золотной и шелковой разноцвѣтной камки и изъ объяри: «кушакъ обьяринной полосатъ, шолкъ зеленъ да червчатъ да цѣнинен да рудожелтъ да бѣлъ.— Кушакъ камкосинной полосатъ шолкъ жолтъ, лазоревъ да черчетъ да бѣлъ» [1]). При кушакѣ носили ножъ; напр. царь Алексѣй Михаиловичъ надѣвалъ «кушакъ золотной по лазоревой земли съ ножикомъ. — Кушакъ съ ножемъ болшой» [2]). Эти ножи оправлялись золотомъ и камнями: «кушакъ серебренъ съ шолками (съ алымъ, съ зеленымъ, съ лазоревымъ), полоски мелкія золотныя съ шолкомъ чорнымъ; у него ножъ булатной, оправленъ золотомъ съ каменьи съ лалы и съ бирюзы. — Кушакъ отласъ золотной, полосы золоты и серебрены съ шолки; у него ножъ булатной, черенъ серебренъ, позолоченъ; на концѣ у черена и ножны оправлено серебромъ, позолочено, съ

каменьи лалики и бирюзы».—Носили кушакъ и безъ ножа: «кушакъ новой, золотной съ розными шолки, полосы серебрены и золочены; рукавицъ и ножа и штановъ не отпущено.— Кушакъ серебренъ безъ ножа» [3]). Турецкое названіе кушака также قوشاق *кушак*.

1)Описн. кн. 97 г. № 665.
2) Вых. госуд. стр. 181. 269.
3) Тамъ же, стр. 285. 287. 289. 290 и др. — Въ Историч. опис. од. и вооруж. (стр. 21) замѣчено, что при кушакахъ и за поясами носили не только ножъ, но «иногда два, нерѣдко и кинжалъ; также нàшивали ножъ съ ложкою»; а въ примѣч. 49 (стр. XXX и XXXI): «на старинныхъ изображеніяхъ, ножи при кушакахъ показаны вездѣ *заткнутыми*, а при поясахъ *привѣшанными*».

Куякъ досчатый доспѣхъ изъ круглыхъ либо четвероугольныхъ металлическихъ пластинокъ или бляхъ, набранныхъ и нашитыхъ или набивныхъ гвоздями на бархатѣ, сукнѣ и т. п. Куяки дѣлались по-кафтанному [1]), слѣд. съ полами («куякъ съ рукавы и съ полами»); для застегиванья ихъ употреблялись и тесьмы съ пряжами, и пуговицы съ петлями; были куяки съ рукавами и безъ рукавовъ, съ нагрудниками, наплечниками и щитами. По описи 1640 года, всѣ куяки съ куяшными шлемами были присланы царю Михаилу Ѳеодоровичу въ дань отъ Алтына царя, отъ брата его Даинчинаяна и отъ Тунгузскіе земли Лобы Даинмень-Герланзу въ 1636 и 1638 гг.; а однимъ куякомъ ударилъ челомъ въ 1636 году шаховъ купчина [2]). У Монголовъ, по замѣчанію Дорджи Банзарова, доселѣ употребляется подобный доспѣхъ изъ желѣзныхъ бляхъ, пришиваемыхъ къ кожѣ или какой либо ткани: онъ называется хуяк [3]).

1) Описн. кн. 195 г. въ арх. Оруж. Пал.
2) Переписн. кн. 148 г. № 678.
2) Зап. Археол. Общ. т. II. стр. 353.

Лагалище = Влагалище. «Скроено лагалище (на хоромное зеркало) въ бархатѣ червчатомъ гладкомъ, пошло 5 верш., на подкладку полтретья вершка» [1]).

1) Прих.-расх. и кроил. кн. 158 г. № 811.

Лалъ драгоцѣнный камень «добрѣ красенъ и чистъ» рубинъ, красный яхонтъ. См. **Камни.**

Лапти древнѣйшая, но до сихъ поръ не вышедшая изъ употребленія у крестьянъ, обувь, сплетенная изъ лыкъ, береста или пеньки; отсюда **Лапотникъ** обутый въ лапти. «Рече Добрыня къ Володимеру: соглядахъ

колодникъ, и суть вси в сапозѣхъ, симъ намъ дани не даяти; поидевѣ искать лапотъникъ» [1]).

1) Новг. лѣтоп. по синод. сп. изд. 1888. стр. 33.

Ластовица, Ластовка. См. **Сорочки.**

Латы доспѣхъ изъ металлической чешуи, нашитой на кожу. Составлялись онѣ изъ двухъ досокъ: нагрудной и наспинной, которыя на плечахъ и бокахъ соединялись застежками или крюками съ петлями. «Латы Литовскіе на ременьи. — Латы Нѣмецкіе съ пупомъ» [1]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.

Лауданъ или **Луданъ** сортъ камки съ лоскомъ. См. **Камка.**

Лезвее или **Лезъ.** См. **Мечъ, Сабля, Топоръ.**

Летчина сортъ сукна. См. **Сукно.**

Литавры ударный музыкальный инструментъ въ видѣ полукруглой чаши съ натянутой кожей. Онѣ были мѣдныя, а иногда и серебряныя; украшались камчатными и тафтяными завѣсами съ бахрамою, шнурами и кистями. Названіе литавръ указываетъ на сродства ихъ съ Араб. الطبل *эл-табль* родъ барабана. Литавры употреблялись обыкновенно конными воинами и привязывались къ обѣимъ сторонамъ сѣдла; для ударенія въ нихъ употреблялись деревянныя палочки съ шарикомъ на концѣ [1]). «Пара литавръ мѣдныхъ болшихъ посеребреныхъ; цѣна 25 руб.—Пара литавръ мѣдныхъ; цѣна 15 р. — Завѣсы отъ литавръ: 2 завѣса писаны золотомъ и серебромъ по черной камкѣ, кругъ ихъ каймы тафты жолтой, подложены крашениною кирпичной цвѣтъ, кругъ ихъ бахрама шолковая; цѣна 6 руб.— 2 завѣса тафты алой, тканы золотомъ и серебромъ, каймы тафты зеленой, кругъ ихъ бахрама шолковая; цѣна 6 руб.—2 завѣса писаны золотомъ по черной китайской камкѣ, кругъ ихъ каймы китайской камки рудожолтой; цѣна 10 алт.» [2]).

1) Историч. опис. од. и вооруж. рос. войскъ. ч. I. стр. 108.
2) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 133.

Логалище = Влагалище.

Ложчатый, Лозщатый, Лощетый имѣющій на поверхности круглыя или продольныя углубленія (логи). «Дуло лозчатое. — Пищаль, стволъ отъ казны до пояска грановитъ, отъ пояска до яблока грани жъ лозщаты» [1]). «Чашка лощетая съ рукоятки» [2]). — Вещи съ продольными углубленіями назывались и *жолобчатыми*. «Четыре напарьи желобчатыхъ» [3]). «Желѣза (у стрѣлъ) черкаскіе жолобчаты» [4]).

1) Описн. кн. Кирил. Бѣлоез. мон. 1668 г. ркп. л. 677—685.
2) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 210.
3) Описн. кн. Кирил. Бѣлоез. мон. л. 746 об.
4) Описн. кн. 97 г. № 665. — Вывѣсн. кн. 137 г. № 127.— Переписн. кн. 148 г. № 678.

Локотникъ. См. **Наручи.**

Лопатки плоскіе концы у завязокъ, имѣющіе видъ лопатокъ. «Однорядка.... на вороту и на прорѣхахъ 12 завязокъ плоскихъ съ лопатками шолкъ червчатъ съ золотомъ» [1]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.

Лубье саадачное = Налучіе.

Луданъ = Лауданъ.

Лука изгибина у сѣдла — передняя и задняя. См. **Арчакъ.**

Луки были Бухарскіе, Едринскіе, Крымскіе, Мешетцкіе (Мцхетскіе), Турскіе, Черкасскіе, Московскаго дѣла. Части лука имѣли слѣдующія названія: все деревцо — *кибить;* каждая половина кибити и каждая оконечность ея — *рогъ;* нижняя сторона каждаго рога — *подзоръ;* верхнія накладки подлѣ оконечностей роговъ — *мадяны;* двѣ костяныя вставки снизу роговъ, противъ мадяновъ — *кости*, черезъ которыя проходила *тетива* [1]). Луки расписывались творенымъ золотомъ и красками, прописывались мусіею; кости для луковъ употреблялись черныя буйволовы; тетива дѣлалась шелковая разныхъ цвѣтовъ [2]).

Въ сказкѣ о Михайлѣ Казариновѣ лукъ описывается слѣдующимъ образомъ:

«Еще съ нимъ тугой лукъ разрывчатой,
А цѣна тому луку три тысячи,
Потому цѣна луку три тысячи:
Полосы были булатныя,
А жилы олени сохатныя,
И рога красна золота,
А тетивочка шелковая,
Бѣлаго шелку шамаханскаго;
И колчанъ съ нимъ каленыхъ стрѣлъ,
Всякая стрѣла по пяти рублевъ».

А вотъ какъ богатырь дѣйствовалъ этимъ лукомъ:

«Втапоры Казарянинъ
Вынималъ изъ налушна свой тугой лукъ,
Изъ колчана калену стрѣлу,
А и тугой лукъ свой потягиваетъ,

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Калену стрѣлу поправливаетъ;
И потянулъ свой тугой лукъ за ухо,
Калену стрѣлу семи четвертей,
И завыли рога у туга лука,
Заскрипѣли полосы булатныя,
Чуть было спустилъ калену стрѣлу».

Въ сказкѣ о Потокѣ Михайлѣ Ивановичѣ говорится еще подробнѣе:

«Вынимаетъ онъ Потокъ
Изъ налушна свой тугой лукъ,
Изъ колчана калену стрѣлу,
И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
Калену стрѣлу въ правую,
Накладываетъ на тетивочку шелковую,
Потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
Калену стрѣлу семи четвертей,
Заскрипѣли полосы булатныя
И завыли рога у туга лука,
А и чуть было спустить калену стрѣлу» [3]).

1) Истор. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 69.
2) Описн. кн. 97 и 148 гг. № 665 и 678.
3) Древн. Рус. стихотв. М. 1818. стр. 204. 208. 217. 245.

Лундышъ Лундское или Англійское сукно. Лучшими цвѣтами лундыша считались червчатый, желтый, свѣтлозеленый, синій; а дешевыми черный и лазоревый [1]). Поставъ хорошаго лундыша имѣлъ длины больше 40 аршинъ, а ширины промежъ покромей 2 арш. и 6 вершковъ; а средняго длина 35 аршинъ. Цѣна опредѣлялась смотря по добротѣ, по цвѣту и по мѣрѣ [2]). См. **Сукно.** По расходной книгѣ 1584 года: «къ государынѣ царицѣ великой княгинѣ Иринѣ въ хоромы дано поставъ сукна Аглинского червчатого, цѣна пятнадцать рублевъ» [3]). Въ отпискѣ изъ Колмогоръ 1604 или 1605 г. лундышъ оцѣненъ «по 30 рублей поставъ» [4]). — Лундышъ употребляли на ферези, однорядки, шубы, чюги [5]).

1) А въ другомъ мѣстѣ сказано, что Лундскія сукна по цвѣту лучшія — червчатыя, желтыя, свѣтлозеленыя, тмозеленыя, тмосинія; середнія — багровыя и лазоревыя; а дешевыя — бѣлыя да черныя; а всѣхъ дешевле — черныя.
2) Торг. кн. ркп. гл. 7.
3) Дополн. къ Акт. Истор. т. I. стр. 191.
4) Ист. Госуд. Рос. т. X. прим. 426.
5) Описн. кн. 97 г. № 665.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Лысина конское золотое или серебряное украшеніе въ видѣ круглыхъ, продолговатыхъ или угольчатыхъ бляхъ или пластинокъ, прикрѣплявшееся на налобникѣ узды [1]). «Лысинка по отласу по червчатому низана жемчюгомъ, промежъ жемчюгу горнатки въ кокоткахъ въ серебряныхъ; на ней же плащъ серебрянъ, золоченъ, четвероугольной съ репейками, а въ немъ камешекъ лазоревъ» [2]). «Лысина серебряная сканная, въ срединѣ кругъ серебряной, золоченъ, осмигранной съ чернью. — На лысинѣ яшма съ каменьи. — На лысинѣ 4 дощечки да 3 репья съ камни бирюзы. — Лысина серебряная съ винифтью на 4-хъ чепочкахъ» [3]).

1) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 32.
2) Описн. кн. 97 г. № 665.
3) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 141.

Лѣтникъ женская легкая, не слишкомъ длинная одежда, съ широкими и длинными рукавами, которые назывались *накапками*. Въ духовной грамматѣ кн. Димитрія Іоанновича (1509 г.) значатся «накапки женские, сажены жемчугомъ Гурмыскимъ на бели на платцѣхъ» [1]). Лѣтники шились изъ камки, атласа, объяри, тафты, дороговъ, съ подольниками изъ атласа и тафты, на подкладкѣ тафтяной и дорогильной. Необходимую принадлежность лѣтника составляли *вошвы* [2]). Въ описи платья царицы Евдокіи Лукіановны въ 1626 г. значится 50 лѣтниковъ [3]). У царевны Софіи Алексѣевны причастный лѣтникъ «отласъ бѣлъ; подкладка тафта бѣла жъ; подолникъ отласъ червчатъ съ пухомъ; вошвы бархатъ двоеморхъ по алой землѣ травы золоты и серебряны» [4]).

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. 1. стр. 406.
2) Покрой лѣтника показанъ, по кроильнымъ книгамъ, у Вельтмана въ слов. къ Оруж. Пал. стр. 31: «длина по передамъ до подолу ... 2 арш. безъ чети, позади длина тожъ; ширина 1 арш. 5 верш.; накапкамъ длина съ полстану 2 арш. безъ чети, ширина накапкамъ 13 верш., въ корени ширина 1 арш. безъ вершка; у вошве ширина 13 верш.; въ подолѣ ширина 3 аршина. — О накапкахъ см. Костомаровъ Очеркъ домашней жизни и нрав. Великорус. нар. стр. 74.
3) Описн. кн. 134 г. № 668. Въ томъ числѣ одна «роспашница».
4) Переп. кн. 181 г. № 145; также 150 г. № 679.

Мадяна. См. **Луки.**

Маковка у щита. См. **Щитъ.**

Манисто. См. **Монисто.**

Маяльникъ балаболка, привѣшенная для украшенія. У пояса «маяльники съ яхонты и зъ жемчуги» [1]).

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 407.

Медвѣдко, Медвѣдка, санная медвѣжья полсть. «Два медвѣдка бѣлыхъ; одна подложена крашениною лазоревою; цѣна рубль» [1]).

1) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 159.

Мели льняная ткань. «По досмотру, въ томъ ковчежцѣ часть нѣкая полотняная, кабы красновата, походила на мели, или будетъ отъ давныхъ лѣтъ лице измѣнила, а ткана во лну» [1]). — Мели употреблялись на подкладку. «Чюга .... подложена мелями» [2]).

1) Дворц. разр. Спб. 1851. т. II. стлб. 782.
2) Описн. кн. 97 г. № 665.

Ментеня (Греч. μανδύη, нов.-гр. μαντίον) епанча на мѣху. Въ духовной записи князя Дмитрія Іоанновича (около 1509 г.) значится «ментеня отласъ вишневъ Венедицкой, на черевехъ на бѣльихъ, а круживо у нее сажоно жемчугомъ Гурмыскимъ на бѣли, зъ дробницою» [1]).

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 407.

Мечъ древнѣйшее ручное оружіе, состоящее изъ прямой довольно широкой, булатной, стальной или желѣзной *полосы* и *крыжа*. Уже въ IX вѣкѣ мечи были извѣстны на Руси. Древнѣйшій нашъ лѣтописатель говоритъ, что когда Поляне представили своимъ завоевателямъ Козарамъ по мечу отъ дыма, то «рѣша старци Козарьстѣи: не добра дань, княже; мы ея доискахомъ оружьемъ одиноя страны, рѣкше саблями, а сихъ же оружье обоямо остро, рекше мечи» [1]). Отсюда видно, что полосы мечей были обоюду острыя; но были заостренныя и съ одной стороны, а тупыя или зубчатыя съ другой. Каждая плоская сторона меча называлась *голоменемъ*, острая— *лезомъ* или *лезвіемъ*, противоположная ей — *тыломъ* или *тыльемъ*. Крыжъ состоялъ изъ *яблока*, *черена* и *огнива*. Мечи носились въ ножнахъ, которыя привѣшивались къ поясу [2]). Въ договорѣ Русскихъ съ Греками въ 945 году «некрещеная Русь полагаютъ щиты своя и мечѣ своѣ *наги*, обручѣ своѣ и прочаа оружья, да кленутся» [3]). Въ Словѣ о полку Игоревѣ читаемъ: *гремлеши* (Всеволодъ) о шеломы мечи харалужными. — *Притрепеталъ* (Святославъ) своими сильными плъкы и харалужными мечи наступи на землю Половецкую.—Половци главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи» [4]). Въ сказкахъ упоминается мечъ *кладенецъ* [5]). По объясненію Вельтмана названіе кладенецъ Славянское *kladnice*, то чѣмъ колютъ и рубятъ, соотвѣтственное Латинскому *gladius* [6]). Но кажется вѣрнѣе сближать это названіе съ словомъ *укладъ*, означающимъ сталь, булатъ. Въ описи имущества кн. Голицыныхъ: «мечь сталной *волнистой*, на немъ съ обѣихъ сторонъ насѣкано

золотомъ, а въ золотѣ по орлу пластаному (т. е. двуглавому) да травы, у черена крыжъ мѣдной, позолоченъ; черенъ оклеенъ червчатымъ бархатомъ и перевитъ плетешкомъ серебренымъ; у черена жъ на концѣ двѣ головы орловыя, мѣдныя, золочоны; ножны оклеены бархатомъ червчатымъ, оправлены желѣзомъ прорѣзнымъ позолоченымъ; цѣна 2 руб. 6 алт. 4 денги [7]).

1) Новгор. лѣтоп. по синод. сп. изд. 1888. стр. 4.— «Подобаетъ мечу обоюду добрѣ изострену быти, аще имъ обнадежно рѣзати кто похощетъ», говорили наши предки. Др. Рос. Вивліоѳ. Изд. 2-е. ч. VIII. стр. 192.
2) Истор. опис. од. и вооруж. Рос. войскъ. ч. I. стр. 59.
3) Лѣтоп. по Лавр. сп. изд. 1872. стр. 52.
4) Рус. достопр. ч. III. стр. 64. 106. 166.
5) Пѣсни Рус. нар. ч. V. стр. 396. 440.
6) Древн. Рос. Госуд. отд. III. стр. XVII.
7) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 119. 120. 121.

Миндеръ или **Миндерь** названіе Татарское منذر *миндер*, подушка набитая хлопчатой бумагой, или волосомъ, мочаломъ, и насквозь простеганная; матрасъ, тюфякъ. Въ описи 1682 г. значатся миндери: «5 сафьянныхъ червчатыхъ» и одинъ «круглой сафьянной желтой» [1]). Въ февралѣ 1647 г. на миндери для царицыныхъ саней пошло 6 сафьяновъ черленыхъ [2]). Въ мартѣ 1667 г. потребованъ въ новую колымагу «миндерь бархатной, а на миндерь изголовейцо мѣстное» (подушка для сидѣнья) [3]).— По старинному свадебному чину водилось, чтобы «новобрачной княгине ѣхати к вѣнчанію в санехъ, сани поволотчи отласомъ или тафтою, а в сани положити подушка бархатная или отласъ золотной на миндерѣ, да в сани послати коверъ, а миндерь сукно червьчато» [4]). На свадьбѣ в. кн. Іоанна IV Васильевича, въ 1547 г., «миндерь носилъ за свахою великія княгини сынъ боярской Андрюшка Языковъ, а клалъ его подъ ноги свахи Левка Калитинъ» [5]).

1) Описн. кн. 190 г. № 141.
2) Дом. бытъ Рус. нар. т. II. Матер. стр. 84.
3) Расх. кн. 175 г. № 379.
4) Домостр. ркп. гл. 67. л. 190 об.
5) Др. Рос. Вивліоѳ. Изд. 2-е. ч. XIII. стр. 35.

Мисюрка. См. **Шеломъ.**

Миткаль толстая хлопчатобумажная ткань. Въ описяхъ упоминаются «миткали арапскіе». **Миткалинный** сдѣланный или сшитый изъ миткаля. «Ширинка наблюдная миткалинная, шита золотомъ и серебромъ» [1]). — «Пологъ (у кровати) миткалинной, прошиванъ тафтою алою» [2]).

1) Дом. бытъ Рус. нар. т. II. Матер. стр. 34. 35. 54. 75.
2) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 112.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Мишенъ (Перс. نشان *нишан* знакъ, мѣта, цѣль) металлическая пластинка или вырѣзка изъ какой либо ткани. Мишени дѣлались — рѣзныя, чеканныя, вышитыя, рисованныя. «Пансырь.... на хрептѣ мишень набита мѣдяна образиною.—Середи кишени вышита мишень травы золотомъ волоченымъ.—Писаны мишени краски лазоревы, а въ мишенѣхъ травы писаны золотомъ творенымъ» [1]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.

Монисто, Манисто женское украшеніе, носимое на шеѣ и состоящее изъ драгоцѣнныхъ камней, изъ золотыхъ и серебряныхъ бляшекъ, жемчуговъ, бусъ, корольковъ, гранатъ. Въ стародавнее время къ нимъ присоединялись кресты и панагіи съ разнообразными пронизками. Это древнее украшеніе удержалось до настоящаго времени и въ разныхъ мѣстностяхъ носитъ особыя названія, каковы: *перло* или *перлы*, *ожерелье*, *гранатки*, *янтари*, *кральки*, *намисто* и др. Этому украшенію соотвѣтствуетъ такъ называемое *collier*. Названіе этого украшенія монистомъ, происходящее отъ Санскр. मणि *мани*, драгоцѣнный камень (отсюда Греч. μάνος или μάννος и μόνος, Лат. monile), указываетъ, что оно пришло съ Востока. — По сказанію лѣтописи, Волынскій князь Владиміръ Васильевичъ въ устроенной имъ Георгіевской церкви въ Любомли «возложи на намѣстную икону Богородицы монисто золото с каменіемъ дорогымъ»; а предъ смертію († 10 дек. 1288 г.), «еще ему не вельми болну... мониста великая золотая бабы своей все полья... и розъсла милостыню по всей земли» [1]).—Великій князь Іоаннъ Даниловичъ Калита писалъ въ своемъ завѣщаніи: «а что золото княгини моее Оленино, а то есмь далъ дчери своей Фетиньи: 14 обручи и ожерелье матери ее, монисто новое, что есмь сковалъ» [2]). — Въ духовной грамматѣ кн. Михаила Андреевича Верейскаго (около 1486 г.) значится: «на манистѣ икона животворящаго древа, окована золотомъ зъ зерны съ великити, да тринатцять хрестцевъ золотыхъ съ великими зерны то и съ иконами, трои заноскы (цѣпочки для тѣльника) золоты» [3]). Княгиня Волоцкая Іуліана (около 1503 г.) завѣщала внукѣ своей Овдотьѣ дочерино приданое Аннино «манисто болшое золото,... да манисто на гайтанѣ, четыре кресты золоты, да четыре иконы золоты, да три кресты камены зъ золотомъ, да восмь пронизокъ золотыхъ» [4]).— Въ духовной записи кн. Дмитрія Іоанновича (около 1509 г.) значатся: «манисто золото лѣска (лѣстовка),... да манисто со кресты и иконы и прописки» [5]).—Въ описной книгѣ царицыной мастерской палаты 1626 г. находится слѣдующее описаніе мониста, которымъ великая инока Марѳа Ивановна благословила сноху свою, царицу Евдокію Лукіановну: «манисто чепочка золота звенчата; у чепочки нако-

нечники золоты жъ, рѣзь гранми, съ чернью; а на чепочкѣ въ манистѣ на гоитанѣ понагѣя золота на четыре углы, въ ней яхонтъ лазоревъ, на яхонтѣ рѣзь Спасовъ образъ Вседержителя, по полемъ два яхонта червчаты да два изумруда; на переди на главѣ рѣзь херувимъ, а на другой сторонѣ рѣзь великомученикъ Дмитрей, навожено чернью; подъ главою въ закрѣпкѣ по концомъ два зерна гурмыцкихъ.... Да на манистѣ жъ промежъ понагѣи и крестовъ на гаитанѣ двѣ прониски золоты рѣшетчаты да двѣ королковые бѣлые да двѣ королковые жъ червчаты, да прониска яшмовая зелена» [6]). Въ 1671 г. монастырскій слуга Сахаровъ завѣщалъ дочерямъ своимъ «монисто серебряное съ кресты серебряными» [7]).—Въ одной старинной записи значатся: «*перла* в три нитки болшаго жемчугу, шесть запонъ золотыхъ съ яхонтами червчетыми и с-ызумрудными искрами; перло въ двѣ нитки болшаго жемчугу; перло въ три нитки мелкого жемчугу» [8]).

1) Лѣтоп. по Ипат. сп. изд. 1871. стр. 601. 610.
2) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 32.
3) Тамъ-же, стр. 303.
4) Тамъ-же, стр. 339.
5) Тамъ-же, стр. 406 и 407.
6) Описн. кн. 134 г. № 668. л. 2.
7) Акты Юридич. стр. 462.
8) Зап. Имп. Археолог. Общ. т. XI. Спб. 1865. стр. 597.

Монограмма. См. **Крестъ.**

Морхи 1) тоже что бахрама: «завѣсъ,... по краемъ морхи шолкъ червчатъ съ золотомъ» [1]); 2) кисти у переносья лошади, сдѣланныя изъ пряденаго золота, серебра, разноцвѣтнаго шелка или шерсти. Морхи украшались яблочками и ворворками. «Морхи серебро съ золотомъ, въ нихъ яблочко низано жемчугомъ. — Морхи шолкъ червчатъ съ золотомъ да серебромъ; на яблочкѣ жемчугу рѣденко низано, у яблочка темлачокъ шолкъ бѣлъ съ серебромъ, 2 ворворки низаны жемчугомъ» [2]).

1) Переписн. кн. 148 г. № 678.
2) Описн. кн. 97 г. № 665.

Морхъ пушина, ворсъ на ткани. «Бархатъ золотной, по немъ морхъ червчатъ да лазоревъ, травы серебряныя» [1]). **Двоеморхій** съ двойнымъ ворсомъ. «Бархатъ двоеморхъ жаркой цвѣтъ» [2]).

1) Описн. кн. 190 г. № 140.
2) Описн. кн. 97 г. № 665. — Вывѣсн. кн. 137 г. № 127.

Моршни = Поршни.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Мурмолка высокая шапка съ плоскою къ головѣ разширявшеюся тульею, изъ алтабаса, бархата или парчи, съ мѣховою лопастью въ видѣ отворотовъ, которые напереди пристегивались къ тульѣ, въ двухъ мѣстахъ, пуговицами съ петлями. Мурмолки украшались иногда запоною съ жемчужнымъ или съ бѣлымъ дорогимъ перомъ. Между царскими наголовьями онѣ не встрѣчаются. У князя В. В. Голицына были: «мурмолка соболина, исподъ золотной алтабасъ, пугвицы каменье бирюза, петли сажены зерномъ бурмицкимъ. Мурмолка бархатъ червчатъ»[1]).—Нынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новгородской, Псковской и Петербургской губерній мурмолками называютъ круглыя шапки вышиною четверти полторы, у которыхъ весь верхъ мѣховой (большею частію изъ курчавыхъ бѣлыхъ барашковъ), съ стеганою подкладкою, безъ отворотовъ.

1) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 24. 25 и XXXIX.

Мухояръ Бухарская бумажная ткань съ шелкомъ или съ шерстью. Царь Іоаннъ Васильевичъ писалъ князю Курбскому: «при матери нашей у князя Ивана Шуйскаго шуба была мухояръ зеленъ на куницахъ, да и тѣ ветхи»[1]). Въ февралѣ 1613 г. «дѣлали мастеры охабенекъ мухояръ чорной, государынѣ великой старицѣ Маѳѣ Ивановнѣ»[2]). «Мухояръ бѣлой, сахарной цвѣтъ; цѣна по 6 алт. по 4 денги за аршинъ»[3]). **Мухоярный** сшитый изъ мухояра. «Лѣтникъ новой мухояренъ червчятой»[4]).

1) Расх. кн. 122 г. № 890.
2) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 75.
3) Ист. Гос. Рос. т. VIII. прим. 81.
4) Акты Юрид. стр. 444.

Мятлъ, Мятель = Ментеня. «Мятель сукно темносинее, подложенъ киндякомъ зеленымъ; пугвицы шолкъ черенъ»[1]).

1) Древн. Рос. Гос. отд. I. стр. 147.

Набатъ огромной величины мѣдный барабанъ. Встарину каждый воевода имѣлъ свой набатъ[1]). Въ описяхъ: набатъ *Турской*, набатъ *кадной*, набатъ *потѣшной*[2]). У Арабовъ نوبة *наубет* означаетъ шамаду или барабанный бой къ сдачѣ. — По замѣчанію Висковатова, набаты по всей вѣроятности перешли въ Россію отъ Татаръ[3]).

1) Ист. Госуд. Рос. т. X. прим. 403.
2) Описн. кн. 97 г. № 665. — Вельтманъ Оруж. Пал. слов. стр. 33.
3) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 107.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Навершье остроконечная тулья или верхушка у воинскаго наголовья. См. **Шеломъ.** — Навершье у щитовъ. См. **Щитъ.**

Нагавицы обувь въ родѣ голенищъ, для закрыванія ногъ, отъ колѣна до плюсны. Къ нимъ присоединялись **Наколѣнки,** закрывавшія колѣна. «Нагавицы камка Венедитцкая ценинна; наколенки бархатъ бурской, шолкъ червчатъ да зеленъ съ золотомъ, листье чешуйчато. — Нагавицы камка Венедитцкая синя; наколѣнки бархатъ чорнъ, гладкой» [1]). — «Наколенки нагавичные шиты по отласу червчатому золотомъ да серебромъ» [2]).

1) Викторовъ. Оп. запис. книгъ дворц. прик. вып. I. стр. 3 и 4.
2) Дом. бытъ Рус. нар. т. II. Матер. стр. 46.

Нагалище = Влагалище.

Наждакъ. См. **Камни.**

Накапки. См. **Лѣтникъ.** Въ духовной грамматѣ княгини Іуліаніи Волоцкой (около 1503 г.) значатся «накапки сажоны, да вошва на одну накапку шита золотомъ да сожана была жемчюгомъ». Также въ духовной князя Дмитрія Іоанновича (1509 г.): «накапки женские сажены жемчугомъ Гурмыскимъ на бели на платцѣхъ» [1]).

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 340. 406.

Накищенный имѣющій кисти, украшенный кистями. «Три ширинки таѳтяныя: у одной каймы плетено золото съ серебромъ, кисти шелкъ вишневъ съ золотомъ; а двѣ ширинки шиты золотомъ и серебромъ съ шелки— одна накищивана шелкъ чернъ съ золотомъ, а другая шелкъ червчатъ съ золотомъ. — Пять ширинокъ миткалинныхъ: четыре шиты золотомъ да серебромъ съ шелки, пятая шита вязью золотомъ съ шелки; двѣ накищены чернымъ шелкомъ съ серебромъ, одна вишневымъ шолкомъ съ золотомъ да съ серебромъ, а четвертая накищена шелкъ чернъ, пятая шелкомъ червчатымъ.—Ширинка полотняная, шита золотомъ и серебромъ съ шелки, накищена шелкомъ червчатымъ. — Полотенцо полотняное, шиты слова съ каймами, золото съ шелки, накищено шелкомъ чернымъ» [1]).

1) Викторовъ. Оп. патр. ризн. 1631 г. М. 1876. стр. 70 и 71.

Наколѣнки. См. **Нагавицы.**

Наконечникъ 1) металлическая или костяная оправа на концѣ посоховъ, ноженъ и т. п. «Ножны.... наконешникъ булатенъ». — 2) оправа на концахъ поясовъ, привязокъ, ремней, тесемъ. «У пояса крюкъ и пряжи

и наконешники и запряжники и на привязкахъ наконешники серебряны, золочены и конфарены. — У пояса крюкъ и наконешники мѣдяны съ краски» [1]). См. **Ножны.**

1) Описн. кн. 97 г. № 665.— Переп. кн. 148 г. № 678.

Накосникъ. См. **Косникъ.**

Накра, Нагара и Ногара барабанъ. Перс. نقاره *некаре* родъ литавры. Ср. Ново-Греч. *ἀνάκαρα*. Накры были *большія и малыя*. Въ «трубничей рухляди» Бориса Ѳеодоровича значатся «7-ры накры болшихъ и малыхъ» [1]). Ударявшіе въ накры назывались *накрачеи* [2]). Припомнимъ здѣсь старинный разсказъ Русскаго путешественника въ Индію: «выѣхалъ султанъ на Шеферичь, ино съ нимъ 20 възыревъ великихъ, да 300 слоновъ наряженыхъ,.... да коней простыхъ тысяща въ санѣхъ златыхъ, да верблюдовъ сто съ нагарами, да трубниковъ 300. — У меликъ-тучара ....на всякую ночь дворъ его стерегутъ сто человѣкъ въ доспѣсѣхъ, да 20 трубниковъ, да 10 нагаръ, да 10 бубновъ великихъ, по два человѣка бьютъ» [3]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.
2) Ист. Гос. Рос. т. X. прим. 119.
3) Соф. Врем. М. 1821. Ч. II. стр. 157 и 159. — По объясненію Біанки и Киффера ملك التجار *мелик ут тудджаръ* — купецкій старшина: roi des marchands, en Perse; titre du préposé des marchands, chargé de connaître de leurs causes et de les décider. A la cour du roi cependant, il était lui-même sous la surveillance de l'intendant. И нашъ путешественникъ говоритъ: «есть Хоросанець Меликъ-Тучаръ бояринъ, ино у него двѣстѣ тысячь рати своей». Соф. Врем., ч. II. стр. 151.

Налучіе или **Налучь** и **Налушно** влагалище для лука. Налучи дѣлались изъ кожи или сафьяна; обтягивались атласомъ, бархатомъ, парчей; вышивались золотомъ, серебромъ и шелками; украшались каймами съ разноцвѣтными финифтяными косками и плащами, подзорами, репьями и проч. [1]). Налучь съ лукомъ носили на лѣвой сторонѣ, пристегивая ее цѣпями съ бендями либо къ особому, либо къ сабельному поясу [2]). См. **Саадакъ.**

1) Описн. кн. 97 г. № 665. — Вывѣсн. кн. 137 г. № 127.
2) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 70.

Напалокъ. См. **Перстни.**

Наплечки и Нарамки наплечная часть и наплечное украшеніе одеждъ и вооруженій. Великій князь Іоаннъ Даниловичъ Калита завѣщалъ сыну своему Андрею «бугай соболій съ наплечки съ великимь женчугомь, съ каменьемъ» [1]). Въ духовной грамматѣ в. князя Іоанна Іоанновича (1356 г.) между аламами, значатся «наплечки золоты съ круги, съ каменьемъ,

съ женчуги; аламъ малый съ женчуги» [2]). На тафтяной приволокѣ царицы Агаѳіи Симеоновны были «нарамки низаны жемчугомъ по червчатому отласу; нарамка жъ пухъ бобровой, на ней нашито 5 пугвицъ съ ѳиниѳтью» [3]).— Игнатій, сопутствовавшій Смоленскому епископу Михаилу въ Царьградъ и бывшій въ Софійскомъ соборѣ при вѣнчаніи на царство Мануила, замѣтилъ здѣсь, между прочимъ, на «украшенныхъ чудно» одеждахъ пѣвцовъ «наплечки со златомъ и бисеромъ и съ круживомъ» [4]).— Висковатовъ называетъ плечевыя скрѣпленія зерцалъ у передней или нагрудной доски *нарамками*, а у задней *наплечками* [5]).

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 32.
2) Тамъ же, стр. 42—43.
3) Переп. кн. 189 г. № 148.
4) Древн. Лѣтоп. ч. II. стр. 138.
5) Истор. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 48.

Наручи металлическія выгнутыя пластины, закрывавшія руку отъ кисти до локтя. Нижняя пластина наручей называлась *черевцомъ;* она прикрѣплялась къ верхней застежками съ пряжками. Часть наручей близь локтя называлась *локотникомъ*, а у кисти — *запястьемъ*. Когда локотники заходили за локоть, наручи назывались *съ локти* или *съ локотки* [1]). «Наручи желѣзные съ локотки, грани косые, черезъ грань наведены золотомъ; въ локти подпись имя Бориса Ѳедоровича; застешки тясма шолкъ червчатъ съ золотомъ; подложены отласомъ червчатымъ» [2]). Наручи дѣлались изъ краснаго булата, стали, желѣза; гладкія и граненыя; наводились золотомъ, украшались драгоцѣнными камнями. Въ одной изъ наручей князя Ѳ. И. Мстиславскаго, кромѣ золотыхъ цвѣтковъ, плащей, травъ, чепей «съ гнѣзды съ золотыми и съ каменьемъ», было «каменья большаго и мелкаго триста девяносто девять каменьевъ яхонтиковъ червчатыхъ и лаликовъ и винисокъ и бирюзъ; да въ другой наручи.... каменья большаго и мелкаго яхонтиковъ червчатыхъ и изумрудцовъ и лаловъ и винисокъ и бирюзъ триста тридцать два каменя» [3]). — «Наручи булатныя, насѣканы мѣсты золотомъ, и съ тесмами шолковыми зелеными, у тесемъ и наконешники серебреные; цѣна 15 руб. — Наручи булатныя жъ, кругъ ихъ каймы обложены серебромъ и позолочены, подложены отласомъ краснымъ, съ застешки тесмяными шолковыми; цѣна 12 руб.» [4]).

1) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 51.
2) Описн. кн. 97 г. № 665.
3) Древн. Рос. Госуд. отд. III. стр. 52 и 53. Эти наручи, по переписной книгѣ 195 г., оцѣнены въ *семьсотъ пятьдесятъ рублевъ*. Въ старинныхъ описныхъ книгахъ онѣ занимали первое мѣсто между всѣми наручами.
4) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 123.

Настрафиль. См. **Сукно.**

Натруска. См. **Цѣпь.**

Наузольникъ. См. **Пояса.**

Наузъ одна или нѣсколько кистей, повѣшенныхъ на шнурѣ или цѣпочкѣ подъ шеею лошади. Это конское украшеніе дѣлалось изъ шелка, пряденаго серебра и золота, съ ворворками шелковыми, золотыми, жемчужными; ворворки иногда украшались чекмами и плящиками. «Наузъ клинецъ серебрянъ золоченъ, сканью; на чепочкахъ на серебряныхъ 3 кисти: 2 кисти серебряны, а 3-я золота; а наверху кисти ворворки жемчужные, а наверхъ ворворокъ по плящику серебряну золочену» [1]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.

Наурузъ мужское наголовье въ родѣ колпака съ полками (полями), наугольниками, прорѣхами, пуговицами и кистями. Въ имуществѣ царя Ивана Васильевича значатся наурузы: «пуховой съ плащи и съ запонами и съ золотыми, а въ запонахъ и въ плащѣхъ 31 яхонтъ червчатыхъ и лаловъ, 4 яхонты лазоревыхъ, 29 алмазовъ да тумпазъ (топазъ), 4 изумрудцы, 8 берюзъ, 6 зеренъ вислыхъ жемчужныхъ, на прорѣхахъ 4 пуговицы золоты, а яхонты въ нихъ лазоревы. — Наурузъ сдѣлати .... камка Бурская на зелени репьи золоты съ червчатымъ шолкомъ, запаны на немъ золоты, а въ нихъ въ середкѣ по образинѣ литой бѣлы; да на него жъ двѣ пуговицы жемчуги уродоваты, веревки серебряны дѣлати, подпушка прибрать бѣла съ золотомъ» [1]). У Бориса Ѳеодоровича были наурузы: одинъ изъ червчатаго скорлата, саженый жемчугомъ съ полками, шитыми по червчатому атласу золотомъ и обнизанными жемчугомъ; другой скорлятинъ червчатъ съ поясками и съ чешуйчатыми полками, шитымн по алой тафтѣ серебромъ; два строченые шелкомъ съ поясками же [2]).

1) Времен. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос. кн. VII. отд. III. стр. 23. 13. — Тамъ же, стр. 28. 29. 30, описано семь наурузовъ царевича Ивана Ивановича; между ними стоитъ замѣтить по подробностямъ: «наурузъ скорлатной, по немъ веревки жемчужны, на немъ на одной прорѣхѣ запана золота, а въ ней яхонтъ лазоревъ великъ дологъ обдѣланъ золотомъ, а въ верху яхонтъ червчатъ, да на прорѣхахъ по два переченка золоты съ олмазцы, пуговицы золоты уголчаты съ финифты съ камышки.—Наурузъ камка Бурская на бѣли шолкъ лазоревъ да червчатъ съ змѣйки и копытца золоты малые, веревки трунцалны, двѣ запаны золоты круглы, на нихъ травы листье, въ одной запанѣ яхонтъ лазоревъ да 4 яхонты червчаты да зерно жемчужное, а въ другой запанѣ яхонтъ лазоревъ да лалъ; полицы камка Бурская на черевцѣ розные шолки съ золотомъ; кисть шолкъ червчатъ съ золотомъ, ворворки канютельные одинокіе».

2) Описн. кн. 97 г. № 665.

Наушки или **Наушни** лопасти у шапокъ и шлемовъ, прикрывавшія ухо; онѣ завязывались внизу подбородка завязками. «Шапка съ наушками

камка синя». У шоломовъ: «уши серебромъ обиваны, гвоздье горощато серебряно; уши съ пупыши писаны золотомъ по червчатой землѣ; уши Шамохейскіе наведены» [1]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.

Нахтерма (Тат. *бухтарма*), сторона кожи животныхъ, обращенная къ мясу; мездра; изнанка выдѣланной кожи.

Нахтермянный сдѣланный изъ кожи мездрой на лицо. «Саадакъ нахтермянъ, строченъ въ три строки серебромъ и золотомъ волоченымъ.— Саадакъ нахтермянъ Бухарской, шитъ по казу по чорному шолки розными: шолкъ червчатъ да лазоревъ да бѣлъ да зеленъ; а промежъ нахтермы и казу въ гнѣздѣхъ поталъ и таѳтица и бархатъ розными цвѣты.— Тебенки нахтерменны, шиты шолки. — Лубье нахтермянно, строчено шолкомъ въ двѣ строки» [1]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.

Ножи дѣлались изъ булата и стали; раздѣлялись на *поясные*, *подсайдачные* и *засапожные* (засапожники). Первые — короткіе съ двумя лезвеями; вторые — длиннѣе и шире съ однимъ лезвеемъ, къ концу нѣсколько выгнутымъ; третьи — изъ криваго шляка. Шляки украшались долами, доликами и каймицами; черены дѣлались прямые и складные. Были ножи Бухарскіе, Литовскіе, Турскіе, Угорскіе. «Ножъ стальной Турской, саблею, съ доломъ съ кованымъ; на тылѣ 2 долика, а съ обѣ стороны въ дву мѣстѣхъ по 2 долика наведены золотомъ; черенъ кость волчья бѣла, устье мѣдяно, оковъ раковинной.—Ножъ Бухарской булатенъ; черенъ волчей складной.— 10 ножей Литовскіе; черены складные» [1]). — «Двои ножи Угоръскіе, кости рыбей зубъ наставки» [2]). Въ Словѣ о полку Игоревомъ: «тіи бо бес щитовь съ засапожникы кликомъ пълкы побѣждаютъ, звонячи въ прадеднюю славу» [3]). Въ битвахъ, при схваткѣ съ непріятелями, пускались въ ходъ ножи. Въ 1238 году при осадѣ Козельска Татарами «Козляне пожи рѣзахуся съ ними» [4]). — Въ Казанскій походъ царя Ивана Васильевича (1552 г.) «царевы воини .... за руки имаяся (съ Татарами), копіи и саблями въ тѣснотахъ, ножи (ножами) рѣзались» [5]). — Ножи носились въ ножнахъ.

1) Описн. кн. 97 г. № 665.
2) Акты Юрид. стр. 92.
3) Рус. достопам. ч. III. стр. 140.
4) Соф. Врем. ч. I. стр. 246.
5) Царств. кн. Спб. 1769. стр. 305.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Ножны влагалище для ножей, мечей, сабель, шпагъ, палашей, кончаровъ, тесаковъ и кинжаловъ. Ножны дѣлались изъ дерева и желѣза; поволокались (обтягивались) хзомъ, объярью, бархатомъ; оправлялись желѣзомъ, булатомъ, серебромъ и золотомъ; украшались драгоцѣнными камнями; оправа желѣзная наводилась золотомъ. Металлическая оправа у верхней части ноженъ, подъ крыжемъ, называлась *верхнимъ оковомъ* или *устьемъ;* а у нижней части, на концѣ,— *нижнимъ оковомъ* или *наконечникомъ*. Сверхъ того, на ножнахъ дѣлались *мишени* или металлическія накладки, *обоймицы* или обручики и *брящары* или гремушки съ кольцами близь устья для привѣшиванія ноженъ къ поясу. «Ножны хозь червчатъ.... на ножнахъ оковы желѣзны рѣзаны черезъ грань, золотомъ наведены.— Ножны хозь алъ.... на ножнахъ оковы булатны рѣзаны на проемъ; кайма и наверху мишенцы... съ обѣ стороны золотомъ наведены.— Ножны отъ устья до наконешника поволочены газомъ чорнымъ, обоймицы въ 4-хъ мѣстѣхъ мѣдяны, *кобылино* желѣзно, наконешникъ булатенъ, мишень наведена золотомъ.— На ножнахъ бархатъ червчатъ; оковъ верхней съ петлею осмогранной булатной наведенъ золотомъ; нижней оковъ да двѣ мишени наведены золотомъ.— Ножны бархатъ вишневъ гладкой; на ножнахъ.... плящи золочены чеканены, по нихъ въ гнѣздѣхъ камушки яхонты червчаты и лалики и берюзы; подплящи на ножнахъ и обоймица и колца.... булатны, врѣзано золотомъ.— Ножны поволочены черленымъ бархатомъ, оправлены серебромъ золоченымъ съ каменьемъ съ бирюзами и съ винисами и съ зеленымъ каменьемъ» [1]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665 и 190 г. № 140. — Переп. кн. 148 г. № 678.

Обвиранный. См. **Враный.**

Обнизь. См. **Зипунъ.**

Обножи. «Двои обнози, что кладутца у лошадей на ноги, шиты золотомъ по зеленому хозу; цѣна 3 алт. 2 денги» [1]).

1) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 160.

Обоймица металлическій обручикъ. См. **Ножны, Пищаль, Самопалъ.**

Образцы круглыя или продолговатыя и разнаго вида фигуры — кованыя, литыя, низаныя или саженыя жемчугомъ, аксамиченныя золотомъ, кружевныя, иногда съ драгоцѣнными камнями. Образцы служили украшеніемъ на ферезяхъ, кафтанахъ, ормячкахъ, однорядкахъ и шапкахъ; прикрѣплялись они на вороту, на груди, на плечахъ, назади и на боковыхъ

прорѣхахъ. Слѣд. тоже, что *аламы*. «Образцы низаны большимъ жемчюгомъ съ канютелью: 6 воротныхъ да 2 прорѣшныхъ. — 29 образцовъ Литовское дѣло, низаны жемчюгомъ» [1]). У Бориса Ѳеодоровича а) на ферезяхъ были «въ 3-хъ мѣстѣхъ образцы сажены по синему отласу, а въ нихъ 16 яхонтовъ лазоревыхъ да яхонтъ червчатъ да 7 лаловъ и всѣхъ 24 камени, въ образцѣ по 4 яхонты съ лалы. — Образцы оксамичены золотомъ, пронизаны въ шахматы жемчугомъ. — Образцы круживо Нѣмецкое золото, продолговаты, обнизаны жемчугомъ.—На прорѣхахъ по образцу»; б) на ормячкѣ «на вороту и на прорѣхахъ 14 образцовъ, оксамичены золотомъ, продолговаты, вдоль въ двѣ-рядь низаны жемчугомъ»; в) на шапкѣ «образцы низаны жемчугомъ въ рясную, во образцѣхъ по бирюзѣ въ гнѣздѣхъ въ золотыхъ» [2]). На одной изъ однорядокъ царя Алексѣя Михаиловича было «5 гнѣздъ образсовъ, шиты по червчатому бархату волоченымъ золотомъ» [3]). У царя Ѳеодора Алексѣевича на ѣздовомъ кафтанѣ «вмѣсто нашивки были нашиты образцы жемчюжные съ алмазы» [4]). «18 образцовъ серебряныхъ литыхъ золочены, рѣзаны травы» [5]).

1) Забѣлинъ. Дом. бытъ Рус. нар. т. II. Матер. стр. 28.
2) Описн. кн. 97 г. № 665.
3) Описн. кн. 190 г. № 140.
4) Вых. госуд. стр. 671.
5) Зап. Археол. Общ. т. V. стр. 109.

Обручъ, Обручикъ ленточка или шнуръ вокругъ шляпы и шапки. «Шляпа Нѣмецкая .... обручикъ бархатъ червчатъ, пряжка и наконешникъ и засовъ серебряны золочены» [1]).—«Обручь съ шапки женскія, низанъ по серебряной цкѣ жемчюгомъ крупнымъ, а по обручю 16 запанъ изумрудныхъ и алмазныхъ съ искры яхонтовыми и изумрудными; цѣна 285 руб.» [2]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.
2) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 313.

Обухъ, Обушикъ то же, что **Брусъ** — знакъ военачалія. «Обушикъ каменной, насаженъ на деревѣ; дерево оклеено бархатомъ, перевито серебромъ» [1]). «Обухъ булатной, насѣканъ золотомъ, на концѣ трубки серебреныя съ чернью. — Обухъ сталной прорѣзной, на немъ вырѣзана змѣя, съ стволомъ и съ замкомъ; въ ложѣ втираны кости и раковины» [2]). Тылъ у топора и меча. См. **Топоръ, Мечъ.**

1) Описн. кн. 190 г. № 140.
2) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 126.

Обьярь или **Объярь** плотная шелковая волнистая ткань съ золотыми и серебряными струями и съ разными узорами. Названіе этой ткани про-

исходитъ отъ Перс. آبدار *абдар* (آب *аб* вода) волнистый, струйчатый. **Объяринный** сшитый изъ объяри. «Обьярь золотная по червчатой землѣ, по ней травы золоты съ серебромъ. — Обьярь по червчатой землѣ, по ней травы золотые, въ травахъ репейки серебряные. — Обьярь по серебреной землѣ, по ней розводы золоты, въ розводѣхъ травы петелчаты. — Обьярь струя по серебряной землѣ, по ней травы золоты въ цвѣтахъ, шолки цвѣтные розные.—Обьярь серебряна по брусничной землѣ, по ней травки мелкія серебряныя.—Обьярь цвѣтная по серебряной землѣ травы золоты, въ цвѣтахъ шолки розные.—Обьярь лазорева съ золотою струею.—Обьяръ ала, струя серебряна. — Обьярь по бѣлой землѣ травки и чорвочки шолкъ алъ да зеленъ». — Изъ объяри дѣлались: платна, кафтаны, кожухи, опашни, зипуны, чюги, ферези, лѣтники, тѣлогрѣи, шубы, шубки, шапки столбунцы, верхи на рукавахъ, одѣяла, гривы у одѣялъ [1]). Были и кушаки объяринные: «кушакъ обьяринной полосатъ, шолкъ зеленъ да червчатъ да цѣниненъ да рудожелтъ да бѣлъ. — Кушакъ объяринной, шолкъ черчетъ да зеленъ» [2]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665; 190 г. № 140; 150 г. № 679. — Вывѣсн. кн. 137 г. № 127. — Переп. кн. 148 г. № 678; 181 г. № 145; 189 г. № 148 и мн. др.

2) Описн. кн. 97 г. № 665.

Обязь опояска, поясъ для ношенія оружія.. «Сабля золота, обязь золота» [1]).

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 43.

Огниво 1) стальная пластинка для высѣканія огня; 2) поперечное желѣзцо у крыжа. См. **Крыжъ.**— **Огнивчатый** похожій на огниво. Въ духовной грамматѣ в. кн. Іоанна Іоанновича: «чепь.... огнивчата съ кресты» [1]).

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 40.

Огонки хвосты и обрѣзки, остающіеся отъ пригонки мѣховъ. «Кафтанъ опушенъ огонками собольими» [1]). «Круживо золотное съ городами, обложено огонками» [2]).

1) Зап. Имп. Археолог. Общ. т. XI. стр. 598.

2) Акты относ. до юрид. быта др. Россіи, т. III. Спб. 1884. стлб. 312.

Огривокъ = Грива.

Однорядка верхняя широкая, долгополая одежда, безъ воротника, съ длинными рукавами, подъ которыми дѣлались прорѣхи для рукъ; задъ у

нея дѣлался нѣсколько выше переда. Однорядки шились обыкновенно изъ зуфы, сукна и другихъ шерстяныхъ тканей; украшались круживомъ, плетешкомъ, нашивками, образцами и золотными строками; застегивались пуговицами или завязками; надѣвались на зипунъ и на кафтанъ; носились осенью и въ ненастную погоду, въ рукава и въ накидку [1]). «Однорядка лундышь сизова; на ней круживо золото Нѣмецкое зубчатое; на вороту и на прорѣхахъ 12 завязокъ плоскихъ съ лопатками, шолкъ червчатъ съ золотомъ; кисти Ирѣйскіе, ворворки серебряны, на Литовское дѣло» [2]). Въ описи платья царя Михаила Ѳеодоровича показаны однорядки *чистыя* и *нарядныя;* у тѣхъ и другихъ по 15 пуговицъ [3]). У царя Алексѣя Михаиловича «двѣ однорядки обинныя бѣлыя»: на одной «круживцо золотное кованое да 5 гнѣздъ образсовъ»; на другой «плетешокъ 14 гнѣздъ и нашивки» [4]). Въ 1469 г. великій князь Іоаннъ III Васильевичъ послалъ въ награду Устюжанамъ, между прочимъ, однорядки Чипскія, Лунскія, Новоголскія и Трекумскія. — Въ описи имущества посадскаго человѣка 1672 г. значатся: «однорятка *женская*, сукно кармазинъ малиновой цвѣтъ, у ней двенатцать пугвицъ серебряные болшие сканное дѣло, плетень золотной; да однорятка женская жъ вишневая, пугвицы оловянныя» [5]).

1) Покрой однорядки показанъ, по кроильнымъ книгамъ, у Вельтмана въ слов. къ Оруж. Пал. стр. 36 и 37: «1669 г. августа въ 12 д. скроена великому государю однорядка сукно скарлатъ червчатъ, въ длину по передамъ 2 арш. 2 верш., позади 2 арш. 1 верш.; въ плечахъ ширина 1 арш. $1^1/_2$ верш., рукавамъ длина отъ стану 1 арш. 10 верш., въ корени 7 верш., въ запястьѣ 3 верш.; въ подолѣ 4 арш. 2 вершка. Сукна въ кроенье вышло $5^1/_4$ арш., да въ моченье того сукна сѣло 7 вершковъ. Подпушка камка свѣтлозелена травная. Круживо и нашивка низана жемчугомъ въ одно зерно» и проч.— «На государѣ было платья, *для ненастья*: однорядка песочной цвѣтъ; — вишнева» и проч. См. Вых. госуд. стр. 35 и др.

2) Описн. кн. 97 г. № 665.

3) Вывѣсн. кн. 137 г. № 127.

4) Описн. кн. 190 г. № 140.

5) Лѣтоп. Архангел. подъ 6977 г. М. 1819. стр. 173. Изв. Имп. Археол. Общ. т. III. стлб. 59.

Одомашка = Адамашка.

Одѣяла были *спальныя* и *санныя*, холодныя и теплыя; шились изъ атласа, бархата, объяри, тафты, камки, дороговъ и другихъ тканей; были съ каймами и безъ каемъ. Кайма или обшивка одѣялъ называлась *гривою*. «Одѣяло на отласѣ на сине, шито серебромъ да золотомъ, да грива сажена» [1]). — Одѣяло «средина отласъ рудожолтъ, по немъ травы шиты волоченымъ золотомъ; кайма тафта лазорева, по ней шито золотомъ съ розными шолки; подкладка тафта лазорева на бумагѣ. Одѣяло, средина бархатъ Виницейской золотной по червчатой землѣ; кайма по кисеѣ шита розными шолки на бумагѣ. Одѣяло тафта ала; грива отласъ жолтъ; исподъ

лисей чернобурыхъ лисицъ; выпушено пухомъ. — Одѣяло санное камка червчатая, чешуйчета; грива обведена галуномъ золотнымъ; исподъ песцовой бѣлой; выпушено пухомъ» [2]). Одѣяло царицы Евдокіи Лукіановны отличалось особенно богатымъ украшеніемъ: «одѣяло отласъ золотной по лазоревой землѣ, на горностаѣхъ; грива по атласу по червчатому низана жемчугомъ, въ гривѣ 22 яхонта лазоревы да 16 лаловъ да 21 изумрудъ, да въ гривѣ жъ 5 гнѣздъ съ каменьи; около одѣяла кайма по отласу по червчатому низана жемчугомъ; опушено бобромъ чорнымъ» [3]). — Одѣяло изорбафъ золотной, травы розныхъ шелковъ; кайма изорбафъ золотной, травы розныхъ цвѣтовъ; въ срединѣ каймы и одѣяла кайма жъ осиновой отласъ; на немъ круживо золотное Нѣмецкое, на соболяхъ, кругомъ каймы опушено соболми жъ; цѣна 150 руб.» [4]). — «Одѣяло овчинное подъ летчиной» [5]).

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 301.
2) Описн. кн. 97 г. № 665 и 190 г. № 140. — Переп. кн. 181 г. № 145.
3) Переп. кн. 150 г. № 679.
4) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 208.
5) Оп. имущ. пос. чел. 1672 г. въ Изв. Археол. Общ. т. III. стлб. 60.

Ожерелье 1) украшеніе мужскихъ и женскихъ одеждъ около шеи. Великій князь Іоаннъ Даниловичъ Калита (1328 г.) писалъ въ своей духовной грамматѣ: «а что золото княгини моее Оленино, а то есмь далъ дчери своей Фетиньи 14 обручи и ожерелье матери ее» [1]). — Въ духовной князя Михаила Андреевича Верейскаго (около 1486 г.): «ожерелье съ великими яхонты, сажено зъ зерны съ великими;.... другое ожерелье пристѣжное съ передци низано, того жъ ожерелья запястье великимъ жемчюгомъ низано» [2]).—Въ духовной княгини Іуліаны Волоцкой (около 1503 г.): ожерелье сожоно, а исподней рядъ снизонъ, да четыре у него пугвицы жемчюжны» [3]). — 2) воротникъ у рубашекъ, зипуновъ, кафтановъ, чюгъ, однорядокъ и проч. «Два ожерелья муские пристежные: одно бурмицкое; оба на четырехъ нитяхъ; у бурмицкова три пугвицы, два изумруда да яхонтъ червчетъ, а у другова лалъ.— Ожерелья стоячея отложное, низано по вишневому отласу.— Пять ожерелей женскихъ низаны во реѳидь» [4]).—3) мѣховой воротникъ у шубъ: «шуба.... ожерелье бобровое» [5]). «Шубка женская зелена да ожерелье бобровое *наметное*» [6]). «Шуба гвоздична, ожерелье пухъ бобровой» [7]). Ожерелья у нарядныхъ рубашекъ или сорочекъ дѣлались изъ атласа, бархата, парчи; украшались жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Подобнымъ образомъ украшались ожерелья у зипуновъ и чюгъ. Эти ожерелья дѣлались въ родѣ нынѣшнихъ форменныхъ шитыхъ воротниковъ и назывались *стоячими*. У царя Михаила Ѳеодоровича были:

«ожерелье стоячее 1-го наряду, по бархату по червчатому обнизано жемчюгомъ большимъ съ каменьемъ; въ немъ 4 яхонты лазоревы велики, 7 лаловъ, 2 изумруда — всѣ въ гнѣздахъ въ золотыхъ; около каменья жемчюгу 159 зеренъ; подложено отласомъ червчатымъ. — Ожерелье стоячее 3-го наряду по бархату по червчатому обнизано жемчюгомъ съ каменьемъ; въ немъ по угломъ два яхонты лазоревы, да по середкѣ два жъ яхонты лазоревы невелики, да семь лаловъ, четыре изумруда — всѣ въ гнѣздахъ въ золотыхъ; около каменья жемчюгу 218 зеренъ; подложено отласомъ червчатымъ. — Ожерелье участокъ, по серебряной землѣ травы шолкъ червчатъ, зеленъ, листье золотное; подкладка отласъ червчатъ. — Ожерелье полевое, бархатъ по червчатой землѣ, аксамичено по лазоревому бархату» [8]). Были еще ожерелья *отложныя*, похожія на широкій отложной воротникъ; они украшались такъ-же богато, какъ и стоячія. Тѣ и другія иногда пришивались къ одеждамъ, а иногда только пристегивались къ нимъ — ожерелья *пристежныя*. Въ Выходныхъ книгахъ царя Михаила Ѳеодоровича, подъ 12 декабря 1632 года, значится на немъ, между прочимъ: «зипунъ изъ мастерскіе, безъ ожерелья; сорочка съ пристѣжнымъ ожерельемъ третьего наряду» [9]). При бракосочетаніи царя Алексѣя Михаиловича, 16 января 1648 года, «шли бояра и столники и околничіе и дворяне всѣ въ золотѣ и въ черныхъ шапкахъ и въ ожерельяхъ стоячихъ и отложныхъ» [10]). Отложныя великокняжескія и царскія ожерелья назывались и *діадимами*. Царь Іоаннъ IV, по возвращеніи въ Москву изъ Казанскаго похода, «перемѣнилъ воинскую одежду и положилъ царское одѣяніе: положилъ на выю свою и на перси животворящій крестъ, и на главу свою шапку Мономахову, сирѣчь вѣнецъ царской, и на плещи діадиму» [11]). — Для одеждъ царицъ и царевенъ ожерелья низались на нитяхъ [12]).

Примѣчаніе. Ожерельемъ называлось и *оплечье* у священныхъ ризъ и стихарей: въ Кормовой книгѣ Кирилло-Бѣлоезерскаго монастыря употребляются оба эти названія безразлично. «Ризы атласъ съ золотомъ, ожерелье жемчугомъ сажено.—Стихарь камчатный діяконской, ожерелье бархатное. — Ризы бязинныя, оплечье бархатъ на золотѣ.— Стихарь бязинный, оплечье камчатное.— Стихарь камчатъ, ожерелье и поручи жемчугомъ низаны» [13]).

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 32.
2) Тамъ же, стр. 303.
3) Тамъ же, стр. 339.
4) Зап. Имп. Археолог. Общ. т. XI. Спб. 1865. стр. 592. 595.
5) Строевъ. Вых. госуд. указ. стр. 64.
6) Акт. Юрид. стр. 444.
7) Акт. Историч. т. II. стр. 405.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

8) Описн. кн. 138 г. № 128. л. 41.
9) Вых. госуд. стр. 5.
10) Опис. торж. бракосоч. царя. М. 1810. стр. 26.
11) Царств. кн. Спб. 1769. стр. 328.
12) Вельтманъ. Оруж. Пал. слов. стр. 37.
13) Зап. Отд. Рус. и Слав. Археол. т. I. отд. III, стр. 56. 59. 69. 80.

Озямъ = Азямъ. «Озямъ камка Китайская, цвѣтъ голубой, на бѣльѣ хрептовомъ мѣху, опушенъ отласомъ Китайскимъ; на немъ 3 пугвицы серебряныя гладкія, позолочены» [1]).

1) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 60.

Окладень. См. **Цѣпь.**

Околъ у шапки. См. **Шапки.**

Оксамитъ = Аксамитъ.

Олебарда = Алебарда.

Оломъ = Аламъ.

Ольстра, Ольстръ чушка, чехолъ для пищали, карабина или пистоли. Ольстры дѣлались изъ кожи, сафьяна, сукна, бархата; иногда вышивались золотомъ и серебромъ, унизывались жемчугомъ, украшались драгоцѣнными камнями, обшивались галуномъ и круживомъ. «Пара ольстръ пистольныхъ; отвороты и ольстра бархатъ зеленъ, шиты золотомъ и канителью и низаны жемчугомъ травы, и межъ травъ на ольстрахъ, поперегъ на обѣ стороны, въ четырехъ мѣстѣхъ низано въ прутикъ, межъ ими обшито канителью; на отворотѣхъ въ золотыхъ гнѣздѣхъ по 2 яхонта да по 2 изумруда, галунъ золотной; у зарядцовъ на крышкахъ въ гнѣздѣхъ по червчатому яхонту; у отворотовъ по 2 пугвицы серебряные, гладкіе» [1]).—«Съѣзжихъ пистолей семь паръ съ ольстрами, по 10 рублевъ пара» [2]). «Олстръ пистолная, на отворотѣ строчено серебромъ, у него жъ бахромка золотная, цѣна рубль. — Пара олстръ пистолныхъ, по отворотомъ шито золотомъ; цѣна 6 алт. 4 д. — Олстра пищалная, прикрыта сукномъ краснымъ; цѣна 10 алт.» [3]).

1) Истор. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. CII и CIII.
2) Калач. Арх. историч. и практ. свѣд. 1860—1861 г. кн. IV. стр. 48.
3) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 125.

Омагиль = Амагиль.

Онуча, Онучка отрѣзокъ холста, сукна или другой ткани для обвертыванія ноги вмѣсто чулка. По преставленіи царицы Агаѳіи Симеоновны, «подано на подушку и на онучки камки бѣлой травной пол-4 арш. [1]).

1) Дом. бытъ Рус. нар. т. II. Матер. стр. 143.

Опашень верхняя одежда, покроемъ похожая на платно, отъ котораго отличалась тѣмъ, что имѣла рукава нѣсколько длиннѣе и къ запястью уже, также и задъ длиннѣе переда вершка на два. «Платно, а опашень тожъ, отласъ золотной земля серебрена» [1]). «Опашень панихидной зуѳь вишнева, въ длину по передамъ 2 аршина, позади 2 аршина 2 вершка, въ плечахъ ширина 1 арш. $1^1/_2$ вершка, рукавамъ длина отъ стану полтора аршина, въ корени 7 вершковъ, въ запястьѣ три вершка, въ подолахъ ширина 4 аршина безъ 2 вершковъ. Зуфи въ кроенье пошло $12^1/_2$ арш.; подпушка фараузъ тафтяной, въ кроенье вышло полтретья аршина, да на ожерелье и въ рукава, на подпушку фараузу атласнаго 13 верш.; да подъ ожерельемъ на подкладку тафты зеленой четь аршина; нашивка торочковая тафтяная, мѣрою 15 арш.; пугвицы серебряны, золочены» [2]). Опашни шились изъ атласа, бархата, объяри, камки, зуои, скорлата; подкладывались тафтою или бязью; подпушались атласомъ, камкою и тафтою; украшались ожерельемъ, круживомъ, нашивками; схватывались пуговицами и петлями съ кистями [3]); надѣвались на зипунъ и на кафтанъ; носились *напашь*, т. е. безъ пояса, иногда *въ-накидку*, т. е. съ невздѣтыми, висячими рукавами. Великій князь Іоаннъ Іоанновичъ (1356 г.) завѣщалъ сыну своему Димитрію «опашень скорлатенъ саженъ» т. е. унизанъ жемчугомъ. Въ духовной князя Ивана Борисовича Волоцкаго (около 1504 г.) «опашенъ обьяриненъ голубъ; опашенъ камчатъ дикъ Венедицкой» [4]). Изъ Выходныхъ книгъ видно, что опашни составляли лѣтнюю одежду, которая весною и осенью замѣнялась однорядкою.

Опашни составляли и женскую одежду: «Княгиня Іуліана (около 1503 г.) завѣщала дочери своей «женьскаго платья .... опошенъ скорлатъ червчетъ, безъ пугвицъ» [5]). У царевны Софьи Алексѣевны былъ «опашень сукно скорлатъ ало; круживо и нашивка золота веревчата; подпушка тафта ценинна» [6]).

1) Описн. кн. 156 г. № 154. л. 5.
2) Вельтманъ. Моск. Оруж. Пал. Слов. стр. 38. 39.
3) Описн. кн. 97 г. № 665 и 190 г. № 140. — Вывѣсн. кн. 137 г. № 127.
4) Собр. госуд. грам. и догов. ч. 1. стр. 40. 341.
5) Тамъ же, стр. 340.
6) Переп. кн. 181 г. № 145; также 150 г. № 679.

Опашница = Роспашница. «Опашница шита по червчатому отласу золотомъ и серебромъ, въ розводахъ орлы и олени и павы.—Опашница шита по лазоревому отласу золотомъ и серебромъ орлы и олени, у той же опашницы передцы шиты золотомъ и серебромъ, бархачены червчатымъ да зеленымъ шолкомъ» [1]).

1) Забѣлинъ. Дом. бытъ Рус. нар. т. II. Матер. стр. 32.

Орефидь = Рефедь.

Ормякъ = Армякъ.

Орницы и Ортмы. См. **Фофудья.**

Орчакъ = Арчакъ. «Орчакъ Черкаское дѣло, нарѣзанъ краснымъ сафьяномъ, шитъ золотомъ, гвозди серебряные» [1]).

1) Акт. Историч. т. IV. стр. 398.

Оскепище = Скепище.

Оскепъ палка съ вострымъ желѣзнымъ наконечникомъ. Въ 1123 г. два Ляха «пободоста ѝ (Ярослава Святославича, кн. Владимирскаго) оскѣпомъ» [1]).

1) Лѣтоп. по Ипат. сп. изд. 1871 г. стр. 207.

Ослопъ палица, толстая дубина. «Пѣшая рать многа собрана на нихъ (Татаръ, въ 1444 г.) с ослопы и с топоры и съ рогатинами» [1]). Князь Василій Ухтомскій, въ битвѣ 1469 г., на Волгѣ, *билъ* Татаръ «скачючи по судомъ, ослопомъ» [2]). «Князь (Мещерскій) стоялъ у Архангела, а люди съ нимъ съ ослопы» [3]).

1) Лѣтоп. Ник. ч. V. стр. 192.
2) Лѣтоп. Архангел. М. 1819. стр. 172.
3) Забѣлинъ. Бытъ рус. нар. т. I. стр. 271.

Остнъ, Остенъ, Оснъ, Осонъ острый конецъ трости, вообще остріе. О царѣ Іоаннѣ IV Васильевичѣ «глаголютъ нѣцыи, яко сына своего царевича Ивана того ради остнемъ покололъ, что ему учалъ говорити о выручении града Пскова» [1]). — «Царь, ярости исполнився, призва холопа того (присланнаго Курбскимъ) близъ себе, и осномъ своимъ удари въ ногу его, и пробивъ ногу, и ляже на посохъ свой» [2]). — «Осонъ посошной серебреной» [3]).

1) Псков. Лѣт. изд. Погодинымъ. М. 1837. стр. 211.
2) Ист. Гос. Рос. т. IX. прим. 108.
3) Забѣлинъ. Бытъ Рус. нар. т. II. Матер. стр. 49.

Остроги или Острожки шпоры. Были задвижные (съ пружинками) и прибойные (съ гвоздиками) [1]).

1) Зап. Имп. Археолог. Общ. т. V. стр. 109. Сн. Историч. описс. од. и вооруж. ч. I. стр. 79.—Ист. Гос. Рос. т. VI. прим. 348: «остроги серебряны золочены».

Отласъ = Атласъ.

Охабень или **Охобень, Охабенекъ** верхняя, длинная и широкая одежда, подобная однорядкѣ, только съ отложнымъ воротникомъ, спускавшимся отъ самой шеи до половины спины. Длинные рукава охабня закидывались за плеча, и подъ ними дѣлались прорѣхи для рукъ [1]). Обыкновенные охабни, какъ и однорядки, дѣлали изъ сукна, мухояра и другихъ шерстяныхъ тканей, а нарядные изъ объяри, бархата, камки, парчи [2]). — Въ февралѣ 1613 г. дѣлали «портные мастеры охабенекъ мухояръ чорной государынѣ великой старицѣ инокѣ Маѳѣ Ивановнѣ, а скорняки цки куньи» [3]).—На царскихъ панихидахъ (1671 и 1677 г.), при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ «бояре, и околничіе, и думные люди и спальники» были въ охобняхъ [4]). — По свидѣтельству лѣтописи, еще въ XIV вѣкѣ Русскіе князья и воеводы носили охабни [5]).

1) Историч. опис. од. и вооруж. стр. 16.

2) О покроѣ охабней можно судить по слѣдующимъ записямъ: въ 1627 г. марта 12 «скроенъ государынѣ Маѳѣ Ивановнѣ охабень отласъ багровъ; длина по передомъ аршинъ 14 верш., а по заду аршинъ и 13 вершк. съ полувершкомъ; въ плечѣхъ аршинъ и 2 верш.; рукава съ полустана аршинъ 12 верш., въ корени въ ласткахъ 7 верш. съ полувершкомъ; въ запястьѣ 2 верш. съ полувершкомъ; воротникъ въ корени длина 10 верш., ширина пол-2 верш., по подолу 3 арш. 10 верш.; отласу пошло 9 арш. съ полуаршиномъ». Въ слѣдующемъ году апрѣля 7, «скроенъ охабень въ камкѣ въ травной, въ черной; длина 2 арш. безъ полутретья верш., ширина въ плечѣхъ аршинъ 3 верш., въ подолѣ полчетверта арш.; рукавамъ длина аршинъ съ четью, ширина въ корени 6 верш., въ запясьѣ полтретья вершка; камки пошло 3 арш. безъ вершка; на подпушку вышло тафты широкіе двоеличные шелкъ зеленъ да таусиненъ $1^1/_2$ арш.; на нашивку и на пугвицы торочковъ 38 арш. съ четью (въ нашивку 20 арш., а въ пугвицы 11 арш. съ четью), а нашивана нашивка 36 гнѣздъ; длина нашивкѣ 3 верш., въ пугвицу торочковъ по 5 верш.». Кроил. кн. 135 и 136 гг. № 1156.

3) Расх. кн. 122 г. № 890.

4) Вых. госуд. стр. 545. 635 и др.

5) Древн. Лѣтоп. Спб. 1774. ч. I. стр. 300.

Очелье. См. **Чело.**

Паволока шелковая или бумажная ткань. **Паволочитый** сдѣланный или сшитый изъ этой ткани. Въ словѣ Даніила Заточника читаемъ: «паволока испещрена многими шелки красно лице являетъ.... богатъ красенъ несмысленъ, то аки паволочитое зголовье соломы наткано» [1]). Въ Лѣтописяхъ: «Рече Олегъ: шийте прѣ паволочитѣ Руси.... и воспяша прѣ Русь паволочитыя. — Пріиде Олегъ къ Кыеву и ко Игорю несый злато и паволокы и вино и овощь» [2]).

1) Пам. Рос. Слов. XII в. М. 1821. стр. 233. 235.

2) Новг. Лѣт. по Синод. сп. Спб. 1888. стр. 7 и мн. др.

Палашъ, Полашъ ручное оружіе коннаго воина подобное мечу, но почти вдвое длиннѣе его, иногда съ елманью на концѣ.— Палаши дѣлались

изъ булата и стали; носились въ ножнахъ; привѣшивались къ поясу или къ сѣдлу съ лѣвой стороны. Подробное описаніе принадлежностей и украшеній этого оружія можно видѣть въ слѣдующихъ выдержкахъ изъ старинныхъ описей: «Полашъ полоса стальная гладкая, Рускова дѣла, отъ крыжа голомя золочено съ обѣ стороны сплошь; ножны покрыты отласомъ цвѣтнымъ, на ножнахъ оправа золотая рѣзная съ алмазы; огниво опаивано золотомъ; на черену-жъ межъ огнива и наболдашника четыре плащика маленькихъ золотые жъ, рѣзные безъ каменья; въ огнивѣ жъ и наболдашникѣ и въ дву обоймицахъ и въ наконечникѣ по счету двѣсте три алмазца и искорокъ алмазныхъ же, въ томъ числѣ въ концѣ и въ наболдашникѣ алмазъ граненой не малъ, да въ обоймицѣ мѣсто порозже, да два кольца золотыхъ; поясъ столпчатой шолкъ алой; цѣна 592 рубли. — Полашъ полоса стальная, Московскаго дѣла, отъ крыжа по обѣ стороны золочено; крыжъ и черенъ серебреные, травчатые; устье, пять бранцаръ, наконечникъ — травы чеканные, золочены; на черену жъ и на крыжѣ и на устьѣ и на бранцарахъ и на наконешникѣ сто двѣнадцать бирюзъ; ножны покрыты бархатомъ алымъ; поясъ тесма шолкавая цвѣтная; цѣна 52 рубли. — Полашъ полоса булатная, на ней съ обѣ стороны по два дола, съ обѣ стороны два до конца, а два до елмана, съ опушкою; на правой сторонѣ мишень съ отметпы; ножны поволочены бархатомъ алымъ; оправа на немъ, черенъ и крыжъ и устье, двѣ обоймицы и кольцы и наконешникъ золотые; поясъ столпчатой шолкъ красной; цѣна тому полашу 230 рублевъ» [1]). — «Палашъ сталной; ножны оклеены бархатомъ червчетымъ; на черену и на ножнахъ оправа серебреная, а по ней камни бирюзы; поясъ дву шелковъ, красной съ бѣлымъ; цѣна 6 руб. 16 алт. 4 д. — Палашная полоса, безъ черена; цѣна 8 алт. 2 денги» [2]).

1) Древн. Рос. Госуд. отд. III. стр. 87. 88. 93. сн. Опис. од. и вооруж. Рос. войскъ. ч. I. стр. 62 и прим. 143.

2) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 129. 130. 219.

Палица = Ослопъ.

Пансырь или **Панцырь** (Греч. πανσιδήριον) кольчатый доспѣхъ въ видѣ кафтана, простиравшійся до колѣнъ и выше, съ рукавами по запястье или по локоть. Пансыри дѣлались съ ожерельемъ и безъ ожерелья, съ прорѣхами или разрѣзами и безъ прорѣхъ; на груди, спинѣ и по подолу украшались мишенями или опушались мѣдью. Края подола у панцыря, какъ и у кольчуги, назывались *подзоромъ*. Въ описяхъ значатся пансыри: узловатой, хрещатой, востроГвоздь, коропчетой, плоскогвоздь, тонкое кольцо на гвоздь, пансыри — Черкасскіе, Нѣмецкіе, Московскіе [1]). По замѣчанію

Висковатова, изъ сохранившихся донынѣ древнихъ Русскихъ доспѣховъ пансыри попадаются всего чаще. «Въ Московской Оружейной Палатѣ,— говоритъ онъ, — имѣется панцырь весь серебряный, съ богатыми украшеніями изъ каменьевъ въ золотой оправѣ» [2]). Въ приходной книгѣ 167 года записанъ: «панцырь серебрянъ, а по осмотру мѣдной посеребренъ, плащи мѣдные золочены, съ каменьи достоканы да виниски; около опушка бархатомъ червчатымъ; подложенъ миткалями; цѣна дватцать рублевъ».

1) Описн. кн. 97 г. № 665.—Зап. Отд. Рус. и Слав. Археол. т. I. отд. I. стр. 22.

2) Истор. опис. од. и вооруж. ч. I. прим. 107. стр. LXV. Изъ Крымскихъ дѣлъ видно, что Менгли-Гирей просилъ великаго князя Василія Іоанновича прислать ему, между прочимъ, «пансырь, которой бы былъ *легокъ, а стрѣла бы его не иняла,* да чтобы еси показалъ Магмедшѣ, и онъ бы его попыталъ стрѣлити». Ист. Гос. Рос. т. VII. прим. 43.

Паперсть тесьма или ремень у узды на нижней части конской груди. Паперсти украшались плащами, переченками, оковами, гвоздьемъ. Были паперсти Турскія, Полоцкаго дѣла, Литовскія, Крымскія. «Узда Турская и паперсть и похви по тесмѣ по шолковой; оковы серебряные золочены съ красками; а на немъ наузолники круглы, зернчаты, серебряны, съ камешки; на паперсти плащь червчатъ, золоченъ; шолкъ жолтъ, голубъ, чорнъ.— Узда и паперсть и похви Литовское дѣло; наузолники и плащики, пряжки серебряны, золочены; а на наузолникѣхъ по 5-ти камешковъ по тесмѣ, тясма шолкъ червчатъ съ серебромъ, ткана въ крушки.— Узда и паперсть и похви Крымская, оковы мѣдяны, золочены паренымъ золотомъ» [1]).— «Паперсть, наборъ серебряной съ бирюзами, на ремнѣ, у ней въ кругу въ срединѣ сердоликъ, кругъ его бирюзы; цѣна 2 руб.» [2]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.

2) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 142.

Парча. См. **Зарбафъ.**

Пахви, Похви ремень или тесьма съ петлею на концѣ, въ которую продѣвался хвостъ лошади, а другой конецъ прикрѣплялся къ срединѣ задней сѣдельной луки. Онѣ иногда вышивались золотомъ и серебромъ; украшались металлическими переченками и плащиками. Упоминаются похви Крымскаго, Литовскаго и Полотскаго дѣла [1]). См. **Паперсть**.— «Узда съ пахви, наборъ серебряной дощатой, золоченъ по ремню; цѣна 5 руб.— Узда съ пахви, наборъ бубенчатой, серебряной, на пахвяхъ кругъ черневой» [2]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.

2) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 142. 143: «трои пахви нѣмецкія; цѣна 5 алтынъ».

Пелепелы, Перепелы, Переперы рѣшотки. «Круживо золотное, въ середкѣ съ пелепелы. — Вошвы .... по нихъ перепелы» [1]). Были украшаемы жемчугомъ и каменьемъ: «три переперы кичные серебряны, золочоны, съ яхонты и съ плохимъ каменьемъ» [2]).

1) Вывѣсн. кн. 137 г. № 127.—Описн. кн. 150 г. № 679.
2) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 406.

Перевязка или **Перевязь** дѣвичій головной уборъ: лента, повязанная вокругъ головы съ привязаннымъ назади бантомъ, длинные концы котораго спускались вдоль спины. Вмѣсто ленты употреблялся также картонъ, сплошь уннзанный жемчугомъ или бисеромъ съ дорогими камнями и разноцвѣтными вставками. Оба края перевязки, верхній и нижній, обшивались бахрамою; или верхній край украшался разными фигурами, а нижній поднизью и рясами, какъ у вѣнца (см. **Вѣнецъ** дѣвичій). Во многихъ мѣстахъ этотъ головной дѣвичій уборъ употребляется и нынѣ у простолюдиновъ и носитъ названіе: *повязка*, *лента*, *вѣнокъ*, *коруна*. «Перевезь низана жемчюгомъ большимъ съ яхонты и съ лалы и съ изымруды, по краемъ бахрома золотая съ переперы» [1]). — Перевязка низаная «съ городы» [2]). — «Перевяска жемчюжная со ставками» (т. е. вставками изъ цвѣтныхъ камней) [3]).

Перевезью называется также ремень или тесьма, носимая черезъ плечо. См. **Берендейка, Цѣпь.**

1) Забѣлинъ. Дом. бытъ Рус. нар. т. II. Матер. стр. 28.
2) Прих.-расх. и кроил. кн. 156 г. № 990.
3) Опис. имущ. 1672 г. въ Изв. Имп. Археолог. Общ. т. III. стр. 60.

Перелефтъ, Перелифтъ халцедонъ. «Икона праздники Владычни, рѣзана на перелефти. — Перстень съ перелефтою золотъ» [1]). — «Перстень мѣдянъ, а въ него вставлена перелефть, а на перелефти рѣзана печать [2]). «Ножъ, черенъ бѣлой перелевтъ; цѣна 2 руб.» [3]).

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 301. 342.
2) Акт. Историч. т. II. стр. 406.
3) Розыск. дѣло о Шакл. т. IV. стлб. 215.

Перло, Перлы жемчужное ожерелье. «Перла в три нитки болшаго жемчугу, шесть запонъ золотыхъ съ яхонтами червчетыми и с-ызумрудными искрами; перло в двѣ нитки болшаго жемчугу; перло в три нитки мелкого жемчугу» [1]).

1) Зап. Имп. Археолог. Общ. т. XI. Спб. 1865. стр. 597.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Перстни, Кольца, Напалки, Жиковины составляли необходимую принадлежность мужскихъ и женскихъ украшеній; ихъ носили цари и царицы, князья и княгини, святители, бояре, боярыни, житые люди, посадники, крестьяне. Старинныя духовныя завѣщанія указываютъ на нихъ какъ на родовое наслѣдство; въ рядныхъ записяхъ они занимаютъ почетное мѣсто. Перстни дѣлались изъ золота, серебра, мѣди, булата, желѣза, олова; украшались различными узорами, насѣчками, чернью, финифтью и т. п.; въ срединѣ ихъ вставлялись драгоцѣнные камни; на нихъ вырѣзывались различныя надписи, персоны людскія, птицы, клейма, опахальца и другія изображенія [1]): «Перстень съ розными ѳиниѳты, въ немъ изумрудъ четвероуголенъ, на немъ вырѣзано персона человѣческая на лошади съ саблею, подъ лошадью змей. — Перстень съ чорнымъ ѳиниѳтомъ, въ немъ яхонтъ червчатъ продолговатъ, на немъ вырѣзанъ песъ борзой. — Перстень съ розными ѳиниѳты, а въ немъ лалъ осмероуголенъ, на немъ вырѣзанъ орелъ двоеглавой съ коруною и съ подписью. — Перстень рѣзной съ чернью, въ немъ въ срединѣ яхонтъ лазоревъ, на немъ вырѣзаны двѣ персоны людскіе: одна сидитъ на стулѣ съ посохомъ, а другая льву держитъ челюсти; около его искорки яхонтовыя червчатыя и изумрудныя, по сторонамъ два яхонта червчатыхъ. — Перстень съ розными ѳиниѳты, въ немъ яхонтъ лазоревъ четвероуголенъ, на немъ вырѣзана птица неясыть съ дѣтми. — Перстень съ розными ѳиниѳты, въ немъ изумрудъ четвероуголенъ, на немъ вырѣзана персона людская стрѣляетъ изъ лука. — Перстень съ розными ѳиниѳты, въ немъ камень перелеѳть невеликъ, на немъ вырѣзано опахальцо. — Перстень золотъ съ розными ѳиниѳты, въ немъ яшма, на яшмѣ вырѣзано клеймо, въ клеймѣ орелъ двоеглавой, надъ клеймомъ коруна. — Перстень золотъ съ розными ѳиниѳты, въ немъ яхонтъ лазоревъ граненой, къ верху островатъ, по сторонамъ по изумрудцу, въ немъ часы. — Перстень золотъ, въ немъ въ ногтяхъ изумрудъ, на немъ на престолѣ вырѣзана персона, а около его подпись блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексѣя Михаиловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца» [2]). — «Перстень золотъ, а въ немъ сдѣланы часы солнечные въ печати» [3]). — Перстень надѣваемый на большой палецъ назывался *напалкомъ* и, сравнительно, былъ массивнѣе другихъ; а перстень съ рѣзною вставкою назывался *жиковиною* или *жуковиною:* сіе слово, по замѣчанію Карамзина, часто употребляется въ грамотахъ XV и XVI вѣка, особенно въ Крымскихъ. Въ старинной русской сказкѣ о Девгеніи говорится: «бѣ на стратигѣ златъ крестъ прадѣда его многоцѣненъ и у сыновъ его жуковины многоцѣнны съ драгымъ каменіемъ». — «Молвя: жиковиною запечатавъ, ярлыкъ послалъ есми» [4]). Въ духовной записи князя Димитрія Іоанно-

вича († 1509 г.) значатся «дватцать и три жиковины женскихъ золоты съ яхонтцы и съ лалцы и съ изумруты и зъ жемчушки и съ плохимъ каменейцомъ; .... а перьстней золотыхъ: напалокъ да четырьнатцать жиковинъ съ лаломъ и съ яхонтцомъ и зъ берюзами и зъ жемчушки и съ перелеѳтми и съ плохимъ каменьемъ» [5]).

1) О перстняхъ и кольцахъ см. въ Зап. Имп. Археолог. Общ. т. III. стр. 67—75.
2) Описн. кн. 190 г. № 140.
3) Акт. Историч. т. II. стр. 406.
4) Ист. Гос. Рос. т. III. пр. 272 и т. VI. пр. 520.
5) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 406 и 407.

Перья изъ жемчужныхъ прядей и драгоцѣнныхъ камней, обдѣланныхъ золотомъ, употреблялись для украшенія шапокъ и шеломовъ: «шапка бархатъ рудожолтъ двоеморхъ, съ лазоревымъ яхонтовымъ перомъ. — Шапка бархатъ алъ двоеморхъ, по морхамъ обнизано жемчюгомъ, съ запаны алмазными и съ перомъ алмазнымъ же» [1]). По описи большой шкатулы царя Михаила Ѳеодоровича 1642—44 г.: «перо, что бываетъ въ шелому, обдѣлано золотомъ, въ немъ вставливаны лалики и бирюски, къ верху шесть прядей жемчужныхъ на проволокахъ да шесть полосокъ золоты съ искорки съ лаловыми и бирюзными, сверху въ закрѣпкахъ шесть ликовъ да шесть зеренъ жемчужныхъ; цѣна двадцать пять рублевъ» [2]).

Перья *струцовы* (страусовыя) и другихъ птицъ употреблялись какъ опахала для навѣванія прохлады; къ нимъ придѣлывались рукоятки, которыя украшались разными вставками и бахрамою. «Опахало перье нѣмецкое цвѣтное, а въ немъ у черена стекло; черень деревянной, писанъ краскою, отъ зеркала на черену обложено объярью серебреною; цѣна 16 алт. 4 д.» [4]).— Такія же перья употреблялись и для украшенія головы конской; для этого они вставлялись въ золотыя или серебряныя трубки, которыя, при запряжкѣ, прикрѣплялись къ оголовью лошади надъ решмою или ввертывались въ дугу [3]). «Два пера цвѣтныхъ кудреватыхъ, что̀ ввертываютца въ дуги; цѣна 10 алт.» [4]).

1) Вых. госуд. стр. 400. 645 и мн. др. — Описн. кн. 190 г. № 140.
2) Описн. кн. 150 г. № 681.
3) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 32.
4) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 100. 159.

Пестредь, Пестрядь ткань изъ разноцвѣтныхъ нитокъ — крашеной основы и бѣлаго утока, или на оборотъ. По описямъ — тафтяная, миткалинная, Александрійская — значится на подпушкѣ одеждъ [1]). **Пестрядинный** сшитый изъ пестряди [2]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665. — Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 65.
2) Изв. Имп. Археолог. Общ. т. III. стлб. 63.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Петля, Петлица 1) нитяная или шелковая веревочка, сложенная въ видѣ ушка, а также обметанный прорѣзъ на одеждѣ для продѣванія пуговицы при застегиваніи. — 2) нашивка или накладка на одеждѣ или на шапкѣ — золотная, серебряная, шелковая, иногда цка обнизанная жемчугомъ и съ драгоцѣнными каменьями. Такія нашивки дѣлались у верхнихъ нарядныхъ одеждъ на груди, отъ воротника до колѣнъ, соотвѣтственно числу застежекъ или пуговинъ, и надъ боковыми разрѣзами у подола. «Кафтанъ камчатой.... 30 пугвицъ обнизаны жемчюгомъ, петли снурокъ золотной. — Кафтанъ суконной.... 42 пугвицы канителныя, снурокъ вкругъ тканой золотной, петли снурокъ золотной» [1]). «10 гапелекъ (застежка) серебряныхъ съ петли, цѣна 10 алт. — Кафтанъ байберекъ малиновой... вверху, гдѣ бываютъ пугвицы, гапелка серебреная, неболшая, съ петлею. — 2 петлицы золотыя съ алмазомъ, съ яхонты и съ изумруды, на цкѣ серебряной; цѣна 10 руб. [2]). — «Однорядка сукно темнолимонно съ пухомъ, петли жемчюжныя» [3]). — Петлицы употреблялись и для украшенія шапокъ: «шапка шефранная, двоеморхая, въ запонѣ два пера яхонты лазоревы, петли низаны жемчюгомъ; шапка суконная съ частыми петли; шапка бархатная малиновая съ петли, что̀ каменьи въ гнѣздахъ» [4]).

1) Розыск. дѣла о Шакл. Спб. 1885. т. II. стлб. 550. 551.
2) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 43. 202. 558.
3) Вых. госуд. стр. 295.
4) Тамъ-же, стр. 4. 287. 694 и др.

Пищаль огнестрѣльное оружіе, подобное нынѣшнему ружью; она зажигалась пальникомъ или фитилемъ. Составныя части пищалей: деревянный *станокъ* съ *прикладомъ* и желѣзный *стволъ*, прикрѣпленный къ станку или *обоймицами*, или *щурупами*. Станокъ пищали назывался *ложею*; мѣсто въ станкѣ, къ которому прикрѣплялся стволъ — *логалищемъ;* отверстіе ствола, въ которое всыпалось зелье — *устьемъ;* часть прилегающая къ устью — *дуломъ;* противуположная дулу — *казною;* средняя между ними — *срединою;* отверстіе на казнѣ для сообщенія зелью огня — *запаломъ;* при этомъ употреблялось огниво съ фитилемъ, которое приводилось въ движеніе *спускомъ*. Были еще пищали, у которыхъ были замки съ коловоротомъ или колесомъ («замокъ колесной»); а позже явились замки подобные нынѣшнимъ. Станки пищалей дѣлали яблоновые, ребиновые, черемховые, ясневые, дубовые, кленовые и березовые; украшали ихъ рѣзьбою, наводили краскою, олифили. Стволы стравливали водками, наводили золотомъ и серебромъ, гранили, малевали; длина ихъ была неодинакова: у пищалей Кирилло-Бѣлоезерскаго монастыря показаны стволы отъ 2 арш. $7^1/_2$ верш. до

11 вершковъ невступно. Замки для пищалей употреблялись Русскіе («замокъ Руской» или «замокъ Руской, пружины прямыя; замокъ, пружина гнутая; замокъ Руской, пружины гнутыя, съ полочкой»), Корельскіе, Ливонскіе, Барабанскіе, Свискіе, Шкотцкіе. Такія пищали назывались *завѣсными* или *ручницами;* онѣ вѣсились на ремнѣ за спиною ратника [1]). Въ оружейной палатѣ князей Голицыныхъ между пищалями значатся «двѣ пары *венгерокъ*, стволы вороненые, на стволахъ по три мѣста золочено, замки колесные, ложе съ костми и съ раковины. — Венгерка жъ винтовалная, стволъ бѣлой, ложе съ костми и съ раковины» [2]). — Вооруженные пищалями воины назывались *пищальниками:* «начаша государю бити челомъ пищальники Новгородскіе... пищальники всѣ стали на бой» [3]). — Были еще пищали *полковыя* и *затинныя;* эти орудія принадлежали уже къ такъ называемому *наряду*, то есть къ артиллеріи: «воеводы государевы .... наряду взяли (у Литовскаго пана Филона Кмиты, приходившаго къ Смоленску въ 1580 г.) 50 пищалей затинныхъ, да 380 Литовскихъ людей и пищалей 9 пядныхъ, 2 полуторныхъ» [4]). Названіе пищалей затинными взято отъ *затина*, которымъ, по академическому словарю, называлось «нарочитое мѣсто внутри палисада или укрѣпленія, гдѣ особенно ставятся огнестрѣльныя орудія для удобнѣйшаго отраженія непріятеля». Но Ѳ. Ѳ. Ласковскій предлагаетъ другое объясненіе: онъ говоритъ, что «затиномъ въ старину назывался также зарядъ (?), а затинною пищалью ручное огнестрѣльное оружіе, самаго большаго калибра, изъ котораго стрѣлокъ дѣйствовалъ не иначе, какъ положивъ его на подставку или вилку.... Надобно полагать, — продолжаетъ онъ, — что это было камерное орудіе, самаго малаго калибра, имѣвшее особенное помѣщеніе для заряда, или затина» [5]). Впрочемъ указанная г. Ласковскимъ память въ Дополн. къ Акт. Историч. т. III. № 125 нисколько не подтверждаетъ того, что затиномъ въ старину назывался зарядъ, а дальнѣйшее объясненіе скорѣе приводитъ къ общепринятому производству слова «затинный».

1) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 73—74. — Въ Описн. кн. Кирилло-Бѣлоезерскаго монастыря 1668 г. ркп. л. 653 об.—657 и 661—723 описаны 22 большія и 342 обыкновенныя пищали; между послѣдними *винтовыя* (винтовки) осмерики и шестерики и одинъ *дробовикъ*.

2) Розыск. дѣла о Шаклов. т. IV. столб. 128.

3) Царств. кн. Спб. 1769. стр. 123. 124.

4) Ист. Госуд. Рос. т. IX. прим. 547.—Акт. Археограф. Эксп. т. I. стр. 367: «Послали въ Соловецкой монастырь .... сто ручницъ да пять затинныхъ пищалей, да съ Вологды двѣ пищали полуторныхъ да двѣ девятипядныхъ, а къ нимъ по двѣстѣ ядеръ да четыре человѣка пушкарей, а зелья ко всему наряду и къ пищалемъ и къ ручницамъ сто пятнадцать пудъ».

5) Матер. для ист. инженерн. иск. въ Россіи. ч. I. Спб. 1858. стр. 105.

Платно верхняя торжественная одежда изъ дорогихъ тканей — бархата, атласа, аксамита, объяри, алтабаса, съ круживомъ вдоль полъ и по подолу, съ золотыми запонами и разными узорами изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней, и съ пуговицами или кляпышами для застегиванія [1]). Эту одежду надѣвали государи только при большихъ выходахъ, когда употреблялся нарядъ Большой Казны. При вѣнчаніи на царство Ѳеодора Алексѣевича (1676 г. іюня 18), «ему, великому государю, подалъ святѣйшій Іоакимъ патріархъ его государево новое царское платно, бархатъ двоеморхъ по рудожелтой землѣ по травамъ низано жемчюгомъ въ одно зерно, круживо нашито низано жемчюгомъ съ запаны золотыми съ каменьи, съ алмазы и съ яхонты и съ изумруды» [2]). Платна, какъ и прочія одежды Большой Казны, раздѣлялись на наряды; такихъ нарядовъ по выходамъ царя Михаила Ѳеодоровича извѣстно восемь: «платно новое отласъ червчатъ, осмого наряду» [3]). У него же платна: одно изъ Венедицкаго зеленаго бархата [4]) съ аксамиченными золотомъ разводами и травами по серебряной землѣ; другое изъ Персидскаго бархата съ разноцвѣтными шелками по золотной землѣ. У обоихъ подкладка изъ червчатой тафты, подпушка фараузная, для застегиванья по 11 золотныхъ пуговицъ съ жемчужными закрѣпками [5]). — Платна царя Алексѣя Михаиловича: одно изъ Веницейскаго бархата съ петельчатыми травами — золотыми, серебряными и шелковыми; другое изъ Виницейскаго атласа съ золотыми по бѣлой землѣ травами и розводами, въ розводахъ шелковыя травы; третіе изъ серебряной объяри съ золотыми травами. У первыхъ двухъ подпушка фараузъ атласной; у всѣхъ подкладка тафтяная; первое подбито горностаями и имѣетъ 12 серебряныхъ золоченыхъ кляпышевъ [6]). — Платна царя Ѳеодора Алексѣевича: одно изъ золотнаго атласа по червчатой землѣ; другое изъ двоеморхаго бархата жаркаго цвѣта съ травами, между которыми низано Каѳимскимъ жемчугомъ съ половинчатыми зернами; третіе изъ золотной объяри съ золотыми и серебряными травами по червчатой землѣ; четвертое изъ бѣлаго атласа съ травами, шитыми пряденымъ золотомъ и разными шелками. Три изъ нихъ (первое, третіе и четвертое) подбиты горностаями, подложены тафтой; два (первое и третіе) опушены соболями. Первое украшено прорѣзными золотыми звеньями и запонами съ драгоцѣнными камнями и шестью золотыми же пуговицами съ алмазами; третіе шестнадцатью золотыми прорѣзными пуговицами съ драгоцѣнными камнями; второе и четвертое имѣютъ по 10-ти серебряныхъ золоченыхъ кляпышевъ; у перваго, сверхъ того, на запястьѣ рукавовъ по 22 запоны съ червчатыми яхонтами [7]).

1) Покрой платна показанъ по кроильнымъ книгамъ, у Вельтмана въ слов. къ Оруж. Пал. стр. 42 и 43: «Декабря 22 (1638 г.) скроено государю платно отласъ червчатъ,

по немъ травы золоты; длина платну 2 арш., ширина въ плечахъ аршинъ 2 вершка, въ подолѣ ширина 3 арш. 6 верш.; рукавамъ длина аршинъ съ четью, въ корени ширина поларшина. Отласу вышло въ кроенье 10 арш.; исподъ горностайной; подъ тѣмъ же платномъ подкладка тафта лазорева, тафты вышло 5 арш.; подпушка фараузная отласная, на подпушку вышло 3 арш.; на пухъ вышло два бобра. На тожъ платно бархату червчатово подъ круживо 3 арш. безъ чети; низано круживо жемчугомъ съ каменьямъ, низали Нѣмцы; пуговицы серебряны золочены съ финифтью, рѣшетчаты».

2) Вых. госуд. стр. 622.

3) Тамъ-же, стр. 81.

4) Слѣд. невсегда «пунцово-золот. атласу багряница», какъ замѣчено у Вельтмана въ слов. къ Оруж. пал. стр. 42.

5) Вывѣсн. кн. 137 г. № 127.

6) Описн. кн. 190 г. № 140.

7) Тамъ-же.

Плетникъ или **Плетовище** рукоятка у плети. См. **Столбецъ.**

Повойникъ женскій головной уборъ, дѣлаемый изъ холста или другихъ тканей, съ тульею нѣсколько вверху разширенною. — Русскій головной бабій уборъ, повязка, полотенце, обвитое сверхъ волосника.

Повязка. См. **Перевязка.**

Подвершье часть шлема или воинскаго колпака подъ навершьемъ [1]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.

Подголовокъ или **Подголовашникъ** невысокій сундукъ или ларецъ съ наклонною крышкою, окованный желѣзомъ, съ внутреннимъ замкомъ и съ выдвижными внутри ящичками, въ которыхъ хранились драгоцѣнности; онъ ставился въ головахъ подъ подушками. Изготовленіемъ такихъ ларцовъ славились особенно Холмогоры и Устюгъ. «Великаго государя подголовашникъ, что̀ бываетъ подъ зголовьемъ, обитъ багрецомъ червчатымъ» [1]). «Подголовокъ Колмогорской, писанъ золотомъ, обитъ желѣзомъ бѣлымъ прорѣзнымъ; цѣна рубль» [2]). — «У горницъ и у подклѣтовъ и у сундуковъ и у подголовашниковъ замки перепортили» [3]).

1) Забѣлинъ Дом. бытъ Рус. нар. т. I. 1862 г. Матер. стр. 490.

2) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 112.

3) Акты юрид. стр. 369.

Подзатыльникъ задокъ въ видѣ широкой оборки, привязываемый къ кикѣ или кокошнику и покрывающій затылокъ; дѣлался преимущественно изъ тафты или какой либо другой легкой ткани. 1627 г. февраля 13 «царицѣ къ бѣлой кикѣ скроенъ подзатыльникъ да завязки, на подзатыльникъ пошло аршинъ 2 вершка тафты виницейки червчатой» [1]). — «Четыре подзатыльника тафты бѣлой» [2]).

1) Кроил. кн. 135 г. № 737.

2) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 111.

Подзоръ 1) тоже, что **Поднизъ.** 2) край подола у кольчуги, край бармицы и т. п. См. **Кольчуга, Луки, Панцырь.**

Подлатникъ полукафтанье, или зипунъ, надѣвавшійся подъ латы, панцыри, кольчуги, бахтерцы, куяки, юмшаны, зерцала. Эта поддѣвка шита была изъ разныхъ тканей, преимущественно бумажныхъ, или изъ сукна, и подбивалась ватою. «Подлатникъ шитъ по червчатому отласу золотомъ пряденымъ съ канителью грановитою, тафта лазорева; подпушка отласъ жолтъ» [1]).

1) Оп. кн. 190 г. № 140.

Поднизь жемчужная или бисерная бахрама у женскихъ головныхъ уборовъ; въ нее внизывались драгоцѣнные камни и другія пронизки. Поднизи у кикъ царицы Евдокіи Лукіановны: «зерна Гурмыцкія на спняхъ;— репьи низаны съ каменьи, по краемъ у поднизи зерна гурмыцкія» [1]).

1) Описн. кн. 150 г. № 679.

Подоплека. См. **Сорочки.**

Подрясникъ. См. **Ряса,** въ прим.

Подтокъ. См. **Копье, Рогатина.**

Подубрусникъ женскій головной уборъ въ родѣ шапочки или повойника, надѣваемаго подъ убрусъ. «Кормилицѣ на подубрусникъ 6 вершковъ дороговъ червчатыхъ гилянскихъ» [1]). — «Подубрусникъ тафта рудожолтая» [2]).

1) Прих.-расх. кн. 139 г. № 755.
2) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 111.

Подушка. См. **Зголовье.** — Подушка кружевная, т. е. на которой плетутъ кружива. При плетеніи кружевъ она полагалась (какъ и нынѣ полагается) на лукошко или ящикъ, куда клались коклюшки, нитяные клубки и кружевные узоры. «Подушка круживная, оклеена сверху бархатомъ зеленымъ, съ двѣма ящики, а въ ящикахъ коклюшки костяныя» [1]).

1) Розыск. дѣла о Шаклов. т. IV. стлб. 112.

Полашъ = Палашъ.

Полка 1) полѣ у шляпы и науруза. У одного изъ наурузовъ Бориса Ѳеодоровича были «полки шиты по отласу по червчатому травы золотомъ, обнизаны жемчугомъ»; у другаго «полки шиты по отласу по черному золотомъ да серебромъ»; у третьяго «полки чешуйчаты шиты серебромъ по таѳтѣ по алой» [1]). — У шляпъ царицы Евдокіи Лукіановны полки — у одной

«по атласу по червчатому низаны жемчугомъ съ канителью; у другой подложены отласъ серебромъ; у третьей подложены отласомъ золотнымъ; у четвертой «по отласу по червчатому дѣланы трунцаломъ травы» [1]). — 2) козырекъ у шлема. См. **Шлемъ.**

1) Описн. кн. 97 г. № 665.
2) Описн. кн. 150 г. № 679.

Пологъ занавѣсъ вокругъ постели въ родѣ шатра. «Пологъ Китайской съ дву сторонъ бархатъ червчетой рытой, а съ дву сторонъ камки Китайскія, травы золотныя по вишневой землѣ, а подложены Китайскою камкою по красной землѣ; а въ верху полога камка Китайская жъ по вишневой землѣ травы, шелкъ красной. Цѣна пологу 20 руб.— Пологъ шитой по холстинѣ; цѣна рубль 16 алт. 4 денги» [1]).

1) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 84.

Полотенце примѣнительно къ употребленію называлось еще *утиральникомъ*, *ручникомъ*, *рукотерникомъ*. Кромѣ утиранія лица, рукъ и проч., полотенца имѣли и другое употребленіе, напр. при столахъ вмѣсто салфетокъ (по одному полотенцу на нѣсколько человѣкъ, сидящихъ рядомъ).— Предъ причащеніемъ царя Алексѣя Михаиловича, въ день вѣнчанія его на царство, «дядька государевъ и ближній бояринъ, Б. И. Морозовъ, принявъ у стряпчего ручникъ платенъ чистъ, и опоясуя царя по его царской порфирѣ по персемъ, подъ пазухи» [1]).

1) Древн. Рос. Вивл. Изд. 2-е. ч. VII. стр. 291.

Полсть 1) войлокъ; употреблялся и на стельки въ чеботы: «торговому человѣку за полсть бѣлую рубль 12 алт. 4 денги; полсть взята въ государскіе чеботы на колотки и на стельки» [1]).—2) санное одѣяло: «полсть санная сукно коришное, на ней нашито 12 круговъ, шиты по сукну красному золотомъ, кругъ еѣ бахрама шолкъ рудожелтой, опушена тафтою жолтою, подложена кумачомъ краснымъ; цѣна 12 руб. — Полсть санная кизылбашская; цѣна рубль 16 алт. 4 д. — Полость бурматная, подложена кумачомъ краснымъ, кругъ еѣ бахрама шолкъ осиновой; цѣна рубль 16 алт. 4 д. — Двѣ полсти валеныхъ арзамаскихъ; цѣна 3 алт. 2 денги» [2]).

1) Забѣлинъ. Дом. бытъ Рус. нар. т. II. Матер. стр. 115. 136.
2) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 152.

Полубайдана. См. **Байдана.**

Полукафтанье. См. **Кафтанъ.**

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Помочи ремни задѣтые за кольца ноженъ; они прикрѣплялись или привѣшивались къ поясу, у котораго для этой цѣли дѣлались накладки или бляхи [1]).

1) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 62.

Попугаи, нарисованные зеленою краскою въ образчикахъ, поставлены для украшенія Бухарскаго мѣднаго тулумбаза [1]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.

Порпіянъ особенный сортъ сукна. Въ Торговой книгѣ не показанъ. «Кафтанъ сукно порпіанъ черчатъ» [1]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.

Порты 1) вообще — одежда. Въ лѣтописи подъ 1074 г. говорится о черноризцѣ Исакіѣ, что онъ «совъкупи къ собѣ уныхъ (юныхъ) и вскладаше на нь (на нихъ) порты чернечьскыя»; подъ 1203 г. читаемъ: «иконы одраша, а иныѣ поимаша, и .... порты блаженыхъ первыхъ князьи, еже бяху повѣшали в церквахъ святыхъ, на память собѣ, то положиша все собѣ в полонъ» [1]). Въ духовной грамматѣ великаго князя Ивана Даниловича Калиты (1328 г.): «а исъ портъ изъ моихъ сыну моему Семену кожухъ черленый женчужьный, шапка золотая» [2]). Въ духовной грамматѣ князя Юрія Васильевича (1472 г.): «а что моихъ портъ или которая иная рухлядь, а то ведаетъ Богъ да моа мати великаа княгини» [3]). Въ 1495 г. великая княжна Елена Іоанновна «вѣнчалась въ своихъ портѣхъ; да и нынѣча уже четвертый день послѣ вѣнчанія, и великая княгиня таки ходитъ въ своихъ портѣхъ да и въ кикѣ» [4]). — 2) Въ частности мужское исподнее платье, портки: «а рубашки красные мужьскіе и женьскіе и порты, то все самой (домовитой женѣ) кроити» [5]). — «Какъ царь выходитъ изъ мылни, и въ то время возлагаютъ на него срачицу и порты и платье иное» [6]). Въ выходахъ царя Алексѣя Михаиловича упоминаются порты перваго и третьяго наряду; слѣдовательно они, подобно прочимъ одеждамъ, были разныхъ нарядовъ [7]).

1) Лѣтоп. по Лавр. сп. изд. 1872. стр. 190. 397.
2) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 32.
3) Продолж. Др. Рос. Вивл. ч. III. Спб. 1788. стр. 176.
4) Сахаровъ. Сказанія Рус. нар. т. II. кн. VI. стр. 36.
5) Домостр. ркп. гл. 34. стр. 103.
6) Котош. О Россіи стр. 10. сн. стр. 16.
7) Вых. госуд. стр. 165. 219.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Поршни. См. **Уледи.**

Посохи, Трости были различны и употреблялись примѣнительно къ нарядамъ или къ особеннымъ случаямъ: посохъ чеканный, посохъ Индѣйской съ каменьи, посохъ Индѣйской съ костьми, посохъ каповой, посохъ комнатной и др. [1]). Въ описи 1676 г. значатся посохи: каповой съ рогами, оправленными золотомъ съ чернью; каповой съ костьми; Индѣйской чорной съ костьми; Троицкіе маленькіе и большіе [2]). О первомъ замѣчено, что «тотъ посохъ Гришка Отрепьевъ ростригa поднесъ великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу». Другой посохъ поднесенъ ему же, «какъ онъ былъ на Костромѣ». Третій, очень часто употреблявшійся при царскихъ выходахъ, поступилъ въ казну царскую вѣроятно изъ казны патріарха Филарета Никитича, которому онъ былъ присланъ Шахъ-Аббасомъ въ 1629 году [3]). — Посохъ съ поперечинкою на верхнемъ концѣ или съ загнутымъ верхнимъ концемъ назывался *костылемъ* или *клюкою*. Посохи, полученные изъ монастырей, вообще назывались *монастырскими*, и въ частности Троицкими изъ Троицкаго Сергіева монастыря, Осифовскими изъ Іосифова Волоколамскаго монастыря, Кирилловскими изъ Кириллово Бѣлоезерскаго монастыря.—Въ описяхъ читаемъ: «Ключка подпиралная, дерево нѣмецкое, оправлена съ обѣихъ концовъ серебромъ; цѣна 2 руб.» [4]).— «Посохъ болшой, дерево индѣйское; роги по концомъ оправлены золотомъ, съ яхонты съ червчатыми да съ бирюзами и съ искорки съ яхонтовыми червчатыми и съ бирюзными; по концомъ на рогахъ два яхонты лазоревы, опуповаты, въ гнѣздѣхъ; трубка золота съ финифты; осонъ желѣзной, опаянъ золотомъ. Посохъ индейское дерево, меньшой, на рогахъ кости рыбей зубъ; трубка и осонъ серебряны, золочены. Посохъ каповой съ торчью, на рогахъ кости рыбей зубъ; трубка и осонъ желѣзные. Шесть посоховъ троетцкихъ, 17 посоховъ кирилловскихъ. Два посоха кленовые, съ подушками съ бархатными съ червчатыми» [5]).

1) Строевъ. Указат. къ Вых. госуд. стр. 74 и 75.
2) Описн. кн. 190 г. № 140.
3) Вельтманъ. Моск. Оруж. Пал. Слов. стр. 46 и 47.
4) Розыск. дѣла о Шаклов. т. IV. стлб. 27.
5) Описн. кн. 138 г. № 128.

Постели были: бумажныя (бумажники), перинныя (перины) и пуховыя (пуховики). На нихъ—наволоки, простыни, одѣяла, взголовья, подушки; при нихъ — завѣсы, пологъ, рундукъ, цвѣтные ковры и сукно. Въ духовной грамматѣ князя Михаила Андреевича Верейскаго (около 1486 г.) значится «постеля шита шолки на алѣ камкѣ, възголовье камка мисюрьская зъ золотомъ, да другое възголовье камка на червьци бѣлъ шолкъ; подушка

сажена зъ дробницею, другая подушка шита золотомъ; постеля другая бѣлая, да три възголовья бѣлыхъ» [1]).

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 303.

Поталь тончайшій мѣдный листочикъ. Употреблялся вмѣсто позолоты и при вышиваньѣ: «саадакъ .... шитъ .... розными шолки, промежъ шолковъ поталъ» [1]). — «Шеломъ .... прикрыты доски отласомъ по червчатой землѣ съ поталею» [2]). — «Три лѣтника въ сорочкахъ крашенинныхъ съ поталью» [3]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.
2) Описн. кн. 137 г. № 127.
3) Взносн. кн. 153 г. № 1084.

Потникъ войлокъ, подкладываемый подъ сѣдло и сѣделку. «Три арчага красные с потниками» [1]).

1) Изв. Археолог. Общ. т. III. стр. 60.

Похви. См. **Пахви.**

Поцѣпка цѣпочка, привязка — ремень или шнурокъ для привѣски. «Темлякъ и поцѣпка у ноженъ (кинжала) шолкъ черной гвоздишной съ золотомъ» [1]); у ножа — «поцѣпка золото волоченое» [2]). — «Мошна шита золотомъ да серебромъ по отласу червчатому, поцѣпка шолкъ червчатъ, ворворки низаны жемчюжкомъ мелкимъ» [3]).

1) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. LXXXVI.
2) Вых. госуд. стр. 285.
3) Забѣлинъ. Дом. бытъ Рус. нар. т. II. Матер. стр. 46.

Пояса дѣлались шелковые, шелковые съ золотомъ и серебромъ, бархатные и кожаные, съ кованными металлическими бляхами, звенцами, бряцальцами, иногда съ капторгами, тузлуками, калитою. Они застегивались напереди или крюкомъ съ петлею, или пряжкой. Металлическія оправы на концахъ поясовъ назывались *наконечниками*, а бляхи для прикрѣпленія помочей *наузольниками*. Металлическія украшенія поясовъ усаживались жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Какъ принадлежность княжеской и царской одежды, пояса переходили въ наслѣдство изъ рода въ родъ. Такъ, великій князь Іоаннъ Даниловичъ Калита завѣщалъ сыновьямъ своимъ: Семену 3 поясы золоты; — Ивану поясъ больший съ женчугомъ съ каменьемь, поясъ золотъ съ капторгами, поясъ сердоличенъ золотомъ окованъ; — Андрею поясъ золотъ Фрязьский съ женчугомь съ каменьемъ,

поясъ золотъ съ крюкомь на червчатѣ шолку, поясъ золотъ царевьский» [1]). Подобно отцу своему, и великій князь Іоаннъ Іоанновичъ завѣщалъ сыновьямъ своимъ: «Димитрию поясъ великий золотъ съ каменьемъ съ женчуги, что мя благословилъ отець мой князь великий, поясъ золотъ съ крюкомъ;— Ивану поясъ золотъ съ каменьемъ съ женчуги, что ми далъ братъ мой князь великий Семенъ, поясъ золотъ сточный» [2]). Великій князь Василій Дмитріевичъ завѣщалъ сыну своему Василію «поясъ золотъ съ каменьемъ, што ми далъ отець мой, да другий поясъ мой на чепехъ съ каменьемъ, да третий поясъ ему же на синемъ ремени [3]). Князь Юрій Дмитріевичъ Галицкій въ своемъ завѣщаніи писалъ: «а что изъ золота даю сыну своему Василью поясъ золотъ съ каменьемъ на чепехъ безъ ремени; а Дмитрею сыну своему даю поясъ золотъ на черпьчати (д. б. червьчати) ремени; а Дмитрею сыну своему меншему даю поясъ золотъ безъ ремени, чѣмъ мя благословилъ отець мой князь великий Дмитрей» [4]).

Пояса для мечей и сабель дѣлались большею частію изъ тесьмы и ремней и имѣли четыре конца: два изъ нихъ служили собственно для застегиванія пояса, къ которому привѣшивался мечъ или сабля; а два для налучи и колчана [5]). У саадаковъ Бориса Ѳеодоровича были: «поясъ и привязка тясма шолкъ жолтъ, по краемъ лазоревъ, тканъ въ крушки; а у пояса крюкъ и пряжки и наконешники и запряжники и на привязкахъ наконешники серебряны, золочены и конѳарены. — Поясъ саѳьянъ червчатъ, строченъ шолкомъ лазоревымъ; крюкъ и наконешники и пряшки серебряны гладки. — Поясъ саоьянъ червчатъ, строченъ шолкомъ лазоревымъ, ... крюкъ и наконешники мѣдяны съ краски» [6]).

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 31 и 32.
2) Тамъ-же, стр. 40.
3) Тамъ же, стр. 81.
4) Тамъ же, стр. 106.—См. еще духовныя грамматы князей: Бориса Вас. Волоцкаго, стр. 206; Андрея Вас. Меньшаго, стр. 271 и 272; Ѳеодора Борис. Волоцкаго стр. 419 и др.— Въ духовной князя Дмитрія Іоанновича (стр. 407): «поясъ золотъ на вертлизѣхъ, рѣзанъ съ чернью; . . . . поясъ на тясмѣ на чорной, оковы золоты и съ наконечникомъ и съ крюкомъ».
5) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 21 и 61.
6) Зап. Имп. Археол. Общ. т. XI. стр. 291. 292.

Приволока верхняя короткая одежда, безъ рукавовъ; укороченное корзно. О великомъ князѣ Димитріи Іоанновичѣ говорится: «ссѣде съ коня своего и совлече съ себя приволоку свою царскую, и призвавъ Михаила Андреевича Бренка . . . . и приволоку свою царскую возложи на него [1]).— Въ переписи имущества боярина Л. Неплюева (сентября 1690 г.) показана «приволока камка китайчатая, серебряной цвѣтъ, подложена тафтою зеленою, противъ спины полотномъ, пушена соболемъ; цѣна 4 рубли») [2]). —

Женскія приволоки украшалися обшивками, вошвами, пуговицами и т. п. «Скроена приволока въ тафтѣ червчатой, пошло 4 арш. безъ 3 верш., 10 пугвицъ серебряныхъ золоченыхъ, вольячные, да на оплечье нашито по отлачу червчатому низаны жемчугомъ большимъ; на пухъ скроенъ бобръ безъ чети» [3]). «Скроена приволока въ тафтѣ въ червчатой, въ кроенье пошло 3 арш. тафты, да на пухъ 1½ бобра, да нашиты вошвы по отласу по червчатому, низаны жемчугомъ» [4]). — «Приволока тафта червчата, нарамки низаны жемчугомъ по червчатому отласу; нарамка жъ пухъ бобровой, на ней нашито 5 пугвицъ съ ѳпниѳтью» [5]).

1) Древн. Лѣтоп. ч. II. Спб. 1775. стр. 41.
2) Розыск. дѣла о Шакл. т. II. стлб. 552.
3) Кроильн. кн. 156 г. въ № 990.
4) Кроил. кн. 144 г. въ № 771.
5) Переписн. кн. 189 г. № 148.

Прилбица шишакъ, у котораго тулья была съ сѣткою или забраломъ, покрывавшимъ лобъ. Въ польскомъ языкѣ сохранилось названіе шишака przyłbica [1]). По сказанію лѣтописей, въ 1172 г. Володиславъ, воевода князя Михаила Георгіевича, «замысли взяти стягъ Михалковъ и натъче на нь прилъбицю»; въ 1241 г. Галицкій бояринъ Андрей, ограбивъ слугъ Перемышльскаго епископа, «тулы ихъ бобровые раздра и прилбицѣ ихъ волъчье и боръсуковые раздраны быша» [2]).

1) Linde, Słown. jęz. polsk.: przyłbica, helm, szyszak... Wsiadajcie jezdni, sójcie piesi w przyłbicach, polerujcie włócznie, obłoczcie się w pancerze.—Przyłbicę kładę na głowę.— Истор. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 55 и прилож. 127.
2) Лѣтоп. по Ипат. сп. изд. 1871. стр. 381. 528.

Пронизки небольшія запонки, золотыя бляшки, драгоцѣнные камни, корольки, бусы, стеклярусъ, которые помѣщались между прядями жемчужными. «На монистѣ 8 пронизокъ золотыхъ» [1]). У рясъ «поверхъ колодокъ двѣ прониски съ колцы золоты, въ пронискахъ искорочки яхонтовые да изумрудные» [2]).

1) Забѣлинъ. Дом. бытъ Рус. нар. т. II. Матер. стр. 47.
2) Описн. кн. 150 г. № 679.

Протазанъ (Пол. partyzana, Фр. pertuisane) оружіе, состоявшее изъ широкаго копья съ отрогами внизу въ видѣ молодой луны, съ поднятыми вверхъ рогами, и съ золотою, серебряною или шелковою кистью на длинномъ древкѣ [1]). Протазанами, какъ и бердышами, были вооружаемы царскіе тѣлохранители изъ жильцовъ, служилыхъ людей конюшеннаго чина

и стрѣльцовъ. При въѣздѣ Грузинскаго царя Теймураза Давидовича въ Москву, въ 1658 г. іюля 20, около царской кареты шли «выборные изъ приказовъ стрѣльцы съ протозаны въ цвѣтномъ платьѣ»; 6 іюля, на пріѣздѣ его въ Грановитую палату «около кореты шли конюшеннаго чину въ отласныхъ въ червчатыхъ и въ лазоревыхъ кафтанахъ съ протизаны; а отъ приходныхъ сѣней (что̀ передъ Золотою палатою) до сѣней же, что передъ Грановитою полатою, стояли жильцы въ терликахъ въ бархотныхъ и въ обьяринныхъ и въ шапкахъ золотныхъ съ протозаны» [2]).

1) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 76. 77.
2) Др. Рос. Вивл. изд. 2. ч. VIII. стр. 112. 120. 121.

Пряжки съ запряжниками и наконечниками, для застегиванія поясовъ и подвязокъ, дѣлались серебряныя золоченыя и конфаренныя; серебряныя гладкія, мѣдныя съ красками и безъ красокъ. «У саадака поясъ . . ., а у пояса крюкъ и пряжки и наконешники и запряжники и на привязкахъ наконешники серебряны золочены и конѳарены; — поясъ . . . . крюкъ и пряжка и запряжники серебряны гладкіе; у пояса крюкъ и наконешники мѣдяны съ краски» [1]). У лубья саадачнаго «на поясу крюкъ и наконешникъ серебряныя не золочены» [2]). У подвязокъ «пряжки и наконешники серебрены золочены съ чернью гладкіе» [3]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.
2) Переп. кн. 148 г. № 678.
3) Вых. госуд. стр. 285 и др.

Пуговицы употреблялись не только для застегиванія, но и для украшенія одеждъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. Онѣ дѣлались изъ золота и серебра, съ позолотой и безъ позолоты; наводились чернью, накладывались финифтью, покрывались цениною, украшались драгоцѣнными камнями. Были пуговицы корольковыя («кральки»), бирюзовыя, серовичныя, фатисныя, хрустальныя; были мѣдныя и оловянныя; были и деревянныя, обтянутыя тканью, или обвитыя шелками, трунцаломъ, канителью, обнизанныя жемчугомъ. По работѣ различались пуговицы вольяжныя, тощія, чеканныя, витыя, сканныя и рѣзныя; по виду и величинѣ были пуговицы на грушевое дѣло, на жлудевое («жлудики»), на кедровое, на миндальное, на шатровое; гладкія, вихорчатыя, грановитыя (граненыя), дороженыя, кіотчатыя, клѣтчатыя, колещатыя, ложчатыя, рѣшетчатыя, горочковыя, чешуйчатыя («семь пуговицъ золоты, чешуйчаты, шишкою, рѣзаны, съ чернью»), зубчатыя, канфаренныя, сѣнчатыя, полусѣнчатыя, съ перегибью, съ пояскомъ, съ шипами, съ репейками, съ рожками, елкою, чашкою, съ

чеканными карасиками, съ рѣзанными узлами Кафимскими, съ зубчатыми обручиками, съ косыми гранями, съ шахматами; круглыя, кругловатыя, продолговатыя, половинчатыя, клинчатыя («съ клинцами»), угольчатыя, четверогранныя, островатыя; вкалыванныя (у кафтана «пуговки вкалываны, шолкъ лазоревъ») или втышныя (у зарукавьевъ «пугвицы втышные золото пряденое»). Находимъ пуговицы Литовскаго и Нѣмецкаго дѣла. Цѣнность, видъ и красивость пуговицъ согласовались съ нарядомъ. Число ихъ и на одинаковыхъ одеждахъ было неодинаково: къ платнамъ пришивали по 6, 10 и 11 пуговицъ; къ кафтану по 3, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 19; къ опашню по 11, 13, 15 и 30; къ однорядкѣ по 15 и 18; къ ферези по 3 и 10; къ чюгѣ по 3, 10, 15 и 22; къ шубѣ по 8, 11, 13, 14, 15 и 16; къ зипуну по 11, 15 и 16; къ кожуху по 11; къ епанчѣ по 5; къ армяку по 11; къ терлику до 35; къ тегиляю по 46, 48, 56 и 68; къ роспашницѣ по 15; къ тѣлогрѣѣ по 14, 15, 16, 17, 18, 19, 21 и 24 пуговицы [1]). Пуговицы пришивались также къ пристяжнымъ ожерельямъ, къ прорѣхамъ колпаковъ и шапокъ. У низанаго ожерелья царя Ѳеодора Алексѣевича были «пугвицы: одна зерно половинчатое въ золотомъ гнѣздѣ, у ней въ привѣскѣ зерно скатное; 2 пугвицы зерна Гурмицкіе, въ закрѣпкахъ лалъ да изумрудъ» [2]). На саженомъ колпакѣ Бориса Ѳеодоровича было «на прорѣхѣ 5 пугвицъ яхонты лазоревы на спнѣхъ на золотыхъ, на закрѣпкахъ по зерну по Бурминскому»; на его же шапкѣ «на прорѣхѣ 6 пугвицъ жемчюжныхъ продолговаты, у 5 въ закрѣпкахъ камешки червцы». На полстенныхъ епанчахъ его же было пришито по «8 пугвицъ хрустальныхъ» [3]). — Для прикрѣпленія къ одеждамъ втышныхъ пуговицъ употреблялась особенная *свайка:* 17 іюня 1634 года «дано портнымъ мастеромъ на свайку, чѣмъ у государевыхъ зипуновъ прокалывать втычные пуговки, 6 денегъ» [4]).

Вмѣсто пуговицъ пришивались къ нѣкоторымъ одеждамъ (напр. платнамъ, кафтанамъ, зипунамъ, чюгамъ и шубамъ) *кляпыши*, къ другимъ (ферезямъ и однорядкамъ) *завязки*. «Кафтанъ.... на немъ, на вороту и на прорѣхахъ 19 кляпышовъ серебряныхъ. — Чюга.... на ней 12 кляпышовъ Турскихъ. — Ферези.... на вороту и на прорѣхахъ 12 завязокъ плоскихъ. — Двѣ однорядки.... завязки шолкъ лазоревъ съ серебромъ; завязки шолкъ зеленъ съ золотомъ» [5]).

Пуговкою называли также небольшой вырѣзокъ изъ толстой кожи, съ дыркою или петлею въ срединѣ, въ которую вкладывались, наконечникомъ внизъ, булава, чеканъ, шестоперъ или пернатъ. Эти пуговки обшивались сафьяномъ, сукномъ или бархатомъ; украшались золотыми и серебряными узорами, унизывались жемчугомъ. Во время походовъ онѣ привѣшивались къ сѣдлу съ правой стороны [6]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665; 190 г. № 140. — Вывѣсн. кн. 137 г. № 127. — Переп. кн. 181 г. № 145; 189 г. № 148. — Врем. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос. кн. VIII. отд. III. стр. 7—24. — Въ описн. кн. патр. каз. пал. 1722 г. ркп. л. 12 значится «пугвица *болшая* рѣшотчатая серебряная, сканная, золочена, вѣсомъ *восмь золотниковъ без чети*».

2) Описн. кн. 190 г. № 140.

3) Описн. кн. 97 г. № 665.

4) Прих.-расх. кн. 142 г. № 761.

5) Описн. кн. 97 г. № 665 и мн. др.

6) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 68.

Пупъ щитовый. См. **Щитъ.**

Пуховикъ пуховая (набитая пухомъ) постель. Наволоки на пуховикахъ дѣлались изъ тѣхъ-же тканей, изъ какихъ и на бумажникахъ. См. **Бумажникъ.**

Пыжъ щитовый. См. **Щитъ.**

Раковина перламутръ. «Запона кораблемъ съ раковиною» [1]). — У пищали «ложе съ костьми и съ раковины; — ложе черепаховое съ раковины». — «Арчагъ, въ лукахъ и въ известяхъ втираны раковины» [2]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.

2) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 127. 145.

Ратовище. См. **Копье, Рогатина.**

Репей 1) маленькая металлическая, зубчатая чашечка, въ которую вставлялся драгоцѣнный камень или жемчужное зерно: «у чюдотворца в венцѣ яхонтъ червчатъ да два алмазцы в репьяхъ, да четыре жемчюги на спняхъ; да в цате яхонтъ лазоревъ да два яхонты червчаты в репьяхъ, да четыре жемчюги на спнехъ» [1]). — 2) узоръ въ видѣ зубчатыхъ листиковъ или цвѣточковъ. На саадакѣ «репьи серебряны золочены, рѣзаны на проемъ» [2]). — Въ середкѣ нѣкоторыхъ знаменъ царя Михаила Ѳеодоровича были репьи тафты бѣлой, желтой и зеленой [3]). — Камка съ травки и съ репейки» [4]). — 3) металлическое украшеніе при концѣ навершья у воинскаго колпака [5]).

1) Описн. кн. Кирил. Бѣлоез. мон. 1668 г. ркп. л. 11 об. и 12.

2) Описн. кн. 77 г. № 665.

3) Переп. кн. 148 г. № 678.

4) Описн. кн. 190 г. № 140.

5) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 53.

Рефедь, Рефидь низанье и вышиванье клѣтками. «Ожерелейцо низано мелкимъ жемчюгомъ во рефидъ» [1]). — «Ворворки обдѣланы золотомъ, обнизаны жемчюгомъ, черезъ ворворку, арефедью» [2]).

1) Расх. кн. 122 г. № 717.

2) Викторовъ Оп. патр. ризн. 1631 г. М. 1876. стр. 29. — Въ оп. 1633 г. «орефидью».

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Рѣшма конское металлическое украшеніе въ видѣ круглыхъ и продолговатыхъ бляшекъ или пластинокъ, прикрѣплявшихся на переносьѣ узды [1]).

1) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 32.

Ровдуга, Ролдуга = Ирха. «Лоскутъ ровдуги красной». — **Ровдужный** сдѣланный изъ ровдуги. «Кожанъ ровдужной крашеной; другой кожанъ ровдужной» [1]). — «Рукавки теплые перстчатые ролдужные» [2]).

1) Изв. Имп. Археол. Общ. т. III. стр. 59. 63.
2) Описн. кн. 138 г. № 128.

Рогатина широкое, плоское, на обѣ стороны острое *копье*, насаженное посредствомъ *тулеи* (трубки) на *скепище* или короткое ратовище съ металлическою оковкою, которая называлась *подтокомъ*. Рогатины были *боевыя*, которыя употреблялись пѣшими воинами, и *охотничьи*, съ которыми ходили на медвѣдей. Между тульею и перомъ боевой рогатины иногда дѣлалось *яблоко* и привѣшивалась *кисть;* охотничьи рогатины имѣли и въ старину, подобно нынѣшнимъ, *отроги* у тульи. Въ Лаврент. сп. Лѣтописи подъ г. 6657: «единъ отъ Нѣмчичь видѣвъ ѝ (князя Андрея Георгіевича), хотѣ просунути рогатиною, но Богъ сблюде ѝ» [1]). Въ Никон. сп. подъ 6952 г.: «Приидоша на нихъ (Татаръ) Мордва на ртахъ с сулицами и с рогатинами и с саблями, а казаки Рязанския такоже на ртахъ с сулицами и с рогатинами и с саблями з другие стороны, а воеводы великого князя Василия Васильевича с своею силою, а пѣшая рать многа собрана на нихъ с ослопы и с топоры и съ рогатинами» [2]).—Въ описи казны Бориса Ѳеодоровича значатся рогатины Англинскія, Нѣмецкія, Московскія: «Рогатина Аглинская, по скепищу 4 пруты желѣзныхъ, гвоздье мѣдяно. — Рогатина Нѣмецкая, травы рѣзаны на проемъ и золочены; у ней кисть шолкъ червчатъ съ золотомъ, скепищо деревянное чорно, тощое, грановито. — Рогатина Московская, наведена золотомъ, на тулѣ подпись слова имя Бориса Ѳедоровича, скепищо вязовое» [3]).

1) Лѣтоп. по Лавр. сп. изд. 1872 г. стр. 308.
2) Лѣтоп. по Ник. сп. ч. V. стр. 192.
3) Описн. кн. 97 г. № 665.

Рогъ у луки. См. **Лукъ.** — **Рогъ** зелейной, т. е. для пороха. См. **Берендейка**. «Рогъ зелейной яблоновой, врѣзываны въ него раковины, золотникъ и снизу по желѣзу наведены травки золотомъ, привязки и кисти шолкъ зеленъ съ серебромъ; цѣнили 30 руб.» [1]).

1) Прих. кн. 122 г. № 716.

Рожи въ кругахъ — украшеніе каймы у суконной Литовской пононы [1]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.

Розвода, Розводы узоры на дорогихъ тканяхъ; напр. на бархатѣ «розвода и травы аксамичены золотомъ»; на атласѣ «розвода золота съ зеленымъ шолкомъ; розводы шолкъ червчатъ» [1]); на объяри «по серебреной земли розвода золотная въ цвѣтахъ — шолкъ червчатъ, алъ, зеленъ, лазоревъ, рудожелтъ, таусиненъ, жолтъ» [2]), и др.

1) Вывѣсн. кн. 137 г. № 127. — Переп. кн. 189 г. № 148.
2) Вых. госуд. стр. 157 и мн. др.

Роспашница верхняя женская одежда изъ легкихъ тканей — камки, тафты, атласа, на тафтяной или дорогильной подкладкѣ, съ широкими рукавами и вошвами. Около ворота, на полахъ и по подолу роспашницы украшались круживомъ, а въ верхней части полъ пуговицами. «Распашница камка Бурская, на червцѣ травы, листье золото; круживо низано жемчюгомъ по бархату по червчатому, а въ немъ 24 косы золоты, а въ нихъ въ золотыхъ гнѣздѣхъ 24 яхонтиковъ червчатыхъ да 46 изумрудцовъ; подкладка тафта зелена; 15 пугвицъ серебряны, сѣнчаты, золочены, съ финифты розными, вверху и снизу репейки въ закрѣпкахъ зеренчаты. — Распашницы тафта виницейка ала; подкладка дороги зеленые Гилянские; круживо по тафтѣ по зеленой да вошвы по атласу по таусинному шиты золотомъ да серебромъ; на распашницѣ 15 пугвицъ серебряны, золочены» [1]). «Роспашница въ отласѣ бѣломъ гладкомъ, пошло 11 арш. полтора верш.; подкладка тафта бѣла; круживо нашито по камкѣ червчатой мелкотравой, шито золотомъ и серебромъ съ шолки розными; 20 пугвицъ серебряны, золочены съ финифты; пухъ нашитъ старой; вошвы по атласу червчатому шиты волочонымъ золотомъ, въ цвѣтахъ шолкъ бѣлъ, лазоревъ, зеленъ» [2]).

1) Описн. кн. 150 г. № 679.
2) Кн. сноски 160 г. № 1000.

Рубашки = Сорочки. «Изъ Богдановской рухляди и Бѣльсково... 2 рубашки да двои портки тафта червчата, да 2 рубашки да двои портки тафта бѣла, у всѣхъ по швомъ пояски золотные и плетеные и петли золотные жъ, у всѣхъ на вороту 373 зерна жемчюжныхъ; цѣна всѣмъ 36 руб.» [1]).

1) Прих. кн. 122 г. № 716.

Рукавицы или **Рукавки** изстари носились людьми всѣхъ сословій. Онѣ дѣлались кожаныя, сафьянныя, суконныя, камчатныя, атласныя, зуфныя, бархатныя; съ серебряными и золотыми узорами; простыя и *перчатыя* (перчатки). Рукавицы *холодныя* бывали оленьи, ровдужныя, лосинныя и вязаныя изъ шелка или изъ шерсти; *теплыя* — съ мѣховыми исподами и опушками. Какъ простыя, такъ и перщатыя рукавицы украшались золотнымъ галуномъ, круживцомъ, бахрамою; запястья рукавицъ, особенно женскихъ, унизывались жемчугомъ съ драгоцѣнными камнями, вышивались волоченымъ золотомъ и шелками; а у вязаныхъ вязались изъ пряденаго золота. «Рукавицы ролдужныя, запястья по отласу по червчатому, орелъ и звѣри низаны жемчюгомъ, промежъ травъ зерна жемчюжныя, около орла и звѣрей шито канителью и трунцаломъ золотымъ и серебрянымъ; у рукавицъ кисти золото съ серебромъ да съ пелепелы; куплены во 131 году у Ѳабина Ульянова, даны 40 рублевъ. — Рукавки теплые перстчатые, ролдужные; исподы черева бѣльи; у запястья бахрама шолкъ червчатъ съ золотомъ» [1]). — «Рукавки бархатъ червчатъ, на пупкахъ собольихъ, запясье по червчатому бархату шито канителью золоченою да серебряною, съ картулиномъ да съ трунцаломъ; въ нацвѣтѣ шолкъ зеленъ, лазоревъ; запясье подложено камкою жолтою куфтеремъ. — Рукавки везеные шолкъ червчатъ, Нѣмецкое дѣло; запясья шиты по атласу по червчатому канителью да трунцаломъ золоченымъ, травы и звѣри и птицы и въ травахъ низано жемчюгомъ мелкимъ, промежъ травъ звѣздки золоченыя пришиваны съ жемчюгомъ; около запясей обдѣлывано золотомъ; подложены запясья тафтою червчатою» [2]). — «Рукавки замшаные подложены горностаи, по запястьямъ шито золотомъ съ шолки по червчатому отласу по узору низано жемчюгомъ» [3]). — «Рукавицы бархатныя черевчетыя, по нихъ шито шолки разныхъ цвѣтовъ, опушены огонками; цѣна 5 р. — Рукавицы жъ перчатыя холодныя оленьи, въ трубахъ нашито круживомъ кованымъ золотнымъ съ бахрамою золотною, подложены тафтою желтою; цѣна 2 р. — Рукавицы жъ лосиныя, въ трубахъ подложено отласомъ соломиннымъ; цѣна рубль» [4]). *Возничьи* рукавицы «сукно багрецъ червчатъ, подъ ними пупки собольи» [5]).

1) Описн. кн. 138 г. № 128.
2) Описн. кн. 150 г. № 679.
3) Забѣлинъ. Дом. бытъ Рус. нар. изд. 2. т. II. Матер. стр. 49.
4) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 57.
5) Описн. кн. 97 г. № 665.

Рукавъ родъ муфты для защиты рукъ отъ холода. Отъ нынѣшнихъ муфтъ рукава отличались тѣмъ, что дѣлались большею частію длиннѣе и уже ихъ, и шились мѣхомъ внутрь. Верхи рукавовъ дѣлались изъ бархата,

атласа, объяри, байберека, камки, китайки и другихъ, дорогихъ и недорогихъ тканей, судя по состоянію; на исподъ и опушку рукавовъ употреблялись пластины и мѣха собольи, душки и черева лисьи, горностаи, бобры, овчины и другіе. У царя Алексѣя Михаиловича были: «рукавъ отласъ золотной, аксамиченъ золотомъ, исподъ лисей, опушенъ соболемъ. — Рукавъ царской аксамитной» [1]). Изъ рукавовъ царя Ѳеодора Алексѣевича одинъ «отласъ Виницейской серебренъ, по немъ травы золоты, въ травахъ репьи серебрены; исподъ и опушка пластинчатые собольи»; другой рукавъ «байберекъ по лимонной землѣ, по немъ травы золоты съ серебромъ; исподъ черевей, опушка пластинчатая соболья»; прочіе въ томъ же родѣ [2]). Одинъ изъ рукавовъ царицы Агаѳіи Симеоновны былъ «низанъ жемчюгомъ по алому бархату съ запаны алмазными и съ яхонты червчатыми и съ изумруды; исподъ и опушка пластины собольи» [3]). Вообще женскіе рукава дѣлали нарядѣе мужскихъ. — Въ имуществѣ кн. Голицыныхъ оказался «рукавокъ, исподъ соболей и опушенъ соболемъ же; а на немъ на одной сторонѣ 9 запонъ алмазныхъ, а на другой сторонѣ 8 запонъ съ алмазы жъ, а въ нихъ въ срединѣ 3 изумруда, а девятой запоны нѣтъ; а кругъ тѣхъ запонъ обнизано крупнымъ жемчюгомъ, въ срединѣ 6 камней алмазовъ въ гнѣздахъ, да запанка алмазная жъ, а кругъ еѣ искры алмазныя да 3 камня изумруда; кругомъ алмазовъ и изумрудовъ обнизано мелкимъ жемчюгомъ репьи, и въ репьяхъ изумруды и лалы и яхонтовыя искры; цѣна 260 рублевъ» [4]). — Инока Марѳа Ивановна пожаловала старицѣ Ѳеофилѣ «рукавъ бѣлей хребтовой, цѣна 2 гривны» [5]).

1) Вых. госуд. стр. 305. 319 и др.
2) Описн. кн. 190 г. № 140.
3) Переп. кн. 189 г. № 148. — Въ Словѣ о полку Игоревомъ: «омочю *бебрянъ* (бобровый) рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ». Рус. достопам. ч. III. стр. 212. 214.
4) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 314.
5) Забѣлинъ. Дом. бытъ Рус. нар. т. II. изд. 2. Матер. стр. 59.

Ручникъ полотенце. «Имѣетъ у собя царь ручникъ платенъ (полотняный), чистъ, и симъ обрысоватися, сирѣчь утиратися, или ясть, или піеть» [1]).

1) Дополн. къ Акт. Истор. т. I. стр. 51.

Ручница. См. **Пищаль.**

Рясы или **Ряски** 1) пряди изъ жемчужныхъ или бисерныхъ зеренъ съ золотыми и серебряными пронизками, колодками, кольцами и съ драгоцѣнными камнями. Онѣ привѣшивались къ вѣнцамъ у дѣвицъ, къ кикамъ и кокошникамъ у женщинъ. «Рясы съ яхонты да съ лалы, колотки золоты

съ яхонты» значатся въ духовной грамматѣ князя Мих. Андр. Верейскаго (около 1486 г.) [1]). Подробное описаніе рясъ царицы Евдокіи Лукіановны даетъ достаточное понятіе о видѣ ихъ: «рясы жемчюжные, а въ нихъ промежъ жемчюгу и по концомъ 16 яхонтовъ лазоревыхъ да 8 лаловъ, да промежъ жемчюгу жъ и каменья 16 пронизокъ золоты репейчаты, прорѣзные съ финифты съ розными; по сторонамъ у пронизокъ въ гнѣздѣхъ искорки яхонтовые да изумрудные; у рясъ колодки и кольца золоты съ финифты съ розными; около колодокъ веревочки низаны жемчюгомъ, у колодокъ въ гнѣздѣхъ 4 алмаза да 4 яхонта червчатыхъ гранены да два изумруда.—Рясы жемчюжные, промежъ рясъ и по концомъ 18 колодокъ золоты съ чернью, у колодокъ по сторонамъ искорки яхонтовые да изумрудные; у рясъ колодки золоты съ чернью на три грани; въ колодкахъ восмь яхонтиковъ червчатыхъ да двѣ искорки яхонтовыхъ лазоревыхъ да два изумрудца; поверхъ колодокъ двѣ прониски съ колцы золоты, въ пронискахъ искорочки яхонтовые да изумрудные. И 136 г. ноября въ 8 день сѣ рясы государыня царица и великая княгиня Евдокѣя Лукьяновна приложила къ чюдотворному образу къ Знаменію Пречистые Богородицы, что у государева старова двора. — Рясы жемчюжные, а въ нихъ промежь жемчюгу и по концомъ орлики золоты, въ орликахъ искорки лаловые да бирюски. И въ 135 г. апрѣля въ 23 д. сѣ рясы государыня царица и великая княгиня Евдокѣя Лукьяновна приложила къ чудотворному образу Пречистыя Богородицы Владимирскіе, что стоитъ въ соборной церкви Рожества Пречистые Богородицы на сѣнѣхъ» [2]). — Въ Древностяхъ Россійскаго Государства [3]) сказано, что «рясы или рясны родъ серегъ, состоящихъ изъ лопастей жемчужныхъ. Въ описи Моск. Усп. Собора 1627 г. онѣ такъ изображены: «рясы жемчугъ большой, колодки и колца и переймы и наконешники золоты съ чернью, а въ колодкахъ восмь яхонтовъ червчаты да восмь изумрудовъ, а въ переймахъ и в наконечникахъ 56 искорокъ, бирюзъ и винисокъ, а на лице тѣхъ камышковъ, искорокъ и бирюзъ и винисокъ сорокъ восмь». Таковъ былъ прикладъ матери царя Михаила Ѳеодоровича великой старицы Марѳы Ивановны къ чудотворной иконѣ Владимірской Богоматери. Обыкновенно прикладъ къ иконамъ Богоматери издревле составляли серьги и рясны (?), кои привѣшивались къ вѣнцамъ и гривнамъ, безъ сомнѣнія, на томъ основаніи, что въ Псалмѣ XLIV Царица небесъ предъизображается «рясны златыми преиспещрена». Но 1) *рясы* не родъ серегъ, состоящихъ изъ лопастей жемчужныхъ, а именно то женское головное украшеніе, о которомъ сказано выше. Сравнивая описаніе рясъ, приложенныхъ великою старицею Марѳою Ивановною къ иконѣ Богоматери, съ описаніемъ рясъ царицы Евдокіи Лукіановны, нельзя не замѣтить большаго сходства

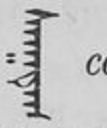
въ составныхъ частяхъ тѣхъ и другихъ рясъ. 2) именемъ *рясна* называется одежда, обложенная бахрамою или съ морхами. Это и подтверждается словами Псалма: «рясны златыми одѣяна и преиспещрена», которыя по-гречески читаются такъ: ’εν κροσσωτοῖς χρυσοῖς περιβεβλημμένη πεποικιλμένη. А κροσσωτὸς (отъ κροσσὸς бахрама), т. е. χιτὼν, означаетъ одежду съ бахрамою или съ морхами.

Примѣчаніе. Рясою или *ряскою* называется еще верхняя, длинная и широкая, съ широкими же рукавами, одежда священнослужителей и монашествующихъ; а надѣваемая подъ нее одежда съ узкими рукавами — *подрясникомъ* и *полукафтаньемъ*.

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 303.— Въ Тверской губерніи употребляются и нынѣ *ряски* изъ крупнаго жемчуга, а у небогатыхъ изъ крупнаго бисера; онѣ прицѣпляются къ лентамъ, идущимъ отъ косы у дѣвицъ, а у женщинъ вокругъ кокошника такъ, что спускаются до бровей и закрываютъ лобъ.

2) Описн. кн. 150 г. № 679.

3) Древн. Рос. Госуд. отд. IV. стр. 86.

Саадакъ, Сагадакъ, Сагодакъ, Сайдакъ полный приборъ вооруженія конныхъ воиновъ лукомъ и стрѣлами. Въ росписи животамъ князя П. С. Прозоровскаго значится: «лубье саадашное кованое, по каймѣ змѣйки серебряные золочены; тохтуй, пола шита золотомъ и серебромъ, подбита дорогами; лукъ, двадцать стрѣлъ; цѣна саадаку шестьдесятъ рублевъ» [1]. У Монголовъ этотъ приборъ называется  *сагадах* и *садак*, по-татарски صداق: онъ состоитъ изъ *лука* съ *налучіемъ* или *лубьемъ* и *стрѣлъ* съ *колчаномъ* или *туломъ* [2]. Украшенія саадаковъ были чрезвычайно разнообразны и часто очень роскошны, а потому и цѣнились дорого; напр. въ описи 1687 года одинъ саадакъ оцѣненъ въ 6660, другой въ 2965 рублей [3]. Подробности частей и украшеній саадака можно видѣть въ описяхъ оружія и ратнаго доспѣха Бориса Ѳеодоровича и Михаила Ѳеодоровича, изъ коихъ въ первой упоминаются три саадака Бухарскіе [4]. Чехлы, которые въ походахъ надѣвались на колчаны для защищенія стрѣлъ отъ сырости, назывались *тохтуями* или *тахтуями*. Изъ Разрядныхъ книгъ 1572, 1559 и 1563 гг. видно, что во время походовъ слѣдовали за царемъ *рынды* и *поддатни* съ шеломомъ, саадаками, сулицею, копьями, рогатиною, пищалями и топорами [5]. Котошихинъ называетъ исполнявшихъ эту обязанность *стрянчими:* «чинъ ихъ таковъ:.... въ походахъ возятъ панцырь, саблю, саадакъ» [6].

1) Акты историч. т. IV. стр. 399.

2) Зап. Археол. Общ. т. II. стр. 355.—Въ Словѣ о полку Игоревомъ: «тули отворени.— Сыпахуть ми тѣщими тулы» и т. д. Рус. достопам. ч. III. стр. 32. 34. 118.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

3) Вельтманъ. Оруж. Пал. слов. стр. 53.

4) Описн. кн. 97 г. № 665 и Перен. кн. 148 г. № 678.

5) Вып. изъ разр. кн. въ Древн. Рос. Гос. отд. III. стр. 123 и 124. — Ист. Гос. Рос. т. IX. прим. 412.

6) О Россіи, стр. 21. — Къ слову о саадакѣ: въ февралѣ 1585 г. Ѳедоръ Пучекъ Молвениновъ «на потѣхѣ государя тѣшилъ, приведя медвѣдя съ хлѣбомъ да съ солью въ саадакѣ и съ дикимъ медвѣдемъ своего медвѣдя спущалъ». Дополн. къ Акт. истор. т. I. стр. 199.

Сабли изстари извѣстны Русскимъ; въ лѣтописяхъ читаемъ: «мы ся доискахомъ (дани) оружьемъ одиноя страны, рекше саблями» говорили старѣйшины Казарскіе своему князю; подъ 968 годомъ: «и въдасть Печенѣжьскій князь Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы; подъ 1086: «прободенъ бысть (Ярополкъ Изяславичъ) отъ проклятаго Нерадьця.... князю же Ярополку лежащу на санкахъ, а онъ с коня саблею прободе ѝ; тогда въздвигнувся Ярополкъ выторгну изъ себе саблю»; подъ 1146: «въѣхаша Берендици взадъ полку съ саблями и почаша я сѣчи»; подъ 1162: «постиже ѝ (Изяслава Давидовича) Воиборъ Негечевичь и сѣче по главѣ саблею» [1]). Въ Словѣ о полку Игоревомъ: «сабли изъострени. — Поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя.—Ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половецкыя. — Гримлютъ сабли о шеломы. — Соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями» [2]). — Названіе сабли одни производятъ отъ Араб. سيف *сейф;* другіе отъ Санскр. शुभ *шубра* «сіяющій», или отъ древне-Бактрійскаго *суфра* или *сувра* «сабля»; иные отъ Греч. средневѣковаго ζαβὸς «согнутый». Кромѣ того указываютъ на Итал. sciabla, sciabola, Венец. sabala, Исп. sable, Франц. sabre, Нѣм. Säbel, Венг. száblya, Вал. sáble [3]). Отсюда заключаютъ, что *сабля* — оружіе восточное, которое, вмѣстѣ съ своимъ названіемъ, распространилось по Европѣ вслѣдствіе сношеній ея съ Востокомъ. — Составныя части сабли — *полоса* и *крыжъ*, то есть клинокъ и ефесъ. Полоса, обыкновенно съ *елманью*, дѣлалась изъ булата, стали, желѣза. Плоская сторона полосы называлась *голоменемъ*, острее — *лезомъ* или *лезвеемъ*, а тупая сторона — *тыльемъ*. Въ набалдашникѣ сабельнаго крыжа дѣлалось небольшое отверстіе, сквозь которое продѣвался *темлякъ* съ *кистью* и круглою *ворворкою* у соединенія темлячной тесьмы и кисти [4]). «Сабля.... темляки и кисти золото съ серебромъ пряденое, ворворки низаны жемчугомъ». Сабли были Турскія, Угорскія, Кизылбашскія, Горскія. На Турскихъ сабляхъ вырѣзывались или наводились иногда слова Татарскія: «сабля Турская булатна, булатъ красной; по обѣ стороны отъ черена до елмана золотомъ наведена, а въ наводѣ слова Татарскіе и травы золотомъ наведены.—Сабля Турская красной булатъ, съ кованымъ долomъ; отъ черена по обѣ стороны рѣзаны слова Татарскіе. — Сабля Угорская

стальная, отъ черена по обѣ стороны въ рѣзи золочена. — Сабля Кизылбашская булатна, отъ черена по обѣ стороны и елманъ золотомъ наведенъ, верхней долъ съ перерывомъ, мѣста золотомъ наведены. — Сабля Горская булатна, съ долы» [5]). Сабли Московской работы, по различію образцовъ, были на Литовское дѣло, на Турское дѣло, на Угорское дѣло, на Черкасское дѣло, на Кизылбашскій выковъ, на Нѣмецкій выковъ, на Угорскій выковъ. Былъ и собственный Московскій выковъ [6]).

1) Новгор. лѣтоп. по Синод. сп. Спб. 1888. стр. 4. 19.— Лѣтоп. по Ипат. сп. изд. 1871. стр. 144. 232. 354. Въ духовной грамматѣ великаго князя Димитрія Іоанновича (1371 г.). «*сабли золотыѣ*». Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 51.

2) Рус. достопам. ч. III. стр. 34. 66. 84. 124. 144. 152.

3) Рейфъ. Русско-Франц. слов. стр. 809. — Изв. Археол. Общ. т. III. стр. 515. — Въ дополненіе къ этому И. И. Срезневскій указывалъ на Чеш. šavle, Словац. šabla, Луж. sabla, Словен. Хорут. sabla, Хорв. Серб. sabla = сабља, Англ. saber = sabre, Армор. sabrenn. — Впрочемъ Ферд. Юсти, въ запискѣ къ О. Н. Бетлингу отъ 9 октября 1865 г., замѣчаетъ, что «mit сабля kann es nicht verwandt sein, denn wenn auch Frisch's von Diez gebilligter Ableitung des Wortes vom mittelgriechischen ζαβός kaum Bedenken entgegenstehn könnten, so liegen doch sonstige Formen des Wortes, wie ital. sciabola zu weit von çufra ab».

4) Истор. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 61.

5) Описн. кн. 97 г. № 665.— Перен. кн. 148 г. № 678.

6) Оруж. пал. Кирил.-Бѣлоез. мон. 1668 г. ркп. л. 735—742.—Древн. Рос. Гос. отд. III. стр. XVII.

Самопалъ пищаль съ замкомъ и огнивомъ. Составныя части самопаловъ и самыя названія ихъ были тѣ же, что и у пищалей. См. **Пищаль.** У конныхъ воиновъ самопалъ привѣшивался къ сѣдлу съ правой стороны [1]). У Бориса Ѳеодоровича были: «самопалъ съѣжей; стволъ весь стравленъ водками, по травленью въ трехъ мѣстѣхъ золоченъ золотомъ паренымъ; замокъ Ливонской; сверхъ колеса ободъ, и надъ колесомъ и кругомъ колеса золочена образинка; замокъ весь травленъ водками, по краемъ каймы золочены; станокъ яблоновой, рѣзаны кости мелко, люди на конѣхъ и пѣши, птицы и звѣри; на лагалищѣ бархатъ червчатъ кормазинъ; у привязки пряшки и наконешники и запряжники серебряны, золочены. — Самопалъ Турской долгой; стволъ грановитъ, молеваной; замокъ Свиской; станокъ кленовой, рѣзанъ глубоко, олиѳленъ.—2 самопала съѣжіе: у одного стволъ грановитъ вполы, а у другово стволъ граненъ весь; замки Ливонскіе; станки яблоновые, рѣзываны кости травы» [2]). — Между самопалами значится «*аркобузъ* (arquebuse) Литовской, стволъ вполы облой, отъ замка грановитъ; замокъ Ливонской; станокъ яблоновой, врѣзываны кости, змѣи и образины и люди и травы».

1) Истор. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 92.

2) Описн. кн. 97 г. въ арх. Оруж. Пал. № 665.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Самострѣлъ лукъ, вдѣланный въ деревянную *соху* (прикладъ) съ *полосою* (ложею). При стальномъ лукѣ *тетива* самострѣла дѣлалась изъ толстой веревки или изъ воловьихъ жилъ и натянутая спускалась помощію особаго ворота, который назывался *коловратомъ самострѣльнымъ*. Величина самострѣловъ была иногда необыкновенна: у Половецкаго хана Кончака «бяху луци тузи самострѣлнии, одна 50 мужь можашеть напрящи» [1]). Самострѣлы употреблялись для бросанія стрѣлъ и камней [2]). При осадѣ Москвы Тохтамышемъ (1382 г.) изъ осажденныхъ «пніи самострѣлы напинающе пущаху», а «Москвитинъ суконникъ Адамъ, примѣтивъ единого татарина нарочита и славна, напя (натянулъ) самострѣлъ и испусти напрасно стрѣлу на него, ею же уязви его въ сердце его». Въ описяхъ упоминаются Русскіе самострѣлы Московскаго и Псковскаго дѣла; самострѣлъ болшой болтовой [3]). Въ оружейной палатѣ Кириллова-Бѣлоезерскаго монастыря былъ «самострѣлъ желѣзной *съ храпами*» [4]).

1) Лѣтоп. по Ипат. сп. изд. 1871 г. стр. 428.
2) Соф. Времен. ч. I. М. 1820. стр. 372.
3) Описн. кн. 97 г. № 665.—Древн. Рос. Госуд. отд. III. стр. 120—122.
4) Описн. кн. Кирил.-Бѣлоез. мон. 1668 г. ркп. л. 743.

Сапоги не были, кажется, въ общемъ употребленіи у Русскихъ даже въ X вѣкѣ, а составляли обувь только князей и старѣйшинъ. Послѣ побѣды, одержанной княземъ Владимиромъ надъ Болгарами въ 985 году, «рече Добрыня Володимеру: соглядахъ колодникъ и суть вси въ сапозѣхъ; симъ намъ дани не даяти, поидевѣ искать лапотникъ» [1]). — Сапоги шили изъ кожи и сафьяна, съ острыми, загнутыми къ верху носками, какъ видно изъ рисунка при Изборникѣ Святославовомъ, гдѣ самъ князь изображенъ въ зеленыхъ, а сыновья его въ красныхъ сапогахъ. На князѣ Даніилѣ Галицкомъ, при свиданіи съ Нѣмецкими послами у Пожги, въ 1252 г., были «сапози зеленого хъза шити золотомъ» [2]). Впрочемъ употреблялись цвѣта: желтый, черный и другіе. Впослѣдствіи нарядные сапоги стали украшать золотыми и серебряными прошивками, галунами и узорами, унизывать жемчугомъ, усаживать драгоцѣнными камнями; вмѣсто кожи и сафьяна стали употреблять бархатъ и атласъ. Подошвы сапоговъ подбивали снизу и обивали съ боковъ гвоздями — желѣзными и серебряными, а каблуки, у нарядныхъ сапоговъ очень высокіе, подбивали такими же скобками. Голенища то срѣзывали напереди угломъ къ верху, то дѣлали круглыми; носили ихъ либо спущенными до полупкоръ, либо поднятыми, иногда подвязанными подъ колѣномъ, а иногда стянутыми еще и подъ икрами [3]).

1) Новг. Лѣт. по Синод. сп. изд. 1888 г. стр. 33.
2) Лѣтоп. по Ипат. сп. изд. 1871. стр. 541.
3) Истор. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 8. 9. 27. — Древн. Рос. Госуд. отд. IV. стр. 77—79.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Сарапатъ, Сарпатъ полосатая или клинчатая бумажная холстинка; серпянка. Употреблялась для занавѣсъ, пологовъ и т. п. «Полотно сарпату розными цвѣты царевичу Алексѣю Михаиловичу на положекъ»[1]). — **Сарапатный** сдѣланный изъ сарапата. «Пологъ (у кровати) сарапатной полосатъ болшой; пологъ сарапатной полосатъ меншой» [2]).

1) Забѣлинъ. Дом. Бытъ рус. нар. т. II. стр. 76.
2) Тамъ же, т. I. стр. 487.

Сарафанъ 1) длинная женская одежда съ рукавами, или безъ рукавовъ—съ проймами; передъ ея сверху до низу застегивался, какъ и нынѣ, пуговицами; края и средина обшивались гасами или позументомъ. Но были и 2) мужскіе *сарафаны* или *сарафанцы:* въ 1376 г., при нашествіи Татаръ, Русскіе воеводы «оплошишася.... и начаша ходити и ѣздити въ охабнѣхъ и въ сарафанѣхъ, а доспѣхи своя на телѣги и въ сумы скуташа»[1]). Въ числѣ одеждъ царя Михаила Ѳеодоровича находимъ «сарафанъ объярь червчета, *безъ подкладки*, съ комнатною обнизью; сарафанъ дороги яринной цвѣтъ, съ вишневою обнизью; сарафанъ объяринной; сарафанецъ зеленъ; сарафанецъ тафта червчата; сарафанецъ *теплой*, тафта лазорева» [2]). Названіе сарафана Персидское: سراپا *сарапа* или سراپای *сарапай*, употребляемое въ смыслѣ: «съ ногъ до головы», по объясненію В. В. Вельяминова-Зернова, означаетъ также почетную одежду [3]).

1) Древн. Лѣтоп. ч. I. Спб. 1774. стр. 300. См. Рус. Лѣт. по Ник. сп. ч. IV. Спб. 1788. стр. 51. 52.

2) Вых. госуд. стр. 17. 32. 33. 52. 108 и др.— Покрой этихъ мужскихъ сарафановъ въ кроильныхъ книгахъ показанъ слѣдующій: 1637 г. «іюня 20, скроенъ государю сарафанъ тафта червчата: длина сарафану 1 арш. 15 верш., позади длина 1 арш. 13 верш., въ плечахъ ширина 1 арш. $1^1/_2$ верш., рукава длина 1 арш. 6 верш.; тафты вышло $7^1/_2$ арш.; подпушка тафта желта ($1^1/_4$ арш.), нашивка сверху, пуговки втышныя обшиваны золотомъ пряденымъ, внизу 3 гнѣзда, шолкъ зеленъ съ золотомъ, дѣланы въ Мастерской Палатѣ.— Въ 1639 г. «іюля 23, скроенъ государю царевичу князю Алексѣю Михаиловичу сарафанецъ камка мелкотрава шолкъ алъ да бѣлъ, нашивка шолкъ зеленъ съ золотомъ, пуговки на короту обшиты золотомъ пряденымъ, подпушка.... свѣтлозелена». Вельтманъ. Оруж. Пал. Слов. стр. 54 и 55.

3) В. В. Григорьевъ замѣтилъ, что «*сарпаемъ* سرپا, по Мейендорфу, называется въ Бухарѣ un habillement complet, стало быть халатъ, чалма и проч. См. Voyage à Boukhara, p. 289. Халатъ собственно называется جامه *джамэ*. Отъ Персидскаго слова *сарпай*, или правильнѣе *сарапа*, происходитъ и Русскій *сарафанъ*». О нѣкот. изв. въ Бухарѣ, Хокандѣ и Кашгарѣ. Зап. Мирзы Шемса Бухари. Каз. 1861. стр. 54. прим. 5 (изъ 1-й кн. Зап. Имп. Каз. Унив. 1861 г.).

Сатынь (сатинъ) атласистая ткань — была шелковая и бумажная. Въ 1632 г. за 13 аршинъ цвѣтной сатыни заплатили торговому человѣку

за аршинъ по 8 алт. по 2 д.; а взята та сатынь кроить лѣтничные образцовые приволоки» [1]).

1) Описн. кн. 140 г. № 672.

Саянъ женская одежда въ родѣ высокой юбки съ проймами или помочами, которыми придерживалась подъ плечами; роспашной женскій сарафанъ. «Саянъ Нѣмецкой, съ подолникомъ, шитъ по черному бархату алтабасомъ, около алтабасовъ веревочки золотные» [1]). Въ одной былинѣ упоминается «соянъ хрущатой, а цѣна тому сояну сто тысячей» [2]).

1) Забѣлинъ. Дом. бытъ Рус. нар. т. II. Матер. стр. 51.
2) Древн. Рус. стихотв. М. 1818. стр. 97.

Свила, Свиль = Шида. «Съмотри чрьви, иже изъ собе свилу точить» [1]). *Свиль*, говорить Карамзинъ, «мѣсто дерева, гдѣ волокна излучисто переплетаются между собою. Симъ именемъ означались струистыя ткани, носимыя въ старину богатыми женщинами, то есть родъ объяри» [2]). **Свильный, Свиляный** сшитый изъ этой ткани. «Ризы свильны» [3]).

1) Востоковъ. Слов. ц.-слав. яз. т. II. стр. 165.
2) Ист. Госуд. Рос. т. IV. прим. 13.
3) Калайд. Іоан. Екс. Болг. М. 1824. стр. 137.

Свита или **Свитка** верхняя простая грубая одежда. «Облечеся (Исакій) во власяницы, и на власяницу свитку вотоляну» [1]).

1) Ник. Лѣт. ч. I. стр. 176.

Северга. См. **Стрѣлы.**

Сердоликъ камень кирпичнаго цвѣта. См. **Камни.**

Серебро употреблялось на разныя принадлежности и украшенія утварей, одеждъ и вооруженій такъ же, какъ и золото. См. **Золото.**

Сермяга грубое некрашеное сукно, изъ котораго крестьяне шьютъ свои сермяжныя одежды и называютъ ихъ просто сермягами. На бѣгломъ холопѣ Онисимкѣ было «платье сермяга бѣла Ржевская» [1]). — Впрочемъ сермяги встрѣчаются и въ государевыхъ лѣтнихъ ѣздовыхъ занарядахъ; такъ, въ описи XVI в. значится «сермяга сукно бѣло, строка и завязки шолкъ багровъ, лопатки шолкъ багровъ да рудожолтъ. — Сермяга сѣра, большая, строка шолкъ багровъ; на ней пять пуговицъ золоты, половинчаты, рѣзаны, съ чернью; завязки широкія камка Бурская, на черни шолкъ лазоревъ да червчатъ съ золотомъ; подпушоны камкою Венедитцкою» [2]). —

Въ 1469 г. великій князь Іоаннъ Васильевичъ послалъ Устюжанамъ «300 шубъ бараньихъ, да 300 однорядокъ, да 300 сермягъ» [3]).

1) Прав. грам. 1547 г. въ Акт. Юрид. стр. 50.

2) Викторовъ. Оп. запис. книгъ дворц. прик. вып. I. стр. 2. 4. — Въ Акт. Археогр. Эксп. т. I. стр. 184: «сермяги крашены».

3) Лѣтоп. Архангелог. М. 1819. стр. 173.

Серьга вдѣваемое въ мочку уха металлическое кольцо, къ которому большею частію дѣлались привѣски изъ жемчужныхъ зеренъ, драгоцѣнныхъ камней, корольковъ, бусъ и т. п. По числу привѣсокъ серьги назывались *одинцами* или *одиночками*, *двойнями* или *двойчатками*, *тройнями*. Въ старину онѣ, какъ украшеніе, носились мущинами и женщинами: именно мужчины носили серьгу въ одномъ ухѣ, а женщины въ обоихъ ушахъ. По сказанію Льва діакона, князь Святославъ Игоревичъ, при свиданіи съ императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ, имѣлъ въ одномъ ухѣ золотую серьгу, украшенную двумя жемчужинами съ вставленнымъ среди ихъ рубиномъ [1]). — Великій князь Іоаннъ Іоанновичъ (1356 г.) завѣщалъ дѣтямъ своимъ Дмитрію и Ивану по сергѣ «съ женчугомъ» [2]). — Въ духовной князя Димитрія Іоанновича (1509 г.) значатся «серги болшые, яхонты сини зъ зерны зъ Гурмыскими; а другие серги тройни, яхонтцы сини и лалцы зъ зерны Гурмыскими и съ Новогородцкими; а третьи серешки, лалцы зъ зерны съ Новогородцкими» [3]). Въ имуществѣ князей Голицыныхъ оказались «серги, подъ концами (кольцами?) запонки съ алмазами, а у обѣихъ 2 камня вислыхъ, лалы Китайскіе; цѣна 200 руб. — Серги, запоны съ алмазы, а въ сергѣ и въ подвѣскѣ по 8 алмазовъ болшихъ, а въ другомъ алмазы мѣлкіе; цѣна 100 руб. — Серги *гнутыя*, а въ нихъ запанки алмазныя, а въ срединѣ по подвѣскѣ изумрудной на спняхъ, а у нихъ на сергѣ у колецъ и въ подвѣскахъ по 4 зерна Гурмицкихъ; цѣна 35 руб. — Серги, запонки алмазныя, у обѣихъ въ подвѣскахъ 6 зеренъ Кафимскихъ; цѣна 20 рублевъ». — Серги, лапки съ зерны бурмыцкими, другія серги двойчатки съ лалы и съ яхонты и съ зерны бурмыцкими; третьея серги одиночки, зерны болшія бурмыцкія съ искры и съ камошки, съ запоны» [4]). — Въ рядной записи 1712 г.: «серги двойчатки, изумруды сь яхонты лазоревыми на золотѣ; серги золотые, карунки сь яхонты и с изумруды» [5]). — Въ одной описи крестьянскаго имущества: серги да чюсы женскіе съ жемчуги, чюсы золочены; цѣна сергамъ и чюсамъ три рубли» [6]).

1) Ист. Льва діак. Спб. 1820. стр. 97.

2) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 40.

3) Тамъ же, стр. 406.

4) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 313. 447.

5) Зап. Имп. Археолог. Общ. т. XI. 1865. стр. 597.

6) Изв. того же Общ. т. III. стлб. 61.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Скепище, Искепище, Оскепище древко оскепа, копья, рогатины, сулицы, бердыша и т. п. «Скепище деревяное, чорно, тощо, жолобчато.—Искепище кость бѣлая, чешуйчатая, на искепищѣ яблочко съ трубкою. — Искепище костеное слоновое, бѣлое, рѣзное, воловатое» [1]). Князь (Галицкій Даніилъ) «тъче его (Пакослава) скѣпищемъ.—Оскепищю исѣчену отъ ударенья мечеваго» [2]).

1) Древн. Рос. Гос. отд. III. стр. 115 и 116.
2) Лѣтоп. по Ипат. сп. стр. 505. 512.

Скипетръ или **Скиптръ**, часто **Скиѳетръ**, иногда **Скиптро, Скипетро** и **Скиѳетро** (Греч. σκῆπτρον), какъ знаменіе верховной власти, соотвѣтствовалъ древнимъ властительскимъ жезламъ, имѣвшимъ такое же значеніе. Въ чинѣ вѣнчанія на всероссійское царство Ѳеодора Іоанновича (30 іюня 1584 г.) представляется въ первый разъ торжественное врученіе скипетра царю, при чемъ митрополитъ говорилъ: «о Боговѣнчанный царь и великій князь Феодоръ Ивановичь всея Русіи самодръжецъ! пріими отъ Бога вданное ти скипетро, правити хоругви великого царьства Російскаго, и блюди и храни его, елика твоя сила» [1]). При большихъ царскихъ выходахъ скипетръ несли передъ царемъ стряпчіе, о которыхъ Котошихинъ говоритъ: «чинъ ихъ таковъ: какъ царю бываетъ выходъ въ церковь, или въ походъ на потѣхи, или въ полату въ думу и для обѣдовъ, и въ то время несутъ передъ нимъ скифетръ» [2]). При походѣ царя Ѳеодора Алексѣевича въ Троицкій монастырь, 21 сентября 1680 года, «передъ государемъ скипетръ везъ столникъ князь Яковъ княжъ Ивановъ сынъ Лобановъ» [3]). Въ торжественныхъ случаяхъ, напр. на поставленіи архіереевъ въ Успенскомъ соборѣ, пріемѣ пословъ въ Грановитой Палатѣ и др., государи держали скипетръ въ правой рукѣ [4]). — Изъ скипетровъ, хранящихся въ Оружейной Палатѣ, древній скипетръ большаго наряда въ описи 1642 года означенъ слѣдующимъ образомъ: «скиѳетръ золотъ, чеканной с разными финифты и с каменьи, съ алмазы и съ яхонты червчатыми и съ изумруды; на верху три орла пластаныхъ крылами вмѣстѣ, съ финифты; по верху орловъ корона, на коронѣ на спнѣ камень яхонтъ лазоревъ, на немъ зерно Гурмышское. Съ скиѳетра снятъ яхонтъ лазоревъ, а въ то мѣсто положенъ изумрудъ». Въ такомъ видѣ этотъ скипетръ сохранился и по настоящее время [5]). Въ описной книгѣ 1682 года кажется этотъ же скипетръ означенъ такъ: «скиптръ золотъ съ ѳиніѳты; на немъ орелъ съ коруною, на корунѣ изумрудъ на золотомъ спни, на верху и на исподи изумруда 2 зерна Гурмыцкихъ; въ немъ 20 алмазовъ да 20 яхонтовъ червчатыхъ да 3 изумруда» [6]).

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. II. М. 1819. стр. 78. — То же и при послѣдующихъ вѣнчаніяхъ на царство. См. Собр. госуд. грам. и догов. ч. III. М. 1822. стр. 79. и Др. Рос. Вивліоѳ ч. VII. стр. 17. 272. 343. 447.

2) О Россіи, стр. 21.

3) Вых. госуд. стр. 690.

4) Строевъ. Указат. къ Вых. госуд. стр. 86. — Вых. стр. 94. 483.

5) Вельтманъ. Оруж. Пал. изд. 1860 г. стр. 57. 58. Здѣсь же (стр. 58—60) описаны скипетръ втораго наряда Греческаго дѣла царя Алексѣя Михаиловича, скипетръ царя Петра Алексѣевича и скипетръ, называемый Грузинскимъ. См. также Древн. Рос. Госуд. отд. II. стр. 51. 52.

6) Описн. кн. 190 г. № 140. Для храненія этого скипетра было «влагалище деревянное, оклеено саѳьяномъ чернымъ, прописанъ золотомъ».

Скорлатъ (écarlate, Scharlach) Французское сукно (алое?). Въ Торговой книгѣ замѣчено только: «Французскія сукна по-русски шарлатъ; а инымъ ихъ сукнамъ имянъ не знаемъ и въ лавкахъ ихъ нѣтъ» [1]); но ни достоинства, ни цѣны не означено. Употреблялся на ферези, опашни, однорядки, наурузы, шапки и тафьи [2]).

1) Торг. кн. въ Зап. Отд. Рус. и Слав. Археол. т. I. отд. III. стр. 119.

Скуфья. Ср. **Тафья** шапочка. «Двѣ скуфьи отласныя, черныя: одна на собольихъ пупкахъ; цѣна 10 алт., другой цѣна 10 ден.» [1]).

1) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 45.

Смазни недорогіе цвѣтные камни или стекла съ цвѣтной подкладкой (фольгой). Употреблялись вмѣсто драгоцѣнныхъ камней. «Пищаль, ...въ огибяхъ по четыре камня смазней малыхъ. — Муштукъ съ перомъ, наборъ мѣдной золоченъ, съ камни съ смазни красными и зелеными, на сафьянѣ красномъ» [1]).

1) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 127. 140.

Смирное платье — траурное, которому были присвоены цвѣта: черный, гвоздичный, вишневый, коричный, багровый [1]). «На великомъ государѣ было платье смирное: опошень зуфь черна; ферези тафта черна, исподъ черева лисьи; зипунъ камка китайская черна; шапка бархатъ чернъ, съ душкою; посохъ Индѣйской; стряпня была подъ сукны коричными» [2]).

1) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. прим. 44. стр. XXIX.—Вельтманъ Оруж. Пал. слов. стр. 56.

2) Вых. госуд.

Соврули. См. **Ворворки.**

Совъ, по Висковатову **Совня,** оружіе, которое походило на рогатину, только имѣло кривую полосу и было съ однимъ лезвіемъ, въ видѣ

большаго ножа [1]). Находящееся въ Синодальномъ спискѣ Новгородской Лѣтописи слово «сови» въ другихъ спискахъ замѣнено словомъ «сулици» [2]).

1) Опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 66.
2) Новг. лѣтоп. по синод. сп. изд. 1888. стр. 244.

Соломянка сортъ камки. См. **Камка.**

Сорочки или Рубашки шились, по общему Русскому покрою, длиной до колѣнъ и ниже, съ разрѣзаннымъ напереди воротомъ; при надѣваніи выпускались поверхъ портовъ и подпоясывались поясомъ. Нарядныя сорочки дѣлались изъ шелковыхъ матерій, украшались ожерельемъ, иногда пристежнымъ; царскія сорочки были разныхъ нарядовъ. «Четыре сорочки таѳтяныя, червчатыя и бѣлыя, а на сорочкахъ на вороту и на мышкахъ и на прорѣхахъ 373 зерна жемчюжные на спнѣхъ на серебряныхъ» [1]). — «Сорочка съ ожерельемъ старого дѣла, что онъ государь (Алексѣй Михаиловичъ) прежъ сего нашивалъ. — Сорочка тафтяная съ пристѣжнымъ ожерельемъ, первого наряду. — Сорочка тафтяная съ ожерельемъ третьего наряду, съ порты тафтяными червчатыми; поесъ шолкъ червчатъ съ золотомъ» [2]). — Послѣ нашествія Татаръ, Русскіе начали дѣлать сорочки выше колѣнъ и воротъ разрѣзать не по срединѣ, а на лѣвой сторонѣ груди. — На груди и на спинѣ мужскихъ сорочекъ подшивалась *подоплека* или подкладка, а у рукавовъ подъ мышками и внизу на боковыхъ разрѣзахъ вшивались *ластовки* или *ластовицы;* для застегиванія ворота пришивалась *пуговка*— шелковая или металлическая, нерѣдко со вставленнымъ въ нее жемчужнымъ зерномъ или драгоцѣннымъ камнемъ. Воротъ женскихъ сорочекъ дѣлался съ *вздержкою*, т. е. тесьмою или шнуромъ для стягиванія. *Ожерелье* или воротникъ, *воротъ* и *зарукавье* или края рукавовъ, смотря по состоянію, узорочно вышивались красными нитками, разноцвѣтнымъ шелкомъ, серебромъ и золотомъ, а у людей знатныхъ и богатыхъ унизывались жемчугомъ съ каменьями и дробницами [3]). Въ описяхъ значатся сорочки тафтяныя, кисейныя, полотняныя, камортковыя, широнбатныя, рубковыя, холстинныя.

1) Викторовъ. Оп. запис. кн. дворц. прик. М. 1877. стр. 103.
2) Вых. госуд. стр. 136. 156. 178 и мн. др.
3) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 12. 13. — Сн. А. Терещ. Бытъ Рус. нар. ч. I. Спб. 1848. стр. 316. 317.

Спень металлическая проволока, на которую вздѣвались жемчужныя зерна, корольки и камни. «На корунѣ (скипетра) изумрудъ на золотомъ спни. — Яхонты лазоревы на спнѣхъ на золотыхъ, на закрѣпкахъ по зерну по бурминскому. — 16 королковъ продолговаты на спнѣхъ на серебряныхъ. — У креста 4 изумруда на золотыхъ спняхъ» [1]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665 и 190 г. № 140.

Спускъ. См. **Пищаль.**

Срачица, Сърочица = Сорочка. Волынскій лѣтописецъ разсказываетъ, что въ 1240 г. Галицкій бояринъ Доброславъ съ великою гордынею ѣхалъ «во одиной сорочьцѣ, Галичаномъ же текущимъ у стремени его» [1]).

1) Лѣт. по Ипат. сп. изд. 1871. стр. 525. Въ друг. сн. «сърочици».

Стамедъ (фр. estamet) шерстяная косонитная ткань, въ родѣ сукна. Въ 1676 г. «царь Ѳеодоръ Алексѣевичь послалъ въ Верхотурье служилымъ людямъ въ прибавку къ указнымъ доходамъ, между прочимъ, 8 косяковъ стамедовъ, да въ Пелымь 4 косяка, по 5 рублевъ съ полтиною косякъ» [1]).—«Одѣяло короткое, тафта.... подложено стамедомъ желтымъ» [2]).

1) Дополн. къ Акт. Историч. т. VII. стр. 104.
2) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 209.

Стелька. См. **Чеботы.**

Столбецъ и **Столпецъ** веревка или шнуръ напр. 1) при опушкѣ или обшивкѣ нѣкоторыхъ частей одеждъ и вооруженій: «да кругъ ожерелѣй на столбцы (въ противнѣ этой росписи сказано: «да кругъ ожерелей на *веревки*») куплено шелку и на шитье тѣхъ (семи проѣзжихъ) кафтановъ нитей на 1 руб. 13 алт. на 2 денги» [1]); — 2) у завязокъ: «завязки тканы въ столбецъ золото съ серебромъ» [2]);—«Завяски и столпцы и кисти золотныя, тканы съ зеленымъ шолкомъ» [3]);—3) у плетей: «плеть столбецъ грановитъ, вмѣсто плетовища пистоль оклеена ирхою.—Плеть, у ней плетникъ мѣдной прорѣзной..., столбецъ серебро волоченое, безъ хвостовъ» [4]); 4) у темляковъ: столпецъ серебро прядено, кисти золоты, ворворки низаны жемчюгомъ» [5]); 5) у ухватовъ: «ухватъ на двухъ столпцѣхъ; на столпцѣхъ по пяти кистей» [6]); 6) для привязокъ у подушекъ щитовъ: «привяска и вооруда столбецъ шолкъ зеленъ. — Снуры в столбецъ и кисти шолкъ бѣлъ, чернъ съ желтымъ» [7]) и т. п.

1) Калач. Арх. историч. и практ. свѣд. 1860—1861 г. кн. IV. стр. 48.
2) Вельтманъ. Оруж. Пал. М. 1844. слов. стр. 1.
3) Вых. госуд. стр. 541.
4) Описн. кн. Кирил.-Бѣлоез. мон. 1668 г. ркп. л. 744 об.— Древн. Рос. госуд. отд. III. рис. 110 и стр. 106.
5) Описн. кн. 97 г. № 665.
6) Тамъ же.
7) Описн. кн. 195 г. л. 190. 191. 497.

Столбунецъ и **Столбунъ** стоячій колпакъ или высокая, къ верху нѣсколько съуживающаяся шапка, съ мѣховымъ околышемъ или съ поли-

цами (полками) и разными украшеніями. Въ духовной грамматѣ князя Дмитрія Іоанновича значится «колпакъ столбунъ, полицы сажоны жемчугомъ гурмыскимъ» [1]). У царицы Агаѳіи Симеоновны были столбунцы изъ объяри, зарбафа и атласа, съ атласною и тафтяною подкладкою, съ опушкою изъ собольихъ пластинъ и безъ опушки [2]).

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 407.
2) Переп. кн. 189 г. № 148.

Сточный тканый. «Поясъ золотъ сточный» [1]).

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 40.

Стоянъ, Стоянецъ. См. **Яблоко царскаго чина.**

Стремена, какъ приборъ для поддерживанія и упора ногъ всадника при верховой ѣздѣ, дѣлались серебряныя, желѣзныя и мѣдныя (послѣднія рѣдко); четверогранныя и круглыя; гладкія и съ прорѣзнымъ донцемъ; подвѣшивались къ сѣдлу на ремнѣ. «Стремяна серебряныя, гладкія, вызолочены, четверогранныя; вѣсу въ нихъ 4 ф. 72 зол.; цѣна за фунтъ по 8 руб.— Стремяна серебряныя, круглыя, исподы прорѣзныя, по нихъ травы кругомъ черневыя и финифтяныя; вѣсу въ нихъ 3 ф.; цѣна за фунтъ по 9 руб.— Стремяна серебряныя жъ, греческія, *длинныя*, на нихъ мѣста сканныя; вѣсу въ нихъ 3 ф. 24 зол.; цѣна за фунтъ по 12 руб. — Стремяна желѣзныя, оправа серебряная, позолочена, въ нихъ яхонтовыя искры; цѣна 10 руб.— Стремяна желѣзныя, оправа серебряная, золочена, съ каменьи и съ бирюзами; цѣна 8 рублевъ. — Стремена мѣдныя золоченыя. — Стремена мѣдныя» [1]).

1) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 325. 143. 146.

Стрѣлы тростяныя, камышевыя, березовыя, яблонныя, кедровыя, чипрасовыя (кипарисныя), имѣли на одномъ концѣ острое *желѣзцо* или накосточекъ, а на другомъ *ушко* или *вырѣзку* и *перье*. Желѣзца, называвшіяся *копейцами*, были двугранныя, троегранныя, четверогранныя, гладкія, ложчатыя, желобчатыя, иногда съ врѣзанными или прорѣзными украшеніями; перье для стрѣлъ употреблялось орлиное (беркучье) бѣлохвость, орлиное красное, кречетье, лебяжье; уши дѣлали изъ рыбьяго зуба [1]) и изъ кости; подъ перьемъ перевивали золотомъ и серебромъ; въ ушахъ вставляли камушки. Въ описяхъ упоминаются стрѣлы Черкасскія, Кизылбашскія, Калмыцкія и Крымскія («8 стрѣлъ Крымскихъ въ 4 пера»). Были особые роды стрѣлъ: томары, срезни, болты, северги и кайдалики [2]). Названіе то-

маръ Монгольское: у Монголовъ *томара* означаетъ стрѣлу, имѣющую на концѣ не копье, а костяную шишку, которою бьютъ соболей, куницъ, горностаевъ [3]), въ отличіе отъ *дзэбэ* или стрѣлы съ копьемъ на концѣ. Есть еще у нихъ родъ стрѣлъ, которыхъ концы имѣютъ видъ заостренныхъ лопатокъ: не это ли наши *срезни?* По словамъ ламы Галсанъ Гомбоева, томары у Монголовъ уже вышли изъ употребленія, но Камчадалами употребляются и нынѣ. — Въ Древностяхъ Россійскаго Государства замѣчено, что въ числѣ стрѣлъ самострѣльныхъ въ описяхъ находятся *болты*, которые, должно полагать (?), употреблялись для охоты на большихъ звѣрей и соотвѣтствовали Сибирскимъ томарамъ, или стрѣламъ съ тупыми концами, которыми бьютъ инородцы бѣлокъ, чтобъ не испортить шкурки. По объясненію А. Ѳ. Вельтмана [4]), *болтъ самострѣльный* означаетъ «коротенькія стрѣлы, у которыхъ вмѣсто копьеца шарики костяные или желѣзные; они были съ перьями и безъ перьевъ». Ср. Bolz мн. bolze и bölze telum, sagitta, древне-Нѣм. bolti, Дат. bolt, Англ. bolt дротикъ, стрѣла. Въ чемъ состояло различіе между севергами и кайдаликами, не знаемъ.— Въ нашихъ лѣтописяхъ стрѣлы упоминаются въ первый разъ подъ 968 годомъ [5]). Обращаемъ вниманіе на выраженія въ Словѣ о полку Игоревомъ о стрѣлахъ: «итти *дождю стрѣлами* съ Дону великаго! — Вѣтри *вѣютъ* съ моря *стрѣлами*. — *Прыщеши* на вои *стрѣлами*. — Летятъ *стрѣлы каленыя*. — Загородите полю ворота своими *острыми стрѣлами* за землю Русскую! — Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича рострѣляевѣ своими *злаченьими стрѣлами*» [6]). — При большомъ количествѣ, стрѣлы считались не по одиночкѣ, а цѣлыми *гнѣздами:* «757 гнѣздъ стрѣлъ розныхъ дѣлъ, копейцы желѣзныя» [7]).

Въ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ находимъ сказочное описаніе стрѣлъ:

«И колчанъ пошелъ съ нимъ каленыхъ стрѣлъ,
А въ колчанѣ было за триста стрѣлъ,
Всякая стрѣла по десяти рублевъ.
А и еще есть въ колчанѣ три стрѣлы,
А и тѣмъ стрѣламъ цѣны нѣтъ,
Цѣны не было и не свѣдомо;
По тому тѣмъ стрѣламъ цѣны не было:
Колоты онѣ были изъ трость-дерева,
Строганы тѣ стрѣлки во Новѣгородѣ,
Клеены онѣ клеемъ осетра-рыбы,
Перены онѣ перьицемъ сиза орла,
А сиза орла, орла орловича,

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

А того орла, птицы Камскія,—
Не тоя-то Камы, коя въ Волгу пала,
А тоя-то Камы за синимъ моремъ
Своимъ устьемъ впала въ сине море;
А леталъ орелъ надъ синимъ моремъ,
А ронилъ онъ перьица во сине море,
А бѣжали гости корабельщики,
Собирали перья на синемъ морѣ,
Вывозили перья на святую Русь,
Продавали душамъ краснымъ дѣвицамъ;
Покупала Дюкова матушка
Перо во сто рублевъ, во тысячу.
Почему тѣ стрѣлы дороги?
Потому онѣ дороги,
Что въ ушахъ поставлено по тирону,
По каменю по дорогу самоцвѣтному;
А и еще у тѣхъ стрѣлокъ
Подлѣ ушей перевивано
Аравитскимъ золотомъ;
Какъ днемъ-то стрѣлочекъ не видѣти,
А въ ночи тѣ стрѣлки что свѣчи горятъ,
Свѣчи теплются воску яраго:
По тому онѣ стрѣлки дороги» [8]).

1) Рыбій, т. е. *моржовый*, зубъ прежде цѣнился очень дорого, какъ нынѣ слоновая кость. І. Х. Гамель, упоминая объ этомъ, указываетъ на Герберштейна, который пишетъ: «предъ устьемъ Печоры разсказываютъ объ удивительныхъ звѣряхъ, изъ коихъ одни называются mors (моржъ), величиною съ быка, имѣютъ короткія ноги, живутъ въ морѣ, имѣютъ на верхней челюсти два зуба. Бьютъ ихъ только ради прекрасныхъ бѣлыхъ зубовъ, изъ которыхъ дѣлаютъ красивые черенки къ ножамъ. Московиты, Турки и Татары дѣлаютъ изъ нихъ къ своему оружію, особенно короткому, какъ мы носимъ кинжалы или ножи, рукоятки, собственно только для красоты, а не для увеличенія тяжести, чтобы чрезъ то ударъ оружіемъ былъ сильнѣе, какъ объ этомъ писалъ нѣкто; покупаютъ зубы на вѣсъ и называютъ просто рыбій зубъ». Англич. въ Рос. въ XVI и XVII стол. гл. I.

2) Описн. кн. 97 г. № 665. — Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 70.

3) Въ Древн. Рос. Госуд. Отд. III. стр. 121: «Два гнѣзда томариковъ чипрасовыхъ; одно гнѣздо маленько, ушки и накосточки серебряные, золочены, рѣзные, перье бѣлохвостовое, подъ перьемъ и пониже перья и повыше наконечниковъ перевито золотомъ». — «Два томара, одинъ маленькой, ушки и накосточки рыбей зубъ, перье бѣлохвостовое». — Въ Букварѣ іером. Каріона Истомина (1694 г.) есть стихъ: «Въ дому потребенъ токмакъ (колотушка, пестъ), томаръ стрѣльный»; въ немъ изображенъ и самый томаръ.

4) Моск. Оруж. Пал. Слов. стр. 6. 54.

5) Новгор. Лѣтоп. по Синод. сп. Спб. 1888. стр. 19.

6) Рус. достопам. ч. III. стр. 58. 62. 84. 174. 246.

7) Вельтманъ. Моск. Оруж. Пал. Слов. стр. 57.

8) Древн. Рос. стихотв. стр. 23—25.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Ступни. См. **Лапти.**

Стягъ, воинское **Знамя, Хоругвь:** шестъ или длинное *древко*, къ которому прикрѣплялась *челка стяговая* (собственно знамя) или полотно, а на вершину древка насаживалось металлическое *яблоко* съ копьемъ или крестомъ. Полотно дѣлалось въ видѣ четвероугольника изъ тафты, камки, киндяка, кумача, крашенины; нерѣдко нижній уголъ его, не прилегающій къ древку, срѣзывался, и оставшаяся часть составляла *откосъ*, вмѣсто котораго иногда дѣлались два или три хвоста въ видѣ клиньевъ, называвшихся лопастями или *клинцами;* вокругъ полотна шла широкая *кайма.* Какъ средина, такъ и кайма украшались священными и другими изображеніями и узорами — живописными и шитыми золотомъ, серебромъ и разноцвѣтными шелками; древко также разрисовывалось или просто красилось. Величина стяговъ была неодинакова; древнѣйшія были огромныхъ размѣровъ, «простирающеся яко облацы» [1]). По описи 1687 г., великій стягъ царя Ивана Васильевича (1560 г.) былъ длиною по верхней каймѣ полосма аршина, по нижней каймѣ до откосу 2 арш. 10 верш., откосу длина 6 арш. безъ чети, шириною (по древку) 3 арш. 2 вершка. — Знамя царя Алексѣя Михаиловича (1654 г.) было мѣрою по древку 3 арш. 2 верш., по верхней каймѣ 6 арш. 11 верш., по нижней до откоса 2 арш. 8 верш., по откосу 5 аршинъ.— Цвѣтъ знаменъ не подлежалъ опредѣленнымъ правиламъ; предпочитались для нихъ цвѣта яркіе, свѣтлые — сахарный, желтый, лазоревый, красный, червленый. Въ упомянутой описи 1687 г. значится «знамя средина таѳта лазоревая, откосъ таѳъта сахарная, в откосѣ кругъ въшитъ алой, на откосе нижнея кайма таѳта маковый цвѣтъ, около середины и откосу таѳта кайма брусничная» [2]). Въ Словѣ о Полку Игоревѣ читаемъ: «чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружіе» [3]). Конечно, и знамя великого князя Димитрія Ивановича Донскаго, въ славной Куликовской битвѣ, было *чермное* (= червленное, а не черное) [4]). — Внѣ службы стяговыя полотна снимались съ древковъ, свертывались или складывались и хранились въ чехлахъ, нагалищахъ и сундукахъ, а для сбора воиновъ и предъ началомъ битвы развертывались [5]), взволакивались и напячивались на древки [6]), которыя поднимались и устанавливались при полкахъ [7]). Носившіе стяги, знаменосцы, назывались *стяговниками* [8]).

Названіе военнаго знамени *хоругвію* сохранилось донынѣ въ церковномъ употребленіи.

1) Историческому изслѣдованію о старинныхъ русскихъ знаменахъ и подробной описи ихъ посвященъ большой трудъ Лук. Яковлева подъ заглавіемъ «Русскія старинныя знамена. Москва. 1865». — Много свѣденій собрано также А. Висковатовымъ въ «Историческомъ описаніи одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ. ч. I. стр. 110—172 и прилож. стр. LXXXVI—CLIV».

2) Тамъ-же.

3) Рус. достопам. ч. III. стр. 52 и др.

4) Въ Синопсисѣ (Кіевъ, изд. 2-е, 1823) читаемъ на стр. 115: «утвердивши полки; пріиде подъ свое *чермное знамя* и ссѣдъ съ коня, совлече съ себе приволоку царскую и въ иную облечеся, и на иного коня всяде. Того же коня даде подъ Михаила Андреевича, любимаго своего, и ту приволоку царскую на него возложи. Повелѣ же и знамя свое рындалю своему надъ нимъ возити». На стр. 122: «Князь же Владиміръ ста подъ *чермнымъ знаменіемъ*, и не обрѣте въ полку брата своего, великаго князя Димитрія.

5) «Повелѣ государь (Иванъ Васильевичъ, подъ Казанью) херугви христіанскія развертити, сирѣчь знамя». Царств. кн. Спб. 1769. стр. 264.

6) При осадѣ Луцка (1149 г.), братья Андрея Боголюбскаго «стягъ его видяхуть не възволоченъ, не величаву бо ему сущю на ратный чинъ». Лѣтоп. по Лавр. сп. изд. 1872. стр. 307. — «Заведъ Куный пѣшьцѣ (1096 г.) напя стягъ Володимерь». Тамъ же, стр. 231.

7) «Выступи полкъ (Суздальскій) изъ загорья, вси во броняхъ яко во всякомь леду, и подъяша стягъ. Тамъ же, стр. 357.—«Половци вжасошася, отъ страха не възмогоша и стяга поставити». Лѣтоп. по Ипат. сп. изд. 1871. стр. 186. — Изяславъ (Мстиславичъ) «постави стяги Галичьския, и поидоша Галичане подъ своя стяги». Тамъ же, стр. 322.

8) «Бысть сѣча зла (1169 г.), и потяша стяговника нашего, и челку стяговую сторгоша с стяга». Лѣтоп. по Лавр. сп. стр. 342.

Сукманъ, Сукманецъ кафтанъ или сарафанъ, сшитый изъ крестьянскаго домотканнаго сукна. «Первой моей женѣ Анны приданого платья .... сукманъ черленой красной» [1]). — «Разбойници зліи .... взяша мшелешъ (мѣшокъ, котомку) мой весь, меня же убогаго во единомъ сукманцѣ оставиша» [2]).

1) Духовн. монаст. слуги (1671 г.) Сахарова въ Акт. Юрид. стр. 462.

2) Сахаровъ. Сказанія Рус. нар. т. II. кн. VIII. стр. 67.

Сукно извѣстная шерстяная ворсистая ткань. Сукна были разныя: амбурское, англійское, багрецъ, брабанское («въ Брабанѣхъ дѣлаютъ»), гранатъ (парпьянъ тожъ), греческое, еренга, жеганское, инбарское, ипрское [1]), колтырь, костряжъ, куфтерь, лимбарское, лундское или лундышъ, лятчина или летчина, муравское, мышенское, настрафиль или страфиль, повоесское, нѣмецкое, порпіянъ, рословское, свицкое, сермяжное, скорлатъ или шарлатъ, утрофимъ, французское, фряжское, четцское, шебединское [2]). Сукна мѣрялись поставами, кипами, половинками и аршинами [3]). Цѣны ихъ были неодинаковы, «по сукну смотря и по цвѣту и по мѣрѣ». Вотъ что предлагаетъ Торговая книга «О сукнахъ всякихъ: сукна смотрите, чтобы краскою чисты, пѣжины бы і чалины и полосъ не было, и гнили выщупывай, и немѣстоваты. А въ *брюкишехъ* середняя мѣра $\overline{\text{лѣ}}$ аршинъ, а мѣрные приходятъ и болши; а цвѣтъ въ брюкишехъ лутчей синь, и лазоревъ, и аспиденъ, і голубъ; а подъ тѣми цвѣты иной цвѣтъ рудожолтой, свѣтлозеленой и ценинной дешевле; а по-нѣмецки брюкишу имя крумлистъ. А *полубрюкишъ* синь, лазоревъ и аспиденъ, тѣ же лутчи; а иные цвѣты дешевле. А мѣра в нихъ одна $\overline{\text{лѣ}}$ аршинъ; а цена брюкишемъ неровна: когда мало ихъ,

і онѣ дороже, кои лутче; а полубрюкиши таково жъ; а полубрюкишу имя по-немецки кипирсь (*Вр.* и *Зап.:* киперсъ). *Лунскіе* і *Аглинскіе* тожъ, смотри по тому же; а въ Лунскихъ цвѣтъ лутчей и добрые: черчаты і желты, свѣтлозеленые, а дешевы черные и лазоревы [4]). А мѣрны приходятъ Лунские выше м аршинъ, а шириною промежъ покровми ѣ аршина і ѕ вершковъ, а середние въ лѣ аршинъ; а цена по сукну смотря и по цвѣту и по мѣре; по-немецки зовутъ бланкетенгъ (*Вр.* и *Зап:* бланкетенъ) [5]). *Настраѳиль* смотри по тому же; а въ настраѳиляхъ цвѣтъ лутчей черчатъ, желтъ, тмосинь; а дешевле лазоревъ, зеленъ; а меншие цвѣты голубые, мурамнозеленые; а иные и тѣхъ дешевле. А мѣра лѣ аршина въ малыхъ, а ширина промежъ покровми ѣ аршина з двѣма вершки; а въ середнихъ лѣ аршинъ, въ мѣрныхъ м аршинъ приходитъ, а ширина ѣ аршина с четвертью. А цѣна по сукну смотря и по цвѣту і по мѣрѣ; а настраѳиль по-немецки ангелсь лакель (*Вр.* и *Зап.:* ангельсъ лакенъ); а купили в Ругодивѣ на товаръ по м ефимокъ поставъ. Въ *Новоесскихъ* цвѣтъ лутчей голубъ, синь, лазоревъ, черчатъ; иные цвѣты дешевле. А мѣра в нихъ приходитъ л аршинъ; а в кипе въ Новоесской кз (*ркп.* и *Зап.:* нз) половинокъ; а цена по сукну смотря, по цвѣту и по мѣре; середняя цѣна кипе $\frac{|\ |}{р|\ |}$; а Новоесские по-немецки енкель кямелинкь; а в Ругодивѣ купили половинку по и ефимковъ. *Рословское двоепечатное* завитая печать въ кипе кѣ половинокъ, а ис половинки мѣра выходитъ по кѣ аршинъ; а цвѣтъ в Рословскихъ половинкахъ синие, лазоревы; а иные дешевле; средняя цена кипе $\frac{|\ |}{м|\ |}$; а Рословское зовутъ по-немецки гярлохсе лякененъ, а *однопечатное* умгебонде зегель (*Вр.* и *Зап:* умге бонденъ зегиль, въ кипѣ 25 половинокъ) і енень зегель; а купили в Ругодивѣ на товаръ кипу по ри ѳимокъ, а на Москвѣ купятъ кипу $\frac{|\ |}{к|\ ѣ|}$. А въ *Свиницкихъ* (*Вр.* и *Зап:* Свицкихъ) с Рословскими одна мѣра и цена. *Четицкие* цвѣтъ лутчей бѣлые, сѣрые, черные; а иные дешевле. *Колтырь* по-немецки нордярсь ангелсь (*Вр.* и *Зап:* нордярсъ ангельсъ); а купили в Ругодиве по л ѳимковъ (*Вр:* поставъ). *Утровимъ* (*Вр:* утруфимъ), а по-немецки оитяроапнь, а купили в Ругодивѣ (*Зап:* по тому жъ). *Влоские*, а иные зовутъ *Италскимъ еренгою*, по-немецки Італская карзай (*Вр.* и *Зап:* карза); а купили въ Ругодивѣ поставъ по л ѳимковъ. *Еренги болшие* по-немецки шхотцхе карзай (*Вр.* и *Зап:* шхотцуе карза), а купили в Ругодивѣ половинку по ѣі ѳимковъ. *Меншие еренги*, по-немецки ангелсь карзай (*Вр:* ангелсъ карза; *Зап:* ангельсъ карза); а купили в Ругодивѣ половинку по ѣі ѳимковъ. *Муравское* по-немецки бемсь дукъ (*Вр:* бемсъ дукъ; *Зап:* бемсъ дуксъ), купили в Ругодивѣ по ѕі ѳимковъ; а широта ево аршинъ ѣ верш-

ковъ. *Мышенские двоепечатные* по-немецки кямелинкь (*Вр.* и *Зап:* кямелинкъ); а знати лутчие по печатемъ, на печатехъ число цифирное 50; а купили в Ругодивѣ в пол-$\overline{\text{ѕі}}$ еѳимка. *Летчина* (*Вр.* и *Зап:* лятчина) по-немецки лянепаръи (*Вр:* лянепярь; *Зап:* лянеперь), купили в Ругодивѣ поставъ $\overline{\text{кѣ}}$ еѳимковъ; летчинѣ широта сукну $\overline{\text{к}}$ аршина з двума вершками промежь покроми, а покромишка узенки і на мизинецъ нѣтъ; а каково сукно, такова і покромь. *Лимбарские* сукна по-немецки штендельсхе лакенень (*Вр:* штендень схелякененъ; *Зап:* штендень схелакененъ), купили въ Ругодивѣ по $\overline{\text{и}}$ еѳимковъ. *Аглинская меншая* по-немецки мынстеръ лякень (*Вр.* и *Зап:* лакененъ), купили в Ругодивѣ по $\overline{\text{к}}$ еѳимковъ. *Багрецъ* (*Вр:* брагецъ) по-немецки колеръ дерой. А *Ѳранчюские* (*Вр.* и *Зап:* Французскія) сукна, а по-русски *шарлатъ*; а инымъ (ихъ) сукнамъ имянъ не знаемъ і в лавкахъ нѣтъ. Еще сукна есть: въ Брабанѣхъ (*Вр:* дѣлаютъ) по-немецки зовутъ гундянъ (*Вр.* и *Зап:* гюльдянъ) аделяръ, в длину $\overline{\text{к}}$ аршинъ, а ширина $\overline{\text{г}}$ аршина без четверти; а купятъ поставъ в Немцахъ по $\overline{\text{ч}}$ еѳимковъ; а покромь шириною $\overline{\text{к}}$ перста: каково сукно цвѣтомъ, такова і покромь; а дѣлаютъ ихъ в городѣ в Меххелень (*Вр.* и *Зап:* Маххеленъ). Въ томъ же городѣ дѣлаютъ еще сукно, по-немецки сукно зовутъ махелсхе маартъ (*Вр:* махел схемаахтъ; *Зап:* маххель схемаахтъ), длиною $\overline{\text{к}}$ аршинъ; а купятъ ево в Немцахъ поставъ по $\overline{\text{ѕ}}$ еѳимковъ; по цвѣту і покромь, шириною $\overline{\text{к}}$ перста Еще дѣлаютъ в томъ же городѣ сукно, по-немецки зовутъ байяртъ (*Вр:* яртъ, біяртъ), длиною $\overline{\text{к}}$ аршинъ; а купятъ поставъ по $\overline{\text{и}}$ еѳимковъ; по цвѣту і покромь. Еще жъ в томъ городѣ дѣлаютъ сукно, по-немецки зовутъ граѳинъ (*Вр:* графунъ), длиною $\overline{\text{к}}$ аршинъ; а купятъ в Нѣмцахъ поставъ по $\overline{\text{мѣ}}$ еѳимковъ; покромь по цвѣту»[6]). Въ грамматѣ царя Ѳеодора Алексѣевича (1676 г. ноября 25) упоминаются еще сукна *корновыя* и *шиптуги*, которыхъ мѣра означена половинками и цѣна первыхъ по шеснадцати, а вторыхъ по шти рублевъ половинка [7]). Кромѣ цѣнъ, означенныхъ въ Торговой книгѣ, укажемъ еще слѣдующія: въ 1475 году въ Новгородѣ поставъ Ипрскаго сукна стоилъ 30 рублей [8]). Въ 1584 году поставъ Англинскаго червчатаго сукна цѣнился въ 15 руб.; половинка сукна Рословскаго въ 2 руб., а аршинъ и по гривнѣ, и по полтретья алтына. Въ слѣдующемъ году аршинъ сукна скорлату червчатаго стоилъ 3 руб., поставъ сукна Лундскаго 16 руб.; аршинъ добраго червчатаго 4 гривны, Рословскаго полтретья алтына, настрафилю червчатаго полтина [9]). Въ отпискѣ изъ Колмогоръ 1604 или 1605 г. показаны цѣны суконъ: лундышевъ по 30 руб. поставъ, настрафили середніе земли по 13 руб. поставъ, еренковъ по 3 руб. половинка, Англинскихъ середніе земли по 6 руб. половинка, Рословскихъ по 40 руб. кипа [10]). Въ 1612 г. въ Вологдѣ аршинъ Англинскаго сукна

стоилъ 13 алт. 2 деньги; въ 1628, 1637 и 1671 г. летчина и яренка продавались по 6 алт. 2 ден. и по 6 алт. 4 д.; въ 1662 г. на проѣзжіе верхніе кафтаны для ратниковъ зеленое и лазоревое сукно покупали по $1\frac{1}{2}$ руб. аршинъ, а въ 1669 г. сукно высокаго сорта («архіепископу на ряску») по 1 руб. 6 алт. 4 ден. за аршинъ [11]); въ 1667 г. половинка летчины червчатой стоила 4 руб. [12]); въ 1678 г. аршинъ кармазина цѣнился въ Москвѣ по 1 руб. 10 алтынъ.

Сукно всегда было въ большомъ употребленіи: изъ него дѣлали опашни, однорядки, кафтаны, терлики, ферези, чюги, шубы, шапки, наурузы, тафьи, рукавицы, попоны и подкладки у санныхъ полостей, снимальники у сѣделъ, подушки у тулумбасовъ [13]); сукно постилали у постелей [14]). У царя Михаила Ѳеодоровича былъ шатеръ суконный настрафильный съ суконными же разноцвѣтными наугольниками, вѣтреницами и полами [15]).

1) Чаще писали *Ипское*, иногда *Ипьское*. — Въ первый разъ сукно Ипьское встрѣчаемъ въ грамматѣ Новгородскаго князя Всеволода Іоаннопредтеченской церкви на Петрятинѣ дворище (м. 1130—1135 г.): «а хто хочетъ въ купѣчество вложится въ Иванское, дастъ.... тысяцкому сукно Ипьское». За службу въ храмовой праздникъ этой церкви положено «дати владыцѣ гривна серебра да сукно Ипьское». Рус. достопам. ч. I. М. 1815. стр. 77—81. Сн. Полн. собр. Рус. лѣтоп. т. III. подъ 6635, 6638 и 6643 гг. стр. 5—7 и 214. — Въ духовной князя Юрія Васильевича (1472 г.): «дати ми Ондрею Шихову тритцать рублевъ, а мой у него поставъ Ипской свѣтлозеленъ». Прод. Древ. Рос. Вивл. ч. III. стр. 166. — Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 230. Здѣсь же замѣчено, что Ипское сукно «чаятельно сукно Испанское или Иперское»; на стр. 340, при этомъ названіи указывается на «многолюдный и торговый во Фландріи городъ Ипръ, находящійся при р. Иперѣ». — Великій князь Іоаннъ III Васильевичъ, во время пребыванія своего въ Новгородѣ, получилъ въ даръ отъ разныхъ лицъ 70 поставовъ Ипскаго сукна. Полн. собр. Рус. лѣтоп. т. III. стр. 142. 143.

2) Торг. кн. ркп. гл. 5—29. — Зап. для обозр. Рус. древн. Спб. 1851. стр. 70 въ подстр. прим. — Въ описи имущ. царя Ивана Васильевича (Врем. кн. VII. отд. III. стр. 21): «ѳерези *сукно бархатно*.

3) Карамзинъ говоритъ, что въ *поставѣ* было около 37 аршинъ сукна. Ист. Гос. Рос. т. VI. прим. 140.—Но изъ Торговой книги видно, что поставы были въ 40, 35, 32, 30 и даже въ 20 аршинъ. — Въ *кипѣ* Рословскаго сукна считалось 25 *половинокъ*, въ 25 *аршинъ* каждая; а въ Новоесской кипѣ 27 половинокъ. — Отрѣзокъ сукна, какъ и другихъ тканей, назывался *портищемъ*: «портищо сукна скорлату червчатого 4 аршины», и просто *сукномъ*: «сукно доброе, сукно середнее». Дополн. къ Акт. Истор. т. I. стр. 199 и др. Въ статьѣ о камкахъ (см. выше) замѣчено, что изъ большаго косяка, отъ 14 до 18 аршинъ, выходитъ по *2 портища*. — Любопытно наставленіе мѣрять иностранныя сукна: «мѣра сукнамъ у многихъ на печатехъ подписываны. Любские локти смѣчати в аршинъной счетъ: въ и҃в локти Русскихъ вымѣрителные м҃г аршина; а Нѣмцы сукна мѣрятъ по спинѣ; а по-нашему порусски мѣри возле покроми, ино придетъ всего у аршина полвершка.—Муравские сукна по покромѣ мѣрити по широкой, іно лутче: у семи аршинъ при другой сторонѣ пол-аршина прибудетъ; а по уской покромѣ мѣришъ, іно при другой сторонѣ убудетъ пол-аршина». Торг. кн. ркп. гл. 30 и 216.

4) Въ той же рукописи Торговой книги находимъ далѣе: «а въ Лунскихъ цвѣтъ лутчей: черчатъ, желтой, свѣтлозеленые, тмозеленые, тмосиніе; а середние багровые, лазоревы; а дешевы бѣлые да черные; а всѣхъ менши росходу на Русѣ чернымъ;.... а всѣхъ дешевле черные». Во Врем. и Зап. «въ Лунскихъ цвѣтъ лутчей и доброй: червчатъ, желтъ, свѣтлозеленъ, тмосинь; а дешевле бѣлые, тмозеленые; а дешевы (*Зап*: дешевѣе) черные и лазоревые». Изъ этого видно, что *мода* на цвѣта суконъ измѣнялась.

5) І. Х. Гамель сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о первоначальной торговлѣ Англійскими сукнами въ Россіи: «Компанія (утвержд. въ Лондонѣ 26 февраля 1555 г.) разсчитывала тогда особенно на хорошій сбытъ сукна въ Россію. Опытъ показалъ, что она не ошиблась.... Въ Лондонѣ сукно, отправляемое въ Россію (broatcloth), обыкновеннаго (?) цвѣта, обходилось компаніи въ 5 фунт. ст. 9 шилл. за кусокъ, но алое сукно въ 17 ф. 13 ш. 6 пенсовъ, а тонкое фіолетовое въ 18 ф. 6 ш. 6 п. Рубль ходилъ тогда за 16 ш. 8 п.; но настоящую цѣну его полагали только въ 12 или 13 шиллинговъ. Въ Москвѣ я часто находилъ въ жалованныхъ царскихъ грамотахъ «сукно лундышъ». Это значитъ не что иное, какъ «лондонское сукно». Въ Кембриджѣ я нашелъ рукопись, изъ которой узналъ, что сортъ суконъ, вывозимыхъ въ Россію, самими англійскими купцами въ-послѣдствіи назывался Lundish cloth. Первый значительный отпускъ суконъ изъ Англіи (209 кусковъ) прибылъ на Двину въ 1557 году. Тутъ-же было доставлено 518 кусковъ каразеи изъ Гемпшира, которая въ Лондонѣ стоила 4 ф. 6 ш. за кусокъ. Изъ нихъ не меньше 400 кусковъ было голубаго — вѣроятно любимаго тогда — цвѣта; изъ остальныхъ кусковъ 43 было синяго, 53 краснаго, 15 зеленаго, 5 инбирнаго и 2 желтаго». Англич. въ Рос. въ XVI и XVII стол. гл. II.

6) Торг. кн. ркп. гл. 5—29 и 216.—Ср. Врем. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос. кн. VIII. отд. II. стр. 11—14. — Зап. Отд. Рус. и Слав. Археол. т. I. отд. III. стр. 118—120.—Для объясненія встрѣчающихся здѣсь названій разныхъ суконъ, О. Н. Бетлингъ и А. А. Шифнеръ сообщили сравненіе этихъ названій съ тѣми, какія нашлись въ старинныхъ словаряхъ и у Гирша въ Danzigs Handels-und Gewerbsgeschichte unter der Herrschaft des deutschen Ordens. Leipz. 1858. S. 250—253: Gewand- und Laken- (Tuch-) Handlung: *англесь* (*англельсъ*) *лакенъ* — englisch Laken; *байяртъ* (*біяртъ, ярть*)—Bollard (?); *бемсъ дукъ* — böhmisch Tuch; *бланкетенгъ* (*бланкетенъ*) — Blankard (Англ. blanket); *брюкишъ* — brüggesch; *гюльдянъ* (*гундянь*) *аделяръ* — gulden Adelaar = golden Adler; *енкель кямелинкъ* — enkel (= einfach) Kämmling (Голл. Kammeling); *енень зегель*—enen (= einen) Segel; *ерепа* — irisch Laken; *карзай* или *карза* — Kersey (изъ графства Кентъ); *киперсь* и *кипирсь* — Keper или Köper; *колеръ дерой* — couleur de roi; *колтырь* — Colchester (?); *лякень* (*лякененъ, лакенъ, лакель*) — Laken = Tuch; *лянепарги* (*лянепяръ, лянеперъ*) — Lamparillas (Фр. nompareilles); *Маххелень, Меххелень* — Mecheln, отсюда *махелсхе маахтъ* — mechelnsche Maacht; *мынстеръ лякень* — Münster-Laken; *мышенское* — messinesche (во Фландріи); *нордярсь* (*нордярсъ*) — Nordertücher; *оитярваинь* (*утровимъ, утруфимъ*) — utterfine; *умебонде зегель* — umgebunden Segel; *шарлатъ* — Scharlach (Фр. écarlate); *штендельсхе* (*штенденьсхе*) *лякененъ* — stendalsch Laken; *шхотцхе карзай* — schotlische Kersen.

7) Дополн. къ Акт. Историч. т. VII. стр. 104.

8) Ист. Гос. Рос. т. VI. прим. 140.

9) Дополн. къ Акт. Историч. т. I. стр. 191. 192. 198. 199. 201. 209.

10) Ист. Гос. Рос. т. X. прим. 426.

11) Калачевъ. Арх. истор. и практ. свѣд. 1860—1861 г. кн. IV. стр. 47—49.

12) Суворовъ. Опис. Волог. Соф. соб. М. 1863. стр. 139.

13) Описн. кн. 97 г. № 665; 150 г. № 679; 190 г. № 140.— Вывѣсн. кн. 137 г. № 127.— Переп. кн. 148 г. № 678.

14) Описн. кн. 150 г. № 679.

15) Переписн. кн. 148 г. № 678.

Сукня = Сукманъ верхняя одежда. «Сукня черчатая съ нашивкою шелковой, круживо мишурное» [1]). — «Шутихѣ сдѣлана сукня сукно настрафиль, черлено; сукна пошло $3^1/_4$ арш., по 20 алт. аршинъ; на подоплеку 2 арш. крашенины лазоревой; на опушку около ворота 7 верш. киндяку зеленого $1^1/_2$ алт., нашита нашивка шелкъ зеленъ; пугвицы оловяные 9 алт.; всего сукнѣ цѣна 2 р. 12 алт. съ деньгою» [2]).

1) Изв. Имп. Археолог. Общ. т. III. стр. 59.

2) Забѣлинъ. Дом. бытъ Рус. нар. т. II. Матер. стр. 140.

Сулеба оружіе (въ родѣ меча?). «Сулеба булатная, черенъ буйволовой, оправа серебреная, золочена въ дву мѣстехъ съ чернью; цѣна 4 р.— Сулеба булатная, на черену и на крыжу оправа серебреная, на крыжу жъ у обѣихъ сторонъ и на концѣ у черена 3 запоны; цѣна всему 3 р. съ полтиною.—Сулеба, ножны строченыя; цѣна 3 алт. 2 д.—Сулебная булатная *полоса*, безъ черена; цѣна 2 рубли» [1]).

1) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 131.

Сулица 1) вообще остріе: «якы козелъ копіину сулицю (αἰχμὴν) имѣя въ ютробѣ» [1]); 2) короткое метательное копье: «Ляхомъ крѣпко борюще, и сулицами мечюще и головнями, яко молнья идяху» [2]); 3) Копье, насаженное на скепище: при нашествіи татаръ въ 1376 г., въ русскомъ войскѣ «рогатины и сулицы и копья не приготовлены, а иніи еще и не насажены быша; тако жъ и щиты и шоломы» [3]). Князь Даніилъ Романовичь (въ 1231 г.) «видивъ брата (Василька) добрѣ борющася, и сулици его кровавѣ сущи, и оскѣпищю исѣчену отъ ударенья мечеваго» [4]). Названіе сулицы взято отъ сохранившагося въ нѣкоторыхъ мѣстахъ донынѣ глагола *сулять*, который значитъ: совать, толкать [5]). Пѣвецъ Игоревъ называетъ сулицы ляцкими, т. е. польскими: «кое ваше златыи шеломы и сулицы ляцкіи и щиты» [6]). Линде приводитъ слово sulica какъ вышедшее изъ употребленія [7]).

1) Востоковъ. Слов. церк.-слав. яз.
2) Лѣтоп. по Ипат. сп. изд. 1871. стр. 538.
3) Царств. кн. Спб. 1788. стр. 52. — Древній Лѣтоп. ч. I. Спб. 1774. стр. 300.
4) Лѣтоп. по Ипат. сп. стр. 512.
5) Даль. Толк. Слов.
6) Рус. достопам. ч. III. стр. 172.
7) Linde, Słown. jęz. polsk.

Сустугъ упоминается въ древнѣйшей русской лѣтописи подъ 945 годомъ. Древлянскіе «мужи», которымъ мстила Ольга за смерть Игоря, несены были въ ладьѣ; «они же сѣдяху в перегъбѣхъ въ великихъ *сустугахъ* гордящеся» [1]). Карамзинъ думалъ, что сустуги «могутъ значить кривлянье» [2]). Соловьевъ производилъ это слово отъ «стягиванія» и полагалъ, что оно могло означать одежду [3]). По замѣчанію П. С. Савельева, «слово *сустугъ* доселѣ (въ 1851 г.) употребляется Мордвою для обозначенія нагруднаго металлическаго украшенія, носимаго ихъ женами, въ видѣ массивной застежки на платьѣ или рубахѣ. Во многихъ курганахъ находимы были подобныя украшенія, и это мордовское слово, употребленное въ древней лѣтописи, свидѣтельствуетъ о томъ, что нѣкоторые предметы туалетной рос-

коши, вмѣстѣ съ иностранными ихъ наименованіями, заходили въ половинѣ X вѣка на берега Днѣпра отъ поволжскихъ инородцевъ» [4]).

1) Лѣтоп. по Лавр. сп. 1872. стр. 55.
2) Ист. Гос. Рос. т. I. прим. 370.
3) Ист. Россіи. т. I. прим. 206.
4) Зап. Имп. Археолог. Общ. 1852 г. т. IV. переч. засѣд. стр. 125.

Сѣдла русскія дѣлались очень высокія и съ короткими стременами, которыя давали возможность свободно поворачиваться во всѣ стороны [1]); они оковывались золотомъ и серебромъ, украшались финифтью и мусіею, усаживались камнями, расписывались творенымъ золотомъ и красками. Въ Словѣ о полку Игоревомъ читаемъ: «ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощіево» [2]). — Въ описяхъ значатся сѣдла крымскія, бухарскія, арапскія, черкасскія, турскія, кизылбашскія, московскія. Послѣднія дѣлались въ царскихъ мастерскихъ. О подробностяхъ сѣдельныхъ приборовъ и украшеній можно судить по слѣдующимъ выдержкамъ изъ описей сѣделъ Бориса Ѳеодоровича и князей Голицыныхъ: «Сѣдло полное, кована въ серебрѣ, дѣло чеканено — люди на конѣхъ, золочено все; тебенки серебряны, кованы, дѣло чеканное; на тебенкѣ по 2 человѣка на конѣхъ; тебенки и люди золочены всѣ, а кони бѣлы; стремяна серебряны; около ихъ рѣзаны слова — имя Бориса Ѳедоровича; да на нихъ мишени, рѣзаны травы. — Сѣдло старой Крымъ, краски на лазори, кайма на бѣли, писано золотомъ, на стелкѣ бархатъ червчатъ съ золотомъ; крылца и вошвы шиты золотомъ и серебромъ по бархату по чорному, а въ середкахъ врѣзано у крыльецъ бархатъ червчатъ, по немъ шито золотомъ и серебромъ; гвозди пупыши серебряны бѣлы; снасть у нево шолкъ червчатъ; наконешники серебряны, пряжи у снасти желѣзные; стремена желѣзные, тебенки бухарскіе круглые, писаны на краскахъ; на немъ снималникъ лазоревъ суконной аглинской; войлоки ординскіе бѣлы, пушены отласомъ алымъ, подложены крашениною лазоревою. — Сѣдло тамошнее бухарское, писано золотомъ творенымъ по червчатой землѣ; кайма писано золотомъ по зеленой землѣ, въ каймѣ крапелки бѣлы; на стелькѣ саѳьянъ червчатъ; крыльца нахтермяны шиты шолкомъ; въ торокахъ 2 петли серебряны; гвоздье желѣзное; тебенки московскіе писаны золотомъ по алой землѣ; кайма писано золотомъ по зеленой землѣ; снасть нахтерменна; стремена желѣзны; войлуки съ головейцомъ пушены бархатомъ, шолкъ червчатъ да зеленъ да жолтъ; вершокъ на войлокѣхъ саѳьянъ червчатъ; на немъ снималникъ сукно червчато. — Сѣдло бухарское тамошнее, краски писано московскими на зеленой землѣ золотомъ сусальнымъ съ образщики; настелка саѳьянъ червчатъ; гвозди и кольца

желѣзные; снасть и тебенки нахтерменны шиты шолки; стремена желѣзные; на немъ снималникъ лазоревъ суконной; войлуки съ головейцомъ пушены бархатъ цвѣтной» [3]). — «Сѣдло, луки и извѣсть окованы серебромъ рѣзнымъ, подушка и крылца и тебенки бархату зеленого, у подушки ввяски серебряныя, снасть сафьянная, стремена желѣзныя; цѣна 20 рублевъ. — Сѣдло, верхъ бархатной, оправлено золотомъ, каменьи — бирюзы, лалы и яхонты; стремена желѣзныя, позолочены; 100 рублевъ. — Сѣдло съ крылцами и съ тебенками, бархатные, турецкіе, по червчетой землѣ шито волоченымъ золотомъ; 4 руб.» [4]). Женскія сѣдла дѣлались съ висячими подножками [5]).

1) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 79.

2) Русск. достопам. ч. III. стр. 112.

3) Зап. Имп. Археол. Общ. т. XI. Спб. 1865. стр. 307—310. — Въ описн. кн. патр. дом. казен. пал. 1722 г. ркп. гл. 33 (л. 110 об.—111 об.) описываются «седла и узды, что̀ бываютъ на осляти, и орчакъ и чехлы и подседелникъ: седло с приступомъ здѣлано креслами, обиты бархатомъ зеленымъ з бахрамою шолковою лазоревою; подпруги тесма шолковая, пряжки серебреныя.—Два седла с приступами, оклеены бархатомъ чернымъ. — Седло немецкое зделано креслами, кругомъ оклеены саѳьяномъ чорнымъ.—Оръчакъ турской, покрытъ сукномъ вишневымъ, по мѣстамъ шито золотомъ волоченымъ. — Подседелникъ покрытъ сукномъ краснымъ, опушены бархатомъ вишневымъ, выпуски шиты золотомъ и серебромъ, бахрама шолковая. — Узда тесма шолковая, осиновая, оправа серебряная, золочена. — Узда обшита бархатомъ чорнымъ. — Два чахла ослячьихъ холстиные».

4) Розыск. дѣла о Шакл. Спб. 1885. т. IV. стлб. 323. 562.

5) Вельтманъ. Моск. оруж. пал. слов. стр. 59.

Сѣтка вязаный волосникъ, женскій головной уборъ. «Сѣтка шолку осинового съ золотомъ» [1]).

1) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 111.

Тарчъ. См. **Щитъ.**

Татауръ ременной поясъ съ металлическими наконечниками, въ родѣ употребляемыхъ монахами и послушниками, иногда вышитый золотомъ и серебромъ. Великій князь Димитрій Іоанновичъ Донской завѣщалъ (1389 г.) сыну своему «князу Ивану поясъ золотъ татауръ» [1]). У Монголовъ *татýур* означаетъ вообще затяжку, поясъ. Можетъ быть это названіе имѣетъ отношеніе и къ Перс. تاتوره *татуре* путы для лошадей, какъ замѣтилъ П. И. Лерхъ. Какъ Лат. compedes означало не только путы, но и украшеніе, которое женщины носили на ногахъ: такъ и تاتوره могло, кромѣ перваго значенія, имѣть и другое, относившееся къ одежтѣ.

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 61.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Тафта извѣстная шелковая ткань. По названію, образовавшемуся изъ Перс. تافته *тафтэ*, можно заключать, что первоначальный вывозъ ея къ намъ былъ изъ Персіи. По описямъ извѣстны тафты: Бурская, Вавилонская («ферези тафта Вавилонская»), Виницейская, Шамохейская, Китайская, Нѣмецкая, гунгулинная (у кафтана «подъпушка тафта гунгулинная») клеенка, такатцская («подкладка таѳта зеленая такатцская»). Въ торговой книгѣ означены «имена тафтамъ: *Шамская* тафта не лѣняетъ, широта ей $\overline{\text{д}}$ вершковъ, тонконита, безъ покромокъ; (купятъ по) $\frac{|\text{и}|\text{в}}{||}$ и $\frac{|\text{і}|}{||}$; а черчатая ино дороже $\frac{\text{і}|\text{в}|}{||}$. *Бурская* толстонита, какъ узоръ на ней, ширина $\overline{\text{д}}$ вершковъ, покромокъ нѣтъ; длина тѣмъ таѳтамъ (*Диз:* не одна; *Зап:* длина тѣмъ тафтамъ, каковъ косякъ мѣрою выдетъ) косякъ всяко, мѣря купятъ аршинъ $\frac{|\text{є}|}{||}$, $\frac{|\text{а}|}{||}$, $\frac{|\text{г}|\text{в}}{||}$ (*Зап:* купятъ аршинъ по 3 алтына съ деньгою, по 4 и по 5 алтынъ). Таѳта *Вѣнецыйская* (*Зап:* Виницейская, *Диз:* виницѣйка), широта еѣ полтора аршина, лѣняетъ, а иная не лѣняетъ; купятъ по $\frac{\text{к}|\text{а}|}{||}$ и $\frac{\text{і}|\text{д}|}{||}$; а длина всякой таѳтѣ $\overline{\text{р}}$ аршинъ, и боле и мене бываетъ; а добрая знати по краскѣ, коя не лѣняетъ, покромки хороши (*Диз:* широки) у тое таѳты. Таѳта *китайка* хуже всѣхъ, широта поларшина с покромью; купятъ аршинъ $\frac{|\text{в}|}{||}$, $\frac{|\text{г}|}{||}$. Таѳта *клеенка* (*Диз:* клеянка), одна сторона клеена (*Зап:* а другая нѣтъ), ширина пол-аршина; купятъ аршинъ $\frac{|\text{а}|\text{в}}{||}$ и $\frac{|\text{а}|\text{а}}{||}$ и $\frac{|\text{в}|}{||}$» [1]). По описямъ — изъ тафты шились опашни, ферези, тѣлогрѣи, роспашницы, кортли, шубы, шапки, чулки, бумажники, зголовья, одѣяла, завѣсы у постелей, каймы у тѣлогрѣй и одѣялъ; на тафтѣ вышивались кружива; тафту употребляли на подкладку, подпушку и подбивку платенъ, кафтановъ, терликовъ, зипуновъ, чюгъ, подлатниковъ, штановъ, роспашницъ, тѣлогрѣй, шубокъ, одѣялъ, на подольники и подкладку лѣтниковъ [2]); изъ тафты дѣлались знамена [3]).

1) Торг. кн. ркп. гл. 217.—Сн. Зап. Рус. и Слав. Археол. т. I. отд. III. стр. 128. — Кн. глагол. Дизимъ, ркп. л. 62 об. 63. Въ расходной книгѣ 1585 г. цѣна портища бурской тафты показана въ 2 рубля съ гривною. Дополн. къ Акт. истор. т. I. стр. 210. — Названіе *бурской* взято отъ «*Бурса* — стариннаго многолюднаго и торговаго города Французскаго, главнаго въ области Беррнской» замѣчено въ Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 339. А Карамзинъ говоритъ: «нѣтъ сомнѣнія, что такъ назывались у насъ ткани славныхъ фабрикъ города *Бурсы* въ древней Виѳиніи (Анатоліи), гдѣ жили султаны до взятія Константинополя». Ист. Гос. Рос. т. X. прим. 110.

2) Описн. кн. 97 г. № 665; 150 г. № 679; 190 г. № 140. — Вывѣсн. кн. 137 г. № 127. — Переписн. кн. 180 г. № 148.

3) Вывѣсн. кн. 137 г. № 127.

Тафья скуфья, шапочка, закрывающая плотно макушку головы. Слово تاقيه *такія* употребляется и теперь у Татаръ, которые иначе назы-

ваютъ ее توباتای *тюботай* отъ توبه *тюбе* — верхъ, маковка. Тафьи дѣлались изъ сафьяна, сукна, атласа, тафты, бархата, парчи; украшались серебромъ, золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. У Бориса Ѳеодоровича: «тафья шиты орлы двоеглавые конителью по отласу по червчатому, низана жемчугомъ съ берюзами. — Таѳья Крымская отласна синя, шита золотомъ» [1]). — У царя Михаила Ѳеодоровича: «тафья скорлатъ червчатъ; на ней запона золота, въ запонѣ 10 алмазовъ гранены, клинчаты, на верху въ репейкѣ на спнѣ яхонтикъ червчатъ; около запоны и тафьи въ обнизи 90 зеренъ гурмышскихъ.—Тафья скорлатъ червчатъ; на ней запона золота съ финифты; въ запонѣ 5 алмазцовъ четвероугольны, гранены, въ гнѣздахъ, да 4 зерна жемчюжныхъ на спняхъ; кругъ запоны и тафьи обнизано жемчюгомъ большимъ, а въ обнизкѣ жемчюгу 111 зеренъ» [2]). Въ выходахъ царя Алексѣя Михаиловича упоминаются тафьи: большая, первая, вторая, третья и четвертая [3]). У царя Ѳеодора Алексѣевича тафьи «бархатъ чернъ; — сафьянъ чернъ» [4]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.

2) Описн. кн. 138 г. № 128.

3) Вых. госуд. стр. 39. 15. 49. 30. 6. 32. — По ерлыку, царевича Димитрія Ивановича тафья «сукно червчато, на немъ по краямъ 64 зерна каѳимскихъ». Оп. кн. 190 г. № 140.

4) Тамъ же.

Тахтуй. См. **Тохтуй.**

Тебенекъ четырехугольный отрѣзокъ кожи, привѣшенный у сѣдла, для защиты ноги отъ тренія о стременной ремень. Тебеньки крымскіе (тамошніе), бухарскіе, московскіе [1]). У Киргизовъ и другихъ народовъ Средней Азіи и нынѣ употребляется слово تبنکی *тебеньга* въ томъ-же значеніи.

1) Описн. кн. 97 г. № 665. — Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 325: «тебенки *бархатные* зеленые, шиты волоченымъ золотомъ.

Тебенякъ = Кебенякъ.

Тегиляй одежда въ родѣ кафтана съ короткими рукавами и высокимъ стоячимъ воротникомъ, подбитаго хлопчатою бумагою или пенькою и насквозь простеганнаго. Тегиляи дѣлались изъ шелковыхъ, шерстяныхъ, бумажныхъ и холщевыхъ тканей; были въ-длину ниже колѣнъ, надѣвались въ рукава и застегивались пуговицами на груди. Ратники, не имѣвшіе средствъ дѣлать дорогіе доспѣхи, являлись на службу въ тегиляяхъ изъ толстаго сукна и другихъ недорогихъ тканей. «Три человѣка въ тегиляѣхъ, на двухъ шеломы, а на третьемъ шапка мѣдяна. — Три въ тегиляѣхъ, на двухъ шапки желѣзныя, на третьемъ бумажная» [1]). — Въ одной старин-

ной описи царскаго платья значатся: «тегиляй бархатъ венедитцкой шолкъ червчатъ на золотой землѣ, петли золоты и серебряны; опушенъ горностаемъ, подложенъ тафтою зеленою, безъ пугвицъ. — Тегиляй бархатъ венедитцкой рудожелтъ, стеганъ; круживо на немъ ткано шолкъ червчатъ съ серебромъ; на немъ, на вороту и по бокомъ, въ четырехъ мѣстѣхъ образцы аксамичены серебромъ по червчатому отласу; бахрама шолкъ голубъ; пуговки на немъ серебряны, угольчаты» [2]).

1) Историч. опис. од. и вооруж. рус. войскъ. ч. I. прилож. стр. CVI. CVII. и рис. 92.
2) Викторовъ. Опис. записн. кн. дворц. прик. вып. I. М. 1877. стр. 3.

Терликъ одежда похожая на узкій кафтанъ, только съ перехватомъ, съ короткими петлями и съ короткими же рукавами, которые были почти безъ сборокъ. У шеи, вдоль полъ, по подолу и у рукавовъ терлики по большей части обшивались серебрянымъ или золотымъ газомъ, жемчугомъ и каменьями [1]). — У Татаръ до сихъ поръ *терликомъ* называется нижняя одежда, которую они носятъ подъ халатомъ. У Монголовъ, по словамъ ламы Галсанъ Гомбоева, тэрлик *тэрлик* означаетъ халатъ, верхнюю одежду. Слово это извѣстно и Персіянамъ: по замѣчанію П. И. Лерха, Перс. ترلك *тирлик* или ترليك *тирлîк* и درلك *дирлик* или درليك *дирлîк* означаетъ платье съ короткими рукавами и спереди открытое (по словарю Бургани Катіи: قبای آستين كوتاه پيش واز). Терлики шились изъ бархата, камки, сукна — на подкладкѣ и на мѣху. Въ духовной грамматѣ князя Михаила Андреевича Верейскаго (1486 г.) значится «терликъ камка голуба, съ пугвицами» [2]). На свадьбѣ царя Алексѣя Михаиловича съ Маріею Ильичною (въ 1648 г.), при шествіи невѣсты изъ своихъ хоромъ въ Грановитую Палату, «передъ государынею шли свѣчники, коровайники и фонарники,.... а на нихъ были терлики золотые, на соболяхъ, и шапки черныя лисьи, горлатныя, да кушакн подпоясаны золотными; а даны имъ тѣ терлики съ казеннаго двора, а шапки и кушаки были свои; и ходили они въ терликахъ подпоясаны кушаками по три дни и за столы сажались въ терликахъ» [3]). У Бориса Ѳеодоровича были: «терликъ бархатъ червчатъ венедицкой, двоеморхъ. — Терликъ Руской камки стравинская, на синей землѣ шолкъ рудожолтъ да лазоревъ да зеленъ да алъ; подложенъ тафтою зеленою». — Въ возничей рухляди «терликъ возничей, на черевахъ на лисьихъ, бархатъ бурской шолкъ червчатъ да жолтъ.— 2 терлика суконныхъ: одинъ зеленъ, а другой вишневъ, на хрептѣхъ на заячьихъ» [4]).

1) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 18.
2) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 302.
3) Сахаровъ. Сказ. Рус. нар. т. II. кн. VI. стр. 87.
4) Описн. кн. 97 г. № 665.

Тесакъ оружіе пѣшаго воина, короткій, широкій мечъ [1]); по этому и всѣ его части назывались такъ же, какъ у сего послѣдняго; различіе между ними было только въ томъ, что тесакъ имѣлъ, вмѣсто двухъ, одно лезвіе [2]). Въ Оружейной Палатѣ хранится тесакъ, сдѣланный по повелѣнію царя Михаила Ѳеодоровича, мастеромъ Ниломъ Просвитомъ: тесакъ этотъ булатный, прорѣзной, превосходной работы, съ золотою насѣчкою и золотою же подписью на обѣихъ сторонахъ полосы: «Sy tesak sdeelan powelenіem gossudara tzaira i welikowo knesa Michaila Feodorowitcha vsea Rrusyi v paetoie leeto gossudarstwa iewo maesetza.... Po prikasu kraitschewo y oruschnitschewo Michaila Michailowitscha Saltikowa, deelal master Nial Proswit [3]).

1) Linde, Słown. jęz. polsk.: Tesak, tasak — miecz krótki szeroki.
2) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 63.
3) Вельтманъ. М. Оруж. Пал. М. 1860. стр. 239. 272. — Др. Рос. Госуд. отд. III. стр. 112 и рис. 611.

Тесмякъ, Тесма, Тур. تاسمه и سمه *тасма*, опояска въ родѣ ленты съ пряжкою и крюкомъ на концахъ. Тесмяки дѣлались золотные, серебреные, шолковые, гарусные, полотняные, бумажные; дорогіе украшались золотомъ и серебромъ; отличались отъ поясовъ тѣмъ, что были большею частію уже ихъ. Въ Выходахъ государей тесмяки и тесмы упоминаются очень часто — иногда кратко: «кафтанъ становой; тесмякъ» [1]), или: «кафтанъ становой отласъ червчатъ, тесма» [2]); а иногда съ нѣкоторыми подробностями, напр. «тесмякъ тесма меншая» [3]), «тесма болшая» [4]), ...«лутчея» [5]), ...«алмазная» [6]), ...«тесма съ крюки золотыми» [7]), «кафтанъ ѣздовой, ...тесма съ крюки алмазными» [8]), «кафтанъ ѣздовой холодной, ...тесма золотная съ крюки алмазными» [9]), «кафтанъ отласной алой, ...тесма серебрена, крюки и наконечникъ золоты съ алмазы» [10]).

1) Вых. госуд. стр. 185. 256.
2) Тамъ-же, стр. 246. 259. 319. 320. 345.
3) Тамъ-же, стр. 165. 245. 246.
4) Тамъ-же, стр. 44. 45. 47.
5) Тамъ-же, стр. 319—330.
6) Тамъ-же, стр. 688.
7) Тамъ-же, стр. 597. 633.
8) Тамъ-же, стр. 643.
9) Тамъ-же, стр. 667.
10) Тамъ-же, стр. 690.

Тетива. См. **Лукъ, Самострѣлъ.**

Тиронъ турмалинъ, драгоцѣнный камень.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Въ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ поется:

«Почему тѣ стрѣлки дóроги?
Потому они дóроги,
Что въ ушахъ поставлено по тирону,
По каменю по дóрогу самоцвѣтному» [1]).

1) Древн. Рос. стихотв. М. 1818. стр. 24.

Токъ металлическій наконечникъ или оковка трости, древка (напр. стяговаго) и т. п. «Токъ отъ знамени серебреной, цѣна 40 алт. — 2 тока отъ знаменъ мѣдные, цѣна 10 алтынъ» [1]).

1) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 136.

Томара. См. **Стрѣлы.**

Топорище. См. **Топоръ.**

Топоръ, Топорецъ, Топорокъ (ср. Перс. تبر *табар*) [1]) оружіе, похожее на нынѣшній обыкновенный топоръ. Остріе топора называлось *лезомъ*, задняя сторона — *тыльемъ* или *обухомъ*. По обѣимъ сторонамъ леза и по обуху дѣлались серебряныя и золотыя насѣчки, наводились золотомъ травы, репьи, мишени. Топоръ утверждался желѣзною или мѣдною *закрѣпкою* съ *шипомъ* на деревянномъ или желѣзномъ *топорищѣ*, которое *поволокалось*— или все, или только по серединѣ либо на концѣ — хзомъ, сукномъ. атласомъ, бархатомъ и оканчивалось иногда металлическимъ наконечникомъ. Въ лѣтописяхъ упоминается о топорахъ подъ 1071 годомъ, при разсказѣ о появленіи двухъ волхвовъ или кудесниковъ въ Ростовской области: «Яневи же идущю с топорцемъ, выступиша отъ нихъ 3 мужи.... сунушася на Яня, единъ грѣшися Яня топоромъ. Янь же оборотя топоръ удари ѝ тыльемъ».— Подобнымъ образомъ «сиць бѣ волхвъ всталъ при Глѣбѣ Новѣгородѣ.... Глѣбъ же возма топоръ *подъ скутомъ*, приде къ волхву.... вынемъ топоръ, ростя ѝ» [2]). — У Бориса Ѳеодоровича были топоры Турскіе — широкіе и узкіе: «Топоръ турской широкой; лезь по обѣ стороны наведенъ каймы золотомъ по обѣ стороны мишени; отъ мишень наведены по 4 репьи; на обухѣ и по сторонь обуха наведены мишени золотомъ; закрѣпка желѣзна; на закрѣпкѣ шипъ желѣзной, грановитъ; отъ обуха и на концы обнято желѣзомъ, по серединѣ волочено газомъ чорнымъ. — Топоръ турской узкой съ обухомъ; по обѣ стороны лезу, по обуху мишени и травы наведены золотомъ въ каймахъ; закрѣпка желѣзна; на закрѣпкѣ шипъ желѣзной грановитъ; подъ обухомъ въ топорищѣ гвоздь желѣзной; а закрѣпки по обѣ стороны мѣдяны; топорищо желѣзное; на концѣ рукоядь поволочена

газомъ чорнымъ» [3]). Въ оружейной палатѣ Кириллова Бѣлоезерскаго монастыря было «пятдесятъ одинъ топорикъ *подорожныхъ*, новыхъ, всѣ съ топорищами крашеными; одинъ в нихъ *с пистолью и с обушкомъ*» [4]). — Для торжественнаго пріема царемъ чужестранныхъ пословъ рындамъ выдавались особенные, *нарядные* топоры съ золотою и серебряною насѣчкою. «Подлѣ царя», — пишетъ Котошихинъ, — «по обѣ стороны стоятъ рынды, четыре человѣка, наряжены въ бѣлое платье камчатое на горностаяхъ, въ шапкахъ бѣлыхъ же высокихъ, и въ сапогахъ, а въ рукахъ держатъ по топору нарядному зъ золотомъ и съ серебромъ; а бываетъ на тѣхъ рындахъ платье и топоры царское; а люди они первой и другой и третей статьи родовъ, боярскіе дѣти» [5]).

1) Замѣтимъ мимоходомъ, что отъ слова تبر производятъ названіе *Табаристана* (страны «топоровъ»), который Греки называли *Тапуріею* Ταπουρία, Ταπυρία, Ταπηρία. *Мельг.* О южн. бер. Касп. моря (въ Зап. Акад. Наукъ. 1863. т. III. кн. II). стр. 10. 11.

2) Лѣтоп. по Лавр. сп. изд. 1872. стр. 171. 175. 176.

3) Описн. кн. 97 г. № 665.

4) Описн. кн. Кирил. Бѣлоез. мон. 1668. ркп. л. 743.

5) О Россіи. Спб. 1859. стр. 51.

Торлопъ женская верхняя нарядная мѣховая одежда, то-же что кортель. О торлопѣ говоритъ Стоглавъ: «ино (одѣяніе) женамъ, якоже имъ носити и глаголемыя торлопы, ихже имѣютъ обычай и причетницы носити, златомъ и бисеромъ и каменіемъ украшены, и сіе неподобно есть причетникомъ тако украшатися женскимъ одѣяніемъ [1]). Въ описяхъ: «торлопъ черева бѣльи. Торлопъ бѣлей черевей подъ тафтою подъ лазоревою подъ широкою; вошвы бархатъ на золотѣ шолкъ червчатъ да зеленъ; подольникъ червчатъ» [2]). Въ 1576 г. стрѣлецкій сотникъ Розваринъ заложилъ Прилуцкаго монастыря казначею «торлопъ куней, а на немъ поволока дороги лазоревы, вошвы бархатъ цвѣтной».

1) Стогл. гл. Ф. Казань. 1862. стр. 386. 387.

2) Забѣлинъ. Дом. бытъ Рус. нар. т. II. изд. 2-е. стр. 643 и Матер. стр. 17. 42. 45.

3) Акты Юрид. стр. 266. 444.

Торокъ или **Торочекъ**, тесемка, ленточка, снурокъ, гайтанъ. Въ отпискѣ отъ 24 іюня 1681 г. въ царскій походъ требовалось «.... торочковъ бѣлого, жарково, червчатого, алово» [1]).

1) Дом. бытъ Рус. нар. т. II. изд. 2-е. Матер. стр. 129.

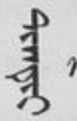
Торочка 1) оторочка, обшивка по краямъ лентою, тесьмою, кожею или какою-нибудь тканью въ видѣ ленты; 2) строчка въ шитьѣ иглою.

Торочковый обшитый по краямъ или по швамъ, выстроченный. «Три сорочки полотняныхъ, нашивка торочковая».

1) Дом. бытъ Рус. нар. т. II. изд. 2-е. Матер. стр. 32.

Торчь щитъ съ рукою и кинжаломъ. «Торчь булатной черенъ каменой сизъ, шлякъ и оковы золоты, ножны по хзу по черному, оковы серебреные позолочены съ рѣзью, поцѣпка шолкъ червчатъ съ золотомъ» [1]).

1) Дом. бытъ Рус. нар. т. II. изд. 2-е. Матер. стр. 44.

Тохтуй. См. **Саадакъ.** У Монголовъ  *токтуй* или *доктуй* означаетъ вообще чехолъ, а частнѣе — кожаный чехолъ, сдѣланный по формѣ лука и употребляемый для защиты его отъ сырости и для ношенія на плечѣ [1]). У царя и великаго князя Ивана Васильевича былъ «Тохтуй по бѣлой тафтѣ шитъ золотомъ да серебромъ клѣтчатъ, по немъ по всемъ пелепелы серебрены золочены; на одномъ углу по той же тафтѣ въ каймахъ репьи шиты золотомъ да серебромъ» [2]).

1) Зап. Археолог. Общ. т. II. стр. 355.
2) Прих.-расх. кн. 139 г. № 755.

Травы. См. **Узоръ.**

Тресилка, Тресило привѣска къ серьгамъ. «Две тресилки алмазныя, в нихъ средния камень грушами; две тресилки алмазныя, подвѣшены зернами Бурмицъкими; тресилка алмазная узломъ подвескою алмазною. Тресило яхонтовое лазоревое, подвѣшено зернами бурмицъкими з бролиантами. Две тресилки яхонтовые красные с алмазами, подвешены зернами бурмицкими. Две тресилки звездочками яхонтовые красные с алмазами» [1]).

1) Зап. Имп. Археолог. Общ. т. XI. Спб. 1865. стр. 600 и 601.

Треухъ шапка съ тремя лопастями. Такія шапки носились мущинами и женщинами, но нѣсколько различались по виду. Изъ подъ женскихъ треуховъ обыкновенно виднѣлись подзатыльники, унизанные жемчугомъ, какъ видно на портретѣ царевны Маргариты Алексѣевны, хранящемся въ Московской Оружейной Палатѣ. Верхи этихъ треуховъ дѣлались изъ дорогихъ тканей: алтабаса, атласа, зарбаѳа; исподъ и опушки изъ пластинъ собольихъ; поверхъ опушки украшенія изъ круживъ, золотыхъ запонъ, жемчужныхъ зеренъ и драгоцѣнныхъ камней. Таковы треухи царицы Агаѳіи Симеоновны. «Треухъ алтабасъ по золотной землѣ травы, кубы серебряны;

исподъ и опушка пластины собольи; вмѣсто кружива запаны золоты съ каменьи съ алмазы и съ яхонты червчатыми, съ городы; кругомъ запанъ обнизано жемчугомъ скатнымъ.—Треухъ отласъ Виницейской по золотной землѣ травы и розводъ шолкъ червчатъ; исподъ и опушка пластины собольи; кругомъ опушки поверхъ низано жемчугомъ каѳимскимъ. Треухъ отласъ алъ; исподъ и опушка пластины собольи, кругомъ опушки поверхъ низано жемчугомъ [1]). Съ треухомъ имѣетъ сходство и нынѣ употребляемый въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ деревенскими жителями *малахай*. Это — мѣховая шапка на мѣху же съ четырьмя лопастями, изъ коихъ двѣ бо́льшія и длинныя закрываютъ уши и щеки и даже обматываются вокругъ шеи и завязываются на затылкѣ, а двѣ небольшія закрываютъ затылокъ и лобъ. Въ другихъ мѣстахъ малахаемъ называютъ родъ кафтана, носимаго безъ пояса, на распашку.

1) Зап. Имп. Археол. Общ. т. XI. стр. 402. 403.

Трокъ широкая тесьма или ремень съ пряжкою для укрѣпленія сѣдла или попоны на спинѣ лошади. «Трокъ, цѣна 6 ден. [1]).

1) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 161.

Трость. См. **Жезлы, Посохи.** «Въ трости сибирское лекарство ленза; цѣна 16 алт. 4 д. Трость, а на ней рожечикъ, оправленъ серебромъ, на одномъ концѣ оправы нѣтъ» [1]). «Трость съ запаною алмазною» [2]).

1) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 43. 99.
2) Вых. госуд. стр. 692.

Трубы ратныя были мѣдныя и серебряныя. Для украшенія привѣшивались къ нимъ шнуры съ кистями или шелковыя четвероугольныя завѣсы съ золотою и серебряною бахрамою и съ такими же кистями [1]). Трубы—Литовскія и Московскія [2]). «5 трубъ вороненыхъ съ снуры гарусными; цѣна 5 р.—2 завѣса (отъ трубъ) тафты алой, писаны золотомъ, кругъ ихъ кайма тафты зеленой, съ бахрамою шолковою; цѣна рубль. 2 завѣса шелковыхъ плетеныхъ съ золотомъ и съ кистми, цѣна рубль. Отъ трубъ 8 снуровъ шелковыхъ съ кистми; цѣна 16 алт. 4 д. [3]).

1) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 103—106.
2) Зап. Имп. Археол. Общ. т. XI. стр. 307.
3) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 133. 134.

Трунцалъ, Струнцалъ растянутая канитель; шелковая нить, обвитая канителью. Употреблялся при вышиваньѣ и при низаньѣ. «Вошвы по

бархату по чорному дѣланы трунцаломъ. — 11 пугвицъ низаны жемчугомъ съ трунцаломъ» [1]). У науруза «веревки трунцалны».

1) Зап. Имп. Археолог. Общ. т. XI. стр. 324. 375. 376. 392.
2) Времен. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос. кн. VII. отд. III. стр. 30.

Тряпки. См. **Бахрама.**

Тузлукъ украшеніе или принадлежность пояса. Въ духовной великаго князя Димитрія Іоанновича Донскаго: «сыну моему князю Петру .... поясъ золотъ съ калитою да съ тузлуки» [1]). Не происходитъ ли слово тузлукъ отъ Тат. تۇز *туз соль?* Не было ли и въ-старину обыкновенія, какое встрѣчаемъ нынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у простонародья, во время путешествія носить при поясѣ соль въ привѣшанныхъ къ нему сосудцахъ или *солоницахъ?*

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 61.

Тулея. См. **Копье, Рогатина.**

Тулумбазъ и **Тулунбазъ** небольшой бубенъ, состоявшій изъ булатной, желѣзной, мѣдной или деревянной чашечки, съ натянутой на верху ея кожей, по которой ударяли *вощагою*, то-есть шарикомъ, прикрѣпленнымъ къ короткой плети. Названіе тулумбаза Турецкое (تولوم (طولم طلوم) *тулум* значитъ мѣхъ, кожаный мѣшокъ, волынка; а تولومباز *тулумбаз* литаврщикъ [1]). — У Бориса Ѳеодоровича были тулумбазы Турскіе и Бухарскіе, украшенные позолотою, рѣзьбою, образцами, гранями, бархатными вошвами [2]); а у царя Михаила Ѳеодоровича одинъ тулунбазъ былъ «посеребрянъ; мишени серебряны позолочены, съ каменьями съ бирюзами и съ винисами; покрытъ хозомъ черленымъ; опушка и травка вшита хозь обьяринной» [3]). Пѣшіе носили тулунбазы въ лѣвой рукѣ, а конные привязывали ихъ съ правой стороны къ лукѣ сѣдла, у котораго дѣлались для этого особыя подушечки [4]).

1) Diction. turc-français par Kieffer et Bianchi. Paris. 1835.
2) Описн. кн. 97 г. № 665.
3) Вывѣсн. кн. 137 г. № 127.
4) Истор. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 106. — Древн. Рос. Гос. М. 1853. отд. III. стр. 135. 136.

Тулъ = Колчанъ.

Тылъ, Тылье. См. **Мечъ, Ножъ, Сабля, Тесакъ, Топоръ.**

Тѣлогрѣя женская одежда съ длинными съуживающимися рукавами, покроемъ похожая на сарафанъ, на который и надѣвалась [1]). Тѣлогрѣи шились изъ атласа, камки, кутни, объяри, тафты, зарбафа, алтабаса, бай-

берека; *холодныя* — на шелковой подкладкѣ съ подпушкою, а *теплыя* — на горностаяхъ, пупкахъ и пластинахъ собольихъ, черевахъ лисьихъ и бѣльихъ, съ мѣховою же опушкою; дѣлались съ проймами и безъ проймъ, украшались круживомъ или галуномъ; застегивались пуговицами, число которыхъ было неодинаково отъ 14 до 24 [2]). У одной изъ тѣлогрѣй царицы Агаѳіи Симеоновны былъ «исподъ черевей бѣлей, *нацвѣченъ горностаевыми хвостами*, съ пухомъ», т. е. съ мѣховою опушкою [3]). Съ тѣлогрѣею имѣетъ сходство душегрѣя, которая впрочемъ дѣлалась безъ проймъ [4]).

1) Покрой тѣлогрѣй показанъ, по кроильнымъ книгамъ 1634 года, у Вельтмана въ слов. къ Оруж. Пал. стр. 60 и 61: «декабря 14, государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Евдокіи Лукьяновнѣ скроена тѣлогрѣя.... длина шубѣ по передамъ 2 арш., позади длина 1 арш. 15 верш.; въ плечахъ 1 арш. $^1/_2$ верш.; въ подолѣ ширина 3 арш.; рукава длина съ полустану 2 арш. 1 верш.; въ корени рукава ширина 6 верш.; въ запястьѣ ширина $2^1/_2$ верш.; проймы на мышкахъ отъ передовъ $^1/_2$ арш.; воротъ 9 верш.; проймы длиною 5 верш.». Другая: «длина по передамъ 2 арш. $^1/_2$ верш.; въ плечахъ 1 арш. 2 верш.; въ подолѣ ширина 3 арш.; рукавамъ длина съ полустану 2 арш. 2 верш.; проймы отъ ворота 6 верш.; а пронято проемъ 5 верш.».

2) Зап. Имп. Арх. Общ. т. XI. стр. 381—384. 398—401. 407—412.

3) Зап. Имп. Археол. Общ. т. XI. стр. 407.

4) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 340: «душогрѣя моа лисья». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вологодской губерніи шьются нынѣ тѣлогрѣи большею частію парчевыя, а не *штофники*; на душегрѣи употребляется штофъ.

Тѣльникъ небольшой крестъ, носимый подъ одеждою на тѣлѣ, на груди. Тѣльники дѣлались золотые, серебряные, мѣдные, оловянные, каменные, деревянные; украшались жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; носились на гайтанѣ или на цѣпочкѣ. Концы у каменныхъ тѣльниковъ дѣлались металлическіе. «Крестъ, золотъ литой тѣлникъ, наведенъ чернью; гойтанъ шолкъ червчатъ, на немъ два королка невелики» [1]). «Женская цѣпочка на ней семь крестовъ, все серебряное, цѣна 5 рублевъ; другая цѣпочка женская жъ съ крестомъ, цѣною 2 рубли» [2]). Тѣльники, въ случаѣ надобности употреблялись вмѣсто печати: «Запечатали есмя (духовную) хресцемъ тѣлникомъ поповымъ Ивановымъ» [3]).

1) Забѣлинъ. Бытъ Рус. нар. т. II. изд. 2-е. Матер. стр. 43.

2) Изв. Импер. Археолог. Общ. т. III. стр. 61.

3) Акты Юрид. стр. 440.

Тюфякъ ружье, отъ Турецкаго توفنك *тӱфэнкъ* и *туфэк* ружье. Въ описи 1687 года: «пара тюфяковъ короткихъ винтовальнихъ Тимофѣева дѣла Лученинова, стволы рѣзные посеребрены, на концѣ по орлу и пояски золочены; замки аглинское дѣло рѣзные золочены и серебряны; станки яблоновыя почернены, а въ нихъ врѣзываны раковины прорѣзныя; противъ рако-

винъ разводы и гвоздье серебреные, по концамъ у станковъ и трубки у забойниковъ (шомполовъ) серебряны рѣзные золочены, ольстры (чушки) бархатъ цвѣтной по желтой землѣ и окладено круживомъ серебрянымъ» [1]).

1) Вельтманъ. Моск. Оруж. Пал. слов. стр. 63.

Убрусъ полотенце, длинный платъ; имъ обвивали или покрывали голову. «Знаменайтеся — говорилъ князь Ярославъ дружинѣ, — повивайте себе убрусы голову [1]). Какъ женскій головной уборъ, убрусы дѣлались изъ тонкаго полотна или изъ легкихъ шелковыхъ тканей; *очелье* или *чело* и концы ихъ вышивались разноцвѣтными шелками съ золотомъ и серебромъ, унизывались жемчугомъ. Въ описяхъ находимъ: «7 убрусцовъ тафтяныхъ по концомъ низаны жемчюгомъ. 2 убруспа низаны. 4 убруса: 3 шиты серебромъ, 4-й съ золотомъ, 2 полки убрусные простые» [2]). Передъ вѣнчаніемъ Евдокіи Лукіановны Стрѣшневой съ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ (5 февраля 1626 г.) «какъ государынѣ голову зачесали и на государыню кику и покровъ положили, и покрыли убрусомъ; а убрусъ былъ унизанъ жемчугомъ съ дробницами золотыми». — Тоже и передъ вѣнчаніемъ Маріи Ильиничны Милославской съ царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ (16 января 1648 г.) [3]).

1) Лѣтоп. по Синод. сп. изд. 1888. стр. 83.
2) Дом. бытъ Рус. нар. т. II. Матер. стр. 29. 32. 44.
3) Сахарова. Сказ. Рус. нар. т. II. кн. VI. стр. 78. 89.

Узды дѣлались изъ шелковой тесьмы, сафьяна, хза, которыя украшались оковами — серебряными съ позолотой и мѣдными съ позолотой же, серебряными переченками и гвоздиками; въ наузольникахъ вставлялись камушки. Узды были ѣздовыя (для верховой ѣзды) и возничьи. Въ описяхъ значатся узды Черкасскія и дѣланныя по черкасски, Турскія, Полотскаго дѣла, Литовскія, Крымскія [1]).

1) Зап. Имп. Археолог. Общ. т. XI. стр. 311. 312.

Узлы нашивки въ видѣ узла, нашиваемые на одежду. См. Нашивки. «Чюга .... узлы таковы жъ съ каменьемъ и съ жемчюги, что на червчатой на двоеморхой чюгѣ. — Кафтанъ ѣздовой, байберекъ маковъ цвѣтъ, по немъ рѣки серебрены и травы золоты, исподъ соболей, нашивка узлы низаны жемчюгомъ съ каменьи съ изумруды» [1]).

1) Вых. госуд. стр. 286. 341.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Узоры на тканяхъ: барсы, вѣтье (вѣтви), глаголи («сакъ саженой з глаголи»), городы, грифы, деревца, драконы, звѣздки, звѣри, звѣрьки, зилы (s), змѣйки, инроги, каемки, клинцы, клѣтки, копыта, («камка лазорева копыта въ травахъ», «бархатъ копытчатъ»), коруны, косы, краплинки, кречаты, кречатье перо, круги (круги великіе, круги невеликіе, круги чешуйчаты), кружки, кубики (купки), кубы, кустики, лапки, лебеди, листье (листье косое, листье островато), личины, лоси, лучи, лученки, львы, люди стоячіе, сидячіе, крылатые («люди крылатые держатъ павы»), мужички, обводки, облачка, образины, олени, опахала, опахальца (= пахалцы: «камка зелена мелкотрава, по ней пахалцы»), орлики, орлы, орлы пластаные (двуглавые), павы, полосы, полоски, почечки, почки, птицы, репейки, репьи, рожи, розводы, рыбки, рѣки, струи, столбцы, травы, травки мелкія, цвѣты, челноки, черенки, чешуи, чорвочки (червячки), шахматы, шилцы, яблочки, ягоды. Иногда на одной ткани соединялись разные узоры; напр. «бархатъ Турецкой золотной по червчатой землѣ, по немъ *опахалы*, а въ нихъ *круги*, въ кругахъ *репьи* шолку червчатого по золотной землѣ» [1]). По различію узоровъ и сами ткани назывались клинчетыми, клѣтчатыми, копытчатыми, лученчатыми, полосатыми, репейчатыми, струйчатыми, травными, мелкотравчатыми, цвѣтными, чешуйчатыми, двоеличными («бархатъ двоеличный, шолкъ голубъ да рудожелтъ»). Конечно и названіе «хрущатый» или «крущатый» взято отъ кружковъ и значитъ «кружчатый» или «кружковый» [2]); на это значеніе указываютъ слова народный свадебной пѣсни:

«Ты камка ли, камочка моя,
Ты камка *мелкотравчатая!*
Не давайся развертываться
Не по атласу, не по бархату,
Не по аксамиту на золотѣ.
Какъ аксамитъ-то волю взялъ,
Хрущату камку развернулъ,
Всѣ узоры повысмотрѣлъ,
Всѣ *круги* позолоченые»....

Кромѣ узоровъ, *вытканныхъ* на самыхъ тканяхъ, нарядныя и торжественныя одежды и уборы украшались еще узорами *низанными* жемчугомъ и *шитыми* золотомъ, серебромъ и шелками. По описямъ извѣстно низанье прямое, вкось, въ гездъ, въ три пряди, въ шахматы, въ рясную или рясою [3]). По преданію знаемъ слѣдующіе узоры вышиванья золотомъ и серебромъ: ягодка съ черенкомъ, ягодка съ рядками или въ рядкахъ,

ягодка простая, денежка съ крестикомъ, денежка съ однимъ стежкомъ, денежка простая, крестикъ, клопчикъ тройной, клопчикъ двойной, клопчикъ одинокой, копытечкомъ въ пять стежковъ, копытечкомъ въ четыре стежка, рядки [4]). Сюда же должно отнести *строченье* волоченымъ золотомъ, серебромъ и шелками, которое было въ одну, двѣ и три петли или строки: «наурузъ строченъ шолкомъ бѣлымъ. По казу строчено золотомъ волоченымъ въ одну петлю.— Саадакъ нахтермянъ, строченъ въ три строки серебромъ и золотомъ волоченымъ. — Лубье нахтермянно, строчено шолкомъ въ двѣ строки, промежъ шолковъ строчено въ строку серебромъ волоченымъ [5]).

1) Описн. кн. патріар. домов. Казен. Пал. 1722 г. ркп. л. 72 об.

2) Какъ и названіе «хрещатый» или «крещатый» происходитъ отъ крестовъ и означаетъ «крестчатый» или «крестовый»: «на облаченіе сакъ (саккосъ) рудожелтой кресчатой. — Сакъ малые кресты. — На каженіи сакъ болшіе кресты». — Уст. Новгор. Соф. соб. ркп. л. 33 об. 29 об. 30 и др.

3) Зап. Имп. Археол. Общ. т. XI. стр. 280. 281. 288. 289. 291. 300. 318. 320. 321. 338. 339. 340. 345. 347. 348. 353. 356. 360. 374. 375. 376. 377. 379. 381. 382. 388—392. 394. 397. 402. 403. 405. 406. 410. 412.

4) Эти названія были сообщены Х. С. Савваитовой.

5) Зап. Имп. Археол. Общ. т. XI. стр. 288. 291. 305. 309. 389.

Узчина, Усчина узкій холстъ. По Домострою: «Разсудный отецъ у кого дочь родится.... купитъ полотна, усчины, ширинки, убрусы и рубашки по вся годы и ей кладетъ въ оприменной сундукъ». «А у домовитой жены полотенъ и усчинъ и холстовъ надѣлано» [1]).

1) Домост. ркп. гл. 20 и 34.

Уледи или **Уляди** и **Моршни** (Поршни) особенные роды обуви. Уляди въ родѣ тупоносыхъ катаныхъ котовъ, обранченныхъ кожею, съ ушками для продѣванія привязокъ. *Моршни* — обувь изъ бычьей сыромятной кожи, обмотанной вокругъ ноги. Тѣ и другія привязывались къ ногамъ веревками. При пожарѣ въ Устюжскомъ Прилуцкомъ монастырѣ въ 1597 г. «рознесли грабежомъ.... обуи, сапоговъ и улядей и моршенъ, и кожъ дубленныхъ на 5 рублевъ съ полтиною» [1]).

1) Лѣтоп. зан. Археограф. Ком. вып. III. Спб. 1865. отд. II. стр. 7. У Даля (словарь): «поршни не шьются, а гнутся изъ одного лоскута сырой кожи или шкуры, на вздержкѣ, очкурѣ, ременной оборѣ».

Устье металлическая оправа у верхней части ноженъ, подъ крыжемъ. «Ножъ стальной Турской.... черенъ кость волчья бѣла; устье мѣдяно; оковъ раковинной» [1]).

1) Зап. Имп. Археол. Общ. т. XI. стр. 300.

Утиральникъ. См. **Полотенце.**

Утрофимъ. См. **Сукно.**

Ухватъ конскій уборъ, надѣвавшійся поверхъ узды и закрывавшій ее. Ухваты дѣлались изъ разноцвѣтнаго и одноцвѣтнаго шелка, иногда съ золотомъ и серебромъ, въ видѣ столпцовъ (веревокъ), къ которымъ прикрѣплялись кисти съ ворворками. «Ухватъ на дву столпцѣхъ; на столпцѣхъ по 5 кистей шолкъ... съ золотомъ да съ серебромъ; а по верху кистей 11 ворворокъ.... низаны жемчугомъ» [1]). По обѣимъ сторонамъ ухвата, у налобника и у переносья прикрѣплялись кованныя изъ золота или серебра круглыя бляхи, которыя назывались *кованцами* [2]).

1) Зап. Имп. Археол. Общ. т. XI. стр. 313.
2) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 31. LV.

Участокъ дорогая ткань по золотной, серебряной или шелковой землѣ съ разноцвѣтными травами. У царя Михаила Ѳеодоровича были: «платно новое участокъ по зеленой землѣ; платно участокъ золотной, по зеленой землѣ, въ травахъ розные шолки». У царя Алексѣя Михаиловича: «платно участокъ по серебреной земли травы золотныя, въ травахъ шолки червчатъ да лазоревъ». У ѣздовой ферези «зуфь бѣла, подпушка участокъ золотной съ червчатымъ да съ зеленымъ шолкомъ» [1]). Въ описи царской казны 142 (1634 г.) значится цѣна участка по гвоздичной землѣ листье золото да серебряно $5^1/_2$ руб. за арш. [2]). «Козырь участокъ золотной» [3]).

1) Вых. госуд. стр. 30. 36. 201. 285.
2) Викторовъ. Опис. запис. книгъ и бум. дворц. прик. М. 1877. вып. 1. стр. 23.
3) Изв. Имп. Археолог. Общ. т. III. стр. 58.

Уши = Наушки.

Фараузъ. См. **Ѳараузъ.**

Фата большой продолговатый шелковый платъ, которымъ женщины покрываютъ голову и часть стана. Въ описяхъ значатся фаты: золотныя, и беззолотныя, бумажныя; фата цвѣтная выбойка Турская; фата полосатая, разные шолки. «Фата мидкалинная» [1]). «Фата Кизилбашская цвѣтная, травы золото съ шолки розныхъ цвѣтовъ; мѣрою — длина 3 аршина 3 вершка, ширина 2 арш. безъ дву вершковъ; цѣна 6 руб.». «Фата байберековая лазорева съ полосами, по краемъ каймы черлены; цѣна 3 руб.» [2]).

1) Забѣлинъ. Дом. бытъ Рус. нар. т. II. Матер. стр. 46. 51. 52 и др.
2) Описн. кн. 148 г. № 678.

Фатисъ камень, употреблявшійся преимущественно на пуговицы. «Пугвицы камень фатисъ. — Пуговицы камень фатисъ на золотныхъ спняхъ».

1) Вых. Госуд. стр. 12, 220 и мн. др.

Ферези, Ферезь и **Ферязи, Ферязь** верхняя одежда длиною почти до лодыжекъ, безъ перехвата и воротника, съ длинными съуживающимися къ запястью рукавами; напереди застегивалась пуговицами (отъ 3 до 10) съ длинными петлицами, или схватывалась завязками [1]). Ферези дѣлались *лѣтнія*, *холодныя* — на подкладкѣ, а *зимнія*, *теплыя* — на мѣху. Были ферези и безъ рукавовъ; онѣ зимою поддѣвались подъ кафтанъ: «подъ тотъ же становой кафтанъ поддѣвалъ государь ферези тафта червчета исподъ черева бѣльи, безъ рукавъ». — «Ферези безрукавные, отласъ червчатъ, исподъ пупки собольи» [2]). Въ малыхъ выходахъ государей ферези замѣняли кафтанъ, на нихъ прямо надѣвали опашень или однорядку. Ферези *пздовыя* или *ферезьи* надѣвались на обыкновенныя ферези или на чюгу [3]). У Бориса Ѳеодоровича ферези были изъ бархата, объяри, атласа, тафты, камки, зендени, дорогъ и сукна; на подкладкѣ изъ тафты Виницейской и Шамской, съ подпушкою изъ атласа или камки Бурской и одомашки, съ круживомъ и образцами, съ пуговицами и съ плоскими завязками; а одни ферези безъ наряду [4]). У царя Алексѣя Михаиловича ферезь изъ золотнаго бархата, съ канительнымъ серебрянымъ круживомъ по золотной объяри [5]). У царя Ѳеодора Алексѣевича ферезѣи были: холодныя — золотныя изъ бархата, атласа, объяри и изъ сукна, съ круживомъ; на объяринной, зарбафной, камчатной и дорогильной подкладкѣ; теплыя—изъ бархата и объяри, съ круживомъ, съ собольими исподами, ожерельями и выпушками; нѣкоторыя безъ ожерельевъ [6]). Женскія ферези носились подъ лѣтникомъ (?), на нихъ надѣвалась шуба или другое длинное и широкое платье съ застежками или пуговицами [7]). У Турокъ есть мужская и женская одежда, называемая فراجه *ферадже*, обыкновеннѣе *фередже*. У женщинъ это — верхнее длинное платье съ широкими рукавами и висячимъ сзади воротникомъ; а у мущинъ — длинное же платье въ родѣ подрясника [8]).

1) Покрой ферези показанъ по кроильнымъ книгамъ 135 г. № 1156: «марта 14, скроены государю (Михаилу Ѳеодоровичу) ферези объярь червчата; длина з запасомъ 2 арш., въ плечахъ аршинъ съ полуторымъ вершкомъ; рукава съ полустану 2 аршина безъ чети; по подолу з запасомъ 3 арш. съ четью; пошло объяри 9 арш. съ вершкомъ; на подкладку тафты жолтые 2 аршина». По кроильнымъ же книгамъ 137 г. сентября 1 «скроены государю ферези *пздовыя* скорлатъ червчатъ: длина по передомъ 2 арш. безъ полувершка, по заду 2 аршина безъ полутретья вершка; ширина въ плечѣхъ аршинъ съ двѣма вершки; рукава длиною съ полустану 2 арш. безъ чети; въ ласткахъ пол-аршина; по подолу 3 арш. 6 вершковъ; скорлату пошло 4 арш. безъ трехъ вершковъ». По кроильнымъ же книгамъ 139—146 г. № 1157 «скроены государю ѳерези таѳта ала Виницейска, взята с Казенного двора: длина фереземъ 2 аршина, ширина въ плечехъ аршинъ съ вершкомъ, в подолѣ ширина 3 аршина 2 вершка; рукава длина полтора аршина, въ корени 8 вершковъ, в запястье ширина 3 вершка». У Вельтмана въ слов. къ Оруж. Пал. стр. 64 покрой ферези для царя Алексѣя Михаиловича показанъ слѣдующій: «длина по передомъ 2 арш. 2 верш., позади 2 арш. $1^1/_2$ верш., въ плечахъ ширина $15^1/_2$ верш., рукава длина отъ стану $1^1/_2$ арш., въ корени 7 верш., въ запястьѣ 3 верш.; въ подолѣ ширина 4 аршина». — Забѣлинъ. Дом. бытъ рус. нар. т. II. Матер.

стр. 140: «потѣшнику Науму Слѣпому здѣлано.... ферези киндякъ лимонной, на подпушку зендени 1 арш. безъ чети, на подкладку пол-5 арш. крашенины лазоревой, на настилку бумаги хлопчатой полфунта; нашивка шолкъ черленъ съ мишурою, всего ферезямъ цѣна рубль 3 алт. 3 д.».

2) Вых. госуд. стр. 345. 550. Въ описи имѣнія М. Татищева (Времен. Кн. VIII отд. III. стр. 1): «ферези *корсачьи*, киндякъ цениненъ, нашивка торочковская тово жъ киндяка».

3) Строевъ. Указат. къ Вых. госуд. стр. 100.

4) Зап. Имп. Археол. Общ. Т. XI. стр. 280. 281. 282. Нарядныя бархатныя ферези хранились въ чехлахъ, которые застегивались пуговками.

5) Зап. Имп. Археол. Общ. Т. XI. стр. 338.

6) Зап. Имп. Археол. Общ. Т. XI. стр. 360. 361. 362.

7) Ист. Гос. Рос. т. X. стр. 280 и т. VII. прим. 399.

8) Diction. turc-français par Kieffer et Bianchi. Въ Тверской губерніи ферезью называется и нынѣ сарафанъ. См. Древн. Рос. Госуд. отд. IV. стр. 82.

Финифть, иногда **Винифть** эмаль на разныхъ металлическихъ вещахъ, но болѣе на пуговицахъ. Она была черная (чернь), бѣлая, голубая, зеленая, лазоревая и другихъ цвѣтовъ. «Пугвицы золочены черезъ грань финифтъ чернъ. — Пуговицы серебрены золочены, Нѣмецкое дѣло, бѣлой финифтъ съ камешки съ червчатыми. — Пуговицы золоты съ каменьи, съ бѣлымъ да съ зеленымъ финифтомъ» [1]). «Арчагъ, оклеенъ ящуромъ на лукахъ и на известяхъ, 10 мишеней серебряныхъ съ винифтью, золочены, въ нихъ по камню» [2]).

1) Вых. госуд. стр. 5, 220, 264 и мн. др.

2) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 144.

Фляга, Фляжка. Носилась на перевязи во время пути, при конскомъ нарядѣ, сверхъ чюгъ. Въ описи 1682 года «фляшка серебреная золочена съ разными финифты, посередь фляшки наведенъ орелъ съ бѣлымъ финифтомъ; въ ней часы» [1]). См. **Цѣпь.**

1) Вельтманъ. Оруж. Пал. Слов. стр. 64.

Фофудья восточная драгоцѣнная ткань, изъ которой дѣлались одежды. По сказанію лѣтописей царь Леонъ (912 г.) одарилъ Олеговыхъ пословъ «золотомъ и паволоками и фофудьями», давая эти ткани кусками, а не въ видѣ шитыхъ одеждъ. На такое заключеніе наводитъ лѣтописное сказаніе при перенесеніи мощей кн. Бориса и Глѣба въ 1115 году «повелѣ Володимеръ метати (къ Кіевской лѣтописи точнѣе *ръжючи* розметати) паволокы, фофудью и орничѣ, бѣль, людемъ силно налегшимъ, а быта легко дошли церкве» [1]). Метать въ народъ ткани конечно нельзя было иначе, какъ «рѣжючи» цѣльные поставы на куски, а допускать будто для этого рѣзали въ куски одежды — не мыслимо. Но такъ какъ именами тканей назывались

и одежды изъ нихъ [2]), то въ этомъ послѣднемъ значеніи фофудья (фуфудотъ) соотвѣтствуетъ Еврейскому אפוד *ефодъ* или *ефудъ* [3]) amiculum humerale, для котораго употреблялась ткань изъ золота, крученаго виссона [4]) и изъ пряжи голубаго, пурпуроваго и червленаго цвѣта; это была одежда первосвященника; подобную надѣвали и цари [5]). У Римскихъ императоровъ такая одежда называлась paludamentum. У насъ, пишетъ М. А. Максимовичъ, «съ половины 12-го вѣка, вмѣсто фофудій являются *оксамиты*.... Напр. въ Кіевской лѣтописи (1164 г.): «И присла царь дары многи Ростиславу оксамиты и паволоки и вся узорочья разноличныя» или въ Словѣ о Полку Игоревѣ: «злато и паволоки и драгія оксамиты»... Тутъ оксамиты вмѣстѣ съ паволоками и золотомъ, — какъ у Нестора фофудьи». — «А затѣмъ», — продолжаетъ Максимовичъ свое, во всякомъ случаѣ, любопытное сообщеніе,—«слѣдуютъ уже Половецкія *орътмы*, япончицы, кожухи... Мнѣ удалось вычитать въ извѣстномъ словаркѣ Половецкомъ слово *artmak* - bissaccium, т. е. саквы, и послѣ этого положительнаго свѣдѣнія, не для чего бы, кажется, вдаваться въ иллюзію, что *ортмы — одежды*, изъ за слѣдующихъ за ними япончицъ и кожуховъ, которыя также были въ Половецкомъ обозѣ вмѣстѣ съ саквами, какъ и оксамиты, и паволоки, и золото... Не для чего бы и замѣнять ихъ *орницами* (которыхъ значеніе подлежитъ еще новому изслѣдованію, хотя и можно съ вѣроятностію причислять ихъ къ мѣховому товару), какъ это сдѣлалъ покойный Вельтманъ, а за нимъ и Майковъ» [6]).

1) Лѣтоп. по Ипат. сп. изд. 1871. стр. 23. 202. Сн. Лѣт. по Лаврент. сп. 1872. стр. 37. 276.

2) Припомнимъ слова, сказанныя Кузмищемъ убійцѣ Амбалу: «ты нынѣ в оксамитѣ стоиши, а князь нагъ лежитъ». Лѣт. по Ипат. сп. изд. 1871. стр. 401.

3) Дюканжъ приводитъ изъ находящагося въ Парижской библіотекѣ (ind. 2487) рукописнаго житія св. Алексія слѣдующее мѣсто: ἔστι δὲ Ἑυραϊκὴ λέξις τὸ ποικίλην λεπτὴν, ῥένδαν Βαβυλονικὸν φουφουδοτὴν καλὴν, ὕγουν χλαμύδα βασιλικὴν χρυσῆν. τινὲς δε στολὴν, ὕφασμα, ἱμάτιον etc. Du Cange Glossar. med. et inf. graecit. t. II. appendix. col. 163. 164.

4) Исх. 28, 4—6. По Катал. при Библіи, изд. М. 1750: «вѵссонъ — родъ лена (льна) преизящнаго и весма бѣлаго».

5) При перенесеніи ковчега въ Іерусалимъ, Давидъ былъ одѣтъ въ אפוד בד (висонный или льняной ефодъ). 2 Цар. 6, 14 и 1 Парал. 15, 27.

6) Въ письмѣ отъ 4 авг. 1870 г.

Фузея ружье. «Фузея нѣмецкая, стволъ весь золоченъ, петли и скобка и наболдашникъ и доска противъ замка прорѣзная золочена; цѣна 6 руб.— Фузея нѣмецкая, на стволу мишень серебреная, скоба и наболдашникъ и доска серебреная, стволъ посеребренъ, ложе орѣховое.— Фузея двоестволная, стволы вороненые, по нихъ по три мѣста золочено, одинъ стволъ винтовалной, другой гладкой, ложа съ костьми и съ раковины» [1]).

1) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 128. 129.

Хамьянъ недорогая шелковая ткань, употреблявшаяся для подпушки и нашивки у одеждъ.

Харалугъ (Джагат. قرالوق *каралук* = Персид. پولاد *пулад*) булатъ, сталь. **Харалужный** булатный, стальной. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ копья, мечи и чепи (цѣпы, которыми молотятъ) называются харалужными [1]).

1) Рус. достопам. ч. III. М. 1844. стр. 64. 84. 106. 166. 194.

Хозъ [1]) козловая выдѣланная кожа, сафьянъ. Употреблялся на пояса, сапоги, чеботы, башмаки, на ножны сабель и шпагъ, на обшивки и наволки тулумбазовъ, на тохтуи, саадачное лубье, узды, принадлежности сѣделъ и проч. [2]).

1) Писалось иначе *хозь* и *козь*; въ другихъ падежахъ — *иза*, *казу*, *изомъ*, *казомъ*, *кзомъ*, *хзомъ*, *хозомъ* и т. п.

2) Зап. Имп. Археол. Общ. т. XI. стр. 296—300. 308. 311. 314. 326. 328. 333. 341.

Холодникъ = Лѣтникъ. «Холодникъ, объярь, цвѣтъ бруснишной, круживо серебро съ городы, подпушка отласъ красной, 17 пугвицъ золоченыхъ серебреныхъ неболшихъ; у ней (sic) на ерлыкѣ написано «царевны Ѳеодосіи Алексѣевны»; цѣна 12 руб. [1]).

1) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 206.

Холстина, Холстъ льняная, а также бумажная и пенковая ткань. «16 аршинъ холста вощаного алифленого, темнозеленой цвѣтъ. — 250 аршинъ холсту посконного. — Въ трехъ комнатахъ стѣны и подволоки обиты холстами и полевкашены. — Образъ Спасовъ, въ столярной рамѣ, писанъ по холсту. — Персона святѣйшаго Іоакима патріарха, писана по холстамъ, въ рамѣ» [1]).

1) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 14. 49. 90. 427. 546.

Хонжаръ = Кончаръ.

Хоругвь, Хорюговь. См. **Стягъ.**

Храпъ у самострѣла упорка къ колеврату для его удержки или остановки. См. **Самострѣлъ.**

Хрещатый крестчатый. См. **Узоры.**

Хрущатый кружчатый. См. **Узоры.**

Цата подвѣсъ, прилагаемый къ иконамъ. «Цата образовая золота чеканная съ каменьи» [1]).

1) Вельтманъ. Оруж. Пал. Словарь. стр. 43.

Цвѣтъ. Цвѣта имѣли слѣдующія названія, изъ коихъ многія употребляются и нынѣ: алый, аспидный, багровый, бирюзовый, блѣдный, брусничный, бурнатный («сукно бурнатно»), бурый, бусый, бѣлоголубой, бѣлый, васильковый, вишневый, гвоздичный, голубой, гунгулинный (ангулинный), дикій, дымчатый, еринный, жаркій, желтый, жемчужный, зеленый, золотой, изумрудный, инбирный, кирпичный, коричневый или коричный, крапивный, краснобагровый, красновишневый, красномалиновый, красный, кропивный, лазоревый, лимонный [1]), маковый, малиновый, мелинный, мурамнозеленый, мясной, нагой (тѣльный), облакотный (облачный), объяринный (т. е. съ отливомъ), огненный («огненный цвѣтъ, а жаркой тожъ»), осиновый, палевый, песочный или песчаный, померанцовый, пурпуровый, розовый, рудожелтой, сахарный, свѣтлобагровый, свѣтлобрусничный, свѣтловишневый, свѣтлоголубой, свѣтлодымчатый, свѣтлозеленый или празеленъ, свѣтлокоричневый, свѣтлокропивный, свѣтлолазоревый, свѣтлолимонный, свѣтломаковогуляфный, свѣтломалиновый, свѣтлоосиновый, свѣтлопесочный, свѣтлорудожелтый, свѣтлосиній, свѣтлосоломенный, свѣтлосѣрый, серебряный, сизовый, сизый, синій, сливный, смородинный, соломенный, сѣрогорячій, сѣрый, таусинный или темновишневый, темнобагровый, темнобрусничный, темногвоздичный, темноголубой, темнозеленый, темнокоричневый, темнокропивный, темнолазоревый, темнолимонный (тмолимонный), темномаковый, темномалиновый, темноосиновый, темнопесочный, темносиній, темносѣрый, темнотаусинный, ценинный [2]), чалый, червленый [3]), червчатый, черный, чубарый, шафранный, яринный [4]).

По различію цвѣтовъ, *земля*, то есть главная, основная поверхность ткани, на которой наводились узоры, называлась алою, бѣлою, голубою, червчатою, черною и проч.; а иногда просто—*аль:* «на алѣ шолкъ бѣлъ съ золотомъ рѣки и листье»; *багрецъ:* «на багрецѣ шолкъ бѣлъ съ золотомъ круги безъ связокъ, розвода золота», или *багровь:* «на багровѣ шолкъ зеленъ съ золотомъ листье, розвода золота»; *бѣль:* «на бѣли крушки золоты мелкой узоръ»; *вишневь:* «на вишневѣ шолкъ червчатъ съ серебромъ мелкой узоръ»; *голубь:* «на голуби розные шолки безъ золота мужики и птицы»; *жолть:* «на жолти шолкъ червчатъ, зеленъ, лазоревъ клинцы»; *зелень:* «на зелени шолкъ бѣлъ съ золотомъ косы»; *лазорь:* «на лазори шолкъ съ золотомъ косы»; *рудожолть:* «на рудожолти шолкъ червчатъ да чорнъ круги»; *синь:* «на сини шолкъ червчатъ, бѣлъ, зеленъ съ золотомъ круги розвода клѣтчата»; *черевецъ:* «на черевцѣ розные шолки съ золотомъ»; *черн:* «на черни розные шолки съ золотомъ листье какъ ручки, а межъ листье извѣстки (читай: и звѣздки) и копытца золоты» [5]).

1) Въ Вых. госуд. стр. 436: «зуфь *лимонна, а коричной цвѣтъ* тожъ.

2) По замѣчанію И. Е. Забѣлина въ письменныхъ памятникахъ XVII столѣтія «словомъ *цѣнинный* обозначается фарфоръ и фаянсъ, росписанный преимущественно *синею* краскою.... образцы или кафли, покрытые *синею* поливою, назывались ценинными». Зап. Импер. Археол. Общ. т. VI. Спб. 1855. стр. 278.

3) Въ Собр. госуд. грам. и догов. ч. II. М. 1819. стр. 72: «уготоваютъ царьскій чертогъ.... и облекутъ его *всечервленымъ червьцемъ*, и отъ того чертожнаго мѣста постилаютъ *червьчатъ* поставъ».—О различіи цвѣтовъ багроваго и червленаго Дубенскій дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «*червлѣнь* и *баиръ* или *багоръ* переводчики прежде не различали; но первое слово отвѣчаетъ греческому κόκκινον (coccus Polonicus), а второе *баиръ*—слову φοινικοῦν, краска изъ морскихъ раковинъ». Рус. достопам. ч. III. стр. 45.

4) По Строеву: «голубой тожъ яринный». Вых. гос. стр. 206 и Указ. стр. 102. По Слов. церковно-слав. и рус. языка: «ярина 1) бѣлая шерсть или волна бѣлаго цвѣта; 2) широкое полотно, окрашенное зеленою краскою».

5) Врем. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос. кн. VII. отд. III. стр. 8—33.

Цка или **Дска** 1) доска: «ковчегъ вдѣланъ во цку» [1]); 2) металлическая или картонная пластинка, которую обвивали шелкомъ, унизывали жемчугомъ и усаживали каменьями: «шапка царская низана жемчугомъ по золотой дскѣ, съ золотыми пелепелы.—Кика.... на ней цка золота, по цкѣ въ репьяхъ каменье въ гнѣздѣхъ.—Кика.... у ней цка серебряна золочена» [2]); 3) мѣховая пластина: «цки черевьи песцовыя бѣлы, да цки бѣльи» [3]). «Цки черева лисьи чернобуры».—«Цки хрепты бѣль съ рукавы да зендень червчата» [4]).

1) Акты Археогр. Эксп. т. III. стр. 275.
2) Зап. Импер. Археол. Общ. т. XI. стр. 352. 389. 390.
3) Акты историч. т. I. стр. 335.
4) Прих.-расх. кн. 139 г. л. 72. Прих.-расх. кн. 135 г. № 737.

Цѣпки по нынѣшнему тамбуръ. Шитье или вязанье крючкомъ петля-въ-петлю, цѣпочкою, называлось шитьемъ или вязаньемъ *въ цѣпки:* «круживо золото да серебро съ шолкомъ съ лазоревымъ, дѣлано въ цѣпки» [1]). Такое круживо называлось *цѣпковымъ:* «круживо цѣпковое золотное волоченое съ серебромъ; на немъ репьи серебрены.—Круживо цѣпковое на аксамитное дѣло» [2]).

1) Описн. кн. 97 г. въ арх. Оруж. Пал. № 665.
2) Вых. госуд. стр. 317. 319.

Цѣпь (Чепь) золотая съ наперснымъ животворящимъ крестомъ составляла всегдашнюю принадлежность собственно царскаго наряда, который назывался иначе нарядомъ Большой Казны и употреблялся при торжественныхъ выходахъ, напр. въ великіе праздники, при разныхъ церковныхъ «дѣйствахъ», при пріемѣ пословъ и т. п. «На государѣ былъ *нарядъ царской:* крестъ, діадима второго наряду, чѣпь золотая колчета, платно царское....,

кафтанъ царской становой...., тесма, зипунъ...., шапка царская съ лаломъ, рукавъ аксамитной, жезлъ царской. — На государѣ былъ *нарядъ Большіе Казны:* крестъ, діадима середнея, чѣпь золота колчета, платно царское...., кафтанъ становой царской...., тесма, зипунъ...., жезлъ царской, рукавъ аксамитной» [1]). Цѣпь изъ плоскихъ золотыхъ колецъ, нашитыхъ на бархатъ или на атласъ, называлась *перевязью:* перевезь крущатая золотая съ надписью: «въ сей перевези государь вѣнчался царьскимъ вѣнцомъ».— «На государѣ былъ нарядъ царской: крестъ, діадима первого наряду, перевезь золота колчата, платно царское» и проч. [2]). Перевязь называлась и *окладнемъ:* «окладенъ золотъ по кольцамъ съ одну сторону рѣзана подпись Пресвятые Троицы да полное имя государя царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи; вѣсу 3 гривенки 29 золотниковъ. На немъ мѣшечикъ камка черлена на бумагѣ, подложенъ тафтою желтою. — Окладень большой золотъ: въ немъ 21 запона и съ орломъ, съ алмазы и съ зерны Гурмышскими; вверху два каменя изумруды висячіе на спнѣхъ, на нихъ по зерну гурмышскому; въ исподи подъ орломъ на спнѣ камень яхонтъ лазоревъ висячій, на немъ зерно гурмышское» [3]). Звенья цѣпей дѣлались изъ золотыхъ колецъ, круглыхъ, граненыхъ, камфаренныхъ, репьеватыхъ, витыхъ или плетеныхъ, коробчатыхъ, ребристыхъ и плоскихъ, которыя украшались иногда финифтью и драгоцѣнными камнями; дѣлались звенья и крестообразныя, огнивчатыя, змѣйками, кружками («перевезь крущатая»); на кольцахъ вырѣзывались священныя изображенія, имя и титла царскія и т. п. Таковъ золотой окладень царя Михаила Ѳеодоровича, состоявшій изъ 89 плоскихъ колецъ [4]), на которыхъ съ одной стороны вырѣзано «богословіе» о Пресвятой Троицѣ съ молитвою и именованіе царя Михаила Ѳеодоровича «съ титлы». Такова, по описи 1682 года, перевязь царя Алексѣя Михаиловича, на которой было вырѣзано именованье государя, также «съ титлы»; она потомъ была передѣлана для царя Ѳеодора Алексѣевича: «къ его великого государя царскому вѣнцу убавлено 11 колецъ». Въ той же описи значатся: цѣпь у наперснаго креста «золотая звенчата троегранна»; у другаго наперснаго креста «золотая звенчатая же»; далѣе «перевязь золотая колчатая изъ 100 колецъ.... подложена отласомъ червчатымъ» [5]). Цѣпь съ наперснымъ крестомъ обыкновенно надѣвалась на шею поверхъ бармъ; такъ изображались цари русскіе на современныхъ имъ портретахъ и картинахъ. При царскихъ походахъ перевязи или окладни надѣвались черезъ плечо поверхъ чюги: 23 сентября 1652 года «пошелъ государь къ Троицѣ живоначальной въ Сергіевъ монастырь; а на государѣ было платья: зипунъ...., чюга...., кушакъ съ ножемъ болшой, окладень болшой, ферези..., шапка...., посохъ каповой» [6]). На перевязяхъ при-

вѣшивалась *амагиль* или *фляжка:* «13 іюня 1653 г., въ походъ на Дѣвичье поле, царю Алексѣю Михайловичу была подана «перевезь алмазная съ амагилью золотою». «Тогожъ дни ввечеру отпущено для перемѣны .... перевезь золота колчета, чѣпи пятерныя, плащи съ алмазы; фляшка королекъ бѣлъ».—19 сентября 1675 г., при царскомъ походѣ въ Троицкій Сергіевъ монастырь, на царевичѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ была «перевезь золота звенчата, звена литые да звена чѣпи съ алмазы и съ яхонты червчатыми; фляшка хрусталная съ каменьи жъ»; и 3 октября, на обратномъ пути, «перевезь была со фляшкою хрусталною, что съ каменьи, та жъ, въ которой шолъ государь царевичъ изъ Москвы» [7]). Въ амагили или фляжкѣ носились часы: «перевезь ...., амагиль серебрена золочена съ орломъ, въ ней часы. — Перевезь золотая съ чернью; фляшка золотая съ чернью жъ съ орломъ, въ ней часы. — Перевезь золота колчата съ чернью; натруска золота съ чернью жъ, въ ней часы золоты» [8]). Носили перевязи и безъ фляжки: 4 августа 1653 года, на царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, при смотрѣ рейтаръ на Дѣвичьемъ полѣ, была надѣта «перевезь золота колчета съ бѣлымъ финифтомъ, безо фляшки, подложена отласомъ червчатымъ» [9]). Въ описи государева большаго наряда 1642 г. значится 12 золотыхъ цѣпей; между ними: чепь золота, кольца гладкія; въ ней 201 кольцо; вѣсу 3 гривенки 14 золотникъ. Чепь золота съ парсоною, одни кольца дорожчаты, другія витыя; въ ней 260 колецъ, вѣсу и съ парсоною 3 гривенки» [10]).

1) Вых. госуд. стр. 344. 345 и мн. др.
2) Тамъ же, стр. 287. 478 и др.
3) Описн. кн. въ арх. Оруж. Пал. № 681. л. 27 и 28.
4) Въ Древн. Рос. Гос. отд. II. стр. 74 показано 89 колецъ и переписаны надписи, вырѣзанныя на каждомъ изъ нихъ; а у Вельтмана означено 88 колецъ. Оруж. Пал. изд. 1844, стр. 48 и изд. 1860. стр. 68. Великій князь Іоаннъ Даниловичъ Калита завѣщалъ (1328 г.) тремъ сыновьямъ своимъ по «4 чепи золоты». Собр. гос. грам. и догов. ч. I. стр. 31 и 32.
5) Описн. кн. 190 г. въ арх. Оруж. Пал. № 140.
6) Вых. госуд. стр. 269.
7) Тамъ же, стр. 285. 606. 608.
8) Тамъ же, стр. 286. 504. 560.
9) Тамъ же, стр. 293. 286 и др.
10) Описн. кн. 150 г. въ арх. Оруж. Пал. № 681.

Чалдаръ, Чандаръ, Чѳлдаръ конскій уборъ, состоявшій изъ металлическихъ бляхъ или пластинокъ, прикрѣпленныхъ къ сукну или къ бархату, и закрывавшій спину, бока и грудь лошади [1]). «Челдаръ байберекъ, травы серебряныя и золотыя, кругомъ круживо золотное съ кистми серебряными, опушка алая окладная, подложенъ кумачомъ; на немъ войлоки такія жъ, опушка объяринная; цѣна 30 руб.—Чалдаръ алтабасъ золото съ

серебромъ, кругомъ круживо серебряное съ городами, кисти серебряныя, опушенъ атласомъ червчатымъ, подложенъ кумачомъ; на немъ войлоки такія жъ объяри, опушены объярью, кругомъ голунъ серебряной» [2]).

1) Историч. описс. од. и вооруж. ч. I. стр. 33.
2) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 326.

Чапракъ, Чепракъ (Тур چاپراق чапрак) нарядная попона, покрывающая бедра лошади и надѣваемая подъ сѣдло; дѣлалась изъ сукна, атласа, бархата; украшалась шитьемъ и бахрамою. «Чапракъ шитъ волоченымъ золотомъ и серебромъ по червчатому бархату, подложенъ крашениною лазоревою, около его обшито бахрамою золотною. — Чапракъ шитъ золотомъ и серебромъ высокимъ швомъ, кайма отласная, по ней шито золотомъ и серебромъ, подложенъ крашениною красною. — Чепракъ суконной червчатой на немъ шиты травы и кайма, кругъ его бахрама шелковая» [1]).

1) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 148. 149. 328.

Чеботы, Чоботы (Перс. چابات) мужская и женская обувь похожая на глубокій башмакъ, съ каблуками и съ острыми, къ верху загнутыми носками. Чеботы обыкновенные дѣлались изъ сафьяна, а нарядные изъ атласа и бархата; вышивались золотомъ и серебромъ, унизывались жемчугомъ, усаживались драгоцѣнными камнями. Подошвы ихъ подбивались гвоздиками, а каблуки серебряными или желѣзными скобками. Въ духовной грамматѣ князя Димитрія Іоанновича, внука великаго князя Іоанна Васильевича, упоминаются «чоботы тимовы, по швомъ сажоны жемчугомъ Гурмыскимъ, и въ носкѣхъ и въ каблукѣхъ сажены жемчугомъ Гурмыскимъ» [1]). У царя Михаила Ѳеодоровича были «чоботы низаны жемчюгомъ травы по бархату по червчатому, *полуполныя*, на передахъ въ гнѣздахъ по 3 яхонты лазоревы, да по лалу, да по 5 изумрудовъ; подложены объярью червчатою; верхи оботканы золотомъ съ шолкомъ съ лазоревымъ; скобы серебряны» [2]). У царя Алексѣя Михаиловича были «чоботы, что даваны къ царскимъ платнамъ, по червчатому бархату низаны жемчугомъ, межъ жемчугу каменье, въ золотыхъ гнѣздѣхъ по лалу да по 3 яхонта лазоревыхъ да по 5 изумрудовъ, подкладка и подрядъ отласъ червчатъ; скобы серебряныя» [3]). У царицы Евдокіи Лукіановны чеботы бархатные, атласные и сафьянные, съ разными вышивками и украшеніями, были подбиты скобами — нѣкоторые серебряными, а другіе желѣзными [4]). Внутри на подошвы чеботовъ для мягкости и для тепла вкладывали стельки и хлопчатую бумагу. 1630 г. сентября 20 «въ государевъ въ Троецкой въ осенней походъ (взято) въ

царицыны чоботы полфунта бумаги хлопчатой битой» [5]). 1633 г. іюня 14 дано «за полсть валяную бѣлую 25 алт.; взята въ царицыны да въ царевнины чеботы на стельки и на колодки» [6]).

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 407.
2) Опис. госуд. больш. нар. 150 г. № 888.
3) Описн. кн. 150 г. № 679.
4) Описн. кн. 150 г. № 679. Въ 1631 г. августа 21, заплачено: «за 25 скобъ желѣзныхъ 10 алт. 2 д., подъ царицыны чеботы и башмаки».
5) Приход.-расх. кн. цариц. мастер. пал. № 755 л. 79.
6) Забѣлинъ. Дом. бытъ Рус. нар. т. II. Матер. стр. 111.

Чедыги = Ичеготы.

Челноки. См. **Узоры** на тканяхъ.

Чело, Очелье или **Челка** 1) передняя часть женскаго головнаго убора. «Челка низана великимъ жемчюгомъ.—Чело кичное золото съ яхонты и зъ жемчуги и зъ жемчужинами и съ плохимъ каменьемъ» [1]). 2) **Челка** стяговая — платъ или пелена, полотняная или шелковая, привязываемая къ стягу. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ названа чрьленою (червленою) [2]); въ лѣтописи: «потяша стяговника нашего, и челъку стяговую сторгоша со стяга» [3]).

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 32. 303. 406.
2) Русск. достопам. ч. III. стр. 52.
3) Лѣт. по Ипат. сп. изд. 1871 г. стр. 381.

Чембуръ поводъ, идущій отъ удилъ узды; ремень. Въ сказкѣ «Калинъ царь»

«Велѣлъ Татарамъ сохватить Илью;
Связали ему руки бѣлыя
Во крѣпки чембуры шелковые,
. . . . .
Изорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ» [1]).

1) Древн. Рус. стихотв. М. 1818. стр. 250. 251.

Чепь = Цѣпь.

Червецъ драгоцѣнный камень. «Въ закрѣпкахъ (у шапки) камешки червцы». — «Перстень съ чевцомъ (червцомъ)» [1]).

1) Собр. госуд. грам. т. I. стр. 342.

Черевецъ. См. **Наручи.**

Черевики, Черевинки, Черевички обувь въ родѣ башмаковъ съ высокимъ подъемомъ, съ каблуками и съ оторочкою по опушкѣ. «Баш-

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

мачки да черевинки Крымскіе сафьянъ алъ, писаны золотомъ»[1]). Въ народной пѣснѣ поется:

Ты москаль, а я католичка,
Ты въ лаптяхъ, а я въ черевичкахъ.

1) Прих.-расх. кн. цариц. маст. пал. № 755. л. 79.

Черенки. См. **Узоры** на тканяхъ.

Черенъ у крыжа. См. **Мечъ.**

Чернь финифть чернаго цвѣта на серебряныхъ издѣліяхъ. «Лубье саадашное, оправа серебряная съ чернью»[1]).

1) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 330.

Четки, Чотки нанизанные на нить шарики или бусы, концы которой связывались. Четки «ароматные, обложены, царевичу мать пожаловала государыня царица и великая княгиня Евдокія Лукьяновна»[1]). «Чотки черныя, дерева оливкого, съ кистью золотою. — Чотки костяныя, бѣлыя, на тесмѣ шолковой»[2]). «Чотки орѣховыя на проволокѣ, на нихъ 5 пронизей бѣлыхъ серебряныхъ»[3]).

1) Вельтманъ. Моск. Оруж. Пал. 1844. слов. стр. 67.
2) Розыск. дѣла о Шакл. т. I. стлб. 841.
3) Тамъ же. Т. IV. стлб. 44.

Чечакъ, Шишакъ. См. **Шеломъ.** Великій князь Иванъ Ивановичъ завѣщалъ сыну своему Димитрію «чечакъ золотъ съ каменьемъ, съ женчуги». Такой же чечакъ завѣщалъ и другому сыну князю Ивану. Въ духовной великаго князя Василья Іоанновича (1509 г.) «два чичака золоты; одинъ грановитъ, а на обѣихъ яхонты сини да зерна Гурмыские»[1]).

1) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 40. 42. 407.

Чешуи. См. **Узоры** на тканяхъ.

Чингалище кинжалъ.

Прибѣжавши Дунай къ молодой женѣ
Выдергивалъ чингалище булатное.
Царь Афромей на грудяхъ сидитъ,
Говоритъ таково слово:
А и нѣтъ чингалища булатнаго[1]).

1) Древн. росс. стихотв. М. 1818 стр. 100. 101. 144. 365.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Чомровое платье, надѣваемое въ пасмурную погоду.

Чулки шились изъ камки, тафты, зарбафа, атласа [1]); были *теплые* — на исподахъ черевьихъ песцовыхъ, бѣльихъ и лисьихъ и на пупкахъ собольихъ; *холодные* — на подкладкѣ, иногда съ подпушкою. Таковы были чулки царя Ѳеодора Алексѣевича, царицъ Евдокіи Лукіановны и Агаѳіи Симеоновны [2]). Чулки *вязеные* привозились изъ-за границы «Нѣмецкое дѣло» [3]). Для удержанія чулковъ на ногѣ употреблялись *подвязки* изъ тесемокъ, лентъ или поясковъ съ пряжками. «Подвяски сдѣлати тесма шолкъ червчатъ съ золотомъ, по краемъ шолкъ зеленъ, оковы золоты рѣзана съ чернью» [4]).

1) «Чюлки новые золотные, зарбавъ волнистой». Вых. госуд. стр. 633. Въ описи домашнему имуществу царя Ивана Васильевича упоминаются чулки *сафьянные*: «чулки сдѣлати сафьянъ свѣтлозеленъ, шитъ золотомъ и серебромъ, *полуполные*. — Чулки сдѣлать сафьянъ свѣтлой зеленъ, шиты шолки, *полные*».

2) Зап. Имп. Археолог. Общ. т. XI. стр. 368. 369. 387. 413.

3) Тамъ же. стр. 387.

4) Врем. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос. кн. VII. отд. III. стр. 8.

Чюга узкій кафтанъ, съ рукавами по локоть, приспособленный къ путешествію и верховой ѣздѣ, для чего онъ подпоясывался кушакомъ, поясомъ или тесьмою: «на государѣ было платье ѣздовое: зипунъ....; чюга бархатъ червчатъ, нашивка канитѣлная съ жемчюгомъ; кушакъ золотной по лазоревой землѣ съ ножикомъ; ферези ѣздовые....; шапка» [1]). Впрочемъ дѣлались чюги и съ долгими рукавами: у царицы Евдокіи Лукьяновны была «чюга Турская, съ долгими рукавами, отласъ золотной по лазоревой землѣ, обвода около золота серебряна» [2]). Онѣ шились изъ бархата, атласа, объяри, байберека, камки и сукна; *холодныя* — на подкладкѣ изъ тафты, кутни, мелей и дорогъ; съ подпушкою изъ атласа, объяри, камки, кутни и тафты; *теплыя* — на соболяхъ, куницахъ, черевахъ песцовыхъ [3]); украшались нашивкою, круживомъ, образцами, плащами; для застегиванія чюгъ нашивалось отъ 12 до 18 кляпышевъ, или отъ 10 до 22 пуговицъ съ петлями; у одной чюги Бориса Ѳеодоровича было «на вороту 24 петли золоты» [4]).

1) Вых. госуд. стр. 181. 269. 285. 288 и др.

2) Описн. кн. 150 г. въ арх. Оруж. Пал. № 679.

3) Покрой чюги показанъ, по кроильнымъ книгамъ, у Вельтмана въ слов. къ Оруж. Пал. стр. 68. 69: «іюня 8 (1646 г.) скроена государю чюга камка желта куфтерь, въ длину по передамъ $1\frac{3}{4}$ арш.; ширина въ плечахъ 10 верш.; въ подолѣ ширина 3 арш. 6 верш.; рукавамъ длина отъ стану 9 верш., въ корени ширина 6 верш.; камки вышло въ кроенье $7\frac{1}{4}$ арш.; подкладка тафта свѣтлозелена; подпушка камка червчата; пугвицы 22 канитель серебряна нашиты, что снята блаженные памяти отца ево государя царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи з бархатные гладкіе зеленые чюги; снурокъ положенъ серебрянъ новой; подкладка подъ ожерелье подложено изъ-подъ той же государевой чюги отласъ золотъ».

4) Зап. Импер. Археол. Общ. т. XI. стр. 286. 287. 338. 339. 355. 385. 386.

Чюсы. См. **Серьги.**

Чюфай верхняя одежда. «Здѣланъ чюфай изъ дороговъ кармазиновыхъ; пошли цѣлыя дороги, въ прибавку 2 арш. на подпушку аршинъ дороговъ зеленыхъ гилянскихъ, на подкладку 10 арш. крашенины, пришито 25 серебряныхъ пуговицъ» [1]).

1) Забѣлинъ. Дом. бытъ Рус. нар. т. II. Матер. стр. 144.

Шапки были разныхъ видовъ и имѣли разныя названія. Въ-старину Русскіе носили *высокія* остроконечныя шапки; потомъ стали носить шапки съ мягкою, придавленною къ головѣ тульею, отъ чего онѣ казались *низкими* и плоскими [1]). У простонародья шапки дѣлались изъ войлока, поярка, сукманины, — зимою съ мѣховымъ исподомъ и такою же опушкою; у людей богатыхъ и знатныхъ — изъ тонкаго сукна и бархата; у государей — изъ алтабаса, зарбафа, бархата, атласа и другихъ золотныхъ и шелковыхъ тканей, съ вышитыми или нашитыми украшеніями изъ золота, жемчуга и драгоцѣнныхъ камней. У большей части шапокъ дѣлались мѣховые *околы* или опушки, у другихъ — мѣховые же *заломы* или отвороты, съ одною и съ двумя прорѣхами или петлями, къ которымъ присаживались запоны, образцы, пуговицы и проч. У Бориса Ѳеодоровича были двѣ шапки изъ червчатаго скорлата съ петлями и круживомъ, низанными въ рясную: у одной на прорѣхѣ 6 жемчужныхъ пуговицъ, а надъ прорѣхою «запона кораблемъ съ раковиною»; у другой образцы съ бирюзою въ золотыхъ гнѣздахъ [2]). Запона состояла иногда изъ одного драгоцѣннаго камня или Бурмицкаго зерна, обведенныхъ камнями же меньшей величины или обнизанныхъ жемчугомъ. Къ запонѣ прикрѣплялось дорогое перо; напр. золотыя перья съ драгоцѣнными камнями были нашиты на шапки царей Іоанна и Петра Алексѣевичей; стальное перо съ алмазами было вставлено въ запану для царя Іоанна Алексѣевича [3]). Названія шапокъ были слѣдующія: каптуръ, клобукъ, кучма, мурмолка, наурузъ, столбунецъ, треухъ (см. эти слова), шапка горлатная и шапка черевья.

Шапки *горлатныя* дѣлались вышиною съ локоть, къ верху шире, а къ головѣ уже; онѣ обшивались лисьимъ, куньимъ или собольимъ мѣхомъ отъ горлъ (душекъ), отъ чего получили и названіе горлатныхъ; вершокъ ихъ дѣлался бархатный, парчевой или суконный, съ одною или двумя кистями изъ шелка, серебра, золота или жемчуга. У шапки Бориса Ѳеодоровича былъ «вершокъ шапошной оксаменъ золотомъ да серебромъ, по оксаменью саженъ жемчугомъ; у него 2 кисти: кисть золота да другая серебряна», съ жемчужнымъ зерномъ вмѣсто ворворки. У него же 6 шапокъ горлатныхъ черныхъ [4]).

Шапки *черевьи* отличались отъ горлатныхъ только тѣмъ, что вмѣсто мѣховыхъ горлъ употреблялись на нихъ черевины, отъ которыхъ дано имъ и названіе черевьихъ. 15 августа 1642 г. «кушалъ государь (царь Михаилъ Ѳеодоровичъ) у патріарха Іосифа, а на государѣ.... шапка столовая черевья» [5]).

Эти шапки составляли принадлежность обыкновенныхъ царскихъ нарядовъ и, по употребленію, назывались комнатными или ходильными, столовыми, панихидными, спальными, ѣздовыми; по богатству и особенностямъ украшеній, онѣ приспособлялись къ прочей одеждѣ: были шапки перваго, втораго и третьяго наряда, или первая, вторая, третья, большая, меньшая; шапка обнизная перваго наряда съ перомъ алмазнымъ; шапка бархатная двоеморхая червчатая съ большимъ орломъ; шапка бархатъ чернъ съ тафтяными петли; шапка сукно вишнево съ жемчюжными петли; шапка горлатная перваго наряда съ колпакомъ; шапка черевья лисья съ колпакомъ; шапка новаго дѣла; шапка дѣла околничаго Василья Ивановича Стрешнева и мн. др. [6]). Во время царскихъ походовъ, кромѣ надѣтой царемъ, отпускалось еще нѣсколько шапокъ «въ запасъ»; напр. 2 марта 1633 года «ходилъ государь въ монастырь къ Спасу на Новое; на государѣ было платья: шуба санная...., зипунъ...., у него ожерелье ѣздовое...., шапка горлатная третьея. Да въ запасъ было отпущено: шуба санная..., кебенякъ...., шапка бархатная другого наряду, шапка бархатная третьего наряду, шапки суконныя — шапка съ трунцаломъ, шапка съ частыми петли, шапка съ двѣмя петли» [7]). Со всей этой стряпней отправлялись за царемъ *стрянчіе* [8]).

При торжественныхъ выходахъ, когда государи облачались въ большой царскій нарядъ, они надѣвали золотые вѣнцы, украшенные драгоцѣнными камнями и Гурмыцкими зернами: эти вѣнцы назывались также *шапками*, но въ отличіе отъ носильныхъ — *царскими;* таковы были у царя Ѳеодора Алексѣевича: кромѣ золотой шапки Мономаховой, шапка царская золотая; шапка царская золотая первого наряда, дѣло дьяка Ефима Телепнева; шапка золотая сканная съ чернью, Казанскаго царя Симеона; шапка царская низана жемчугомъ по золотой дскѣ, съ золотыми пелепелы [9]).

Шапки носили также царицы, царевичи, царевны, князья, княгини, княжны, бояре, боярыни, боярышни и простолюдины. Шапки царицы Евдокіи Лукіановны отличались богатствомъ украшеній; у царицы Агаѳьи Симеоновны были шапки — треухи и столбунцы алтабасныя, атласныя, зарбафныя, съ исподами и опушками изъ пластинъ собольихъ, нѣкоторыя украшены круживомъ и запонами; у царевны Софіи Алексѣевны — шапка

лисья горлатная [10]).—«Шапка женская: пухъ бобровой, вершекъ золотной, на вершкѣ круживо і опутины (оборка, обвязка) жемчюжные» [11]).

Возничья шапка «бархатъ лазоревъ, околъ рысей» [12]).

Шапками назывались и воинскія наголовья. См. **Шеломъ.**

1) Историч. описс. од. и вооруж. ч. I. стр. 23. 24.
2) Описн. кн. 97 г. № 665.
3) Описн. кн. 190 г. № 140.
4) Описн. кн. 97 г. № 665. Шапки носильныя царя Ѳеодора Алексѣевича. Описн. кн. 190 г. № 140. Одна изъ нихъ, бархатная песочнаго цвѣта съ лисьимъ околомъ, пожалована боярину князю В. В. Голицыну.
5) Вых. госуд. стр. 105.
6) См. Вых. госуд. и Указат. къ Вых.
7) Вых. госуд. стр. 10 и др.
8) Котошихинъ. О Россіи, стр. 21. — Къ стряпнѣ, посылаемой за царемъ въ другихъ случаяхъ, принадлежали также: полотенцо, серебренникъ, лохань, подножье, стулъ и солношникъ.
9) Описн. кн. 190 г. № 140.
10) Описн. кн. 150 г. № 140.—Переп. кн. 181 г. № 145 и 189 г. № 148
11) Изв. Имп. Археолог. Общ. т. III. стр. 60.
12) Описн. кн. 97 г. № 665.

Шарлатъ = Скорлатъ.

Шахматы. См. **Узоры** на тканяхъ.

Шебединское сукно. См. **Сукно.**

Шеболтасъ ветхая, поношенная одежда. «Шеболтасъ бархатъ копытчатой, сверху шито волоченымъ золотомъ, въ трехъ мѣстахъ по-неболшому обнизано мелкимъ жемчюгомъ; цѣна 3 р. — Шеболтасецъ же шитъ золотомъ да шелками, у него пуговка королковая; цѣна 10 алт.» [1]).

1) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 44.

Шелкъ въ 1678 г. въ Москвѣ цѣнился «по 12 рублевъ литра» [1]).

1) Дополн. къ Акт. Историч. т. VII. стр. 107.

Шеломъ, Шлемъ, Шоломъ воинское наголовье изъ булата, стали, мѣди или желѣза. Нижняя часть (околышъ) его называлась *вѣнцемъ*, верхняя—*вершьемъ* и *навершьемъ*, а прилегающая къ навершью—*подвершьемъ* и *подвершцемъ*. Для защиты лица отъ поперечныхъ ударовъ мечемъ или саблею, къ передней части вѣнца придѣлывалось забрало, называвшееся *личиною* [1]); но у большей части шлемовъ, вмѣсто личины, пропускалась въ отверстіе *полки* или козырька, металлическая полоса или, такъ называемый, *носъ*, который, смотря по надобности, могъ подниматься и опускаться помощію *шурупца*. Для прикрытія и защиты ушей и затылка, привѣшивались къ шлему въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ *наушки* или *уши* и *затылокъ*,

которые дѣлались изъ одной или нѣсколькихъ пластинокъ, выгнутыхъ и наложенныхъ краями одна на другую. Наушки завязывались внизу подбородка завязками. У нѣкоторыхъ шлемовъ сзади вѣнца прикрѣплялись кольчужныя желѣзныя сѣтки или *бармицы*, которыми прикрывали не только уши, щеки и затылокъ, но и плеча; эти бармицы запахивались передъ лицемъ и застегивались у шеи или на груди иногда одною, а иногда двумя или тремя запонами. Подобныя бармицы прикрѣплялись иногда къ передней части вѣнца, вмѣсто личинъ; въ нихъ дѣлались отверстія для глазъ. Доски верхней части, наушки и затылокъ дѣлались на подкладкѣ изъ атласа, дороговъ, зендени и камки, стеганыхъ на хлопчатой бумагѣ; подкладка у краевъ окрѣплялась гвоздями [2]). — Въ Словѣ о полку Игоревомъ шеломы называются *златыми* и *злачеными:* «камо Туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая: тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя. — Не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? — Кое ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкіи и щиты!» [3]). — Въ духовной грамматѣ великаго князя Іоанна Іоанновича (1356 г.) значится: «чечакъ (шишакъ) золотъ съ каменьемъ съ женчуги [4]). — Въ сказаніи о Куликовской битвѣ представляются шеломы на головахъ Русскихъ богатырей «*аки утренняя заря*, еловци жь шеломовъ ихъ аки поломя огняное пашется» [5]). Въ Русскихъ сказкахъ говорится также о *златыхъ шеломахъ:* «на буйну голову клади златъ шеломъ» [6]). И дѣйствительно, старинныя описи оружейной казны показываютъ, что шлемы отличались золотыми и вообще блестящими украшеніями. Изъ этихъ описей мы знаемъ, что вѣнцы шлемовъ дѣлались золотые [7]), сребропозлащенные, серебряные, мѣдные съ позолотой, желѣзные съ наводомъ мѣдью и оловомъ; украшались драгоцѣнными камнями, смазнями чеканными, прорѣзными и наводными (золотомъ, серебромъ или краскою), травами, городками, каймами, прутьями, дугами, мишенями и т. п., иногда съ надписями; нѣкоторыя украшенія прикрѣплялись къ вѣнцамъ серебряными и желѣзными гвоздями; горощатыя и репчатыя шляпки этихъ, равно какъ и окрѣпочныхъ (у подкладки) гвоздей служили также украшеніемъ шлемовъ. Носъ, уши и затылокъ дѣлались изъ булата, а иногда изъ позолоченнаго серебра съ драгоцѣнными камнями. У нѣкоторыхъ шлемовъ навершье украшалось *еловцемъ* или *перомъ;* затылокъ и стороны покрывались бархатомъ или атласомъ. — Пѣвецъ Игоревъ упоминаетъ о шлемахъ Половецкихъ, Оварьскихъ (Аварскихъ), Латинскихъ и Литовскихъ: «ту ся саблямъ потручети о шеломы Половецкыя. — Поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя. — Желѣзныи папорзи подъ шеломы Латинскими. — Изяславъ.... позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія» [8]). Въ описяхъ находимъ шлемы Шамохейскіе, Кизылбашскіе, Турскіе, Черкас-

скіе, Калмыцкіе, Щолканскіе [9]), Литовскіе, Греческіе, Московскіе; между шлемами Бориса Ѳеодоровича — шапки Англинскія, Нѣмецкія и Московскія [10]). Всѣ они различались по мѣсту и особенностямъ выдѣлки. Кромѣ того было различіе и въ самой формѣ шлемовъ; отсюда произошли названія шишаковъ, калпаковъ, мисюрокъ, ерихонокъ.

Общее названіе *шлемовъ* усвоялось въ-частности воинскимъ наголовьямъ съ низкимъ и круглымъ верхомъ, съ ушами и носомъ.

Шишаки отличались отъ шлемовъ высокимъ навершьемъ, которое имѣло видъ длинной трубки, и оканчивалось яблокомъ. Такое навершье называлось *шишомъ*, отъ чего произошло и самое названіе шишаковъ. Иногда, вмѣсто яблока, верхъ шишака оканчивался репьемъ и украшался еловцемъ.

О *калпакахъ* см. выше, стр. 44—45.

Ерихонками или *шапками ерихонскими* назывались шлемы Азіатской формы, съ полками, носомъ, ушами и затылкомъ, который прикрѣплялся къ вѣнцу тремя цѣпочками. Верхъ ихъ оканчивался иногда, какъ и у шишаковъ, трубкою съ яблочкомъ [11]). Названіе ихъ можно объяснять происхожденіемъ изъ Іерихона, или же принять слово ерихонскій вмѣсто Юргенскій-то есть Грузинскій.

Мисюрками и *шапками мисюрскими* назывались Египетскіе или Арабскіе шлемы, имѣвшіе видъ черепа, къ вѣнцу котораго прикрѣплялась, вмѣсто наушекъ и затылка, бармица, а къ верху придѣлывались иногда репьи съ кольцомъ. Названіе мисюрокъ взято отъ наименованія Египта, который Арабы называютъ مصرايم *мисрам* или مصر *миср* (ср. Евр. מצור или מצורה).

При куяшномъ нарядѣ употреблялись особеннаго рода воинскія наголовья, извѣстныя подъ названіемъ шапокъ *бумажныхъ* или *стеганыхъ:* они дѣлались съ наушнями и затылкомъ на подобіе треуховъ и состояли изъ желѣзныхъ бляхъ или пластинокъ, укрѣпленныхъ гвоздиками въ ватѣ между верхней, шелковой или суконной, покрышкой и подкладкой, и простегивались насквозь.

Примѣчаніе. Въ старинныхъ описяхъ *шапками подклобушными* назывались камилавки, накрывавшіяся клобукомъ: «шапка архіепископля подклобушная отласная вишневая, ношена; да три шапки такіе жъ, ветхи» [12]).

1) По замѣчанію А. Ѳ. Вельтмана, личины «Русскими не употреблялись, но принадлежатъ къ кирасному Литовскому и Нѣмецкому наряду». Оруж. Пал. слов. стр. 31.

2) Описн. кн. 148, 195, 197 и др. гг. въ арх. Оруж. Пал. — Висковатовъ. Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 52—56 и LXVII—LXXX.—Вельтманъ. Оруж. Пал. изд. 1844.

стр. 73—91 и Слов. стр. 3. 23. 31. 69—72. — Тожъ, изд. 1860. стр. 216—217 и 228—245. — Древн. Рос. Гос. отд. III. стр. XIII—XIV и 5—34.

3) Рус. достопам. ч. III. стр. 66. 152. 172.

4) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I. стр. 40 и 42.

5) Ист. Гос. Рос. т. V. прим. 76. Сн. прим. 65: «гремятъ Русскіе удальцы *злаченымі шеломы* и доспѣхи».

6) Древн. Рос. стихотв. стр. 46. Сн. стр. 156: «а и колпачки — золоты плаши», т. е. съ золотыми плащами. — Въ одной старинной повѣсти, красавица Стратиговна говоритъ богатырю Девгонію: «на отцѣ моемъ брони златы и *шеломъ златъ съ каменіемъ драгымъ и жемчюгомъ саженъ*, а конь у него покрытъ паволокою зеленою; а братіа моя суть въ сребреныхъ бронехъ, только *шеломы златы*, а кони у нихъ чрьвленою паволокою покрыты». Ист. Гос. Рос. т. III. прим. 272.

7) Описн. кн. 97 г. № 665: «шоломъ желѣзной наведенъ золотомъ, недодѣланъ; *вѣнецъ золотъ*, по вѣнцу травы чеканные, промежъ травъ слова, подпись имя Бориса Ѳедоровича; по вѣнцу 4 изумруды да 4 яхонты лазоревыхъ да 4 лалы, всѣ въ гнѣздѣхъ *золотыхъ*».

8) Рус. достопам. ч. III. стр. 60. 66. 162. 178.

9) *Щолканскій, Щелкальскій, Шавкальскій* зн. сдѣланный въ Шавкалѣ (въ Дагестанѣ).

10) Описн. кн. 97 г. № 665. — Переп. кн. 148 г. № 678.

11) См. описаніе ерихонскихъ шапокъ боярина Львова, князей Прончищева, Мстиславскаго и, такъ называемой, Кучумовской въ Древн. Рос. Гос. отд. III. стр. 11—18, гдѣ сдѣланы выписки изъ старинныхъ описей.

12) Изв. Археолог. Общ. т. V. ст. 108.

Шелепуга (отъ шлепать = хлопать, бить) бичъ, плеть (кистень?).

«Скоро Алёша каликою наряжается,
И взялъ шелепугу дорожную,
Котора была въ пятдесятъ пудъ,
И взялъ въ запасъ чингалще булатное.
Сверстался Алёша Поповичь младъ
Противъ Тугарина Змѣевича,
Хлеснулъ его шелепугою по буйной головѣ,
Разшибъ ему буйну голову,
И упалъ Тугаринъ на сыру землю» [1]).

1) Древн. Росс. стихотв. стр. 184. 185.

Шестеперъ или **Шестоперъ** знакъ достоинства и военачалія — родъ булавы, у которой головка сдѣлана въ видѣ перьевъ стрѣлы. Эти *перья* дѣлались глухія и прорѣзныя — золотыя, серебряныя съ позолотой и безъ позолоты, булатныя, стальныя, желѣзныя, съ золотыми наводами, съ украшеніями изъ бирюзы и драгоцѣнныхъ камней. По описи 7195 года [1]), у одного изъ шестоперовъ было «перье прорѣзное, прорѣзаны орлы, черезъ перо вызолочено и серебрено; наверху корона, на коронѣ четвероглавой орелъ вызолоченъ и высеребренъ». *Черены* шестоперовъ назывались и *топорищами;* они дѣлались, также какъ и перья, золотые, серебряные, булатные, стальные, желѣзные — прорѣзные, гладкіе и граненые, иногда

съ однимъ, двумя и четырьмя яблочками (шипками) или съ поясками; на граняхъ наводились или вырѣзывались узоры, цвѣты, надписи. Были и деревянные черены, поволоченные бархатомъ и хзомъ, перевитые сканнымъ золотомъ или серебромъ и просто крашеные. Число перьевъ у шестоперовъ было неодинаково: въ разныхъ описяхъ Московской Оружейной Палаты находимъ шестоперы о 6, 7, 8, 9, 11 и 12 перьяхъ; у Бориса Ѳеодоровича былъ «шестеперъ и топорище желѣзное о сми перѣхъ» [2]); въ оружейной палатѣ Кириллова Бѣлоезерскаго монастыря были «два шестопера: одинъ о семи перахъ, а другой о шти» [3]). Отсюда видно, что названіе шестепера, образовавшееся изъ Перс. ششپر *шешпер*, сперва означало собственно *шестеперъ*, а потомъ сдѣлалось общимъ названіемъ *пернатовъ*, безъ отношенія къ числу перьевъ. — Въ началѣ XVI столѣтія шестоперы употреблялись какъ воинское оружіе; въ лѣтописи подъ 7000 годомъ читаемъ, что «Москвичи съ Тотарами биша поганыхъ нѣмецъ, ...а не саблями свѣтлыми сѣкоша ихъ, но биша ихъ Москвичи и Тотарове аки свиней шестоперы» [4]).

1) Въ арх. Оруж. Пал. л. 123.
2) Описн. кн. 97 г. № 665.
3) Описн. кн. Кирил.-Бѣлоез. мон. 1668 г. ркп. л. 744 обор.
4) Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. т. IV. стр. 275.

Шида (нѣм. Seide) шелковое волокно, шелкъ. «Ти червіе точать около себе ніти акы шелъковици шіду» [1]). **Шиденый** сдѣланный изъ шиды, шелковый. «Сорочка шидена, сажена (жемчугомъ) зъ дробницею» [2]). — «Завѣса шиденая обложена атласомъ цвѣтнымъ» [3]). — «Вси женского полу стояху на полатахъ за шидяными запонами» [4]).

1) Востоковъ. Слов. церк.-слав. яз. т. II. стр. 288. По замѣчанію И. Е. Забѣлина «шидою называлась индѣйская бумажная набивная ткань». Дом. бытъ рус. нар. т. II. стр. 629.
2) Собр. госуд. грам. и догов. ч. I стр. 303.
3) Опись Сольвыч. Благов. соб. 1579 г. въ арх. Имп. Русск. Археол. Общ.
4) Ист. Гос. Рос. т. V. прим. 133.

Ширанбатъ, Шеронбатъ = Сарапатъ. «Вели поискать ширанбату самого добраго аршинъ съ 20 и пошли въ нѣмецкую слободу къ нѣмцамъ для ширанбату; хотя самъ съѣзди, нужно, надобно на наметки» значится въ одной отпискѣ съ царскаго похода отъ 29 мая 1681 г. [1]). **Ширанбатный, Шеронбатный = Сарапатный.** «15 платковъ камортковыхъ и шеронбатныхъ і рупковыхъ. — 15 сорочекъ камортоковыхъ, широнбатныхъ и рубковыхъ» [2]).

1) Дом. бытъ Рус. нар. т. II. Матер. стр. 124.

2) Зап. Имп. Русск. Аркеол. Общ. т. XI. Спб. 1865. стр. 597. 599. Въ Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 110: «17 рубахъ мужскихъ кисейныхъ и ширанбатныхъ и крапивныхъ, да двои порты; цѣна 10 руб.».

Ширинка платокъ, полотенце. Ширинки были безинныя, кисейныя, миткалинныя, объяринныя, тафтяныя, полотняныя; вышивались золотомъ, серебромъ и шелками; обшивались круживомъ, бахрамою; украшались кистями. См. **Накищенный.** По свидѣтельству Котошихина [1]) при царскихъ свадьбахъ были дары отъ новобрачной «ширинки тафтяные, бѣлые, шиты кругомъ золотомъ и серебромъ, около кисти золото съ серебромъ, а иные золото и серебро съ шолкомъ». «Ширинка шита по бѣлой тафтѣ инроги серебромъ, межъ ихъ древа шиты золотомъ и серебромъ съ шолкомъ червчатымъ; кисти шолкъ червчатъ съ золотомъ» [2]). Въ былинѣ о Добрынѣ Никитичѣ упоминается «ширинка шелковая, златошвейная» [3]). Объ Алёшѣ Поповичѣ:

«Ото сна пробуждается,
Встаетъ рано ранешенько,
Утренней зарей (росой?) умывается,
Бѣлою ширинкой утирается,
На востокъ онъ, Алеша, Богу молится» [4]).

1) О Россіи. Спб. 1859. изд. 2. стр. 8.
2) Расх. кн. 132 г. въ арх. Моск. Оруж. Пал. № 918.
3) Сахаровъ. Пѣсни русск. нар. Спб. 1839. ч. V. стр. 404.
4) Др. Росс. стихотв. стр. 182.

Шишакъ. См. **Шеломъ.**

Шкарпетки = Онучи. «Указалъ великій государь (13 сентября 1679 г.) прислать... шкарпетокъ, штановъ, чюлковъ теплыхъ» [1]). — «Шкарпетки песцы черевьи, покрыты отласомъ краснымъ» [2]).

1) Дом. бытъ русск. нар. т. II. Матер. стр. 121.
2) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 44.

Шлепанцы. См. **Башмаки.**

Шлыкъ женская шапченка, иногда стеганая. «Шлыкъ нѣмецкой, дороги зелены, стеганъ» [1]). Какъ кажется были и мужскіе шлыки [2]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.

2) Забѣлинъ Дом. бытъ Рус. нар. т. II. стр. 56. «Того жъ дни (14 іюня 1616) государь пожаловалъ боярина князя Ѳеонасья Васильевича Лобанова Ростовсково дано ему шлыкъ бархатъ венедицкой шолкъ червчатъ съ золотомъ двоеморхъ петлеватъ, Псковского вора».

ИНСТИТУТ РАСЛАДИЯ

Шляпы, извѣстное наголовье, дѣлались съ большими полями, которыя подшивались шелковою тканью; близъ полей онѣ украшались обручикомъ съ пряжкою и наконечникомъ, а женскія шляпы украшались шнуромъ, дѣланнымъ «картунелью и трунцалы съ жемчюги» и т. п. У Бориса Ѳеодоровича была «шляпа Нѣмецкая дымчата, подложена бархатомъ червчатымъ, нутрь таѳтою; обручикъ бархатъ червчатъ, пряшка и наконешникъ и засовъ серебряны золочены» [1]). У царицы Евдокіи Лукіановны шляпы: «валеная бѣла, у ней полки (поля) по атласу по червчатому низаны жемчугомъ съ канителью, а въ ней подложено атласомъ же червчатымъ; — бѣлая, полки подложены отласъ серебромъ, а въ ней подложено отласомъ червчатымъ; — бѣлая жъ, полки подложены отласомъ золотнымъ, а въ ней подложено отласомъ червчатымъ; — подложена отласомъ червчатымъ, полки у шляпы по отласу по червчатому дѣланы трунцаломъ травы» [2]).

1) Описн. кн. 97 г. № 665.

2) Описн. кн. 150 г. № 679. По прих.-расх. кн. 137 г. (№ 748): августа въ 31-й день «царицѣ Евдокіѣ Лукъяновнѣ подложена шляпа внутри отласомъ червчатымъ гладкимъ, а полки подложены отласомъ золотнымъ, по червчатой землѣ опахала и травы золоты, въ нацвѣтахъ шолки бѣлъ, лазоревъ, зеленъ; на подкладки пошло отласовъ золотного 7 верш., гладково аршинъ безъ чети».

Шоломъ = Шеломъ.

Штаны нижнее платье, надѣвавшееся поверхъ исподницы; шились изъ зарбафа, объяри, камки, атласа и тафты, иногда съ ушками, а иногда съ плящами вмѣсто ушковъ. Были холодные, стеганые и теплые, т. е. съ мѣховымъ исподомъ, который дѣлался изъ черевинъ собольихъ, бѣльихъ, песцовыхъ [1]). «Штаны съ опушкою камки жаркой, камка серебряная, вызолочена; цѣна 2 р. съ полтиною» [2]).

1) Описн. кн. 190 г. № 140.—Покрой штановъ для царя Михаила Ѳеодоровича показанъ, по кроильнымъ книгамъ 149—155 г., въ Древн. Рос. Гос. отд. IV. стр. 73: «скроены государю штаны камка двоелична, шолкъ червчатъ да желтъ; в длину штаны аршинъ пять вершковъ, в ширину в поясѣ одиннадцать вершковъ; камки вышло въ кроенье четыре аршина».

2) Розыск. дѣла о Шакл. т. IV. стлб. 102.

Шуба верхняя мѣховая одежда. На исподъ ея употреблялись мѣха: бѣличій, песцовый, рысій, заячій, лисій, куній, соболій, бобровый и горностаевый; на покрышку — бархатъ, атласъ, объярь, камка, тафта и сукно; для украшенія пришивались къ ней кружива и нашивки, а для застегиванья — пуговицы или кляпыши съ петлями, а иногда шнуры съ кистями [1]). У Бориса Ѳеодоровича была «шуба горлатная лисья, на ней сукно вишнево лундышь; на вороту 9 кляпышовъ сажены жемчугомъ и канителью;

24 петли золоты и съ прорѣшными концы обнизаны жемчугомъ; на прорѣхахъ по пуговкѣ по канительной». У него же «шуба камка червчата кармазинъ чешуйчата, на черевахъ на песцовыхъ на чорныхъ; круживо и петли Нѣмецкое золото съ серебромъ, колесчато; 4 пугвицы дорожены, серебряны золочены съ чернью, да 4 пугвицы серебряны чешуйчаты золочены». У него же значится и «шуба кунья *нагольная*» [2]). Въ царевнины именины, 12 января 1641 г., государь былъ у обѣдни у Спаса въ верху, а на государѣ была «шуба *армяшная*, на пупкахъ собольихъ, съ Кизылбашскою нашивкою; обнизь вишневая [3]). Шубы дѣлались нарядныя и чистыя [4]). Были шубы столовыя, панихидныя, ѣздовыя; санныя [5]). По покрою различались шубы Русскія, Турскія и Польскія [6]).

Русскія шубы походили на охабень и однорядку, но имѣли отложной мѣховой воротникъ, начинавшійся отъ груди; запахивались онѣ, какъ и прочія одежды, правой полой на лѣвую и, какъ выше замѣчено, застегивались напереди пуговицами или завязывались длинными шнурками, которые оканчивались кистями съ ворворками. Число пуговицъ на шубахъ было неодинаково: по описямъ значится на нихъ по 8, 11, 13 и до 16 пуговицъ. По краямъ полъ, начиная отъ воротника, пришивались петли, число которыхъ было также неодинаково. По обѣимъ сторонамъ подола дѣлалось по одной прорѣхѣ, частію для удобства въ ходьбѣ, а частію для того, чтобы видны были украшенія сапоговъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, при бракосочетаніи съ Евдокіей Лукіановной Стрѣшневой (29 января 1626 г.) «пришелъ изъ своихъ хоромъ въ золотую среднюю палату, нарядився въ кожухъ золотой аксамитной на соболяхъ, да въ *шубу Русскую* соболью, крыта бархатомъ золотнымъ, *заметавъ полы назадъ за плеча*, а поясъ на государѣ былъ кованой золотой» [7]). При описи одного крестьянскаго имущества оказались «въ чюланѣ: ... шуба овчинная, крыта крашениной, у нея 12 пугвицъ мѣдныхъ; шубка женская подъ крашениной, исподъ заечинной, воротовой, у нея 2 пугвицы оловянные; шубка кумашная холодная, подложена холстомъ, пугвицы оловянные, мелкіе» [8]).

Турскія или Турецкія *шубы* отличались отъ Русскихъ только широкими рукавами, которые дѣлались иногда одинокіе, а иногда двойные; первые простирались до кистей рукъ; изъ двойныхъ же — одни, не доходившіе до локтей, были собственно для рукъ, а другіе, очень длинные, висѣли сзади и служили только для украшенія.

Польскія шубы имѣли, вмѣсто отложнаго, узенькій воротникъ и, вмѣсто петлицъ, шнуровъ и пуговицъ, застегивались только у шеи запоною; онѣ дѣлались съ просторными, впрочемъ не слишкомъ широкими, рукавами, которые простирались до оконечностей рукъ и имѣли мѣховые обшлага [9]).

Шубы носили и царицы: въ Древностяхъ Россійскаго Государства [10]) представлено старинное изображеніе царицы Натальи Кирилловны: на ней аксамитная тѣлогрѣя и крытая бархатомъ соболья шуба, на головѣ треухъ, на ногахъ красные сафьянные башмаки.

1) Въ кроильной книгѣ 1627 г. записанъ покрой шубы царя Михаила Ѳеодоровича: «декабря 17, скроена государю шуба отласъ червчатъ, по червчатой землѣ рѣки и листье золоты, шолкъ бѣлъ, зеленъ, лазоревъ. Длина шубѣ и з запасомъ по передамъ 2 арш. съ вершкомъ, ширина въ плечахъ аршинъ съ двѣма вершки, по подолу 3 арш. 9 вершковъ; рукава съ полустану 11 вершковъ; отласу пошло 7 аршинъ съ полуаршиномъ». Кроил. кн. 135 г. въ арх. Оруж. Пал. № 702. — У Вельтмана въ слов. къ опис. Оруж. Пал. стр. 72: «21 декабря 1656 г , скроена государю (Алексѣю Михаиловичу) шуба объярь золотная, по червчатой землѣ струя и травы золоты да серебряны; исподъ лисей чернобурыхъ лисицъ; ожерелье бобровое съ пухомъ; круживо кованое серебряное широкое, мѣрою 3 арш., вѣсу 60 зол.; нашивка серебряна съ кистьми; ворворки обнизаны жемчугомъ съ каменьемъ; 11 пуговицъ жемчугъ съ картулиномъ, въ закрѣпкахъ зерна Кафимскіе».

2) Зап. Импер. Археол. Общ. т. XI. стр. 282. 283. Шубы царей: Михаила Ѳеодоровича, тамъ же, стр. 323—325; Алексѣя Михаиловича, тамъ же, стр. 338.

3) Вых. госуд. стр. 98.

4) Зап. Импер. Археол. Общ. т. XI. стр. 323. 324. 325. — Вых. госуд. стр. 4. 5 и др.

5) Вых. госуд. стр. 8. 24. 27 и мн. др.

6) Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 17 и 18.

7) Сахаровъ. Сказ. Рус. нар. т. II. кн. VI. стр. 76.

8) Изв. Имп. Археол. Общ. т. III. стр. 61.

9) Въ историч. опис. од. рисунки Турскихъ и Польскихъ шубъ (№ 13 и 14) составлены по разнымъ стариннымъ описямъ и изображеніямъ. Изъ первыхъ особенно указывается на опись имѣнію князя В. В. Голицына, а изъ послѣднихъ на одинъ портретъ Императора Петра I, изображеннаго въ Польской шубѣ.

10) Отд. IV. стр. 45; рис. № 10.

Шубка женская одежда въ родѣ короткаго сарафана, круглаго и бористаго, то есть, съ частыми складками назади. Шубки шились изъ бархата, атласа, объяри, сукна и другихъ тканей, на подкладкѣ, съ подпушкою; нарядныя шубки украшались круживомъ и аламами; для застегиванья пришивалось къ нимъ пуговицъ по 13 и по 15. Такія шубки находимъ въ описяхъ платья царицы Евдокіи Лукіановны, царевны Софіи Алексѣевны и царицы Агаѳіи Симеоновны [1]). — Въ 1626 г. іюня 14 «скроена царицѣ накладная шубка въ камкѣ Кизылбашской по серебреной землѣ травки шолки розные, листье золото; камки пошло 7 арш. съ вершкомъ; на подкладку пошло 5 арш. безъ дву вершковъ тафты виницейки червчатой. — Въ 1635 г. декабря 17 скроена шубочка накладная въ отласѣ золотномъ по зеленой землѣ въ цвѣтахъ, шолкъ таусиненъ да алъ з золотомъ; отласу пошло 10 арш. безъ чети, на подкладку тафты виницейки червчатой пошло полпята аршина» [2]). — Были шубки и на мѣху.

1) Зап. Импер. Археол. Общ. т. XI. стр. 380. 381. 396. 397. 404. 405.

2) Кроильн. кн. 135 г. № 737; № 834. л. 105.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Шугай. См. **Бугай.**

Шушунъ крестьянское женское верхнее платье въ родѣ короткаго кафтана. «Шушунъ студеной сукно зелено; . . . шушунъ теплой» [1]). «Шушунъ суконной черчатой, нашивка шолковая з золотомъ, круживо мишурное с пухомъ; у нево жъ десять пугвицъ серебряные».—«Шушунъ суконной красной воротовой» [2]).

1) Рядная запись 1612 г. въ Акт. Юрид. стр. 419.
2) Изв. Имп. Археол. Общ. т. III. стлб. 59.

Щитъ воинское орудіе, которымъ прикрывались во время нападенія непріятелей. Щиты дѣлались изъ булата, желѣза, мѣди, камыша, дерева и кожи; деревянные и кожаные щиты обтягивались или оклеивались бархатомъ, шитымъ шелками, золотомъ и серебромъ. Въ лицевой или верхней сторонѣ щитовъ различались: *вѣнецъ* — крайняя часть подлѣ окружности; *навершье* [1]) или средина и *кайма* — промежутокъ между ними. Выпуклое украшеніе навершья называлось *яблокомъ* и *маковкою* («на верху въ маковкѣ каменя нѣтъ»), также *пупомъ* («пупъ щитовой навоженъ золотомъ съ яхонты и съ бирюзами»), и *пыжемъ* («пыжъ щитовой булатенъ, а на немъ 6 мишеней золоты съ каменьемъ и съ лалы и съ бирюзами, а промежъ мишеней врѣзываны травы золоты; около пыжа вѣнецъ выбитъ золотомъ съ каменьемъ же»). У нѣкоторыхъ щитовъ дѣлали по два вѣнца: «щитъ .... вѣнецъ серебренъ золоченъ съ каменьемъ . . .; другой вѣнецъ желѣзной, травы Чеадайскіе сѣчены золочены. — Щитъ . . ., вѣнецъ золотъ сканной, поверхъ вѣнца золота вѣнецъ желѣзной золоченъ». Иногда окружность щитовъ опушали золотнымъ или серебрянымъ галуномъ; а иногда къ вѣнцу прикрѣпляли гвоздями *бахраму*, сдѣланную изъ шелку съ волоченымъ золотомъ или серебромъ. Золотые и булатные съ позолотою мишени, репьи, плащи, звенцы, запоны, косыя и прямыя грани, травы и гнѣзда съ драгоцѣнными камнями и жемчужными зернами покрывали въ разныхъ мѣстахъ всю поверхность щитовъ. На простыхъ, деревянныхъ и желѣзныхъ, щитахъ каемки, клейма и другія украшенія только наводились золотомъ, серебромъ или красками. Нижняя, исподняя сторона щитовъ имѣла *подкладку* — бархатную, атласную, суконную (а у простыхъ—тафтяную и даже кумачную), прикрѣпленную серебряными или мѣдными позолоченными гвоздями, которыхъ горощатыя шляпки, оставаясь на верхней сторонѣ, служили также украшеніемъ щитовъ. На срединѣ исподней стороны дѣлалась *подушка;* а по сторонамъ ея прикрѣплялись *привязки*, то есть шелковые и нитяные столпцы (шнуры) или тесьмы съ кольцами и съ пряжками — золотыми, серебряными, мѣдными, желѣзными: они служили для удержанія щита у

руки [2]). Въ Словѣ о полку Игоревомъ щитамъ вездѣ усвояется червленый цвѣтъ: «лисици брешутъ на чръленыя щиты. — Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша.—Подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскыми мечи» [3]). Въ описяхъ также очень часто встрѣчаемъ этотъ цвѣтъ какъ на верхней сторонѣ, такъ и на подкладкѣ щитовъ; но въ нихъ же находимъ и черные щиты, особенно деревянные и желѣзные. Различались щиты Царегородскіе, Кизылбашскіе, Турскіе, Бухарскіе и Московскаго дѣла. У Бориса Ѳеодоровича были щиты: а) желѣзной, травы наведены золотомъ; на каймѣ, промежъ травъ, слова; .... вѣнецъ золотъ, въ вѣнцѣ каменья лалы да берюзы; бахрома золото съ серебромъ; подложенъ бархатъ Венедицкой червчатъ на бѣли; б) желѣзной Турской, грани косыя; вѣнецъ и гвозди серебряны; кайма и верхъ наведенъ золотомъ и серебромъ; бахрома шолкъ червчатъ съ золотомъ; в) Бухарской шитъ золотомъ и серебромъ и шолки [4]).

Дорогіе щиты хранились въ логалищахъ и въ чемоданцахъ: «логалище деревянное, да два суконца жолто да другое червчато [5]). — Чемоданецъ бархатъ Персидской золотой, подложенъ дорогами двоелишними» [6]).

1) Иногда называется оно и *подвершьемъ*; тогда *верхомъ* или *навершьемъ* считается *яблоко* или *маковка*.

2) Переписн. кн. цар. оруж. казны 175 и др. годовъ въ арх. Оруж. Пал. — Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 57; сн. 39 и LXI. — Вельтманъ. Моск. Оруж. Пал. М. 1844. слов. стр. 48. — Древн. Рос. Гос. отд. III. стр. XIV—XVI и 58—68. Въ Оружейной Палатѣ находится единственный образецъ щита съ *рукою* и *шпагою*; въ верхней части его сдѣлано небольшое отверстіе, сквозь которое ратникъ могъ свободно видѣть нападающихъ на него; щитъ этотъ надѣвался на лѣвую руку и привязывался шнурами къ туловищу ратника. Названіе этого тяжелаго и неудобнаго оружія взято съ Арабскаго ترس *турс*, означающаго вообще щитъ. Висковатовъ замѣчаетъ, что «тарчъ употребляли только при оборонѣ городовъ или крѣпостей, но отнюдь не въ полѣ».

3) Русск. достопам. ч. III. стр. 44. 46. — И въ описаніи Куликовской битвы также «щиты червленыя». Ист. Гос. Рос. т. V. прим. 428.

4) Описн. кн. 97 г. № 665.

5) Тамъ же.

6) Древн. Рос. Госуд. отд. III. стр. 66.

Юмшанъ или **Юшманъ** броня изъ крупныхъ или мелкихъ дощечекъ, вставленныхъ на груди, бокахъ и спинѣ, и соединенныхъ кольцами; воротъ, оплечья, рукава и подзоры юмшана дѣлались кольчатые; передъ распашной; для застегиванія прикрѣплялись къ нему крючки, пряжки и пуговицы; стальныя дощечки юмшановъ украшались золотыми и серебряными наводами травъ, словъ, орловъ и т. п. Вотъ подробное описаніе одного изъ юмшановъ Оружейной Палаты: «юшманъ, доски бывали наводные серебромъ; на грудяхъ застешки, на обѣихъ сторонахъ четыре крюка да

четыре петли серебреные золоченые; пониже ихъ, на доскахъ: на лѣвой сторонѣ четыре плашки съ пряжками серебреные жъ золочены, спенки желѣзные; противъ пряжекъ на другой сторонѣ пять застежекъ — тесма шолкъ лазоревъ, червчатъ, прикрѣпленъ къ доскамъ съ репьями гвоздьемъ горощатымъ, серебреные; въ девяти мѣстехъ репья серебреные жъ золочены; у застежекъ по обѣ стороны наконешники гладкіе жъ серебреные золоченые» [1]). У Бориса Ѳеодоровича были юмшаны Московскіе — одни съ широкими, а другіе съ мелкими досками; одинъ юмшанъ старой, въ рытьѣ золоченъ [2]). Юмшаны хранились въ кожаныхъ и сафьянныхъ чемоданахъ, подложенныхъ сукномъ [3]). Начало слова *юмшанъ* В. В. Григорьевъ находилъ въ Персидскомъ языкѣ: это جوشن *джоўшен*, въ Татарскомъ произношеніи измѣнившееся въ *юшан*, а со вставкою эвфоническаго *м* между *ю* и *ш*, обратившееся въ *юмшан*. جوشن означаетъ именно броню изъ дощечекъ или пластинокъ, соединенныхъ кольцами, тогда какъ броня изъ однихъ колецъ, т. е. кольчуга, называется по-персидски زره *зирих*.

1) Вып. изъ перепис. кн. цар. оруж. каз. 175 г. въ Древн. Рос. Гос. отд. III. стр. 43 и 44.—Сн. Историч. опис. од. и вооруж. ч. I. стр. 46.

2) Описн. кн. 97 г. № 665.

3) См. прим. 1.

Яблоко царскаго чина золотой шаръ, украшенный драгоцѣнными камнями и увѣнчанный крестомъ; иначе называется *яблокомъ владомымъ*, *яблокомъ державнымъ*, *яблокомъ вседержавнымъ* или *великодержавнымъ* и просто *яблокомъ*, также *державою Россійскаго царствія*. Вмѣстѣ съ скипетромъ яблоко служитъ «видимымъ образомъ самодержавія, даннаго государю отъ Вышняго надъ людьми, къ управленію ихъ и ко устроенію всякаго желаемаго имъ благополучія» [1]). О торжественномъ вручении яблока царю при вѣнчаніи на царство упоминается въ первый разъ при вѣнчаніи на царство Василія Іоанновича Шуйскаго (1 іюня 1606 г.) [2]). Въ чинѣ вѣнчанія Михаила Ѳеодоровича на Всероссійское царство (11 іюля 1613 г.) сказано, что при перенесеніи царскаго сана изъ Казеннаго двора въ Золотую подписную палату, а оттуда въ Успенскій соборъ «скифетръ несъ боринъ Дмитрей Михайловичь Пожарской, *яблоко царскаго чину* казначей Микифоръ Васильевичь Траханіотовъ, блюдо несъ діакъ Сыдавной Васильевъ, *стоянецъ* (для яблока) несъ діакъ же Олексѣй Шапиловъ» [3]). При самомъ вѣнчаніи, по возложеніи на царя животворящаго креста, святыхъ бармъ и царскаго вѣнца, митрополитъ подалъ «царю и великому князю скифетръ въ правую руку, а яблоко въ лѣвую руку» [4]). — Впрочемъ и до царя Василія Іоанновича, при торжественныхъ пріемахъ пословъ употреблялось яблоко,

какъ принадлежность царскаго чина: 22 мая 1597 года, при представленіи царю Ѳеодору Іоанновичу знатнаго посла Австрійскаго, «государь былъ въ большой въ Грановитой въ подписной полатѣ...., у государя стоялъ Борисъ Ѳеодоровичь Годуновъ, а держалъ царского чину яблоко золотое» [5]). Изъ Выходныхъ книгъ видно, что и впослѣдствіи, когда государь въ царскомъ нарядѣ Большой казны торжественно принималъ пословъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ (напр. Сибирскаго царя, Кизылбашскихъ купчинъ), на переднемъ окнѣ палаты, гдѣ происходилъ пріемъ, по лѣвую руку государя, обыкновенно ставился стоянецъ, а на немъ яблоко [6]). — Хранящіяся въ Московской Оружейной Палатѣ: яблоко великодержавное старинное, яблоко великодержавное Греческаго дѣла и малая золотая держава изображены и подробно описаны въ Древностяхъ Россійскаго Государства [7]).

1) См. Чинъ дѣйствія, какъ обр. соверш. свящ. корон. Е. И. В. Спб. 1856. стр. 17.

2) Акт. Археограф. Эксп. т. II. стр. 104. 106.

3) Собр. госуд. грам. и догов. ч. III. стр. 71. — Сн. Дворц. разр. т. I. Спб. 1850. стр. 97—99.

4) Собр. госуд. грам. и догов. стр. 79. — То же и при вѣнчаніи на царство Алексѣя Михаиловича, Древн. Рос. Вивл. ч. VII. стр. 272; Ѳеодора Алексѣевича, стр. 342; Іоанна и Петра, стр. 446. 447.

5) Ист. Госуд. Рос. т. X. прим. 315.

6) Вых. госуд. стр. 483: «у великого государя, въ Грановитой полатѣ, на отпуску были Полского короля послы.... А на великомъ государѣ былъ нарядъ царской.... Да въ Грановитой палатѣ, въ переднемъ окнѣ, по лѣвую великого государя руку, поставленъ былъ посолской стоянецъ, на немъ яблоко золотое съ крестомъ, съ каменьи и съ жемчюги».— Стр. 687: «на окнѣ поставлено было стоянецъ посолской серебрянъ золоченъ прорѣзной съ каменьи, на немъ яблоко съ крестомъ Греческого дѣла».— Въ описи Государева большаго наряда 1642 г. (въ арх. Оруж. пал. № 681) л. 35 об.: «Стоянъ серебрянъ золоченъ, на три угла, на чемъ ставится яблоко; на верху у стоянца три яблока, а подъ исподомъ три льва золочены.—Большею же частію записывалось просто: «яблоко, стоянецъ» (Вых. стр. 5. 7. 8 и мн. др.); иногда: «яблоко съ стоянцомъ» (стр. 84. 356. 371); или: «стоянецъ съ яблокомъ» (стр. 327). — Стоянецъ (подножіе) для яблока назывался *посолскимъ*, потому что употреблялся во время пріема пословъ.

7) Отд. II. рис. №№ 20—25; опис. стр. 31—37. — Сн. Вельтманъ. Моск. Оруж. Пал. изд. 1860 г. стр. 54—57. Здѣсь же описанъ и стоянецъ, принадлежащій къ яблоку великодержавному Греческаго дѣла: «подъ яблоко великодержавное стоянецъ прорѣзной троеугольной высокой серебряной золоченой; вѣсу въ немъ двадцать фунтовъ семнадцать золотниковъ, по семи рублевъ по шти алтынъ по четыре денги фунтъ, и того сто сорокъ одинъ рубль девять алтынъ одна денга».

Яблочки шарики. Яблочки у морхъ. «Яблочки шолкъ червчатъ съ серебромъ».

Яловчикъ изъ лазоревой тафты въ репьѣ у знамени царя Михаила Ѳеодоровича [1]). См. **Еловецъ**.

1) Описн. кн. 148 г. № 678.

Япанча, Япончица (Турецкое يابوجه *японджe*) то же что емурлукъ, широкое длинное верхнее платье, надѣваемое въ ненастье сверхъ обыкно-

веннаго платья; безрукавый плащъ, бурка. Епанча, епанечка, короткая женская епанча, безрукавая шубейка, накидочка, покрывающая опущенныя руки. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ: «орьтъмами и япончицами и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ» [1]). Япанчи надѣвались по случаю ненастья: 21 ноября 1653 г. на государѣ была «епанча сукно скорлатъ червчатъ, потому что былъ снѣгъ». 23 іюня 1677 г. государь на дорогѣ изъ села Пахрина на бумажную мельницу «изволилъ ферезѣю перемѣнить, а надѣлъ епанчу сукно осиново, да шляпу, для того что былъ дождь» [2]). «Япанча бѣлая валеная» [3]).

1) Рус. Достопам. ч. III. стр. 50.
2) Вых. госуд. стр. 301. 640.
3) Изв. Имп. Археолог. Общ. т. III. стр. 59.

Яхонтъ. См. **Камни.**

Яшма. См. **Камни.**

Ящуръ или **Ящеръ** 1) камень. Хорошій ящуръ по Торговой книгѣ «цвѣтомъ бѣлъ да великъ, а купятъ его дешево» [1]). 2) Плотная кожа съ зернистыми выпуклостями, шагринъ. «Сабля булатная, черенъ оклеенъ ящуромъ». «Ганчеръ . . . . , ножны оклеены ящуромъ. — Древко витое, оклеено ящуромъ» [2]). «Ящеръ острая скора, которой уживаютъ до рукоястя шабелного» [3]).

1) Торговая книга.
2) Розыск. дѣла о Шаклов. т. IV. стлб. 121. 130. 135. 217.
3) Слов. Памвы Берынды.

Ѳараузъ ткань. Ѳараузъ атласный употреблялся на подпушку царскихъ платенъ и опашней [1]). Были и ожерелья ѳараузныя [2]). По замѣчанію В. В. Григорьева Перс. فراویز *феравиз*, значитъ «оборка, бахрама»; оттого могли быть и ожерелья *ѳараузныя*, т. е. сдѣланныя съ оборкою или съ бахрамою.

1) Вывѣсн. кн. 137 г. № 127. — Описн. кн. 190 г. № 140.
2) Вых. госуд. 154. 157. 179. 181. 229.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ЗАКЛАДНИЧЕСТВО-ПАТРОНАТЪ.

Н. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1897.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Закладничество-патронатъ.

I. Закладчики XVI—XVII в.

1. Различные вопросы древняго русскаго права очень неравномѣрно привлекаютъ вниманіе изслѣдователей. Въ то время, какъ нѣсколько строкъ „Русской Правды“ о закупахъ или огнищанахъ вызываютъ множество разнообразныхъ толкованій, многочисленныя свидѣтельства источниковъ о закладняхъ, закладчикахъ, захребетникахъ, дворникахъ оставляются историками почти безъ всякаго вниманія. Закладничеству, этому характерному явленію, игравшему важную роль въ древне-русской жизни, особенно „не посчастливилось въ нашей литературѣ“, какъ замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ. Господствующій взглядъ на этотъ институтъ оказывается совершенно необоснованнымъ. Рѣзко противоположное мнѣніе Соловьева не вызвало полезной для разъясненія вопросовъ полемики и упорно игнорируется изслѣдователями.

Съ 20-хъ годовъ до нашихъ дней почти всѣ авторитетные историки утверждаютъ, одинъ вслѣдъ за другимъ, что закладничество есть денежная сдѣлка, личный закладъ, обезпеченіе долга личной свободой должника. Первенство въ выраженіи этого взгляда на закладничество принадлежитъ Карамзину. Соглашеніе о закладняхъ одного изъ договоровъ Новгорода съ тверскимъ княземъ онъ перевелъ такъ: „княгиня, бояре и дворяне твои (князь) не должны брать людей въ залогъ по долгамъ, ни купцовъ, ни землевладѣльцевъ“ [1]). Точно также понялъ статью договорныхъ грамотъ о недержаніи закладней проф. Рейцъ (1828): „князья,—говоритъ онъ,—въ договорахъ между собою и съ Новгородомъ часто взаимно установляли не держать городскихъ жителей по закладнымъ контрактамъ“; закладни, утверждаетъ далѣе Рейцъ, это люди, которые „при займахъ давали въ залогъ свою свободу“ [2]).

[1]) Истор. Госуд. Россійскаго, т. IV, гл. 3 (1264).

[2]) Опытъ ист. росс. госуд. и гражд. законовъ. §§ 35 и 53, стр. 137 и 194. — Тоже въ Словарѣ церк.-слав. и рус. яз. И. Ак. Н., 1847: «закладень тотъ, кто закладывалъ себя по кабалѣ».

Съ такимъ опредѣленіемъ интересующаго насъ института совершенно согласны и историки права 50-хъ годовъ: Неволинъ, Мейеръ и Чичеринъ. Проф. Неволинъ первый отожествилъ закладниковъ съ закупами и кабальными холопами. Говоря о „займѣ, обезпеченномъ личною свободою должника", онъ утверждаетъ, что „въ „Русской Правдѣ" заемщики этого рода называются закупами, словомъ, обозначавшимъ прежде вообще залогъ или закладъ; позднѣе встрѣчается для нихъ заимствованное отсюда наименованіе закладчиковъ или закладней" [1]). Еще тѣснѣе сближаетъ указанные три института проф. Чичеринъ: по его мнѣнію, исчезнувшее съ теченіемъ времени слово закупъ замѣняется названіемъ „закладня", которое, „въ свою очередь, превращается въ названіе кабальнаго холопа" [2]). На тожество закладней съ закупами (заложившимися людьми), одновременно съ Чичеринымъ, указалъ проф. Мейеръ въ спеціальномъ трактатѣ о древнерусскомъ правѣ залога [3]), позднѣе—г. Побѣдоносцевъ [4]); въ послѣднее время ту же мысль развилъ проф. Ключевскій [5]), по мнѣнію котораго закладничество такъ же, какъ закупничество, есть „временная и условная зависимость, основанная на долговомъ обязательствѣ" [6]).

Всѣ только-что упомянутые изслѣдователи, за исключеніемъ Мейера, опредѣляя закладничество какъ личный залогъ, имѣютъ въ виду только закладней или закладниковъ удѣльнаго времени. Неволинъ прямо утверждаетъ, что „въ московскій періодъ заемъ, съ обезпеченіемъ его личною свободою должника, сохранялся только въ видѣ вступленія въ услуженіе на правилахъ кабальнаго холопства". Отъ закладней, закладывавшихъ свою свободу, онъ отличаетъ позднѣйшихъ „закладчиковъ", въ которыхъ видитъ людей, закладывавшихъ недвижимости [7]). Разница

---

[1]) Ист. росс. гражд. законовъ, т. III, изд. 1851, § 445, с. 149, 150.

[2]) Опыты по ист. русскаго права, 1858, с. 154.

[3]) Юридическій Сборникъ, 1855, с. 226. Одновременно съ Мейеромъ, въ 1855 г., ту же мысль высказалъ Ѳ. Устряловъ, Изслѣд. Псковской судной грамоты, с. 50—51.

[4]) Въ закупничествѣ, закладничествѣ и кабальномъ холопствѣ «вещное обезпеченіе замѣняется обезпеченіемъ свободой и личность должника уподобляется вещи». Курсъ гражд. права, I, с. 518, § 69, изд. 2.

[5]) Происхожд. крѣпостнаго права въ Россіи, «Русская Мысль», 1885, № 8, с. 12, 14.

[6]) Излагая обычный взглядъ на закладней, Костомаровъ сдѣлалъ въ немъ явно ошибочную поправку: онъ видитъ въ закладникахъ спеціальное новгородское явленіе, «тоже, что впослѣдствіи въ Московщинѣ называлось кабальные», хотя прибавляетъ онъ, неизвѣстно, въ подобномъ-ли образѣ жизни находились они въ Новгородѣ, какъ въ Москвѣ». Сѣв.-русскія народоправства, изд. 1886, т. II, с. 32.—Костомаровъ забываетъ при этомъ, что о закладняхъ говорятъ не однѣ только новгородскія грамоты. См. ниже.

[7]) Неволинъ, op. cit., § 445 и § 450 о закладѣ дворовъ.

между древнѣйшимъ и позднѣйшимъ закладничествомъ ускользнула отъ вниманія Мейера; онъ не отличаетъ закладней отъ закладчиковъ, а этимъ послѣднимъ терминомъ обозначаетъ какъ личный, такъ и реальный закладъ [1]). Въ трудахъ новѣйшихъ изслѣдователей мы находимъ тоже смѣшеніе этихъ различныхъ явленій при опредѣленіи закладничества. Проф. Сергѣевичъ отрицаетъ связь между закладниками и закупами-наймитами, но, характеризуя этотъ институтъ, онъ пользуется безразлично грамотами XIII и XVII в. и полагаетъ, что слово закладень обозначаетъ, какъ „человѣка, служащаго обезпеченіемъ долга“, такъ и „заложенную недвижимость, землю“ [2]). Наконецъ, послѣдній по времени изслѣдователь разбираемаго вопроса, А. С. Лаппо-Данилевскій, обстоятельно изучившій многія стороны внутренней жизни Московскаго государства, подъ терминомъ закладчики разумѣетъ, какъ лицъ, заложившихъ самихъ себя, такъ и лицъ, заложившихъ свои дворы [3]).

2. Иного взгляда на закладничество держался Соловьевъ. Нашъ замѣчательнѣйшій историкъ придалъ этому институту важное значеніе и особенный интересъ, какъ типичному явленію древней жизни, общему всѣмъ народамъ на извѣстной ступени общественнаго развитія. Позднѣйшіе историки не только не приняли его мнѣнія, но и не обратили на него никакого вниманія. Причина этого заключается, быть можетъ, въ томъ, что Соловьевъ высказалъ свой взглядъ на русское закладничество мимоходомъ, не указавъ, въ подтвержденіе его, ни одного свидѣтельства источниковъ. Въ „Исторіи Россіи“ онъ говоритъ о закладникахъ немного, указываетъ на отличіе ихъ отъ людей несвободныхъ, („лица, которыя на извѣстныхъ условіяхъ заложились за другого, остаются людьми свободными, хотя и несамостоятельными, зависимыми“), и затѣмъ замѣчаетъ: „во все продолженіе древней русской исторіи мы видимъ стремленіе менѣе богатыхъ, менѣе значительныхъ людей закладываться за людей болѣе богатыхъ, болѣе значительныхъ, пользующихся особыми правами, чтобы подъ ихъ покровительствомъ найти облегченіе отъ повинностей и безопасность. Стремленіе это мы видимъ и въ дру-

---

[1]) Op. cit., с. 227, 242 и 243.—А. Д. Градовскій не поясняетъ, какъ онъ понимаетъ древній терминъ закладчики, хотя часто пользуется этимъ словомъ. Ист. мѣстн. управл. въ Россіи, т. I, 1868, с. 159, 161 и др. Idem И. Дитятинъ, Ист. и управл. городовъ въ Россіи, т. I.

[2]) Юридич. древности, I, с. 269.

[3]) Организація прямого обложенія въ Моск. госуд., с. 158, см. ниже § 11. Обычное мнѣніе въ довольно неопредѣленной формулировкѣ занесено г. В. Ст. и на страницы Энциклопед. Словаря Брокгауза и Евфрона, т. 23, с. 169.

гихъ европейскихъ государствахъ въ средніе вѣка“ [1]). Комментарій къ этимъ словамъ находимъ въ замѣчательной статьѣ: Наблюденія надъ исторической жизнью народовъ. Здѣсь Соловьевъ говоритъ о западномъ феодализмѣ, пользуясь соотвѣтствующими древними русскими терминами. Слово „закладываться“ онъ употребляетъ въ смыслѣ „отдаваться подъ чье-либо покровительство“. Въ средніе вѣка, читаемъ въ упомянутой статьѣ, „господствуетъ первичная форма частнаго союза для защиты, форма закладничества или феодализма“... „господствуетъ закладничество въ разныхъ видахъ, смотря по тому, каково значеніе захребетника или кліента... Подлѣ первоначальной формы, подлѣ естественнаго кровнаго союза (рода) съ самыхъ раннихъ поръ замѣчаемъ уже другія формы союза, союза искусственнаго въ противоположность кровному. Это союзъ закладничества, заключаемый подъ разными видами и разными условіями, отъ захребетничества и сосѣдства до холопства, но во всѣхъ видахъ имѣющій одну отличительную черту; слабый ищетъ покровительства сильнаго, при чемъ лишается извѣстной доли своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, иногда всѣхъ личныхъ правъ... Это явленіе не есть національное, не принадлежитъ какому-нибудь одному времени, но общее народамъ въ разныя времена“ — во времена слабости государственной власти [2]). На русскихъ окраинахъ, въ Малороссіи, какъ указываетъ Соловьевъ, закладничество существовало еще во второй половинѣ XVIII вѣка; русскіе „захребетники“ (закладники) назывались здѣсь подсосѣдками [3]).

Въ настоящую минуту я не буду останавливаться на разборѣ нѣкоторыхъ частностей изложеннаго взгляда Соловьева на русское закладничество [4]); я отмѣчу только сущность этого взгляда, которая представляется мнѣ вполнѣ правильной: закладничество было не сдѣлкой залога лица, но добровольнымъ подчиненіемъ одного лица другому, болѣе сильному, съ цѣлью снисканія защиты, покровительства господина.

---

[1]) Ист. Россіи съ древн. временъ, т. IV, нов. изд., кн. I, с. 1.214, 1.215. Ср. т. XIII, кн. III, с. 656 и 703, т. 26, кн. VI, с. 33.

[2]) Статья 1873 г. «Сочиненія» С. М. Соловьева, с. 485, 512, ср. 454, 513. Тоже въ статьѣ «Начала русской земли», тамъ же, с. 19. Ср. «западно-европейское формальное закладничество или вассальство»: Ист. Россіи, т. 26, кн. VI, с. 126.

[3]) Т. 26, кн. VI, с. 39, 31, ср. т. 20, гл. IV, кн. V, с. 1.525.

[4]) О сближеніи закладничества съ феодализмомъ см. ниже.—Кліентомъ можно назвать закладчика, но не захребетника: захребетники «жили за чужимъ тягломъ» равнаго имъ по положенію посадскаго человѣка или крестьянина, не будучи зависимыми отъ домохозяина-тяглеца. Ср. Бѣляевъ. Лекціи по ист. рус. законодат., с. 496. Малороссійскіе подсосѣдки, далѣе, не всѣ были захребетниками, въ указанномъ смыслѣ (казачьи подсосѣдки); большинство ихъ было, наоборотъ, закладчиками—подсосѣдки державскіе (владѣльческіе). Ср. А. Лазаревскій, Малор. поспол. крестьяне, с. 99, 100.

Закладень и закладчикъ былъ не заложеннымъ человѣкомъ, закупомъ или кабальнымъ холопомъ; онъ былъ кліентомъ господина—патрона.

За такое пониманіе закладничества высказался вполнѣ опредѣленно одинъ только Соловьевъ. Но по случайнымъ замѣчаніямъ нѣкоторыхъ другихъ изслѣдователей видно, что самостоятельное изученіе источниковъ приводило ихъ, независимо отъ Соловьева, къ тому же рѣшенію занимающаго насъ вопроса. Такъ, кн. Щербатовъ въ концѣ прошлаго вѣка (1774), пересказывая новгородскія договорныя грамоты, напалъ на вѣрное пониманіе слова закладываться. Статью о закладняхъ договора 1315 г. [1]), онъ передаетъ такъ: „которые же новгородцы или села или волости, во время сего смущенія [замятня], заложили[сь] князю, то-есть предалися ему въ вѣчное и неограниченное подданство“... Другая договорная грамота говоритъ о закладняхъ, которые „позоровали къ князю“; Щербатовъ переводитъ ее: закладчиковъ, кои „въ подданство обязались“ князю [2]).

Къ числу противниковъ обычнаго взгляда на закладничество принадлежитъ, какъ кажется, и такой знатокъ русской исторіи, какъ проф. Бѣляевъ. Къ сожалѣнію, ни въ одной изъ своихъ многочисленныхъ работъ, насколько я знаю, онъ не останавливался долго на этомъ институтѣ. Бѣляевъ нерѣдко пользовался терминами „закладень“ и „закладываться“, не разъясняя, какъ онъ ихъ понимаетъ [3]); но изъ книги „Крестьяне на Руси“ видно, что онъ не придавалъ этимъ словамъ обычнаго ошибочнаго смысла. Свидѣтельствомъ „важныхъ побужденій къ поселенію на частно-владѣльческихъ земляхъ,—читаемъ въ упомянутой книгѣ,—служатъ многія грамоты и другіе оффиціальные акты, въ которыхъ мы часто встрѣчаемъ указанія, что не только жители селъ и деревень, но и горожане охотно закладывались за богатые и сильные монастыри и за бояръ, именно съ цѣлью пользоваться защитой и покровительствомъ“. Для поясненія этого общаго замѣчанія Бѣляевъ указываетъ на фактъ, занесенный въ Никоновскую лѣтопись: въ устроенныя татарскимъ баскакомъ Ахматомъ въ Курскомъ княженіи двѣ великія слободы, сошлось множество людей (слободы сдѣлались

---

[1]) С. Гос. Гр. и Дог., № 11. Въ этомъ изданіи указанный договоръ ошибочно отнесенъ къ 1317 г.: см. Борзаковскій, Ист. Твер. Княж., прим. 441.

[2]) С. Гос. Гр. и Дог., № 4, 1295. — Ист. Росс. съ древн. временъ, т. III, с. 494 и 498. — Десятью стр. раньше Щербатовъ, однако, высказываетъ другое, несогласованное съ указаннымъ въ текстѣ, мнѣніе о закладняхъ. Новгородцы, говоритъ онъ, запрещаютъ князьямъ «принимать закладниковъ новгородскихъ, т.-е. чтобы ничего въ закладъ отъ подданныхъ Новгорода не брать» (?). Ibid., с. 486.

[3]) Истор. Новгорода Великаго въ Разсказахъ изъ рус. исторіи, кн. II, с. 207.— Лекціи по истор. рус. законодательства, с. 669, 670.

„яко грады великіе“) и бысть имъ „заборонь отвсюду велика“ [1]). Основываясь на этихъ цитатахъ и на молчаніи Бѣляева о закладничествѣ— личномъ залогѣ, я не могу не отнести его къ сторонникамъ пониманія закладничества, какъ патроната.

Къ такому же заключенію о сущности этого института пришелъ, какъ кажется, и Плошинскій, изучившій для своей исторіи городского класса всѣ законоположенія о закладчикахъ. Подобно Бѣляеву, онъ не высказывается вполнѣ опредѣленно по занимающему насъ вопросу; но, говоря о развитіи закладничества, Плошинскій, нерѣдко, видимо избѣгая сбивающаго изслѣдователей слова „закладываться“, выражается такъ: „многіе посадскіе цѣлыми семьями записывались за монастырями и разными духовными и свѣтскими лицами“ [2]). Въ одномъ же мѣстѣ онъ, пересказывая собственными словами одинъ изъ позднѣйшихъ указовъ о невыходѣ посадскихъ изъ тягла, говоритъ, что крестьяне, записанные въ слободы, обязывались „не закладываться изъ одной слободы въ другую“ [3]). Къ мнѣнію Соловьева, далѣе, прямо присоединяется историкъ Твери, Борзаковскій, который, однако, говоря о закладняхъ, очень осторожно ограничивается цитатой изъ „Исторіи Россіи“, которую я привелъ выше.

Въ заключеніе не лишнимъ будетъ отмѣтить позицію, занятую въ интересующемъ насъ вопросѣ компетентнымъ историкомъ русскаго права, проф. Владимірскимъ-Будановымъ. Въ своемъ обстоятельномъ компендіумѣ исторіи нашего права онъ совершенно умалчиваетъ о закладняхъ и закладчикахъ [4]). „Личный закладъ, устанавливавшій временное холопство“, существовалъ, по его мнѣнію, (только?) въ видѣ закупничества и служилой кабалы [5]). Но рядомъ съ личнымъ закладомъ проф. Будановъ не преминулъ отмѣтить и явленіе другого порядка—добровольную службу, добровольное подчиненіе лица господину, хотя и не назвалъ этого явленія закладничествомъ, какъ, по на-

---

[1]) Крестьяне на Руси, изд. 3, с. 29 и примѣчаніе на с. 29—30. Ср. Разск. изъ р. ист., кн. I, с. 361.

[2]) Городское или среднее состояніе рус. народа, с. 132, 133 и др.

[3]) Op. cit., с. 167. Въ указѣ 1700 марта 11, на который ссылается въ этомъ случаѣ Плошинскій, такого выраженія нѣтъ. См. П. С. З. т. IV, № 1775.

[4]) Только въ «Христоматіи по ист. рус. права» проф. Владимірскій-Будановъ упоминаетъ одинъ разъ о «закладняхъ-закупахъ»; вып. II, с. 154. прим. 151, изд. 2.

[5]) «Обзоръ ист. рус. права», изд. 2, с. 334. Ср. с. 128. — Проф. утверждаетъ, что «личный закладъ (закупничество) былъ прекращенъ закономъ ц. Іоанна IV» (ibid., с. 476). Иначе и болѣе правильно онъ говоритъ о томъ же въ примѣчаніяхъ къ Ц. Судебнику: «закупничество было ограничено назначеніемъ maximum'а суммы, за которую человѣкъ отдаетъ себѣ въ кабалу»: Христоматія, II, с. 165.

шему мнѣнію, называлось оно въ древности. Сущность этой зависимости профессоръ опредѣляетъ такъ: „въ древности всякій, живущій въ чужомъ домѣ, становился подчиненнымъ членомъ семьи, захребетникомъ, человѣкомъ alieni juris“ [1]).

3. Такимъ образомъ, оспаривая господствующее мнѣніе о закладничествѣ, я могу вполнѣ увѣренно опереться только на авторитетъ Соловьева; неопредѣленныя замѣчанія Бѣляева, Плошинскаго и проф. Буданова не представляютъ надежной точки опоры. Это господствующее мнѣніе, хотя оно и принято большинствомъ историковъ, само по себѣ, однако, отнюдь не можетъ имѣть обязательной силы, такъ какъ никто изъ его сторонниковъ не обосновываетъ его сколько-нибудь вѣскими документальными данными [2]). Зиждется оно, въ сущности, единственно на неправильномъ толкованіи термина „закладываться“ въ смыслѣ отдавать самого себя въ залогъ. Достаточно возстановить истинное древнее значеніе этого слова, чтобы выяснить разомъ очень многое въ разбираемомъ вопросѣ. „Le sens propre des certains termes à chaque époque est plein d'enseignement pour l'historien“, замѣчаетъ французскій историкъ, который, изучая исторію учрежденій, такъ внимательно слѣдилъ за исторіей словъ [3]).

Глаголъ „закладываться“ въ древности, какъ кажется, никогда не употреблялся въ приписываемомъ ему теперь смыслѣ; во всякомъ случаѣ, обыкновенно и особенно въ сочетаніи: „заложиться за кого-нибудь“, онъ имѣлъ значеніе: закрываться, защищаться, сохраняя первоначальный смыслъ слова „закладывать“ — класть за, откуда — закрывать. Въ Ипатьевской лѣтописи разбираемый глаголъ нѣсколько разъ употребленъ въ значеніи заслониться: заложиться ночью, лѣсомъ, рѣкою [4]). „Заложиться за кого-нибудь“ значило, какъ объясняетъ Даль, „предаться на защиту“ [5]). Синонимомъ

[1]) «Обзоръ», с. 507.—Ср. «Ц. Суд. воспрещаетъ задаваться за частныхъ лицъ во избѣжаніе тягла» и отчасти суда: «Христоматія», II, с. 175, прим. 230.—Отмѣчу еще неопредѣленное замѣчаніе Пригары, въ Опытѣ ист. сост. гор. обыват. въ Вост. Россіи, 1868.

[2]) Замѣчанія о ссылкахъ на источники, приводимыхъ Неволинымъ, Сергѣевичемъ и Лаппо-Данилевскимъ, см. ниже.

[3]) Fustel de Coulanges, La monarchie franque, 1888, с. 118.

[4]) «Есть рѣка у Любча и пришедше сташа, заложившеся ею», годъ 6656. См. И. Срезневскій, Мат. для слов. др.-рус. языка, т. I. Срезневскій рядомъ съ значеніемъ «заслониться» даетъ глаголу «заложиться» также значеніе «быть отданнымъ въ залогъ», но въ подтвержденіе послѣдняго объясненія указываетъ на догов. грамоту 1316 г., которая вполнѣ допускаетъ толкованіе глагола въ смыслѣ задаваться.

[5]) Толковый Словарь, т. I, с. 602.—«Тяжелыя подати... заставляли промышленныхъ людей уклоняться отъ непосредственной зависимости отъ государства... и входить въ зависимость къ частнымъ людямъ, которые могли дать имъ защиту; это называлось закладываться за кого-нибудь»: Соловьевъ, т. 13, кн. III, с. 656.

этого выраженія былъ глаголъ задаваться, правильное пониманіе котораго не извращено еще путемъ перенесенія на него болѣе близкихъ намъ понятій.

Можно указать цѣлый рядъ цитатъ изъ древнихъ грамотъ въ подтвержденіе того, что терминъ „заложиться за кого нибудь“ значилъ въ древности именно „задаться за кого нибудь“, но не отдать самого себя въ залогъ. Такъ, на соборѣ 1566 г. духовенство, разсуждая о захватѣ польскимъ королемъ ливонскихъ городовъ, между прочимъ, говорило: „и достальные нѣмцы, видя свое неизможеніе, заложилися за короля и со своими городы и король тѣ городы ливонскіе держитъ за собою въ обереганьѣ неподѣльно“ [1]). Крестьяне, закрѣпощая себя помѣщику, обязуются въ порядныхъ: „за бояръ и въ посады не закладываться“, „ни за кого въ крестьяне и бобыли не поряжатися и не закладыватися“ „въ холопство и во крестьянство ни за кого не заложиться“ [2]). Подлинный смыслъ этихъ выраженій, ясный уже самъ по себѣ, еще болѣе уясняется изъ сопоставленія цитированныхъ порядныхъ съ другими. Въ большей части порядныхъ слова „ни за кого не закладываться“ замѣняются аналогичными выраженіями: „ни за кого не выдти“, „ни за кого не переходить“ [3]), „въ крестьяне и въ бобыли ни за кого не рядиться и не задаваться“ [4]). Въ нѣкоторыхъ грамотахъ употребляются плеонастически всѣ эти равнозначущіе термины вмѣстѣ: „изъ за Вознесенскаго монастыря ни во дворецъ, ни за архіепископы, ни за церкви и т. д. не закладываться, и не поряжатися, и не сойти, и не сбѣжати“ [5]). Въ одной изъ поручныхъ грамотъ находимъ даже слѣдующее обязательство: „ни за кою державу не заложиться и не сбѣжать“ [6]).

Подлинное значеніе слова „закладываться“ разъясняетъ намъ сущность закладничества. Закладчики, заложившіеся люди, это не лица,

---

[1]) С. Гос. Гр. и Дог., I, № 192, с. 547.

М. Дьяконовъ. Акты, относ. къ ист. тяглаго населенія въ Моск. госуд., вып. I, №№ 4, 46, 65, idem №№ 63, 68.

[3]) М. Дьяконовъ, op. cit., №№ 7, 8—11, 25, 31 и др.

[4]) Порядная 1647 г. въ ст. И. Бѣляева, въ Арх. ист. и практ. свѣдѣній 1859, II с. 94.—«Изъ слободы въ слободу не закладываться»: П. С. З., № 1666.

[5]) Акты М. Дьяконова, №№ 18, 19. «Ни за кого въ крестьяне и бобыли не поряжаться и не закладываться». Idem, № 46, ср. № 47.—Отмѣчу аналогію глаголу закладываться въ указанномъ значеніи: «Намъ отъ чудотворцевъ дому никуды не откладываться» (Idem, № 76, ср. С. Гос. Гр. и Дог. I, с. 621); «многіе грады царю измѣнили и приложилися къ ворамъ и разбойникамъ» (Р. Ист. Библ., т. XIII, с. 107—108); «Наши же бояре сложишася съ ними (Ibid., с. 153); «вложися въ домъ Пречистыя Богородицы» (А. Юрид., № 127 и 131). «Прилагаться князю» П. С. Р. Л., т. XV, с. 468, 470.

[6]) Акты Юрид., № 309, II, с. 327.

отдавшія самихъ себя въ залогъ, но лица „задавшіяся“, отдавшія себя подъ защиту сильнаго человѣка [1]). Какъ древнѣйшіе „закладни“, такъ и позднѣйшіе закладчики—это заступные люди, какъ иначе называетъ ихъ одинъ изъ правительственныхъ актовъ середины XVII вѣка [2]), это „протекціальные люди“ Юго-западной Россіи [3]).

4. Въ узаконеніяхъ XVII в., касающихся закладчиковъ, въ соборномъ уложеніи 1649 г. и въ царскихъ наказахъ воеводамъ и писцамъ, мы найдемъ рядъ указаній на то, что сущность закладничества отнюдь не заключалась въ сдѣлкѣ займа съ залогомъ лица. Обратимъ вниманіе, прежде всего, на терминологію такихъ узаконеній. XIX глава Уложенія говоритъ: о людяхъ, „живущихъ въ закладчикахъ за патріархомъ... и за всякихъ чиновъ людьми“, повелѣваетъ „ни за кого въ закладчики не записываться и ничьими крестьяны и людьми не называтися“, грозитъ наказаньемъ закладчикамъ, „будетъ они впредь учнутъ за кого закладываться“, и господамъ, „которые ихъ учнутъ впредь за себя пріимати въ закладчики“ [4]). Едва-ли можно приписать простой случайности то обстоятельство, что ни составители уложенія, ни авторы наказовъ и челобитныхъ, говоря о закладчикахъ, вмѣсто всѣхъ такихъ разнообразныхъ опредѣленій, ни разу не употребили того, которое само собой подвернулось бы подъ ихъ перо, если бы сущность закладничества состояла, какъ полагаютъ, въ дачѣ лицомъ на себя закладной кабалы: „и впредь тѣмъ всѣмъ людемъ никому закладныхъ кабалъ на себя не давати“,—такого законодательнаго постановленія мы не найдемъ ни въ одномъ изъ актовъ, относящихся къ закладчикамъ [5]).

Напротивъ, лишь только въ уложеніи зайдетъ рѣчь о дѣйствительномъ закладѣ—залогѣ, тотчасъ же упоминаются и письменные акты сдѣлокъ этого рода: „а будетъ кто кому вотчину свою заложитъ... и закладную кабалу на себя дастъ“ [6]). При этомъ человѣкъ, заложившій что-либо,—

---

[1]) «За князя, боярина, дьяка, за монастырь и за всякаго сильнаго человѣка не заложитися». Поручная 1641 г.: А. Юрид. № 304, III.

[2]) Выписки изъ переписной книги сыскныхъ дѣлъ 1648—1649 г. въ А. Арх. Эксп. IV, № 32, с. 45.

[3]) См. Леонтовичъ, Крестьяне Юго-западной Россіи по литов. праву, с. 7. О «протекціантахъ» въ Малороссіи, см. цитату изъ книги Кирилова у Кеппена, О народныхъ переписяхъ въ Россіи, с. 65, прим. 65.—Не повторяю здѣсь того, что сказано въ моей ст. «Люди кабальные и докладные» (Ж. М. Нар. Просв. 1895, № 1) о литовскихъ закладняхъ, предполагая посвятить особый очеркъ патронату въ Юго-западной Россіи.

[4]) Ст. 13, гл. XIX.

[5]) Оно встрѣчается въ наказахъ, касающихся восточныхъ закладныхъ людей; о нихъ см. ниже § 13.

[6]) Ст. 32, гл. XVII.

что особенно знаменательно,—и въ уложеніи, и въ актахъ систематически называется уже не закладчикомъ (какъ можно было бы ожидать), но заимщикомъ [1]). Залогодатели въ XVII в. обыкновенно назывались заимщиками; договоръ займа съ залогомъ не отличался въ этомъ отношеніи отъ простого займа. Напомню стереотипное выраженіе: „къ сей закладной своей заимщикъ такой-то руку приложилъ“ [2]). Въ XVII в. для обозначенія лица, заложившаго что-либо, нерѣдко пользовались неловкими перифразами, избѣгая слова закладчикъ, имѣвшаго спеціальное значеніе: „тѣ люди, чьи закладишка, и по ся мѣстъ не выкупаютъ своихъ закладовъ“ [3]).

Закладничество по существу своему отнюдь не было денежной сдѣлкой, но весьма естественно, что господа иногда старались закрѣпить за собою своихъ закладчиковъ, вольныхъ слугъ, долговыми обязательствами. О такихъ обязательствахъ закладниковъ по отношенію къ господамъ уложеніе говоритъ какъ о сдѣлкахъ, постороннихъ закладничеству, черезъ нѣсколько статей послѣ главныхъ постановленій о немъ: „а которые посадскіе разныхъ сотенъ и слободъ тяглые люди взяты будутъ изъ закладчиковъ въ тягло и тѣ люди, изъ за кого они будутъ взяты, учнутъ на нихъ бити челомъ государю по кабаламъ, или по записямъ о заемныхъ деньгахъ или о ссудѣ: и по такимъ крѣпостямъ и по записямъ на тѣхъ закладчиковъ... суда не давати и тѣ крѣпости имати у нихъ въ приказъ“ [4]). Еще яснѣе указываетъ на отношеніе такихъ денежныхъ сдѣлокъ къ закладничеству грамота 1638 г.: „а объявятся на нихъ (закладчиковъ) у кого какія кабалы или иныя какія крѣпости“, то тѣ крѣпости не имѣютъ силы [5]). Помѣщики, очевидно, брали на закладчиковъ ссудныя и заемныя записи, такъ же какъ на чужихъ бѣглыхъ крестьянъ, „хотя укрѣпити ихъ впередъ за

---

[1]) «И тому, у кого тотъ закладъ былъ, взяти на заимщикѣ»; Уложеніе, гл. X, ст. 197; idem гл. XVII, ст. 32. То же Указъ 1558, янв. 11, Христ. В.—Буданова, III, 16.—Въ тѣхъ статьяхъ, гдѣ идетъ рѣчь о закладѣ и о закладныхъ кабалахъ, нѣтъ слова закладчикъ: гл. XVI, ст. 69, гл. XVII, ст. 35—40, гл. X, ст. 196. «Кто продалъ или заложилъ вотчину», называется «продавцомъ».

[2]) «А. отн. до Юр. Быта», т. II, № 126, IX, idem. № 126, VIII, X, XII. А. Юрид. №№ 244, 248, 249 (XVI стол.). Р. Ист. Библ., т. XII, № CIX (1612). Закладная 1700 г. въ ст. А. Спицына, Оброчн. земли на Вяткѣ, стр. 43.—«Закладные люди» на востокѣ также называются заемщиками, см. ниже § 13.—Въ уложеніи и въ грамотахъ эта терминологія строго выдержана; я знаю только два исключенія: П. С. З. II, № 163 (1679, с. 208) и Р. Ист. Библ., т. XII, № XLIII (1641), гдѣ люди, закладывающіе недвижимости, называются и заимщиками и закладчиками.

[3]) Р. Ист. Библ., т. II, № 179, с. 757.

[4]) Ст. 18, гл. XIX.

[5]) А. Арх. Экс., III, № 279.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

собою“ [1]), но отсюда нельзя заключать, что закладчики, какъ и бѣглые крестьяне, обыкновенно закрѣпощали себя ссудными записями. На малую распространенность практики такого рода указываетъ то обстоятельство, что о денежныхъ обязательствахъ закладчиковъ упоминаютъ только два, цитированныхъ мною, узаконенія. Замѣчательно, что оба эти акта не упоминаютъ, въ числѣ средствъ закрѣпощенія закладчиковъ, о закладныхъ кабалахъ, называя лишь обыкновенныя заемныя и ссудныя записи: это не можетъ не свидѣтельствовать противъ обычнаго отожествленія закладничества съ неволей по закладной кабалѣ [2]).

Нѣкоторые аргументы противъ такого обычнаго взгляда можно найти въ сочиненіяхъ самихъ его сторонниковъ. Такъ, проф. Сергѣевичъ замѣтилъ, что Царскій Судебникъ, „установляя различіе между служилыми кабалами и ростовыми, повидимому, не оставляетъ мѣста закладничеству“, какъ особому договору займа [3]). Этотъ судебникъ 1551 г., какъ извѣстно, предотвращаетъ развитіе рабства изъ долговыхъ отношеній: запрещаетъ, съ одной стороны, должникамъ служить у кредиторовъ, съ другой — „имати кабалы (служилыя) на серебряника болѣ пятинадцати рублевъ“ [4]). При строгой регламентаціи отношеній между вѣрителями и должниками, молчаніе судебника о закладничествѣ, какъ договорѣ займа, было бы совершенно непонятнымъ, если бы только это послѣднее, дѣйствительно, было особой формой займа съ залогомъ лица, тѣмъ болѣе, что закладничество было старымъ институтомъ, имѣвшимъ широкое распространеніе, служилая же кабала только-что возникла въ то время, лѣтъ за 50 до изданія судебника.

У проф. Мейера, далѣе, я нахожу замѣчаніе такого рода: „Источники не содержатъ никакихъ свидѣтельствъ объ оставленіи званія закладчика вслѣдствіе выкупа... Можно даже предположить, съ нѣкоторой вѣроятностью, что закладывались по займамъ безденежнымъ для пріобрѣтенія сопряженныхъ съ этимъ актомъ выгодъ, или снисканія одного покровительства сильнаго человѣка“ [5]). Слѣдуетъ замѣтить, что источники точно также не содержатъ никакихъ свидѣтельствъ и о поступленіи въ закладчики путемъ залога лица; гипотеза о заключеніи закладчиками дѣйствительныхъ или фиктивныхъ займовъ не имѣетъ за себя никакихъ основаній, кромѣ неудачнаго толкованія глагола закладываться.

---

[1]) Уст. кн. земскаго приказа, въ Христом. В.—Буданова, вып. III, с. 153 (1642).
[2]) См. ниже § 13.
[3]) Юрид. Древности, т. I, с. 272.
[4]) Ст. 82 и 78.
[5]) Юрид. Сборникъ, Казань, 1855, с. 227.

5. Посмотримъ теперь, какія данныя для опредѣленія существа разсматриваемаго института можно найти въ актахъ XVII вѣка.

Въ удѣльный періодъ, какъ мы увидимъ ниже, закладничество состояло въ подчиненіи лица господину, вмѣстѣ съ принадлежащей закладню землей. Человѣкъ достигалъ покровительства господина, отдавая ему во власть свою земельную собственность. Эта форма закладничества въ XVII в. не имѣла того распространенія, какъ въ древнѣйшее время. Но древнее закладничество, личное и реальное вмѣстѣ, сохранялось въ XVI—XVII в. въ нѣсколько иномъ видѣ. Отъ удѣльныхъ закладней мало чѣмъ отличались тѣ монастырскіе вкладчики XVI—XVII столѣтій, которые отдавали свою землю вкладомъ въ монастырь, и оставались жить на своей землѣ, въ качествѣ монастырскаго человѣка.

Наиболѣе же распространеннымъ въ XVII в. было закладничество личное. Непремѣннымъ условіемъ его было поселеніе на землѣ патрона. Заступу давала закладчику привиллегированная вотчина бѣломѣстца; поэтому заступныхъ людей XVII в. можно назвать закладчиками вотчинными для отличія отъ древнѣйшихъ закладниковъ, или закладней. Преслѣдуя закладничество этого рода, правительственные акты вѣка царей Михаила и Алексѣя не говорятъ ни о займѣ съ залогомъ лица, ни о закладѣ дворовъ, но исключительно о переходѣ, о бѣгствѣ тяглыхъ людей на земли вотчинниковъ... „А которые московскіе и городовые посадскіе люди,—читаемъ въ уложеніи 1649 г.,—сами, или отцы ихъ, въ прошлыхъ годѣхъ живали на Москвѣ и въ городѣхъ и на посадѣхъ въ тяглѣ, ...а нынѣ они живутъ въ закладчикахъ... за всякихъ чиновъ людьми на Москвѣ и въ городѣхъ, на ихъ дворѣхъ и въ вотчинахъ и въ помѣстьяхъ и на церковныхъ земляхъ, и тѣхъ всѣхъ сыскивати и свозить на старыя ихъ посадскія мѣста [1]). Возникая изъ поселенія на частно—владѣльческой землѣ, состояніе закладничества, такимъ образомъ, прекращается при возвращеніи лица на землю государственную, въ посадъ. Одна изъ грамотъ 1630 г. прямо указываетъ, что посадскіе люди... живутъ въ монастырскихъ слободахъ и на церковныхъ земляхъ въ закладчикахъ, вышедъ съ посаду“ [2]). Въ XVII в. нерѣдко говорили о закладчикахъ, не употребляя этого термина и другихъ отъ того же корня. Но эти люди, „поселившіеся за помѣщиками“, „живущіе за патріархомъ“, уйдя изъ посада, безъ всякаго сомнѣнія—тѣ же „закладчики“. Такъ одна изъ челобитныхъ, приводя примѣръ развитія закладничества, выражается

[1]) Ст. 13, гл. XIX.

[2]) А. Арх. Эксп., III, № 188, с. 274.

слѣдующимъ образомъ: „въ Нижнемъ-Новгородѣ на посадѣ, въ одной Благовѣщенской слободѣ за патріархомъ торговыхъ и ремесленныхъ людей, сверхъ писцовыхъ книгъ больше 600 человѣкъ, которые въ ту слободу сошлися изъ разныхъ городовъ и поселилися для своего промыслу и легости“ [1]). Въ позднѣйшей грамотѣ 1667 г. читаемъ: „и нынѣ тѣ отписные закладчики и крестьяне на Москвѣ ... вышли за тѣхъ же, за кѣмъ они прежъ сего жили, а иные вновь поселились за иныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ“ [2]). Заложиться и „поселиться за кого-нибудь“—это синонимы.

Поселяясь въ привиллегированной частновладѣльческой вотчинѣ, свободной отъ государственныхъ налоговъ и суда, закладчикъ дѣлался зависимымъ человѣкомъ землевладѣльца. Въ качествѣ боярскаго, монастырскаго или церковнаго человѣка, онъ выходилъ изъ подъ вѣдомства государственной власти, освобождался отъ уплаты налоговъ и отъ общей судебной и административной отвѣтственности, за исключеніемъ нѣкоторыхъ уголовныхъ преступленій (убійство, разбой и татьба съ поличнымъ). Закладчики, говоритъ челобитная 1648 г., „съ промысловъ своихъ и съ вотчинъ государевыхъ податей не платятъ и службъ не служатъ, а живутъ всегда вольготѣ“ [3]); тоже свидѣтельствуетъ соборное постановленіе 1619 г.: закладчики „податей никакихъ съ своею братьею, съ посадскими и уѣздными людьми не платятъ и живутъ себѣ въ покоѣ“ [4]). Съ другой стороны, дворяне и дѣти боярскія, жалуясь въ челобитьѣ на насильства, чинимыя „посадскими людьми, живущими за сильными людьми и за монастыри въ закладчикахъ“, указываютъ, между прочимъ, на то, что „въ городѣхъ воеводы и приказные люди на тѣхъ людей въ ихъ насильствахъ суда не даютъ, отказываютъ имъ, что имъ ихъ въ городѣхъ судити не указано“ [5]).

Оборотной стороной этой независимости отъ государственной власти, естественно, было полное подчиненіе закладчика господину, землевладѣльцу. Освободиться отъ власти государства лицо могло, только отдавшись во власть частновладѣльца, сдѣлавшись изъ государева человѣка—боярскимъ [6]). Констатируя такую зависимость закладчика отъ

[1]) Idem, IV, № 32 (1648), с. 45.

[2]) Idem, IV, № 158. Ср. IV, № 36 и III, № 141, с. 202. («розбѣжались»).

[3]) С. Гос. Гр. и Дог. т. III, № 47.

[4]) А. Арх. Эксп., т. IV, № 32 и 45. Ср. т. IV, № 158 (1667).

[5]) Уст. кн. земскаго приказа, XXXI, п. 10. Христом. В.-Буданова, III, с. 158.

[6]) Посадскіе люди просятъ государя взять закладчиковъ въ посадъ, чтобъ «вездѣ были все его государевы люди», «чтобъ вездѣ были все его В. Государя государство». А. Арх. Эксп, IV, № 36.

господина, изслѣдователи объясняли ее тѣмъ, что закладчикъ былъ крѣпокъ господину, какъ его неоплатный должникъ, по дѣйствовавшему въ древности правилу: „а кто человѣка держитъ въ деньгахъ и онъ того своего человѣка судитъ самъ“ [1]). Какъ я уже говорилъ, закладчикъ отнюдь не былъ неоплатнымъ должникомъ, отдавшимъ самого себя въ залогъ, запродавшимся кабальнымъ холопомъ. Отдаваясь въ подчиненіе господину, онъ, дѣйствительно, становился въ положеніе, близкое къ холопству. Но холопъ былъ человѣкъ крѣпкій господину, составлявшій его полную собственность, на котораго господинъ имѣлъ, кромѣ правъ владѣнія и пользованія, также и право распоряженія. Закладчикъ же не связывалъ себя никакой крѣпостью; въ юридическомъ отношеніи, съ точки зрѣнія права, признаваемаго и охраняемаго государствомъ, онъ оставался свободнымъ человѣкомъ. Если, поселяясь въ частно-владѣльческой вотчинѣ, закладчикъ становился въ зависимыя отношенія къ вотчиннику, за освобожденіе отъ государственныхъ обязанностей, платился временнымъ лишеніемъ свободы, подчиненіемъ суду и управѣ господина или его приказчика, то онъ все-таки сохранялъ за собою право порвать во всякое время свою зависимость. Въ этой временной, добровольной зависимости — существенная черта закладничества.

6. Институтъ этого рода, подъ именемъ патроната, существовалъ и въ западно-европейской исторіи. Соловьевъ, какъ я говорилъ раньше, переводитъ слово феодализмъ словомъ „закладничество“, произвольно расширяя значеніе этого термина. Но учрежденіе закладничества-патроната, въ томъ видѣ, какъ его характеризуетъ самъ же Соловьевъ, не составляетъ еще всей сущности феодальнаго строя, хотя и представляетъ одну изъ его существенныхъ основъ [2]). Въ средневѣковой латыни часто употреблялся терминъ, вполнѣ соотвѣтствующій по смыслу слову закладываться—задаваться; это глаголъ se commendare, обозначавшій актъ подчиненія кліента патрону. Слово закладничество тождественно по смыслу съ словомъ commendatio и терминъ „закладчикъ“ съ словомъ commendatus.

Историки западно-европейскаго патроната справедливо сближаютъ различныя формы этого института, существовавшія въ римскомъ го-

---

[1]) С. Гос. Гр. и Дог., I, № 148 (1514). На этотъ текстъ ссылается проф. Сергѣевичъ, op. cit., I, 270.

[2]) Кліентъ сдѣлался «вассаломъ», когда его главной обязанностью по отношенію къ патрону стала военная служба. Феодальное государство образовалось тогда, когда иммунитетное землевладѣніе и военный патронатъ, въ своемъ крайнемъ развитіи, поглотили государственную власть. Fustel de Coulanges passim.

сударствѣ, въ первые вѣка, въ эпоху разцвѣта римской имперіи и въ эпоху ея упадка, у галловъ во время Цезаря, у франковъ во время Меровинговъ, у англо-саксовъ до норманскаго завоеванія, и затѣмъ всюду на западѣ, въ эпоху феодализма. „Подъ различными наименованіями, говоритъ Фюстель де-Куланжъ, рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же институтѣ, который, измѣняясь, передается изъ вѣка въ вѣкъ. Сущность этого института состоитъ въ томъ, что одинъ человѣкъ отдается въ зависимость другому. Этотъ родъ зависимости не слѣдуетъ смѣшивать ни съ зависимостью раба отъ господина, ни съ отношеніями вольноотпущенника къ патрону. Рѣчь идетъ здѣсь о подчиненіи человѣка свободнаго, о подчиненіи добровольномъ. Древнія общества знали послушаніе гражданина государству, или подданнаго государю, который олицетворялъ государство. Мы же будемъ вести рѣчь о томъ послушаніи, которое человѣкъ добровольно оказываетъ личности другого человѣка. Это подданство индивидуальное и личное. Причина его возникновенія заключается въ томъ, что человѣкъ слабый или бѣдный нуждается въ человѣкѣ сильномъ или богатомъ. Онъ проситъ у него покровительства и подчиняется ему, чтобы достичь покровительства. Два лица заключаютъ обязательство: одинъ долженъ будетъ покровительствовать, другой повиноваться“ [1]).

Въ эпоху разцвѣта римскаго государства, патронатъ (clientela, patrocinium) былъ въ моментѣ переживанія; онъ не имѣлъ существеннаго вліянія на общественный строй, не измѣнялъ отношенія лицъ къ государству. Окрѣпшее государство съумѣло отнять у патроната его антигосударственный характеръ [2]). Но въ отношеніяхъ кліентовъ этого времени къ патронамъ сохранялась сущность этого учрежденія, добровольнаго союза двухъ лицъ, основаннаго на взаимномъ довѣріи (fidem inter se dare) [3]).

Тотъ или иной характеръ патроната зависитъ отъ состоянія государства. Въ IV вѣкѣ, въ силу ослабленія государственной власти, обусловившаго возможность противодѣйствія ея требованіямъ, патронатъ значительно развился въ римской имперіи, особенно въ удаленныхъ отъ

---

[1]) Fustel de Coulanges. Les origines du systéme féodal, le bénéfice et le patronat pendant l'époque mérovingienne. 1890. p. 192—193.

[2]) Flach. Les origines de l'ancienne France. t. I. Le régime seigneurial p. 55: «A la belle époque de Rome le patronage ne fait plus une institution mais un état de moeurs».

[3]) F. de Coulanges, op. cit p. 218. Этотъ писатель нѣсколько преувеличиваетъ значеніе кліентелы въ указанное время. Ему не удалось вполнѣ парировать то возраженіе, которое онъ предвидѣлъ: «n'allons pas croire qu'il s'agisse ici d'un vague patronage comme l'on imaginerait de nos jours», p. 239.

центра провинціяхъ, получивъ важное общественное значеніе. Commendatio этого времени ведетъ къ нѣкоторой независимости кліента („susceptus“, особый терминъ этого періода) отъ государства. Владѣнія знатныхъ лицъ пользуются податными привиллегіями; они платятъ налоги въ меньшемъ размѣрѣ а нѣкоторые совершенно свободны отъ уплаты налоговъ [1]). Благодаря защитѣ патрона, человѣкъ освобождался отъ части своихъ податныхъ обязанностей по отношенію къ государству; во всеобщемъ стремленіи освободиться отъ непомѣрнаго бремени налоговъ заключается главная причина развитія commendatio въ эту эпоху. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду ослабленія государственной власти, патронатъ и въ это время уже имѣетъ значеніе, какъ частный союзъ для защиты отъ насилія, какъ замѣна неудовлетворительной государственной защиты фактической обороной сильнаго патрона [2]). Хотя villae знатныхъ собственниковъ не пользуются еще судебнымъ иммунитетомъ, но на дѣлѣ сильный патронъ нерѣдко охраняетъ своего человѣка (homo) отъ государственнаго суда; онъ считаетъ себя стоящимъ „выше закона и внѣ закона“ и судъ уступаетъ передъ нимъ [3]).

Полное развитіе патронату даетъ иммунитетъ. Когда во время Меровинговъ (VI—VIII вв.) богатые землевладѣльцы окончательно дѣлаются государями въ предѣлахъ своихъ владѣній, когда право суда, сбора налоговъ и военнаго набора переходитъ въ руки землевладѣльца, то „по отношенію къ людямъ свободнымъ (кліентамъ) и рабамъ, живущимъ на его землѣ, онъ дѣлается единственнымъ главой, судьей и покровителемъ“ [4]). Въ это время патронатъ ведетъ къ крайнему, самому важному послѣдствію: полному освобожденію лица отъ власти государства. Государственныя права на лицо присваиваетъ патронъ, который заслоняетъ собою кліента отъ государственной власти такъ же, какъ раба. Но кліента нельзя приравнивать къ рабу — частной собственности господина. Для кліента такъ же, какъ для раба, господинъ есть государь; но для раба господинъ въ то же время — частный собственникъ съ правомъ распоряженія; для кліента же патронъ—только государь. Добровольная связь покровительства, патроната, по существу своему, ближе всего къ связи подданства [5]). Когда патронъ вотчин-

---

[1]) F. de Coulanges, op. cit. p. 243 и 422.

[2]) По мнѣнію Flach'a, патронатъ и въ это время имѣетъ главное значеніе, какъ частный союзъ для защиты: le bésoin de sécurité prime tout», op. cit., p. 77.

[3]) Flach, op. cit. I, 72.

[4]) F. de Coulanges, op. cit. L'immunité, ch. XVI, p. 419 и др.

[5]) Словомъ sujétion опредѣляетъ сущность патроната иногда и Ф. де-Куланжъ. «Связь патроната, покровительства, подданства, возникавшаго изъ добровольнаго соглашенія сторонъ». Op. cit. c. 205.

никъ, какъ въ средніе вѣка, обладаетъ государственными правами, сущность отношеній кліента къ патрону еще болѣе приравнивается къ отношеніямъ подданства лица къ государству.

Въ Англіи, въ саксонское время патронатъ—личное покровительство строго отличался отъ подчиненія одному изъ такихъ государственныхъ правъ вотчинника, сокѣ—праву суда надъ человѣкомъ. „Послѣ норманскаго завоеванія, замѣчаетъ П. Г. Виноградовъ, обѣ формы начинаютъ смѣшиваться подобно тому, какъ было во франкской монархіи: покровительство и частная юрисдикція соединяются и образуютъ основу феодальнаго строя“ [1]), патронатъ превращается въ подданство.

Я охарактеризовалъ нѣкоторыя формы западно-европейскаго патроната не для того, чтобы указать полную аналогію какой-либо изъ этихъ формъ съ русскимъ закладничествомъ. Я имѣлъ въ виду только выяснить сущность различныхъ видовъ этого института, которая оказывается тожественной съ сущностью закладничества. Дальнѣйшее сравненіе затрудняется неполнотою нашихъ свѣдѣній, какъ о западно-европейскомъ, такъ и о русскомъ патронатѣ, обусловленной отрывочными, случайными указаніями источниковъ. Какъ въ римской имперіи IV в., такъ и въ меровингскомъ государствѣ особенно распространено было закладничество лица вмѣстѣ съ принадлежащей ему землей, „le patronage des fonds de terre“ [2]). Какъ ни мало извѣстно о западномъ патронатѣ этого рода, о тожественной формѣ нашего закладничества, распространенной въ удѣльный періодъ, источники даютъ намъ еще болѣе скудныя свѣдѣнія. Съ другой стороны западно-европейскія грамоты особенно скудны указаніями по отношенію къ той формѣ закладничества, о которой идетъ рѣчь въ этой главѣ, къ патронату, связанному съ поселеніемъ лица на частновладѣльческой землѣ.

7. Особая черта сходства между закладничествомъ XVII в. и римскимъ патронатомъ IV в. заключается въ одной и той же главной причинѣ развитія этого института. Въ московскомъ государствѣ, точно также какъ въ римской имперіи въ эпоху ея упадка, главнымъ побужденіемъ къ закладничеству было обыкновенно стремленіе освободиться, подъ защитой патрона, отъ непосильнаго бремени налоговъ. Царскія грамоты замѣчаютъ, что тяглые люди дѣлаются закладчиками, „не хотя тягла и податей платити“ [3]); законы кодекса императора Ѳеодосія, пре-

[1]) Изслѣдованія по соц. ист. Англіи въ средніе вѣка, Domesday book. Ж. М. Нар. Пр., 1887, № 4, с. 212—213.

[2]) Одни «se recommandent eux et leurs, terres, tandis que d'autres ne recommandent que sa personne». Flach, op. cit., I, p. 74.

[3]) А. Арх. Эксп., т. IV, № 158, и выше.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

слѣдующіе патронатъ, говорятъ о людяхъ, „qui fraudandorum tributorum causa ad patrocinia confugerint“ [1]). Какъ московское, такъ и римское правительство издаютъ рядъ узаконеній противъ закладничества (patrocinium), одинаково грозятъ наказаніями, конфискаціей земель, штрафами патронамъ и кліентамъ (suscepti) и, какъ кажется, одинаково не достигаютъ цѣли [2]).

Правительство преслѣдовало закладничество по фискальнымъ соображеніямъ; землевладѣльцы нуждались въ людяхъ, дорожили платежной единицей не менѣе правительства и поэтому принимали дѣятельное активное участіе въ развитіи закладничества, привлекая тяглыхъ людей болѣе легкимъ оброкомъ. Между государственными властями и вотчинниками въ XVII в. шла непрерывная борьба за тяглеца, посадскаго человѣка. Переселяя съ вотчинъ избылыхъ посадскихъ людей на старыя ихъ тяглыя мѣста, правительство предписываетъ воеводамъ „беречь накрѣпко“, чтобъ землевладѣльцы отписанныхъ отъ нихъ въ посадъ закладчиковъ „не развозили и насильства имъ никакого не чинили“. Господа оказывали сопротивленіе чиновникамъ, отписывавшимъ закладчиковъ, и на тѣхъ „ослушниковъ и сильныхъ людей“ воеводы должны были давать, въ помощь писцамъ, пушкарей [3]).

Въ борьбѣ съ закладничествомъ правительству оказывали живое содѣйствіе посадскіе люди, остававшіеся на своихъ тяглыхъ мѣстахъ. Уходъ тяглаго человѣка подъ защиту бѣломѣстца ложился бременемъ на тяглую общину, отвѣчавшую передъ правительствомъ за избылыхъ людей; „за пустыя мѣста платили оставшіеся на посадѣ“ [4]). Посадскіе люди обращались къ правительству съ челобитными, прося уничтожить закладничество, и по ихъ иниціативѣ изданы были главныя узаконенія противъ закладчиковъ 1619 и 1648 г. „Иногда городскіе тяглецы,— говоритъ Соловьевъ,—платились за свое торжество, когда по ихъ челобитью возвращали къ нимъ ихъ бѣглыхъ собратій съ земель богатыхъ сосѣднихъ вотчинниковъ“. Приказчикъ кн. Репнина, мстя за взятыхъ въ посадъ закладчиковъ („отписныхъ“), съ вооруженными людьми

---

[1]) F. de Coulanges, op. cit., c. 244, прим. 1. Законъ 399 г.

[2]) Ibidem., c. 242, и Flach, op. cit., c. 77: «Confiscations et amendes doivent frapper ensemble le patron et le client. Mais les menaces demeurent stériles, les peines inefficaces: a fréquence des dispositions prohibitives le prouverait à elle seule».—«Строгія мѣры (противъ закладничества) нерѣдко не достигали цѣли». Лаппо-Данилевскій, op. cit., с. 154.

[3]) А. Арх. Экс., IV. № 34 (1648) и III, № 141 (1623).

[4]) «Тягло падало на всю общину, такъ какъ она представлялась правительству по послѣдней переписи». Лаппо-Данилевскій, op. cit., с. 117.

нападалъ на жителей гор. Луха, убивалъ ихъ и грабилъ [1]). Пока не было закладчиковъ, замѣчаетъ одна изъ грамотъ, „и мятежу никакого и междуусобія не бывало-жъ“ [2]).

Въ удѣльный періодъ на Руси, точно такъ какъ во Франціи въ Меровингскую эпоху, главной причиной развитія закладничества была слабость государственной власти; въ подчиненіи частному лицу, сильному господину люди стремились найти ту защиту, ту общественную безопасность, которую въ то время не обезпечивало еще вполнѣ государство. До нѣкоторой степени эта причина, стремленіе лицъ оградить себя „отъ сильныхъ людей насильства“, вліяла на развитіе закладничества и въ Московскомъ государствѣ, въ XVII в. Вліяніе ея должно было быть особенно значительнымъ въ первое время послѣ смутной эпохи, когда многіе люди „били челомъ государю па бояръ и всякихъ чиновъ людей, чтобъ ихъ пожаловать, велѣть отъ сильныхъ людей оборонить“ [3]). Представители государственной власти, и въ позднѣйшее время, нерѣдко оказывались безсильными передъ самоуправствомъ могущественныхъ вотчинниковъ или ихъ приказчиковъ; иногда, замѣчаетъ П. Н. Милюковъ, „правительство должно было, послѣ троекратной повѣстки, устраивать правильную осаду жилища, чтобы привести въ судъ сколько-нибудь вліятельнаго обвиняемаго“ [4]). Насилія и злоупотребленія правительственныхъ агентовъ дѣлали еще болѣе тяжелымъ безправное положеніе государевыхъ людей, заставляли ихъ, изъ боязни быть „замученнымъ на смерть на правежѣ“, „брести розно“, и закладываться за бояръ и монастыри.

„За хребтомъ“ сильнаго боярина жить было болѣе безопасно и здѣсь скорѣе можно было найти относительно праведный судъ и управу [5]). Вмѣсто насилія воеводъ и откупщиковъ, закладчика ждали на частновладѣльческой землѣ насилія боярскихъ приказчиковъ, но произволъ послѣднихъ сдерживался тѣмъ, что они дорожили рабочими людьми болѣе посадскихъ властей, и тѣмъ, что закладчикъ оставался свободнымъ человѣкомъ и могъ бѣжать отъ ихъ злоупотребленій. Защита же отъ насилія стороннихъ людей была болѣе дѣйствительной на частновладѣльческой землѣ. Господа заботились о безопасности своихъ людей и

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Россіи, т. XIII, нов. изд., кн. III, с. 703; Дополненіе къ Актамъ гор. Тулы, Я. Гарелина.

[2]) А. Арх. Эксп., IV, № 32, с. 15.

[3]) А. Арх. Эксп., III, № 105.

[4]) П. Милюковъ, Очерки по исторіи р. культуры, 1896, с. 157.

[5]) См. И. Забѣлинъ. «Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ», ст. въ «Вѣстн. Евр., 1871, № 2, с. 490.

вмѣняли въ обязанность приказчикамъ „въ обиду ихъ никому не давать и отъ стороннихъ людей оберегать и во всемъ за нихъ стоять и самому съ своими людьми стороннихъ людей никого не изобижать“ [1]). Землевладѣльцы защищали „живущихъ за ними людей“, нерѣдко даже въ случаѣ ихъ виновности „во всякомъ разбойномъ и татебномъ воровствѣ“, „хоронили ихъ у себя и отбивали у приставовъ“ [2]). Подъ защитой сильнаго человѣка, закладчики, не боясь насилія надъ собой, въ свою очередь, чинили насилія другимъ. Дворяне и дѣти боярскія жаловались государю, что отъ закладчиковъ, живущихъ за сильными людьми и за монастыри, „имъ и людемъ ихъ и крестьяномъ обиды и насильство многое въ городѣхъ и по торжкомъ и по слободамъ и на посадахъ: людей ихъ и крестьянъ грабятъ и побиваютъ, по мытамъ и на перевозахъ перевозы и мостовщину емлютъ мимо государева указу“ [3]). Къ тому же самому слѣдствію вело закладничество и въ римской имперіи; по свидѣтельству современника императора Θеодосія Великаго, люди иногда становились подъ защиту могущественнаго человѣка „не для того, чтобы не терпѣть зла, но чтобы самимъ его дѣлать“ (οὐχ ἵνα μὴ πάθωσι κακῶς, ἀλλ᾽ἵνα ἔχωσι ποιεῖν [4]).

8. Типичная форма закладничества XVI, XVII в., какъ я указалъ выше, была связана съ поселеніемъ лица въ предѣлахъ владѣній патрона. Поселясь на частно-владѣльческой землѣ, часть закладчиковъ сохраняла свою хозяйственную самостоятельность; одни изъ задавшихся людей этого разряда занимали особые дворовые участки, поселяясь въ готовыхъ дворахъ и избенкахъ, или строя новые хоромы; другіе—вели самостоятельныя хозяйства, живя на боярскихъ дворахъ, состоявшихъ въ личномъ пользованіи ихъ владѣльца. Особый разрядъ закладчиковъ составляли лица, не имѣвшія самостоятельныхъ хозяйствъ, жившія въ челяденныхъ дворахъ господина, для личныхъ услугъ, или непосредственной работы на него; это такъ-называемые „вольные холопы“, названіе, прекрасно опредѣляющее сущность закладнической зависимости.

Глаголъ закладываться—задаваться имѣлъ въ древности широкій смыслъ, употреблялся для обозначенія всякаго выхода лица подъ заступу частнаго лица, какимъ бы путемъ ни достигалось покровительство господина. Такой общій смыслъ имѣетъ этотъ глаголъ въ указанныхъ мною раньше выраженіяхъ: закладываться въ крестьянство или въ хо-

---

[1]) И. Забѣлинъ, l. cit., № 1, с. 21.
[2]) Уложеніе 1649, ст. 77 и 81, гл. XXI.
[3]) Уст. кн. земскаго приказа, № XXXI, п. 10. L. cit., с. 158.
[4]) F. de Coulanges, op. cit., с. 242, прим. 1.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

лопство. Терминъ „закладчикъ“, напротивъ, имѣлъ слишкомъ узкій смыслъ; отнюдь не всѣ задавшіеся люди, находившіеся въ закладнической зависимости, такъ какъ я ее понимаю, назывались въ XVII в. закладчиками. Этимъ словомъ пользовались почти исключительно для обозначенія заложившихся, путемъ выхода изъ посада на частно-владѣльскія земли, тяглыхъ посадскихъ людей, торговцевъ и ремесленниковъ, которые и на боярской или монастырской землѣ продолжали свою торговую и промышленную дѣятельность. Акты, какъ можно замѣтить по вышеприведеннымъ цитатамъ [1]), говорятъ о посадскихъ, торговыхъ, промышленныхъ и ремесленныхъ людяхъ закладчикахъ [2]), отличаютъ закладчиковъ отъ крестьянъ („крестьяне и закладчики“), запрещаютъ закладчикамъ при переписяхъ „называться крестьянами и людьми“ [3]).

До уложенія 1649 г., когда привиллегированныя частно-владѣльскія слободы и церковныя земли были взяты въ тягло, закладчики селились въ такихъ „монастырскихъ, боярскихъ и всякихъ чиновъ людей слободахъ и на церковныхъ земляхъ“, на которыхъ жили „вольные или чьи-нибудь люди и бывшіе посадскіе жильцы“, „всякими торговыми промыслами промышляли, а государевыхъ податей не платили, и службъ не служили, и издѣлей не дѣлали“ [4]). По имущественному и хозяйственному своему состоянію закладчики въ такихъ слободахъ не отличались отъ другихъ частно-владѣльческихъ посадскихъ людей [5]), стоявшихъ въ иныхъ юридическихъ отношеніяхъ къ землевладѣльцамъ. За занятую подъ строеніе землю, или за занятые дворы, они платили землевладѣльцу оброкъ. Писцовыя книги первой половины XVII в., поименовывая людей, живущихъ на церковныхъ земляхъ въ избенкахъ, пришлыхъ изъ разныхъ городовъ ремесленниковъ, замѣчаютъ, что такіе люди, въ которыхъ нельзя не узнать закладчиковъ, „оброкъ съ земли платятъ попу“ [6]).

---

[1]) См. § 5.

[2]) А. Арх. Эксп., IV, № 32, 36, 158, III, № 188.

[3]) Уложеніе, ст. 19, гл. XIX. Ср. Д. къ А. Ист. VIII, № 48, IV: за Троицкимъ мон. объявилось столько-то крестьянъ и «разныхъ городовъ прихожихъ людей 6 чел. женатыхъ закладчиковъ».

[4]) Изъ ст. 1, 3, 4, гл. XIX Уложенія.

[5]) «Монастырскіе посадскіе люди» которые, однако, отбываютъ нѣкоторыя натуральныя повинности, упоминаются въ А. А. Э., III, № 267 и 321 (1637, 1643).

[6]) Г. Тула, Мат. для ист. гор. Писцовая книга, 1625, с. 9. Тоже г. Бѣлевъ. Мат. для ист. гор. Писцовая, 1624—25 («Да на церковной землѣ живутъ за попомъ бѣлецвы, вольные люди, пришли за попа въ 128 г., наймаются работать», с. 3). Въ писцовыхъ книгахъ упоминаются иногда, «закладчики», живущіе за людьми высшихъ классовъ; архіепископскіе и монастырскіе закладчики»; см. г. Тобольскъ, Мат. для ист. гор.,

Многіе закладчики селились не на особыхъ дворовыхъ мѣстахъ, въ обыкновенныхъ дворахъ и избенкахъ мелкихъ ремесленниковъ, но на боярскихъ дворахъ, имѣвшихъ какое-либо спеціальное назначеніе, удовлетворявшихъ хозяйственнымъ надобностямъ собственника или состоявшихъ въ его личномъ пользованіи. Закладчики, поселявшіеся на такихъ дворахъ съ боярскими хоромами, осадныхъ дворахъ, загородныхъ, монастырскихъ подворьяхъ, „дворахъ для пріѣзду“ и т. под., назывались дворниками, наравнѣ со всякими людьми, крестьянами, холопами и наймитами, жившими на такихъ дворахъ; дворниками назывались не только люди, жившіе на дворахъ этого рода, для ихъ „обереганья“, но и для самостоятельнаго занятія промысломъ и торговлей. Статья уложенія, запрещающая господамъ держать на своихъ дворахъ болѣе двухъ дворниковъ, очевидно, направлена противъ закладчиковъ, нерѣдко въ большомъ числѣ тѣснившихся на господскихъ дворахъ, подъ видомъ, или въ качествѣ дворниковъ. Не останавливаясь въ настоящую минуту на этихъ вопросахъ [1]), я ограничусь ссылкою на писцовую книгу г. Серпухова, прямо указывающую на отмѣченную мною разницу между закладчиками вообще и закладчиками-дворниками. При отпискѣ патріаршихъ закладчиковъ, въ этой книгѣ, по свидѣтельству г. Симсона, сказано, что „бо́льшая часть ихъ называла себя дворниками, на самомъ же дѣлѣ жила не на патріаршемъ дворѣ, а по избамъ порознь“ [2]).

Закладчиками-кліентами, далѣе, слѣдуетъ признать и тѣхъ лицъ, которые, задаваясь за господина (не нанимаясь и не продаваясь въ рабство), находили себѣ пріютъ среди дворовыхъ людей господина, на его дворѣ съ челядью, для личныхъ услугъ или непосредственной работы на него. Такіе „добровольные люди“, „добровольные послужильцы“, „волѣные холопы“ отнюдь не были холопами-рабами, потому что госпо-

---

с. 5, 6.—Въ Серпуховѣ отписаны были въ посадѣ, въ 1649 г., люди, жившіе за патріархомъ и за монастыри и за бояры и за окольничими въ закладчикахъ» и рядомъ съ ними люди, «жившіе въ бобыляхъ и за попами» (повидимому, тоже закладчики). Симсонъ, Ист. гор. Серпухова, с. 196. Закладчики на церковныхъ земляхъ называются иногда бобылями. См. Бѣлевъ, Мат., с. 5 и др.

[1]) Данныя писцовыхъ книгъ и актовъ вполнѣ подтверждаютъ, по моему мнѣнію правильность опредѣленія дворничества, предложеннаго С. Ѳ. Платоновымъ: «Дворничество само по себѣ въ XVI в. могло быть только фактическимъ занятіемъ, не будучи юридическимъ состояніемъ. ... Зависимость могла быть только фактической или же она вытекала изъ условій, постороннихъ дворничеству: изъ холопьей кабалы, изъ крестьянской порядной, изъ закладнической сдѣлки». Ж. М. Н. Пр. 1890, № 5, с. 152. Таже мысль въ менѣе опредѣленной формулировкѣ одновременно высказана А. С. Лаппо-Данилевскимъ, op. cit., с. 146—147. Мнѣніе о дворничествѣ И. Н. Миклашевскаго, Къ ист. хоз. быта Моск. госуд., ч. I, с. 100,101,—представляетъ собою шагъ назадъ.

[2]) П. Симсонъ, Ист. гор. Серпухова, с. 196.

динъ не имѣлъ на нихъ права распоряженія, составляющаго существенный признакъ рабства. Ихъ отношенія къ господину были именно добровольной и временной, закладнической зависимостью [1]). Такая вольная служба была очень распространеннымъ явленіемъ: вольные холопы иногда очень долго, 5—20 лѣтъ служили господамъ, не продаваясь въ рабство [2]); они сохраняли право уйти отъ господина, право отказа, и уходили при первомъ же покушеніи на ихъ свободу: одинъ изъ такихъ закладчиковъ заявлялъ, что онъ „послужилъ у Михайла Лагорева съ полгоду добровольно, и Михайло хотѣлъ его окабалить, и онъ отъ него сшелъ“ [3]). Правительство не признавало такого вольнаго холопства, какъ и всякаго другого вида закладничества. Въ 1551 г. государь указалъ: господамъ, у которыхъ служили „добровольные люди“, на тѣхъ людей суда не давати, „а что у него пропало, то у себя самъ потерялъ, того для, что добровольному человѣку вѣритъ и у себя его держитъ безъ крѣпости“ [4]). Такую добровольную службу несли нерѣдко вольноотпущенные люди, „холопы съ отпускными“, также преслѣдуемые за это правительствомъ [5]). Въ вольное холопство закладывались нерѣдко бѣдные люди, для пропитанія, малолѣтніе и взрослые нищіе и бродяги [6]). Въ исторіи западно-европейскаго патроната тоже извѣстны такіе закладчики, „qui se commendent parce qu'ils n'ont de quoi se nourrir et vêtir“, которые „obsequuntur divitibus causa saturitatis“ [7]).

9. Теперь я перейду къ обзору законодательной борьбы съ той формой закладничества, о которой преимущественно идетъ рѣчь въ этой главѣ, закладничества—поселенія на частновладѣльческой землѣ.

Впервые было оно воспрещено въ серединѣ XVI вѣка, статьей 91 Царскаго Судебника 1551 г. Статья эта въ обычно цитируемой ея редакціи, по Строевскому списку, изложена весьма сбивчиво, но смыслъ

---

[1]) Неволинъ безъ всякаго основанія усматриваетъ въ добровольныхъ холопахъ—«добровольныхъ наймитовъ». Op. cit. III, § 462, с. 202. Отношенія найма регулируются въ законодательствѣ особыми постановленіями и совершенно иначе. Ср. Ц. Суд., ст. 83. Затѣмъ какіе это добровольные наймиты, точно не всякая сдѣлка найма есть добровольное соглашеніе?

[2]) См. мою статью «Люди кабальные и докладные», loco cit.

[3]) Новгор. кабальныя книги, 7108, с. 28. Р. Ист. Библ., т. XIV. — Добровольные люди уходятъ, какъ и крестьяне, съ отказомъ и безъ отказу: см. Ук. кн. вѣд. казнач., № IV, l. cit., с. 5.

[4]) Ук. кн. вѣд. казнач., № IV, 7064, окт. 11. Узаконеніе это почти безъ измѣненій вошло въ уложеніе 1649 г., ст. 17, гл. XX.

[5]) Ук. кн. вѣд. казнач., № V, п. 16 (1556), № VIII (1558). «Съ отпускною у того государя не служити».

[6]) См. данныя изъ кабальныхъ книгъ въ вышеуказанной моей статьѣ.

[7]) F. de Coulanges, op. cit., с. 245 и гл. XII.

ея уясняется болѣе правильнымъ чтеніемъ, даваемымъ большею частью другихъ списковъ; она должна читаться, повидимому, такъ: „а торговымъ людемъ городскимъ въ монастыряхъ и въ монастырскихъ городскихъ дворахъ не жити; а которые торговые люди учнутъ жити въ монастыряхъ и тѣхъ съ монастырей сводити, да и намѣстникомъ ихъ судити. А на монастыряхъ жити нищимъ, которые питаются отъ церкви Божіей“ [1]). Это первое общее запрещеніе торговымъ людямъ закладываться за монастыри, поселяясь на монастырскихъ бѣлыхъ земляхъ и дворахъ. Въ связи съ этой статьей находится ст. 59, воспрещающая закладничество церковное: „а которая вдовица питается отъ церкви Божіей, а живетъ своимъ домомъ, ино то судъ не святительскій“.

Въ поясненіе указанной статьи судебника можно указать еще нѣсколько частныхъ распоряженій правительства, преслѣдующихъ ту же цѣль и относящихся къ тому же 1551 г. Въ XIV, XV и въ первой половинѣ XVI в., великіе князья, давая монастырскимъ дворамъ въ городахъ обычныя привиллегіи въ отношеніи суда и налоговъ, обѣляютъ эти дворы безусловно; дѣйствіе жалованной обѣльной грамоты распространяется на всѣхъ лицъ, сколько бы ихъ монастырь ни поселилъ на своемъ дворѣ („кто у нихъ иметъ жити въ томъ дворѣ людей“, или „кого въ городѣ посадитъ“). Но въ 1551 г. государь, подтверждая жалованныя грамоты, данныя ранѣе монастырямъ на городскіе дворы, ограничиваетъ ихъ дѣйствіе по отношенію къ лицамъ, живущимъ на этихъ дворахъ; очевидно, предупреждая закладничество, правительство опредѣляетъ, что только одно или два лица („дворника“), живущіе на этихъ дворахъ, будутъ впредь пользоваться привиллегіями суда и дани [2]).

Въ 1584 г. указанное узаконеніе Судебника было подтверждено въ иной терминологіи и формѣ: запрещеніе направлено было противъ господъ, принимавшихъ закладчиковъ, и распространено было, кромѣ церковныхъ, также и на свѣтскія земли. Во второй соборной грамотѣ

---

[1]) См. А. Истор. I, № 153, примѣчанія. Списки Сійскаго монастыря и Софійской библіотеки XVI, XVII в., №№ 1, 2, 11 — 16, 19, отчасти №№ 5 и 8. «Въ монастыряхъ, городскихъ дворахъ не жити», прочее правильно въ спискѣ канцеляриста Попова, ст. 90; изд. Башилова, 1768.

[2]) Ср. жалованную грамоту Троицкому монастырю на дворы у Соли, 1543 г. и ея подтвержденіе 1551 г.: А. Арх. Эксп. I, № 200. «А кто у нихъ въ томъ ихъ дворѣ, опричь одного человѣка дворника, учнетъ жити, и тѣмъ людемъ всякія подати давать съ черными людьми ровно и волостели ихъ Ряполовскіе и тіуны судятъ, какъ иныхъ черныхъ людей». Привиллегіи распространяются только на двухъ дворниковъ въ подтвержденіяхъ (1551 г.) жалованныхъ грамотъ 1534 г. на Троицкіе осадные дворы въ Суздалѣ и Костромѣ и дворъ въ Дмитровѣ: А. А. Э. I, № 179. Акты Ѳедотова-Чеховскаго I, № 43, стр. 45.—Удѣльный князь Владиміръ Андреевичъ не рѣшается, однако, на такую мѣру; см. А. А. Э. I № 273 (1566 г.).

объ уничтоженіи тархановъ сказано слѣдующее: „и въ закладчикахъ за собою торговыхъ людей, съ которыхъ идутъ царскія дани, какъ отъ священныхъ, такъ и отъ мірскихъ царскаго синклита не держати“ [1]). Поступаясь своими правами, духовный соборъ не забылъ при этомъ случаѣ и свѣтскихъ держателей закладчиковъ, — „мірскихъ царскаго синклита“. Мотивъ этого постановленія указанъ въ тѣхъ же грамотахъ; то, что сказано въ нихъ о крестьянахъ, вышедшихъ за помѣщиковъ, должно быть отнесено и къ торговымъ людямъ закладчикамъ: они вышедъ съ посаду, „живутъ за тарханы во льготѣ и отъ того великая нищета пріинде“ торговымъ людемъ.

10. Болѣе энергичная борьба съ закладничествомъ началась послѣ смутнаго времени и неослабно велась впродолженіе всего XVII вѣка. Въ 1619 г. сдѣланъ былъ рѣшительный шагъ къ прикрѣпленію посадскихъ людей по мѣсту ихъ жительства и тѣмъ самымъ и къ уничтоженію закладничества. Соборъ приговорилъ произвести перепись городовъ и вмѣстѣ съ возвращеніемъ на старыя мѣста посадскихъ людей, переселившихся изъ одного города въ другой, возвратить въ посады всѣхъ, „заложившихся за бояръ, за монастыри и за всякихъ людей, и отдать ихъ на крѣпкія поруки съ записьми“, во избѣжаніе новаго ихъ выхода изъ посада. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ лицъ, державшихъ за собою закладчиковъ, велѣно было взыскать недоимки, накопившіяся на этихъ послѣднихъ со времени выхода ихъ изъ тягла [2]).

Черезъ двадцать лѣтъ было сдѣлано новое распоряженіе о закладчикахъ, опять строгое по отношенію къ патронамъ. Указомъ 12 сентября 1638 г. порученъ былъ кн. П. А. Репнину и дьяку Минѣ Грязеву общій сыскъ и возвращеніе лицъ, заложившихся со времени воцаренія Михаила Ѳедоровича. Въ указѣ этомъ не говорилось о взысканіи недоимокъ бѣглыхъ посадскихъ съ господъ, но повелѣно было „хоромы, которые они ставили, живучи за тѣми людьми, отдавать съ мѣсты и съ животы имъ закладчикомъ“ [3]). Возвращенные въ посадъ тяглецы строились на посадѣ подъ надзоромъ особыхъ „свозчиковъ“, которые жили по городамъ втеченіе трехъ лѣтъ: тѣхъ изъ закладчи-

---

[1]) С. Гос. Гр. и Дог. I, № 202, с. 595. Въ соборномъ приговорѣ о тарханахъ 1580 г. этой статьи о закладчикахъ нѣтъ. Idem. № 200. О смыслѣ слова «закладни» въ этихъ грамотахъ см. главу III.

[2]) Книги разрядныя т. I, с. 613 (1619 г.). Окружныя грамоты объ этомъ соборномъ постановленіи въ Новгородъ и въ Галичъ: С. Гос. Гр. и Дог. III, № 47 и А. Арх. Эксп. III, № 105. О томъ же въ Устюжну, 1623 г.: А. А. Э. III, № 141.

[3]) Этотъ указъ приведенъ въ ц. грамотѣ къ воеводѣ суздальскому 1638 г. А. А. Э. III, № 279.

ковъ, которые не нашли себѣ „поручниковъ въ житьѣ и въ дворовомъ строеніи“, сажали въ тюрьму. Въ 1642 г. сидѣвшіе въ тюрьмахъ закладчики были выпущены съ угрозой большого наказанья и ссылки въ Сибирь, если они „сбѣгутъ и жити и строиться не учнутъ“ [1]).

Особою строгостью отличаются постановленія уложенія 1649 г. о закладничествѣ, выработанныя на соборѣ по челобитьямъ посадскихъ и служилыхъ людей. Закладывавшимся посадскимъ грозилъ, по этому уложенью, кнутъ и ссылка въ Сибирь на Лену; лицъ, принимавшихъ за себя закладчиковъ, ждала великая опала и конфискація тѣхъ земель, на которыхъ они поселятся. Отчасти для пресѣченія закладничества въ корнѣ, принята была рѣшительная мѣра, отписка на государя частно владѣльческихъ слободъ и деревень „стоявшихъ въ рядъ съ посады“ [2]). Противъ закладничества косвеннымъ образомъ направлена была и статья Уложенія о дворничествѣ. Уложеніе приказываетъ господамъ держать на загородныхъ дворахъ и огородахъ холоповъ, и только въ случаѣ неимѣнія людей, разрѣшаетъ держать въ дворникахъ по одному крестьянину или бобылю на дворѣ. Всѣ лишніе дворники, даже крестьяне, записанные за вотчинниками въ писцовыхъ книгахъ, тѣмъ болѣе дворники - закладчики, берутся въ тягло [3]).

Но указанныя угрозы уложенія не остановили бѣгства посадскихъ людей отъ непосильнаго тягла на частно-владѣльческія земли, подъ оборону бѣломѣстцевъ. Онѣ къ тому же, повидимому, не исполнялись. При массовомъ движеніи посадскихъ людей въ закладчики, наказаніе лицъ, провинившихся въ этомъ, ссылкою на Лену шло бы въ разрѣзъ съ цѣлью, поставленной уложеніемъ, возвращеніемъ посадскихъ на старыя ихъ мѣста. Въ 1667 г. правительство не примѣняло этихъ наказаній даже къ рецидивистамъ закладчикамъ, отписаннымъ на прежнія тяглыя мѣста и вновь вышедшимъ за бѣломѣстцевъ, и ограничивалось вторичнымъ возвращеніемъ въ посадъ такихъ „отписныхъ“ закладчиковъ [4]).

Въ 80-хъ годахъ въ политикѣ московскаго правительства, относившейся къ борьбѣ съ выходомъ земли и людей изъ тягла, замѣчается нѣкоторое колебаніе. Правительство какъ бы убѣждается въ своемъ безсиліи искоренить личное закладничество путемъ возвращенія бѣглыхъ посадскихъ въ мѣста ихъ приписки, и закладничество тяглой земли путемъ

---

[1]) Этотъ указъ 11 апр. 1642 г. въ грамотѣ сузд. губному старостѣ, А. А. Э. III, № 311.

[2]) Уложеніе, ст. 7, 8, 9, 13 гл. XIX. Челобитья и особые указы по нимъ 1648 г., ноября 13, 25, дек. 18, въ А. А. Э. IV, № 32. Ц. грамота во Владиміръ объ исполненіи постановленій уложенія: А Ист. IV, № 29.

[3]) Ст. 14, гл. XIX.

[4]) Указъ свіяжскому воеводѣ: А. Э. IV, № 158.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

конфискаціи ея у бѣломѣстцевъ. Главныя усилія направляются теперь на привлеченіе въ тягло бѣломѣстцевъ вмѣстѣ съ лицами, за нихъ заложившимися. Землю, перешедшую въ руки бѣломѣстцевъ, правительство оставляетъ за ними, подъ условіемъ платить съ нея тягло [1]). Точно также указами 1688—1693 г.г. правительство предписываетъ воеводамъ нѣкоторыхъ городовъ (Новгорода, Ярославля, Вологды) оставлять „помѣщиковыхъ, вотчинниковыхъ, властелинскихъ и монастырскихъ закладчиковъ, крестьянъ, бобылей и захребетниковъ“, пришедшихъ сюда изъ другихъ городовъ съ 1649 по 1684 г.,— на новыхъ мѣстахъ поселенія, съ обязательствомъ „службы служить и тягло всякое платить съ городскими посадскими людьми въ рядъ“ [2]).

Но правительство не могло, конечно, совершенно отказаться отъ возвращенія бѣглыхъ. Въ 1698 г. воеводѣ одного изъ только-что указанныхъ городовъ (Ярославля) приказано было „учинить заказъ крѣпкой“, чтобъ никто не принималъ и не держалъ бѣглыхъ служилыхъ и тяглыхъ людей и велѣно было отсылать такихъ бѣглыхъ въ ихъ города съ приставами [3]). Борьба съ закладничествомъ посадскихъ людей продолжается до царствованія Петра Великаго. Въ 1714 году имъ изданъ былъ указъ, повторяющій прежнія распоряженія о закладчикахъ. Указъ этотъ говоритъ, что многіе купецкіе люди, „вышедъ изъ слободъ и отбывая податей и уклоняясь отъ службъ“, живутъ на загородныхъ дворахъ у бѣломѣстцевъ, и повелѣваетъ такихъ людей съ тѣхъ дворовъ вернуть назадъ въ слободы [4]).

11. Прослѣдивъ узаконенія о закладчикахъ, я остановлюсь теперь на узаконеніяхъ о закладѣ тяглыхъ дворовъ, чтобы, путемъ сравненія тѣхъ и другихъ, выяснить, что личное закладничество не имѣло никакой прямой связи съ закладомъ дворомъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ новѣйшихъ изслѣдователей. Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, касающихся закладничества, мы находимъ не только тѣсное сближеніе „личнаго заклада“ (какъ обыкновенно опредѣляютъ закладничество) съ закладомъ недвижимостей, но и полное смѣшеніе весьма различныхъ по содер-

---

[1]) Неволинъ, Ист. росс. гражд. зак., т. II, § 314, с. 267.

[2]) А. Ист. V, № 226. Грамота новгор. воеводѣ 1693 г., ноября 8; въ текстѣ ея излагаются указъ въ Ярославль, 197 г., Окт. 12 и въ Вологду, 197 г., 11 іюля, о томъ же, по челобитью земскаго старосты и всѣхъ посадскихъ людей. (Любопытно, что по указамъ 197 г. не возвращаются помѣщикамъ даже ихъ бѣглые крестьяне, вышедшіе по 193 г. (!): «въ искахъ помѣщикамъ отказывать для того, что они не били намъ челомъ многіе годы».— Возстановленіе урочныхъ лѣтъ).

[3]) П. С. З. III, № 1.650, с. 488.

[4]) П. С. З. V, № 2.794, с. 69. См. нашу книгу: Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго, с. 126, 127.

жанію узаконеній, относящихся къ этимъ двумъ явленіямъ. Такъ, А. С. Лаппо-Данилевскій говоритъ слѣдующее: „личный закладъ могъ замѣниться реальнымъ, если заемщикъ представлялъ кредитору въ видѣ обезпеченія свою движимую или недвижимую собственность; въ такомъ случаѣ личный рискъ смѣнялся имущественной отвѣтственностью“. На дальнѣйшихъ страницахъ книги названнаго автора, посвященныхъ закладничеству—личному закладу, рѣчь идетъ исключительно о реальномъ закладѣ тяглыхъ дворовъ бѣломѣстцахъ: въ примѣчаніяхъ указываются безразлично узаконенія какъ о „закладчикахъ“, такъ и о закладѣ дворовъ. Словомъ „закладчикъ“ А. С. Лаппо-Данилевскій, подобно Неволину [1]), обозначаетъ зологодателей, лицъ, закладывавшихъ свои дворы [2]). П. Н. Милюковъ, съ своей стороны, въ извѣстной обстоятельной рецензіи на книгу г. Лаппо-Данилевскаго не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній на указанныя разсужденія послѣдняго; онъ указалъ лишь на болѣе послѣдовательный выводъ изъ его фактическаго изложенія, оставивъ въ сторонѣ личный залогъ, и опредѣлилъ закладничество исключительно какъ закладъ реальный. „Закладничество,—говоритъ г. Милюковъ,—то-есть, залогъ и отчужденіе недвижимаго имущества, представляется выходомъ изъ тягла въ томъ случаѣ, если тяглый участокъ переходитъ по закладной къ бѣломѣстцу“ [3]).

Грамоты, цитированныя мною ранѣе, никоимъ образомъ не допускаютъ такого смѣшенія закладничества съ закладомъ недвижимостей; оно возникало въ XVII в., какъ я говорилъ, изъ поселенія лица на частновладѣльческой землѣ и не имѣло никакой связи съ закладомъ тяглыхъ дворовъ. Съ замѣчательной послѣдовательностью всѣ главнѣйшія узаконенія называютъ лицъ, закладывавшихъ свои дворы, заимщиками, отличая ихъ тѣмъ отъ закладчиковъ [4]).

Узаконенія, касающіяся заклада тяглыхъ участковъ, замѣчу далѣе, составляютъ особый рядъ распоряженій, параллельный распоряженіямъ о личномъ закладничествѣ. Закладъ тяглыхъ дворовъ, одновременно съ продажей и другими способами отчужденія ихъ въ руки бѣломѣстцевъ, воспрещенъ былъ въ 1621 г.; затѣмъ, въ 1634 г. указано было бить кнутомъ тяглыхъ людей за закладъ и продажу дворовъ бѣломѣстцамъ [5]). Наказаніе за закладничество опредѣлено было впервые въ уложеніи 1649 г. и притомъ сразу болѣе суровое: кнутъ и ссылка на Лену

[1]) Ист. росс. гражд. зак. т. II, § 314.
[2]) Организ. прямого обложенія, с. 150—157.
[3]) Спорные вопросы финансовой исторіи Моск. госуд., с. 88.
[4]) См. выше, § 5.
[5]) А. Ист., т. III, № 92. IX, XXV.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

одновременно. За закладъ же дворовъ бѣломѣстцамъ посадскіе, по уложенію, наказывались по прежнему только торговою казнью, безъ ссылки въ Сибирь. За пріемъ на свои земли закладчиковъ вотчинникамъ грозила великая опала и конфискація земель; за пріобрѣтеніе же тяглыхъ дворовъ по купчимъ и закладнымъ бѣломѣстцы наказывались только безденежнымъ возвращеніемъ дворовъ въ сотни. При этомъ личное закладничество воспрещается безусловно; закладъ же дворовъ, собственно говоря, не преслѣдуется; строго воспрещается лишь отчужденіе тяглыхъ дворовъ въ руки бѣломѣстцевъ, или ихъ людей и крестьянъ по просроченнымъ закладнымъ [1]).

То личное закладничество, о которомъ говорятъ спеціально ему посвященныя узаконенія, не имѣло, такимъ образомъ, никакой связи съ сдѣлками заклада тяглыхъ участковъ. Правительственные акты подъ закладчиками разумѣютъ лицъ, уходящихъ изъ посада на частновладѣльческія земли, а не лицъ, заложившихъ самихъ себя вмѣстѣ съ своими дворами, какъ думаютъ нѣкоторые изслѣдователи. Закладъ двора не былъ связанъ съ переходомъ лица, дворовладѣльца, во власть залогопринимателя. Продавъ свой дворъ, или заложивъ и просрочивъ, посадскій человѣкъ обыкновенно не оставался жить на этомъ дворѣ въ качествѣ зависимаго лица отъ новаго дворовладѣльца. По свидѣтельству челобитной 1635 г. [2]), на дворахъ и дворовыхъ мѣстахъ, заложенныхъ и перешедшихъ въ собственность бѣломѣстцевъ, „живутъ и строятся всякихъ чиновъ люди..., а тѣ люди, которые закладываютъ, изъ сотенъ, изъ слободъ и изъ тягла бредутъ розно“ [3]).

---

[1]) Ср. въ XIX гл. ст. 13, 16, 39. Дальнѣйшія узаконенія о закладѣ дворовъ обстоятельно изложены Неволинымъ. Н. Загоскинъ провѣрилъ всѣ ссылки Неволина См. ст. «О правѣ владѣнія город. дворами» въ Изв. Каз. унив. 1877 г., т. XIII, с. 52—58.

[2]) Уст. кн. земскаго приказа, № XXIII.

[3]) Я упоминалъ выше, что изслѣдователи, видящіе въ закладничествѣ личный закладъ, не указываютъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія, никакихъ источниковъ. А. С. Лаппо-Данилевскій, утверждая, что закладничество было «обезпеченіемъ займа личною службой», ссылается единственно на служилую кабалу 1596 г. (А. Ю. № 252) и на Акты гр. расправы Ѳедотова-Чеховскаго, №№ 25, 75, 91, въ которыхъ, между прочимъ, читаемъ: «а заложилъ ту деревню дѣдъ мой Микита, а за ростъ было имъ (залогопринимателямъ) та деревня пахати» (с. 24). Въ этихъ актахъ можно найти только указанія на закладъ-отчужденіе пожень и деревень... (Закладныя кабалы на недвижимости, №№ 75, 91, 116, 121, стр. 211, 212, 256 и др.). Точно также, какъ указаніе на эти акты, для меня не вполнѣ понятна и ссылка А. С. Лаппо-Данилевскаго (въ томъ же примѣчаніи 3 на стр. 150, op. cit.) на грамоту о закладѣ полдеревни, напечатанную Н. Румовскимъ, въ Описаніи Великоустюжскаго собора, № 4, с. 107. Эта грамота (1543) очень интересна по сложности сдѣлки, хотя не имѣетъ никакого отношенія къ личному закладничеству: нѣкто Морозъ закладываетъ свою деревню Исаю Теребину на 20 лѣтъ и одновременно передаетъ свое право собственности на нее (даетъ ее на вкладъ) попамъ собора. (Она любопытна еще тѣмъ, что окончательно уясняетъ значеніе слова закупъ въ XVI в.: въ

II. Закладные люди.

12. Оспаривая обычное пониманіе закладничества, какъ личнаго заклада, я, однако, отнюдь не утверждаю, что личный закладъ-залогъ былъ вообще чуждъ русскимъ людямъ въ XVI, XVII вѣкахъ. Сдѣлки займа съ залогомъ лица, несомнѣнно были очень распространены въ указанное время и для нихъ выработаны были особыя формы актовъ.

Въ XVI вѣкѣ состояніе личнаго заклада опредѣлялось „служилой кабалой“. Должникъ по такой кабалѣ, въ первоначальной ея формѣ, обязывался служить во дворѣ кредитора, до уплаты долга, дѣлаясь зависимымъ отъ него лицомъ и, такимъ образомъ, какъ говорятъ о закладчикахъ, именно обезпечивалъ уплату займа личнымъ закладомъ, отдавая въ залогъ свою свободу. Указомъ 1597 г. такія сдѣлки личнаго заклада были превращены въ сдѣлки самопродажи въ холопство до смерти господина.

Но старый институтъ, вопреки закону, вновь возраждается въ XVII вѣкѣ. „Когда служилая кабала,—замѣчаетъ проф. Ключевскій,—утратила характеръ заемнаго служилаго обязательства, для такихъ обязательствъ выработался особый родъ крѣпостей, получившихъ названіе жилыхъ или житейскихъ записей“ [1]). Одинъ видъ такихъ жилыхъ записей былъ, повидимому, совершенно тожественъ съ древнѣйшей служилой кабалой: это „записи за ростъ служити“, о которыхъ упоминаетъ уложеніе [2]). Отъ заемныхъ жилыхъ записей, съ обязательствомъ службы за ростъ, не отличаются ссудныя жилыя записи. Безпроцентная ссуда не можетъ быть отличаема отъ того займа, проценты съ коего погашаются работой; въ обоихъ случаяхъ заемщикъ одинаково служитъ кредитору, до уплаты долга, называетъ-ли онъ или нѣтъ свою работу „службой за ростъ“ и одинаково освобождается отъ обязательства съ уплатой полученныхъ денегъ, какъ онъ ихъ ни называетъ, ссудой или займомъ [3]). Заемныя и ссудныя жилыя записи XVII в., также какъ служилыя кабалы XVI в., можно разсматривать какъ сдѣлки личнаго заклада. Въ одной изъ заемныхъ кабалъ, заемщикъ прямо заявляетъ, что онъ обязуется жить и служить во

ней этимъ словомъ обозначается закладъ, а самая грамота называется одними изъ подписавшихъ ее лицъ закладной, а другими закупной).

[1]) Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи. «Русская Мысль», 1885, № 8, с. 30

[2]) Ст. 39 гл. XX, ст. 116 гл. XX («житейскія записи»), ст. 43 (о повидимому фиктивныхъ «записяхъ съ написанными въ нихъ на человѣка заемными деньгами»).

[3]) Въ жилыхъ записяхъ стирается то отличіе безпроцентной ссуды отъ процентнаго займа, на которомъ напрасно настаиваетъ Н. Н. Дебольскій, Журн. Мин. Нар. Пр., 1895, ноябрь. Къ вопросу о прикрѣпленіи владѣльческихъ крестьянъ.

дворѣ кредитора, до расплаты, вмѣсто поруки, взамѣнъ какого-либо другого обезпеченія долга [1]).

Одинъ родъ наемныхъ записей также ставилъ наймитовъ въ положеніе, фактически не отличавшееся отъ состоянія личнаго заклада, это заживныя жилыя записи. Онѣ должны быть отнесены къ договорамъ найма, такъ какъ въ нихъ включалось опредѣленіе сторонами цѣны найма, рядной платы и срокъ сдѣлки. Но наймитъ по такой записи получалъ рядную плату впередъ за нѣсколько лѣтъ и обязывался работать на господина „въ заживъ“. Плата, полученная впередъ, за 10—15 лѣтъ, составляла значительную сумму денегъ и надолго ставила наймита въ положеніе неоплатнаго должника, закрѣпощеннаго господину непогашеннымъ займомъ. Бѣляевъ [2]) справедливо относитъ такихъ людей, „въ которыхъ характеръ должниковъ соединялся съ характеромъ наймитовъ“, къ разряду „полусвободныхъ людей“. Въ XVII в. наемную плату, взятую за нѣсколько лѣтъ впередъ, нерѣдко разсматривали какъ заемъ, который погашается работой, и записи указаннаго характера называли „заемными жилыми записями или кабалами“ [3]). Въ то время сдѣлки этого рода сближали также съ личнымъ закладомъ: въ переписныхъ книгахъ г. Вятки упоминаются „закладные срочные работники“ и „срочные работники, живущіе по закладной записи“ [4]).

Существенный признакъ всѣхъ этихъ жилыхъ или житейскихъ записей, заемныхъ, ссудныхъ и заживныхъ, который позволяетъ намъ видѣть въ нихъ договоръ личнаго заклада, заключается въ обязательствѣ должника, до уплаты или погашенія долга работой, жить во дворѣ господина и при этомъ обыкновенно „всякую работу работать“ и „господина, жену и дѣтей его слушать и почитать“.

Уложеніе вполнѣ признаетъ всякія сдѣлки такого рода [5]); оно ограничиваетъ только составленіе жилыхъ записей на тяглыхъ людей. Захребетники тяглыхъ людей (ихъ дѣти, братья и племянники) могли

---

[1]) Акты отн. до юрид. быта, II, № 127, XX (1694).

[2]) «Законы и акты о крѣпостномъ состояніи въ др. Россіи», въ Арх. ист. и практ. свѣд., 1859, кн. 2, с. 102.

[3]) Акты отн. до юр. быта, т. II, № 127, XIX. (М. Дмитріевъ обязуется за занятыхъ 30 р. работать 8 лѣтъ съ женой; 1697). Арх. ист. и практич. свѣдѣній 1859, кн. 2: заемная жилая запись 1686. Ср. idem 1858, кн. I, с. 89 — 90. Въ одной «служилой записи» человѣкъ обязуется работать 15 лѣтъ за «взятыя» деньги. Акты отн. до юр. быта, II, № 127, XV (1686).

[4]) Вятка. Мат. для ист. города. Перепись 1678 и Сказки гор. Хлынова, 1721, с. 44 и 120.

[5]) Ст. 44, гл. XX.

давать на себя жилыя записи нетяглымъ людямъ только на пять лѣтъ [1]). Крестьяне и бобыли могутъ „наймоватися въ работу по записямъ и безъ записей“, но на нихъ нельзя брать „жилыхъ и ссудныхъ записей“, равно какъ и служилыхъ кабалъ [2]).

13. Наконецъ, въ XVII в. былъ въ обычаѣ и личный залогъ не по существу только, но и по формѣ сдѣлки. Но люди, заложившіе самихъ себя или заложенные другими, назывались не закладчиками, а закладными людьми и актъ заклада лица закрѣплялся закладной кабалой. Сдѣлки этого рода распространены были, какъ кажется, исключительно на татарскомъ востокѣ, въ Поволжьѣ и въ Сибири. О закладныхъ людяхъ—заимщикахъ, крещеныхъ и некрещеныхъ, жившихъ въ закладѣхъ по закладнымъ кабаламъ, говорятъ вполнѣ опредѣленно только наказы воеводамъ поволжской области, въ города Астрахань, Черноярскъ и Уфу [3]), отчасти также и грамоты, относящіяся къ Сибири. Татары и другіе инородцы закладывали, какъ самихъ себя, такъ и своихъ женъ и дѣтей; подъ вліяніемъ татаръ сдѣлки этого рода вошли въ употребленіе и среди мѣстнаго русскаго населенія. Въ центральной Россіи сдѣлки заклада людей, если только онѣ совершались [4]), были мало распространены. Патріархъ Филаретъ въ грамотѣ къ сибирскому архіерею говоритъ о случаяхъ „заклада въ деньгахъ на сроки“ сибирскими служилыми людьми своихъ женъ со всѣми связанными съ такимъ закладомъ безнравственными послѣдствіями, какъ о необычномъ на Руси явленіи, свидѣтельствующемъ объ особомъ развращеніи нравовъ въ Сибири [5]).

---

[1]) Ст. 116, гл. XX. Тяглымъ людямъ, надо полагать, совсѣмъ нельзя было, по закону, давать на себя жилыхъ записей, потому что они такимъ путемъ выходили бы изъ тягла («живутъ по наемнымъ жилымъ записямъ въ работѣ, въ наймѣхъ, а не въ тяглѣ»: П. С. З., III, № 1471, с. 159). Опредѣленіе жилой записи, даваемое А. С. Лаппо-Данилевскимъ, представляется мнѣ не вполнѣ правильнымъ: «жилецкая запись, — говоритъ онъ,—какъ извѣстно (?), отличалась отъ служилой кабалы тѣмъ, что имѣла юридическое значеніе на небольшой произвольный промежутокъ времени, ограниченный въ уложеніи пятью годами (?), не сохраняла, слѣдовательно, подобно второй, значенія до смерти господина и иногда осложнялась выдачею ссуды, погашаемой временною службой», op. cit., с. 148. Въ ст. 44 гл. XX признаются всякія записи и «по животъ», и на урочныя лѣта.

[2]) Ст. 32, гл. XI.

[3]) А. Ист., III, № 213 (1640), IV, № 181 (1665), П. С. З., III, № 1579 (1697), IV, № 1792 (1700).

[4]) Олеарій говоритъ только о случаяхъ заклада несостоятельными должниками своихъ дѣтей. См. В. Ключевскій, op. cit. «Русская Мысль», 1885, № 8, с. 34.

[5]) С. Гос. Гр. и Дог., III, № 60, с. 246 (1622). Извѣстная закладная кабала на жену 1679 г., въ А. отн. до юрид. быта, № 126, XIII, написана была также на востокѣ ясачнымъ якутомъ.

У сторонниковъ обычнаго взгляда на закладничество можетъ явиться мысль, что „закладные люди“ это тѣ же „закладчики“, другое восточное названіе однихъ и тѣхъ же заложенныхъ людей. По отношенію къ закладнымъ людямъ мы находимъ въ грамотахъ прямыя указанія на сдѣлки займа съ залогомъ лица; отожествленіе такихъ людей съ „закладчиками“ могло бы дать единственный вѣскій аргументъ въ пользу оспариваемаго мною пониманія закладничества. Неволинъ, въ подтвержденіе своего мнѣнія о закладчикахъ, какъ о должникахъ, обезпечивавшихъ заемъ своею свободой, ссылается безразлично на грамоты, упоминающія о закладчикахъ и о закладныхъ людяхъ [1]). Но, какъ мы сейчасъ увидимъ, акты отнюдь не допускаютъ смѣшенія этихъ двухъ различныхъ разрядовъ лицъ.

Наказъ окольничему князю Львову, назначенному воеводой въ Казань, въ 1697 г., содержитъ инструкціи объ отношеніи воеводы какъ къ закладнымъ людямъ, такъ и къ закладчикамъ. Статья 22 наказа, относящаяся къ закладнымъ людямъ, существеннымъ образомъ отличается какъ по своей терминологіи, такъ и по содержанію, отъ ст. 23, говорящей о закладчикахъ. „Въ Казани жъ велѣть учинить заказъ крѣпкой и бирючомъ кликати по многіе дни,—гласитъ первая изъ этихъ статей,—чтобъ казанскіе всякихъ чиновъ люди... всякихъ чиновъ русскихъ людей и вотяковъ и чуваши и черемисы и ихъ женъ и дѣтей... и никакихъ угодьевъ, ни въ какихъ долгѣхъ въ закладъ къ себѣ не имали и ни въ какія крѣпости не писали никоторыми дѣлы. А буде кто учнетъ какихъ всякихъ чиновъ людей въ какія закладныя записи или въ кабалы, или въ иныя какія крѣпости писать, и тѣхъ и ихъ женъ и дѣтей къ себѣ въ закладъ имать, и тѣмъ людемъ, кто такъ учинитъ, за то отъ великаго государя быть въ смертной казни. А закладныя записи и заемныя кабалы и всякія крѣпости отдавать тѣмъ заимщикомъ безденежно... А которые всякихъ чиновъ люди крещеные и некрещеные, а напередъ сего жили и живутъ въ закладѣхъ у всякихъ чиновъ людей: и тѣмъ людемъ велѣть жить въ тяглѣхъ и въ ясакѣхъ по прежнему и денегъ... по всякимъ крѣпостямъ заимщикомъ платить имъ не велѣно, а истцомъ въ тѣхъ деньгахъ отказывать и крѣпости всякія у всякихъ людей на закладныхъ людей имать въ приказную палату“.

Слѣдующая статья 23 содержитъ постановленія о закладчикахъ; здѣсь нѣтъ ни одного упоминанія о закладѣ-залогѣ и о закладныхъ кабалахъ. „А которые буде казанскіе и казанскихъ пригородовъ

---

[1]) Op. cit., § 445, прим. 610.

и иныхъ городовъ пришлые торговые и ремесленные люди нынѣ живутъ въ Казани, и въ казанскихъ пригородѣхъ, и въ селѣхъ, и на посадѣхъ, и въ слободахъ за кѣмъ въ закладчикахъ... и тѣмъ всѣмъ закладчикомъ въ закладчикахъ быть не велѣть, а велѣть тѣмъ всѣмъ закладчикомъ государевы всякія подати платить и службу служить съ посадскими людьми вмѣстѣ... А будетъ изъ за кого возьмутся закладчики и впредь тѣхъ будутъ принимать, или тѣ будутъ закладываться, или за симъ указомъ кто приметъ, чинить наказанье, бить кнутомъ, и тѣ годы, которые въ тѣхъ прогулкахъ подати не взяты, имать на тѣхъ, кто за указомъ сверхъ наказанья ималъ“ [1]).

Эта длинная выписка необходима; она разъясняетъ сразу очень многое. Сравненіе текста этихъ двухъ статей показываетъ, что въ XVII вѣкѣ строго отличали закладчиковъ отъ закладныхъ людей. Если закладными людьми, какъ ясно видно изъ этого наказа, назывались дѣйствительно люди, заложившіе самихъ себя или заложенные, то термины „жить въ закладчикахъ“ и „закладываться“, несомнѣнно обозначали отношенія какого-то совсѣмъ иного порядка, какого именно, объ этомъ раньше шла у насъ рѣчь. По отношенію къ залогу лица, укрѣплявшемуся закладной крѣпостью, правительство естественно обращаетъ главное вниманіе на уничтоженіе силы такихъ крѣпостей, объявляетъ ихъ недѣйствительными и приказываетъ закладныя записи отбирать въ приказную палату. Вторая статья, относящаяся къ закладчикамъ, не говоритъ ни слова о такихъ крѣпостяхъ, точно такъ же, какъ и всѣ другія узаконенія о закладничествѣ; „закладчики“, въ противоположность закладнымъ людямъ, не названы ни разу заимщиками. Самыя наказанія, установленныя за нарушеніе этихъ двухъ различныхъ узаконеній, существенно отличаются одно отъ другого. За держаніе „закладчиковъ“ виновные наказуются кнутомъ, за держаніе же закладныхъ людей-заимщиковъ — гораздо строже, смертною казнью.

Весь ходъ законодательства о закладѣ людей совершенно отличенъ отъ законовъ, касающихся закладчиковъ—задавшихся людей. Во время наиболѣе строгихъ постановленій о закладничествѣ—патронатѣ, (разсмотрѣнныхъ выше), въ 40-хъ годахъ, правительство боролось съ залогомъ лицъ единственно путемъ признанія недѣйствительными закладныхъ кабалъ на „крещеныхъ и некрещеныхъ людей“. Въ 1678 г.

---

[1]) П. С. З., т. III, № 1597, 1697 г., марта 31, с. 289, 290. Тѣ же «закладныя крѣпости» и «закладные люди заимщики» въ А. Ист., т. III, № 213 и въ другихъ грамотахъ о томъ же предметѣ.

правительство грозило господамъ, виновнымъ въ пріемѣ людей въ залогъ, „великимъ наказаньемъ“, не опредѣляя еще самаго наказанія [1]).

Чрезмѣрно строгая кара за держаніе закладныхъ людей, установленная въ послѣднемъ десятилѣтіи, объясняется тѣмъ, что закабаленіе инородцевъ не было слѣдствіемъ сознательной сдѣлки двухъ сторонъ, какъ на Руси, при самопродажѣ въ рабство или служилую кабалу, но нерѣдко было результатомъ невѣжества инородцевъ и обманной эксплоатаціи ихъ пришлымъ, русскимъ, болѣе культурнымъ населеніемъ. Многія закладныя кабалы „объявлялись нарядныя, а иныя въ посулахъ“. Такое искусственное закабаленіе инородцевъ, обратившее на себя особенное вниманіе московскаго правительства конца XVII вѣка [2]), замѣчалось и въ слѣдующемъ столѣтіи [3]), оно наблюдается и до сихъ поръ повсюду, гдѣ пришлое, торговое и промышленное населеніе сталкивается съ мѣстнымъ, стоящимъ на значительно низшей степени культуры [4]).

III. Закладни удѣльнаго времени.

14. Отъ закладчиковъ XVI—XVII вв. мы перейдемъ къ древнѣйшимъ удѣльнымъ закладнямъ [5]). Я вынужденъ нарушить хронологическій порядокъ изложенія, потому что извѣстія источниковъ удѣльнаго времени о закладничествѣ скуднѣе и неопредѣленнѣе разсмотрѣнныхъ выше позднѣйшихъ данныхъ; только выяснивъ сущность закладничества-коммендаціи при помощи актовъ XVII ст., можно перейти къ изученію закладней XIII—XV вѣковъ.

---

[1]) См. выше.

[2]) Въ XVII в. въ Сибири оно еще не привлекало такого вниманія правительства. Одновременно съ наказомъ казанскому воеводѣ, были написаны въ томъ же 1697 г. два обширные наказа по 40 стр. воеводамъ въ Тобольскъ и Верхотурье; въ нихъ нѣтъ указанныхъ постановленій о закладныхъ людяхъ, но заемныя кабалы и здѣсь должны были быть возвращаемы безденежно должникамъ. П. С. З., III, № 1594, 1595. Въ 1678 г. правительство приказало писцамъ сыскивать въ Сибири «угодья и люди купленые, закладные и вкладу даваны»: А. Ист., V, № 32, с. 50.

[3]) П. С. З., XI, № 8792, п. 6. Донесеніе о Казанской губерніи, с. 917.

[4]) Современный наблюдатель свидѣтельствуетъ объ искусственно поддерживаемой русскими задолженности самоѣдовъ Архангельской губерніи, превращающейся въ настоящую кабалу. Г. Танфильевъ, Извѣстія И. Р. Геогр. Общ., т. XXX, 1894, вып. I, с. 39, 40. Также закабаляютъ менѣе ихъ культурныхъ орочоновъ китайцы въ Уссурійскомъ краѣ. И. Надаровъ, Сѣверно-Уссурійскій край. Спб., 1887, с. 124.

[5]) Терминъ закладень былъ наиболѣе употребительнымъ. Кромѣ того, часто встрѣчается слово закладникъ: С. Г. Гр. и Дог., т. I, №№ 1, 2, 3, 10, 15. Оба эти слова употребляются безразлично въ договорныхъ грамотахъ 1305 г.: №№ 7, 8. Терминъ закладьщикъ встрѣчается только въ № 14 (1318) и № 18 (1426).

Недостатокъ источниковъ не позволяетъ твердо обосновать предлагаемое ниже опредѣленіе закладничества періода удѣловъ; но если это опредѣленіе и должно быть признано въ извѣстной степени гипотетичнымъ, то во всякомъ случаѣ оно, какъ мнѣ кажется, удовлетворяетъ требованіямъ, предъявляемымъ къ гипотезамъ наукой, и является болѣе обоснованнымъ, чѣмъ общепринятый взглядъ, единственной опорой котораго служитъ неправильное пониманіе термина закладываться.

Какъ мы выяснили выше, этотъ терминъ употреблялся въ древности не въ смыслѣ „отдаваться въ залогъ“, какъ думаютъ обыкновенно, но въ смыслѣ „задаваться“. Договорныя грамоты князей, изъ которыхъ мы беремъ почти всѣ наши свѣдѣнія о закладняхъ, не только не подтверждаютъ мнѣнія о томъ, что закладни, заложившіеся люди, были людьми, отдавшими себя въ залогъ, но и даютъ нѣсколько свидѣтельствъ противъ этого мнѣнія. Говоря о лицахъ, дѣйствительно, связанныхъ долговыми обязательствами: одерноватыхъ холопахъ, купленныхъ полоняникахъ и пр., княжескіе договоры выражаются вполнѣ опредѣленно на этотъ счетъ, такъ что не оставляютъ никакихъ сомнѣній о характерѣ отношеній такихъ лицъ къ господамъ: „А кто ти ся продалъ пословицею одернь,—читаемъ въ договорахъ,—или будешь серебро на комъ далъ пословицею, тѣхъ ти отпустити, по цѣлованью, а грамоты дерноватыя подрати“. „А кто купилъ полоняника и онъ возьметъ цѣну по цѣлованью“ [1]). Напротивъ, въ статьяхъ договоровъ, относящихся къ закладнямъ, мы не найдемъ никакихъ указаній на денежныя сдѣлки; князья ограничиваются соглашеніемъ о недержаніи, непріемѣ или отпускѣ закладней, и не упоминаютъ ни о покупкѣ ихъ, ни о закладныхъ грамотахъ, ни о возвращеніи закладнями денегъ, займа.

Если бы закладники были должниками, заложившими самихъ себя въ обезпеченіе уплаты долга, то заимодавцы имѣли бы на нихъ право распоряженія, какъ на купленныхъ людей и всякихъ неоплатныхъ должниковъ. Въ духовныхъ грамотахъ князей мы находимъ ихъ распоряженія о людяхъ „купленыхъ, грамотныхъ, полныхъ“; лишь только возникаетъ институтъ служилой кабалы—личнаго залога, тотчасъ же и въ духовныхъ появляются распоряженія завѣщателей о кабальныхъ людяхъ, кабальныхъ серебряникахъ (№ 112, 1481) [2]). Между тѣмъ, о закладникахъ не говоритъ ни одна изъ духовныхъ грамотъ, несмотря на то, что закладничество было болѣе древнимъ и болѣе распространеннымъ институтомъ.

---

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, № 28 (1368). А. Арх. Эксп., т. I, № 14 (1398).

[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I. При дальнѣйшихъ ссылкахъ на грамоты этого тома мы будемъ отмѣчать лишь ихъ № и годъ.

Это вполнѣ понятно, такъ какъ закладничество не было ни рабской, ни кабальной зависимостью, но было зависимостью подданства. На исключительно подданническія отношенія закладней къ князьямъ-патронамъ указываетъ вся относящаяся къ нимъ терминологія договорныхъ грамотъ. Князья не покупаютъ, но принимаютъ и держатъ закладней, такъ же какъ они держатъ города [1]), наконецъ, не отпускаютъ ихъ на волю, но отступаются отъ нихъ. Закладники, съ своей стороны, позоруютъ, къ князю, какъ его подданные, и даже иногда не къ князю лично, но къ городу, какъ къ государству, къ Твери или Кашину.

Для правильнаго пониманія закладничества имѣютъ весьма важное значеніе слѣдующія статьи договора, заключеннаго въ 1295 г. вел. княземъ тверскимъ, Михаиломъ Ярославичемъ съ Новгородомъ: „А кто будеть закладень позоровалъ ко мнѣ, а жива въ Новъгородьской волости, тѣхъ всѣхъ отступилъся есмь Новугороду. А кто будеть давныхъ людий въ Торъжьку и въ Волоцѣ, а позоровалъ ко Тфѣри при Александрѣ и при Ярославѣ, тѣмъ тако и сѣдѣти, а позоровати имъ ко мнѣ“ (№ 4). Вполнѣ очевидно, что закладническая зависимость разсматривается здѣсь договаривающимися сторонами, не какъ зависимость кабальная, но какъ связь подданства, которая гарантируется политическимъ договоромъ; о прекращеніи этой зависимости путемъ частной сдѣлки, путемъ выкупа залогодателя, нѣтъ и рѣчи. О долговыхъ отношеніяхъ лицъ къ князьямъ и боярамъ говорятъ иныя статьи разбираемаго трактата, въ которыхъ идетъ рѣчь о денежныхъ искахъ, о должникахъ и поручникахъ. Постановленія этихъ статей о должникахъ несомнѣнно относятся и къ залогодателямъ (но не къ закладнямъ): мы видѣли, что еще и долгое время спустя, залогодатель назывался должникомъ, заимщикомъ одинаково съ заемщикомъ, не обезпечившимъ долга залогомъ. И эти статьи существеннымъ образомъ отличаются отъ соглашенія о закладняхъ; онѣ, естественно, говорятъ не о подданствѣ должниковъ (и залогодателей), но только о выдачѣ ихъ истцамъ „по исправѣ“ [2]), и о порядкѣ суда по денежнымъ искамъ.

15. Закладываясь — задаваясь за князя другого удѣла, его княгиню, боярина или слугу, человѣкъ оставался жить на своемъ участкѣ земли, но, несмотря на это, порывалъ свою подданническую зависимость отъ

---

[1]) №№ 27, 84 и др. Ср. «держать Ростовъ», № 86, «держати царевича изъ Орды», № 97.

[2]) «А холопы и долъжники и поручникы выдавати по исправѣ».—«А чего будеть искати мнѣ и моимъ бояромъ и моимъ слугамъ у Новогородьцевъ и у Новоторъжьцевъ и у Волочанъ, а тому всему судъ дати безъ перевода» (№ 4, с. 5).

мѣстной государственной власти. Новгородецъ, задаваясь за тверского князя или его боярина, выходилъ изъ-подъ вѣдомства власти Великаго Новгорода и изъ состава той административной единицы, сотни или погоста, къ которой раньше принадлежалъ, не платилъ налоговъ со своей сотней, освобождался отъ подчиненія мѣстной судебной власти; Новоторжецъ отнимался отъ прежняго своего государя, не тянулъ судомъ и данью къ Торжку. „А кто закладниковъ въ Торжку или индѣ,—говорятъ новгородцы тверскому князю въ договорной грамотѣ,—или за тобою, или за княгинею, или за мужи твоими, кто купецъ поидетъ въ свое сто, а смердъ потягнетъ въ свой погостъ, тако пошло въ Новѣгородѣ, отпусти всѣхъ прочь“ [1]) (1305).

Въ другой грамотѣ 1307 г. между Новгородомъ и тѣмъ же тверскимъ княземъ, Михаиломъ Ярославичемъ, находимъ слѣдующую статью, относящуюся къ закладнямъ [2]): „А кто живетъ къ Торжку, на Новоторжской землѣ, а къ Святому Спасу не тягнетъ къ Торжку, княземъ отъемся, а тии идутъ съ Торжку, куда имъ годно“ (№ 10). Выраженіе этой грамоты „не тянетъ къ Торжку“ указываетъ одновременно на независимость закладника отъ мѣстнаго тягла и суда; какъ видно изъ другихъ грамотъ, терминъ „тянути“ употреблялся для обозначенія какъ податной, такъ и судебной отвѣтственности [3]). На ту же полную независимость закладника отъ мѣстной власти указываетъ другой терминъ цитированнаго текста: отъяться. Отняться отъ князя значило отложиться отъ него, отказаться отъ подчиненія ему, подобно тому, какъ „задаться—заложиться“ значило отдаться въ подданство, въ обладаніе князя, какъ государя. Этими именно словами (задаться и отъяться) пользуются лѣтописцы, разсказывая о подчиненіи князьямъ и отпаденіи отъ нихъ областей. „А князь Василій Юрьевичъ поѣха изъ Новагорода съ Городища на Заволочье, и заволочане задашася за него, а отъ Новгорода отъяшася“ [4]). Право отказа, право возстанія было въ удѣльное время обычнымъ правомъ не только областей, но и отдѣльныхъ лицъ, землевладѣльцевъ Отдѣльные собственники, также какъ цѣлыя волости, закладываясь—задаваясь за другого князя, отнимались отъ власти прежняго своего государя.

---

[1]) № 7, 1305, id. № 3, 1270.

[2]) Что эта статья относится къ закладнямъ, видно изъ того, что она замѣняетъ цитированную выше статью договора 1305 г.

[3]) «Судомъ и данью потянути по удѣломъ, гдѣ кто живетъ»: № 40, 1410, и др., см. ниже.

[4]) П. С. Р. Л., III, 111, 1434. Тоже о Двинянахъ, id. IV, 209. Цитир. у А. Никитскаго, Очеркъ внутр. ист. Пскова, с. 82, прим.

Рядомъ съ закладничествомъ отдѣльныхъ лицъ-собственниковъ существовало въ удѣльное время и закладничество селъ, какъ совокупности землевладѣльцевъ. Грамоты говорятъ не о заложенной землѣ, или заложенномъ селѣ, но о „заложившихся селахъ“, о „селахъ, зашедшихъ безъ кунъ“ за другого князя [1]). По отношенію къ селамъ, князья лишь въ видѣ исключенія пользуются въ договорахъ терминомъ закладываться; договаривающіяся стороны обыкновенно обязуются въ чужихъ владѣніяхъ „селъ не держати, не купити, ни даромъ пріимати“ [2]). Это послѣднее обязательство, по всей вѣроятности, направлено именно противъ закладничества селъ. Отдавая даромъ свои села князьямъ, владѣльцы, само собой разумѣется, едва-ли передавали безмездно имъ свои права собственности и пользованія на землю; трудно было бы понять причины распространенности обычая дѣлать такіе подарки князьямъ. Надо полагать, владѣльцы селъ сохраняли свои частныя права на нихъ, и только закладывались за князей другого удѣла, отдавались въ подданство князьямъ, подъ ихъ покровительство, вмѣстѣ со своими селами. Когда князья говорятъ, что они не будутъ принимать даромъ селъ чужого удѣла, они обязуются не принимать такихъ селъ въ свое обладаніе, въ свое подданство. Тотъ же смыслъ имѣетъ обязательство князей „не держать селъ“ въ чужихъ удѣлахъ. Что касается пріобрѣтенія селъ чужого удѣла въ частную собственность, то оно воспрещается особымъ соглашеніемъ: „селъ не купити“. Точно такъ же, какъ въ удѣльной Россіи, закладничество селъ (vicus) практиковалось и въ римской имперіи, въ IV вѣкѣ. Законъ 395 г. воспрещаетъ коммендацію селеній: vicos in patrocinium suscipere [3]).

Соглашенія князей о заложившихся, зашедшихъ (задавшихся) селахъ обнаруживаютъ существенную черту закладничества удѣльнаго времени. Это закладничество было одновременно личнымъ и реальнымъ, поземельнымъ. Заложившіяся села—это сельчане, лица, заложившіяся вмѣстѣ со своей землей [4]). Словомъ „закладни“ грамоты обозначаютъ

---

[1]) № 12 (1317), № 7 (1305), 8, 9. Ср. извѣстіе о задавшихся волосткахъ: «А учнутъ говорити о Пуповичахъ и иныхъ волосткахъ, что задавалися къ Лукамъ, и боярамъ молвити»... (1494). Сб. И. Ист. Об., т. 35, с. 141.

[2]) №№ 1 (1265), 6 (1305), 7, 20 (1471). «А кто будетъ купилъ села во всей волости новгородской, ...кто будетъ даромъ отъялъ, или сильно»: № 15 (1327). О селахъ, принимаемыхъ даромъ, говорятъ только новгородскія грамоты; въ другихъ находимъ лишь соглашенія: «селъ не купити, не держати»: № 97 и слѣд.; и «селъ не купити, закладней не держати»: № 27 (1362), № 29 и слѣд.

[3]) Cod. Theodos, XI, 24: Quicumque vicos in suum detecti fuerint patrocinium suscepisse, constitutas luent poenas. F. de Coulanges, Le bénéfice et le patronat, p. 102. Id. Flach, op. cit., t. I, p. 75.

[4]) Ср. терминъ «земля», которымъ обозначались какъ территорія, такъ и населеніе: Владимірскій-Будановъ, Обзоръ, с. 12—13.

исключительно заложившихся лицъ [1]). Но лица, задаваясь за чужого князя, остаются жить на своей землѣ, во владѣніяхъ удѣла, не принадлежащаго ихъ патрону [2]). Закладничество лица, при такомъ условіи, должно было неизбѣжно влечь за собою и закладничество земли. Отдаваясь подъ покровительство чужого князя, закладникъ отдавалъ подъ его покровительство и свою землю; вмѣстѣ со своей поземельною собственностью онъ освобождался отъ подчиненія мѣстной власти. Такимъ же образомъ объясняется и „коммендація земли“ (terra in commendatione) существовавшая въ Англіи, въ эпоху книги страшнаго суда. „Тотъ, кто ищетъ покровительства, становится въ зависимость и тѣмъ самымъ приводитъ въ зависимость свое (земельное) имущество“ [3]).

16. Свободное развитіе такого, личнаго и одновременно реальнаго, междукняжескаго закладничества въ удѣльной Руси древнѣйшаго времени, до XIV вѣка обусловливалось отсутствіемъ той государственной территоріальной власти, которая составляетъ необходимый элементъ современнаго государства. Существованіе закладничества того же рода въ позднѣйшее время обнаруживаетъ слабость возникающей власти государства надъ территоріей,—устанавливаемой упорною борьбою князей со стариной и медленно усваиваемой общимъ сознаніемъ. Власть эта, обусловливающая государственную неотчуждаемость отдѣльныхъ участковъ территоріи по волѣ ихъ частныхъ собственниковъ, создалась не сразу. Съ теченіемъ времени „начало суверенаго территоріальнаго господства одержало верхъ надъ частнымъ имущественнымъ правомъ“, начало политическое возобладало надъ частнымъ правомъ, но „въ этомъ случаѣ обошлось не безъ борьбы и признаніе правъ территоріальнаго господства было только результатомъ ея“ [4]). Весь ходъ этой борьбы

[1]) В. И. Сергѣевичъ полагаетъ, что слово закладень обозначало одинаково, «какъ землю, такъ и человѣка, служащаго обезпеченіемъ долга» и въ подтвержденіе этого ссылается на соборную грамоту 1580 г., I, № 200 (Юр. Др. I, с. 269). При этомъ, однако, профессоръ самъ же указываетъ на ненадежность цитированнаго имъ текста: «а кто послѣ сего уложенья купитъ землю, или закладня учнетъ за собою держати»... Онъ допускаетъ, что это мѣсто невѣрно «передаетъ рукопись». Но если даже этотъ текстъ напечатанъ вѣрно, то, во всякомъ случаѣ слово закладень имѣетъ въ немъ необычный смыслъ. Древнѣйшій смыслъ этого слова временъ удѣловъ былъ уже невполнѣ ясенъ для 1580 года. Составитель соборной грамоты рядомъ съ другими, необычными для актовъ, архаичными формами воспользовался и словомъ закладень, обозначавшимъ явленіе, чуждое уже концу XVI вѣка, но придалъ ему особый смыслъ. Въ указѣ 1580 г., ноября 21, изданномъ на основаніи соборнаго приговора, 15 января, не было уже непонятнаго для современниковъ слова закладень; вмѣсто «земель не покупать и закладней не держати», въ немъ было сказано: «земель не покупать и въ закладѣ не держать»: см. правая 1625 г. Акты Ѳедотова-Чеховскаго, т. I, № 94, с. 284. Idem. А. Арх. Экси. т. I, № 308.

[2]) См. вышеприведенныя цитаты и другія соглашенія о недержаніи закладней въ чужихъ волостяхъ, удѣлахъ и вотчинахъ: №№ 20 (1471), № 27 (1362), 52 (1434), 88 и др

[3]) П. Виноградовъ, l. cit., стр. 212.

[4]) А. Пригары, Опытъ ист. сост. гор. обыват., 1868, с. 15.

совершенно ясенъ изъ междукняжескихъ договоровъ. Посредствомъ взаимныхъ соглашеній князья устанавливаютъ новыя начала территоріальной власти, невыхода частныхъ земель изъ государственнаго обладанія удѣльнаго владѣтеля; постоянныя нарушенія самими же договаривающимися сторонами этихъ новыхъ началъ свидѣтельствуютъ о жизненной силѣ стараго порядка.

Старый порядокъ государственныхъ отношеній прямо противорѣчилъ этимъ новымъ началамъ. Въ древнѣйшее время князь-государь владѣлъ территоріей, исключая часть ея, принадлежавшую ему на правѣ частной собственности, лишь въ силу подчиненія ему лицъ, частныхъ собственниковъ земли. Отношенія личныя преобладаютъ надъ отношеніями поземельными на Руси, до XIV вѣка, такъ же, какъ на Западѣ до XII вѣка. „Понятія о постоянной принадлежности къ обществу, какъ къ единому цѣлому, о государственномъ подданствѣ вовсе не было: вмѣсто государя и его подданныхъ, мы видимъ только лица, вступающія между собою въ свободныя обязательства“ [1]). Личныя отношенія не только преобладали, но и обусловливали отношенія поземельныя. Съ прекращеніемъ личной связи землевладѣльца съ княземъ оканчивалась и государственная власть князя на вотчину частнаго собственника. Древнее вотчинное право, въ его полномъ развитіи, исключало территоріальную власть князя-государя. И въ позднѣйшее время по жалованнымъ грамотамъ поземельный владѣлецъ пользовался „многими правами державной власти“ и былъ „въ своей вотчинѣ какъ бы княземъ“ [2]); „частное владѣніе иногда вовсе освобождалось отъ всякаго вліянія княжеской власти и такимъ образомъ состояло на правахъ отдѣльнаго княжества“ [3]). Но „такими (жалованными) грамотами былъ только подтверждаемъ... тотъ порядокъ вещей, который въ древнѣйшія времена существовалъ самъ собою и по общему правилу“ [4]). „Надобно полагать,—замѣчаетъ Неволинъ,—что въ древнѣйшія времена права вотчинника были не тѣснѣе, а напротивъ, еще обширнѣе, чѣмъ они были во времена позднѣйшія. Власть княжеская постепенно распространялась, а не уменьшалась“ [5]).

---

[1]) Б. Чичеринъ, Опыты, с. 343.

[2]) Неволинъ, Ист. росс. гражд. зак., т. II, § 272, с. 149.

[3]) Чичеринъ, Опыты, с. 83.

[4]) Неволинъ говоритъ: «былъ подтверждаемъ, какъ исключеніе». Вѣрнѣе: «какъ общее правило»; см. Сергѣевичъ, Юр. Др., I, с. 330.

[5]) Ист. росс. гражд. зак., т. II, § 272. Жалованныя грамоты каролинговъ также только «sanctionnaient l'immunité acquise de longue date au Germain puissant ou au riche Gallo-romain». Въ нѣкоторыхъ формулахъ, «peu nombreuses, mais fort précieuses, l'immunité apparait comme un simple exercice du droit de propriété». Flach, t. I, p. 103.

Населеніе вотчины не знало князя-государя; для него государемъ былъ державный вотчинникъ. Оно не знало княжескихъ намѣстниковъ и волостелей, такъ такъ какъ вотчина у насъ, и на западѣ, была ограждена ab introitu judicum; оно встрѣчалось съ властью князя только на смѣсныхъ судахъ, на которыхъ, однако, вотчинникъ судилъ людей вмѣстѣ съ княжескими волостелями и тіунами, какъ равноправный представитель власти. Естественно, что такая вотчина могла считаться принадлежностью удѣла лишь до тѣхъ поръ, пока ея владѣлецъ служилъ князю удѣла. При переходѣ вотчинника на службу къ другому князю порывалась единственная связь его земли съ удѣломъ его прежняго князя; вотчина вмѣстѣ съ ея владѣльцемъ переходила на службу къ другому князю. Древнѣйшій землевладѣлецъ былъ не только вольнымъ слугой, но и вольнымъ вотчинникомъ. Древнѣйшій землевладѣлецъ вообще былъ по отношенію къ землѣ и князю-государю тѣмъ же, чѣмъ были позднѣйшіе служилые князья, которые лишь силою вынуждены были отказаться отъ своего права перехода вмѣстѣ со своими вольными вотчинными княжествами. Въ XV вѣкѣ великіе князья старались закрѣпить земли служебныхъ князей за собой путемъ взаимныхъ обязательствъ не принимать съ отчинами чужихъ служебныхъ князей и путемъ конфискаціи вотчинъ въ случаѣ отъѣзда этихъ князей (№ 43, 1428, № 24). По отношенію къ боярамъ великіе князья первоначально не рѣшались прибѣгнуть къ этому дѣйствительному средству, для утвержденія своей территоріальной власти надъ частно-владѣльческими землями. Одинъ только могущественный Новгородъ рѣшился постановить въ 1368 г., что, въ случаѣ отъѣзда новгородскихъ бояръ на службу къ тверскому князю, ихъ „села, земли и воды“ будетъ вѣдать Великій Новгородъ, „а ты бояромъ и слугамъ ненадобѣ“ (№ 28). Борьба съ правомъ боярскаго отъѣзда вмѣстѣ съ вотчинами велась инымъ путемъ. Князья отдѣлили личную службу бояръ отъ ихъ государственныхъ обязанностей по отношенію къ мѣстной власти. Съ конца XIV вѣка (1362) они существеннымъ образомъ ограничили древнее право отъѣзда; сохраняя за боярами свободу личной службы, они старались закрѣпить за удѣлами вольныя вотчины бояръ и взаимно обязывались, принимая на службу чужого слугу, не вступаться въ его вотчину, находящуюся въ чужомъ удѣлѣ. Боярин воленъ служить кому хочетъ, но, въ качествѣ вотчинника, онъ долженъ подчиняться мѣстной власти; онъ платитъ дань не тому князю, которому служитъ, но владѣльцу того удѣла, въ которомъ живетъ, въ которомъ владѣетъ землею. „Бояромъ и слугамъ вольнымъ воля“, но „судомъ и данью“ всѣ обязаны „потянути по землѣ и по водѣ“

(№ 28, 1368) [1]). Эти соглашенія, естественно, не могли уничтожить сразу древняго обычнаго права бояръ на вольный переходъ съ вотчинами; нарушая договоры, князья „принимали съ отчинами“ чужихъ слугъ [2]). Насколько живучъ былъ старый обычай, о томъ свидѣтельствуетъ духовная вел. кн. Ивана Васильевича 1504 г.: „а бояромъ и дѣтемъ боярскимъ ярославскимъ,—сказано въ ней,—съ своими вотчинами и съ куплями отъ моего сына Василія не отъѣхати никому никуда“ (№ 144).

Переходамъ бояръ и слугъ соотвѣтствуетъ закладничество другихъ землевладѣльцевъ. Вольные слуги, бояре переходятъ отъ одного князя къ другому вмѣстѣ со своими вольными вотчинами,—другіе своеземцы, смерды и купцины вмѣстѣ со своей землей заходятъ или закладываются за другого князя или его слугу. И тѣ, и другіе не мѣняютъ существа своихъ отношеній къ государственной власти; служба первыхъ остается по преимуществу военной, служба вторыхъ—по преимуществу тяглой, податною. Въ явленіяхъ этого рода обнаруживается важный принципъ древнѣйшаго вотчиннаго права. Право собственности лицъ на землю было полнымъ обладаніемъ, не ограниченнымъ еще принадлежностью земли государству. Право распоряженія, принадлежащее частному собственнику, имѣло силу не только въ сферѣ частно-правовыхъ отношеній, но и въ области права публичнаго. Крупные и мелкіе вотчинники сохраняли за собою право не только перейти на службу къ другому князю, но и отдать въ его обладаніе свои земли.

Владѣнія княжествъ долгое время не составляли непрерывныхъ территорій, опредѣленныхъ извѣстными твердыми границами. Постоянные раздѣлы земли между князьями-наслѣдниками порождали крайнюю черезполосицу владѣній. Внутри удѣла постоянно существовали и легко образовывались вновь участки земли экстерриторіальной, неподвластной государю удѣла; эти внѣ-земельные оазисы управлялись не агентами мѣстной правительственной власти, но „приставами и даньщиками, высылаемыми въ удѣлъ“ чужими князьями. Частныя земельныя владѣнія дѣлались экстерриторіальными вслѣдствіе отъѣздовъ бояръ и закладничества своеземцевъ. Земля точно также ускользала отъ мѣстной госу-

---

[1]) «А которыхъ бояръ и слугъ села, а имутъ жити въ вашей отчинѣ, взяти вы на нихъ дань и судъ, какъ и на своихъ»: № 76 (1451), № 88 (1462), № 119, 120 (1484). Другіе договоры упоминаютъ только объ обязанности бояръ платить дань по мѣсту жительства: №№ 27, 29, 35 (1362, 1371, 1389) и №№ 45, 71, 78 (1433, 1448, 1451). Въ остальныхъ договорахъ говорится только, что князья обязаны чужихъ бояръ, живущихъ въ ихъ удѣлахъ, «блюсти какъ и своихъ».

[2]) Сб. И. Ист. Об., т. 35, с. 48, цитир. В. И. Сергѣевичемъ, Юр. Др., I, 317.

дарственной власти и тогда, когда она переходила въ частную собственность другого, сосѣдняго князя или его слуги. Когда государственная зависимость земли опредѣлялась личною зависимостью ея частнаго собственника, села, купленныя княземъ другого удѣла, или его слугой, лично независимыми отъ мѣстнаго князя, выходили изъ-подъ вѣдомства власти этого князя. Поэтому-то одновременно съ борьбой противъ закладничества и перехода боярскихъ вотчинъ, договоры ведутъ энергичную борьбу противъ покупокъ князьями и ихъ боярами земель въ чужихъ удѣлахъ.

Борьба съ экстерриторіальностью частныхъ владѣній въ удѣлѣ начинается въ XIII ст. и продолжается до XVI-го. Первоначально это есть борьба съ господствующимъ обычнымъ правовъ, позднѣе—съ его переживаніемъ, съ нарушеніями новаго права, создаваемаго взаимными обязательствами князей. Новые принципы, отрицающіе право земельнаго собственника на перемѣну государя, закрѣпляющіе землю за государствомъ, создающіе государственную территоріальную власть, не скоро находятъ себѣ общее признаніе. Въ ихъ постоянныхъ нарушеніяхъ сказывается сила древняго обычая.

17. Борьба князей съ закладничествомъ находится въ тѣсной связи съ общей борьбою противъ экстерриторіальности частныхъ владѣній. Первый, въ XIII ст., начинаетъ эту борьбу Великій Новгородъ, ревниво оберегавшій свою самостоятельность отъ притязаній сосѣднихъ тверскихъ князей. Въ 1265 г. вел. кн. тверской, Ярославъ Ярославичъ обязался предъ Новгородомъ не принимать впредь закладниковъ въ новгородскихъ волостяхъ, обязался за себя, свою княгиню, бояръ и дворянъ [1]). Особое соглашеніе о лицахъ, ранѣе заложившихся за тверского князя, включено было впервые въ третью договорную грамоту того же князя съ Новгородомъ, 1270 года. Въ этомъ году вел. кн. Ярославъ, условившись съ Новгородомъ о непринятіи впредь новгородскихъ закладниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обязался отпустить прочь всѣхъ своихъ, княгининыхъ и боярскихъ закладней, жившихъ за ними, подъ ихъ властью, въ новгородскомъ Торжкѣ [2]). Въ оправданіе этихъ соглашеній, вносившихся въ грамоты по иниціативѣ новгородцевъ, Новгородъ ссылался на свою старину: „тако пошло въ Новѣгородѣ“; изъ этого видно,

[1]) «А изъ Бежиць, княже, людий не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости Новгородской; ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ приимати, ни Княгыни твоей, ни Бояромъ твоимъ, ни Дворяномъ твоимъ, ни смерда, ни купцины». № 1.

[2]) «А что закладниковъ за Гюргомъ на Торожку, или за тобою, или за Княгынею, или за мужи твоими, кто купецъ, тотъ въ сто, а кто смердъ, а тотъ потянетъ въ свой погостъ; тако пошло въ Новѣгородѣ, отпусти всѣхъ проць». № 3.

что борьба съ закладничествомъ началась въ Новгородѣ еще раньше этихъ договоровъ 1265—1270 гг., но что для другихъ княжествъ такое отрицаніе закладничества было еще новостью. Обязательство, данное кн. Ярославомъ въ 1270 г. объ отпускѣ торжковскихъ закладниковъ, повидимому, исполнено не было. Какъ видно изъ позднѣйшихъ договоровъ, тверской князь сохранилъ надъ ними свою власть и они перешли по наслѣдству въ обладаніе его сына, Михаила. Вел. кн. Михаилъ Ярославичъ обязался, въ 1295 г., отпустить только тѣхъ закладней, которые подчинились ему лично, и сохранилъ по договору съ Новгородомъ, свою власть надъ „давними людьми (въ Торжкѣ и Волоцкѣ), которые позоровали кн. Твери при Александрѣ и при Ярославѣ“ [1]). Въ послѣдующихъ договорахъ, однако, мы не находимъ уже этого, льготнаго для тверского князя, соглашенія о давнихъ закладняхъ въ пограничныхъ волостяхъ. Черезъ десять лѣтъ послѣ указаннаго соглашенія, тотъ же тверской князь Михаилъ Ярославичъ, заключая новый договоръ съ Новгородомъ (1305 г.), долженъ былъ согласиться отпустить всѣхъ новгородцевъ, „въ Торжку или индѣ“, заложившихся за него, его княгиню, или мужей (№ 7, id. № 8, 9).

Особенно строгое соглашеніе о закладникахъ включено было въ договоръ Новгорода съ Тверью, 1307 г. Новгородъ вообще не останавливался предъ чрезвычайными мѣрами въ защиту своей территоріи; такъ, нѣсколько позднѣе, какъ упомянуто выше, онъ рѣшился на исключительное мѣропріятіе, конфискацію вотчинъ у отъѣзжавшихъ бояръ. Та же мѣра принята была въ 1307 г. по отношенію къ закладнямъ. Новоторжцамъ, отнявшимся отъ Новгорода подъ власть тверского князя, предложено было „идти съ Торжку, куда имъ годно“, покинувъ ихъ „новоторзскія земли“ (№ 10).

Въ позднѣйшихъ новгородскихъ грамотахъ не встрѣчается другихъ соглашеній о закладничествѣ, кромѣ стереотипной статьи: „закладниковъ не приимати“. Въ договорахъ великихъ князей съ удѣльными постоянно употребляется иная формула: „закладней не держати“ [2]). Соглашеніе о недержаніи закладней въ чужихъ владѣніяхъ внесено, за немногими исключеніями [3]), почти во всѣ княжескіе договоры, начиная съ 1362 г. по 1531 г. Оно находится и въ записяхъ кн. Владиміра Андреевича (Іоанну Грозному) 1553 и 1554 г., въ которыя внесенъ

---

[1]) № 4, 1295. См. цитату въ текстѣ выше, § 14.

[2]) Въ договорахъ съ Новгородомъ 1456 и 1471 гг. сказано: «закладней не держати, не приимати». А. Арх. Эксп., т. I, № 57. С. Г. Г. и Д., т. I, № 20.

[3]) См. ниже.

былъ съ нѣкоторыми измѣненіями обычный, древній текстъ договорныхъ грамотъ.

18. Во многихъ договорахъ статьи, направленныя противъ закладничества, слѣдуютъ непосредственно послѣ соглашеній о невсыланіи въ чужой удѣлъ даньщиковъ и приставовъ: „а въ твой ми удѣлъ даньщиковъ своихъ, ни приставовъ не всылати, тако же и тобѣ во все мое великое княженіе, ни грамотъ (жаловальныхъ) не давати, ни закладней не держати“ [1]). Сопоставленіе этихъ статей не было случайнымъ; онѣ постоянно ставились рядомъ не въ одной только, но въ нѣсколькихъ различныхъ редакціяхъ договорныхъ грамотъ и имѣютъ между собой тѣсную логическую связь. Связь эта совершенно ясна. Закладники, отдаваясь въ подданство чужому князю, подчинялись не мѣстной правительственной власти, но даньщикамъ и приставамъ того князя, за котораго они заложились. Поэтому статья, запрещающая въѣздъ въ чужой удѣлъ даньщикамъ и приставамъ другого князя, преслѣдуетъ ту же самую цѣль, что̀ и статья, воспрещающая держаніе закладней въ чужомъ удѣлѣ, а именно охрану территоріи удѣла. Соглашеніе, объявлявшее территорію княжества недоступной для правительственныхъ агентовъ сосѣднихъ князей, лишало ихъ возможности осуществленія своей власти въ чужомъ удѣлѣ и тѣмъ самымъ уничтожало въ корнѣ закладничество.

Рядомъ съ обязательствомъ о недержаніи закладней ставится въ договорахъ обязательство не давать въ чужой удѣлъ жалованныхъ грамотъ. Обязательства эти также имѣютъ тѣсную связь одно съ другимъ. Отдаваясь въ подданство чужому князю, закладники выговаривали себѣ извѣстныя льготы и привилегіи, которыя обезпечивались имъ жалованными грамотами. Статья о такихъ грамотахъ, очевидно, направлена противъ закладничества. Обязуясь не давать въ чужой удѣлъ жалованныхъ грамотъ, князья обязуются тѣмъ самымъ не привлекать въ свою власть чужихъ подданныхъ путемъ различныхъ пожалованій.

Съ обязательствами о закладняхъ, жалованныхъ грамотахъ, даньщикахъ и приставахъ тѣсно соединяется во многихъ договорахъ соглашеніе о непокупкѣ князьями и боярами селъ въ чужихъ удѣлахъ: „А въ твой ми удѣлъ и въ отчину даньщиковъ своихъ не всылати, ни приставовъ не давати, ни селъ не купити, ни нашимъ бояромъ безъ твоего вѣданья, ни закладней, ни оброчниковъ не держати, ни грамотъ ны не давати“ (№ 35, 1389). Соединеніе этихъ статей показываетъ, что

[1]) № 33 (1388), № 29 (1371).

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

онѣ имѣли одинаковый смыслъ, преслѣдовали одну и ту же цѣль. Освоеніе князьями и ихъ боярами земель чужого удѣла въ частную собственность выводило эти земли изъ-подъ вѣдомства власти мѣстнаго князя. Соглашеніе о непокупкѣ селъ, одинаково съ соглашеніемъ о недержаніи закладней, направлено къ сохраненію территоріи за княземъ удѣла, оно предотвращаетъ образованіе, въ предѣлахъ княжества, новыхъ экстерриторіальныхъ владѣній.

Указанный общій смыслъ соглашеній о закладняхъ и другихъ, тѣсно связанныхъ съ ними, ясно выраженъ въ нѣкоторыхъ договорахъ особой статьей: въ чужой удѣлъ не вступатися никоторыми дѣлы, т.-е. не присваивать правъ на территорію и населеніе, принадлежащихъ владѣльцу княжества. Соглашенія о закладняхъ, приставахъ и жалованныхъ грамотахъ приводятся прямо въ видѣ конкретнаго поясненія указаннаго общаго соглашенія. Такъ, кн. Владиміръ Андреевичъ завѣщаетъ своимъ сыновьямъ: „Дѣти мои въ материнъ удѣлъ и въ села не вступаются никоторыми дѣлы, и въ Медькино село съ деревнями, и въ Дьяково село съ деревнями: ни приставовъ своихъ не всылаютъ, ни судовъ имъ не судити, ни закладней не держати, ни грамотъ имъ жаловальныхъ не давати“ (№ 40, 1410). Въ томъ же самомъ, знаменательномъ порядкѣ слѣдуютъ указанныя соглашенія въ позднѣйшей редакціи договоровъ (1473—1504): „Въ тотъ мой удѣлъ тобѣ, моему господину, великому князю не вступатися подо мною, и твоему сыну, князю Ивану, ни вашимъ дѣтямъ подъ моими дѣтьми, и блюсти, а не обидѣти: ни приставовъ въ мою отчину, ни грамотъ жалованныхъ не давати, ни земель вамъ не купити, ни закладней не держати“ [1]). Этими обязательствами устанавливается территоріальная власть князя, удѣлъ, въ качествѣ опредѣленной территоріи, объявляется недоступнымъ для власти сосѣдняго князя, отрицается власть князей надъ закладниками, основанная на личныхъ связяхъ. Это новое начало государственнаго права, въ иной, положительной формѣ, выражено въ цитированной выше духовной грамотѣ такъ: „судомъ и данью потянути по удѣломъ, гдѣ кто живетъ“; оно было формулировано впервые въ концѣ XIV вѣка: „а судомъ и данью потянути по землѣ и по водѣ“ (1368) [2]). Въ основу государственной власти князя кладется не личная

[1]) № 97—98 (1473). Та же редакція: № 99—100 (dpl. № 101—102), № 106—107 (1481), (dpl. № 108—109), № 110—111 (1481), № 123—124 и 125—126 (1486), № 133—134 (1504), № 167 (1553).

[2]) № 28. Та же формула въ № 76 (1451) и въ позднѣйшихъ договорахъ тожественной редакціи: № 88 (1462), № 119—120 (1484). Ср. № 90—91 (1462), № 97 (1473), № 106—107 (1481).

служба, не личное подчиненіе подданныхъ, но обладаніе территоріей; обладаніе землей, удѣломъ, обусловливаетъ власть надъ населеніемъ; принадлежность лица опредѣляется принадлежностью земли. Древній обычай закладничества, отрицавшій мѣстную, княжескую власть, признается нарушеніемъ новыхъ началъ государственнаго права.

20. Вопреки этимъ новымъ началамъ, вопреки договорамъ, междуудѣльное закладничество, въ древнѣйшей формѣ, личное и реальное вмѣстѣ, существуетъ до XVI вѣка. Оно существовало до тѣхъ поръ, пока не было устранено главное условіе его жизнеспособности, черезполосность княжескихъ владѣній. Если бы древній удѣлъ былъ непрерывною площадью, строго отграниченной отъ сосѣднихъ княжествъ, то князьямъ трудно было бы осуществлять свою узурпаторскую власть надъ лицами и землями въ чужомъ удѣлѣ, и закладничество скоро бы уничтожилось съ развитіемъ территоріальной власти князей. Между тѣмъ удѣлъ до XVI в., въ большинствѣ случаевъ, представлялъ изъ себя совокупность черезполосныхъ разбросанныхъ владѣній. Князья сами, постоянными раздѣлами, поддерживали черезполосность владѣній, наслѣдіе старины, когда принадлежность владѣній опредѣлялась подданствомъ лица, ея частнаго собственника. Великій князь Василій Васильевичъ выдѣлилъ своей женѣ волости и села въ предѣлахъ владѣній (въ удѣлахъ) своихъ сыновей и завѣщалъ: „тѣ волости и села данью и судомъ потягнутъ къ моей княгинѣ, а дѣти мои въ то не вступаются“ (№ 86, 1462); давши волость Плѣснь Можайскому князю (Михаилу Андреевичу) онъ оставилъ себѣ Плѣсенское село и деревни этого села [1]). Въ 1504 г. вел. князь Іоаннъ Васильевичъ пожаловалъ младшему сыну своему Юрію Дмитровъ и Кашинъ, опредѣлилъ границу его владѣній, но при этомъ, борясь со стариной, обстоятельно и очень неловко разъяснялъ значеніе этой границы [2]), и тутъ же самъ нарушилъ новое начало, нарушилъ территоріальный рубежъ, опредѣливъ, что часть населенія въ удѣлѣ кн. Юрія (численныя земли и ордынскія) будетъ подвластна не ему, но старшему кн. Василію: „Тѣмъ численымъ людемъ и ординцомъ тянути по старинѣ всякое тягло съ числяки и съ ординцы къ сыну моему къ Василью, а сыну моему Юрью въ численыя земли и въ Ординскія не въступатися ничѣмъ“ (№ 138).

---

[1]) № 90 (1463), с. 216. Другіе примѣры см. у Чичерина, Опыты, с. 308, 309.

[2]) «А которыя села и деревни монастырьскія и боярскія по сему списку изъ Переславскихъ становъ и изъ волостей перешли въ Дмитровскіе и въ Кашинскіе станы и волости, и тѣмъ монастырямъ и бояромъ и дѣтемъ боярскимъ тѣ свои земли вѣдати по старинѣ, а данью и судомъ тѣмъ землямъ тянути къ Дмитрову и къ Кашину и къ волостямъ Дмитровскимъ и къ Кашинскимъ, кудѣ которая земли перешла» и пр. № 138, с. 367.

Благодаря соглашеніямъ такого рода, рубежъ не былъ неприкосновеннымъ для властей сосѣдняго княжества; территорія удѣла была легко доступной для приставовъ и даньщиковъ сосѣдняго князя. Нарушая рубежъ, въѣзжая въ удѣлъ кн. Юрія для управленія численными и ордынскими землями, принадлежавшими кн. Василію, его волостели легко могли осуществлять свою власть и по отношенію къ подданнымъ мѣстнаго князя Юрія, искавшимъ у нихъ защиты, закладывавшимся за ихъ господина, кн. Василія. По договорнымъ грамотамъ можно замѣтить, что закладничество вообще развивалось тамъ, гдѣ власть чужого князя была близка и легко осуществима. Въ договорахъ Новгорода съ Тверью рѣчь идетъ преимущественно о закладняхъ въ пограничныхъ областяхъ, Торжкѣ и Волоцкѣ, которыя были доступнѣе для управы волостелей сосѣдняго тверского князя. Напротивъ, гдѣ владѣнія князей не перекрещивались, были удалены одно отъ другого, или же раздѣлены естественной границей, тамъ не было мѣста закладничеству. Жителямъ рязанскаго княжества, отдѣленнаго отъ Москвы ясной границей, р. Окой, трудно было разсчитывать на скорую защиту московскихъ волостелей, и не было, такимъ образомъ, основаній для закладничества за московскаго князя. Въ договорѣ кн. Дмитрія Іоанновича съ Олегомъ Рязанскимъ, установившемъ между ихъ владѣніями „раздѣлъ по р. Оку“, мы не находимъ обычныхъ обязательствъ не держать закладней, не покупать селъ, не всылать приставовъ въ чужой удѣлъ [1]).

21. Договоры князей сохранили для насъ извѣстія лишь о междуудѣльномъ закладничествѣ. Но нѣтъ сомнѣнія, что рядомъ съ междуудѣльнымъ, междукняжескимъ—существовало въ древнее время и закладничество внутреннее, ограниченное предѣлами извѣстнаго княжества. Если лица могли закладываться за боярина чужого удѣла, то еще легче они могли отдаваться подъ защиту какого либо силь-

---

[1]) № 32, 1381. Тоже въ договорѣ кн. Рязанскаго съ кн. Юріемъ Галицкимъ: № 47, 1433 и въ договорѣ князей Московскаго (Василія Васильевича) и Можайскаго съ княземъ Рязанскимъ: № 65, 1447.—Въ нѣкоторыхъ договорахъ первой половины XV в., особой краткой редакціи, находимъ обычное соглашеніе: «въ чужой удѣлъ не вступаться, блюсти, а не обидѣти»; но въ нихъ нѣтъ вытекавшихъ изъ этого соглашенія постановленій о закладняхъ, селахъ, и приставахъ; эти постановленія, повидимому, сами собой подразумѣваются и выпущены лишь для сокращенія текста грамотъ: № 37, 1405, № 46, 1433, №№ 47, 49, 61 (1445).—Въ нѣкоторыхъ договорахъ интересующія насъ соглашенія пропущены, повидимому, случайно: ср. двѣ договорныя грамоты в. кн. Василія Васильевича съ Михаиломъ Андреевичемъ и съ Иваномъ Андреевичемъ, кн. Можайскими: 1447 г.: №№ 64 и 66 (id. № 69, 1448).—Соглашеніе о закладняхъ и пр. пропущены также въ договорахъ исключительно политическихъ; какъ въ № 67, 1448. Ихъ нѣтъ, кромѣ того, въ грамотахъ №№ 60 и 62 (1440) и №№ 52—59.

наго землевладѣльца того же самаго княжества, въ которомъ они жили [1]).

Разсмотрѣнный мною въ этой главѣ, древнѣйшій видъ закладничества личнаго и поземельнаго вмѣстѣ, коммендація лица съ землей, исчезаетъ въ XVI вѣкѣ. Междуудѣльное закладничество этого рода уничтожено было объединеніемъ Руси. Въ предѣлахъ одного княжества, московскаго государства, оно исчезло постепенно, съ установленіемъ строгаго правительственнаго контроля надъ правами лицъ на поземельную собственность. Этотъ контроль осуществлялся частыми переписями XV—XVI ст. Право лица на землю признавалось лишь въ томъ случаѣ, если оно было закрѣплено письменными актами, купчими, данными, раздѣльными грамотами. Принадлежность земли не могла уже болѣе опредѣляться, какъ въ древнѣйшее время, принадлежностью лица. Закладничество лица не могло уже болѣе влечь за собою перехода земли подъ власть патрона.

Съ середины XVI вѣка акты говорятъ объ иномъ видѣ закладничества, о патронатѣ исключительно личномъ. Этотъ видъ закладничества-патроната не былъ связанъ съ коммендаціей земельной собственности задавшагося человѣка, но какъ выяснено выше, въ первой главѣ, былъ обусловленъ поселеніемъ кліента - закладчика на землѣ патрона.

Н. Павловъ-Сильванскій.

---

[1]) Къ такому закладничеству относятся, какъ кажется, обязательства лицъ, получавшихъ землю во временное владѣніе: «не окняжить, не обоярить» этой земли и «не отдати никому»: А. Арх. Эксп., т. I, № 74, III, VI. А. отн до Юр. Б., т. I, № 118, II, VIII—X.

Обозрѣніе нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи въ археологическомъ отношеніи [1])

VI. Новгородская губ.

Огромное по количеству находокъ поселеніе каменнаго вѣка открыто и изслѣдовано въ 1889—1893 гг. на берегу Ильменскаго оз. близъ Новгорода В. С. Передольскимъ. По разсчету г. Передольскаго, поселеніе это тянется вдоль берега озера на разстояніи до 1 версты. Въ теченіе 5 лѣтъ работъ имъ было изслѣдовано до 1.500 кв. саж. этой площади, причемъ обнаружено до 45.000 разнообразныхъ подѣлокъ; вещи залегаютъ въ пласту темной песчаной глины и въ раковистой прослойкѣ, имѣющихъ въ толщину отъ 2 верш. до $2^1/_2$ арш. и покрытыхъ сверху глинистымъ пластомъ отъ $^3/_4$ до 4 арш. толщиною. Изъ кости встрѣчены слѣдующія подѣлки: длинныя кости съ заостренными концами въ видѣ долотъ, шилья, проколки, наконечники стрѣлъ, удочки, роговыя рукояти; изъ камня: ударныя орудія въ формѣ валуновъ (изъ сланцевъ, разноцвѣтнаго кремня, кварца, роговика), пращи, топорики, долота, точилки, клинья, молоты, ядрища, рубила, струги, рѣзаки, проколки, шилья, иглы, наконечники стрѣлъ и копій, буравы, ножи, скребки; изъ глины—черепки сосудовъ съ круглымъ и плоскимъ дномъ, орнаментированные ногтевымъ, ячеистымъ, плетеночнымъ и иными узорами. Встрѣчены еще привѣски изъ краснаго янтаря, шифера, зубовъ животныхъ, костяныхъ фигуръ, кости животныхъ (медвѣдя, лося, птицъ, рыбьи) и, наконецъ, кости человѣка. По счету г. Передольскаго, имъ отыскано 9 череповъ человѣка и, кромѣ того, отдѣльныя кости отъ человѣческихъ скелетовъ. Повидимому, находки изъ уроч. Коломцахъ вполнѣ соотвѣтствуютъ предметамъ, добытымъ на Сясьскомъ каналѣ [2]).

[1]) См. «Записки Имп. Русск. Археол. Общ.», т. VIII, вып. 1 и 2.

[2]) Передольскій, Бытовые остатки насельниковъ Ильменско-Волховского побережья. Спб. 1893 г.—Pérédolsky, L'époque paléolithique dans les environs de la ville Novgorod. Труды Московск. конгресса 1893 г., т. I, 134—144.—Въ архивѣ Императ. Архео-

Другая мѣстность Новгородской губ., извѣстная по многочисленнымъ находкамъ предметовъ каменнаго вѣка,—берега Бологовскаго озера. Здѣсь съ 1880 г. ежегодно производитъ раскопки кн. П. А. Путятинъ. Бологовская стоянка или поселеніе каменнаго вѣка найдена случайно, при раскопкѣ расположенныхъ здѣсь кургановъ. Съ 1881 г. раскопки производятся на мысу, выступающемъ въ озеро, гдѣ подъ слоемъ дерна и гравія, на глубинѣ 2—$2^1/_2$ арш., открытъ культурный пластъ толщиною до четверти аршина. Кромѣ перегноя, угля и золы, здѣсь найдены различныя каменныя подѣлки (наконечники копій и стрѣлъ, скребки, проколки, ядрища, пилки, обломки полированныхъ орудій, шиферныя привѣски), издѣлія изъ кости, куски охры, множество гляняной посуды двухъ типовъ и остатки двухъ скелетовъ. Изъ вещей однѣ могутъ быть отнесены къ палеолитическому періоду, другія къ неолитическому [1]).

130 наконечниковъ стрѣлъ изъ кремня найдены лежащими вмѣстѣ въ усадьбѣ г. Черкесова, въ Череповецкомъ у., на р. Судѣ, въ 20 в. отъ

логической Коммиссіи дѣло 1889, 40; 1890, 46; 1892, 67 (раскопки проф. Иностранцева, о которыхъ также въ Отчетѣ Имп. Археол. Комм. 1892 г., стр. 65—67). — О выставкѣ, устроенной г. Передольскимъ въ Петербургѣ въ 1893 г., см. въ «Новомъ Времени» 1893 г., № 6151 и 6176 и въ Археолог. Извѣст. 1893 г., № 5, стр. 177 и № 6, стр. 215.

[1]) Калачовъ, Изъ поѣздки слушателей Археолог. Института. Сборн. Археол. Инстит., в. V, стр. 4. Путятинъ кн., сообщеніе о раскопкахъ близъ Бологого. Записки Имп. Русск. Археол. Общ. Нв. сер. т. IV, стр. IX, XIV. — Анучинъ проф., о поѣздкѣ въ Бологое въ 1885 г. Древности, т. XI в. 2, стр. 64—68.—Путятинъ кн., о чашечныхъ камняхъ, найденныхъ въ Новгородской губ. Труды Тифл. Арх. Съѣзда, стр. LXV и 19—30.—Указатель выставки Ярославскаго Съѣзда, стр. 134.—Ласковскій и Лашковъ, описаніе Новгородск. музея, стр. 56. — Шапошниковъ, кремневыя издѣлія Валдайск. у. Труды Тифлисск. Археол. Съѣзда, стр. LXVI.—Указатель Историч. музея, стр. 13 и 20—22.—Другія статьи кн. П. А. Путятина: «О гончарномъ искусствѣ въ каменномъ вѣкѣ» (Изв. И. Р. Геогр. Общ. X т., 3 вып., стр. 280—309), «Орнаментація древняго гончарства» (Труды Одесск. Археол. Съѣзда, т. I, стр. 72—83), «О фаунѣ каменнаго вѣка изъ раскопокъ около Бологова съ палеэтнологической точки зрѣнія» (Прот. засѣд. Антроп. Общ. при Имп. С.-Пет. Унив., ч. III, стр. 86—109), «О палеолитномъ вѣкѣ въ Европѣ» (тамъ же, ч. IV и V, стр. 74—75), «О способахъ продѣлки отверстій въ бокахъ глиняныхъ сосудовъ неолитнаго періода» (VIII Съѣздъ русск. естеств. 1889 г.), «Каменный ножъ и его измѣненія» (Извѣстія Виленск. Археол. Съѣзда, засѣд. 9 авг.), «О костякахъ неолитнаго періода, найденныхъ близъ Бологого (Проток. засѣд. Антр. Общ. при Имп. С.-Пет. Унив. за 1889 г., стр. 26—35). Многочисленныя замѣчанія по поводу Бологовской стоянки каменнаго вѣка помѣщены въ различныхъ иностранныхъ изданіяхъ (Annalen des K. K. Naturhistorischen Hofmuseum за 1894 г., стр. 38, за 1893 г., стр. 35, Matériaux pour l'histoire primitive et natur. de l'homme dirigés par Cartailhac et Chantre 1886, май, стр. 271, Annales de la Soc. d'Arch. de Bruxelles, t. VII и замѣтка Вирхова въ Zeitsch. f. Ethnol., XXV, стр. 335—337, Compte-rendu Парижск. Международн. Конгресса Антроп. и Археол., стр. 220, Compte-rendu Междунар. Съѣзда американистовъ, стр. 502—513, Bulletin de la Soc. d'Antrop. de Paris, t. IV (IV Série), Arch. f. Anthrop., т. XXIV, H. 1 и 2, стр. 209 и др.).—Сабанѣевъ, анализъ шлаковъ изъ коллекціи кн. Путятина. Прилож. къ X т. Изв. И. Р. Арх. Общ., стр. 24—26.

устья р. Шексны. Два наконечника изъ кремня найдены въ 1 в. отъ с. Ольхово [1]). Слѣды каменнаго вѣка открыты въ самомъ Новгородѣ [2]).

Древнѣйшими курганами края слѣдуетъ признать такъ-называемыя сопки — очень высокія курганныя насыпи, расположенныя одиночно и по нѣскольку, главнымъ образомъ, по теченію важнѣйшихъ рѣкъ района — Волхова, Шелони, Ловати и Мсты. По теченію р. Волхова сопокъ раскопано очень мало. Въ 1823 г. раскопанъ былъ курганъ, расположенный близъ церкви с. Волотова и приписываемый Гостомыслу, причемъ былъ найденъ сосудъ, жженыя кости, кости птицы и лошади [3]). Въ 1878 г. г. Богословскимъ была раскопана сопка близъ д. Родивонова на Вишерѣ, недалеко отъ с. Волотова. Курганъ былъ высотою до 3 саж. Въ основаніи насыпи оказалось кострище изъ черной земли съ остатками мелкаго угля и кусочками пережженыхъ костей, до 2 арш. въ діаметрѣ и до 5 верш. толщины; сверху насыпи, на глубинѣ 1 арш., оказались въ безпорядкѣ лежавшія кости и черепа, вѣроятно, позднія. Близъ д. Ушерски, расположенной въ 8 в. отъ Новгорода, тогда же была раскопана сопка, наполовину распаханная и имѣвшая въ вышину до 5 арш., а въ ширину до 7 саж. Въ насыпи, на глубинѣ 3 арш., показались черепа и кости, расположенные въ безпорядкѣ, вѣроятно, поздніе, а въ основаніи ея, на поверхности земли, такое же кострище, какъ въ описанномъ выше курганѣ, имѣвшее въ діаметрѣ до 2 арш., въ толщину до 6 верш. [4]). На р. Шелони, въ 1848 г., раскопана была сопка въ с. Велебицахъ. Устройство ея неизвѣстно. Въ насыпи было найдено множество оружія, доспѣховъ и металлическихъ издѣлій (сохранены 2 кольчуги, 3 шишака съ наличниками и назатыльниками, стальной нагрудникъ) [5]). На р. Ловати большія раскопки произведены были въ сопкахъ въ 70-хъ годахъ Л. К. Ивановскимъ. Сопки имѣли въ вышину отъ 5 до 7 саж. и были расположены въ линію, или же группами по нѣскольку. Почти всѣ безъ исключенія насыпи имѣли въ окружности основанія одинъ или два ряда валуновъ. Бока насыпей круты, вверху ихъ площадки, на которыхъ можно замѣтить разбросанные камни. Въ самой насыпи раскопанныхъ сопокъ оказывался одинъ или два черные, расположенные куполообразно, слоя, на верху кото-

---

[1]) Уваровъ гр., Каменный вѣкъ, т. II, стр. 128.

[2]) Передольскій, Бытовые остатки и пр.

[3]) Богословскій и проф. Богдановъ въ I т. Антропол. Выставки, стр. 315, 316 и т. III, стр. 463.

[4]) Богословскій, Антропологич. Выставка, т. II, стр. 205 и 206.

[5]) Савельевъ, Старинные доспѣхи, найденные въ сопкахъ Новгородской губ.— Зап. Имп. Русск. Археол. Общ., т. IV, стр. 10—16 (съ рисунками).

рыхъ находились сосуды съ сожженными костями человѣка, а ниже ихъ—кости животныхъ (лошади, собаки, сокола). Въ одномъ изъ кургановъ оказалась груда камней, сложенная правильно въ видѣ стола или жертвенника. Въ насыпяхъ были встрѣчаемы и новѣйшія погребенія [1]). Въ бассейнѣ р. Мсты одна сопка раскопана г. Передольскимъ, близъ д. Горки Боровичскаго у. Насыпь имѣла въ вышину до 4 саж.; кругомъ основанія шелъ ровъ 2 арш. длиною и 1 арш. глубиною, съ перемычкою. На верху сопки была площадка, имѣвшая до 5 арш. въ діаметрѣ. При раскопкѣ на глубинѣ 1 арш. оказались черепки сосуда, угли и мелкія пережженныя кости, ниже, на глубинѣ 3 арш.—слои угля и песку. Почти въ самомъ основаніи кургана въ боку найдены остатки костра, засыпаннаго въ полномъ разгарѣ [2]). Въ 1879 г. раскопана большая сопка близъ д. Любинца, въ 25 в. отъ ст. Бологое (Прохоровымъ и кн. Путятинымъ). Насыпь имѣла до 5 саж. вышины. У подошвы ея были расположены различной величины валуны. При раскопкѣ на глубинѣ 1 саж. обнаружено кострище съ слѣдами костей коня, на глубинѣ $2^1/_2$ саж.—кострище съ костями домашней птицы и собаки, на глубинѣ $4^1/_2$ саж.—толстое наслоеніе угля и бѣлаго песку, затѣмъ слой истлѣвшаго дерева и кострище покойника, представлявшее грубую неопредѣленную массу съ остатками пережженныхъ костей. Въ этой массѣ и частью около нея найдено много (?) кремневыхъ ножичковъ и другихъ осколковъ, попавшихъ сюда, по всей вѣроятности, случайно. Ниже шелъ материкъ [3]). Какъ ни малочисленны произведенныя до сихъ поръ въ Новгородской губ. раскопки въ сопкахъ, все же онѣ показываютъ, что новгородскіе курганы этого типа вполнѣ аналогичны съ сопками, раскопанными Н. Е. Бранденбургомъ въ нижнемъ теченіи Волхова [4]), и, слѣдовательно, могутъ быть отнесены также приблизительно къ IX в., или къ нѣсколько болѣе раннему времени. Время и районъ распространенія сопокъ врядъ ли позволяютъ сомнѣваться, что эти памятники древности принадлежатъ новгородскимъ славянамъ. Остается невыясненнымъ фактъ внезапнаго появленія на новгородской территоріи этихъ высокихъ погребальныхъ насыпей, а также представляется не яснымъ, почему онѣ встрѣчаются въ сравнительно маломъ

---

[1]) Ивановскій, Матеріалы для изученія кургановъ и жальниковъ ю.-запада Новгородск. губ.—Труды II Археол. Съѣзда, стр. 56—67 (имѣются отпечатанные чертежи раскопанныхъ кургановъ).

[2]) Передольскій, Бытовые остатки, стр. 51—54.

[3]) Прохоровъ, О раскопкѣ кургана близъ Бологова.—Сборн. Археол. Институт., т. III, 17—19 (рис.).

[4]) Бранденбургъ, Курганы южнаго Приладожья, стр. 135—141.

количествѣ. Быть можетъ, на ряду съ устройствомъ огромныхъ сопокъ, новгородцы пользовались и инымъ обрядомъ погребенія [1]).

Раскопки, произведенныя Археологическимъ Институтомъ близъ ст. Бологое, обнаружили, быть можетъ, переходную форму отъ древнихъ сопокъ къ болѣе новымъ курганамъ. Близъ д. Гридиной, въ Лодыгинскомъ бору, у Бологое имѣются сопки высотою отъ 1 до 4 арш., въ окружности отъ 7 до 24 саж., не укрѣпленныя въ основаніи валунами. Въ 1879 г. здѣсь было раскопано 6 такихъ насыпей. Въ первой близъ центра (на верху насыпи?) оказалась масса обугленныхъ костей и черепокъ отъ сосуда, на глубинѣ $^1/_2$ арш.—высокій горшокъ (накрытый другимъ), въ которомъ найдено множество мелкихъ костей и ножъ; горшокъ окруженъ былъ пепельнымъ слоемъ. Во второй оказалась груда пережженныхъ костей, на верху насыпи, въ третьемъ жженыя кости лежали на глубинѣ $^1/_4$ арш. отъ верху. Въ четвертомъ (высотою $1^1/_4$ арш.) на глубинѣ $^1/_4$ арш. находился высокій горшокъ грубой работы, прикрытый другимъ и наполненный костями, повидимому, какого-то мелкаго животнаго, остатки зеренъ, ножъ, какое-то остріе въ видѣ наконечника стрѣлы; по сторонамъ горшка лежала груда костей, между которыми найденъ мѣдный обломокъ. На $1^1/_2$ арш. отъ поверхности находились кости животныхъ, среди которыхъ хорошо сохранились ноги и позвонки коня. Въ пятой насыпи обнаружено кострище, а на немъ кости животныхъ и 4 расплавленныя стекляныя бусы. Въ шестой насыпи, имѣвшей всего 1 арш. вышины, на верху, въ угольномъ слоѣ, найденъ ножъ и нѣсколько мелкихъ костей. Тамъ же и тогда же въ сопкахъ на мызѣ Рыкачева (расположенныхъ полосою чрезъ 15—30 саж.) были находимы слои угля на глубинѣ $1^1/_2$—2 арш. Близъ д. Макаровой, тамъ же, изъ 10 кургановъ довольно большой величины раскопано было 5 насыпей, причемъ на глубинѣ 1—2 арш. былъ находимъ слой пережженнаго песку [2]). Въ двухъ курганахъ, раскопанныхъ въ 1880 г. около Бологого, близъ д. Озеревичи, г. Шапошниковымъ, на глубинѣ $1^1/_2$ четв. начинался угольный слой, а далѣе шли болѣе или менѣе значительные слѣды угля [3]). Въ двухъ небольшихъ возвышеніяхъ, раскопанныхъ г. Передольскимъ близъ д. Юрьевой, Боровичскаго у., оказались слои угля и золы въ перемежку съ пескомъ; въ угольныхъ слояхъ встрѣчены черепки

[1]) Фантастическій видъ группы сопокъ см. въ III т. Древней Русской Исторіи Погодина (взятъ изъ статьи Глинки о Бѣжецкихъ древностяхъ).

[2]) Даниловъ, Раскопки въ Валдайскомъ у. — Сборн. Археол. Институт., в. III, стр. 38-41.

[3]) Калачовъ, Изъ поѣздки слушателей Археолог. Института.—Сборн. Археол. Институт, кн. V, стр. 3—4.

и кости [1]). Дальнѣйшія измѣненія въ обрядѣ погребенія состоятъ, повидимому, въ томъ, что трупы погребаются не сожженными, въ сидячемъ положеніи (т.-е. такъ, какъ они, быть можетъ, располагались прежде на кострищахъ), подъ невысокими насыпями. Курганы съ такимъ обрядомъ погребенія уже извѣстны, но они еще не были раскапываемы съ научною цѣлью [2]). Близъ Бологого и близъ дер. Любинцы раскопаны невысокіе курганы, обложенные въ основаніи валунами и заключающіе въ себѣ погребенія несожженныхъ костяковъ, лежащихъ на спинѣ, иногда даже въ колодахъ [3]); такіе курганы, быть можетъ, составляютъ крайнее перерожденіе сопокъ и обычая погребать въ насыпяхъ (если только костяки въ нихъ не позднѣйшіе, что весьма вѣроятно). Въ с. Горцахъ, Старорусскаго у., Богословскимъ раскопанъ былъ курганъ, имѣвшій въ вышину 4 арш. и въ діаметрѣ 6 саж., обложенный снизу плитнякомъ. Въ немъ на глубинѣ 3 арш. оказались сожженныя кости съ черепками отъ сосуда, а выше, на глубинѣ 2 арш.—большое количество позднѣйшихъ череповъ и костей, лежащихъ въ безпорядкѣ съ З. на В. (14 мужскихъ, 15 женскихъ и 4 дѣтскіе) [4]). Быть можетъ, къ такимъ же позднѣйшимъ погребеніямъ относятся 8 костяковъ, найденныхъ въ 1879 г. въ курганѣ близъ Бологого, заключающемъ слои песку и угля и обложенномъ въ основаніи валунами [5]), и нѣсколько костяковъ, открытыхъ въ подобномъ курганѣ кн. Путятинымъ въ 1894 г. близъ ст. Верещино на устьѣ Шелони [6]). Г. Шотѣхинъ раскопалъ курганъ близъ с. Коростыни, въ которомъ нашелъ скелетъ человѣка и коня, быть можетъ, тоже поздніе [7]). Близъ с. Косицкаго, расположеннаго на р. Лугѣ, Богословскій въ 1878 г. раскопалъ большой курганъ, имѣвшій въ вышину до 3 саж., въ діаметрѣ основанія до 6 саж., „сверху и по низу выложенный крупнымъ камнемъ“. Здѣсь на глубинѣ 1 саж. найдены 2 костяка, лежавшіе рядомъ, головами на З., изъ которыхъ при одномъ оказался мѣдный тѣльникъ XII в. (?); далѣе до самаго материка ничего не обнаружено [8]).

Съ принятіемъ христіанства сопки исчезаютъ, переродившись въ каменныя могилы, которыя въ позднѣйшемъ видѣ представляютъ

---

[1]) Передольскій, Бытовые остатки, стр. 50.

[2]) Даниловъ, Раскопки въ Валдайскомъ у. — Сборн. Археол. Институт., т. III, стр. 41.

[3]) Прохоровъ, О раскопкѣ кургановъ.—Сборн. Археол. Институт. кн. III, 17—19.

[4]) Богословскій, Антрополог. Выставка, т. I, 243 и т. III, 462 и 469.

[5]) Прохоровъ, loc. cit.

[6]) Въ архивѣ Императ. Археологич. Коммиссіи дѣло 1894 г., № 60.

[7]) Тамъ же.

[8]) Антропологич. Выставка, т. II, стр. 206, и III, 474.

собою грунтовыя ямы, прикрытыя сверху незначительною насыпью и окруженныя по краю рядомъ валуновъ. Такой видъ могилы новгородцы усвоили не сразу, а постепенно. Кладбища съ описанными каменными могилами носятъ мѣстное названіе жальниковъ. Древнѣйшій жальникъ раскопанъ былъ г. Передольскимъ близъ д. Юрьево, Боровичскаго у. Изслѣдованная на немъ могила имѣла въ діаметрѣ до 5 саж., а въ вышину всего 1 арш. Вкругъ основанія и сверху расположены были камни и, кромѣ того, по верху шелъ колотый плитнякъ. Подъ слоемъ камней оказался песокъ и пережженныя кости животныхъ, въ обломкахъ. Въ могилѣ похоронено было 5 костяковъ, всѣ на поверхности земли, въ гробовищахъ изъ крупныхъ валуновъ, проложенныхъ для устойчивости колотымъ щебнемъ. Съ правой стороны гробовища отверстіе, чрезъ которое можно пролѣзть; часть камней составляла сводъ гробовища. Дно гроба усыпано бѣлымъ пескомъ, а поверхъ его лежалъ слой угля и золы. Въ первомъ гробовищѣ лежалъ костякъ, ногами на С.-В. Голова его лежала на камнѣ; въ ногахъ стоялъ горшокъ, надъ головою находился небольшой плоскій глиняный сосудъ. По бокамъ у таза этого скелета найдены 4 черепа молодыхъ людей съ первыми костями грудной клѣтки. Южный уголъ каменной кладки былъ закопченъ, и тутъ было найдено много углей и недогорѣвшихъ сосновыхъ головней. Въ первую гробницу сверху впущены были перегорѣлыя кости человѣка. Кругомъ всей могилы шелъ ровъ, имѣющій въ ширину до 2-хъ и въ глубину до 1 арш. [1]). Изъ приведеннаго не вполнѣ яснаго описанія все же слѣдуетъ, что въ первое время по принятіи христіанства, или же предъ этимъ временемъ, новгородцы уже не сожигали своихъ покойниковъ, а погребали, хотя еще не въ ямахъ; погребеніе сопровождали тризной и сохранили обычай укрѣплять мѣсто погребенія камнями; для могилы выбиралась площадка сравнительно большаго размѣра, почти какъ для сопки. Описанный Л. К. Ивановскимъ Мароинскій жальникъ въ Старорусскомъ у. представлялъ собою также плоское возвышеніе, до 2 арш. вышины и до 68 саж. въ окружности, тщательно обложенное камнями и обведенное рвомъ [2]). Каменныя могилы на жальникахъ по Ловати имѣютъ грунтовыя ямы въ 2—4½ арш., выложенныя по стѣнкамъ и на днѣ кусками необдѣланнаго гранита безъ цемента. Въ могильныхъ насыпяхъ, весьма

[1]) Передольскій, Бытовые остатки, стр. 50 и Pérédolsky, le «Jalnik» de Jurievo въ Трудахъ Московск. Археолог. Конгр., т. I, 145. Въ жальникѣ, по слухамъ, были находимы каменные кресты.

[2]) Ивановскій, Матеріалы для изученія кургановъ и жальниковъ и пр. въ Трудахъ II Археол. Съѣзда, т. II, стр. 66—67.

невысокихъ, тоже тамъ и сямъ попадаются камни. Костяки лежатъ ногами на В. Высокихъ камней на этихъ могилахъ нѣтъ [1]). Въ началѣ 70-хъ годовъ большое количество жальниковъ раскопалъ въ Валдайскомъ у. г. Волькенштейнъ. Здѣсь жальники расположены всегда на вершинѣ холмовъ и состоятъ изъ могилъ, огражденныхъ по краю рядомъ крупныхъ валуновъ въ формѣ прямоугольника или—изрѣдка—трапеціи. Въ случаяхъ двойного погребенія (весьма рѣдкихъ) валуны располагаются въ видѣ квадрата. Въ нѣкоторыхъ жальникахъ валуны замѣнены поставленными на ребро плитами. Почти подъ самымъ дерномъ надъ могилами начинаютъ попадаться черепки сосудовъ (большого размѣра черной глины и малой величины красной глины) и вмѣстѣ съ ними неизбѣжно мелкій уголь. Средняя глубина ямы 1 арш. 5 верш. Въ одной могилѣ были поставлены по бокамъ 2 огромныя плиты, а въ другой боковыя стѣнки были сложены изъ 3-хъ плитъ каждая, и по плитѣ же стояло въ головахъ и въ ногахъ. Костяки лежатъ головою на С.-З., на спинѣ, руки занимаютъ различное положеніе. Изрѣдка замѣчались слѣды деревяннаго гроба. Черепа погребенныхъ въ большинствѣ оказались коротко-головыми, причемъ женскіе черепа дали болѣе случаевъ длинноголовости [2]). Каменная могила, раскопанная въ 1885 г. мѣстнымъ начальствомъ въ Кременичскомъ пог. Тихвинскаго у., имѣла въ діаметрѣ до 4 саж. и была окаймлена большими камнями. Раскопка обнаружила въ ней лишь слои угля [3]). Могилы въ жальникѣ близъ д. Гридиной около Бологого имѣютъ продолговатую форму и обложены камнями, изъ которыхъ иные отесаны въ видѣ плитъ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ плитъ выбиты очень грубо кресты. Могилы расположены безъ симметріи [4]). Въ жальникѣ близъ с. Коростыни, находящемся недалеко отъ устьевъ Шелони, могилы состоятъ изъ плоскихъ круглыхъ возвышеній, обложенныхъ большими плитами [5]). Жальниковъ въ Новгородской губ., повидимому, много, но они отмѣчены еще въ сравнительно небольшомъ числѣ. Болѣе всего ихъ извѣстно въ Старорускомъ, Демьянскомъ, Валдайскомъ, Крестецкомъ и Боровичскомъ у. Крестьяне называютъ составляющія ихъ могилы—„мдгилами“.

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Волькенштейнъ, Нѣсколько словъ объ антропологіи жальниковъ Валдайскаго у. Труды II Археолог. Съѣзда, т. II, стр. 1—56.—Wolkenstein, Recherches anthropologiques sur l'anciens cimetières du Waldai, nommés Jalniks. Bulletin Московск. Общ. Натуралистовъ, 1878, 1.

[3]) Въ архивѣ Императ. Археолог. Коммиссіи дѣло 1885 г., № 35.

[4]) Раскопки слушателей Археолог. Института.—Сборн. Археолог. Института, кн. III, стр. 38.

[5]) Сообщено кн. П. А. Путятинымъ.

Особое мѣсто среди каменныхъ могилъ составляютъ жальничныя погребенія, раскопанныя въ 1878 г. Богословскимъ въ западной части губерніи, близъ с. Косицкаго, расположеннаго на р. Лугѣ. Здѣсь жальниковъ три, изъ 25, 12 и 15 могилъ. Могилы имѣютъ обыкновенный видъ, но обложены сверху крупнымъ булыжнымъ камнемъ. Костяки расположены всѣ головою на З.; нѣкоторые изъ нихъ оказались въ сидячемъ положеніи. При скелетахъ были найдены различныя мѣдныя вещи, именно: височныя кольца средняго размѣра (нѣкоторыя съ ромбическими расширеніями), привѣски — лунницы, витой проволочный браслетъ, мелкія и крупныя спиральныя трубочки, оловянныя лапчатыя подвѣски. Вещи эти сходны съ найденными въ курганахъ С.-Петербургской губ. и могутъ быть отнесены ко времени не позднѣе XII в. Одинъ изъ жальниковъ находился близъ городища [1]).

Проф. Богдановъ, имѣвшій въ своихъ рукахъ довольно пеструю коллекцію череповъ изъ раскопокъ въ Новгородской губ., высказалъ мнѣніе, что древнѣйшимъ типомъ череповъ новгородскихъ славянъ должны быть признаны черепа длинноголовые и что короткоголовые черепа, встрѣченные въ Валдайскомъ и Старорусскомъ у., должны быть отнесены на счетъ примѣси финскаго элемента [2]).

Въ 1878 г. г. Богословскимъ близъ пог. Климентовскаго, на р. Тесовой, раскопано было нѣсколько курганныхъ насыпей особаго типа. Группа кургановъ состояла изъ 12 насыпей, изъ которыхъ 2 имѣли въ вышину по 1 арш. и 10 — до 3-хъ арш.; всѣ обложены камнями. Изъ очень запутаннаго описанія произведенной упомянутымъ лицомъ раскопки видно, что въ подвергнутомъ изслѣдованію одномъ изъ большихъ кургановъ оказалась камера, выложенная изъ плитняка и прикрытая плитою, дно которой выстлано было булыжникомъ. Камера имѣла въ вышину $1^1/_2$, въ длину $1^3/_4$ и въ ширину 1 арш. Въ ней найдено 7 череповъ, 2 горшка, 2 мѣдныя бляшки и ганзейская монета XIII—XIV в. (?). Камера не могла быть впускной и поздней, такъ какъ кругомъ ея въ насыпи найдены отески. Въ одномъ изъ меньшихъ кургановъ въ срединѣ насыпи оказалось сооруженіе, сложенное изъ булыжника и плитняка, до 2-хъ арш. вышины [3]). Близкихъ аналогій тому и другому кургану мы не знаемъ.

---

[1]) Богословскій, въ Антрополог. Выставкѣ, т. II, стр. 206.—Указатель Историческаго музея, стр. 164.

[2]) Богдановъ, Древніе новгородцы въ ихъ черепахъ. — Антропол. Выст., т. II, стр. 462—475.

[3]) Богословскій, въ Антропол. Выст., т. II, стр. 205 и проф. Богдановъ, тамъ же, т. III, стр. 475.

Сѣверо-западный уголъ губерніи входитъ въ районъ, занятый курганами Приладожской чуди (хотя здѣсь, повидимому, есть также и сопки, и жальники). Въ этой мѣстности нѣсколько кургановъ раскопано было въ 1874 г. Европеусомъ (близъ д. Залювшикъ), причемъ найдены были вещи, обычныя для приладожскихъ кургановъ, и саманидская монета 944 г. [1]). Такія же вещи изъ неизвѣстной мѣстности Тихвинскаго у. находятся въ Новгородскомъ музеѣ (разнообразныя бусы, скандинавская фибула, массивные браслеты, ключъ); среди нихъ новость представляетъ половинка флаконовидной подвѣски Лядинскаго типа [2]). Небольшое, но интересное собраніе курганныхъ находокъ изъ Тихвинскаго у. находится въ Императорскомъ Эрмитажѣ (цѣпи, браслеты, подвѣски) [3]).

По рѣкамъ, входящимъ въ бассейнъ р. Волги, въ губерніи встрѣчены курганы съ вещами такъ-называемаго мерянскаго типа. Въ 1844 г. 18 кургановъ такого типа раскопалъ г. Ушаковъ, близъ д. Пестово, на Мологѣ, причемъ нашелъ 12 диргемовъ 926—990 г. [4]). Въ 1868 г. раскопанъ былъ курганъ на р. Судѣ, притокѣ р. Шексны, близъ д. Варнакушки, причемъ былъ найденъ брактеатъ XI в., витой браслетъ съ подвѣшеннымъ къ нему крестомъ и топоръ. Крестъ Прозоровскимъ отнесенъ къ XII—XIII в. Въ курганѣ найдены были еще угли [5]). На той же рѣкѣ въ 1894 г. раскопано было нѣсколько кургановъ близъ д. Зворыкино г. Панинымъ, причемъ кромѣ различныхъ вещей были найдены монеты XI в. [6]). Откуда-то изъ Бѣлозерскаго у. есть небольшое собраніе вещей мерянскаго типа въ Новгородскомъ музеѣ (подвѣска-конекъ, лунница, серьга, шейныя гривны, поясныя бляшки). Въ курганахъ, раскопанныхъ г. Европеусомъ, въ 1875 (?) г., близъ д. Бѣлые Кресты, находящейся при впаденіи Песи въ Чагодощу, найдены предметы той культуры (височныя кольца, золоченыя и иныя бусы, серебряныя пряжки, серебряные перстни, бубенчики и пр.) и монеты, саманидская и византійская [7]).

---

[1]) Отчетъ г. Европеуса помѣщенъ въ Finl. Allm. Tidn., 1874, 212, а извлеченіе изъ него имѣется въ работѣ г. Аспелина Suomalais-ugrilaisen muin. alk., 1875, стр. 310.— Вещи находятся въ Гельсингфорсѣ.

[2]) Ястребовъ, Лядинскій могильникъ. Табл. IV, 11 и стр. 28. (Прилож.).

[3]) Кондаковъ, Указатель средне-вѣков. отдѣленія, стр. 296. Самая интересная вещь — бляшка въ видѣ всадника, стоящаго на змѣѣ.

[4]) Ушаковъ, Дневникъ разрытія кургановъ въ Устюженскомъ у. «С.-Петерб. Вѣдом.», 1844, 262, 263.

[5]) Прозоровскій, Древнія вещи, найденныя въ Бѣлозерскомъ у. Извѣст. Импер. Русск. Археол. Общ., т. VIII, стр. 64—66.

[6]) Труды Русск. Отдѣл. Имп. Русск. Арх. Общ., I, 160—162 (рис.).

[7]) Извѣстія Имп. Русск. Археол. Общ., т. IX, стр. 115. — Вещи находятся въ Гельсингфорскомъ музеѣ.

Кладовъ серебряныхъ или золотыхъ вещей X — XI в. до сихъ поръ изъ Новгородской губ. неизвѣстно. Близъ д. Сельцы, Старорусскаго у., найденъ былъ интересный кладъ серебряныхъ вещей, которыя можно относить приблизительно къ XIII в. Въ немъ заключаются: 5 серебряныхъ медальоновъ, украшенныхъ изображеніемъ креста съ акаѳами, большія серебряныя бусы, витой перстень, обломокъ рубля и интересная сѣтка изъ цѣпочекъ и бляшекъ [1]). Въ Новгородѣ найдена была гривна и рубли [2]), и тамъ же извѣстна находка серпентиннаго креста [3]). Арабскихъ монетъ въ губерніи было находимо довольно много. Самая древняя изъ нихъ найдена на берегу р. Мсты (622 г.), самая поздняя относится къ 990 г. Клады монетъ найдены близъ д. Вылеги Новгородскаго у., близъ г. Демьянска, въ Череповецкомъ у., на берегу Шлинскаго озера Валдайскаго у. и близъ Кириллова монастыря. Диргемы были находимы и въ курганахъ [4]). Въ 1860 г. въ Новгородѣ найдено было 278 новгородскихъ денежекъ [5]).

По сообщенію Н. И. Барсова, въ 5 в. отъ Старой Русы, по направленію къ Крестцамъ, у самой дороги находится какой-то камень съ изображеніемъ фигуры человѣка. Извѣстенъ рисунокъ каменнаго креста, стоявшаго на одной сопкѣ Крестецкаго у. и свезеннаго оттуда въ часовню [6]). По сообщенію кн. П. А. Путятина, на устьѣ Волхова имѣется камень съ надписью, открывающійся въ меженную воду. Древнія кладбища раскопаны въ Волотовѣ и въ Новгородскомъ Дѣтинцѣ, близъ Андреевской церкви (1878 г.) [7]).

Благодаря, главнымъ образомъ, трудамъ г. Игнатьева и Кульжинскаго [8]), памятниковъ старины въ Новгородской губ. въ видѣ кургановъ, городищъ и жальниковъ, извѣстно уже значительное количе-

---

[1]) Ласковскій и Лашковъ, Описаніе Новгородскаго музея, стр. 56 (рис.). Дѣло въ архивѣ Императ. Археологич. Коммиссіи, 1894 г., 218.

[2]) Mém. de l'Acad., т. X (1826), стр. 3 — 48. — Въ архивѣ Импер. Археол. Комм. дѣло 1821 г., № 5.

[3]) Bullet. Scientif., t. IX (1842), 269 и 276. — Въ архивѣ Импер. Археолог. Комм. дѣло 1841 г., № 75.

[4]) Марковъ, Топографія кладовъ восточныхъ монетъ, стр. 27—29.

[5]) Въ архивѣ Императ. Археологич. Коммиссіи, 1860 г., 19.

[6]) Головъ, Камень, снятый съ сопки изъ Крестецкаго у. — Зап. Импер. Русск. Археол. Общ., т. III, стр. 127.

[7]) Богословскій, въ Антрополог. Выстав., т. II, 205 и III, 468 и 472.

[8]) Игнатьевъ, Курганы Новгородской губ. «Новгор. Губ. Вѣд.», 1853, 11, 12, 34, 49; 1854, 1 и 2. Его же, О курганахъ Новгородской губ. «Сѣверн. Пчела», 1853, 56—57 и 62 и Зап. Имп. Русск. Археол. Общ., т. IV, стр. 12—13. О порученіи г. Игнатьеву собирать археологическія свѣдѣнія см. въ Ж. М. Н. П., ч. LXXVI, отд. 7, стр. 91 и ч. LXXIX, отд. 6, стр. 6 и «Сѣв. Пчела», 1852, 223. — Кульжинскій, Курганы Новгородской губ. Извѣст. Имп. Русск. Арх. Общ., т. II, стр. 149—160 (1861 г.).

ство. Проф. Анучинъ въ небольшой замѣткѣ даетъ свѣдѣнія о курганахъ и городищахъ Валдайскаго, Демьянскаго и Боровичскаго у. [1]), кн. Еникѣевъ — о курганахъ въ имѣніи Прибужѣ Боровичскаго у. [2]), Ивановскій — о Курскомъ городищѣ [3]), А. И. Савельевъ — о городкѣ Райкѣ и другихъ [4]), Купріяновъ — о древностяхъ Демьянскаго у. [5]). При нанесеніи имѣющихся свѣдѣній на карту оказывается, что наибольшее количество памятниковъ древности въ губерніи падаетъ на Крестецкій, Демьянскій, Боровичскій, Новгородскій, особенно же на Старорусскій у., центръ новгородской земли. О курганахъ и городищахъ сѣверныхъ уѣздовъ губерніи свѣдѣній имѣется еще очень мало. Въ Бѣлозерскомъ и Кирилловскомъ у. кургановъ вовсе неизвѣстно. Раскопка большого Бѣлозерскаго кургана, произведенная въ 1860 г., показала, что это скорѣе всего насыпь естественнаго происхожденія; остается не вполнѣ уясненнымъ, найдена-ли была грунтовая могильная яма и въ другомъ раскопанномъ тамъ же курганѣ [6]).

Предметы древности изъ Новгородской губ. отчасти сосредоточены въ частныхъ рукахъ (коллекціи г. Передольскаго и кн. Путятина), отчасти сохраняются въ музеяхъ: Новгородскомъ, въ Русскомъ Историческомъ въ Москвѣ, въ Гельсингфорскомъ и въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Губернія въ археологическомъ отношеніи изслѣдована еще очень недостаточно [7]).

---

[1]) Анучинъ, О нѣкоторыхъ древностяхъ Новгородской губ. Древности, т. XV, в. 2, стр. 132. Близъ с. Городецъ, Валдайскаго у., отмѣчается городище съ находками каменныхъ орудій; указывается, что, повидимому, большое количество кургановъ и городищъ встрѣчается вдоль озеръ, идущихъ къ Ю. отъ г. Валдая до истоковъ Волги и Западной Двины.

[2]) Антропологич. Выст., т. II, 202.

[3]) Ивановскій, Курское городище. Труды II-го Археологич. съѣзда, т. II, стр. 68 и 69.

[4]) Савельевъ, А. И., Замѣтка о городкѣ Райкѣ и прочихъ. Сборн. Археолог. Инст., т. III, стр. 53—54 (рис.).

[5]) Купріяновъ, Письмо изъ Новгорода. «Москвитянинъ», 1853 г., т. XX, стр. 143—150. Его же, О нѣкоторыхъ курганахъ Новгородской губ. Труды Антроп. отдѣла, кн. II, в. 1, стр. 7.

[6]) Въ архивѣ Импер. Археологич. Коммиссіи, дѣло 1860, № 15. — Отчетъ Императ. Археолог. Коммиссіи за 1860, XII—XV.—Игнатьевъ, Курганы близъ г. Бѣлозерска. «Сѣв. Пчела», 1853, 56, 57, 62 и Журн. для чтен. военно-учебн. завед., 1853 г., т. 104, № 415, стр. 352—366.

[7]) Въ статьяхъ: «Слѣды древностей близъ Ст. Руссы» («Новое Время», 1868, 164), «Старая Русса и памятники ея древности» («Новг. Вѣд.», 1852, 23—25, Игнатьева), «Древности с. Грузина» (Труды Моск. Общ. Ист. и Древн., ч. III, кн. 1, стр. 174 — 180; ч. IV, кн. 1, стр. 219), «Поденная записка о работахъ, производимыхъ при раскопкѣ древняго зданія на ул. Рогатской, въ Новгородѣ» («Новгор. Вѣд.», 1863, 38, 43 и «С.-Петерб. Вѣд.», 1863, 241, о домѣ Марфы Посадницы), заключаются свѣдѣнія о древностяхъ позднѣйшихъ.—Статьи «Объ археологической находкѣ въ Тихвинѣ» («Голосъ», 1872, 216), не найдено.—Въ указателяхъ Новгородскаго музея, составленныхъ Богословскимъ и изданныхъ въ 1868 и 1887 гг., археологическаго матеріала нѣтъ.

VII. Псковская губ.

Находокъ каменнаго вѣка извѣстно пока очень мало: обломокъ топора изъ змѣевика, найденный въ торфѣ близъ им. Заполья, Псковскаго у. [1]), да наконечники стрѣлъ и копій изъ слц. Петрикѣева, Торопецкаго у. [2]).

Очень мало извѣстно также о курганахъ Псковской губ., но что извѣстно, то возбуждаетъ большой интересъ. Какіе-то весьма древніе курганы раскопалъ въ 1872 г. близъ имѣнія Заполья (между дер. Шенёвой и Хвоёнки) бар. Богушевскій. Кургановъ было раскопано нѣсколько, причемъ въ одномъ „вмѣстѣ съ черепомъ, въ могилѣ, обложенной камнями", найдено любопытное глиняное блюдце на широкой ножкѣ и въ томъ же или въ другомъ курганѣ еще сосудъ съ двумя ушками, архаичной формы, и какое-то каменное издѣліе въ видѣ пращи или грузила [3]).

Въ 1896 г. Ф. А. Ушаковымъ раскопанъ былъ интересный по содержанію, но пока непонятный курганъ, находящійся въ 7 в. отъ Пскова, близъ пог. Камна. Насыпь имѣла до 1 саж. въ вышину и до 30 саж. въ основаніи. Подъ нею открытъ былъ скелетъ, лежавшій лицомъ (?) на З., въ каменномъ ящикѣ, составленномъ изъ плитняка. Ниже костей лежалъ пластъ извести, образовавшейся изъ ряда нарочно положенной плиты, которая и составляетъ основаніе насыпи; на извести находилась груда сосноваго угля. Возлѣ костяка, имѣвшаго въ длину 2 арш. 5 верш., оказались остатки угля, чешуи, человѣческихъ костей, череповъ и т. п. (не есть-ли это впускное погребеніе?). Въ другихъ мѣстахъ кургана обнаружено свыше 30 отдѣльныхъ очаговъ съ сосновымъ углемъ, рыбьей чешуей и человѣческими костями; у одного очага найденъ скелетъ зайца. Кромѣ того, отдѣльно найдены слѣдующія вещи: точильный камень около 2-хъ верш. длиною, съ отверстіемъ, каменныя, не особенно чисто отшлифованныя бусы, обломки горшковъ изъ бурой глины, съ украшеніями и безъ нихъ, и куриная кость съ отверстіемъ.

Сопки новгородскаго типа заходятъ въ губернію съ В. и С.-В., по Ловати и Шелони, но содержаніе ихъ извѣстно еще очень мало.

[1]) Уваровъ, гр., Каменный вѣкъ, т. II, стр. 50.

[2]) Сообщено г. Глазовымъ.

[3]) Отчетъ о раскопкахъ г. Богушевскаго помѣщенъ въ Журналѣ Англійск. Антрополог. Институт., 1872, II, 2, стр. 199—201 (?). См. также гр. Уварова, Каменный вѣкъ, т. II, стр. 50, и Извѣстія Импер. Русск. Археолог. Общ., т. IX, 322 (рис. въ дѣлахъ Общества).

Ходаковскій раскопалъ 2 кургана, находившіеся противъ Чернобожья, на лугу р. Полоны, въ Порховскомъ у. Насыпи были ниже человѣческаго роста вышиною, находились другъ отъ друга въ разстояніи 300 шаг. и въ основаніи были обложены крупнѣйшими камнями въ видѣ вѣнца. Внутри вѣнца было вымощено камешками, и на этой площади лежалъ изломанный и заржавѣвшій серпъ. Въ другомъ курганѣ найденъ былъ лишь круглый гвоздь со шляпкой [1]). Повидимому, сопки расположены еще въ Псковскомъ у. Здѣсь при проведеніи желѣзной дороги близъ с. Малые Струги раскопанъ былъ огромный, покрытый лѣсомъ курганъ, въ которомъ, по слухамъ, найдено было много (?) восточныхъ монетъ и различнаго оружія (мечей, копій и пр.); одна изъ монетъ оказалась сассанидскою 613 г. [2]). Въ сопкѣ близъ д. Муровичи, на устьѣ р. Великой, имѣющей 3 саж. вышины, было обнаружено присутствіе плитняковой стѣны. Близъ этой мѣстности въ 1879 и 1880 г. Берештамомъ, Василевымъ и Кислинскимъ раскопано было нѣсколько кургановъ меньшей величины, очевидно, болѣе позднихъ. Въ одномъ изъ нихъ найдена была полуистлѣвшая колода съ мелкими костями и углями (впущенное погребеніе?), въ двухъ другихъ не отыскано ничего. Близъ д. Логасовичи, недалеко отъ Пскова, находится группа большихъ кургановъ, изъ которыхъ иные имѣютъ видъ вала; въ раскопанныхъ здѣсь 4-хъ насыпяхъ ничего не найдено, кромѣ поздняго скелета. Такимъ же результатомъ сопровождались небольшія раскопки близъ д. Романова [3]). Въ 1878 г. противъ пог. Лыбуты раскопано было 7 кургановъ, изъ числа находящихся тамъ 17. Во всѣхъ изслѣдованныхъ курганахъ на высотѣ $^2/_3$ отъ подошвы насыпи найдены кострища, наполненныя сожженными костями, среди которыхъ попадались и различные, попорченные огнемъ, предметы (черепки сосудовъ съ волнистымъ орнаментомъ, мѣдныя спиральныя трубочки, желѣзныя пряжки, ножи, бусы, бляшки отъ пояса и мѣдные слитки). Вышина кургановъ отъ $3^1/_4$ до $5^1/_2$ арш. Близъ одного кургана найденъ самый очагъ, на которомъ производилось сожженіе труповъ. Онъ состоялъ изъ круглаго булыжнаго помоста до 2-хъ арш. въ діаметрѣ, имѣю-

---

[1]) Ходаковскій, Донесеніе объ успѣхахъ. Русск. Историч. Сборникъ, т. VII, стр. 375.

[2]) Б. А., Къ топографіи кладовъ восточныхъ монетъ въ Россіи. Извѣстія Импер. Русск. Археол. Общ., т. VI, 81.

[3]) Берештамъ, Василевъ, Кислинскій, Дневникъ раскопокъ, произведенныхъ близъ д. Муравичи. Древности, т. X. стр. 58. — Wassiljew, Ueber archeol. Ausgrabungen im Gouv. Pskow. Sitzungsberichte Эстляндск. Археол. Общ., 1880, 147. (Кое-что изложено подробнѣе, чѣмъ въ первой статьѣ).

щаго посрединѣ яму, наполненную черною массою, состоящею изъ золы, угля и кости. Камни были до 4—6 верш. въ діаметрѣ и оказались нерекаленными и разсыпавшимися. Между ними (?) найдены мѣдные слитки, обломки перегорѣвшихъ желѣзныхъ вещей и мелкіе черепки отъ сосудовъ. На одномъ изъ кострищъ въ курганѣ оказались поврежденныя кости коня. Въ одномъ курганѣ, самомъ большомъ, трупъ былъ сожженъ въ самой насыпи, въ особомъ деревянномъ домовищѣ, нѣсколько приподнятомъ на мѣстѣ головы сожженнаго трупа (т.-е. въ восточной сторонѣ). Домовище было составлено изъ березовыхъ плахъ, обернутыхъ берестою, въ сторонѣ ногъ устроено поддувало съ камнемъ, и вообще приняты мѣры къ возможно полному сгоранію трупа. Дно домовища также выложено плахами. Сожженіе устроено на $^2/_3$ высоты кургана. Обрядъ сожженія въ домовищѣ оказался и въ другомъ курганѣ, причемъ ниже его расположено было обыкновенное кострище, очевидно, болѣе раннее погребеніе. При костяхъ, сожженныхъ въ домовищахъ, найдены были: ножи, много мѣдныхъ спиральныхъ колецъ, сплавившаяся мѣдь, 2 желѣзныя желобчатыя обоймицы, съ крючками на концахъ. Судя по вещамъ, описанныя погребенія могутъ быть отнесены, приблизительно, къ X в. [1]).

Г. Брандтъ уже болѣе 45 лѣтъ тому назадъ далъ весьма любопытную характеристику кургановъ Псковской и Витебской губ. Извѣстные ему курганныя насыпи этихъ мѣстностей онъ группируетъ въ 3 типа. Курганы перваго вида распространены преимущественно въ Витебской губ. [2]), имѣютъ въ вышину до 1 и 2 саж., по формѣ круглы и изрѣдка овальны, у нѣкоторыхъ по бокамъ и сверху большіе камни; расположены они группами отъ 5—10 до нѣсколькихъ сотъ насыпей. Погребеніе совершалось на материкѣ. Трупъ, въ сидячемъ положеніи, прислоняли къ небольшой грудѣ камней, облагали горючимъ матеріаломъ, сожигали и, еще не обгорѣвшій, засыпали землею, вслѣдствіе чего при раскопкахъ костяки попадались на разныхъ степеняхъ сожженія. Въ одномъ случаѣ костякъ остался не сожженнымъ. Онъ оказался въ полусидячемъ положеніи, ногами на З., руки скрещены; головы не найдено, хотя другія кости сохранились хорошо. Кругомъ скелета было много угля, головней, колотый булыжникъ, обломки плитъ. Трупъ опирался на 2 большой величины камня. Вокругъ скелетовъ иногда стояли

---

[1]) Соколовъ, Журналъ раскопокъ, произведенныхъ въ Лыбутской мѣстности. «Псковск. Вѣд.», 1879, 11 и отдѣльно (рис.).

[2]) Судя по изложенію Гревинга въ Ueber heidnische Gräber и пр. (стр. 127), такіе курганы раскопаны были Брандтомъ въ Люцинскомъ у.

плиты. Въ насыпи кургановъ кое-гдѣ попадались кусочки угля. Въ большихъ могилахъ находили кости коней, собакъ и птицъ. На кострищѣ угли встрѣчались по сторонамъ скелетовъ и надъ ними, а зола—подъ ними и выше ихъ. На верху большихъ кургановъ примѣтны ямы отъ осѣданія земли на кострище. Вещи, найденныя при костяхъ, многочисленны и разнообразны: головные уборы, бусы, поясныя бляшки, браслеты, спиральные перстни, пластинки, амулеты, раковины, бубенчики, звѣриные зубы, ткань съ вплетеными въ нее кольчужками, мечи, топоры, копья, ножи, стремена, сошники, кубки, чашки, наконечники, стрѣлы. Все изложенное столь близко къ фактамъ, извѣстнымъ изъ раскопокъ въ курганахъ Петербургской губ., словно знакомишься съ результатами работъ Ивановскаго; на основаніи полной аналогіи описанныхъ кургановъ съ курганами петербургскими, можно даже опредѣлить и время ихъ, именно есть основанія отнести ихъ приблизительно къ XI в. Въ Юрьевскомъ музеѣ имѣется кусокъ ткани съ мелкими спиральками, изъ сопки близъ г. Хвоёмка, вѣроятно, полученный отъ бар. Богушевскаго.

Курганы второго типа имѣютъ $^1/_2$—1 саж. въ вышину и состоятъ изъ продолговатыхъ насыпей 4—5 саж. длины. Камней ни въ основаніи, ни по насыпи нѣтъ. Овальные курганы этого типа доходятъ въ вышину до 6 саж. (?) и походятъ на пригорки. При раскопкахъ въ этихъ насыпяхъ находятъ большое количество золы и угля и остатки многихъ костяковъ, особенно въ сосудахъ (помѣщаемыхъ, будто бы, всегда вверху насыпи въ восточной сторонѣ). Въ одномъ изъ подобныхъ сосудовъ было найдено болѣе 50 сожженныхъ фалангъ руки. Такіе курганы особенно часто попадаются въ Себежскомъ у., при р. Великой, при оз. и р. Синей, по р. Сидкѣ (?); очень часты они въ окрестностяхъ Опочки. Располагаются большими или меньшими группами но встрѣчаются и въ одиночку. Находки: топоры, копья, алебарды, ножи [1]). Въ курганахъ, раскопанныхъ въ 1854 г. Брандтомъ, въ имѣніи Высокое Опоченскаго у., кромѣ сережекъ или височныхъ колецъ и бусъ, найдены были различныя вещи типа Люцинскаго могильника и 2 куфическія монеты 952 и 986 гг. [2]).

Жальники въ Псковской губ. до сихъ поръ извѣстны лишь въ низовьяхъ р. Великой. Въ 1880 г. раскопанъ былъ мѣстными изслѣдователями жальникъ, расположенный близъ д. Муровичи и состоящій

[1]) Брандтъ, О древнихъ могилахъ въ Витебской и Псковской губ. Ж. М. В. Д. 1851 г., ч. 23, № 2, стр. 212–226.—Inland, 1850, 46.

[2]) Брандтъ, въ Verhandlungen. Учен. Эстонск. Общ., т. III, в. 2, стр. 76.

изъ правильныхъ овальныхъ незначительныхъ возвышеній различнаго діаметра, обложенныхъ въ основаніи крупными камнями. Въ раскопанныхъ 4-хъ могилахъ костяки оказались лежащими въ неглубокихъ грунтовыхъ ямахъ, головою на З. (въ одной изъ могилъ оказалось 2 костяка, мужской и женскій). Почти во всѣхъ могилахъ обнаружены слѣды гробовъ и гвозди. Судя по находкамъ (серебряныя серьги съ напущенными на нихъ тремя бусами, украшенными зернью, спиральки въ 3 оборота, маленькія пуговицы), Муровичскій жальникъ можетъ быть отнесенъ къ довольно раннему времени, именно приблизительно къ XI в. [1]). Подобный же жальникъ находится близъ д. Рыси, недалеко отъ Пскова [2]). Раскопка 3-хъ могилъ жальника, расположеннаго противъ пог. Лыбуты, выяснила тотъ же способъ погребенія и дала такія же вещи. Насыпей надъ могилами не было [3]). Повидимому, жальникъ можетъ быть отмѣченъ еще близъ д. Гнеталовой, Новоржевск. у. [4]).

Въ Псковѣ и его окрестностяхъ найденъ рядъ могильниковъ Люцинскаго типа, что, повидимому, указываетъ на давнее обитаніе въ этой мѣстности латышей, о чемъ лѣтопись совершенно умалчиваетъ. Таковъ могильникъ, найденный нѣсколько выше Пскова по р. Великой близъ пог. Чирскова. Отсюда въ Псковскомъ Археолог. Обществѣ имѣется: свыше 30 спиральныхъ перстней и 2 пластинчатыхъ, спиральные наручники, 5 массивныхъ витыхъ гривенъ, остатки головного вѣнчика изъ спиралекъ, пряжки, нагрудныя цѣпочки съ подвѣсками, полые и иные браслеты [5]). Въ 1886 г., при планировкѣ мѣстности подъ устройство земской больницы, въ самомъ Псковѣ открытъ былъ могильникъ той же культуры, но болѣе поздняго времени (XI—XII в.). Здѣсь собраны: 6 отлитыхъ широкихъ, слегка выпуклыхъ пластинчатыхъ браслетовъ, витые браслеты, ножъ въ оковкѣ, пластинчатыя шейныя гривны съ подвѣсками-пластинками, подвѣска-бляшка [6]). При добываніи песку близъ д. Карзули, Псковскаго у., открытъ былъ расположенный на возвышеніи могильникъ, въ которомъ собраны спиральные наручники, браслеты, пряжка, украшенія, копье [7]). Повидимому, это могильникъ Люцинскаго типа.

---

[1]) Береншtамъ, Василёвъ и Кислинскій, Дневникъ раскопокъ.—Древности, т. X, стр. 60—61.

[2]) Евлентьевъ, О древнемъ языческомъ кладбищѣ въ Псковскомъ у.—«Псковск. Вѣд.», 1875, 38.

[3]) Соколовъ, l. c., стр. 29—33.

[4]) (Ивановскій?), Остатки старины.—«Сѣв. Пчела», 1841, 270—271.

[5]) Коллекціи Псковскаго музея.

[6]) Находка древнихъ могилъ въ Псковѣ. Зап. Русск. Арх. Общ. И. С., т. IV, в. 2, стр. 191.—«Одесскій Листокъ» и «Новости», 1889 г., янв. 16.—Коллекціи Псковскаго музея.

[7]) Въ архивѣ Импер. Археолог. Коммиссіи дѣло 1884 г., № 38.

Въ музеѣ Псковскаго Археологич. Общества вещи изъ д. Карзули смѣшаны съ вещами другого типа, которыя, надо думать, происходятъ изъ д. Погорѣлки, Псковскаго у., но совершенно неизвѣстно, изъ могильника или изъ кургановъ онѣ добыты. Если изъ кургановъ, то погорѣльскіе курганы, несомнѣнно, принадлежатъ къ типу петербургскихъ. Вещи эти слѣдующія: массивныя сложно-витыя шейныя гривны съ пластинчатыми концами, височныя кольца съ ромбическими расширеніями, тонкія височныя кольца средней величины, витой съ перевитью браслетъ и такой же съ петлями на концахъ, большая пластинчатая серебряная пряжка. Изъ какихъ-то раскопокъ, произведенныхъ близъ д. Зарѣчье, Порховскаго у., близъ границъ Петербургской губ., въ Псковскомъ Археологич. музеѣ имѣется коллекція вещей, вполнѣ сходныхъ съ вещами, добываемыми изъ петербургскихъ кургановъ XI—XII в.: 10 серебряныхъ тонкихъ круглыхъ бляшекъ, орнаментированныхъ зернью, бляхи-подвѣски другой формы, узора и величины, 4 серебряныя пряжки, подобныя описаннымъ выше, 2 пряжки другого типа, украшенныя по срединѣ выступающимъ крестикомъ (подобныхъ въ коллекціи г. Ивановскаго нѣтъ). Происхожденіе этой коллекціи неизвѣстно, равно какъ происхожденіе и даже мѣстность другой хранящейся въ музеѣ коллекціи того же типа, не менѣе интересной. Въ нее входятъ: височныя кольца съ ромбическими расширеніями, пластинчатые и витые браслеты, двѣ сложно-витыя шейныя гривны описаннаго выше типа, головной вѣнчикъ изъ узкой мѣдной полоски, подвѣски въ видѣ лунницъ, птицы, выпуклыхъ бляшекъ, бубенчиковъ, уховертки, ложечки [1]).

Найденные въ Псковской губ. многочисленные клады арабскихъ монетъ яснѣе всего показываютъ, какъ важна была описываемая мѣстность въ развитіи торговыхъ отношеній IX—X в., и обѣщаютъ здѣсь большую добычу для археологовъ. Клады монетъ были найдены: близъ г. Великіе Луки (1802 г., когда здѣсь былъ открытъ цѣлый котелъ арабскихъ монетъ X в., до 6 пудовъ вѣсомъ), тамъ же (въ курганѣ) въ 1807 г., близъ Пскова (1835 г.), въ 12 в. отъ г. Острова (1837 г.), въ Холмскомъ у. (1843 г.), въ с. Булаевѣ Псковскаго у. (1845 г.), въ с. Молоди (1878 г.), близъ д. Боровиковъ Островскаго у. (1889 г.), въ д. Демшиной Новоржевскаго у., въ Псковскомъ у. (въ 70-хъ годахъ), въ г. Псковѣ и въ другихъ мѣстностяхъ губерній [2]). Общее количество

[1]) Въ музеѣ есть черепа изъ раскопокъ г. А. Валентинова изъ Лужскаго у. Не отсюда-ли и вещи?

[2]) Pallas, Description de 5 monnaies d'argent trouvées dans le gouv. de Pleskow. Nova Acta Акад. Наукъ, т. III, стр. 51, 53—56 (hist.).

монетъ, входящихъ въ эти, ставшіе извѣстными, клады огромно [1]). Изрѣдка вмѣстѣ съ куфическими находимы были и западно-европейскія монеты IX—XI в.

Въ монетномъ кладѣ, найденномъ въ д. Демшиной, оказалась еще великолѣпная серебряная пряжка скандинавскаго типа (въ видѣ толстаго гладкаго прута съ нѣсколькими расположенными на немъ яблоками) и серьга съ массивной подвѣской [2]). Другихъ цѣнныхъ кладовъ вещей въ Псковской губ., на сколько извѣстно, не было находимо, но внѣ сомнѣнія, что они окажутся. У г. Фогта въ Люцинѣ имѣется найденная въ Псковской губ. прекрасная серебряная шейная гривна.

Какое-то загадочное сооруженіе открыто г. Соколовымъ противъ пог. Лыбуты, въ дачѣ д. Паничьи Горки. Оно состояло изъ 3-хъ разной величины, параллельно расположенныхъ другъ къ другу земляныхъ валовъ длиною 16, 20 и 6 саж., и изъ курганообразнаго возвышенія, находящагося близъ одного изъ концовъ этихъ валовъ. Курганъ и валы имѣютъ кругомъ неглубокія канавы. Между двумя наибольшей величины валами имѣется какое-то четыреугольное углубленіе, наполненное золою и мельчайшими остатками углей [3]).

Въ различныхъ небольшихъ статьяхъ археологическаго содержанія говорится о позднихъ древностяхъ, имѣющихся или найденныхъ въ Псковской губ.: о старомъ кладбищѣ близъ д. Паничьи Горки противъ Лыбуты [4]), о кладбищѣ въ г. Островѣ [5]), о крѣпости Великихъ Лукъ [6]), Пскова [7]), Острова [8]), Изборска [9]), Смыкова [10]), о церковныхъ древностяхъ [11]), о находкѣ монетъ XVIII в. [12]).

Удивительно мало извѣстно о древностяхъ этого весьма интереснаго и важнаго уголка Россіи. Кромѣ перечисленныхъ статей, въ замѣткѣ г. Валькера есть небольшія свѣдѣнія о курганахъ Порхов-

---

[1]) Марковъ, Топографія кладовъ восточныхъ монетъ, стр. 35—39.

[2]) Въ архивѣ Импер. Археолог. Коммиссіи дѣло 1891 г., № 147.

[3]) Соколовъ, l. c., стр. 33—35. Не есть-ли это остатки отъ селитреннаго завода?

[4]) Соколовъ, l. c., стр. 35 и 36.

[5]) Евлентьевъ, О старинномъ кладбищѣ, обнаруженномъ разливомъ р. Великой въ г. Островѣ.—«Псковск. Вѣд.», 1867, 21.

[6]) А. А., Крѣпость въ г. Великихъ Лукахъ.—«Псковск. Вѣд.», 1875, 47.

[7]) Псковскія древности.—Ж. М. Н. П., 1846 г., ч. LI, стр. 301.

[8]) Фитингофъ, О древностяхъ г. Острова.—«Псковск. Вѣд.», 1840, 28.

[9]) Березинъ-Ширяевъ, Изборскъ и его достопримѣчательности.—«Петерб. Газ.», 1867, 90.

[10]) Древности Псковской губ. «Псковск. Вѣд.», 1844, 11—13.—Годовиковъ, Краткое историческое обозрѣніе Пскова и его достопримѣчательностей.

[11]) О найденномъ кладѣ. «Псковск. Вѣд.», 1873, 10.—Въ «Псковск. Вѣд.» 1873, 41 издана была «Программа археологическихъ изслѣдованій по Псковской губ.».

[12]) (Ивановскій?), Остатки старины.—«Сѣв. Пчела», 1841, 270—271.

скаго у. [1]), въ архивѣ Импер. Археол. Коммиссіи—небольшія свѣдѣнія о курганахъ Холмскаго у. [2]), въ Географ. Словарѣ Семенова—объ особенныхъ курганахъ близъ д. Дуняки [3]) и въ одной газетной статьѣ—о сопкахъ Великолуцкаго у. [4]).

VIII. Витебская губ.

Предметами каменнаго вѣка, особенно шлифованными орудіями, Витебская губ. богата въ такой степени, что въ этомъ отношеніи занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Россіи. Чаще всего попадаются молотки и клинья; встрѣчаются еще рубила, долота, топоры, тесла, булавы, точильные камни, шиферныя подѣлки въ видѣ бусъ, привѣски, наконечники стрѣлъ. Матеріалъ подѣлокъ весьма разнообразенъ: гранитъ, сіенитъ, діоритъ, серпентинъ, порфиритъ, офанитъ, кристаллическій сланецъ, аугитопорфиръ, тальковый шиферъ и др. Форма орудій очень обыкновенная, обработка ихъ вообще грубая. Наибольшее количество предметовъ каменнаго вѣка найдено по лѣвую сторону Зап. Двины, а также, повидимому, нерѣдки они и въ западныхъ уѣздахъ губерніи, тогда какъ въ среднихъ и восточныхъ они до сихъ поръ попадались лишь въ очень небольшомъ количествѣ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, впрочемъ, не достаточно надежнымъ, въ имѣніи Завидичъ близъ Лепеля въ 1885 г. найдены были два каменныя долота при человѣческихъ костяхъ [5]); по другимъ свѣдѣніямъ, нѣсколько каменныхъ орудій найдено было въ курганѣ у Синяго оз., въ Себежскомъ у., заключавшемъ сожженныя кости [6]). Будто бы каменныя орудія найдены были еще въ курганѣ близъ имѣн. Страплицы въ Полоцкомъ у., вмѣстѣ съ глиняными сосудами и желѣзными вещами [7]), и въ землѣ близъ имѣн. Франополь Люцинскаго у., вмѣстѣ съ мечемъ, лежавшимъ близъ скелета, одѣтаго въ кольчугу [8]). Наибольшая коллекція каменныхъ орудій, собранная въ Витебской губ., находится, кажется, у Е. Р. Романова [9]); различныя орудія каменнаго вѣка отсюда имѣются также въ коллекціяхъ

---

[1]) Walcker въ газ. «Ausland» 1873, 41 и Grewingk, въ Sitzungsber. Эстонск. Археол. общ. 1873, 94.

[2]) Въ архивѣ Императ. Археологич. Коммиссіи дѣло 1887, № 19.

[3]) Словарь, т. II, стр. 144.

[4]) Сопки въ Великолуцкомъ у.—«Сѣв. Пчела», 1840, 29 (изъ «Псковск. Вѣд.»).

[5]) Сементовскій, Бѣлорусскія древности. Спб. 1890, стр. 86 (рис.).

[6]) Grewingk, Balticum, стр. 27.

[7]) Гр. Уваровъ, Каменный вѣкъ, т. II, стр. 52.

[8]) Grewingk, Das Steinalter, p. 17 (fig. 9), по статьѣ гр. Плятера.

[9]) Каталогъ выставки Московскаго Антрополог. Конгр., стр. 5.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

г. Кусцинскаго, Сементовскаго, гр. Уварова и въ музеяхъ: Виленскомъ, Московскомъ Историческомъ, Румянцевскомъ и Юрьевскомъ [1]).

Древнѣйшій курганъ края раскопанъ былъ въ имѣніи г. Чадурскаго, гдѣ-то въ Дриссенскомъ у. Въ немъ вмѣстѣ съ желѣзными вещами найденъ былъ такъ-называемый ткацкій камень, типа, весьма извѣстнаго въ Прибалтійскомъ краѣ и въ Финляндіи и относимаго къ II—IV в. по Р. Х. Свѣдѣнія объ этой находкѣ имѣются весьма неопредѣленныя [2]). Гр. Плятеръ описываетъ своеобразную группу кургановъ близъ им. Прели, между д. Тыстово и Зеймапы, Динабургск у., которые должны быть отмѣчены также въ числѣ сравнительно древнихъ. Это низкія насыпи весьма расплывчатой формы, укрѣпленныя по окружности валунами; скелеты, по 1, по 2 или даже по 3, лежатъ головою на В. и имѣютъ при себѣ топоры и другія желѣзныя и мѣдныя вещи. Вблизи костей помѣщались ссобыя небольшія каменныя кисты. Судя по добытымъ отсюда и хранящимся въ Митавскомъ музеѣ вещамъ, курганы эти могутъ быть отнесены ко времени отъ V—VIII в. Вещи эти слѣдующія: отличная мѣдная шейная гривна съ характерными конусами на концахъ, 2 мѣдные браслета, интересная проволочная подвѣска, мѣдная булавка съ колесовиднымъ концомъ и желѣзный удлиненной формы топоръ [3]).

Изъ Великолуцкаго у. въ Витебскую губ., по р. Ловати, повидимому, заходятъ курганы типа новгородскихъ сопокъ, но ни одной изъ нихъ еще не было раскопано. Съ верховьевъ р. Великой сюда заходятъ курганы, быть можетъ, псковичей, устройство которыхъ описано выше. Добавимъ, что, кромѣ вѣнца большихъ камней въ основаніи, нѣкоторыя изъ такихъ насыпей были укрѣпляемы по всей поверхности камнями меньшей величины, а иногда крупными камнями облагалась и вся поверхность кургана. Горшковъ при костякахъ не было. Въ курганахъ иногда помѣщаются также кости домашнихъ животныхъ [4]). Къ такому типу принадлежатъ курганы, раскопанные близъ Циблы, находя-

---

[1]) Сементовскій, Бѣлорусскія древности, стр. 84—91.—Каталогъ Виленскаго музея, стр. 7—10.—Каталогъ Румянцевск. музея, стр. 32, 37, 38.—Каталогъ Историч. музея, стр. 19.—Каталогъ музея Эстонскаго Учен. Общества, стр. 221.—Каталогъ собранія древностей гр. А. С. Уварова, стр. 21.—Grewingk, Steinzeit, № 87—98 (рис. 6, 9, 14, 18 и 19).—Гр. А. С. Уваровъ, Каменный вѣкъ, т. II, стр. 50—53, 137—138.—Каталогъ выставки при Московск. Археол. Съѣздѣ, зала IX, стр. 23—24 (коллекція г. Сементовскаго).

[2]) Grewingk, Steinzeit, стр. 16.

[3]) Grewingk, Ueber heidnische Gräber, стр. 129.—Въ Митавскомъ музеѣ, табл. XXXV.—Каталогъ выставки при Рижск. Съѣздѣ, стр. 102 (рис.).—Атласъ г. Аспелина, № 1882.—Упомянутая ниже статья гр. Плятера въ Mittheilungen Рижск. Археол. Общ., стр. 272—273 (рис.).

[4]) Brandt въ Verhandlungen Учен. Эстонск. Общ., т. III, в. 2, стр. 77—80.

щейся между Люциномъ и Синимъ озеромъ. Е. Р. Романовъ, производившій здѣсь раскопки въ 1891 г., добылъ отсюда: длинныя цѣпочки съ пластинчатыми подвѣсками, спиральные и витые перстни, бубенчики, мелкія желтыя, а также посеребреныя и золоченыя бусы, наконечникъ копья и пр. Вещи эти могутъ быть относимы къ XI—XII в. Височныхъ колецъ найдено не было [1]). Небольшіе курганы, также окруженные вѣнцомъ изъ камней, раскопаны были г. Глогеромъ близъ Маріенгаузена, въ урочищѣ Габачево. Вещей здѣсь попалось очень мало: бубенчикъ, спиральный перстень, желѣзныя и мѣдная пряжки, нѣсколько поясныхъ бляшекъ, топоры. Эти предметы относятся къ болѣе позднему времени, приблизительно, къ XIII в. [2]).

Древнѣйшіе курганы полочанъ изслѣдованы по лѣвую сторону Зап. Двины, въ Полоцкомъ и Лепельскомъ у. Обрядъ погребенія въ нихъ—трупосожженіе въ могилѣ и внѣ могилы. Г. Говорскій въ 1852 г. раскопалъ 10 такихъ кургановъ при впаденіи р. Ушача въ Двину, на мызѣ Рудня. Для сожженія трупа здѣсь устраивалась болѣе или менѣе высокая, но всегда плоская земляная насыпь, на которой и раскладывался назначенный для сожженія умершаго костеръ. Трупы полагались на кострѣ иногда по нѣскольку, всегда въ направленіи отъ В. къ З. При нихъ находились небольшіе грубые горшечки. Остатки отъ сожженнаго трупа прикрывались сверху землею, смѣшанною съ пепломъ и углями. Говорскій увѣряетъ, что въ нѣкоторыхъ курганахъ сожженіе совершено въ 2—3 яруса. Среди насыпей есть очень высокія. Въ большинствѣ случаевъ курганы обведены по основанію рвами [3]). Далѣе по р. Ушачу, въ имѣніи Руднѣ, нѣсколько кургановъ въ 1887 г. раскопано было г. Сементовскимъ, причемъ выше поверхности земли были находимы остатки кострищъ, костей и различныя вещи, именно горшечки, ножъ и мѣдная пряжка съ спиральными концами [4]). Въ нѣсколькихъ курганахъ, раскопанныхъ, также въ присутствіи г. Сементовскаго, въ 1884 г. въ сосѣднемъ имѣніи Бездѣдовичахъ, находимы были пережженныя человѣческія кости, помѣщаемыя иногда почти на самомъ верху насыпей, и тонкіе концентрическіе слои угля, имѣвшаго

[1]) Grewingk, Ueber heidnishe Gräber, стр. 127—129. — Коллекція Имп. Моск. Археол. Общ.

[2]) Glogier, Wykopaliska Maryjenhauskie. Pamiętn. fizyograf. 1881 г.

[3]) Говорскій, Поѣздка изъ Полоцка.—Зап. И. Р. Арх. Общ., т. V, 90—92. Въ архивѣ Импер. Археолог. Комм. дѣло 1852, 217.

[4]) Сементовскій Группы кургановъ, вновь открытыхъ на берегу р. Ушача, Полоцк. у. Зап. И. Р. Арх. Общ., т. IV, в. 3, стр. 409 (нов. сер.).—Тоже въ «Витебск. Вѣд.» 1889, 60; «Виленск. Вѣстн.» 1889, 159 и въ «Бѣлорусскихъ Древностяхъ» г. Сементовскаго, стр. 14—15 (рис.).

скорѣе животное, чѣмъ растительное происхожденіе [1]). Въ 1857 г. въ имѣн. Черцы, находящемся въ 12 в. отъ Лепеля, г. Кусцинскій раскопалъ курганъ, въ которомъ оказались сожженныя кости, а при нихъ горшокъ, наполненный такими же костями; въ горшкѣ лежалъ миніатюрный мѣдный топорикъ обыкновеннаго курганнаго типа [2]). Въ 1851 г., по распоряженію гр. Ад. Плятера, раскопаны были 92 кургана въ уроч. Волотовка на границѣ Лепельск. и Борисовск. у. Въ основаніи каждой курганной насыпи была находима зола, угли и обгорѣвшія человѣческія кости. Выше въ насыпи располагались костяки несожженные, при которыхъ находились грубые горшки, топоры, наконечники копій, ножи, гвозди [3]). Въ 1852 г. были раскопаны 2 довольно высокіе кургана (до 2-хъ саж. вышины) близъ д. Паулли на р. Уллѣ г. Вильчинскимъ, причемъ были найдены, кромѣ пепла и угля, топоръ и 3 бусы [4]).

Ниже по теченію р. Зап. Двины полочанскіе курганы раскопаны были въ 1892 г. Е. Р. Романовымъ, именно близъ г. Придруйска въ уроч. Волотовки, надъ Долгимъ оз. Всѣхъ кургановъ имѣется здѣсь до 60. Они расположены широкою полосою, на скатѣ возвышеній и у подножія ихъ. Между курганами есть нѣсколько каменныхъ могилъ. Въ раскопанныхъ 6 насыпяхъ обнаружены были остатки кострищъ и лежащія на нихъ сожженныя человѣческія кости. Скелеты были расположены головою на З. и на В. При нихъ найдены немногочисленныя вещи типовъ Люцинскаго могильника: спиральныя трубочки, поясныя бляшки, пряжки и черепки отъ сосудовъ [5]). Выше на сѣверъ курганы съ трупосожженіями случайно раскопаны были въ Рѣжицкомъ у. [6]).

Въ Себежскомъ у. курганы съ трупосожженіями, принадлежавшіе, по всей вѣроятности, также полочанамъ, раскапываемы были въ 1882 г. Е. Р. Романовымъ, близъ д. Чернея и Грицково. Курганы эти средней величины, полушаровидной формы и обыкновенно обведены вокругъ основанія канавками. При д. Чернеѣ изслѣдовано было 4 кургана, въ которыхъ найдены были трупосожженія внѣ могилы и въ могилѣ. Въ одномъ

[1]) Сементовскій, Бѣлорусскія древности, стр. 20—21 и въ «Витебск. Вѣд.», 1884 г., 73 его же статья «О раскопкахъ въ имѣн. Бездѣдовичахъ».

[2]) Сементовскій, Бѣлорусскія древности, стр. 22 (рис.).

[3]) Плятеръ, Раскопки въ Лепельскомъ и Борисовскомъ у. — Изв. И. Р. Арх. Общ., I, 28.

[4]) Вильчинскій, Раскопки кургановъ въ Лепельскомъ у. — Зап. И. Р. Арх. Общ., т. V, 33.

[5]) Въ архивѣ Императ. Археологич. Коммиссіи дѣло 1890 г., № 207. — Отчетъ Археол. Коммиссіи за 1892 г., стр. 59—64.

[6]) Въ имѣн. Ландскронѣ у д. Пынтени.—Изв. И. Р. Арх. Общ., т. X, 474 (сообщеніе г. Вольтера).

курганѣ вещи были сгружены въ одну кучку со всего кострища и на нихъ вверхъ дномъ поставленъ горшокъ; въ другомъ ниже сожженнаго костяка, посрединѣ насыпи, оказался выложенный камнями очагъ, засыпанный золой и углемъ, а рядомъ съ нимъ — горшокъ, наполненный костями. Въ черневскихъ курганахъ были найдены: пластинчатая гривна съ подвѣсками, спиральныя трубочки и пряжки. Нѣсколько кургановъ съ трупосожженіями тогда же было изслѣдовано г. Романовымъ близъ д. Шакелево. При д. Грицково раскопано было такихъ же кургановъ 5. Грицковская группа интересна тѣмъ, что въ ней наряду съ курганами обыкновенной формы находятся курганы въ видѣ валовъ, имѣющихъ отъ 5 до 50 (?) саж. длины. Какъ курганахъ, такъ и въ валахъ кости сожженныхъ труповъ помѣщаются почти на самомъ верху насыпей, въ глиняныхъ сосудахъ. Изъ вещей здѣсь найденъ лишь обломокъ желѣзнаго небольшого обруча и часть круглаго мѣднаго браслета съ расширяющимися концами [1]). На границѣ Себежскаго у. съ Люцинскимъ курганы съ трупосожженіями найдены близъ Синяго оз. [2]) Такіе же курганы, по словамъ г. Романова, встрѣчаются на берегу оз. Свибло; извѣстны они и въ Опоченскомъ у. Псковской губ. Въ восточной части губерніи кургановъ съ сожженными трупами найдено очень мало; извѣстно лишь, что въ 1872 г. близъ с. Казимірова Суражскаго у. г. Кусцинскимъ найдены были въ курганѣ на поверхности земли жженыя кости, при которыхъ оказались также зубы и часть черепа собаки [3]). Судя по немногимъ найденнымъ въ курганахъ этого типа вещамъ, представляющимъ полную аналогію съ находками изъ Люцинскаго могильника, они могутъ быть относимы къ IX—X в. Любопытно, что въ описываемыхъ курганахъ ни разу не было находимо височныхъ колецъ.

Обозрѣвая въ томъ же порядкѣ курганы полочанъ болѣе поздняго времени, съ обыкновеннымъ обрядомъ погребенія, прежде всего находимъ ихъ въ Лепельскомъ у. Здѣсь близъ д. Заболотье въ уроч. Княгинка г. Кусцинскимъ были раскопаны 2 кургана, изъ которыхъ въ одномъ найденъ наконечникъ копья и бердышъ, а во второмъ, при женскомъ костякѣ, проволочный браслетъ съ нанизанными на него 15 различными бусами [4]). Въ Ворони, имѣніи помѣщика Селявы, въ одномъ курганѣ найдены 2 серебряныя серьги съ напущенными на нихъ фили-

---

[1]) Въ архивѣ Императ. Археолог. Коммиссіи дѣло 1890 г., № 207.—Отчетъ Археол. Коммиссіи за 1892 г., стр. 61—62.

[2]) Grewingk, Ueber heidnische Gräber, стр. 126, съ ссылкой на статью Брандта.

[3]) Указатель Историческ. музея, стр. 160.

[4]) Сементовскій, Бѣлорусскія древности, стр. 23—24 (рис.).

гранными бусами, въ другомъ — оселокъ, ножъ и кремень [1]). М. Ф. Кусцинскій въ 1872 г. раскопалъ по нѣскольку кургановъ близъ с. Матюшина Стѣна, Пышнаго и Стар. Лепеля. Курганы не высоки, полушарообразной формы. Костяки лежатъ на поверхности земли, головою на З., но нерѣдко надъ ними выше въ насыпи помѣщаются еще другія погребенія, одно или два. При костяхъ найдены: серебряныя височныя кольца съ завиткомъ на одномъ концѣ, различныя стекляныя и филигранныя бусы, небольшой мѣдный крестикъ, пластинчатый перстень съ расширеніемъ въ видѣ овала посрединѣ, ножъ, оселокъ, наконечникъ копья [2]). Въ 8 курганахъ, раскопанныхъ близъ д. Грошовки въ 4-хъ в. отъ Лепеля, были найдены обычныя для древне-русскихъ кургановъ вещи (перстни съ заходящими другъ на друга концами, перстни пластинчатые, небольшія височныя кольца съ загнутымъ въ колечко концомъ, сердоликовыя, золоченыя и другія бусы), но вмѣстѣ съ ними встрѣчены оригинальныя височныя кольца съ скрученнымъ въ нѣсколько разъ концомъ и серьги съ нижнею частью въ видѣ наконечника стрѣлы [3]). Въ Рѣжицкомъ у. 7 кургановъ съ погребеніями на поверхности земли раскопаны были въ 1882 г. у дер. Пынтени, въ 8 в. отъ имѣнія Ландскроны. Курганныя насыпи небольшія. Костяки найдены собственно въ 3-хъ курганахъ; въ двухъ оказались лишь кости и угли, а въ двухъ не найдено ничего. У каждаго изъ 3-хъ костяковъ въ ногахъ стояло по горшечку. Находки: синеватыя, бѣлыя и янтарныя бусы, 2 большія и 1 маленькое мѣдныя (височныя?) кольца, 2 спиральки, пряжка [4]). Въ 1864 г. въ одномъ изъ кургановъ въ имѣн. Ковнаты того же уѣзда найдена красивая фибула X—XI в., типа, особенно часто встрѣчающагося въ могильникахъ Курляндіи, и колечко. Въ другихъ курганахъ той же группы, по слухамъ, находили лошадиныя кости, пики, бубенцы, а однажды найденъ былъ человѣческій черепъ, прикрытый мѣднымъ шлемомъ (?). Въ курганахъ между д. Бечеры и Петровской находимы были, при человѣческихъ костякахъ, весьма длинные наконечники копій, мѣдныя кольца и части мечей [5]). Въ Себежскомъ у. раскопки кургановъ съ обыкновеннымъ погребеніемъ произведены были въ 1892 г. Е. Р. Романовымъ. Имъ было изслѣдовано 10 такихъ кургановъ при д. Шакелевѣ, 9 при д. Лавищи, 7 при д. Федьково и 5 въ имѣн. Вѣрино.

---

[1]) Тамъ же, стр. 26 (рис.).

[2]) Указатель Историческ. музея, стр. 160—162.

[3]) Сементовскій, Бѣлорусскія древности, стр. 25—26.

[4]) Вольтеръ, О раскопкахъ въ Бѣжецкомъ у. (sic) Витебск. губ.—Извѣст. И. Р. Арх. Общ., т. X, 474—475

[5]) Сементовскій, Бѣлорусскія древности, стр. 30—31 (рис).

Курганы средней высоты, полушаровидной формы, вокругъ многихъ канавы. Костяки лежатъ на поверхности земли, головою на З., иногда со слѣдами гробовищъ. При нихъ найдены: головные вѣнки изъ спиралей, малыя височныя кольца, такія же кольца тонкія средней и большой величины, золоченыя, глиняныя, сердоликовыя и иныя бусы, витая гривна съ пластинчатыми концами, браслеты съ змѣиными головками и витые съ завязанными концами, перстни пластинчатые и пластинчатые же съ завязанными концами, бляшки отъ поясного набора, бубенчики, пряжки, ножи, копье, горшки [1]). Въ Себежскомъ и Опоченскомъ у. встрѣчены небольшія продолговатой формы насыпи съ скелетами, погребенными въ лежачемъ или сидячемъ положеніи, всегда по нѣскольку. Въ основаніи кургановъ много пеплу и совсѣмъ нѣтъ угля [2]). Изъ Невельскаго у. намъ извѣстна лишь одна случайная раскопка нѣсколькихъ небольшихъ кургановъ, произведенная въ 1894 г. близъ с. Плиса, недалеко отъ Невеля, гг. Ширкевичами. Костяки лежали также на поверхности земли, головою на З. При нихъ найдены: горшокъ съ волнистымъ орнаментомъ, поломанный топоръ и наконечникъ копья [3]). Въ Велижскомъ у. курганы съ такимъ же обрядомъ погребенія въ 1872 г. раскопалъ близъ д. Смоленскій-Бродъ, Бол. Коряки и г. Велижа М. Ф. Кусцинскій. При костякахъ найдены золоченыя стекляныя бусы, тонкія височныя кольца съ завязанными концами, проволочное колечко [4]). Тѣмъ же лицомъ и тогда же раскопано было нѣкоторое количество кургановъ въ Суражскомъ у. (близъ с. Курина и д. Ковали), въ которыхъ оказались находки тѣхъ же типовъ и, кромѣ того, остатки деревяннаго небольшого ларца, обломки оловянной шейной гривны и большая шиферная буса. Въ Витебскомъ у. г. Кусцинскій раскопалъ 2 кургана близъ Стараго Села, на берегу Двины, при чемъ въ одномъ изъ нихъ погребенія оказались въ 2 яруса. При костякахъ найдены обломки желѣзной шейной гривны, неопредѣленнаго цвѣта бусы и небольшой горшокъ [5]). Г. Анимелле разрылъ 4 кургана близъ д. Каменца, Городокскаго у., при чемъ были найдены одни угли и глиняный сосудъ [6]). Вещи, найденныя въ витебскихъ курганахъ съ обрядомъ обыкновеннаго погребенія, могутъ быть отнесены къ X и XI в. Большинство этихъ

---

[1]) Въ архивѣ Импер. Археологич. Коммиссіи дѣло 1890 г., № 207.—Отчетъ Археол. Коммиссіи за 1892 г., стр. 61—63.

[2]) Замѣтка Брандта въ Verhandlungen Учен. Эстонск. Общ., т. IV, в. 2, стр. 77—80.

[3]) Въ архивѣ Импер. Археолог. Коммиссіи дѣло 1894 г., № 143.

[4]) Указатель Историч. музея, стр. 160.

[5]) Тамъ же, стр. 159—160.

[6]) Бытъ бѣлорусскихъ крестьянъ. Вѣстн. И. Геогр. Общ., 1853 г., ч. 8.

кургановъ по характеру находокъ примыкаетъ къ сосѣднимъ смоленскимъ курганамъ, а курганы Рѣжицкаго и Себежскаго у., кромѣ того, заключаютъ различныя вещи, заимствованныя отъ сосѣдней, по нашему мнѣнію, латышской культуры.

Не знаемъ, какой народности слѣдуетъ приписать курганы XV в., раскопанные въ 1872 г. Леманомъ близъ Стернянъ Рѣжицкаго у. Курганы эти имѣютъ въ вышину отъ $1^1/_2$ до 3-хъ фут.; на вершинѣ у всѣхъ имѣются углубленія. Костяки погребены на поверхности земли, головою на В. и въ противоположномъ направленіи. Одинъ изъ скелетовъ оказался въ сидячемъ положеніи. Въ курганныхъ насыпяхъ примѣтны черныя прослойки и угольки. При костяхъ найдены: желтыя глиняныя бусы, раковинки каури, длинныя спиральныя трубочки, ткань съ вплетенными въ нее кольчужками, спиральные перстни, пряжки (витыя съ колбочками на концахъ и пластинчатыя съ 4-мя углами), цѣпочка, пластинчатыя длинныя подвѣски, шпора, топоръ, наконечники копій, ревельскій шиллингъ, повидимому, XV в. [1]). Ближайшую аналогію для этихъ кургановъ можно видѣть въ описанныхъ выше курганахъ близъ Циблы и подобныхъ, но рѣшительнаго мнѣнія о принадлежности ихъ той или другой народности пока нельзя высказать. Типы найденныхъ въ нихъ вещей имѣютъ обширное распространеніе въ Прибалтійскомъ краѣ и не представляютъ ничего своеобразнаго. Неизвѣстно, при какомъ типѣ погребенія найдены вещи въ курганахъ близъ Курсова Модинскаго у. (д. Корсовой Люцинскаго у.?) [2]), близъ д. Гущиной Лепельскаго у. (витая шейная гривна) [3]), близъ д. Бригъ Люцинск. у. (вѣнокъ изъ спиралей, пики, топоры) [4]), и что дали раскопки, произведенныя въ Лепельскомъ у. въ 1878 г. Кусцинскимъ и въ 1883 г. Цѣхановецкимъ [5]).

Въ западной части губерніи характеръ памятниковъ древности существенно измѣняется: здѣсь погребенія заключаются не въ курганахъ, а въ могильникахъ. Районъ могильниковъ совпадаетъ съ уѣздами, вхо-

---

[1]) Lehman, Bericht über die Gräberaufdeckungen bei Stirnian. Verhandlungen Учен. Эстонск. Общ., т. VII, в. 3 и 4, стр. 106—115 (рис.). Въ Юрьевскомъ музеѣ имѣются вещи изъ раскопокъ гр. Сиверса близъ Stirnian 1872 г. иного, болѣе стараго типа.—Grewingk, Ueber Gräberaufdeckung zu Warkland. Sitzungsber. Учен. Эстонск. Общ., 1872 г., стр. 59—60. Древности, т. VIII, стр. 17.

[2]) Древности, т. VII, стр. 78.

[3]) Сементовскій, Бѣлорусскія древности, стр. 25.

[4]) Свѣдѣнія о земляныхъ памятникахъ въ Витебской губ. Витебск. Вѣд., 1864, 28 и 29.

[5]) Антропологич. выставка, т. I, стр. 338, и Древности, т. X, стр. 10.—Не знаемъ также, изъ какихъ раскопокъ г. Романова добыты 2 черепа, описанные г. Майновымъ въ Антроп. Выст., т. II, стр. 118.

дящими въ составъ такъ-называемыхъ Инфлянтовъ, но не вполнѣ, такъ какъ весь Дриссенскій, а также части Рѣжицкаго и Люцинскаго у. находятся въ районѣ кургановъ. Благодаря столь рѣзкому отличію въ обрядѣ погребенія, дальнѣйшія раскопки должны вполнѣ точно опредѣлить границу, проходившую по Витебской губ. въ IX—XI в. между латышскою областью съ одной стороны и русскою—съ другой.

Могильниковъ въ Витебской губ. извѣстно уже значительное количество. Древнѣйшій изъ нихъ раскопанъ въ 1893 г. близъ д. Дрейманы въ Крейцбургской вол. Двинскаго у. (Е. Р. Романовымъ). Костяки лежатъ въ ямахъ, ногами на З. и на В. Въ головахъ расположены камни или плиты. Слѣва одного костяка обнаруженъ каменный очагъ съ углями и золой. Одна изъ могилъ была обложена камнями въ видѣ круга до 5 арш. въ діаметрѣ и заключала въ себѣ 2 костяка, положенные въ противоположныя стороны. Найденныя въ могильникѣ вещи (желѣзные удлиненные кельты, узкіе топоры съ круглымъ обухомъ, шейная гладкая гривна съ мелкою нарѣзкою и такіе же браслеты, гладкая шейная гривна съ обернутой проволокою концами, нѣсколько мѣдныхъ булавокъ, мечъ саксонскаго типа, наконечники копій и пр.) всѣ древняго типа, приблизительно VIII в. Весьма любопытною является находка большой пластинчатой серебряной пряжки съ хвостовидными придатками на концахъ, типа, часто попадающагося въ тамбовскихъ могильникахъ того же времени [1]). Другой сравнительно древній могильникъ открытъ въ 1829 г. въ имѣніи Конецполе, Люцинскаго или Рѣжицкаго у. Здѣсь былъ найденъ топоръ литовскаго типа, наконечники копій, мѣдныя пряжки, каменный молотокъ [2]).

Богатый Люцинскій могильникъ [3]) служитъ типомъ весьма распространенныхъ въ губерніи могильниковъ IX—X в., какъ намъ думается, латышскихъ. Здѣсь наблюдается три типа погребеній: погребенія трупа въ цѣломъ видѣ (83%), трупосожженія (12%) и погребеніе однихъ вещей (небольшое количество). Мужскіе костяки лежатъ головою на В., женскіе на З. Трупосожженіе большею частью совершалось внѣ могилы. Подобныхъ могильниковъ въ Витебской губ. извѣстно уже свыше 30. Наибольшее количество ихъ падаетъ на Двинскій у. (Двинскъ, Антуши, Кондраты, Огленекъ, Маслобоевъ, Граверы, Ясмуйжа, Людвиково, Ре-

[1]) Въ архивѣ Императ. Археологич. Комм. дѣло 1893 г., № 7.—Отчетъ Археол. Комм. за 1893 г., стр. 16—17.

[2]) Plater, Ueber alte Gräber und Alterthümer in Polnischlivland. Mittheilungen aus der livländ. Gesch., т. IV, в. 2, стр. 268—269 (рис.).

[3]) Люцинскій могильникъ. Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Императ. Археологич. Коммис., № 14. Спб., 1893.

линги, Эгли, Кручери, Креславка, Рушоны, Ливенгофъ); въ Рѣжицкомъ у. извѣстны могильники близъ Голянъ, Чачи, Бол. Страды, Стар. Слободы, Лейно-Кольна, Славейты, Антоны, Шкрябы, въ Люцинскомъ— близъ г. Люцина, Шкельбанъ, Фряшекъ, Эверсмойже. Отдѣлить въ находкахъ изъ этихъ могильниковъ вещи IX, X и XI вѣкамъ еще никому не удалось [1]).

Къ XII в. можетъ быть отнесенъ могильникъ, раскопанный въ Люцинскомъ у., въ имѣніи г. Зиновьева, близъ д. Щилипино. Всего разрыто было 111 могилъ. Каждая изъ нихъ была обложена вокругъ камнями. Костяки лежали головою на В. (только ?); нѣкоторые изъ нихъ были похоронены въ сидячемъ положеніи. Въ могильникѣ были найдены: пластинчатыя и витыя шейныя гривны, нагрудныя цѣпочки, массивные, круглые, пластинчатые и витые браслеты, широкіе серебряные браслеты-наручни, разнообразные перстни, нагрудныя и поясныя пряжки и пр. [2]). Къ XIII в. можно отнести могильникъ, раскопанный Глогеромъ близъ Маріенгаузена, въ самой сѣверной части губерніи. Въ немъ были найдены мѣдныя цѣпочки, бубенчики, пряжки, подвѣски, браслеты, перстни, шейныя гривны, бусы, сѣкиры, ножи и пр. [3]). Наконецъ, въ Двинскомъ у. раскопаны были Е. Р. Романовымъ въ 1892 и 1893 гг. два позднихъ могильника при Александровской слоб. противъ г. Придруйска и близъ

---

[1]) Въ изслѣдованіи витебскихъ могильниковъ наиболѣе потрудился Е. Р. Романовъ (см. въ архивѣ Импер. Археолог. Комм. дѣла 1890 г. № 33 и 207, 1891 г. № 15 и 1893 г. № 7, Отчеты Коммиссіи за 1890 г., 59—62; 1891, 94—98; 1892, 59—64; 1893, 15—17). Въ изданіи Археол. Комм. «Древности Сѣверо-Западнаго Края» (Матеріалы № 4, Спб. 1890 г.) изложены свѣдѣнія о витебскихъ могильникахъ на основаніи имѣвшагося въ архивѣ Коммиссіи матеріала. Эти свѣдѣнія заключаются въ дѣлахъ 1877 г. № 16 (Шкельбаны), 1882 г. № 41 (Эгли), 1886 № 29 (Кручери), 1887 г. № 42 (Людвиково), 1890 г. № 113 (Голяны), 1891 г. № 192 (Шкрябы).—Сементовскій въ «Бѣлорусскихъ древностяхъ» говоритъ о могильникахъ на стр. 60—64 (Двинскъ), 64 (Креславка) и 65 (Эгли и Шкельбаны).—Grewingk въ соч. Ueber heidnischen Gräber и пр. упоминаетъ о нѣкоторыхъ могильникахъ Двинскаго и Рѣжицкаго у. (стр. 130).—Въ Юрьевскомъ, Рижскомъ и Митавскомъ музеяхъ сохраняются вещи изъ Эверсмойже, Бродайже, Прели, Ясмуйжа, Ливенгофа (Каталогъ выставки при Рижск. Археол. Съѣздѣ, стр. 102—103). Перечень вещей изъ Шкельбана, доставленныхъ въ Юрьевскій музей, въ Sitzungsberichte Учен. Эстонск. Общ., 1884 г., стр. 26—27.—Спицынъ, Опредѣленіе времени Люцинск. и Лядинск. мог. Археол. Изв., 1894, 403—406 (№ 12).—Найденная въ Двинскомъ могильникѣ куфическая монета представлена была въ 1865 г. въ Московск. Археол. Общ. Древности, т. II, стр. 78.—Отчетъ Импер. Археол. Комм., 1865 г., стр. XIX.—Въ атласѣ г. Аспелина изображены вещи изъ Шпонги Двинскаго у. (№ 2181) и изъ Бродайже Люцинск. у. (№ 2186). — Указатель Истор. музея, стр. 591.—Каталогъ Виленскаго музея, стр 14—16, 72.—Plater, Ueber alte Gräber und Alterthümer in Polnisch-livland. Mittheilungen aus der livländ. Gesch. т. IV, в. 2, стр. 267—273 (Skaista, Dünaburg, Eisenischki, Schpogy, Bradnischy, Dagdia). Переводъ статьи гр. Плятера, помѣщенной въ Rubon, т. V, стр. 7—33 (рис.).

[2]) Извѣстія Имп. Рус. Археол. Общ. т. X, 87—89.—Музей Общества.

[3]) Glogier, Wykopaliska maryjenhanskie (рис.). Pamiętnik fizyjograf. 1881 г.

слоб. Фельдгофъ. Въ первомъ обнаружено 11 костяковъ, лежавшихъ головою на З. и на В. Находки: раковины каури, черныя гранчатыя бусы, множество мелкихъ желтыхъ бусъ, трубчатыя подвѣски, бубенчики, перстни, круглые и иные браслеты, оловянныя пуговицы, нагрудныя пряжки, ножи, огнива, ливонская монета [1]). Въ Фельдгофскомъ могильникѣ костяки обращены головою на З. При нихъ найдены: желѣзныя пряжки, ножницы, ножи, шило, обрывки ткани съ вплетенными въ нее спиральными трубочками, мѣдная пряжка съ кувшинчатыми концами, мѣдное кольцо съ заходящими другъ на друга концами, ожерелье изъ раковинъ каури, мелкихъ темныхъ бусъ, различныхъ подвѣсокъ и 7 монетъ XVI в. [2]).

Изъ отдѣльныхъ находокъ въ Витебской губ. первое мѣсто занимаетъ кладъ превосходныхъ серебряныхъ вещей, найденный въ 1892 г. въ Невельскомъ у., близъ д. Шалаховой. Въ немъ заключались: 5 плетеныхъ шейныхъ гривенъ съ пластинчатыми концами, гривна въ видѣ дрота съ пластинчатыми выступами на концахъ, отличное ожерелье изъ выпуклыхъ, украшенныхъ зернью бляшекъ и бусъ, 8 височныхъ колецъ, большая пряжка съ спиральными концами, 3 перстня, плетеный браслетъ и пр. Кладъ можетъ быть отнесенъ къ X—XI в. [3]). Въ 1878 г. 4 массивныя серебряныя гривны найдены были близъ д. Мишкиневой, Люцинск. у.; 2 изъ нихъ съ петлями на концахъ и 2 оканчиваются широкими, выгнутыми въ видѣ лотка лопастями [4]). Въ 1872 г. при д. Заборцы Витебск. у. найдены были 3 обломка серебряныхъ гривенъ, вѣсомъ 1 ф. 84 зол. [5]). Въ 1875 г. въ Витебской губ. найденъ небольшой наборъ серебряныхъ украшеній [6]). Въ 1873 г. близъ д. Родзьки Городокск. у. вмѣстѣ съ монетами XVII в. найдены были серьги [7]). Г. Кусцинскій представилъ въ Московское Археолог. Общест. статуэтку человѣка со звѣриною головою, найденную, по слухамъ, въ с. Ивановѣ, Невельскаго у. [8]). Въ 1864 г. близъ д. Езерникъ Люцин-

---

[1]) Въ архивѣ Императ. Археолог. Комм. дѣло 1890 г., № 207.

[2]) Труды Рус. Отдѣл. Имп. Рус. Археол. Общ. т. I, стр. 63—64 (рис.)—Романовъ, Археологическая экскурсія по Витебской губ. Виленск. Вѣстн. 1893, 54.

[3]) Въ архивѣ Импер. Археолог. Комм. дѣло 1892 г., № 171.- Отчетъ Археол. Комм. за 1892, 91—92 (рис.).

[4]) Древности Сѣверо-Зап. Края, стр. 50 (рис.).—Въ архивѣ Импер. Археолог. Комм. дѣло 1878 г., № 26.—Древности, т. IX, стр. 13.

[5]) Въ архивѣ Импер. Археолог. Комм. дѣло 1872 г., № 22.—Отчетъ Археол. Комм. за 1872 г., стр. XXVII.—Сементовскій, Бѣлорусскія древности, стр. 72—73 (рис.).

[6]) Въ отчетѣ Импер. Археолог. Комм. за 1875 г., стр. XXXV.

[7]) Въ архивѣ Импер. Археолог. Комм. дѣло 1873 г., № 26.—Сементовскій, Бѣлорусскія древности, стр. 72 (рис.).

[8]) Древности, т. VI, стр. 12.

скаго у., вмѣстѣ съ 22 серебряными монетами XII (?) в., найдено нѣсколько бусъ, серебряный крестъ и 2 перстня съ изображеніями птицъ на наставкахъ [1]). Свѣдѣнія о сдѣланныхъ въ губерніи находкахъ позднѣйшаго времени собраны въ книгѣ г. Сементовскаго и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ замѣткахъ [2]). Въ Витебской губ. попадаются въ поляхъ большіе каменные кресты [3]) и пользуются большою извѣстностью камни съ древне-русскими надписями [4]).

Арабскія монеты VIII—X в. найдены были въ разное время въ Витебскѣ и вблизи его, близъ Полоцка, въ д. Ахремки Дриссенскаго у. и въ имѣніи г-жи Богомолецъ въ Витебск. у. [5]). Въ с. Еменцѣ, Невельскаго у., въ 1891 г. найдена была форма для отливки грубыхъ подражаній куфическимъ монетамъ [6]). Въ 1875 г. близъ Ливенгофа, по проселочной дорогѣ, ведущей въ с. Варково, найдены были вендки [7]).

Археологическая карта Витебской губ. составлена г. Романовымъ. Наиболѣе полныя свѣдѣнія о памятникахъ древности края имѣются въ сочиненіи А. М. Сементовскаго и въ матеріалахъ, собранныхъ въ 1873 г. Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ [8]). Свѣдѣнія болѣе частнаго характера находятся, сверхъ перечисленныхъ выше замѣтокъ и статей, въ Памятныхъ книжкахъ Витебской губ. за 1865 и 1867 гг., въ ст. „Свѣдѣнія о земляныхъ памятникахъ въ Витебской губ.“ [9]), въ статьяхъ

---

[1]) Сементовскій, Бѣлорусскія древности, стр. 71 и 128 (рис.).

[2]) Сементовскій, Бѣлорусскія древности, стр. 71—75.—Говорскій, Археологическія разысканія въ окрестностяхъ Полоцка. Витебск. Вѣд. 1860, 7 и 9 и 1861, 11 и 12; Вилен. Вѣд. 1852, 32 (?); Вѣстн. Юго-Зап. Россіи 1863, 2, стр. 122—140; Ж. М. Н. П. ч. LXXVI, отд. VII, стр. 93; Зап. Имп. Рус. Археол. Общ., т. V, 88—103.—С. А., Археологическая находка въ Лепелѣ (жезлъ). Витебск. Вѣд 1865, 35.—Сементовскій, О находкѣ стараго кладбища въ Витебск. у. Древности, т. IV, стр. 15; т. XI, в. 2, стр. 45; т. VII, стр. 36.—Археологическая находка (монеты XVI—XVII в.). Виленск. Вѣстн. 1866, 136.—Отчетъ объ археологич. разысканіяхъ въ 1853 г., Спб., 1855 г., стр. 3.

[3]) Близъ Полоцка (см. въ статьѣ Говорскаго) и близъ Велижа (Указатель Историч. музея, стр. 160). Послѣдній крестъ стоялъ на курганѣ, въ которомъ костякъ лежалъ въ безпорядкѣ.

[4]) О нихъ въ Археологич. Вѣстникѣ Моск. Археол. Общ., стр. 159—160. — Сапуновъ, Двинскіе или Борисовы камни. Витебскъ, 1890 г. — Древности, т. IX, 21. — Сементовскій, Бѣлорусскія древности, стр. 92 — 101.—Кеппенъ, О Рогволодовомъ камнѣ и Двинскихъ камняхъ. Учен. Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. III, 59—70 (рис.).—Кусцинскій, Сообщеніе о камняхъ съ записями. Труды I-го Археолог. Съѣзда, т. I, стр. LXXI—LXXVI.

[5]) Марковъ, Топографія кладовъ восточныхъ монетъ, стр. 2—3 и въ архивѣ Импер. Археолог. Комм. дѣло 1888 г., № 49.

[6]) Въ архивѣ Импер. Археолог. Коммиссіи дѣло 1891 г., № 119.

[7]) Въ архивѣ Импер. Археолог. Коммиссіи дѣло 1875 г., № 23.

[8]) Въ данное время находятся въ нашемъ распоряженіи.

[9]) Витебск. Вѣд. 1864, 28 и 29.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

г. Сементовскаго [1]), Веревкина [2]), Романова [3]), Брандта [4]), Говорскаго [5]), Кусцинскаго [6]) и Безъ-Корниловича [7]). Не знаемъ содержанія статей г. Франка [8]) и Кусцинскаго [9]). Первый опытъ археологической библіографіи по Витебской губ. помѣщенъ въ изданіи Импер. Археологической Коммиссіи „Древности Сѣверо-Западнаго края“ (стр. 45 — 48).

IX. С.-Петербургская губ.

Начиная отъ устьевъ р. Свири и р. Ояти вдоль южнаго берега Ладожскаго оз. до Ижоры, отсюда по р. Оредежь и вдоль бассейна р. Луги до р. Нарвы и до моря простирается сплошная масса мховъ и болотъ, поросшихъ лѣсомъ и перерѣзанныхъ множествомъ рѣчекъ, берега которыхъ представляютъ единственно высокія и сухія мѣста, удобныя для поселенія. Къ сѣверу отъ этой полосы болотъ и лѣсовъ, между Царскимъ Селомъ и Ямбургомъ, расположенъ совершенно ровный суходолъ, круто оканчивающійся на сѣверѣ и на западѣ и отлого спускающійся въ долину р. Луги. Это плоскогоріе, вслѣдствіе пористости почвы, не имѣетъ орошенія, а вслѣдствіе незначительности культурнаго слоя, обнажено отъ лѣсовъ. Въ юго-восточной части этого пространства, въ верховьяхъ р. Оредежи, поднимаются песчаныя возвышенія, покрытыя прекрасными лѣсами. Низменное и плоское побережье Финскаго залива, имѣющее въ ширину отъ 10 до 25 в., также болотисто и покрыто лѣсомъ. Южная часть губерніи представляетъ наиболѣе возвышенную въ ней мѣстность, занята песчаниками, мергелемъ и известняками, покрыта холмами и множествомъ отдѣльныхъ болотъ и изрѣзана рѣками. Главныя возвышенности: пог. Бѣльскій, оз. Вердуга и Сяберское, оз. Которское,

---

[1]) Сементовскій, Замѣтка для археолога. Витебск. Вѣд. 1863, 44 (древности Городокск. у.).—Его же соч. «Памятники старины Витебской губ.», изданное въ Витебскѣ въ 1867 г., представляетъ первое изданіе «Бѣлорусскихъ древностей».

[2]) Веревкинъ, Записка объ археологическихъ памятникахъ Витебской губ. Труды Виленск. Отдѣл. Предварит. Комит. Виленск. Археолог. Съѣзда 1893 г., стр. 187 (Витебск., Полоцк., Себежск. и Невельск. у.).

[3]) Романовъ, Памятники древности въ Витебской губ. Тамъ же, т. I, стр. 44.

[4]) Inland 1846, 42 и 43; 1847, 17; 1850, 46.

[5]) Говорскій, Поѣздка изъ Полоцка. Зап. Импер. Рус. Археолог. Общ., т. V, стр. 88—97.

[6]) Кусцинскій, Лепельскія древности. Виленск. Вѣстн. 1866, 181.

[7]) Безъ-Корниловичъ, Историческія свѣдѣнія о примѣчательн. мѣстахъ въ Бѣлоруссіи. Спб. 1855.

[8]) Frank, Die eigenthümlichen Todtenhügel in den Gub. Witebsk, Pskow und Kurland. Hamburger litterär. und krit. Blätter 1851, 87.

[9]) Кусцинскій, Опытъ археологич. изслѣдованій въ Лепельскомъ у. Витебск. Вѣд. 1865, 20, и Виленск. Вѣстн. 1860, 12.

Долгое и Самро, оз. Врево и Черменецкое, д. Усадище, пог. Быстрѣвскій, р. Желчь, оз. Чернозерское и Широкое. Почва и здѣсь малоспособна для хлѣбопашества. Въ историческія времена описываемыя мѣстности заняты были новгородцами, псковичами и отчасти племенами финскими. Новгородцы занимали берега Ладоги (Обонежская пят.), верховья Оредежи и плоскогорье (Водская пят.), а также верховья Луги и Плюсы (Шелонская пят.), а псковичи—долину р. Плюсы и побережье Чудского оз. Изъ финскихъ народностей водь сидѣла, главнымъ образомъ, на побережьѣ Финскаго залива, ижора — по Невѣ и приладожская чудь—на Свири, Ояти и Сяси.

Отдѣльныя находки предметовъ каменнаго вѣка въ предѣлахъ С.-Петербургской губ. извѣстны до сихъ поръ весьма немногочисленныя. Онѣ сосредоточены были, главнымъ образомъ, въ коллекціи г-жи Раевской и состоятъ изъ топоровъ, долотъ и кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ, найденныхъ близъ Царскаго Села, Павловска и въ Петергофскомъ у. [1]). Каменный молотъ найденъ былъ въ курганѣ близъ Недоблицъ (долина р. Луги) Л. К. Ивановскимъ, и разныя орудія изъ камня встрѣчены были Н. Е. Бранденбургомъ въ курганахъ южнаго Приладожья (д. Кузнецы, Кашино, Усть-Рыбижна, Новая, Вихмесъ, Вахрушева, Городище), по р. Волхову, Сяси и Пашѣ. Зато большія земляныя работы, произведенныя по берегу Ладожскаго оз. въ 1731 и 1878—1880 гг. при проведеніи здѣсь каналовъ, обнаружили по берегу озера многочисленныя стоянки каменнаго вѣка, давшія весьма важный археологическій матеріалъ. Вещи были находимы на значительномъ протяженіи вдоль стараго берега озера, преимущественно въ намывномъ торфѣ, прикрытомъ сверху массивными позднѣйшими озерными образованіями; въ лѣсномъ торфѣ предметовъ встрѣчалось менѣе. Изъ кремневыхъ орудій были находимы скребки и наконечники стрѣлъ, оббитые изъ роговика и глинистаго сланца, изъ полированныхъ орудій: долота, топоры, рубила, долбни, точилки, ножи, шилья, иглы и украшенія, изъ кости были приготовляемы заостренія, ножи, иглы, шилья, наконечники стрѣлъ и дротиковъ, гарпуны, ударныя орудія, амулеты. Найдены были 10 череповъ человѣка, въ большинствѣ длинноголоваго типа, а также кости лося, тюленя, быка, кабана, бобра, собаки, разныхъ птицъ и рыбъ (особенно сома) [2]). На дюнахъ р. Волхова противъ д. Вельсы

[1]) Гр. Уваровъ, Каменный вѣкъ, т. II, стр. 39 и 136.

[2]) Иностранцевъ, Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго оз. Спб., 1882 г. — Его же, О находкахъ близъ Старой Ладоги. Изв. Имп. Рус. Арх. Общ., т. X, 332 и Сборн. Археолог. Институт., в. V, 11—13, а также Антропол. выст., т. III. — Его же, Человѣкъ каменнаго вѣка у Ладожскаго оз. Вѣстн. Евр., 1880 г., V,

найдены были различныя оббивныя орудія изъ кремня [1]). По словамъ г. Глазова, близъ пог. Ремды, Гдовскаго у., находится нѣсколько камней овальной формы, украшенныхъ чашевидными углубленіями и поставленныхъ на ребро.

Древнѣйшіе курганы края—Волховскія сопки, время которыхъ, судя по найденнымъ въ нихъ вещамъ, относится, приблизительно, къ IX, а быть можетъ, и къ VIII в. Самыя большія сопки имѣютъ въ вышину 4 — 5 саж. Форма ихъ всегда коническая. Одну изъ такихъ сопокъ раскопалъ близъ Ладоги Ходаковскій, на что имъ потрачено было не менѣе мѣсяца. Насыпь сооружена была изъ рѣчного песку, въ основаніи имѣла вѣнецъ изъ камней. Раскопка обнаружила сожженныя кости человѣка и какой-то желѣзный наконечникъ на желѣзномъ же прутѣ, длиною $13^1/_2$ дюйм. Помѣщикъ Томиловъ въ курганѣ, раскопанномъ до Ходаковскаго, нашелъ угли, золу и черепки [2]). Лучшія раскопки новгородскихъ сопокъ произведены были много позднѣе, Н. Е. Бранденбургомъ, которымъ было изслѣдовано 12 этого рода курганныхъ насыпей по р. Волхову близъ Стар. Ладоги, с. Лопина и Михаила Архангела. Раскопанныя сопки имѣли въ вышину отъ 4-хъ до 8 арш., но иногда всего 3, 2 и даже $1^1/_2$ арш. Въ основаніи всѣхъ безъ исключенія насыпей примѣтенъ тонкій черный слой съ мелкими кусочками угля. На такой площадкѣ въ большинствѣ кургановъ имѣлись различныя сооруженія изъ валуновъ и отчасти изъ плитъ, въ видѣ кучъ, стѣнокъ, угловъ и небольшихъ помостовъ; вблизи такихъ сооруженій обыкновенно попадаются угли, а иногда сожженныя кости человѣка. Обрядъ погребенія—сожженіе внѣ могилы. Остатки сожженныхъ костей погребались въ насыпи, недалеко отъ ея вершины, иногда въ глиняномъ сосудѣ. Въ средней части высокихъ кургановъ, между подошвой ихъ и вершиной, изрѣдка попадаются еще другіе каменные помосты и сооруженія, съ костями и безъ костей. Среди сожженныхъ костей попадаются различныя вещи, въ сплавленномъ и рѣдко цѣльномъ видѣ (желѣзные ножи, оселки, колечки, спиральки, бусы, бубенчики, цѣпочки, бляшки, поясной наборъ и пр.). Между грудами камней и въ горшечкахъ вмѣстѣ съ сожженными костями были найдены отдѣльныя кости домашнихъ и ди-

---

стр. 272.—Нѣкоторыя положенія работы проф. Иностранцева оспариваются Н. Е. Бранденбургомъ въ ст. «О слѣдахъ каменнаго вѣка въ южномъ Приладожьѣ» (Вѣстн. Археол. и Истор., т. VII, 12—27).—Отчетъ Импер. Археол. Комм., 1878 г., стр. XXXVIII.

[1]) Иностранцевъ, Доисторическій человѣкъ и пр., стр. 232—235 и въ Сборн. Археол. Инст., вып. V.

[2]) Ходаковскій, Отрывокъ изъ путешествія. Рус. Ист. Сборн., т. III, кн. 2, стр. 147—149.

кихъ животныхъ. Самая большая сопка была раскопана г. Бранденбургомъ близъ с. Архангельскаго. Она въ вышину имѣла до $4^1/_2$ саж. и потребовала огромнаго труда. Въ насыпи заключалось нѣсколько погребеній и нѣсколько каменныхъ настилокъ; въ основаніи ея обнаруженъ былъ правильно выложенный цоколь [1]). Подобныя же сопки находятся въ другомъ центрѣ новгородской земли — близъ г. Луги, но онѣ остаются еще не изслѣдованными. Одна изъ тамошнихъ сопокъ представляетъ сооруженіе въ видѣ двухъ поставленныхъ другъ на друга конусовъ; въ основаніи ея обнаружены толстыя плиты [2]).

Новгородскіе курганы X в. до сихъ поръ были раскопаны въ незначительномъ количествѣ близъ пог. Доложскаго, Гдовскаго у. Обрядъ погребенія въ нихъ остается не выясненнымъ, но можно предполагать, что курганныя насыпи этого времени заключаютъ одни лишь трупосожженія. Вещи, повидимому, одинаковы съ предметами типовъ Люцинскаго могильника. Трупъ, вѣроятно, сожигаемъ былъ на мѣстѣ, въ сидячемъ положеніи. Впрочемъ ничего опредѣленнаго о новгородскихъ курганахъ этого времени пока нельзя сказать [3]). Курганы XI—XII и XIII—XIV вв. извѣстны уже несравненно лучше, благодаря продолжительнымъ раскопкамъ Л. К. Ивановскаго въ районѣ между Гатчиной и Ямбургомъ, т.-е. на площади упомянутаго выше плоскогорія. Раскопки произведены были въ 1873—1890 гг. и имѣли въ результатѣ разслѣдованіе до 6.000 курганныхъ насыпей. Древнѣйшій обрядъ погребенія въ нихъ—трупосожженіе на мѣстѣ. Слѣдующій по времени обрядъ погребенія—погребеніе несожженнаго трупа въ сидячемъ положеніи, причемъ такое положеніе давалось трупу помощью особаго сооруженія изъ камней, а слѣдующій—погребеніе въ грунтовой ямѣ, иногда также въ сидячемъ положеніи. Въ насыпяхъ нерѣдко находятся кости животныхъ и зольныя прослойки. Въ основаніи кургана всегда имѣется слой золы, иногда значительной толщины, а кругомъ его—неизмѣнный вѣнецъ изъ крупныхъ валуновъ. Вещи изъ описанныхъ кургановъ въ общемъ примыкаютъ къ обще-русской культурѣ XI — XIV в., но въ небольшомъ количествѣ имѣются заимствованія изъ древностей того же времени Прибалтійскаго края, а также изъ древностей Приладожской

---

[1]) Бранденбургъ, Курганы южнаго Приладожья. Спб., 1895 г., стр. 135—141.— Его же, Объ археологич. изслѣдованіяхъ въ Стар. Ладогѣ въ 1886—1887 гг. Вѣстн. Арх. и Ист., в. VIII, 157—169.—Отчетъ Имп. Археол. Комм. за 1886 г., стр. CL—CLVI.

[2]) Быстровъ, Остатки старины близъ Передольскаго пог., Лужскаго у. Изв. Имп. Рус. Археол. Общ., т. IX, стр. 381—410.

[3]) Спицынъ, Курганы С.-Петербургской губ. въ раскопкахъ Л. К. Ивановскаго. Спб., 1896 г., стр. 5—6.

чуди [1]). Въ томъ же районѣ въ 1895 и 1896 г. произведены были небольшія раскопки Н. К. Рерихомъ (близъ д. Калитино, Горье, Лисино, Рабитицы, Домашковицы и Введенская), причемъ имъ были подмѣчены различныя особенности погребенія, неизвѣстныя изъ отчетовъ г. Ивановскаго, напр., погребеніе въ сидячемъ положеніи выше поверхности земли, овальный видъ грунтовыхъ ямъ, погребеніе нѣкоторыхъ костяковъ головою на В. и Ю., булыжные пласты въ насыпи и пр. [2]). Нѣкоторыя насыпи сплошь были выложены камнемъ. Въ 1878 г. нѣсколько кургановъ было раскопано слушателями Археологическаго Института близъ д. Ново-Сиверской, Царскосельск. у. [3]). Въ 1840-хъ гг. раскопанъ былъ одинъ курганъ въ Ямбургскомъ у. бар. Врангелемъ. На верху насыпи навалено было много булыжника; скелетъ лежалъ головою на В., на плитѣ, которая была обставлена съ боковъ плитами же. Въ погахъ найдено много угля [4]). К. Э. Мальмгренъ въ 1893 и 1894 гг. раскапывалъ курганы близъ с. Осьмино, расположеннаго на возвышенной, повидимому, съ давнихъ поръ обитаемой мѣстности, въ срединѣ которой находится большое оз. Самро и которой принадлежатъ самыя древнія вещи въ коллекціи Л. К. Ивановскаго. Найденныя г. Мальмгреномъ въ курганахъ вещи интересны. Нѣкоторыя насыпи были очень низки, такъ что скорѣе напоминали жальничное погребеніе; въ одной изъ такихъ насыпей среди кучки костей найдена была монета XI в. [5]). Въ 1879 г. небольшое количество кургановъ было раскопано слушателями Археологическаго Института близъ пог. Лосицкаго (д. Полицы и Межникъ), на р. Плюсѣ. Здѣсь болѣе высокія насыпи были окружены въ основаніи валунами, изъ низкихъ однѣ заключали сожженіе на поверхности земли (эти курганы имѣли кругомъ основанія рвы), а другія заключали погребенія нѣсколько выше поверхности земли и надъ ними еще выше находился слой угля. Вмѣстѣ съ различными вещами общихъ типовъ найдена была арабская монета. Нѣкоторыя низкія насыпи въ основаніи окружены были валами и канавами [6]). Въ 1869 г.

---

[1]) То же сочиненіе.—Труды Коммиссіи по производству анализовъ древнихъ бронзъ. Вып. 2-ой, Спб., 1884 г.

[2]) Въ архивѣ Императ. Археол. Комм. дѣло 1894, № 74 и 1896 г., № 56.

[3]) Даниловъ, Замѣтка о курганахъ и раскопкахъ въ 1878 г. въ д. Новосиверской. Сборн. Археол. Инст., в. II, стр. 106—112.

[4]) Врангель, Курганы въ Ямбургскомъ у., С.-Петер. губ.. Изв. Имп. Рус. Арх. Общ., т. I, стр. 151—153.

[5]) Мальмгренъ, О раскопкѣ кургановъ близъ с. Осьмина въ 1893 и 1894 гг. Археол. Изв. и Зам., 1894 г., стр. 49—51 и 1895 г., стр. 264—269.—Въ архивѣ Импер. Археолог. Коммиссіи дѣла 1893 г., № 90 и 1894 г., № 75.

[6]) Даниловъ, Раскопки слушателями Института кургановъ въ Гдовскомъ и Лужскомъ у.. Сборн. Археол. Инст., в. III, стр. 20—41.

при постройкѣ баттареи близъ Краснаго Села былъ разрытъ курганъ (?), въ которомъ найдено множество человѣческихъ костей, а вмѣстѣ съ ними мѣдныя кольца, топоръ и ножъ; топоръ имѣлъ узкое лезвіе, а ножъ былъ съ костяной рукоятью [1]). Въ Историческомъ музеѣ находятся вещи XI — XIII в. изъ неизвѣстныхъ раскопокъ въ С.-Петербургской губ. [2]). Въ довольно значительномъ количествѣ кургановъ, раскопанныхъ въ 1883 г. въ Шелонской пятинѣ г. Шмидтомъ, были находимы лишь слои пепла съ углемъ. Въ курганѣ, раскопанномъ г. Шмидтомъ въ 1886 г. близъ д. Жилое Горнешно, какъ и во всѣхъ имъ раскопанныхъ насыпяхъ, находились 3 пепельно-угольные слоя, изъ которыхъ послѣдній лежалъ на материкѣ. Надъ каждымъ слоемъ лежало по нѣскольку валуновъ, покрытыхъ маркой золою. Близъ вершины и на материкѣ найдены были черепки. На верху кургана стоялъ камень [3]).

На курганахъ Гдовскаго, Лужскаго, особенно же Ямбургскаго и сосѣднихъ уѣздовъ до недавняго времени наблюдались каменные четырехконечные кресты. Такъ какъ подобные кресты имѣлись на многихъ курганахъ одной и той же группы, то есть основаніе предполагать, что они составляютъ здѣсь не случайное явленіе, а принадлежатъ къ составу погребенія. Впрочемъ, конечно, обычай ставить кресты на курганахъ требуетъ дальнѣйшихъ наблюденій. Мы полагаемъ, что обычай этотъ имѣлъ мѣсто въ XII и XIII в.

Въ XII — XIII в. сопки замѣняются каменными могилами, типа жальничныхъ. Древнѣйшія изъ такихъ погребеній представляютъ собою могильныя ямы, прикрытыя сверху невысокою, но широкою круглою насыпью, окруженною въ основаніи сплошнымъ рядомъ крупныхъ камней, т.-е., въ сущности, тѣ же курганы, но незначительной высоты. Со временемъ жальничныя погребенія еще болѣе измѣнили свой видъ: діаметръ насыпей значительно уменьшается, камни устанавливаются не только кругомъ, но также въ видѣ овала или четыреугольника, насыпи вмѣсто многихъ камней ограждаются лишь нѣсколькими, исчезла канава, окружавшая насыпь въ болѣе древнихъ жальничныхъ погребеніяхъ. Жальники разсѣяны во всѣхъ уѣздахъ губерніи и уже въ значительной степени изслѣдованы. Наибольшія раскопки жальничныхъ погребеній произведены въ 1882 — 1886 гг. Г. О. Шмидтомъ въ Гдовскомъ и отчасти

---

[1]) Савельевъ, А. И. О насыпяхъ и курганѣ въ Петербургской губ.. Извѣст. Имп. Рус. Арх. Общ., т. VIII, стр. 56—60.

[2]) Указатель Историч. музея, стр. 189—191.

[3]) Изв. Моск. Общ. Люб. Ест., т. XLIX, в. 5, стр. 506.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Лужскомъ у., въ 25 группахъ (д. Высокая, Комарова, Струйскъ, Дворецъ, Жидковицы, Калодія, Жилое Горнешно и пр.). Во многихъ жальникахъ находятся каменные кресты. Въ имѣніи Калодіи почти всѣ могилы были прикрыты плитами. Глубина погребеній 1,1—1,5 м. и болѣе. Одинъ изъ костяковъ лежалъ головою на С. За однимъ изъ череповъ съ правой стороны находилась каменная ограда. Въ жальникѣ при д. Жилое Горнешно, Лужскаго у., наряду съ могилами обыкновеннаго типа встрѣчены широкія насыпи, обнесенныя валомъ изъ небольшихъ камней до 2-хъ м. вышины. Въ одной изъ такихъ могилъ найдено трупосожженіе въ ямѣ, въ другомъ обыкновенное погребеніе, безъ вещей. Предметы, найденные г. Шмидтомъ въ жальникахъ, относятся къ типамъ вещей XII—XIII в., находимыхъ въ петербургскихъ курганахъ: височныя кольца, шейныя гривны, серьги, подвѣски къ ожерелью, образокъ съ изображеніемъ Распятія и пр. [1]). Въ 1872 г. каменная могила раскопана была г. Кашкаровымъ близъ мызы Можевельникъ, Тупицинской вол. Гдовскаго у., причемъ оказалось, что надъ головою костяка устроенъ былъ склепъ изъ камней; скелетъ лежалъ ногами на В. Могила не имѣла на себѣ каменнаго креста, хотя на другихъ насыпяхъ группы они были [2]). Жальничныя погребенія, раскопанныя въ недавнее время въ томъ же у., въ имѣніи кн. Салтыкова, имѣли по окружности каменную кайму овальной и четыреугольной формы; въ могилахъ были найдены витые мѣдные браслеты, бусы и височное кольцо поздняго типа. Близъ с. Прибужье на р. Плюсѣ въ одной могилѣ, выложенной камнями, былъ найденъ костякъ, лежавшій головою на З., у котораго оказались лишь черепки сосуда, поставленнаго въ изголовьѣ. На могилахъ кладбища находились каменные кресты [3]). Въ нѣсколькихъ могилахъ, раскопанныхъ въ 1887 г. Биркенвальдомъ близъ с. Полны, того же у., были находимы костяки, изъ которыхъ лишь на одномъ найдена серьга. Въ другихъ насыпяхъ были находимы браслеты и монеты [4]). Въ 1879 г. жальничныя погребенія были раскапываемы слушателями Археологическаго Института близъ оз. Битина и д. Полицы въ верховьяхъ р. Плюсы. Могилы были обложены камнями въ видѣ

---

[1]) Шмидтъ, Отчеты о раскопкахъ въ Извѣст. Моск. Общ. Люб. Ест., т. XLIX, в. 3, 189—190; в. 5, 504—506, 519—522.—Не знаемъ отчетовъ за 1884 и 1885 гг.—Указатель Историч. музея, стр. 164—166.

[2]) Кашкаровъ, Могилы древнихъ жителей Гдовскаго у. Гдовско-Ямбургскій Листокъ, 1872, 21.

[3]) Прибужецъ, Памятники старины въ Прибужскомъ приходѣ. Гдовско-Ямб. Листокъ, 1872, 39.

[4]) Birkenwald, Ueber Gräber im Gdowschen Kreise. Sitzungsber. der Gel. estn. Gesellsch. 1887, 118—120.

круга, овала и четыреугольника, иногда въ 2 ряда. Костяки въ могилахъ лежали головою на З., а нѣкоторые изъ нихъ оказывались въ сидячемъ положеніи. Въ ямахъ иногда замѣчались прослойки угля или золы. При костяхъ были найдены височныя кольца, витые браслеты, поздняго типа перстни, бусы, круглыя подвѣски; вещи эти, повидимому, могутъ быть отнесены къ XII—XIII в. Одна изъ могилъ имѣла обширные размѣры и заключала въ себѣ до 15 костяковъ человѣка, смѣшанныхъ другъ съ другомъ, а также съ костями лошадей [1]). Въ жальничномъ погребеніи, раскопанномъ тогда же въ Лужскомъ у. близъ д. Козлово-Зеленскъ на р. Черной, оказался костякъ, лежавшій въ неглубокой ямѣ на боку, головою на СЗ., близъ котораго найденъ большой наконечникъ стрѣлы [2]). Въ Петергофскомъ и Ямбургскомъ у. много жальничныхъ погребеній раскопано было Л. К. Ивановскимъ. Какъ и всюду въ губерніи, здѣсь эти погребенія находились въ однѣхъ группахъ съ курганами [3]). Погребенія, подобныя жальничнымъ, раскопаны были въ Шлиссельбургскомъ и Ладожскомъ у. Н. Е. Бранденбургомъ близъ д. Черная, Монастырекъ и Лезья. Могилы были прикрыты невысокими насыпями, на которыхъ лежали валуны и плиты. Костяки расположены головою на З.; вещей при нихъ почти вовсе не попадалось. Нѣкоторые скелеты лежали въ гробахъ [4]).

При подошвѣ огромнаго кургана близъ с. Архангельскаго на Волховѣ Н. Е. Бранденбургомъ былъ обнаруженъ могильникъ съ монетою XI в. Костяки лежали головою на З., на одномъ общемъ возвышеніи; при нихъ найдены были бусы, пряжка, ножи, гребень, ушныя колечки. Надъ головою одного скелета устроено было покрытіе изъ плитъ [5]). Подобное кладбище тѣмъ же изслѣдователемъ раскопано было близъ Старой Ладоги. Тамъ же случайно открыто другое кладбище, отчасти раскопанное проф. Иностранцевымъ [6]). Ходаковскій произвелъ раскопку на кладбищахъ между д. Киришей и Плавницей и при пог. Селецкомъ. Тотчасъ подъ дерномъ онъ нашелъ здѣсь толстый слой угля, а глубже скелеты, при которыхъ оказались одни лишь ножики [7]). Сохранилось интересное свѣдѣніе, что на древнемъ кладбищѣ при д. Лососки (въ

---

[1]) Даниловъ, Раскопки кургановъ въ Гдовскомъ и Лугск. у. Сборн. Археолог. Инст., в. III, стр. 20—41.

[2]) Тамъ же, стр. 21.

[3]) Спицынъ, Курганы С.-Петербургской губ., стр. 39—40.

[4]) Дневникъ раскопокъ Н. Е. Бранденбурга въ Импер. Археол. Коммиссіи.

[5]) Бранденбургъ, Курганы Южнаго Приладожья. Спб., 1895, стр. 140.

[6]) Сборн. Археол. Институт., вып. V, 13, и Изв. Имп. Рус. Арх. Общ., т. X, 332.

[7]) Русск. Историч. Сборникъ, т. VII, стр. 376, т. III, стр. 152.

приходѣ пог. Ложголова, выше оз. Самро) были найдены золотые браслеты и цѣпи съ золотыми дробницами, украшенныя камнями и янтарями (?) [1]). Около г. Судомье, на устьѣ р. Сяси найдены были при костяхъ мечи, щитъ, серебряные кресты, монеты [2]).

Древности финскаго племени води, обитавшаго издавна въ сѣверо-западномъ углу губерніи, еще не опредѣлены съ достаточною точностью. Мы приписываемъ этому племени курганы XI в., раскопанные Л. К. Ивановскимъ близъ д. Мануйловой въ долинѣ р. Луги недалеко отъ Ямбурга, и курганы XIV—XV в., раскопанные имъ же близъ д. Войносолово [3]).

Древности ижоры можно видѣть развѣ лишь въ могильникѣ XIV—XV в., раскопанномъ въ 1866 г. близъ д. Усть-Рудицы А. М. Раевскою. Всего вскрыто было 7 могилъ. Скелеты въ нихъ лежали на небольшой глубинѣ, ногами, приблизительно, на сѣверъ. При костяхъ найдены: серьги, браслеты, привѣски, ножи, гвозди, черепки и серебряная монетка вел. кн. Ивана [4]).

Весьма интересные курганы Приладожской чуди въ большомъ числѣ раскапываемы были въ 1878—1889 гг. Н. Е. Бранденбургомъ по р. Пашѣ, Сяти и Сяси. Къ X в. относятся курганы съ трупосожженіями, къ XI в.—курганныя насыпи съ обыкновеннымъ обрядомъ погребенія. Повидимому, древнѣйшіе курганы заключаютъ идею жилого помѣщенія. На срединѣ основанія ихъ располагался очагъ, около котораго и были помѣщаемы остатки сожженныхъ труповъ (кости мужчинъ всегда по одну сторону, кости женщинъ—по другую). Погребенія располагались въ насыпи кургана въ нѣсколько ярусовъ, по 2 и по 3 въ каждомъ. Основаніе кургана покрыто слоемъ золы. Погребенные костяки полагались сперва головою на Ю., а потомъ на З. Находки довольно богаты и разнообразны, и по типамъ ближе всего примыкаютъ къ древностямъ Финляндіи и Аландскихъ острововъ. Наиболѣе характерными для Приладожской чуди X—XI в. слѣдуетъ признать: особенное обиліе чашеобразныхъ фибулъ, шейныя гривны и пряжки съ головками, украшенными шипами, массивные браслеты особаго типа, сковородки,

---

[1]) Историко-статистич. свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи, вып. 10, стр. 177 (1885 г.).—Въ свѣдѣніяхъ 1873 г. говорится о двухъ древнихъ «орденахъ», найденныхъ въ д. Лососкиной при добываніи песку изъ могилы (кургана ?).

[2]) Историко-статист. свѣдѣнія о С.-Петерб. епархіи, вып. 5, стр. 112.

[3]) Спицынъ, Курганы С.-Петербургской губ., стр. 48—52.

[4]) Раевская, Раскопки въ уроч. Черномъ. Изв. Моск. Общ. Люб. Ест., т. XX, кн. 2, в. 1, стр. 31—33.—Измѣреніе добытыхъ г. Раевскою череповъ, сдѣланное Богдановымъ, помѣщено въ Антропол. выст., т. III, стр. 471.

желѣзныя пластинчатыя огнива, наигольники и пр. [1]). Нѣсколько кладбищъ XVI—XVII в., раскопанныхъ г. Ивановскимъ по р. Плюсѣ, дали небольшую, но поучительную коллекцію вещей.

Находками отдѣльныхъ вещей Петербургская губ не богата. Въ 1875 г. найдены были при д. Княжчинѣ, Ново-Ладожск. у., вмѣстѣ съ сассанидскими, умейядскими и табаристанскими монетами VI—IX в., 3 серебряные монетные слитка [2]). Въ томъ же году найдены 3 серебряныя шейныя гривны въ д. Горки близъ пог. Передольскаго, Лужскаго у.; изъ нихъ 2 витыя и 1 гранчатая [3]). Въ кладѣ изъ 300 саманидскихъ и англо-саксонскихъ монетъ, найденномъ въ 1852 г. близъ д. Буяницы, Ямбургскаго у., оказались также серебряныя вещи: ожерелье, браслеты, цѣпочки, крестъ и др. [4]). Въ 1889 г. 4 серебряныя шейныя гривны выпаханы были близъ д. Узьмино Гдовскаго у.; изъ нихъ 1 гранчатая и 3 витыя [5]). Въ 1888 г. при д. Никольщинѣ, Шлиссельбургскаго у., найдены были, вмѣстѣ съ русскими копейками XVI и XVII в., большая серебряная пластинчатая пряжка, крестъ и серьга съ двумя подвѣсками [6]). При раскопкахъ въ Старой Ладогѣ въ 1886—1887 гг. Н. Е. Бранденбургъ нашелъ въ развалинахъ церкви, между прочимъ, серебряную шейную гривну курганнаго типа, серьгу съ дутыми шариками и нѣсколько бляшекъ [7]).

Находки арабскихъ монетъ въ Петербургской губ. довольно обыкновенны. По имѣющимся свѣдѣніямъ, громаднѣйшій кладъ такихъ монетъ найденъ былъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія на берегу Ладожскаго оз. въ 12 в. отъ устья р. Волхова. Въ разныхъ количествахъ куфическія монеты VII—X в. были находимы: въ Петербургѣ (въ Галерной Гавани), въ Стар. и Нов. Ладогѣ, близъ Ропши, на мызѣ Боровской въ Петергофск. у., близъ д. Буяницы Ямбургск. у., близъ ур. Городокъ Лужск. у., въ д. Княжчино Ладожск. у., близъ Передольскаго пог. Лужск. у., въ с. Прибужѣ Гдовск. у. и въ курганахъ по всей губерніи [8]).

---

[1]) Бранденбургъ, Курганы Южнаго Приладожья. Спб., 1895 г.

[2]) Въ архивѣ Импер. Археолог. Комм. дѣло 1875 г., № 17.—Отчетъ Археол. Комм., 1875 г., стр. XXXVI.—Ст. Лерха въ Изв. Имп. Рус. Арх. Общ., т. VIII, стр. 438.

[3]) Въ архивѣ Импер. Археолог. Комм. дѣло 1875 г., № 17.—Отчетъ Археол. Комм., 1875 г., стр. XXXVI.

[4]) Врангель, Курганы въ Ямб. у. Изв. Имп. Рус. Арх. Общ., т. I, стр. 151—153.

[5]) Въ архивѣ Имп. Археол. Комм. дѣло 1889 г., № 85.—Отчетъ Археол. Комм., 1889 г., стр. 92.

[6]) Въ архивѣ Имп. Археол. Комм. дѣло 1888 г., № 40.

[7]) Вѣст. Археол. Институт., в. VIII, стр. 162.

[8]) Марковъ, Топографія кладовъ восточныхъ монетъ, стр. 30—34.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Золотая куфическая монета 738 г. найдена была въ 1866 г. въ Старо-Ладожской крѣп. при копаньи могилы [1]).

Кромѣ перечисленныхъ изданій и статей, свѣдѣнія о курганахъ, могильникахъ и городищахъ Петербургской губ. находятся: въ матеріалахъ, собранныхъ въ 1873 г. для Центральнаго Статистическаго Комитета [2]), въ матеріалахъ, собранныхъ для описанія епархіи [3]), въ статьяхъ г. Штейна [4]), Г. Д. [5]), Ивановскаго [6]), Кирѣева [7]), Траубенберга [8]), Быстрова [9]) и анонимныхъ авторовъ [10]).

X. Тверская губ.

Сѣверная и сѣверо-западная половина Тверской губ. занимаетъ часть обширной Алаунской плоской возвышенности и, вмѣстѣ съ сосѣдними Валдайскимъ, Боровичскимъ и юго-восточною частью Холмскаго и Торопецкаго у., представляетъ собою холмистую озерную область, еще донынѣ изобилующую лѣсами. Эта область издавна принадлежала новгородцамъ, имѣвшимъ здѣсь 3 главныя поселенія: Волочекъ, Торжокъ и Бѣжецкъ съ волостями. Къ верховьямъ Волги подходили смоленскіе кривичи, имѣвшіе здѣсь г. Ржевъ. Остальная, юго-западная и западная часть губерніи принадлежитъ непосредственно бассейну р. Волги. Уже въ XII в. здѣсь существовали суздальскіе города Тверь и Кашинъ.

Многочисленные остатки поселеній или стоянокъ каменнаго вѣка найдены были въ 1874 г. И. С. Поляковымъ по берегамъ оз. Селигера, Сига, Стержа, Овселука и др., въ Осташковскомъ у. Чаще всего слѣды такихъ стоянокъ обнаруживались около мысовъ и по заливамъ. Раз-

---

[1]) Изв. Имп. Рус. Арх. Общ., т. VII, стр. 215.

[2]) Свѣдѣнія о городищахъ и курганахъ С.-Петербургской губ. Памятн. кн. С.-Петерб. губ. на 1874 г. и тоже въ книгѣ г. Горожанскаго.

[3]) Историко-статистич. свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи. 10 вып. 1869—1885 гг.

[4]) Stein, Ueber Gräber im Gdow'schen Kreise.—Sitzungsber. Учен. Эст. Общ., 1886, 56—57.

[5]) Г. Д., Курганы близъ с. Осьмина. Сѣв. Пчела, 1842, 86.

[6]) Ивановскій, Замѣтка о Курскомъ городищѣ, Труды II-го Археол. Съѣзда, т. II, 83.

[7]) Кирѣевъ, Курганы въ Ораніенб. и Новолад. у. Ж. М. Н. П., 1838 г., ч. 28, № 4, стр. 6—7 и С.-Пет. Губ. Вѣд., 1838 г., 5 (?).

[8]) Траубенбергъ, Списокъ сопкамъ и земляным насыпямъ въ Ямб. у. Спб. Губ. Вѣд., 1863 г., 22.

[9]) Быстровъ, Остатки старины близъ Передольскаго пог. Лужск. у. Изв. Имп. Рус. Арх. Общ., т. IX, 381—410 (рис.).

[10]) Шведскія могилы въ Ямбургск. у. Ж. М. В. Д., 1838 г., ч. 28, № 4.—Остатки историч. древностей, сохранившихся въ Петерб. губ. С.-Петерб. Вѣд., 1844, 7 и 8.—О кладѣ близъ Ямбурга. Москвитянинъ, 1851 г., ч. XXI, 24. — Bullet. Scient., t. VII, 20; t. VIII, 321 и 331 (находки монетъ).

личныя орудія каменнаго вѣка въ видѣ ножей, скребковъ, клиньевъ, наконечниковъ стрѣлъ и копій и разнообразные осколки, а также черепки глиняной посуды находимы были по берегамъ озеръ, на прибрежныхъ холмахъ, въ береговой галькѣ, всегда въ растительномъ слоѣ, песку или щебнѣ, и никогда въ торфѣ. Орудія принадлежатъ къ неолетическому періоду и, повидимому, современны поселеніямъ каменнаго вѣка Олонецкой губ., долины р. Оки и Средней Волги. На берегу оз. Сига найдены интересные валы изъ валуновъ, въ образованіи которыхъ, быть можетъ, принималъ нѣкоторое участіе и человѣкъ. Въ такихъ валахъ между камнями и въ разсѣлинахъ валуновъ встрѣчаются кремневые осколки и черепки, вблизи же нихъ такіе осколки и черепки попадаются во множествѣ. На берегу оз. Глубокаго находятся 2 городка, устройство которыхъ относится, быть можетъ, также къ отдаленной порѣ. Одинъ изъ нихъ представляетъ ровную площадку на вершинѣ холма, скаты котораго, повидимому, обработаны искусственно. На площадкѣ находятъ грубые черепки и оббитые камни. У подошвы городка расположена огромная куча камней. Площадка другого холма, имѣющая въ діаметрѣ до 25 шаговъ, вся выложена валунами. Подобные искусственно обдѣланные холмы находятся еще на оз. Стермянкѣ противъ д. Концы. Кучи валуновъ видны еще на оз. Сигъ около усадьбы г-жи Уткиной. На берегу оз. Глубокаго г. Поляковъ видѣлъ линію изъ валуновъ, вдоль которой онъ нашелъ много кремневыхъ осколковъ, а вблизи было найдено крестьянами много кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ [1]). Въ другихъ мѣстностяхъ губерніи находки каменнаго вѣка извѣстны пока въ незначительномъ количествѣ: каменные молота изъ г. Красный Холмъ и г. Торжка, долото изъ Старицкаго у., кремневыя подѣлки изъ с. Пекунова и нѣкот. друг. [2]). Близъ д. Борокъ, Бѣжецкаго у., каменный молотокъ найденъ былъ въ одномъ мѣстѣ съ костякомъ [3]). Близъ с. Пекунова, Корчевского у., находится интересное городище, состоящее изъ небольшой площадки, возвышающейся надъ тремя валами, которые ее окружаютъ [4]). Обращаемъ вниманіе на это городище въ виду его оригинальной формы и въ виду того, что на немъ

---

[1]) Поляковъ, Изслѣдованія по каменному вѣку въ Олонецкой губ., въ долинѣ Оки и на верховьяхъ Волги.—Зап. Этногр. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ., т. IX, стр. 125—136.—О докладѣ г. Полякова въ С.-Пет. Вѣд., 1875, 115.

[2]) Жизневскій, Описаніе Тверского музея, стр. 9—14.—Его же, Находки каменнаго вѣка въ 1885 г. Древности, т. XI, в. 3, стр. 80—82.—Гр. Уваровъ, Каменный вѣкъ, т. II, стр. 20—21 и 127—128 (рис.).

[3]) Антропологич. выст., т. II, 88.

[4]) Описаніе Тверского музея, стр. 11.

были находимы предметы каменнаго вѣка. Совершенно такое же городище и съ такими же находками нами встрѣчено на Окѣ. Въ Твери на берегу Волги найдены были костяные наконечники стрѣлъ, шилья, иглы, острога, рукоять ножа, относящіяся, быть можетъ, также къ отдаленному времени.

Могильники или курганы до IX—X в. въ Тверской губ. пока неизвѣстны. Не знаемъ, откуда происходитъ прекрасная большая фибула VII—VIII в. окскаго типа, хранящаяся въ Тверскомъ музеѣ.

Древнѣйшими курганами края пока приходится признавать высокія сопки новгородскаго типа, извѣстныя въ Осташковскомъ, Вышневолоцкомъ у. и въ сѣверныхъ частяхъ губерніи. Въ 1878 г. одинъ подобный курганъ былъ раскопанъ г. Уткинымъ близъ пог. Сигъ въ Осташковскомъ у.; въ сопкѣ ничего не было найдено [1]). Въ 1844 г. нѣсколько сопокъ раскопано было г. Ушаковымъ близъ д. Абакумовой, Вышневолоцкаго у., на границѣ съ Весьегонскимъ. Одна изъ нихъ (№ 16) имѣла въ вышину 3 саж. Сожженныя кости человѣка найдены въ грунтовой ямѣ; на поверхности материка находились 4 камня, поставленные въ видѣ небольшого четыреугольника. Въ насыпи заключались и болѣе позднія погребенія: 3 дѣтскія на глубинѣ 2-хъ арш. отъ вершины и еще глубже на 2 арш.—три костяка взрослыхъ. На самой вершинѣ находился камень [2]). Въ 1883 г. близъ той же деревни 3 высокія сопки (2 по 6 саж. и 1 въ 8 саж. высоты) раскопалъ г. Воронцовъ, но кромѣ скелетовъ, лежавшихъ въ верхней части насыпей (головою на С. и на Ю.), ничего въ нихъ не было найдено. Въ трехъ другихъ курганахъ найдены были также лишь сгнившія кости [3]). Въ курганѣ, находящемся близъ сосѣдней дер. Дворищи и имѣющемъ до 4-хъ саж. вышины, при выемкѣ песку изъ боку обнаружено было много человѣческихъ костей, среди которыхъ были найдены остатки одежды и мѣдная поясная бляшка сердцевидной формы [4]). Въ извѣстной курганной группѣ близъ пог. Бѣжецы, Бѣжецкаго у., сопки раскапывались неоднократно. Три изъ нихъ раскопаны были еще Ходаковскимъ. Въ первой и второй сопкахъ попадалась зола, перегорѣвшія кости человѣка и угли, въ третьей открылось кострище изъ дубовыхъ углей, на которомъ помѣщались остатки сожженнаго трупа, лежавшаго въ направленіи съ В. на З.; сбоку стоялъ

---

[1]) Антрополог. выставка, т. III, 84.
[2]) Ушаковъ, Дневникъ разрыванія кургановъ. С.-Петерб. Вѣд., 1845, 64.
[3]) Извѣст. Моск. Общ. Люб. Ест., т. XLIX, в. 5, стр. 501—503.
[4]) Тамъ же, т. XLIX, в. 3, стр. 6.

горшечекъ, снизу шелъ слой краснаго пережженнаго песку [1]). Въ большомъ курганѣ, раскопанномъ въ 1880 г. въ этой же группѣ слушателями Археологическаго Института, найдены были 12 костяковъ и около нихъ множество украшеній: колецъ, браслетовъ, цѣпочекъ, бусъ, пряжка и глиняные сосуды [2]). По словамъ Ѳ. Н. Глинки, сопки, находящіяся въ Бѣжецкомъ у., близъ р. Медвѣдицы, въ основаніи иногда обложены въ 2—3 ряда разноцвѣтными каменными плитами, сплоченными притескою и клиньями. Въ одной изъ сопокъ найдено было много угля, а вблизи камень съ извѣстною надписью въ родѣ „Степанъ“ и изображеніемъ лабиринта. Подлѣ кургановъ находятся какіе-то колодцы или ямы, изъ которыхъ одна при раскопкѣ оказалась обложенной аршина на 2 камнемъ; въ ней дна не оказалось даже на глубинѣ 7 арш. [3]). Въ сопкѣ, расположенной въ с. Боженкахъ, Кашинскаго у., на р. Сити и имѣвшей до 5 саж. вышины, раскопанной въ 1880 г. Воронцовымъ найдены были почти на самой вершинѣ дубовые угли и 2 скелета [4]). Изъ приведенныхъ свѣдѣній, повидимому, можно заключить, что тверскія сопки ближайшія аналогіи имѣютъ въ сопкахъ, раскопанныхъ по р. Ловати. Врядъ-ли находимые въ нихъ многочисленные костяки можно относить къ позднѣйшему времени; любопытно положеніе ихъ головою на С. или на Ю.

Къ X—XII в. должны быть отнесены многочисленные курганы, раскопанные разными лицами въ тѣхъ же мѣстностяхъ и представляющія собою позднѣйшія видоизмѣненія сопокъ. Курганы эти уже значительно меньшей величины, хотя въ большинствѣ случаевъ еще сохраняютъ каменную обкладку основанія. Въ болѣе старыхъ изъ нихъ сохраняется обрядъ трупосожженія, а послѣ устанавливается погребеніе не сожженныхъ труповъ, головою на С. или на З. Встрѣчается погребеніе въ сидячемъ положеніи. Въ 1882 г. 6 такихъ кургановъ, имѣвшихъ въ вышину 2 и 3 арш., раскопаны были близъ д. Залучье на берегу оз. Селигера г. Воронцовымъ. Изъ нихъ 2 были обложены въ основаніи камнями. Подъ насыпями на материкѣ лежали костяки, головою на З. и

---

[1]) Ходаковскій, Донесеніе объ успѣхахъ и пр. Рус. Истор. Сборн., т. VII, стр. 373—374. Третій курганъ, вѣроятно, не сопка.

[2]) Калачовъ, Отчетъ объ осмотрѣ и пр. Сборн. Археолог. Инст., кн. V, стр. 8.

[3]) Глинка, О древностяхъ въ Тверской Карелiи. Ж. М. В. Д., 1836 г., ч. 19, № 3, стр. 633—652.—Его же, Къ древнимъ курганамъ и насыпямъ Тверской Карелiи. Москвитянинъ, 1850 г., ч. 2, № 8, кн. 2, стр. 291—294.—Его же, Мои замѣтки о признакахъ древняго быта и камняхъ, найденныхъ въ Тверской Карелiи. Рус. Историч. Сборн., т. I, стр. 3—29.

[4]) Извѣст. Моск. Общ. Люб. Ест., т. XLIX, в. 3, стр. 6 (въ статьѣ г. Жизневскаго).

на С., а выше ихъ находились угли. Одинъ костякъ лежалъ въ половинѣ насыпи. Изъ вещей найдены: наконечникъ желѣзнаго копья, точилка, черепки и овальной формы пряжка [1]). Въ томъ же Осташковскомъ у. въ 1878 г. были раскопаны 2 кургана близъ д. Извозъ по Торопецкой дорогѣ г. Воробьевымъ. Насыпи имѣли въ вышину $3^1/_3$ и 3 арш., въ основаніи были обнесены рвами. Въ курганахъ ничего не было найдено [2]). Въ 1889 г. 6 или 7 кургановъ раскопаны были по берегу оз. Ивановскаго въ Вышне-Волоцкомъ у. г. Мышенкинымъ, причемъ были найдены 2 согнутые прутка въ видѣ браслетовъ и пряжки [3]). По р. Волчинѣ того же уѣзда въ 1843 г. были произведены раскопки кургановъ г. Ушаковымъ. Изъ вещей въ нихъ были найдены: височныя кольца, мѣдный головной вѣнчикъ, серебряная шейная гривна, бусы металлическія, сердоликовыя, хрустальныя, стекляныя, лунница, 6 арабскихъ монетъ X в., пряжка, пластинчатый браслетъ. Высота кургановъ отъ 5 до 10 арш. [4]). Въ слѣдующихъ годахъ тѣмъ же лицомъ произведены были раскопки близъ д. Абакумова у Иловскаго оз., того же уѣзда. Насыпи имѣютъ въ вышину отъ 3-хъ до 12 арш. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ найдено по нѣскольку скелетовъ (обыкновенно по 2 или по 3, въ одномъ 6 костяковъ въ 2-хъ ярусахъ, по 3 въ каждомъ), лежавшихъ головою всегда на С.; въ такихъ курганахъ находки незначительны, именно только у одного костяка найдена пара какихъ-то височныхъ колецъ. Одинъ изъ раскопанныхъ близъ Абрамовки кургановъ можетъ быть отнесенъ къ числу сопокъ [5]). Въ 1843 г. Ушаковъ раскопалъ 5 кургановъ близъ с. Сорогожскаго, Весьегонскаго у. Въ каждомъ изъ нихъ находилось по костяку, въ сидячемъ положеніи, ногами на В. При скелетахъ найдены: височныя кольца (иногда по 3), серьги, витая шейная гривна съ перевитью и пластинчатыми концами, бусы сердоликовыя, хрустальныя, глиняныя и стекляныя, пронизки, бубенчики, подвѣски, лунница, бляшка, 10 арабскихъ монетъ X в., пряжка, проволочное витье, браслеты, перстень съ завязанными концами [6]). Въ 1844 г. тѣмъ же

---

[1]) Въ ст. Жизневскаго. Изв. Моск. Общ. Люб. Ест., т. XLIX, в. 3, стр. 199—201 Характеръ кургановъ не ясенъ.

[2]) Антропол. выст., т. III, 84. Принадлежность кургановъ къ типу новгородскихъ сомнительна.

[3]) Зап. Имп. Рус. Арх. Общ., т. IV, в. 2 (нов. сер.), стр. 156.

[4]) Ушаковъ, О курганахъ Тверск. губ. Отеч. Зап., 1843 г., т. XXXI, стр. 82.— Савельевъ, Мухаммед. нумизматика, стр. 114.

[5]) Ушаковъ, Дневникъ разрыванія кургановъ. С.-Петерб. Вѣд., 1845, 64.

[6]) Ушаковъ, Древнія медали и друг. вещи, найденныя въ курганахъ Тверской губ. Отеч. Зап., 1843 г., ч. XXX, № 9, стр. 10.- Савельевъ, Мухаммед. нумизм., стр. 112—114.

лицомъ были произведены раскопки кургановъ по р. Сорогожкѣ между с. Масловымъ и с. Бустрыгинымъ. Въ трехъ изъ раскопанныхъ кургановъ оказалось трупосожженіе и въ трехъ—погребеніе. Жженыя кости находились на материкѣ, вмѣстѣ съ углями, или же въ сосудѣ, также на материкѣ; въ одномъ изъ кургановъ на вершинѣ находился камень, ниже на $^1/_2$ арш.—4 камня, еще ниже на $^1/_2$ арш.—3 камня и еще ниже—2 камня. Въ этомъ курганѣ подъ костями (вѣроятно, сожженными на мѣстѣ), находился слой бѣлаго песку. Камни были и въ другомъ курганѣ, заключавшемъ трупосожженіе; изъ вещей при сожженныхъ костяхъ найдены только желѣзная пряжка и ножъ. Въ остальныхъ 3-хъ курганахъ костяки погребены также на материкѣ, головою на З.; при нихъ найдены: височныя кольца, стекляныя бусы, ножи, серебряная пряжка, топоръ, какая-то коробочка съ ручкою, горшокъ [1]). Близъ д. Городище (приходъ с. Лукина), Весьегонскаго у., въ 1878 г. было раскопано 5 кургановъ г. Карауловымъ. Во всей группѣ до 90 насыпей. Наибольшія изъ нихъ имѣютъ 2 — 3 саж., наименьшія — 2 и $2^1/_2$ арш. Нѣкоторыя въ основаніи обложены въ нѣсколько рядовъ камнями. 4 изъ раскопанныхъ кургановъ оказались „пустыми“, въ пятомъ— на глубинѣ $^3/_4$ арш. найдены пережженыя вещи: 4 ножа, овальная желѣзная пряжка, желѣзное кольцо, 2 височныя кольца (по 1 верш. въ діаметрѣ, на каждое напущено по мѣдному спиральному кольцу), спиральная трубочка, 2 бусы, 2 пластинки [2]). Въ большой курганной группѣ близъ пог. Бѣжечи, недалеко отъ г. Бѣжецка, раскопки производимы были неоднократно. Онѣ были начаты, какъ указано выше, еще Ходаковскимъ. Въ 1872 г. здѣсь 10 кургановъ раскопаны были Европеусомъ и 6 г. Аспелиномъ. Въ 4-хъ насыпяхъ изъ числа раскопанныхъ Европеусомъ, оказались трупосожженія; въ остальныхъ лежали несожженные костяки, головою на З. Въ погребеніяхъ были найдены: бубенчики, пряжки, цѣпочка, серьги съ филигранными бусами, малыя и средней величины височныя кости, стекляныя и филигранныя серебряныя бусы, германская монета первой половины XI в., ножи, горшки. Въ отдѣльномъ курганѣ при сожженныхъ костяхъ коня найдены отличныя мѣдныя наборныя бляшки, украшенныя скандинавскимъ узоромъ. Изъ найденныхъ въ курганахъ череповъ 4 оказались длинноголовыми [3]). Въ каждомъ изъ кургановъ, раскопанныхъ г. Аспелиномъ,

---

[1]) Ушаковъ, Дневникъ разрытія и пр. С.-Пет. Вѣд., 1844, 262, 263, 286.

[2]) Отчетъ о раскопкахъ въ Антропол. выст., т. II, 394—395.

[3]) Европеусъ, О курганныхъ раскопкахъ около пог. Бѣжецка. Ж. М. Н. П., 1872, XII, стр. 376—387.—Въ архивѣ Импер. Археолог. Комм. дѣло 1868 г., № 29.

оказалось по 2—5 костяковъ, лежавшихъ головами на З. При нихъ были найдены: серьги съ тремя напущенными на нихъ бусами, такія же серьги съ тремя узлами, обрывки крупной цѣпочки, пряжки съ спиральными концами, обрывки матеріи. Вещи эти могутъ быть отнесены уже къ XI в. и даже къ нѣсколько болѣе позднему времени. Быть можетъ, открытыя г. Аспелиномъ погребенія не принадлежали къ основнымъ, болѣе древнимъ [1]). Въ 8 малыхъ курганахъ, раскопанныхъ близъ Бѣжечей слушателями Археологич. Института въ 1880 г., найдены: браслетъ, кольца, цѣпочки, ножи, бубенчики, глиняные сосуды. Въ одномъ изъ кургановъ оказалось трупосожженіе [2]). Въ двухъ курганахъ, раскопанныхъ въ 1880 г. близъ пог. Михайловскаго (Прудово) г. Гроздовымъ, оказались костяки, лежавшіе головою на З. Надъ однимъ изъ нихъ лежали угли, а у ногъ другого находился сосудъ. Одинъ курганъ былъ весь выложенъ камнями, а у другого валуны размѣщены были въ основаніи [3]). Здѣсь же и тѣмъ же лицомъ въ 1878 г. раскопано было 11 кургановъ. Насыпи имѣютъ въ вышину не болѣе $1^3/_4$ — $1^1/_2$ арш. и большею частью въ основаніи обложены крупными валунами. Костяки лежатъ въ грунтовыхъ ямахъ, головою на З. (одинъ головою на В.); въ насыпи встрѣчаются угли, зола и иногда горѣлая земля. Изъ вещей найдены лишь 2 серьги и браслетъ [4]). Судя по этому описанію, Михайловскіе курганы представляютъ переходный типъ отъ кургановъ къ жальничнымъ погребеніямъ. Послѣднія, какъ мы увидимъ ниже, въ Михайловской группѣ встрѣчаются уже и въ чистомъ видѣ. Нѣсколько, быть можетъ, подобныхъ же кургановъ раскопано было въ 1883 г. близъ д. Васильково на р. Медвѣдицѣ [5]).

Въ Ржевскомъ и Зубцовскомъ у. были раскопаны курганы кривичскаго типа. Близъ г. Ржева въ 1878 г. было раскопано 30 такихъ кургановъ (въ трехъ группахъ) г. Щегловымъ. Высота насыпей отъ 1 до 5 арш. Костяки лежатъ на поверхности материка, головою на З.; нѣкоторые изъ нихъ, или даже многіе, погребены въ сидячемъ положеніи, вслѣдствіе чего на верху кургановъ почти всегда имѣется впа-

---

[1]) Аспелинъ, Курганы Бѣжецкаго прихода въ Suomen Финл. Археол. Общ., т. I, 9—32 (рис.).—Его же, Suomalais-ugrilaisen muinaistutkinnon alkeita. Hels., 1875, стр. 302 и сл.—Вещи изъ Бѣжечей находятся въ Гельсингфорскомъ музеѣ.—См. также изложеніе труда г. Аспелина въ Вѣстн. Древне-русск. Искусства, стр. 96.

[2]) Калачовъ, Объ осмотрѣ памятниковъ древностей и пр. Сборн. Археол. Инст., вып. V, стр. 8.

[3]) Въ статьѣ Жизневскаго. Извѣст. Моск. Общ. Люб. Ест., т. XLIX, в. 3, 195—197.

[4]) Антропол. выставка, т. III, 81—82.

[5]) Жизневскій, Археологическая карта, стр. 700.

дина. Въ насыпи примѣтны концентрическія темныя прослойки съ золой и угольками. Въ одной изъ группъ костяки находились выше поверхности материка, иногда даже на значительной высотѣ. Въ одномъ курганѣ оказалось трупосожженіе. Находки: шейныя гривны, бусы, бубенчики, перстни, браслеты, цѣпочка, ножи [1]). Въ 1896 г. въ одномъ изъ двухъ кургановъ, раскопанныхъ близъ с. Горокъ, найденъ въ сидячемъ положеніи костякъ, при которомъ оказались 2 большія височныя кольца, разнообразныя бусы, бубенчики, 2 византійскія серебряныя монеты X в. и германская XI в.; въ ногахъ скелета находился горшокъ [2]). Еще въ Ржевскомъ у. курганы въ небольшомъ количествѣ были раскапываемы въ с. Ивановскомъ (въ 1877 г. кн. Дундуковымъ-Корсаковымъ), причемъ были найдены различныя вещи [3]). Въ Зубцовскомъ у. небольшія раскопки кургановъ произведены были близъ д. Бабково, сц. Титовки и еще гдѣ-то. Судя по перечню сдѣланныхъ при этомъ находокъ, курганы эти слѣдуетъ отнести къ типу кривичскихъ [4]). Въ 3-хъ в. отъ Зубцова, противъ д. Городище, въ 1870-хъ гг. были раскапываемы курганы на землѣ г. Кудрявцева. Насыпи, кажется, были въ основаніи обложены камнями. Найденныя вещи принадлежатъ къ характернымъ смоленскимъ типамъ.

Собственно тверскіе курганы, распространенные въ Старицкомъ, Тверскомъ и Корчевскомъ у., имѣютъ особый типъ, довольно легко отличимый отъ кургановъ новгородскаго, а также и отъ кургановъ смоленскаго типа. Это насыпи отъ 2-хъ до 3-хъ, а нерѣдко и отъ 3-хъ до 6 арш. высотою, почти всегда окаймленныя въ основаніи рвомъ и заключающія на поверхности материка костякъ, положенный головою на З.; въ насыпи на разной высотѣ, но всегда ближе къ верху, въ небольшомъ количествѣ угли, въ 2—3 прослойки. Въ 1879 г. 7 такихъ кургановъ раскопаны были г. Бастамовымъ близъ д. Клеопина, Старицкаго у. Подъ однимъ костякомъ примѣчена была горѣлая земля, вокругъ другого замѣтны были слѣды гробовища. Находки: височныя кольца, кожаный головной вѣнчикъ съ бляшками, серьги, подвѣски, перстни, браслеты [5]).

---

[1]) Отчетъ о раскопкѣ въ Антропол. выст., т. II, 245. — Описаніе Тверского музея, стр. 14—18 (раскопка г. Щеглова близъ слц. Петровскаго, недалеко отъ Ржева, произведенная въ 1875 г.).

[2]) Въ архивѣ Импер. Археологич. Коммиссіи дѣло 1896 г., № 33.

[3]) Жизневскій, Археологическая карта, стр. 670.—Описаніе Тверского музея, стр. 19—21.

[4]) Тамъ же, стр. 672 и Антропол. выст., т. II, стр. 204.

[5]) Отчетъ о раскопкѣ въ Антропол. выст., т. III, 381—382 и въ Извѣст. Моск. Общ. Люб. Ест., т. XLIX, в. 3, 54—56.

Тѣмъ же лицомъ 14 кургановъ раскопано было также близъ г. Старицы въ 1882 г., близъ д. Рожественской. У нѣкоторыхъ костяковъ были замѣчены слѣды деревянныхъ колодъ, нѣкоторые были обернуты въ бересту. Надъ однимъ изъ костяковъ было сооружено что-то вродѣ свода изъ обожженной глины. Находки: височныя кольца, перстни (между прочимъ, два съ изображеніемъ на широкой наставкѣ хищной птицы), горшки. Курганы могутъ быть отнесены ко времени не раньше XI в. [1]). Въ 1879 г. 2 кургана того же типа раскопаны были близъ с. Избрижь, Тверского у., г. Щербаковымъ. Находки были интересны: височныя кольца (по 3 на той и другой сторонѣ черепа), узорчатыя подвѣски къ ожерелью, золоченыя бусы, подвѣски въ видѣ ложки и собачки, бубенчики, огниво, ножъ, горшокъ въ ногахъ [2]). Позднѣе тамъ же раскопано было 9 кургановъ В. И. Сизовымъ. По его замѣчанію, костяки были погребены въ слоѣ золы и сажи съ примѣсью угля. Находки также многочисленны: разной величины височныя кольца, серьги съ дутыми бусинами, позолоченыя и сердоликовыя бусы, саманидскіе диргемы и германскія монеты XI в., мѣдный крестъ-складень съ гравированнымъ Распятіемъ на одной сторонѣ и съ остатками черневой инкрустаціи на другой, поясныя ярочныя пряжки, ножныя кольца, перстни съ витою переднею частью и пластинчатые, бубенчики, ножи, горшки [3]). Въ 1885 г. 5 кургановъ г. Щербаковымъ, а въ 1890 г. 2 В. А. Плетневымъ раскопаны были близъ д. Дуденево, въ 2-хъ в. отъ с. Отмичъ, Тверск. у. Насыпи имѣютъ въ вышину 2 — 3 арш. Кромѣ отдѣльныхъ углей, г. Плетневъ наблюдалъ въ раскопанныхъ имъ курганахъ небольшія прослойки песку темнаго цвѣта. У головы всѣхъ костяковъ стояло по глиняному сосуду. Изъ вещей найдены: мѣдная сложно-витая гривна, разнообразныя бусы, 4 серебряныя имитаціи монетъ, бубенчики, височныя кольца (по 3 кольца на обѣихъ сторонахъ черепа, причемъ замѣчено, что они переплетались съ волосами), мѣдная пряжка съ желѣзнымъ язычкомъ, проволочный браслетъ съ заходящими другъ на друга концами, пластинчатый браслетъ съ расширенными концами [4]). Въ 1881 г. Щербаковымъ раскопано было 3 кургана близъ д. Новосельцы и столько же близъ д. Игрищи. Курганы были вышиною менѣе 1 саж. Курганы близъ д. Игрищи были богаче. Въ нихъ найдены:

---

[1]) Отчетъ о раскопкахъ въ Извѣст. Моск. Общ. Люб. Ест., т. XLIX, в. 3, стр. 54—56, 165—169, 190—191.

[2]) Отчетъ о раскопкахъ тамъ же, т. XLIX, в. 5, стр. 500—501.

[3]) Указатель Историческаго музея, стр. 191—194.

[4]) Въ архивѣ Императ. Археолог. Коммиссіи дѣло 1890 г., № 36.

большія и малыя височныя кольца, золоченыя бусы, бубенчики, горшки (одинъ съ клеймомъ на днѣ) [1]). Курганы, раскопанные въ 1879 г. близъ д. Тухино, Тверского у., Щербаковымъ, отличаются нѣсколько своеобразнымъ характеромъ, именно здѣсь погребенія совершаются иногда въ неглубокихъ грунтовыхъ ямахъ и нѣкоторыя курганныя насыпи окружены въ основаніи валунами. Повидимому, это уже болѣе поздніе курганы. Находки въ нихъ рѣдки (височныя кольца, серьга съ тремя шариками, ручныя колечки и перстни, раковинки, черепки сосудовъ) [2]). Въ 1840-хъ гг. нѣсколько кургановъ было раскопано близъ слц. Никольскаго по Волоколамской дорогѣ, причемъ въ нихъ найдено было оружіе и посуда. Въ одномъ изъ кургановъ костякъ лежалъ подъ сводомъ, выложеннымъ изъ нѣсколькихъ рядовъ большихъ и малыхъ нетесаныхъ камней. Черепъ скелета имѣлъ узкую и удлиненную форму. Надъ костями находился уголь. Погребеніе было расположено на глубинѣ 2-хъ саж. [3]). Два интересные кургана особаго типа раскопаны были въ 1890 г. близъ с. Каменки, Тверского у., г. Колосовымъ. Оба кургана обложены въ основаніи валунами, и довольно много камней лежитъ на поверхности насыпей. Въ первомъ курганѣ, имѣющемъ въ вышину около 5 арш., костякъ лежалъ на материкѣ, на особомъ ложѣ, вымощенномъ изъ мелкаго булыжника, головою на СЗ. У головы и ногъ сооружены стѣнки, на которыя опирается деревянный накатъ; около половины насыпи находится довольно плотная булыжная кладка, представляющая что-то вродѣ свода. Въ насыпи часто попадаются угли. Вершина другого кургана, меньшей вышины (около 2-хъ арш.), оказалась вымощенною мелкими булыжниками; въ насыпи попадалось много углей. Костяка не найдено [4]).

Въ Корчевскомъ у. раскопки кургановъ описываемаго типа были также довольно многочисленны. До 40 кургановъ раскопано было въ 1878 г. близъ д. Заборье. Обыкновенная высота насыпей лишь до $1^1/_2$ арш., и только иногда онѣ доходятъ до $3^1/_2$ арш. вышины; нѣкоторые курганы (большей величины) обнесены рвомъ. Погребенія въ большинствѣ случаевъ (особенно подъ малыми насыпями) совершаются въ неглубокихъ грунтовыхъ ямахъ; при костяхъ попадаются угли. Находки немногочисленны: желѣзныя кольца и пряжки, большія и изрѣдка маленькія височныя кольца, серьги съ тремя бусами, позолоченыя и иныя

---

[1]) Отчетъ о раскопкахъ въ Изв. Моск. Общ. Люб. Ест., т. XLIX, в. 3, 198—199.
[2]) Отчетъ о раскопкахъ въ Антропол. выст., т. III, 81—84, 377.
[3]) Древности Тверской губ. Сѣв. Пчела. 1845, 46 (изъ Тверск. Вѣдом.).
[4]) Въ архивѣ Императ. Археологич. Коммиссіи дѣло 1890 г., № 36.

бусы, бубенчики, арочныя пряжки, поясныя кольца, перстни, ножи, обломки германской монеты, повидимому, XI в., черепки. Височныя кольца были, кажется, у всѣхъ погребенныхъ женщинъ, молодыхъ и старыхъ [1]). Тамъ же 6 кургановъ въ 1884 г. раскопаны были г. Чагинымъ [2]). Тогда же и тѣмъ же лицомъ 6 кургановъ раскопано было близъ д. Глинники, причемъ были найдены интересныя вещи и арабская монета X в. [3]). Въ 1883 г. раскопанъ былъ г. Лодыженскимъ курганъ въ с. Никольскомъ, причемъ костякъ оказался въ сидячемъ положеніи, а съ боку его, какъ въ петербургскихъ курганахъ, находилась кучка булыжныхъ камней. Сверху костяка находился слой обожженной земли, золы и угля [4]). Въ 1877 г. раскопаны были г. Мамонтовымъ 3 кургана близъ слц. Пекунова, при чемъ были найдены бусы, пряжки, кольца и другія вещи [5]). Въ 1879 г. 17 кургановъ раскопалъ близъ д. Воробьевой г. Чагинъ. У основанія нѣкоторыхъ насыпей находились рвы. Многіе курганы въ основаніи, до половины или во всю вышину выложены камнями. При костякахъ найдены: большое височное кольцо съ ромбическими щитками, нѣсколько височныхъ колецъ малаго размѣра, серьги съ напущенными на нихъ шариками, янтарныя и иныя бусы, витые и пластинчатые браслеты, витые и другой формы перстни, глиняные горшки, обрывки шелковой ткани и пр. Вокругъ головы одного костяка шли равномѣрно размѣщенныя кольца, имѣющія 2—4 сант. въ діаметрѣ [6]). Въ Кашинскомъ у. 1 курганъ былъ въ 1885 г. разрытъ г. Кункинымъ [7]). Описаннаго типа курганы по обрядамъ погребенія и предметамъ явно примыкаютъ къ смоленскимъ (кривичскимъ) и очевидно изъ нихъ происходятъ. Проф. Богдановъ черепа изъ тверскихъ кургановъ призналъ длинноголовыми [8]).

Недалеко отъ устья р. Медвѣдицы (близъ с. Посады и д. Хрипелово) случайно были раскопаны курганы съ вещами иного типа, именно съ характерными предметами владиміро-суздальскихъ кургановъ: ви-

---

[1]) Отчетъ о раскопкахъ въ Антропол. выст., т. II, 347 и сл. — Указатель Историч. Музея, стр. 204—208.

[2]) Тверской музей и его пріобрѣтенія въ 1884 г.

[3]) Тамъ же и карта г. Жизневскаго, стр. 680.

[4]) Карта А. К. Жизневскаго, стр. 682. — Кажется, это жальничное погребеніе. См. Изв. Моск. Общ. Люб. Ест., т. XLIX, в. 5, стр. 503.

[5]) Описаніе Тверского музея, стр. 18—19. Кажется, это уже вещи «мерянскаго» типа.

[6]) Отчетъ о раскопкахъ въ Антропол. выст., т. III, 378—381.—Указатель Историч. музея, стр. 194—195.

[7]) Карта А. К. Жизневскаго, стр. 684.

[8]) Богдановъ, Доисторическіе тверитяне по раскопкамъ кургановъ. Антропол. выставка, т. III, стр. 382—392.

тыми коньками и большими височными кольцами съ треугольными подвѣсками. Изъ другихъ предметовъ въ этихъ курганахъ найдены: бусы, кресты, бляшки съ изображеніемъ звѣря, брактеаты, монеты X и XI в. (арабскія и германскія), лунницы, серьги съ напущенными на нихъ бусами, перстни ажурные съ подвѣсками, пластинчатые со спиралями, браслеты пластинчатые и плетеные, мѣдныя пряжки, вѣсы и вѣсовыя гирьки, топоры, наконечники копій и пр. Въ Хрипеловскихъ курганахъ, едва ли не болѣе позднихъ, между прочимъ найдены: головной серебряный вѣнчикъ, височныя кольца съ расширеніями, витые браслеты съ петлями на концахъ, пластинчатые браслеты съ съуженными концами, серебряная проволочная гривна и пр. [1]). Пекуновскіе курганы, повидимому, должны быть отнесены къ этому же типу.

Въ примыкающей къ Мологѣ части Весьегонскаго у., гдѣ мы могли бы, повидимому, надѣяться найти древности веси, раскопокъ произведено было до сихъ поръ весьма мало. Близъ д. Залужье произвелъ небольшія раскопки въ двухъ курганныхъ группахъ г. Европеусъ, при чемъ были найдены сожженные и не сожженные костяки. Находки были слѣдующія: скандинавскій мечъ, наконечники копій и стрѣлъ, топоры, ножи, сбруя, застежки, бубенчики, скандинавскія круглыя и овальныя фибулы (съ длинною цѣпочкою), пряжки, бусы, подвѣски тамбовскаго типа, 2 серебряные браслета и монета X в. Нѣсколько кургановъ тѣмъ же лицомъ было раскопано близъ слц. Стар. Смыково, въ которыхъ, между прочимъ, была найдена монета XI в. [2]). Въ Новгородскомъ музеѣ, вмѣстѣ съ сожженными костями, сохраняется тонкій выпуклый браслетъ, украшенный городчатымъ орнаментомъ, откуда-то изъ Весьегонскаго у. Въ одномъ распаханномъ курганѣ близъ д. Добрый Боръ (на р. Мологѣ) найдена была привѣска въ видѣ уточки, съ шумящими подвѣсками [3]). Въ курганахъ, раскопанныхъ въ 1892 г. въ пуст. Кидемль близъ д. Новой, Бѣжецкаго у., найдены были отличныя серебряныя бусы съ зернью, серьги, серебряныя пряжки и височныя кольца средняго размѣра [4]).

Въ одномъ изъ двухъ большихъ кургановъ, раскопанныхъ въ 1883 г. близъ пог. Архангельскаго, Новоторжскаго у., г. Михайловскимъ найденъ былъ костякъ, при которомъ оказались: наконечникъ копья, мѣдная

[1]) Указатель Историческ. музея, стр. 195—204.

[2]) Въ сочин. г. Аспелина, стр. 309—310 и въ изложеніи Г. Д. Филимонова въ Вѣстн. Др.-Рус. Искус., стр. 96.—Гдѣ сохраняются найденныя Европеусомъ здѣсь интересные предметы—не знаемъ. Въ Гельсингфорсѣ мы ихъ не видѣли.

[3]) Описаніе Тверского музея, стр. 21.

[4]) Коллекціи Тверского музея.

гривна, мѣдный браслетъ, 5 серебряныхъ проволочныхъ колецъ, серебряная монета, горшокъ. Въ другомъ курганѣ найденъ былъ костякъ безъ вещей [1]). Къ числу особенныхъ случаевъ погребенія слѣдуетъ отнести 7 костяковъ, погребенныхъ подъ одною сопкою близъ пуст. Кидомли на р. Медвѣдицѣ, въ углубленіи материка [2]). Мы видѣли, что въ другихъ случаяхъ подобныя погребенія помѣщались въ самихъ сопкахъ, ближе къ ихъ вершинѣ. Въ одномъ изъ трехъ кургановъ, раскопанныхъ въ 1883 г. при д. Мозговѣ, Зубцовскаго у., г. Безобразовымъ, найденъ скелетъ, лежавшій головою на С. [3]). Въ курганѣ близъ пог. Николы на Рени, Весьегонскаго у., при добываніи песку найдено было много костей и среди нихъ алебарда [4]).

Въ новгородской части Тверской губ. извѣстны уже въ довольно значительномъ количествѣ жальничныя погребенія, представляющія окончательное перерожденіе сопокъ. Близъ курганныхъ группъ около д. Абакумовой, Вышневолоцкаго у., имѣется до 100 старыхъ могилъ, обложенныхъ плитнякомъ изъ дикаго камня. На нѣкоторыхъ плитахъ выбиты кресты. На кладбищѣ совершаются панихиды [5]). Ушаковъ въ 1844 г. и Воронцовъ въ 1883 г. раскапывали здѣсь могилы, входящія въ группу кургановъ. Могилы обложены камнями и плитами. Скелеты лежатъ на поверхности материка, головою на С. При костяхъ найдены: горшки (въ ногахъ), височныя кольца, иногда завитыя въ волосы, сердоликовыя бусы, какая-то металлическая нагрудная бляха „съ узорами“, имѣвшая въ нижней части 4 ушка съ спускающимися отъ нихъ цѣпочками (съ дутыми шариками на концахъ), изъ которыхъ 2 боковыя были закинуты на плечи, а на третьей было продѣто кольцо съ остаткомъ лоскута шерстяной матеріи [6]). Тѣмъ же лицомъ и тогда же жальничныя могилы были раскапываемы также между с. Масловымъ и Бустрыгинымъ. Костяки лежали на поверхности земли, головою на З., или же въ грунтовыхъ ямахъ. Насыпи были каменистыя. На головѣ одного скелета находились височныя кости, въ правой рукѣ ножъ, на пальцѣ кольцо [7]). Въ обнесенныхъ камнями могилахъ, раскопанныхъ г. Ушаковымъ въ 1843 г., вмѣстѣ съ курганами, на р. Волчинѣ, найдены были височныя кольца, закрученныя въ волосы, которыхъ (?) на другихъ частяхъ го-

[1]) Археологическая карта А. К. Жизневскаго, стр. 694.
[2]) Тамъ же, стр. 702.
[3]) Тамъ же, стр. 672.
[4]) Тамъ же, стр. 709.
[5]) Изв. Моск. Общ. Люб. Ест., т. XLIX, в. 5, 501—503.
[6]) Ушаковъ, Дневникъ разрыванія и пр.
[7]) Тамъ же.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ловы не было [1]). Раскопки, произведенныя г. Ушаковымъ въ 1843 г. въ каменныхъ могилахъ на р. Сорогожѣ, показали, что обрядъ погребенія въ нихъ былъ слѣдующій. Вырываема была въ материкѣ яма, наполнялась пескомъ, насыпалась сверху слоемъ бѣлаго песку, на который и полагался трупъ, засыпаемый затѣмъ пескомъ и слоемъ животнаго и растительнаго угля, а потомъ снова пескомъ до желаемой высоты; кругомъ могила обставлялась крупными валунами. При костяхъ были найдены: височныя кольца, пластинчатыя подвѣски, прикрѣпляемыя на шнурѣ, крестъ на цѣпочкѣ, бубенчикъ, ожерелье, браслетъ, поясъ съ пряжкою. На головѣ одного остова находилась мѣховая шапка съ ушами, къ которой пришиты были украшенія, а къ ушамъ прикрѣплены серьги [2]). Въ 3-хъ в. отъ извѣстнаго намъ пог. Бѣжечи находится жальникъ, состоящій изъ малыхъ могилищъ. При раскопкѣ могильныхъ насыпей Ходаковскимъ, въ нихъ были находимы костяки, при которыхъ лежали одни только ножи [3]). Въ 1880 г. Гроздовъ раскопалъ одну жальничную могилу близъ пог. Михайловскаго (Прудово), находившуюся въ группѣ кургановъ. Въ основаніи насыпи лежали очень крупные камни. Скелетъ лежалъ въ ямѣ. При немъ были найдены: желтыя бусы, 2 мѣдныя подвѣски къ ожерелью, горшокъ. Въ насыпи находились угли; въ діаметрѣ могила имѣла $4^1/_2$ арш. [4]). Что-то въ родѣ жальничныхъ могилъ описываетъ г. Поляковъ около Ширкова пог. на оз. Стержѣ, Осташковск. у. Вѣнцы камней здѣсь имѣютъ большой діаметръ (до 5 саж.); форма ихъ круглая или четыреугольная [5]).

Изъ отдѣльныхъ находокъ въ Тверской губ. наиболѣе замѣчательную составляетъ кладъ серебряныхъ вещей, найденный въ 1893 г. въ с. Дягуновѣ, Зубцовск. у. Въ него входятъ: 3 монетныя гривны черниговскаго типа, серьга изъ напущенныхъ на кольцо дутыхъ бусъ, сложно-витая шейная гривна съ пластинчатыми концами, 2 витые браслета, 2 витые перстня и 5 большихъ височныхъ колецъ смоленскаго типа съ ромбическими щитками. Кладъ можетъ быть отнесенъ приблизительно къ XII в. [6]). Въ Твери въ разное время были находимы разнообразные предметы, между прочимъ кувшинъ съ кожаными деньгами (?), золотая булавка [7]). Въ 1835 г. въ приходѣ с. Судникова, Старицк. у.,

---

[1]) Ушаковъ, О курганахъ Тверской губ. Отеч. Зап. 1843, т. XXXI, стр. 82.

[2]) Тамъ же.

[3]) Ходаковскій, Русск. Истор. Сборн., т. VII, стр. 377.

[4]) Изв. Общ. Люб. Ест., т. XLIX, в. . , стр. 195—197.

[5]) Поляковъ, Изслѣдованія по каменному вѣку. Зап. Этногр. Отдѣл. Имп. Рус. Геогр. Общ., т. IX, стр. 134.

[6]) Жизневскій, въ Археол. Извѣст., 1893 г., стр. 446.

[7]) Н—ъ, Остатки старины въ Тверской губ. Тверск. Вѣд., 1865, 10.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

было найдено позолоченое копье [1]). Въ разныхъ мѣстахъ губерніи были находимы кресты, бердыши, позднія монеты, серпы и пр. Въ с. Никулинѣ Городищѣ при рытьѣ погреба былъ найденъ колчанъ со стрѣлами [2]).

Клады арабскихъ монетъ VIII—X в. въ Тверской губ. найдены были близъ с. Семеновъ-Городокъ, Старицкаго у. (1870 г.), на берегу р. Колоколенки, того же уѣзда (1883 г.), и въ г. Ржевѣ (1874 г.), отдѣльныя находки, кромѣ многочисленныхъ монетъ, отысканныхъ въ разныхъ курганахъ,—въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ Весьегонскомъ у. (1805 г.), на городищѣ въ с. Загородье, Вышневолоцкаго у. (1889 г.), въ г. Осташковѣ, у с. Благовѣщенскаго, Ржевскаго у., близъ д. Куровой, Вышневолоцкаго у. [3]). Германскія средневѣковыя монеты, кромѣ кургановъ, были найдены въ 1886 г. въ Вышневолоцк. у. [4]). Монеты курфирста Пфальцскаго XIV в. найдены были близъ г. Старицы [5]). О находкахъ золото-ордынскихъ монетъ неизвѣстно.

Тверская губ. извѣстна найденными въ ней древними каменными крестами и камнями съ надписями [6]).

Археологическая карта Тверской губ. составлена А. К. Жизневскимъ, стоявшимъ въ продолженіе многихъ лѣтъ во главѣ почти всѣхъ археологическихъ предпріятій въ краѣ [7]). Первое по времени обширное описаніе мѣстныхъ кургановъ и городищъ принадлежитъ г. Плетневу [8]), второе—В. А. Покровскому [9]). Кромѣ перечисленныхъ уже статей и замѣтокъ, свѣдѣнія о древностяхъ Тверской губ. находятся еще въ статьѣ проф. Д. Н. Анучина (который, между прочимъ, отмѣчаетъ большой курганъ продолговатой формы въ 8 в. отъ с. Извѣдова) [10]), въ отчетахъ

---

[1]) Тверскія древности. Тверск. Вѣд., 1845, 1.

[2]) Тверскія древности. Тверск. Вѣд., 1845, 16.

[3]) Марковъ, Топографія кладовъ восточныхъ монетъ, стр. 46—48. — Въ архивѣ Имп. Археолог. Комм. дѣло 1894 г., № 183. — У. Н., Нѣкоторыя замѣчанія о курганахъ. Отеч. Зап., 1844 г., т. 36, стр. 87—95.

[4]) Въ архивѣ Императ. Археологич. Комм. дѣло 1891 г., № 128.

[5]) Тамъ же, дѣло 1883 г., № 35.

[6]) Жизневскій, Описаніе Тверского музея, стр. 25—40. — Глинка, Мои замѣтки и пр. Уже Погодинъ указалъ, что большинство описанныхъ Глинкою камней съ надписями не имѣетъ слѣдовъ искусственной обработки.

[7]) Жизневскій, Курганная карта Тверской губ. Изв. Моск. Общ. Люб. Ест., т. XLIX, в. 5, стр. 630 и 664—712. Къ сожалѣнію, къ картѣ не напечатано указателя мѣстностей, и ею трудно пользоваться.

[8]) Плетневъ, О курганахъ и городищахъ Тверской губ. Тверск. Вѣд., 1875, 86, 88—91, 93—96, 98—100; 1876, 1, 2, 7—9, 14, 15, 26; 1884 г.

[9]) Покровскій, О курганахъ и городищахъ Тверской губ. Тверь, 1880 г. (?). Этой брошюры мы не имѣли въ рукахъ, какъ и трудовъ мѣстной архивной коммиссіи.

[10]) Анучинъ, О нѣкоторыхъ древностяхъ Тверской губ. Древности, т. XV, в. 2, стр. 132 (свѣдѣнія о курганахъ).

о новыхъ пріобрѣтеніяхъ Тверского музея, въ ст. Кусцинскаго [1]), Виноградова [2]), Квашнина-Самарина [3]) и нѣкоторыхъ безыменныхъ авторовъ [4]). При нанесеніи свѣдѣній о курганахъ и находкахъ на карту устанавливается, что въ Тверской губ. изстари была мало заселена широкая полоса, проходящая по серединѣ губерніи отъ верховьевъ Волги между г. Ржевомъ и озерами до Бѣжецка. Въ эту полосу входитъ и теченіе р. Тверцы, по которой курганы извѣстны лишь начиная отъ Торжка. Самою населенною съ давнихъ поръ мѣстностью въ губерніи является теченіе Волги, начиная отъ г. Ржева.

---

[1]) Кусцинскій, Курганы Тверской губ. Древности, т. IX, стр. 3 (Ржевскій у.).

[2]) Виноградовъ, О курганахъ и насыпяхъ Весьегонскаго у. Изв. Имп. Рус. Арх. Общ., т. IX, 76—83.

[3]) Квашнинъ-Самаринъ, О кладоискателяхъ и кладахъ въ Зубцовск. у. Изв. Моск. Общ. Люб. Ест., т. XIII, в. 1.

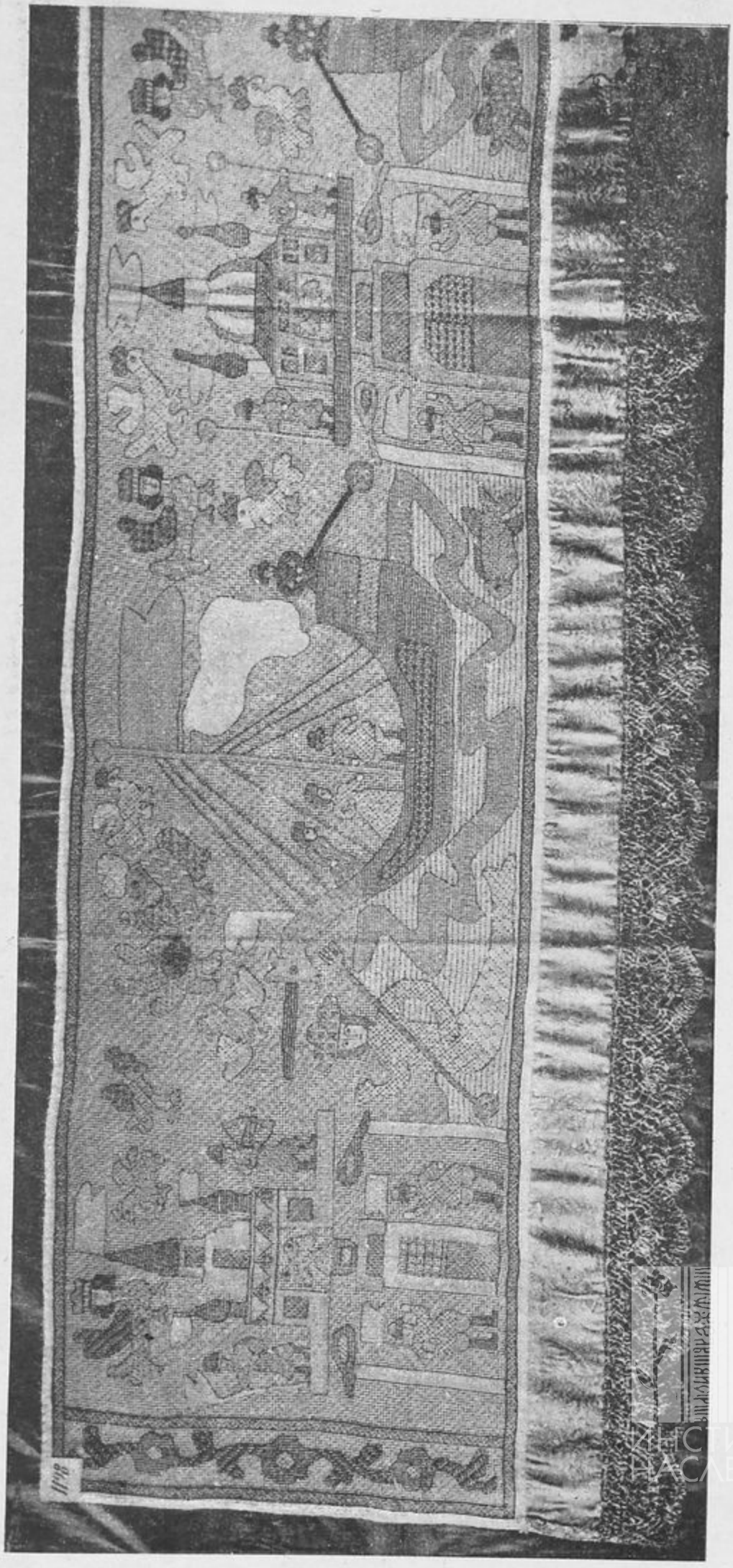
[4]) Древности губ. Тверской. Ж. М. В. Д., 1844 г., ч. 5, № 3, стр. 500—511 (исключительно церковныя древности).—О кладѣ близъ г. Весьегонска (монеты XV в.). Москвитянинъ, 1851 г., № 21, стр. 25. — Не знаемъ статьи г. Пѣшехонова о древностяхъ Тверской губ., неправильно отмѣченной въ Зап. Имп. Рус. Арх. Общ., 1851 г., т. I, стр. 8—9.

Народная русская сказка и народное шитье.

На выставкѣ народнаго шитья К. Д. Далматова многимъ бросалась въ глаза вышитая браная подвѣсь къ скатерти, изображавшая сказку объ Иванъ Царевичѣ и Жаръ-птицѣ въ стилѣ русскихъ лубковъ. Въ извѣстной коллекціи старинныхъ русскихъ вышивокъ Н. Л. Шабельской подъ № 1.198 значится кайма простыни Олонецкой губерніи, изображеніе которой здѣсь и предлагается по фотографіи художника А. А. Карелина. Изображеніе, по обыкновенію вышивокъ, симметричное, т.-е. съ другой стороны повторенъ тотъ же сюжетъ. Это показываетъ, что лицо, вышивавшее это изображеніе, врядъ-ли уже понимало смыслъ даннаго рисунка, что, въ свою очередь, въ связи съ старинным шитьемъ, указываетъ и на старину первоначальнаго рисунка: судя по головному убору женской фигуры, дѣло относится къ XVIII вѣку. Прежде всего мы видимъ изображеніе корабля по манерѣ нашихъ иконописныхъ подлинниковъ и лицевыхъ рукописей. Море обозначено двояко: реально плавающей рыбой съ одной стороны и символически фигурой сирены съ рыбьимъ хвостомъ и трезубцемъ—съ другой. На этомъ морѣ—корабль, напоминающій корабль Соловья Будиміровича: у него носъ взведенъ по туриному, а бока по звѣриному: голова тура снабжена рогомъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ представленія объ единорогѣ [1]). Корабль идетъ: парусъ его развѣвается отъ вѣтра, а возлѣ корабля струя воды. На кормѣ видна фигура рулеваго, а по срединѣ судна три фигуры: двѣ центральныя: мужчина въ русскомъ платьѣ и женщина въ западномъ платьѣ и высокой прическѣ; третья фигура женская въ почтительномъ къ первымъ поворотѣ. По бокамъ моря двѣ башни. Въ правой, съ какимъ-то гербомъ на фронтонѣ, на верхней площадкѣ стоятъ въ длинныхъ одеждахъ два стража съ булавами, внизу два придверника съ значками, какъ бы подающіе сигналы [2]). Въ другой башнѣ съ русскимъ двугла-

[1]) Ср. Котляревскаго, Сочиненія, т. II, стр. 558—567, гдѣ указаны ковры Матильды XI вѣка съ изображеніями королей.

[2]) В. В. Стасовъ объяснялъ намъ верхнюю башню, какъ находящуюся сзади, по условіямъ перспективы вышивокъ, схожей съ китайской. Но этому противорѣчитъ стрѣлокъ лѣвой стороны.



вымъ орломъ наверху стоитъ стрѣлокъ съ лукомъ, а возлѣ него падающая птица; съ другой стороны человѣкъ въ спокойной позѣ съ знаменемъ въ рукѣ. Внизу тѣ же придверники, нѣсколько въ другомъ поворотѣ, тоже подающіе сигналы. Кругомъ фантастическія птицы—сирины и пѣтухи.

Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что вышивка эта представляетъ самобытную народную иллюстрацію къ извѣстной сказкѣ „*Семь Симеоновъ*“. Сказка эта одна изъ тѣхъ рѣдкихъ сказокъ, которая попала и въ народную лубочную литературу, значитъ, пользовалась широкимъ распространеніемъ [1]). Сходства съ лубочнымъ изображеніемъ наша вышивка не имѣетъ. Содержаніе сказки [2]) въ общемъ слѣдующее. Было семь братьевъ, семь Симеоновъ. Каждый былъ мастеръ своего дѣла. Одинъ—кузнецъ, могъ сковать столбъ до неба, другой—дальнозорокъ, третій—однимъ ударомъ топора строитъ корабли, четвертый умѣетъ нырять съ кораблемъ въ море, пятый— искусный стрѣлокъ, шестой—мастеръ схватить подстрѣленную птицу, седьмой—искусенъ въ воровствѣ. Царь поручаетъ послѣднему украсть для него царевну Елену Прекрасную. Всѣ отправляются въ тридесятое царство на кораблѣ. Младшій воръ прельщаетъ Елену подаркомъ ученой кошки, заманиваетъ царевну на корабль, отсылаетъ мамушекъ и увозитъ царевну. Тщетно пробуетъ она превратиться въ лебедь: ее подстрѣливаетъ пятый Симеонъ, и шестой не даетъ упасть въ воду. Вотъ этотъ моментъ и изображенъ, конечно, съ легкими отступленіями на нашемъ рисункѣ: башня направо—дворецъ тридесятаго царства, гдѣ идетъ тревога о похищенной царевнѣ, башня налѣво—дворецъ русскаго царства съ русскимъ гербомъ; далѣе видны—стрѣлокъ Симеонъ, попавшій на башню, падающая птица, корабль Симеона, Симеонъ-воръ и царевна съ ея служанкой, вѣроятно, той, которую царевна посылала узнать о кошкѣ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ многочисленныхъ фактовъ перехода одного вида народнаго творчества, эпическаго, въ другой—пластическій. Этимъ подтверждается мысль, что развитіе странствующихъ сюжетовъ нельзя разсматривать, какъ нѣчто замкнутое, стоящее особнякомъ и только въ кругѣ словесныхъ произведеній: народное творчество слѣдуетъ изучать связно во всемъ его объемѣ и во всѣхъ его проявленіяхъ; такое изученіе и должно быть цѣлью научнаго folklore'а.

И. Шляпкинъ.

---

[1]) Ровинскій, Русскія народныя картинки, I, 192—201.

[2]) Аѳанасьевъ, Русскія народныя сказки, I², 394, IV², 133.

Акты Алексѣевыхъ изъ Яренска.

Печатаемые ниже акты сообщены проф. А. И. Маркевичемъ, который имѣлъ случай ознакомиться съ ихъ содержаніемъ у владѣльца ихъ, г. Алексѣева изъ Одессы, и снялъ съ нихъ точныя копіи съ цѣлью опубликованія. Всѣ документы писаны скорописью XVII—XVIII вѣковъ на обычной бумагѣ. Всѣхъ актовъ шесть, а именно:

№ 1. Купчая на деревню на Иртѣ, проданную Яковомъ Никитинымъ сыномъ Тентюкова изъ Яренска Алексѣю Степанову сыну Ефимова 7108 года.

№ 2. Купчая на вотчину на Иртѣ, проданную Анфимомъ Аѳанасьевымъ сыномъ Первымъ изъ Заболотья Алексѣю Степанову сыну Ефимова 7115 года.

№ 3. Раздѣльная между Никономъ и Завяломъ Аѳанасьевыми дѣтьми Алексѣева ихъ земель на Иртѣ 7169 года.

№ 4. Раздѣльная между братьями: Порфиріемъ (и за брата Луку) съ одной стороны и Еремѣемъ, Родіономъ и Василіемъ Захаровыми дѣтьми Алексѣева съ другой ихъ земель на Иртѣ 7179 года.

№ 5. Купчая на деревню на Иртѣ, проданную крестьянкой Дарьей Алексѣевой, вдовой Ермола Алексѣева, и сыномъ ея Борисомъ Ермолинымъ крестьянамъ Еремѣю, Родіону и Василію Захаровымъ дѣтямъ Алексѣева 7181 года.

№ 6. Кабальная на земли на Иртѣ крестьянина Василія Захарова сына Алексѣева въ займѣ денегъ въ Яренскѣ на посадѣ у Василія Аѳанасьева сына Наумова 1705 года.

№ 1.

Се азъ Яков Никитин сынъ Тентюков съ Еренсково продал есми Алексѣю Степанову сыну ....ва [1]) по своеи купчеи, что яз купил у

[1]) Ефимова; см. далѣе № 2.

Зинови Павловы дочери, а у Первовы матери Малого да у Юрья Ѳедосеева сына Первово отца его благословеніе по купчим грамотам в Иртѣ деревню и з двором и з дворовым мѣстом и со всѣми хоромы без вывода и з банею и с овином и з житницеи и з гуменником, а земли и с причистми и с пожни, а пожни и с причистми и с угоди и с поскотиною и со всѣм без вывода, а межи тои землѣ с верхнюю сторону с Омосом Карповым да и с его племянником с Самсоном да на улицу Пробоинную, а по улице под гору до Ѡмосова поля, а улица тѣх же земел Козминскіе Осипова; да середнему полю межи под горою Ѡмосова поля на Митину улицу да круг по старым межам; а нижнее поле с подгорную сторону с Митеюж Борисовым да на гору подле Павлов двор Иванова и ѡт Павлова двора улицею на гору прямо опришнено старово полдворища старые вежы и до усть улицы и в поскотину прямо до Чюшевы новины; а в тои поскотине в горноі нѣт дѣла никому, а поскотина в круг в огороде по старым межам; а сверх тое горные поскотини продал же и в подгорноі поскотине с сусѣдми ввопчѣ, да межи пожням за рекою за Вычегдою две пожни Деминскоі лог да другоі болшоі лог, а межи с одну сторону с церковною пожнею по старым межам; да на сеи сторонѣ на Ирцкоі четыре поженки: одна конец долгіе церковные, да в старых в логах еловых, да краи Воронихи конец болшево ѡзера, да пожня Юриевская умаатая, в межах та пожня съ Ерасимом, да ласта умаатая и з езовищи, а межи им вкруг по старым межам, да полцо с поженкою под горою краи поскотины, а в межах з Дмитреем же Борисовым да с Ортемем Ѳѳонасевым и съ его племяники с Павлом в круг по старым межам. А продал есми я Яков ту свою деревню со всѣм без вывода да и без выкупа, кдѣ топор ходил и коса и соха и борона, и с угоди и сыстоки и з рѣчки и з боры и с лѣсами и с озеры и съ езовищи и в озерѣ болшем дѣл ходит; и ту свою деревню вырте з двором и с пожни и с поскотины и с угоди продал тому Алексѣю Степанову яз Яков, а межи им круг по старым межам и по купчим грамотам без вывода и без выкупа, и что сѣяно на землѣ к сему году 108-мому ржы, ино и с тѣм яз Яков продал тому Алексѣю; а взял есми яз Яков у того Алексѣя Степанова на тои на своеи деревне на землѣ с пожни и здвором и с поскотиною и сугоди совсѣм без вывода, чѣм яз Яков владѣл, да пожня усть шіяса Коробейниковская и с причистми и с присадою, взял яз Яков у Ѡлексѣя шестьдесят пят рублеи денег, ѡприч Ѳедоровы полоски Ѳомина, что в верхном поле, и ѡприч ево пустошцы; а в отцыщене тои своеи землѣ и пожням и всему без вывода что в сеи купчеи имяны писано, яз продавец, гдѣ будет заложено или в зякупѣ или в заклади

или запродано, ино мнѣ Якову отцыщат и выкупат своими денгами да wтвести Алексѣю счиста пути. А на то послуси Самсон Борисов сынъ Карпова да Григореи Леонтьевъ сынъ Карпова да Сидор Патрикеев сынъ Θедяева да Сава Иванов сынъ да Алексѣи Никитин сынъ Тентюкова. Купчю писал Васка Θадиев лѣта 108 генвар 30 день.

На оборотѣ:

181 іюля в 23 день взят к дѣлу [1]).

К сеи купчеи яз продавец Янка Никитин сынъ руку приложил.

Послух Алеша руку приложил.

№ 2.

Се яз Анфим Лексиев сынъ по прозвищу Первои из Заболотя продал есми Алексию Степанову сыну Еθимова вотчину свою земли и пожни в ..... Иртѣ .... он Алексии по тремъ купчимъ грамотамъ дѣда своего Тимоθія Василева сына да и по духовнои отца своего Алексия Тимоθиева земли и пожни и в поскотинѣ жеребей в горнои да и в поскотинѣ жеребей подгорной и в заозерѣ в поскотинѣ с сусѣдми вмистѣ с волощаны с Иртицы, дə и в болшем озерѣ Родюковсково жеребя трет да и в Гютавизком истокѣ жеребеи, да тое же вотчины Первому в....ватца в болшем озере дил неводить с сусидми волощаны; да продал есми яз Первои Алексию опрочь Данковсково передиля да и опрочь кочеватки ласты, что под церков положена и с причисми. А продал есми и совсем без вывода, а межи землямъ и пожням моеи продаже вкруг по старым межам и по купчим грамотам и по духовнои грамотѣ отца моего Алексия; а донялъ яз Первои у Алексия къ прежнеи купчеи двѣнатцет рублеи денег, а в оцищенѣ тои продаже яз продавец Первои, оцищать та земля от всяких крепостеи мнѣ Первому; а продал есми я Первои ту свою вотчину без выкупа и без вывода в дертные и дѣла нѣт вперед мнѣ Первому до тое вотчины мои ни роду моему и племяни. А яз Алексии купил себѣ и дитем своим в вотчину вековую; а на то послуси Козма Перфирев сынъ да Григорѣи Леонтіев сынъ Карпова да Василей Костентинов сынъ Бякова да Илья Никитин сын Помолева. А купчую писал Ирскои діячек Данилец Степанов лѣта 7115 года априля в 3 день.

На оборотѣ:

К сеи купчеи Коземка руку приложил.

---

[1]) Очевидно, приписка позднѣйшая, можетъ быть, указывающая, что купчая понадобилась при сдѣлкѣ, относительно которой см. № 5.

№ 3.

Се яз Никон да яз Зовял Аѳонасевы дѣти Алексиевых и сконца поделилися есми промеж собою полюбовно отца своего благословеніе: скот и жывот и долгъ и слободу и посуду всякую мѣдную и желѣзную и древяную и земли и пожни и плате. Мнѣ Завялу досталось з делу от брата от Никона батюшка нашего благословеніе деревня вся без вывода, земли и сѣнные покосы и дворные хоромы; а мнѣ Никону досталос от брата от Завяла з делу против тое деревни отцова ж благословенія денгами пятьдесят рублев денег московских ходячих за все про все; а сево года делит нам братям с тое деревни конопле пополам, да на пустошнои пожне сѣно делит пополам же, а пожня ставит ему Завялу а мнѣ Никону пособит косит два дни, а рѣпа нам делит пополам же, а конопле дѣлат нам сево году вмѣсте и въ воду мочит; а въпред мнѣ Никону после сево году до тое отцева благословенія до деревни и ни до чево дѣла нѣт. А что есть у нас в гумнѣ старое сѣно, и ему Никону до тово сѣна и до соломы и до дров дѣла нѣт, и впред нам друг до друга ни въ чем дѣла нѣт и друг на друге дѣлу не спрашиват и не счинат никоторыми дѣлы; а матер свою нам поит и кормит и до смерти ея; а буде мачке нашеи невозможно с нами ужитца ни с которым, ино еи дават хлѣбом по три осмины рьжи да ечмени на год з брата да по десяти алтынъ денег да корову да на корову сѣна по пятнатцати копен сѣна з брата да овцу; да мати же наша взяла у нас себѣ меденик. Да что есть у насъ племянницы Евдокія да Улянія брата нашего дочери, и тѣм племянницам сево году жит у меня Завяла, а мнѣ их поит и кормит; а после сего году нам их племянниц Евдокію да Улянію зъ жеребю их, которая которому брату достанетца, також поит и кормит и до замужя; а замуж которому ж своя отдат, и надѣлок дати еи, а друг друга нам не спрашиват. А невѣска наша буде не почнет ни у которово у насъ жыт, ино еи дат приданое ея по записѣ вмѣсте намъ, и ни в чем нам братям друг до друга после сея дѣловые дѣла нѣт. Въ том мы яз Никон да яз Зовял промеж собою и дѣлные росписали и дѣловые у нас по противням писаны слово в слово. Послух на то Хоритон Сергиев сынъ. Дѣлную писал по Никонову да по Зовялову велѣню церковный дьячек Макарко Ѳилимонов лѣта 7169 году іюля въ 22 день.

На оборотѣ:

К сеи деловои Воскресенскои и Успенскои поп Петръ вмѣсто Никона Аѳонасева сына, что онъ в грамотѣ не умиет, по ево велѣню и руку приложилъ.

Послух Харка Сергѣевъ руку приложил.

№ 4.

Се аз Иртовскія волости Перѳиріи ..... [1]) да Ереміи да Родіонъ да Василей Захаровы дѣти Алексиевых поделилис есми промежъ собою полюбове отца своего благословеніе: скотъ и живот и посуду всякую мѣдную и желѣзную и древяную, то все поделили на пятеро Перфирью два жеребя—един жеребеи братев взял, что братъ нашъ Лука в Сибирских городѣх, и тот жеребеи к себѣ взял. А мнѣ Еремію з братьями двуми три жеребя; подѣлили двор, изба и дворные хоромы, клити и заплоты и сараи и мѣсто дворное, то все поделили на двое: Перфирью съ братомъ половина, а другая половина двора Еремію з двуми братьями; а баня и гуменникъ с овином тако же ввопчѣ пополам; а житьница—то у нас на пятеро: Перфирью два пая з братом Лукою, а Еремію три пая з двуми братьями; а что новую избу завели ставит и та изба ввозке и в рубленье и в ставке и в нутряном дѣле, во всеи тои избнои работѣ моя Перфирьева половина работы и за брата Луки, а другая Еремія з братьею. А когда будетъ готова изба, и тогда поверстка промеж собою з двором и совсѣми хоромы избными пополам, коим что достанется. Да подѣлили орамых мѣстъ поль: Перфирью и с Лукиным паем досталося от братеи Еремія да Родіона да Василья дворнаго поля съ полудни от Козмина поля вдоль по огороду, и того поля Перфирью два пая, а Еремію з братьями того поля три пая, сиверная сторона, от проѣзжые улицы, а промеж собою межа уставлена впол того поля, да поле именуется ровное, того поля Перфирью досталося от Козмина поля полуденная сторона з западу по бороздѣ, да до Ереміева поля что досталос от межи да по межѣ до поскотины, а от поскотины по огороду на запад и до их Еремія з братьею поля и от их же поля по межѣ на полден не доходя Кузмина поля, къдѣ межа у нас уставлена, да на запад до нашевож поля. А нам Еремію и з братьею от Перфирья досталося того поля ровнаго от забора и от житницы до его Перфирьева паю да сиверная сторона по межѣ с сиверу на запад, что межу уставили промеж собою, да на сивер по огороду до поскотины. Да Перфирью же досталося поля именуется телетник, что в межах с Князевыми, западная сторона, а нам Еремію (з) двуми братьями встошная сторона, и того поля промежъ собою межа уставлена с полудни от Козмина поля да на сивер до поскотины, и то поле и другое ровное и тѣ поля поделили на петеро: Перфирью и с Лукиным паем два пая, а Еремію з братьею три

[1]) Было, вѣроятно: и за брата Луку; см. далѣе въ текстѣ.

пая. Да что у нас есть орамых мѣстъ именуется Козямыл своя роспашъ, и то поделили на двое: Перфирью два пая а Еремію з братьею такоже два пая, Перфирью сиверная сторона, а Еремію полуденная сторона. Да сѣнных покосов поделили пожня на пустошѣ, что в межах с Сергіевыми дѣтми и та пожня у нас ввопъчѣ пополам Перфирью с Лукиным паем половина, а Еремію з братьею другая половина. А что есть иных пожен пожня на острову вовзюрскомъ да пожня за рекою остров, и тѣ пожни делит на петеро Перфирью и за брата Луки два пая а Еремію з братьею три пая. А что пожня остров и та в потписѣ, и нам братеником такоже ту пожню выкупат на петеро. А сверхъ того дѣлу хто сколко ни заимовал в кабалы, или бескобально после сих росписеи хто в заимѣх писал, тому и платит. Да что есть котелъ и жернова, и то у насъ ввопчѣ дѣлит на пятеро: Перфирью двѣ доли, а Еремію з братьею три. И то все поделили, которое что на петеро именновано или что на двое, и долгъ и слободу и хлѣб и плате — все поделили и поскотины с сусѣдми вмѣсте. Да поделили такоже и дан на петеро, платит во всякіе государевы запросы и на мирскои расход Перфирью двѣ доли с Лукою, а Еремію з братьеи три доли. Да и с тѣх трех долеи Ереміевых Перфирью платит в подмогу его доли Ереміевы с полупирога; а что скотораго миром убавят или прибавят, тому то и платит; в том мы промеж собою полюбове и дѣлные росписи двѣ написали по противнем слово в слово, послуси однѣ и дячек один нынѣшняго 179 го году генваря въ 2 день, и впред нам друг до друга дѣла нѣт ни в чем и дѣлу вново не заводит и не счинат никоторыми мѣры; и дѣтем нашим, гдѣ что которым досталос, тѣм тому и владит в вѣки; а буде которои в нас учнет вново дѣл искать и заводит и учнет бит целом великому государю в делу, и на том взят счину в казну пятдесят рублев, а дѣлу ж не дат. А мужы седѣли у дѣльных Аѳанасеи да Никон Аѳанасьевы дѣти да Козма Ивановъ. А на то послух Иртовскои волости церковнои спаскои діачекъ Яковъ Галахтіоновъ сынъ Тихкин. Дѣлную роспис писал по их Перфирья и Еремія з братьею велѣнію тои же волости церковнои воскресенскои и земскои дьячекъ Никишка Тимофѣевъ сынъ Наумов лѣта 7179 году генваря въ 2 день.

На оборотѣ:

К сеи делнои росписи Иртовского приходу Воскресенскои и Успенскои поп Петръ Родіонов вмѣсто Перфирія Захарова сына по ево велиню и руку приложил.

Послух Иртовскои волости спаскои дьячек Якунка Тимхин руку приложилъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

№ 5.

Се аз Иртовскія волости крестьяне Дарья Алексѣева дочь а Ермолинская жена да яз сынъ ея Борис Ермолин сынъ Алексиевых продали есми тое же волости крестьяномъ Еремію да Родіону да Василю Захаровым дѣтямъ Алексиевым же деревню свою: я Дарья мужа своего Ермолы статки, а моего Борисова отца благословеніе, чѣмъ муж мои владѣл а мои Борисов отец по своим письменым крѣпостем купчим и по дѣлнои росписѣ, что ему Ермоле от братеи здѣлу досталося да и намъ благословил. И мы я Дарья мужа своего а я Борис отца своего по духовнои продали, гдѣ сами жили на горѣ, в Ырте двор со всѣми хоромы, изба и клити и заплоты и сараи и житница и гуменник с овином и с трубы новые банные и трубу и все продали без выводу. Да продали орамых мѣстъ пол поле дворное в межах со встошную сторону съ Яковом Поликарповым, а с сиверу с Аѳанасіем Аѳанасевым, а з западу по улице; а по тому полю им купцам дават дорога Аѳанасю Аѳанасеву подле улицы по его Аѳонасевѣ купчеи, что у нас же продавцев купил поле, а ниву не травит; да продали поле другое, что в межах с полуденную сторону съ Яковам Поликарповым, а со встоку со Степаном Давыдовым, а с сиверу с тѣм же Яковом в межах, а з западу с Аѳанасіемъ Аѳанасевым и вкруг по старым межам. Да продали и телетник свои с полудни с ними же с купцами в межах с полем, а з западную сторону с Козьмою Ивановым да с ними ж купцами с поскотиною Зуевскою в межах, а с сиверу с Аѳанасіем съ его телетником в межах; а в том проданном телетнике Аѳанасію паи до урочных лѣт, что въ его Аѳонасевѣ купчеи писано. Да продали и другои телетничек малои у гумна подле улицу проѣзжую, да продали и огородец капусник, что под задним окном, да продали и в поскотинах в горнои и в заозерскои паи с сусѣдми вмѣсте, да сенных покосов продали за рекою за простьев (?) пожню ласту и с веретеев, а в межах та пожня с полудни с Архипом Ананиным и вкруг подле озеро и со Степаном с сиверу в межах Да продали поженку и мыски за озером и тѣ мыски с Кузмою Ивановым вмѣсте: продали трет мысков а Козмѣ два жеребья, а в межах мыски з западу с Борисом Оскорбиным и вкруг по старым межам. Да продали поженку в конец озере ласта в молтыех подле озеро с сиверную сторону и со встоку с Михаилом Симановым в межех и вкруг по старым межамъ. И продали и с озимью, что сіяно в нынѣшнем 181 году ржы, да и солому з гумна и навоз из двора и то все продали, и симяны ржаные нам продавцамъ не спрашиват; и продали то все без выводу мы продавцы совсѣмъ безвыводно,

чѣм сами владѣли, опрочѣ скота и жывота и хлѣба и посуды всякои и платя. А межи орамым мѣстам и сѣнным покосам вкруг по старым межам, кудѣ сами владѣли, что в сеи купчеи имянно писано. А взяли есми мы продавцы Дарья и с сыном своим Борисом на тои своеи продажнои деревне на всем без выводу, что в сеи купчеи писано, у них купцев цены по сеи купчеи взяли тритцатъ три рубли денегъ всѣ сполна, а продали и з данію, что писано по книгам, а дан тянут нам продавцам нынѣшняго 181-го году до Илина дни, а впред после Илина дни им купцам тянут во всякіе государевы запросы и на мирскои расход с полуденги. И продали мы продавцы им купцам в вѣковые и дѣтям их и внучатам. А гдѣ буде та наша продажная деревня прежъ сего в закупѣ или в закладѣ или в каких крѣпостех ни будет, ино от всяких писменных крепостеи тои своеи продажнои деревне и межам в отводе мы продавцы убытка к ним купцем не привести никотораго и очистя отвести с чиста пути. А что писана ласта продажная в конец озере и та ласта съ Яковом Поликарповым вмѣсте пополамъ, и ту свою долю мы продали, в том мы продавцы им купцам Еремію да Родіону да Василью и купчюю сію дали. А на то послух Иртовскія волости церковнои спаскои дьячек Іюда Потапов сын Мамонов. Купчюю писал по их продавцев Дари и сына ея Бориса велѣнію тое же волости церковнои воскресенскои и земскои дьячек Никишка Тимоѳѣев сын Наумов лѣта 7181-го году марта в 13 день.

На оборотѣ:

К сеи купчеи Иртовского приходу Воскресенскои и успенскои поп Петръ Родіонов вмѣсто продавцов Даріи Алексѣевы дочери да сына ея Бориса Ермилова сына по их велѣнію и руку приложилъ.

Послух Юдка Потаповъ руку приложил.

№ 6 [1]).

Лѣта тысяща седмьсот пятого марта в пятыинадесят ден Еренска уѣзду Иртовской волости крестьянин Василеи Захаров сынъ Алексиевыхъ занял в Еренску на посаде у Василя Аѳонасева сына Наумова денегъ шеснатцать рублев до сроку в годъ тысяща седмьсот шестаго марта до того ж числа, а в тѣхъ денгах я заимщик заложил и подписалъ к нему Василію пожню свою против ласты на присаде в межах с верхнеи и з голова сИваном Алексѣевымъ, с нижную сторону с Ондриемъ Титовымъ и вкругъ по старымъ межам; да заложил по своеи закладнои поле зовется

[1]) На гербовой бумагѣ.

Прислонъ в межах с полдни и з западу с Аѳонасемъ да Елизарѣемъ Трофимовыми, с сивера сЫваномъ Никоновымъ по огороду, со встоку с Семеном Оскорбиным. Да заложил пожню именуется плоская малая в межахъ со встоку с Ѳедотом Бандуковым с Князевскои пожнею с веретеею пологу, з западу с Ѳедором да з Галахтіоном Терентьевыми Бякова, с полдни по увалу подле Курью, и сего числа до описнаго сроку с вышеписаннаго закладу ему заимодавцу с пожни с присаду сѣна имать половину готового моеи заимщиковы поставки, а на пожни плоскои сѣно ставит ему заимодавцу и имать все на себя, и поле заложилъ в вѣрѣ; и буде я заимщик на срок денегъ не заплочю и после сроку владѣть тѣм закладом ему заимодавцу Василю потому ж впред до выкупа и закладывать свои денги исцела, а в отводе межам тому закладу и вѡ всякои ѡчистке во всем я заимщик своими денгами в томъ к нему Василю убытков не учинит, отвести для владѣня счиста; а буде подпис не люба, подписью не отиматца, платить деньги и о выкупе за владѣніе выстинну не зачинат, а дан платит мнѣ заимщику с того закладу всю сполна; а хто с сею кабалю станет, тот по неи и истецъ; в том свидѣтел Еренчанин Григорей Михаилов сын Попов. Кабалу писал по велѣнію заимщика в Еренску крѣпостных дѣл подячеи Прокопеи Курсинъ.

На оборотѣ:

Крепос на поле Прислон [1]).

1705 го марта в 11 день по указу Великаго Государя за писмо взято и сия крѣпость в книгу записана, надсмотрщикъ Иванъ Курсин. К сеи заемнои закладнои кабалѣ вмѣсто заимщика Василья Захарова сына Алексѣевых всему, что всеи закладнѡи кабалѣ в лице написанѡ, в том велѣніем ево Еренчанинъ Сава Петров сынъ Ѡрловъ руку приложилъ.

По сеи заемънои кабалѣ и по пожънѣ Василья Алексѣевых именуется присада уплотил Василеи Захаровъ четыре рубля денегъ; подъписалъ я Михаило Курсин своею рукою.

Свидѣтел Еренчанин Григореи Михаилов сынъ Поповъ, что в сеи коболѣ в лице писано, в томъ и руку приложилъ.

---

[1]) Написано болѣе новымъ почеркомъ.

„Книги переписные Кѣгольмскаго уѣзда Коневскаго монастыря церковные 1733 года переписи города Олонца соборныя церкве Троицкаго протопопа Петра Гаврилова и Архіерейского розряду копіиста Михайлы Ушакова.

„1733 году апрѣля 12 дня по указу Святѣйшаго Правителствующаго Сунода віцепрезідента великаго господина преосвященнаго Θеофана Архіепископа Великоновоградскаго и Великолуцкаго, и по присланному Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской из Санктъ-Петербурга от Его Преосвященства указу, о переписи въ городѣ Кѣгольмѣ, и того уѣзда монастырей, и погостовъ, и выставокъ, церквей и въ нихъ по симъ данной інструкціи 5 пункта всякаго званія церковной утвари, то есть святыхъ образовъ, книгъ, ризъ и святыхъ сосудовъ, потировъ, діскосовъ и прочаго, такожде и на колоколняхъ колоколовъ и церковную наличную денежную казну, и все что явится на лицо съ надлежащимъ порядкомъ при достовѣрномъ свидѣтельствѣ со всякимъ изъясненіемъ подробно. И по осмотру по симъ присланной інструкціи города Олонца соборныя церкве Троицкого протопопа Петра Гавріилова, да Новогородскаго Архіерейского Розряда копіиста Михаилы Ушакова явилось города Кѣгольма въ уѣздѣ на Ладожскомъ озерѣ въ Коневскомъ монастырѣ Деревяницкаго зданія, а что чего въ томъ монастырѣ по осмотру и свидѣтельству явилось, и то писано ниже сего порознь, а имянно:

„Церковь иже во святыхъ отца нашего Николая Чудотворца низменная, деревянная новая об одной главѣ, глава обита чешуею, которая церковь построена при державѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Перваго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, а по указу и благословенію преосвященнаго Аарона, епископа Корѣлскаго и Ладожскаго, и освящена Воскресенскаго Деревяницкого монастыря Архимандритомъ Іоанникіемъ въ прошломъ 1719 году мѣсяца Ноемврїа въ 4 день. Во оной церкви подлѣ царскихъ вратъ на полуденной странѣ образъ Спасителевъ, подъ нимъ притча Мытаря и Фарісея; подлѣ того образа полуденные двери, на нихъ образъ

пророка Аарона; подлѣ полуденныхъ дверей образъ мѣстной Николая Чудотворца; на сѣверной странѣ образъ Пресвятыя Богородицы Святогорскія; подлѣ того образа сѣверные двери, на нихъ писанъ образъ Мелхиседека царя; подлѣ сѣверныхъ дверей образъ Арсенія Чудотворца; предъ тѣми образами лампадъ жестяныхъ шесть; въ той церкви царскія врата, на нихъ четыре евангеліста, писаны на краскахъ; надъ царскими вратами, на трехъ доскахъ образы дванадесятые праздники и апостолы. Въ олтарѣ: престолъ, на немъ одѣяніе каламенковое, полосатое красное, антімінсъ, евангеліе новоисправное въ десть съ евангелісты серебряными и з застешки и четыре камени въ бархатѣ вишневомъ; евангеліе печатное старинное безъ евангелістовъ; крестъ напрестолной благословящій, обложенъ серебромъ басменнымъ, на немъ три камени; ковчегъ оловянной; дароносица жестяная; на престолѣ покровъ выбойки бумажной; на жертвенникѣ одѣяніе выбойки крашенинной; святыя сосуды: потиръ, діскосъ, звѣзда, лжица оловянные; три воздухи камчатые травчатые, обложенные выбойкой; два блюда оловянные; два кадила мѣдные; укропникъ мѣдной; блюдцо малое оловянное; ковшъ оловянной, въ чемъ укропъ поставляютъ; кукшинецъ, въ чемъ святую воду держатъ, мѣдной съ покрышкою; у царскихъ вратъ завѣса выбойки бумажной; въ олтарѣ жъ пять образовъ штилистовыхъ на краскахъ, да образъ Николая Чудотворца штилистовой, обложенъ вѣнецъ и поля серебромъ и позолоченъ; двѣ чашки деревянныхъ; двѣ лампады желѣзныхъ; ризы таѳтяные черные, оплечья и по подолу кружива штоѳнаго на золотѣ и серебрѣ; другіе ризы китаечные бѣлые, оплечья трипу краснаго, по подолу выбойки крашениные, красные; третіи ризы таѳтяные ветхіе; четвертые ризы полотняные, оплечья и по подолу крашенинные; три патрахили выбойчатые крашенинные; двои поручи, одни каламенковые, другіе крашенинные; подризникъ бѣлой полотняной; поясъ шелковой ветхой; пять пеленъ камчатые разныхъ цвѣтовъ; в церкви образовъ штилистовыхъ осмь на краскахъ; за лѣвымъ клиросомъ образъ Пресвятыя Богородицы Умиленія на краскѣ. Книгъ: требникъ новопечатной въ четверть; другой требникъ печатной, ветхой, старинной въ десть; два служебника новопечатныхъ, одинъ полудестевой, другой въ четверть; Ѵалтирь со возслѣдованіемъ новопечатная въ десть; минея общая печатная старинная въ десть; два шестоднева печатные въ полдесть; тріодь постная новопечатная въ десть; тріодь цвѣтная новопечатная въ четверть; два ирмолога новопечатныя въ полдесть; новый завѣтъ въ четверть; октай пятаго гласа въ четверть; евангеліе воскресное толковое, печатное, старинное, въ десть; часословъ со святцы и тропари и кондаки печатной

старинной въ десть; прологъ полугодовой мартовской половины, новопечатной, въ десть; житіе Николая Чудотворца, печатной въ полдесть; апостолъ новопечатной въ десть; дванадесять миней мѣсячныхъ, новопечатныхъ въ четверть; служба Елисавети, печатная въ полдесть; святцы писмянные съ тропари и кондаки въ четверть; житіе Арсенія чудотворца Коневскаго въ полдесть. Фонарь стекляной; надъ церковными дверми на восточной сторонѣ образъ Спасителя. Предъ церковію на выходѣ три колокола малыхъ; въ болшемъ вѣсу тритцать два ѳунта; въ среднемъ дватцать два ѳунта; въ маломъ пять ѳунтовъ.

„А въ церковной казнѣ сборныхъ наличныхъ денегъ николикаго числа не обрѣтается, которые издержаны на покупку, на церковную потребу. Да въ томъ же островѣ Коневскомъ подлѣ тоя церкве была церковь каменная, которая вся розвалилась, токмо значитъ ѳундаментъ, прітомъ и лѣсомъ обросла, въ неи вновь построена часовня малая, въ часовни образъ преподобнаго Арсенія Коневскаго.

„При ономъ монастырѣ пять келей, во оныхъ кельяхъ пять образовъ штилистовыхъ, на краскахъ. Скотской дворъ от монастыря за двѣ версты; а въ немъ строенія четыре кельи, двѣ новыхъ и двѣ ветхихъ и дворъ вкругъ съ хлѣвами и конюшни ветчаны; на скотскомъ дворѣ скота: три мерина, четыре кобылицы, двое малыхъ жеребятъ; на томже дворѣ роговаго скота: коровъ шестнатцать, нетелей шесть, три быка, малыхъ телятъ осмнатцать, годовыхъ и полугодовыхъ, овецъ старыхъ и молодыхъ седмь. На скотскомъ же дворѣ два котла мѣдныхъ, три чугунныхъ; медница вѣтреная съ жерновомъ и снастьми; анбаръ новой, подъ нимъ погребъ, а во ономъ анбарѣ всякіе монастырьскіе припасы, работническіе каѳтаны, и шубы и протчее; три анбара ветхіе, а в нихъ в одном муки ржанои три четверти, во втором ржи пять четвертеи, овса осмь четвертей, въ третіемъ гороху шесть четвериковъ; рига старая съ гумномъ; соломянникъ осмисаженной новой, покрытъ дранью; баня съ прибаенникомъ, покрыта дранью; работническая келья новая; два хомута съ шлеями ременными, шесть хомутовъ работныхъ, шесть лѣтнихъ; двѣ узды ременныхъ. Да въ томже монастырѣ какъ жалованныхъ такъ и нежалованныхъ монастырскихъ селъ и деревень, и за ними русскихъ мужска и женска пола людей во крестьянствѣ никого кромѣ наемныхъ работниковъ не имѣется.

„Да въ томъ Коневскомъ монастырѣ въ дачѣ по указу пашенные земли кругомъ церквей три десятины. перелогу двѣ десятины; посредѣ того острова пашни перелогу пять десятинъ, сѣнныхъ покосовъ пятнадцать десятинъ; пашенной же земли кругомъ въ разныхъ мѣстах лѣ-

сомъ поросло десять десятинъ, лѣсу непашенного и болотъ семсотъ двадцать осмь десятинъ; по мѣрѣ кругомъ острова шесть тысящъ пятьсотъ саженъ. С котораго даннаго указу и с копіи копія при сей переписной книги.

„Кругъ того острова рыбных ловель десять тонь неводныхъ болшихъ да ловъ крючковой въ Ладожскомъ озерѣ, а оной неводной и крючковой ловъ настасилъ Іюля съ 1-го, Августа по 15 число рыба ловится, неводами сиги, а крючками сиги и нерьясы. На островѣ Вощаномъ рыбной ловъ крючковой Іюля съ 20-го, Сентября по 1 число рыба ловится нерьясы, а неводного лову не имѣется. А из означенных пашенныхъ земель и сѣнных покосовъ и рыбныхъ ловель изъ оброку, въ работу и въ ловлю никому въ дачѣ не имѣется и силно никто не владѣетъ. А въ томъ монастырѣ нынѣ разнаго званія монаховъ три человѣка, а имянно строитель іеромонахъ Климентъ, нарядной монахъ Ѳеодосій, монахъ Варлаамъ, итого 3 человѣка. Да въ том же монастырѣ Воскресенскаго Деревяницкаго монастыря присланныхъ трудниковъ, а имянно: дьячекъ Дементей Гавриловъ сынъ Манкошевъ, трудникъ Харламъ Панкратьевъ съ женою Анисьею Савельевой и съ дѣтьми Якимомъ и Неѳедомъ, итого 5 человѣкъ. А питомство они строитель и съ братьею имѣютъ от пашенной земли и от рыбныхъ ловель, которое исходит про монастырской обиходъ и въ платеж подушныхъ денегъ вышеобъявленныхъ трудниковъ, также на строеніе и платье, а жалованье въ тотъ ихъ монастырь не дается. А разстояніемъ оной монастырь отстоитъ отъ Новагорода въ четырехъ стахъ верстахъ на Ладожскомъ озерѣ в острову Коневскомъ. А отъ Кеѯгольма города въ тритцати верстахъ. Таковы жь переписные книги отданы того жь Коневскаго монастыря строителю Іеромонаху Клименту съ братіею. У подлинныхъ книгъ въ концѣ пишетъ тако: Коневскаго монастыря строитель іеромонахъ Климентъ съ братіею при переписи былъ и переписные книги принялъ и росписался. Къ подлиннымъ книгамъ по листамъ руки прикладываны тако: Къ симъ переписнымъ книгамъ города Олонца соборныя церкве Живоначальныя Троицы протопопъ Петръ Гавриловъ руку приложилъ. Къ симъ переписнымъ книгамъ Новгородскаго Его Архіерейскаго розряда копеистъ Міхайло Ушаковъ руку приложилъ“.

Современную переписи копію (XVIII вѣка) съ раскрытіемъ титловъ и внесеніемъ пунктуаціи сообщилъ

И. Шляпкинъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Слѣды уставныхъ грамотъ въ писцовыхъ книгахъ Псковскихъ пригородовъ.

(Рукопись Москов. Арх. Мин. Юст. К. 827) [1]).

Въ писцовой книгѣ Гдовскаго уѣзда:

„А доходу намеснику по гдовской по уставной грамоте царя и великого князя лета ҂ѕпі [2]) и по григорьеву писму нагово стоварыщи лета ҂ѕѯє году [3]) со гдова со всего города выезжего при его намесниееве (?) одинова в году двесте денегъ псковскихъ и того два рубля московскихъ да две зобницы ржи две зобницы овса два воза сена да со гдовскаго уезда с селскихъ людей со владычнихъ и монастырскихъ и церковныхъ и с помѣщиковыхъ со всехъ без обмены чей хто нибуди со крестьянъ на год на рожество христово с дву тысечь с пятидесятъ з дву человекъ з женатыхъ людей с человека по денги по московской и того десять рублевъ и девять алтынъ без дву денегъ то ему и с тивуномъ и з довотчики и всего гдовскому наместнику корму со гдова съ посаду и со гдовского уѣзда на годъ въезжего двенатцать рублевъ и девять алтынъ без дву московокъ да восмъ четвертей ржи да восмъ четьи овса да два воза сена а держитъ наместникъ на городе на гдовѣ тиуна да три довотчика да наместнику жъ корчма медвеная и пивная да пятьно да померъ да курница новоженная да с приезжихъ с торговыхъ людей явки с человека денга московская“. Л. 338 и об.

---

[1]) Эта рукопись содержитъ въ себѣ списки съ писц. книгъ письма и мѣры Ив. Вас. Дровнина съ тов. въ Вороначѣ, Выборѣ, Гдовѣ, Дубковѣ, Кобыльѣ и Островѣ 7093 г.

[2]) «И далъ князь великій свою грамоту уставную Псковичамъ». П. С. Р. Л., IV, 288.

[3]) «Въ лѣто 7065. Почаша писцы писати городъ Псковъ и пригороды и земли мѣрити». П. С. Р. Л. IV, 309.

Въ писцовой книгѣ Изборскаго уѣзда:

„А доходу изборскому намеснику з города с посаду и со въсего изборскаго уезда со шти губъ с царя и великаго князя с черныхъ деревень и с помещиковыхъ и маностырскихъ и с церковныхъ крестьянъ да възъезжие пошлины наместнику рубль да посадничьи пошлины рубль московской и всего взъезжие пошлины два рубля да царя и великаго князя корму з году на годъ на рожество христово с ызборъска с посаду и с ызборскаго уезду с помещиковыхъ и с монастырскихъ и с церковныхъ з женатыхъ людей з дву сотъ с пятидесятъ четырехъ человекъ по денги московской с человѣка итого рубль и девять алтынъ опричь черныхъ деревень а по старому писму шло наместнику корму сызборска с посаду и с ызборскаго уезду со всехъ шти губъ с черныхъ и с помещиковыхъ и с монастырскихъ и с церковныхъ крестьянъ з женатыхъ с тысечи с трехъ сот со штидесятъ человекъ по денги московской и того шесть рублевъ а нне в черныхъ деревняхъ крестьяне неведомы потому что по государеву наказу Григорью Морозову да Ивану Дровнину с товарыщи черныхъ деревень писать не велено. Да за наместникомъ же пятно конское, а емлеть съ пятьна с купца и с продавъца по денги по московской да выводная куница з жениха и с невесты два алтына да за наместником же корчма медвеная и пивная а до Захарьева писма Пле(и)щеева [1]) шло наместнику с черныхъ з дву губъ с николские да с павловские з двенатцать вытей и двесте дватцать четыре четъверти ржы да четыреста сорокъ восмъ четвертей овса да пятдесятъ шесть четей пшеницы пятдесятъ шесть чети солоду триста тритцать шесть горстей лну да делового с выти по три московки да за хлебъ денгами за четверть ржи шесть денегъ московская за четверть овса три денги московская за осмину пшеницы шесть денегъ московская за осмину солоду три денги московская за три горсти лну три денги московская и того всего за хлебъ и за ленъ и з деловыми денгами дватцать одинъ рубль и дватцать семь алтынъ четыре московки и тотъ хлебъ отставленъ николские и павловские губы положенъ пособной хлѣбъ“. Л. 744 об.—746 об.

Въ писцовой книгѣ Островскаго уѣзда:

„А доходъ намеснику даетъ с острова с посаду и с островскаго уезду со шти губъ с помещиковыхъ и с мнтрскихъ и церковныхъ опричь

[1]) Эта перепись относится къ 7067 г. П. Милюковъ, Спорные вопросы финанс. исторіи Москов. Госуд., стр. 164.

царя и великого князя черныхъ деревенъ на которые деревни положенъ посопной хлебъ и взъезжей пошлины по оставной грамоте сто денегъ псковская да посадничи пошлины сто ж денегъ псковская итого два рубли московская да по грамоте ц̑ря и великого князя з году на годъ з города с острова с посаду и со всего островского уезда со шти губъ з женатыхъ людей с тысечи з дву сотъ с семидесятъ пяти человекъ по денге московской и того двенатцать рублевъ и дватцать шесть алтынъ без дву денегъ а что по сътарому цисму намеснику шло с черныхъ деревень хлеба двесте восмъдесят две чети ржи да пят сот шездесятъ четыре чети овса семъдесят чети пшеницы семъ десят чети с осминою солоду ячного четыреста дватцат горстей лну да делового с выти по три денги московская и тотъ хлебъ оставленъ потому что на чорные деревни положенъ царя и великого князя посопной хлебъ а помещики и монастырские и церковные своихъ крестьянъ тотъ хлебъ емлютъ на себя а намесникомъ островскимъ за тотъ хлѣбъ даютъ денгами дватцать семъ рублевъ и пятнатцат алтынъ и две денги да за намесником же пятно да корчма медъвеная и пивная. Да в острове жъ на посаде лугъ болобановска а на немъ живетъ лете от петрове дни и павлова торгъ великой а торгуютъ две недели а приезжаютъ на тотъ торгъ многие люди московскихъ городовъ и великого новагорода и пскова и литовские и немецъкие люди и тогды збираютъ корчемного прикупа на наместника сто пятдесят рублевъ а иногды болши а иногды менши да в островском же уезде в николъской губе у воскресения христова на городище торгуютъ в третее восъкресение по велице дни один день а збираютъ на намесника корчемного прикупа десят рублевъ а иногды болши а иногды менши а городового островского корчемного прикупу что в городе корчму держать и в уезде по празником пятдесят рублевъ а иногды болши а иногды менши“. Л. 946—947.

Въ писцовой книгѣ Выборскаго уѣзда:

„. . . да с выбору жъ к пригороду тянутъ намесничимъ судомъ и кормомъ две губы богородицкая да кузмодемъянская а намеснича доходу с пригорода с выбора и со всего выборского уезда с пяти губъ въъезжего сто десятомъ псковская да за посадъничю пошлину шездесятъ денехъ да две зобницы ржи да две зобницы овса два воза сена а за хлебъ денгами даютъ за зобницу ржи четыре алтына а за зобницу овса два алтына за возъ сена два алтына и всего въъежъжего и за хлебъ и за сено денгами два рубли и три алтына без дву денехъ да намес-

нику жъ на рожество христово з женатого человека по две денги московской да за нимъ же пятна да корчма а судомъ тянетъ к вороначю". Л. 1294—и об.

Въ писцовой книгѣ Дубковскаго уѣзда:

„. . . а доходу наместники емлютъ з дубкова с посаду и всего дубковскаго уезда въезъжего корму сто шездесятъ денегъ псковскихъ да две зобницы ржи да две зобницы овса да два воза сена да з дубковскаго уезда с селскихъ людей о рожестве христове з женатаго по денге по московской а судомъ и кормомъ тянетъ къ вороночю". Л. 1391 и об.

Сообщилъ **С. Рождественскій.**

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

1895 г.

Годовое общее собраніе 1-го мая 1895 года.

Подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ. Бычкова присутствовали: В. Г. Бокъ, Е. М. Гаршинъ, баронъ Д. Г. Гинцбургъ, С. А. Жебелевъ, В. А. Жуковскій, А. В. Комаровъ, Р. Х. Леперъ, Л. Н. Майковъ, А. К. Марковъ, С. Ѳ. Платоновъ, Н. В. Покровскій, князь П. А. Путятинъ, баронъ В. Р. Розенъ, А. А. Спицынъ, П. А. Сырку, В. А. Тепловъ, П. С. Толстой, Н. Д. Чечулинъ, А. Н. Щукаревъ.

I.

Читаны и утверждены протоколы очереднаго и чрезвычайнаго общихъ собраній 30 декабря 1894 г.

II.

Исправляющій должность секретаря Общества С. Ѳ. Платоновъ прочелъ слѣдующій отчетъ секретаря В. Г. Дружинина о дѣятельности Общества за 1894 г.:

„Предварительно обзора дѣятельности Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества въ 1894 г., считаю долгомъ напомнить вамъ, что Общество наше въ минувшемъ году понесло тяжелую утрату въ лицѣ Августѣйшаго Своего Покровителя, почившаго въ Бозѣ Государя Александра Третьяго. Всѣмъ, кого близко касаются судьбы русской исторической науки въ широкомъ смыслѣ слова, навсегда останется памятнымъ живое и сердечное отношеніе Почившаго Государя къ работамъ и къ изданію документовъ, относящихся къ этой области

знанія, а также стремленіе Его къ обогащенію Государственныхъ Музеевъ предметами древностей и произведеніями искусства.

Въ видѣ особаго вниманія къ дѣятельности Общества, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, еще съ 1884 г. носившему званіе Почетнаго Члена Общества, благоугодно было принять Общество подъ Свое высокое Покровительство.

Переходя къ изложенію дѣятельности Общества, я позволю себѣ напомнить объ отшедшихъ отъ насъ нашихъ членахъ. Изъ числа почетныхъ членовъ скончались: архимандритъ Антонинъ, Макарій, архіепископъ Донской и Новочеркасскій, и Д. И. Прозоровскій. Изъ числа дѣйствительныхъ членовъ: П. О. Бурачковъ и Д. И. Смышляевъ. Изъ числа членовъ-сотрудниковъ: Д. О. Петровъ-Борзна, Н. М. Ядринцевъ, И. С. Ястребовъ и Росси. Въ личномъ составѣ Общества произошли слѣдующія перемѣны: Въ почетные члены избранъ графъ А. А. Бобринской, въ дѣйствительные члены В. Б. Антоновичъ, баронъ Д. Г. Гинцбургъ, Н. Ѳ. Дубровинъ, Э. И. Маевскій. Перечислены изъ членовъ-сотрудниковъ въ дѣйствительные члены: С. А. Жебелевъ, и А. М. Позднѣевъ. Избраны въ члены-сотрудники русскіе: Ѳ. Д. Батюшковъ, Н. Ѳ. Катановъ, П. К. Коковцевъ, Р. Х. Леперъ, Н. Ѳ. Петровскій, М. Н. Ростовцевъ, А. П. Сапуновъ, Е. С. Такайшвили. Въ члены-сотрудники иностранные: г.г. Кирхгофъ и Пичъ. Такимъ образомъ къ 1-му января 1895 г. Общество состояло изъ 22 почетныхъ членовъ, 127 дѣйствительныхъ членовъ, 88 членовъ-сотрудниковъ русскихъ и 32 членовъ-сотрудниковъ иностранныхъ.

Самымъ выдающимся событіемъ въ домашней жизни нашего Общества въ минувшемъ году нужно безспорно признать полученіе собственнаго помѣщенія.

Благодаря предстательству Августѣйшаго Предсѣдателя Общества и усиленнымъ заботамъ и ходатайству помощника предсѣдателя и по всеподданнѣйшему докладу г. Государственнаго Секретаря В. К. Плеве, въ Бозѣ Почившему Государю Императору Александру Третьему благоугодно было предоставить Обществу то обширное помѣщеніе, въ которомъ оно находится въ настоящее время и которое даетъ Обществу возможность устроить надлежащимъ образомъ свою Библіотеку и Музей и сдѣлать ихъ вполнѣ доступными для пользованія и занятій, чего Общество не имѣло въ теченіе почти пятидесяти лѣтъ своего существованія. Повторяю, что этимъ Общество всецѣло обязано тремъ ли-

цамъ: Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Константину Константиновичу, А. Ѳ. Бычкову и В. К. Плеве.

Въ минувшемъ году Общество имѣло четыре очередныхъ общихъ собраній и одно чрезвычайное: послѣднее для присужденія медали, установленной въ память графа А. С. Уварова. Въ очередныхъ собраніяхъ, кромѣ текущихъ дѣлъ, были слѣдующія сообщенія: И. Г. Троицкій—о надписяхъ, найденныхъ въ Сенджирли. А. И. Кирпичниковъ—объ иконографическихъ изображеніяхъ путешествія Іосифа и Богоматери въ Виѳлеемѣ. В. Г. Бокъ—объ эмаляхъ, находимыхъ на югѣ Россіи. Князь П. А. Путятинъ—о раскопкахъ въ С. Изидро въ Испаніи и о раскопкахъ барона де-Бай.

За истеченіемъ трехлѣтія со времени выбора на основаніи § 55 Устава, общее собраніе просило А. Ѳ. Бычкова, А. К. Маркова, В. Г. Бока, А. Н. Щукарева остаться для продолженія исполненія ихъ обязанностей на новое трехлѣтіе, на что они выразили свое согласіе.

На основаніи § 55—56 Устава и за отказомъ графа Бобринскаго продолжать управленіе Отдѣленіемъ Русской и Славянской Археологіи, управляющимъ этимъ Отдѣленіемъ былъ избранъ дѣйствительный членъ С. Ѳ. Платоновъ.

На основаніи того же Устава и въ виду отказа В. К. Ернштедта продолжать исполненіе обязанностей секретаря Отдѣленія Археологіи Классической, его мѣсто занялъ дѣйствительный членъ С. А. Жебелевъ.

Совѣтъ имѣлъ пять засѣданій и занимался хозяйственными дѣлами Общества. Кромѣ должностныхъ лицъ, въ засѣданіяхъ принимали участіе представители Отдѣленій: Н. И. Веселовскій, В. А. Жуковскій и Н. И. Стояновскій.

Научная дѣятельность членовъ Общества выразилась въ рефератахъ, читанныхъ ими въ засѣданіяхъ Отдѣленій и въ печатаніи ихъ трудовъ въ изданіяхъ Общества.

Отдѣленіе Археологіи Славянской и Русской имѣло шесть засѣданій, изъ коихъ одно было посвящено обозрѣнію выставки древностей, добытыхъ Императорскою Археологическою Коммиссіею въ 1893 г. Въ остальныхъ засѣданіяхъ были сдѣланы слѣдующія сообщенія: Ѳ. А. Браунъ—къ вопросу объ исторической этнографіи Восточной Германіи; С. К. Буличъ—новѣйшія данныя къ вопросу о прародинѣ индоевропейцевъ въ предѣлахъ нынѣшней Европейской Россіи; В. Г. Васильевскій—о годѣ, мѣсяцѣ и числѣ перваго нашествія Руси

на Константинополь; В. Г. Дружининъ—о раскопкѣ городища на берегу озера Наноги въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи; Х. М. Лопаревъ—о самосожигателяхъ въ русскомъ расколѣ по новооткрытому памятнику въ старообрядческой литературѣ; П. М. Милюковъ—къ вопросу о составѣ служилаго класса въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка; А. Е. Прѣсняковъ—о рукописи, содержащей Московскій лѣтописный сводъ; С. А. Пташицкій—что значитъ слово: „счадки"; С. М. Середонинъ—о такъ-называемой боярской книгѣ № 12 Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; А. А. Спицынъ—о могильникахъ Камской чуди X вѣка.

Отдѣленіе Археологіи Классической и Западно-Европейской имѣло пять засѣданій, въ которыхъ читали сообщенія: Н. И. Веселовскій—о Минеи греческаго служебника XVII вѣка; С. А. Жебелевъ—о древнѣйшихъ сношеніяхъ Аѳинъ съ Римомъ; В. В. Латышевъ—о двухъ надписяхъ, найденныхъ въ Херсонесѣ и въ Керчи; къ исторіи Воспорскаго царства; къ вопросу о поддѣлкахъ предметовъ древности на сѣверномъ берегу Чернаго моря; Р. Х. Леперъ—о недавнихъ раскопкахъ въ Южной Аттикѣ; о древне-греческомъ театрѣ по теоріи Дёрпфельда; К. А. Лишинъ—о типахъ фракійскихъ монетъ; князь П. А. Путятинъ—о принадлежащемъ ему мраморномъ бюстѣ Пана; А. Ѳ. Семеновъ—объ игрѣ коттабосъ; Я. И. Смирновъ—о сидонскихъ саркофагахъ; А. Ѳ. Энманъ—о новыхъ раскопкахъ на островѣ Кипрѣ.

Отдѣленіе Археологіи Восточной имѣло пять засѣданій, въ которыхъ сдѣланы слѣдующія сообщенія: членомъ-сотрудникомъ В. В. Бартольдомъ: „Былина о Дерсѣ-ханѣ" и „Слѣды греческихъ миѳовъ въ Средней Азіи"; С. А. Бершадскимъ—объ устройствѣ турецкой имперіи въ началѣ XVI вѣка на основаніи документа, находящагося въ одной изъ посольскихъ книгъ коронной метрики времени короля Александра Ягеллона; дѣйствительнымъ членомъ А. Я. Гаркави—свѣдѣнія параклискаго писателя Ал. Киркисани объ еврейскихъ сектахъ; членомъ-сотрудникомъ Н. Я. Марръ—объ источникахъ исторіи Моисея Хоренскаго; дѣйствительнымъ членомъ В. В. Радловымъ: о дешифрированіи профессоромъ Томсеномъ древнихъ тюркскихъ надписей и о содержаніи надписей, снятыхъ Орхонской экспедиціей.

Въ 1894 году закончены и выпущены въ свѣтъ выпуски 3 и 4 VIII тома Записокъ Восточнаго Отдѣленіе.

Ученая дѣятельность Общества выразилась также въ слѣдующихъ изданіяхъ: окончены печатаніемъ выпуски 3 и 4 VI тома Записокъ Общества и печатались выпуски 1 и 2 VII тома. Вышелъ въ свѣтъ томъ VIII Записокъ Восточнаго Отдѣленія и печатались: томъ IX тѣхъ же Записокъ и XVIII т. Трудовъ Отдѣленія; собирались матеріалы для III тома „Inscriptiones“ (В. В. Латышева).

Н. Е. Бранденбургомъ и В. В. Сусловымъ были сдѣланы дополнительныя обслѣдованія Старо-Ладожской крѣпости и находящейся въ ней церкви св. Георгія, при чемъ въ послѣдней были скалькированы фрески для приготовляющагося изданія историко-археологическаго описанія этой крѣпости.

Въ Обществѣ работали слѣдующія коммиссіи: Редакціонная Коммиссія въ лицѣ членовъ: С. Ѳ. Платонова, И. В. Помяловскаго и графа И. И. Толстого. Ревизіонная Коммиссія въ лицѣ предсѣдателя В. В. Латышева и членовъ: Л. Н. Майкова и С. Ѳ. Платонова; Коммиссія для присужденія медалей Общества, состоявшая подъ предсѣдательствомъ Н. И. Веселовскаго и при участіи: В. Г. Васильевскаго, В. В. Латышева, Л. Н. Майкова, барона В. Р. Розена; Коммиссія для присужденія медали графа Уварова подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена и при участіи: В. Г. Васильевскаго, А. С. Лаппо-Данилевскаго, В. В. Латышева, С. Ѳ. Платонова и И. В. Помяловскаго; Коммиссія для обревизованія предметовъ, не заслуживающихъ, по мнѣнію хранителя Музея, дальнѣйшаго пребыванія въ Музеѣ Общества, въ лицѣ предсѣдателя А. А. Спицына и членовъ: С. А. Жебелева и Н. В. Покровскаго. Коммиссія для изданія историко-археологическаго описанія Старо-Ладожской крѣпости въ лицѣ А. Н. Куника и графа И. И. Толстого.

Большія серебряныя медали Общества были присуждены слѣдующимъ лицамъ: А. А. Бертье-Делагарду, за сочиненіе его подъ заглавіемъ: „Раскопки Херсонеса“ и А. А. Спицыну за сочиненіе его: „Археологическія розысканія о древнѣйшихъ обитателяхъ Вятской губерніи“, а малая золотая медаль Общества была присуждена члену-сотруднику В. В. Суслову за исполненныя имъ работы по обслѣдованію Старо-Ладожской крѣпости и церкви св. Георгія.

Въ минувшемъ году насталъ срокъ для присужденія медали, установленной въ память графа А. С. Уварова. Большая медаль была присуждена почетному члену Общества, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Георгію Михаиловичу за сочиненіе его подъ заглавіемъ:

„Монеты царствованія Императрицы Екатерины II“. Малая медаль присуждена графу И. И. Толстому за рецензію на это сочиненіе.

Библіотека Общества продолжала пополняться при помощи обмѣна изданій на изданія Общества. Особенно цѣннымъ пожертвованіемъ нужно признать пожертвованіе членомъ Общества Звенигородскимъ экземпляра роскошно изданнаго имъ труда Н. П. Кондакова подъ заглавіемъ: „Исторія Византійской эмали“.

Благодаря новому помѣщенію Общества, явилась возможность озаботиться пополненіемъ музея новыми предметами. Для этого Общество обратилось съ ходатайствомъ къ Императорской Археологической Коммиссіи, которая не только изъявила готовность жертвовать предметы древности, но и препроводила уже много цѣнныхъ предметовъ. Кромѣ того, лицо, пожелавшее остаться неизвѣстнымъ, пожертвовало нѣсколько монетъ, найденныхъ имъ въ Карсѣ.

Вслѣдствіе ходатайства нижеслѣдующихъ учрежденій и лицъ, Общество стало высылать свои изданія: Археологическому Институту въ Константинополѣ, Археологической Коммиссіи при Западно-Сибирскомъ Отдѣлѣ Географическаго Общества, Восточному Институту въ Неаполѣ, Императорскому Московскому Археологическому Обществу, Пензенской библіотекѣ имени М. Ю. Лермонтова, редакціи „Правительственнаго Вѣстника“, Эстляндскому Статистическому Комитету, а также Персидскому министру печати, предоставивъ ему экземпляръ Записокъ Восточнаго Отдѣленія.

Такъ прожило Общество сорокъ девятый годъ своего существованія“.

III.

Казначей Общества прочелъ слѣдующій отчетъ о движеніи принадлежащихъ Обществу суммъ въ 1894 г.

Въ отчетномъ году Общество имѣло слѣдующій доходъ:

	Руб.	К.
Остатокъ отъ смѣты 1893 г.	239	76
Членскихъ взносовъ годичныхъ.	170	—
% съ капиталовъ Общества	1.146	84
Субсидія Министерства Народнаго Просвѣщенія . . .	5.000	—
Возвратъ купоннаго налога Мин. Нар. Просв. . . .	55	62
Продажа изданій Общества	310	44
„ процентныхъ бумагъ	2.663	69
Возвратъ г. секретаремъ Общ. выданныхъ дѣлопроизводителю Общ. на переѣздъ денегъ	25	—

Возвратъ заимообразно на капиталъ Ладожской крѣпости выданныхъ г. Суслову суммъ на изданіе описанія Старо-Ладожской крѣпости	420 —
Итого	10.031 35

За то же время расходъ былъ слѣдующій:

	Руб. К.
Секретарю на мелочные расходы	307 58
Библіотекарю	240 —
Казначею	75 —
На канцелярскіе расходы	900 —
Дѣлопроизводителю	25 —
На изданіе Записокъ Общества	479 85
На изданіе Записокъ Восточнаго Отдѣленія	999 92
На изданіе описанія Ладожской крѣпости	510 —
На изданіе соч. г. Латышева Corp. Inscr. etc.	32 55
На изданіе соч. Ю. Б. Иверсена	229 65
На расходы по переѣзду въ новое помѣщеніе	633 90
На медали Общества	86 15
На расходы въ Государственномъ Банкѣ	6 45
Покупку процентныхъ бумагъ	4.608 85
Итого	9.134 90

Въ остаткѣ къ 1 января 1895 года 896 руб. 45 коп., изъ нихъ въ кассѣ 813 руб. 42 коп. и въ Государственномъ Банкѣ на текущемъ счету 83 руб. 3 коп.

Капиталъ Общества равняется:

$4^1/_2$% свид. Госуд. Крес. Позем. банка . . .	21.200 [1]
$4^1/_2$% облиг. внутр. займа 1893 г.	3.500
Итого	24.700 нар. стоим.

По капиталу Восточнаго Отдѣленія доходъ былъ:

Остатокъ отъ 1893 г.	61 р. 36 к.
% на срокъ 1 января и 1 іюля	380 р. 49 к.
Итого . . .	441 р. 85 к.

[1]) Этотъ капиталъ уменьшился въ отчетномъ году на 50 рублей вслѣдствіе перечисленія изъ него 50 руб. н. с. въ капиталъ Ладожской крѣпости въ возмѣщеніе взятыхъ изъ него на изданіе ея описанія 1.000 р. вмѣсто 950 р. при продажѣ 1.000 р. облигаціи.

Расхода не было.

Къ 1 января 1895 г. капиталъ Отдѣленія заключается въ 8.900 р. н. с. свид. Крест. Поземельнаго банка.

По капиталу, Высочайше ассигнованному на поддержаніе Старо-Ладожской крѣпости, приходъ составляли:

Остатокъ отъ 1893 года	— р. 23 к.
% съ капитала на сроки 1 января и 1 іюля . .	276 р. 80 к.
Продажа процентн. бумагъ	1.032 р. 35 к.
Итого . .	1.309 р. 38 к.

Расходъ при этомъ былъ:

Государств. Банку при пром. тираж. проц. билетовъ	45 р. 68 к.
На изданіе описанія Ладожской крѣпости . . .	837 р. 50 к.
Обществу въ возвратъ израсходованныхъ имъ заимообразно на капит. крѣп. денегъ на опис. крѣп. .	420 р. — к.
Итого . .	1.303 р. 18 к.

Въ остаткѣ къ 1 января 1895 г. 6 руб. 20 коп.

Капиталъ заключается въ 6.000 р. н. с. въ $4^1/_2$% свид. Крест. Поземельнаго Банка.

Въ общемъ всѣ капиталы, принадлежащіе Обществу, равняются къ 1 января 1895 г. 39.600 руб. н. с.

IV.

Доложенъ протоколъ засѣданія Совѣта 25 января 1895 г.

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго засѣданія Совѣта 20 декабря 1894 г.

Доложены слѣдующія текущія дѣла:

2) Рескриптъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Михаиловича на имя Августѣйшаго предсѣдателя Общества отъ 31 декабря, за № 1.450, съ изъявленіемъ благодарности за присужденную Его Высочеству медаль, учрежденную въ память графа А. С. Уварова.

Постановлено довести до свѣдѣнія общаго собранія.

3) Заявленіе редакціи газеты „Правительственнаго Вѣстника“ отъ 14 января, за № 108, о готовности вступить въ обмѣнъ изданіями.

Постановлено принять къ свѣдѣнію и высылать впредь изданія Общества.

4) Ходатайство Распорядительнаго Комитета 1-й Всероссійской выставки печатнаго дѣла отъ 12 января о доставленіи на выставку изданій Общества, вышедшихъ въ 1894 г.

Постановлено выслать изданія, вышедшія въ 1894 г.

5) Ходатайство крестьянина Усова о дозволеніи отыскивать клады въ Тобольской губерніи.

Постановлено передать въ Императорскую Археологическую Коммиссію, по принадлежности.

6) Отношенія Императорской Археологической Коммиссіи отъ 28 декабря 1894 г., за №№ 1.899, 1.912 и 1.933, съ препровожденіемъ предметовъ древностей для музея Общества.

Постановлено выразить признательность Общества.

7) Секретарь Общества довелъ до свѣдѣнія Совѣта о томъ, что среди членовъ Общества возникло желаніе, чтобы подобно Восточному Отдѣленію Общества и другія два Отдѣленія имѣли свои печатные органы, подъ заглавіемъ: „Труды“ этихъ отдѣленій, которые издавались бы подъ редакціей управляющихъ Отдѣленіями.

Постановлено предоставить Отдѣленіямъ археологіи классической и археологіи русской каждому по два выпуска Записокъ Общества, продолжая теперешнюю нумерацію томовъ этой серіи съ тѣмъ, чтобы каждый полутомъ Записокъ имѣлъ свою пагинацію и кромѣ общаго заглавія „Записокъ“ именовался бы „Трудами“ того или другого Отдѣленія; передать редактированіе „Трудовъ“ управляющимъ Отдѣленіями и предложить секретарю Общества, на основаніи § 41 Устава, избрать членовъ редакціоннаго комитета по соглашенію съ управляющими Отдѣленій. Протоколъ засѣданій Отдѣленій печатать въ „Трудахъ“ Отдѣленій, а протоколъ общихъ собраній отдѣльно въ Запискахъ Общества подъ редакціей секретаря Общества. Приступить къ изданію „Трудовъ“ Отдѣленій съ VIII тома Записокъ Общества.

8) Письмо С. А. Катанскаго отъ 29 декабря 1894 г. съ ходатайствомъ о приблизительномъ опредѣленіи времени написанія извѣстной ему и описанной имъ иконы.

Постановлено увѣдомить, что икона, по всей вѣроятности, писана въ XVIII вѣкѣ.

9) Представлены къ оплатѣ слѣдующіе счета: фототипа Вильборга за таблицы для Записокъ Восточнаго Отдѣленія отъ 27 октября 1894 г. на 8 руб. и для Записокъ Общества отъ 19 января с. г. на 70 руб. Переплетчика Экгардта за брошюровку Записокъ Восточнаго Отдѣленія отъ 30 декабря 1894 г. на 30 руб.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Постановлено уплатить изъ остатковъ по исполненію смѣты на 1894 годъ.

10) Секретарь Общества довелъ до свѣдѣнія Совѣта, что вслѣдствіе перехода въ новое помѣщеніе, занимаемое нынѣ Обществомъ, сдѣлана въ 1894 г. передержка, въ размѣрѣ 107 р. 58 к., сравнительно съ ассигнованными по смѣтѣ суммами на содержаніе канцеляріи и мелочные расходы.

Постановлено покрыть передержку изъ остатковъ по смѣтѣ 1894 г.

11) Хранитель музея довелъ до свѣдѣнія Совѣта, что въ цѣну шкафовъ для музея, исчисленную столяромъ по 35 руб. за шкафъ, не включена стоимость стеколъ, что̀ составитъ разницу 10 р. на шкафъ.

Постановлено уменьшить число шкафовъ съ тѣмъ, чтобы стоимость всѣхъ не превышала 350 руб.

12) Предложены въ дѣйствительные члены: С. В. Рождественскій и И. А. Шляпкинъ, въ члены-сотрудники Н. И. Новосадскій.

Постановлено предложить въ ближайшемъ общемъ собраніи.

Общее собраніе утвердило изложенный протоколъ засѣданія Совѣта.

V.

Доложенъ протоколъ засѣданія Совѣта 18 апрѣля 1895 г. (при чемъ предсѣдатель ревизіонной коммиссіи Л. Н. Майковъ довелъ до свѣдѣнія собранія замѣчанія этой коммиссіи, а предсѣдатель коммиссіи, избранной для разсмотрѣнія предметовъ, находящихся въ музеѣ Общества, А. А. Спицынъ сообщилъ протоколъ осмотра музея):

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго засѣданія Совѣта 25 января 1895 г.

2) Читанъ слѣдующій протоколъ ревизіонной коммиссіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества отъ 19 марта 1895 г.

„Ревизіонная коммиссія, избранная общимъ собраніемъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества въ засѣданіи 29 декабря 1894 г., имѣла 12 марта 1895 г. засѣданіе въ составѣ дѣйствительныхъ членовъ: Л. Н. Майкова, А. М. Позднѣева и Н. В. Покровскаго. При этомъ коммиссія выслушала представленный ей В. Г. Дружининымъ отчетъ Совѣта Общества за 1894 г. и признала его вполнѣ удовлетворительнымъ. Затѣмъ коммиссія провѣрила предъявленные ей А. К. Марковымъ денежные счеты и книгу доходовъ и расходовъ и нашла ихъ въ полномъ порядкѣ. Равнымъ образомъ произведена была провѣрка капиталовъ Общества, содержащихся въ процент-

ныхъ бумагахъ и сіи послѣднія оказались въ наличности и совершенной полнотѣ. Наконецъ, осмотръ новаго помѣщенія Общества убѣдилъ коммиссію въ удовлетворительномъ его устройствѣ; съ особеннымъ удовольствіемъ коммиссія усмотрѣла, что перемѣщеніе Общества дало возможность болѣе удобно расположить какъ библіотеку Общества, такъ и музей и складъ его изданій.

Принимая такимъ образомъ матеріальное положеніе Общества въ теченіе минувшаго года вполнѣ удовлетворительнымъ, коммиссія считаетъ долгомъ заявить о томъ общему собранію и къ этому результату своей ревизіи позволяетъ себѣ присовокупить лишь два слѣдующія замѣчанія:

а) По библіотекѣ Общества. Приведеніе принадлежащаго Обществу книжнаго собранія въ порядокъ убѣдило библіотекаря А. Н. Щукарева въ томъ, что нѣкоторыя обширныя серіи изданій представляютъ значительные пробѣлы и нуждаются въ пополненіи. Коммиссія считаетъ возможнымъ обратить вниманіе Совѣта на это обстоятельство и предлагаетъ ему озаботиться пополненіемъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ серій, для которыхъ недостающіе томы могутъ быть получены безмездно.

б) По музею Общества. По заявленію хранителя В. Г. Бока, нумизматическій отдѣлъ музея Общества всего болѣе нуждается въ пересмотрѣ и упорядоченіи; но онъ, г. Бокъ, не считаетъ возможнымъ принять на себя этотъ трудъ, такъ какъ нумизматика не составляетъ его спеціальности. Въ виду такого заявленія, коммиссія позволяетъ себѣ выразить надежду, что Совѣтъ озаботится пріисканіемъ для мюнцъ-кабинета Общества особаго хранителя, который и могъ бы заняться его каталогизаціей".

По разсмотрѣніи замѣчаній ревизіонной коммиссіи, постановлено представить общему собранію, что Совѣтъ вполнѣ раздѣляетъ пожеланія коммиссіи. Совѣтъ уже поручилъ библіотекарю Общества составить списокъ изданій, нуждающихся въ пополненіи, и, сообразуясь съ этимъ спискомъ, приметъ мѣры къ пріобрѣтенію недостающаго какъ путемъ обмѣна изданій, такъ и ихъ покупкою. Что же касается до мюнцъ-кабинета Общества, то Совѣтъ съ своей стороны выражаетъ надежду, что находящіяся въ средѣ Общества компетентныя лица возьмутъ на себя трудъ описанія нумизматическихъ коллекцій, принадлежащихъ Обществу. Съ представленіемъ о необходимости содѣйствія въ этомъ дѣлѣ со стороны членовъ Общества Совѣтъ уже обращался къ общему собранію.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

3) Былъ читанъ слѣдующій докладъ коммиссіи для исключенія изъ музея Общества предметовъ, не заслуживающихъ храненія:

„Коммиссія имѣетъ честь довести до свѣдѣнія общаго собранія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, что ей г. хранителемъ музея Общества были представлены на разсмотрѣніе слѣдующіе, предположенные имъ къ изъятію изъ собраній Общества, предметы.

а) Нѣсколько предметовъ церковнаго характера, именно: антиминсъ 1701 г., вериги въ видѣ желѣзнаго обруча, 3 деревянные креста и 3 иконы суздальскаго письма нынѣшняго столѣтія.

б) Около 30 экземпляровъ загрязненныхъ и отчасти поломанныхъ гипсовыхъ слѣпковъ и статуэтокъ и другихъ вещей классическаго, скиѳскаго и сассанидскаго происхожденія.

в) Гипсовые слѣпки съ восточныхъ зеркалъ, расположенные въ 4 медальонахъ и 3 доскахъ.

г) 9 экземпляровъ слѣпковъ съ извѣстныхъ виленскихъ находокъ 1850-хъ годовъ.

д) 5 китайскихъ или японскихъ сильно потерпѣвшихъ отъ времени эмалированныхъ вещей и небольшой мраморный постаментъ.

е) Ржавые желѣзные обручи, неизвѣстнаго происхожденія и назначенія.

ж) Отдѣльныя части человѣческихъ скелетовъ, неизвѣстно откуда поступившихъ.

з) Деревянная модель древней греческой гробницы, изъ неизвѣстной мѣстности.

Ознакомившись съ перечисленными предметами, коммиссія нашла, что, за исключеніемъ слѣпковъ съ виленскихъ находокъ, хорошо сохранившихся и представляющихъ интересъ въ виду того, что эти находки полностью и достаточно хорошо нигдѣ не изображены, — всѣ они могутъ быть изъяты изъ собраній Общества и исключены изъ инвентаря; изъ виленскихъ находокъ могутъ быть исключены два номера вещей, какъ, очевидно, имѣющихъ сравнительно недавнее происхожденіе.

Представляя свое мнѣніе на усмотрѣніе общаго собранія, коммиссія позволяетъ себѣ высказать, что нѣкоторые изъ описанныхъ выше предметовъ могли бы быть переданы въ различныя ученыя или учебныя учрежденія, а другіе, какъ не имѣющіе никакого значенія, могутъ быть уничтожены. Такъ, всѣ предметы церковные и модель гробницы можно было бы препроводить въ музей при С.-Петербургской Духовной Академіи, слѣпки съ восточныхъ зеркалъ въ Азіатскій музей,

кости—въ Медицинскую Академію или же въ Петербургское Антропологическое Общество и гипсовые слѣпки—въ какое-нибудь учебное заведеніе, для цѣлей педагогическихъ".

Постановлено представить этотъ докладъ коммиссіи общему собранію; вмѣстѣ съ тѣмъ выставить для обозрѣнія въ общемъ собраніи вещи, предполагаемыя къ исключенію, и довести до свѣдѣнія общаго собранія мнѣніе Совѣта, что какъ антиминсъ, относящійся къ самому началу XVIII в., такъ и иконы, пожертвованныя въ Общество однимъ изъ членовъ-сотрудниковъ, надлежало бы сохранить въ музеѣ Общества.

Доложены были слѣдующія текущія дѣла:

4) Отношеніе Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей отъ 10 марта 1895 г., за № 139, о напечатаніи въ „Запискахъ" Археологическаго Общества сообщенія о преміяхъ, находящихся въ распоряженіи названнаго Общества.

Постановлено: напечатать.

5) Извѣщеніе Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Географіи, отъ 14 марта, за № 807, о двухъ при Обществѣ преміяхъ имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича.

Постановлено: довести до свѣдѣнія общаго собранія.

6) Предъявлены къ оплатѣ слѣдующіе счета: а) Типографіи Императорской Академіи Наукъ (два счета отъ 15 декабря 1894 г., за № 188, и отъ 25 января 1895 г., за № 9, на 75 р.); б) Н. А. Демчинскаго (пять счетовъ) за клише для „Записокъ" Общества на 271 р. 20 к.; в) А. М. Вильберга за клише для „Записокъ" Восточнаго Отдѣленія на 21 руб.

Постановлено по счетамъ уплатить, отнеся расходъ на остатки по исполненію смѣтъ 1894 г.

7) Письмо редакціи журнала „Kwartalnik Historyczny" объ обмѣнѣ изданіями.

Постановлено: производить обмѣнъ и высылать „Записки" Общества (съ 1894 года).

8) Ходатайство Пермскаго Экономическаго Общества о высылкѣ въ его библіотеку изданій Общества.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

9) Ходатайство Сарапульскаго Общества Трезвости о высылкѣ въ его библіотеку дубликатовъ археологическихъ коллекцій.

Постановлено: имѣть въ виду это ходатайство Сарапульскаго Общества.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

10) Отношеніе Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ, за № 574, объ обмѣнѣ изданій Общества.

Постановлено: выслать „Записки Общества“ новой серіи съ 1 тома.

11) Письмо почетнаго члена Общества графини П. С. Уваровой о высылкѣ для ея библіотеки „Трудовъ II Археологическаго Съѣзда“ съ указаніемъ ихъ стоимости.

Постановлено: выслать просимое безмездно.

12) Письмо И. Максимовича изъ Кіева съ просьбою провѣрить составленный имъ списокъ всѣхъ изданій Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества и указать размѣръ уступки при пріобрѣтеніи этихъ изданій въ полномъ составѣ.

Постановлено: поручить провѣрку А. Н. Щукареву, а г. Максимовича извѣстить, что уступка можетъ быть сдѣлана въ 20%.

13) Письмо г. Julius von Kaan Albest изъ Мюнхена съ извѣщеніемъ о его собраніи итальянскихъ и испанскихъ кружевъ и вышивокъ.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

14) Письмо И. Ѳ. Славинскаго съ приложеніемъ 15 монетъ для ихъ оцѣнки.

Постановлено: извѣстить г. Славинскаго, что монеты не представляютъ цѣнности.

15) Письмо Л. П. Лапа, съ приложеніемъ двухъ вышитыхъ тканей и обломка каменнаго молотка, съ просьбою объ опредѣленіи этихъ вещей.

Постановлено: относительно тканей снестись съ директоромъ этнографическаго музея при Императорской Академіи Наукъ, а молотокъ пріобрѣсти для музея Общества, если владѣлецъ уступитъ за 1 рубль.

16) Письмо Н. Ф. Петровскаго съ выраженіемъ признательности за избраніе его въ члены-сотрудники Общества и съ приложеніемъ брошюры: „Древніе арабскіе дорожники по средне-азіатскимъ мѣстностямъ“.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію и благодарить г. Петровскаго за присылку брошюры.

17) Письмо фотографа г. Л. Левицкаго съ извѣщеніемъ, что онъ разрѣшаетъ воспроизвести, безъ всякаго за то вознагражденія, принадлежащій ему портретъ въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III при VIII томѣ „Записокъ“ Общества.

Постановлено: благодарить г. Левицкаго.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

18) Предложенъ въ иностранные члены-сотрудники профессоръ А. Мау (Mau).

Постановлено: предложить въ ближайшемъ общемъ собраніи.

19) Представленъ инвентарь имуществу Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

20) Письмо фельдшера Большунова съ предложеніемъ пріобрѣсти у него рогъ, найденный въ Самарской губерніи.

Постановлено: передать письмо г. Большунова въ Императорскую Академію Наукъ по принадлежности.

Общее собраніе утвердило протоколъ Совѣта и выраженныя въ немъ немъ объясненія на замѣчанія ревизіонной коммиссіи, а по поводу протокола коммиссіи, обозрѣвавшей предметы, находящіеся въ музеѣ Общества, постановило:

а) Ржавые желѣзные обручи уничтожить.

б) Части человѣческихъ скелетовъ передать въ Антропологическое Общество при Императорской Медицинской Академіи.

в) Остальныя перечисленныя въ протоколѣ коммиссіи вещи сохранять при Обществѣ, съ занесеніемъ ихъ въ особую опись.

VI.

Доложенъ протоколъ коммиссіи, избранной для выработки программы празднованія предстоящаго 50-ти-лѣтія со времени основанія Общества, которая постановила:

1) Ходатайствовать передъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія о разрѣшеніи Обществу праздновать пятидесятилѣтіе своего существованія.

2) Публичное торжественное празднованіе назначить на воскресенье 15 декабря 1896 г., о чемъ своевременно увѣдомить ученыя учрежденія и Общества и просить Императорскую Академію Наукъ о разрѣшеніи на устройство этого собранія въ ея большой конференцъ-залѣ.

3) Просить Н. И. Веселовскаго принять на себя составленіе и чтеніе въ торжественномъ собраніи рѣчи о дѣятельности Общества.

4) Ко дню празднованія юбилея Общества выпустить въ свѣтъ слѣдующія изданія:

а) Историческую записку о дѣятельности Общества, составленіемъ которой занимается нынѣ Н. И. Веселовскій.

б) Историко-археологическое описаніе Старо-Ладожской крѣпости, составляемое Н. Е. Бранденбургомъ съ атласомъ рисунковъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

в) Техническое описаніе развалинъ той же крѣпости, составленное В. В. Сусловымъ и исполненные имъ чертежи крѣпости.

г) Систематическій указатель ко всѣмъ изданіямъ Общества.

5) Выбить медаль въ память пятидесятилѣтія существованія Общества, для чего просить общее собраніе о выборѣ коммиссіи для выработки проекта медали.

6) Учредить денежную премію въ память юбилея, которая бы выдавалась черезъ извѣстное число лѣтъ за сочиненія, написанныя на заданныя Обществомъ темы, для чего ежегодно вносить въ смѣту Общества особое ассигнованіе.

7) Отчислять остатки отъ исполненія смѣтъ за 1893 г. и слѣдующіе годы на покрытіе расходовъ по празднованію юбилея Общества и по печатанію указанныхъ въ пунктѣ 4 изданій.

Общее собраніе утвердило постановленія коммиссіи и избрало Ю. Б. Иверсена, А. А. Куника, А. К. Маркова и И. В. Помяловскаго для составленія проекта медали въ память пятидесятилѣтняго существованія Общества.

VII.

Въ виду предстоящаго 17 мая сего года празднованія пятидесятилѣтней служебной дѣятельности князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, общее собраніе единогласно и безъ баллотировки избрало его въ почетные члены, при чемъ просило А. Ѳ. Бычкова и барона В. Р. Розена составить адресъ для поднесенія юбиляру въ означенный день.

VIII.

Предложены въ дѣйствительные члены С. В. Рождественскій и И. А. Шляпкинъ; въ члены-сотрудники Н. И. Новосадскій; въ иностранные члены-сотрудники: г.г. Германъ, Мау и Трухелка.

Постановлено: произвести баллотировку въ слѣдующемъ общемъ собраніи.

IX.

Произведена баллотировка: Д. М. Позднѣева и Г. Ф. Церетели, предложенныхъ въ послѣднемъ общемъ собраніи въ члены-сотрудники Общества.

Оба избраны единогласно.

X.

Князь П. А. Путятинъ сдѣлалъ сообщеніе о королевѣ французской Аннѣ, дочери великаго князя Ярослава.

Чрезвычайное общее собраніе 16 мая 1895 года.

Подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ. Бычкова присутствовали: Д. В. Айналовъ, В. Г. Бокъ, В. Г. Васильевскій, Н. И. Веселовскій, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, С. А. Жебелевъ, В. А. Жуковскій, Д. Ѳ. Кобеко, Н. П. Лихачевъ, А. К. Марковъ, А. М. Позднѣевъ, А. В. Половцевъ, князь П. А. Шутятинъ, В. Э. Регель, баронъ В. Р. Розенъ, С. М. Середонинъ, А. А. Спицынъ, П. А. Сырку, Г. Ф. Церетели, Н. Д. Чечулинъ, А. Н. Щукаревъ; гость: г. Романченко.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго общаго собранія 1 мая 1895 года.

II.

Предсѣдатель коммиссіи, избранной для разсмотрѣнія сочиненій, авторы коихъ подлежатъ награжденію медалями Общества, баронъ В. Р. Розенъ, прочелъ слѣдующій докладъ этой коммиссіи, а также отзывы, къ этому докладу приложенные [1]).

„Медальная коммиссія, въ лицѣ предсѣдателя барона В. Р. Розена и членовъ Н. И. Веселовскаго, В. В. Латышева, Л. Н. Майкова и И. В. Помяловскаго, заслушавъ составленные, по ея порученію, отзывы В. В. Стасова о сочиненіи Н. П. Кондакова подъ заглавіемъ „Исторія и памятники Византійской эмали“ (изд. А. В. Звенигородскаго), и С. А. Жебелева о сочиненіи В. К. Мальмберга подъ заглавіемъ: „Предметы греческаго и греко-варварскаго искусства, найденные въ курганѣ Карагодеуашхъ“, постановила большинствомъ голосовъ представить общему собранію о присужденіи Н. П. Кондакову большой золотой медали и единогласно В. К. Мальбергу большой серебряной медали“.

По выслушаніи отзывовъ, Н. И. Веселовскій и Д. Ѳ. Кобеко возбудили вопросъ о томъ, подлежитъ-ли награжденію по § 78 Устава Н. П. Кондаковъ, какъ авторъ сочиненія, на которомъ означенъ 1892 г. выхода въ свѣтъ.

Въ виду даннаго А. Ѳ. Бычковымъ и В. Г. Васильевскимъ разъясненія, что сочиненіе ошибочно помѣчено 1892 г. и вышло въ свѣтъ лишь въ 1894 г., общее собраніе, закрытою балло-

[1]) Отзывы приложены къ этому протоколу.

тировкою, большинствомъ голосовъ, признало сочиненіе Н. П. Кондакова подлежащимъ конкурсу. Послѣ сего, общее собраніе присудило большинствомъ голосовъ Н. П. Кондакову большую золотую медаль, а В. К. Мальмбергу единогласно большую серебряную.

III.

Въ виду прекращенія лѣтомъ дѣятельности Совѣта, общее собраніе уполномочило А. Ѳ. Бычкова, а въ случаѣ его отсутствія, барона В. Р. Розена, производить необходимыя уплаты по счетамъ и другіе расходы.

IV.

Произведены выборы лицъ, предложенныхъ въ предъидущемъ общемъ собраніи: въ дѣйствительные члены: С. В. Рождественскаго и И. А. Шляпкина; въ члены сотрудники Н. И. Новосадскаго; въ иностранные члены-сотрудники: г.г. Германа, Мау и Трухелка.

Избранными оказались: С. В. Рождественскій, большинствомъ голосовъ 18 противъ 2; И. А. Шляпкинъ 19 противъ 1; Н. И. Новосадскій 18 противъ 2; г. Германъ 11 противъ 9, г. Мау 16 противъ 4 и г. Трухелка 11 противъ 9.

Общее собраніе 17 ноября 1895 года.

Подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича присутствовали: помощникъ предсѣдателя А. Ѳ. Бычковъ, члены: В. Г. Бокъ, Ф. А. Браунъ, В. Г. Дружининъ, С. А. Жебелевъ, В. А. Жуковскій, Н. Я. Марръ, Л. Н. Майковъ, В. П. Мордвиновъ, С. Ѳ. Платоновъ, Н. В. Покровскій, И. В. Помяловскій, князь П. А. Шутятинъ, В. Э. Регель, баронъ В. Р. Розенъ, В. Д. Смирновъ, П. А. Сырку, Н. Д. Чечулинъ, И. А. Шляпкинъ, А. Н. Щукаревъ. Гости: г.г. Линниченко, Майковъ, Собко, Стасовъ и Трескинъ.

I.

Предсѣдатель напомнилъ собранію, что 12 іюля сего года скончался почетный членъ П. И. Савваитовъ, а 11 іюня дѣйствительный членъ Д. А. Ровинскій и предложилъ почтить память ихъ вставаніемъ со своихъ мѣстъ.

II.

А. Ѳ. Бычковъ прочелъ составленный имъ очеркъ ученой дѣятельности П. И. Савваитова.

В. В. Стасовъ прочелъ характеристику ученой дѣятельности Д. А. Ровинскаго и его отношеній къ Императорскому Русскому Археологическому Обществу.

IV.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго чрезвычайнаго общаго собранія 16 мая.

V.

Доложенъ слѣдующій протоколъ засѣданія Совѣта 4-го октября 1895 года:

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія Совѣта 15 апрѣля 1895 года.

Доложены слѣдующія текущія дѣла:

2) Отношенія Императорской Археологической Коммиссіи отъ 15 мая и 25 августа сего года за №№ 731 и 1.358, съ препровожденіемъ предметовъ древности для музея Общества.

Постановлено: довести до свѣдѣнія общаго собранія.

3) Секретарь Общества довелъ до свѣдѣнія Совѣта о томъ, что, согласно выраженному академикомъ В. В. Сусловымъ желанію произвести дополнительныя изслѣдованія въ Старо-Ладожской крѣпости, были сдѣланы надлежащія сношенія съ высокопреосвященнѣйшимъ Палладіемъ, митрополитомъ С.-Петербургскимъ и Ладожскимъ, и Императорскою Археологическою Коммиссіею, и по полученіи разрѣшенія его высокопреосвященства, въ письмѣ на имя г. помощника предсѣдателя отъ 17 іюня сего года за № 2.845, и открытаго листа коммиссіи при отношеніи отъ 30 іюня сего года, за № 1.063, было выдано В. В. Суслову двѣсти рублей на поѣздку въ Старую Ладогу и на производство изслѣдованій.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

4) Ходатайство Общества естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ отъ 9 іюня сего года, за № 63, о высылкѣ для библіотеки Общества Трудовъ II Археологическаго съѣзда, съ предложеніемъ доставить Археологическому Обществу томы изъ его изданій, коихъ оно пожелаетъ имѣть.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

*

Постановлено: выслать Труды II Археологическаго съѣзда и просить о высылкѣ тѣхъ изданій, кои имѣютъ отношеніе къ предметамъ занятій Общества.

5) Отношеніе Московскаго Архитектурнаго Общества отъ 26 іюля сего года, за № 623, съ изложеніемъ положеній Г. И. Котова, принятыхъ II съѣздомъ русскихъ зодчихъ.

Постановлено: довести до свѣдѣнія общаго собранія.

6) Ходатайство попечителя Архангело-Михайловской церкви, находящейся въ Казанской станицѣ Области Войска Донскаго, отъ 27-го августа, о принятіи этой церкви подъ свое попеченіе для пріисканія средствъ къ возстановленію ея въ прежнемъ видѣ.

Постановлено: препроводить къ г. оберъ-прокурору Св. Синода по принадлежности.

7) Ходатайство г. Карева изъ г. Хатынца отъ 15-го сентября сего года, о принятіи его въ члены-сотрудники Общества, съ препровожденіемъ серебряныхъ копеечекъ царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича, найденныхъ въ Мывринской волости, Болховскаго уѣзда, Орловской губерніи.

Постановлено: увѣдомить, что въ члены-сотрудники избираются лица, извѣстныя своими учеными трудами по предметамъ занятій Общества, и что, въ случаѣ желанія, монеты могутъ быть возвращены.

8) Ходатайство члена-сотрудника Н. П. Пантусова отъ 28-го августа, за № 87, о высылкѣ ему для представленія въ Западно-Сибирскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества изданій Археологическаго Общества, въ коихъ имѣются изслѣдованія о распространеніи несторіанства въ Семирѣчіи.

Постановлено: выслать „Записки“ Восточнаго Отдѣленія т. I и VIII безплатно.

9) Проектъ дѣйствительнаго члена Н. И. Барсова охраны частныхъ библіотекъ отъ распродажи послѣ смерти ихъ владѣльцевъ, отъ 21 сентября сего года.

Постановлено: довести до свѣдѣнія общаго собранія.

10) Библіотекарь Общества представилъ составленныя имъ свѣдѣнія о серіяхъ періодическихъ изданій ученыхъ учрежденій на русскомъ языкѣ, подлежащихъ, по его мнѣнію, пополненію, при помощи сношеній съ этими учрежденіями.

Постановлено: напечатать обращенія къ учрежденіямъ съ просьбой о пополненіи серій ихъ періодическихъ изданій.

11) Постановлено войти въ Императорское Русское Историческое Общество съ предложеніемъ объ обмѣнѣ изданіями.

12) Предъявлены къ оплатѣ слѣдующіе счета:

а) Шмидта отъ 15 іюня, за клише для дополненія къ изданію Ю. Б. Иверсена по описанію русскихъ медалей на 60 руб.; б) Демчинскаго отъ 20 іюня, за № 806, за клише для сборника христіанскихъ надписей, найденныхъ на югѣ Россіи на 20 руб.; в) его же отъ 20 сентября, за № 1.004, на 40 руб., за клише для „Записокъ“ Общества и Восточнаго Отдѣленія; г) Вильборга, отъ 3 октября, за таблицы для „Записокъ“ Общества на 210 руб.; д) типографіи Императорской Академіи Наукъ отъ 24 августа, за №№ 106 и 107, за изданіе „Путешествія“ Дорна и атласа къ нему на 28 р. 85 к. и 190 р. 40 к.; е) Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ бумагъ за изготовленіе таблицы для „Записокъ“ Общества на 156 р.

Постановлено: по счетамъ за №№ 1, 2, 4, 6 уплатить изъ остатковъ отъ расходовъ 1894 г., а по остальнымъ изъ суммъ 1895 г.

13) Управляющій Восточнымъ Отдѣленіемъ представилъ свои соображенія по распредѣленію текста о путешествіи Дорна, коего имѣется лишь 75 экземпляровъ.

Постановлено: принять предложеніе управляющаго Восточнымъ Отдѣленіемъ и предоставить распредѣленіе экземпляровъ на его усмотрѣніе.

14) Произведена повѣрка книгъ казначея Общества; книги найдены въ полномъ порядкѣ.

15) Предложены: въ дѣйствительные члены—Я. Я. Лютшъ, въ члены-сотрудники—В. В. Майковъ.

Постановлено: предложить въ ближайшемъ общемъ собраніи.

Протоколъ Совѣта утвержденъ общимъ собраніемъ, при чемъ постановлено:

По п. 2-му. Выразить Императорской Археологической Коммиссіи признательность Общества за препровожденные предметы для музея Общества.

По 5 и 9 принять къ свѣдѣнію.

VI.

Доложенъ слѣдующій протоколъ коммиссіи для выработки программы празднованія пятидесятилѣтія со времени основанія Общества, отъ 31 октября 1895 года.

1) Читанъ протоколъ предыдущаго засѣданія коммиссіи.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

2) Доложена составленная особой коммиссіею записка съ описаніемъ проекта медали по случаю пятидесятилѣтняго юбилея Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 15 мая 1896 г.

а) Сидящая вправо крылатая Juno, нижняя часть тѣла которой закрыта ниспадающей туникою, опирается на стелу локтемъ правой руки, держащей стиль. Она смотритъ на гидрію, стоящую у ней на колѣняхъ, придерживая ее лѣвою рукою. На стелѣ мотто изъ Горація: Quidquid sub terra est in apricum proferet aetas (Epis. I. 6, 24). У ногъ видны кирка и лопата.

б) Въ вѣнкѣ изъ лавровыхъ и дубовыхъ вѣтвей, перевязанномъ лентою внизу, легенда:

„Въ память пятидесятилѣтняго юбилея Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 15 мая 1896“. Надпись гравирована лапидарнымъ шрифтомъ. Діаметръ медали 60 миллиметровъ“.

Коммиссія, одобряя вполнѣ проектъ изображенія на лицевой сторонѣ медали, пришла къ заключенію, что на оборотной сторонѣ должна быть слѣдующая надпись: кругомъ сверху „Императорское Русское Археологическое Общество“, снизу „Археологическо-Нумизматическое Общество“. Посрединѣ должны быть расположены: 15 мая (день Высочайшаго утвержденія первыхъ статутовъ) и слѣдующіе годы 1846 (годъ основанія), 1849 (годъ переименованія въ Императорское Археологическое), 1866 (годъ переименованія въ Императорское Русское Археологическое) и 1896 (годъ исполнившагося пятидесятилѣтія существованія). В. Д. Смирновъ находилъ, что лицевая сторона недостаточно опредѣляетъ національность Общества, и выразилъ пожеланіе, чтобы проектированный рисунокъ былъ замѣненъ другимъ, на которомъ были бы изображены памятники древне-русской архитектуры, курганы и, по усмотрѣнію художника, предметы древности, находимые въ Россіи.

Постановлено просить А. К. Маркова передать проектъ медали и вышеизложенныя соображенія художнику г. Васютинскому для представленія затѣмъ коммиссіи его рисунковъ проекта медали.

3) А. Ѳ. Бычковъ довелъ до свѣдѣнія коммиссіи, что послѣ кончины почетнаго члена П. И. Савваитова осталось въ рукописи переработанное авторомъ первое изданіе его труда „Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ и проч.“, напечатаннаго въ XI томѣ „Записокъ“ Общества, и предложилъ коммиссіи издать этотъ трудъ ко дню юбилея Общества, при чемъ изъ переговоровъ съ наслѣдниками покойнаго выяснилось, что они готовы уступить Обществу этотъ трудъ

съ тѣмъ, чтобы получить, въ качествѣ гонорара, экземпляры изданія по усмотрѣнію Общества.

Постановлено: принять трудъ П. И. Савваитова для напечатанія въ количествѣ 700 экземпляровъ, изъ коихъ 350 передать наслѣдникамъ П. И. Савваитова, а 350 оставить Обществу для раздачи членамъ, но не для продажи.

4) Постановлено: печатать составляемую Н. И. Веселовскимъ „Историческую записку“ въ количествѣ 1.000 экземпляровъ, въ форматѣ „Записокъ“ Общества.

5) Секретарь Общества довелъ до свѣдѣнія коммиссіи, что у В. В. Латышева имѣется готовый къ печати Сборникъ христіанскихъ надписей, найденныхъ на югѣ Россіи, и что собиратель выразилъ свою готовность передать этотъ сборникъ въ распоряженіе Общества для изданія ко дню празднованія юбилея.

Постановлено: принять предложеніе В. В. Латышева съ благодарностью и приступить къ печатанію сборника.

6) Секретарь Общества довелъ до свѣдѣнія коммиссіи, что Ю. Б. Иверсенъ готовъ представить третій, дополнительный томъ къ изданію „Медали въ честь государственныхъ и частныхъ лицъ“ для изданія ко дню празднованія юбилея Общества.

Постановлено: принять предложеніе Ю. Б. Иверсена съ благодарностью и приступить къ печатанію.

7) Постановлено: ходатайствовать передъ общимъ собраніемъ о разрѣшеніи употребить отъ 2.000 до 3.000 руб. изъ капитала Общества, если эти деньги потребуются на указанныя выше изданія.

Общее собраніе утвердило постановленіе медальной коммиссіи, при чемъ, по § 3, просило А. Ѳ. Бычкова принять на себя редакцію изданія труда П. И. Савваитова и выразило пожеланіе, чтобы число рисунковъ къ этому изданію было увеличено. А. Ѳ. Бычковъ выразилъ свое согласіе на предложеніе общаго собранія и просилъ общее собраніе предложить И. Е. Бранденбургу, С. Ѳ. Платонову и Н. В. Покровскому принять участіе въ выборѣ рисунковъ.

Общее собраніе постановило просить поименованныхъ лицъ.

VII.

Ходатайство статсъ-секретаря Куломзина отъ 10 ноября о предоставленіи изданій Общества для публичной библіотеки въ г. Читѣ, при Пріамурскомъ Отдѣлѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Постановлено: выслать прежнія изданія и препровождать вновь выходящія.

VIII.

Приступлено, къ выбору пяти членовъ медальной коммиссіи. Избранными оказались: Л. Н. Майковъ, получившій большее число голосовъ, предсѣдателемъ коммиссіи; И. В. Помяловскій, баронъ В. Р. Розенъ, С. Ѳ. Платоновъ и В. Г. Васильевскій—членами.

IX.

Предложены въ дѣйствительные члены: Я. Я. Лютшъ и А. Н. Шварцъ; въ члены-сотрудники В. В. Майковъ, Н. Ф. Романченко и Б. А. Тураевъ.

Постановлено: произвести баллотировку въ ближайшемъ общемъ собраніи.

X.

В. Г. Дружининъ сдѣлалъ сообщеніе о кладѣ такъ-называемыхъ готскихъ древностей, найденномъ въ маѣ 1895 года въ деревнѣ Муслюмовой, Шадринскаго уѣзда, Пермской губерніи, который является самымъ сѣвернымъ пунктомъ находки такихъ предметовъ въ Россіи.

Общее собраніе 30 декабря 1895 года.

Подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ. Бычкова, присутствовали: Н. И. Веселовскій, В. Г. Дружининъ, А. В. Комаровъ, А. К. Марковъ, С. Ѳ. Ольденбургъ, С. Ѳ. Платоновъ, А. М. Позднѣевъ, князь П. А. Путятинъ, баронъ В. Р. Розенъ, С. М. Середонинъ, В. Д. Смирновъ, А. А. Спицынъ, С. Л. Степановъ, П. А. Сырку, И. Г. Троицкій, А. Н. Щукаревъ; гости: г.г. Крамаренко и Романченко.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго общаго собранія 17 ноября 1895 г.

II.

Доложенъ слѣдующій протоколъ Совѣта 16 декабря 1895 года:

1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго засѣданія Совѣта 4 октября 1895 г.

Доложены слѣдующія текущія дѣла:

2) Высочайшее повелѣніе отъ 10 ноября сего года, о разрѣшеніи Обществу празднованія пятидесятилѣтнаго юбилея въ декабрѣ 1896 г.

Постановлено: довести до свѣдѣнія общаго собранія.

3) Увѣдомленіе Антропологическаго Общества отъ 11 текущаго декабря, о полученіи изъ музея Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества сухихъ костей для музея Антропологическаго Общества.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

4) Отношеніе Уральскаго Общества любителей естествознанія о томъ, что двадцать пятое годичное собраніе назначено на 29 декабря сего года.

Постановлено: поздравить Общество съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ существованія телеграммою.

5) Письмо предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества отъ 12 ноября сего года, за № 230, съ изъявленіемъ благодарности Общества за полученныя изданія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

6) Ходатайство Западнаго Горнаго Управленія отъ 2-го декабря, за № 2.849 и редакціи Ежегодника по геологіи и минералогіи Россіи отъ 10 декабря, за № 159, о безплатной высылкѣ изданій Общества.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

7) Ходатайство Reale accademia dei Lincei отъ 14 ноября, за № 235, о пополненіи недостающихъ въ ея библіотекѣ изданій Общества.

Постановлено: пополнить по мѣрѣ возможности.

8) Ходатайство Херсонскаго губернатора отъ 22-го ноября, за № 1.271, о пожертвованіи въ музей при Статистическомъ Комитетѣ изданій Общества.

Постановлено: выслать „Записки“ новой серіи и „Труды II Археологическаго Съѣзда“ и впредь высылать изданія Общества.

9) Ходатайство Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго Комитета отъ 8 ноября, за № 159, объ установленіи обмѣна изданіями и о высылкѣ прежнихъ изданій Общества.

Постановлено: выслать „Записки“ новой серіи и „Труды II Археологическаго Съѣзда“ и просить о присылкѣ прежнихъ изданій Комитета.

10) Представленіе Отдѣленія Археологіи Классической объ установленіи обмѣна съ слѣдующими заграничными изданіями: 1) „Bulletin de correspondance Hellenique“, издаваемыхъ съ 1877 г. французской школой въ Аѳинахъ, и съ изданіями такой же школы въ Римѣ; 2) „Jahrbuch

der Kaiserlichen Archäologischen Instituts", изд. въ Берлинѣ съ 1866 г.; 3) „Mittheilungen der Deutschen Archäologischen Instituts; Athenische Abtheilung", изд. съ 1876 г. въ Аѳинахъ; 4) „Mittheilungen der Kais. Deutschen Archäologischen Instituts; Römische Abtheilung", изд. съ 1886 г. въ Римѣ; 5) „Archäologisch-epigraphische Mittheilungen aus Osterreich-Ungarn", изд. съ 1877 г. въ Вѣнѣ, и 6) „Ἐφημερὶς ἀρχαιολογική", изд. Археологическимъ Обществомъ въ Аѳинахъ съ 1883 г.

Постановлено: вступить въ обмѣнъ изданіями, предложивъ отъ имени Общества по пунктамъ: 1-му по экземпляру имѣющихся на лицо изданій Общества; по 2, 3 и 4—по экземпляру „Записокъ" новой серіи, „Записокъ" Восточнаго Отдѣленія и „Inscriptiones" г. Латышева; по 5 и 6—„Записокъ" новой серіи и „Inscriptiones" г. Латышева.

11) Ходатайство Музея древностей въ Бреславлѣ (Museum Schlesischer Altertümer) отъ 15 октября сего года, объ обмѣнѣ изданіями.

Постановлено: просить о высылкѣ предлагаемыхъ шести томовъ изданій музея и предоставить въ обмѣнъ „Записки" новой серіи.

12) Смѣта столяра Степанова о передѣлкѣ старыхъ музейныхъ шкафовъ для библіотеки на 65 руб.

Постановлено: смѣту утвердить.

13) Предъявлены къ оплатѣ слѣдующіе счета: 1) типографіи Императорской Академіи Наукъ отъ 22 ноября, за № 170, за напечатаніе переводовъ В. В. Латышева на 998 р. 44 коп.; 2) переплетчика Иванова отъ 7 декабря на 22 р. 44 к.; 3) цинкографа Демчинскаго отъ 18 декабря, за № 1.167, за клише на 29 р. 60 коп.; 4) переплетчика Экгардта за брошюровку атласа Дорна, текста къ нему и отдѣльныхъ оттисковъ изъ „Записокъ" Восточнаго Отдѣленія отъ 30 ноября, за № 804, на 100 р. 86 коп.; 5) столяра Андреева отъ 28 октября, за изготовленіе новыхъ шкафовъ для музея на 184 р. и 6) типографіи Скороходова отъ 8 декабря, за № 1.819, на 631 р. 43 к., за печатаніе 3 и 4 выпусковъ VII тома „Записокъ" Общества.

Постановлено: по счетамъ уплатить, отнеся п. 1, 5 и 6 на остатки отъ исполненія смѣты 1894 года.

14) Библіотекарь Общества просилъ разрѣшенія Совѣта употребить остатки отъ смѣтной суммы 1895 года по библіотекѣ на пополненіе покупкою разрозненныхъ серій иностранныхъ періодическихъ изданій.

Постановлено: ходатайство библіотекаря принять къ исполненію.

15) Хранитель музея просилъ объ ассигнованіи 120 р. на работы по устройству музея.

Постановлено: ассигновать 120 р. изъ остатковъ отъ исполненія смѣты 1895 года.

16) Письмо дѣйствительнаго члена Г. К. Властова отъ 4 декабря, съ препровожденіемъ въ даръ Обществу изданнаго имъ факсимиле съ записки Императрицы Маріи Ѳеодоровны о преобразованіи Коммерческаго училища.

Постановлено: благодарить Г. К. Властова.

17) Составленъ проектъ смѣты на 1896 годъ:

А. *По приходу:*

1) Субсидія Минист. Народн. Просвѣщ. .	5.000 р.	— к.
2) % съ капитала Общества	961 „	92 „
3) % съ расходныхъ суммъ.	225 „	— „
4) Выручка отъ продажи изданій . . .	200 „	— „
5) Членскихъ взносовъ	200 „	— „
Итого . .	6.586 р.	92 к.

Б. *По расходу:*

1) Секретарю Общества	780 р.
2) Ему же	450 „
3) Казначею	75 „
4) Библіотекарю	240 „
5) Медали	260 „
6) На библіотеку	175 „
7) На изданіе „Трудовъ“ Восточнаго Отдѣленія.	700 „
8) На изданіе „Записокъ“ Восточнаго Отдѣленія.	1.400 „
9) На изданіе „Записокъ“ Общества. . . .	2.000 „
10) На изданіе переводовъ В. В. Латышева. .	500 „
Итого	6.580 р.

18) Представленъ слѣдующій отчетъ о дѣятельности Совѣта за 1895 годъ:

„Совѣтъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, занимаясь, согласно § 34 Устава Общества, хозяйственными и распорядительными дѣлами, имѣлъ въ минувшемъ году четыре засѣданія и выразилъ свою дѣятельность въ нижеслѣдующемъ:

1) Въ виду выраженнаго Отдѣленіями Славяно-Русской и Классической Археологіи желанія имѣть свои печатные органы, Совѣтъ пре-

доставилъ тому и другому Отдѣленію по полутому „Записокъ“ Общества, съ тѣмъ, чтобы впредь ближайшее руководство изданія, кромѣ Редакціоннаго Комитета, лежало бы на обязанности управляющихъ и секретарей Отдѣленій, при чемъ самые томы „Записокъ“, продолжая нумерацію новой серіи, подраздѣлялись бы на два полутома, которые именовались бы трудами того и другого Отдѣленія.

2) Для пополненія библіотеки былъ установленъ обмѣнъ изданіями со слѣдующими Обществами: 1) Императорскимъ Русскимъ Историческимъ, Историко-Филологическимъ при Новороссійскомъ Университетѣ, Естествоиспытателей при Казанскомъ Университетѣ, Подольскимъ Епархіальнымъ Историко-Статистическимъ Комитетомъ, Музеемъ древностей въ Бреславлѣ, и 2) періодическими изданіями: „Правительственнымъ Вѣстникомъ“ и „Kwartalnik Historyczny“. Кромѣ того, для пополненія разрозненныхъ серій періодическихъ изданій, Совѣтъ постановилъ обратиться къ учрежденіямъ съ просьбою о пополненіи такихъ серій.

3) По просьбѣ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества высланы утраченныя изъ библіотеки послѣдняго изданія Общества; высланы также изданія Общества: а) по просьбѣ управляющаго дѣлами Комитета по сооруженію Сибирской желѣзной дороги, статсъ-секретаря Куломзина, для общественной библіотеки, устраиваемой въ г. Читѣ, Забайкальской области, при мѣстномъ Отдѣленіи Пріамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, б) въ Херсонскій музей древностей и в) пополнена, по возможности, серія изданій Общества по просьбѣ Reale Accademia dei Lincei въ Римѣ.

4) Совѣтъ принялъ мѣры для устройства и соотвѣтствующей обстановки и къ обмеблированію помѣщенія Общества, а также признавъ негодными прежніе шкафы, служившіе въ музеѣ для храненія древностей, замѣнилъ ихъ новыми, предоставивъ первые, послѣ небольшой передѣлки, библіотекѣ для храненія книгъ.

5) Составленъ и утвержденъ Совѣтомъ инвентарь имущества, принадлежащаго Обществу.

6) Были разсмотрѣны предъявленные къ оплатѣ счета по изданіямъ Общества и, кромѣ того, израсходовано 200 руб. на дополнительныя работы по изслѣдованію Старо-Ладожской крѣпости.

7) Субсидія Министерства Народнаго Просвѣщенія была обращена въ $4^1/_2{}^0/_0$ облиг. Вост. 1893 г. займа.

8) Всѣ изложенныя мѣропріятія были своевременно доложены общему собранію и имъ утверждены".

Постановлено: проектъ утвердить и представить Ревизіонной Коммиссіи.

19) Согласно заявленію члена-сотрудника С. Ѳ. Ольденбурга, Совѣтъ перечислилъ его, согласно § 24 Устава, въ дѣйствительные члены Общества.

20) Предложены: въ члены-сотрудники русскіе Б. В. Фармаковскій, въ члены-сотрудники иностранные Т. Омолль.

Постановлено: предложить въ ближайшемъ общемъ собраніи.

Протоколъ и заключенная въ немъ смѣта на 1896 г. утверждены общимъ собраніемъ.

III.

Доложено увѣдомленіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества отъ 20 декабря, за № 507, о томъ, что Обществу разрѣшено праздновать пятидесятилѣтній юбилей 21 января 1896 г.

Постановлено: просить барона В. Р. Розена составить отъ имени Общества адресъ для поднесенія въ день юбилея.

IV.

Приступлено къ избранію трехъ членовъ Ревизіонной Коммиссіи.

Избранными оказались А. М. Позднѣевъ — предсѣдателемъ (11 голосами) и членами В. В. Латышевъ и Л. Н. Майковъ (по 5 голосовъ).

V.

Приступлено къ избранію въ члены Общества лицъ, предложенныхъ въ предыдущемъ общемъ собраніи (п. IX протокола). Избранными оказались въ дѣйствительные члены: Я. Я. Лютшъ и А. Н. Шварцъ—единогласно; въ члены-сотрудники: Н. Ф. Романченко и Б. А. Тураевъ — единогласно; В. В. Майковъ большинствомъ голосовъ (16 противъ 1).

VI.

Предложены: въ члены-сотрудники русскіе: Б. В. Фармаковскій, въ члены-сотрудники иностранные Т. Омолль.

Постановлено: произвести баллотировку въ слѣдующемъ общемъ собраніи.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

VII.

Н. И. Веселовскій сдѣлалъ сообщеніе о произведенныхъ имъ въ 1895 г. раскопкахъ въ Кубанской области.

Засѣданіе Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 10 января 1895 г.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали: Н. И. Барсовъ, В. В. Бартольдъ, Н. И. Веселовскій, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, П. Ѳ. Дубровинъ, А. В. Комаровъ, Ю. А. Кулаковскій, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. П. Лихачевъ, А. К. Марковъ, А. А. Павловскій, князь П. А. Путятинъ, баронъ В. Р. Розенъ, А. А. Спицынъ, И. П. Хрущовъ, Н. Д. Чечулинъ. Гости: г.г. Андреяновъ, Майковъ, Новокрещеныхъ, Поліевктовъ, Прѣсняковъ, Рождественскій.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго засѣданія Отдѣленія.

II.

Приступлено къ избранію члена отъ Отдѣленія въ коммиссію по устройству празднованія пятидесятилѣтняго юбилея Общества. Большинствомъ голосовъ избраннымъ оказался Н. Д. Чечулинъ.

III.

Г. предсѣдатель заявилъ, что Совѣтъ Общества передалъ на обсужденіе отдѣленія вопросъ о томъ, какія изъ старопечатныхъ книгъ библіотеки Археологическаго Общества возможно предоставить комитету по устройству выставки печатнаго дѣла во временное его пользованіе. Постановлено: въ виду отсутствія цѣнныхъ старопечатныхъ книгъ, ограничиться высылкою въ означенное установленіе однихъ изданій Общества, о чемъ и сообщить до свѣдѣнія Совѣта.

IV.

С. В. Рождественскій прочелъ рефератъ: Къ вопросу о княжескомъ землевладѣніи въ древней Россіи. Нѣсколько замѣчаній по поводу реферата С. В. Рождественскаго высказано было Н. И. Барсовымъ.

V.

Н. И. Веселовскій сдѣлалъ сообщеніе объ археологическихъ раскопкахъ въ курганѣ Сѣрагозскомъ. Въ преніяхъ, вызванныхъ докладомъ Н. И. Веселовскаго, принимали участіе: А. А. Спицынъ, Е. М. Гаршинъ и князь П. А. Путятинъ.

Засѣданіе того же Отдѣленія 14 февраля.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали: Н. И. Барсовъ, Н. И. Веселовскій, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, С. А. Жебелевъ, А. В. Комаровъ, баронъ С. П. Корфъ, Х. М. Лопаревъ, С. А. Пташицкій, князь П. А. Путятинъ, С. М. Середонинъ, А. А. Спицынъ. Гости: г.г. Адріановъ, Вольскій, Майковъ, Поліевктовъ, Прѣсняковъ и Романченко.

I.

Управляющій Отдѣленіемъ довелъ до свѣдѣнія г.г. членовъ, что согласно порученію Совѣта Общества и по ознакомленіи, въ послѣднемъ засѣданіи Отдѣленія, съ имѣющимися въ библіотекѣ Общества изданіями XVII и XVIII вѣка, Отдѣленіе не нашло ихъ заслуживающими быть представленными на Выставку печатнаго дѣла, и что объ этомъ доведено до свѣдѣнія Совѣта.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

II.

Управляющій Отдѣленіемъ довелъ до свѣдѣнія г.г. членовъ, что Совѣтъ Общества въ послѣднемъ своемъ засѣданіи, заслушавъ заявленіе секретаря Общества о томъ, что среди членовъ Общества возникло желаніе, чтобы, подобно Восточному Отдѣленію, и другія два Отдѣленія имѣли бы свои печатные органы, подъ заглавіемъ „Трудовъ“ этихъ Отдѣленій, которые издавались бы подъ редакціей управляющихъ Отдѣленій, постановилъ: „предоставить Отдѣленіямъ Археологіи Классической и Археологіи Русской каждому по два выпуска „Записокъ“ Общества, продолжая теперешнюю нумерацію томовъ этой серіи, съ тѣмъ, чтобы каждый полутомъ „Записокъ“ имѣлъ свою пагинацію и кромѣ общаго заглавія „Записокъ“ именовался бы „Трудами“ того или другого Отдѣленія; передать редактированіе „Трудовъ“ управляющимъ

Отдѣленіями и предложить секретарю Общества, на основаніи § 41 Устава, избрать членовъ редакціоннаго комитета по соглашенію съ управляющими Отдѣленіями. Протоколъ засѣданій Отдѣленій печатать въ „Трудахъ“ Отдѣленій, а протоколъ общихъ собраній отдѣльно, въ „Запискахъ“ Общества подъ редакціей секретаря Общества. Приступить къ изданію „Трудовъ“ Отдѣленій съ VIII тома „Записокъ“ Общества.“

III.

А. А. Спицынъ, сообщивъ о раскопкѣ, сдѣланной однимъ помѣщикомъ, пожелавшимъ скрыть свое имя, въ своемъ помѣстьи на р. Шекснѣ, близъ деревни Мятины, Бѣлозерскаго уѣзда, Новгородской губерніи, сдѣлалъ обзоръ предметовъ древности, найденныхъ въ той же мѣстности по настоящее время, и указалъ на значеніе вновь найденныхъ предметовъ въ ряду другихъ, уже извѣстныхъ.

Въ преніяхъ по поводу сообщенія г. Спицына участвовали г.г. Вольскій и князь Путятинъ.

Засѣданіе того же Отдѣленія 7 марта.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали: В. Ю. Бокъ, Н. И. Веселовскій, Е. М. Гаршинъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, А. К. Марковъ, о. К. Т. Никольскій, князь П. А. Путятинъ, А. И. Соболевскій, П. А. Сырку и И. А. Шляпкинъ. Гость г. Романченко.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго засѣданія Отдѣленія.

II.

Н. Ф. Романченко прочелъ сообщеніе о раскопкахъ въ Евпаторійскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи. Въ преніяхъ, вызванныхъ сообщеніемъ г. Романченко, принимали участіе: Н. И. Веселовскій и А. С. Лаппо-Данилевскій.

III.

И. А. Шляпкинъ сдѣлалъ докладъ о стѣнныхъ надписяхъ Новгородскаго Софійскаго собора. Докладъ г. Шляпкина вызвалъ замѣчанія со стороны А. И. Соболевскаго и Н. И. Веселовскаго.

Засѣданіе того же Отдѣленія 9 апрѣля.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали: Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ, Г. П. Алексѣевъ, Н. И. Барсовъ, В. В. Бартольдъ, гр. А. А. Бобринской, В. Г. Васильевскій, Н. И. Веселовскій, А. Н. Виноградовъ, Э. А. Вольтеръ, Е. М. Гаршинъ, В. А. Жуковскій, С. А. Жебелевъ, А. В. Комаровъ, С. П. Корфъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, О. Э. Леммъ, В. П. Мордвиновъ, С. Ѳ. Ольденбургъ, князь П. А. Путятинъ, баронъ В. Р. Розенъ, С. Л. Степановъ, В. В. Сусловъ, П. А. Сырку, В. А. Тепловъ. Гость И. П. Звѣревъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколь прошлаго засѣданія Отдѣленія.

II.

Графъ А. А. Бобринской сказалъ нѣсколько словъ о научномъ значеніи пріобрѣтеній, сдѣланныхъ Императорской Археологической Коммиссіей за 1894 г.

III.

Подъ руководствомъ А. А. Спицына, Н. И. Веселовскаго и В. В. Суслова присутствующіе обозрѣли выставку древностей, представленныхъ Императорской Археологической Коммиссіей на воззрѣніе Государя Императора.

Засѣданіе того же Отдѣленія 25 апрѣля.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали: графъ А. А. Бобринской, В. Ю. Бокъ, Н. И. Веселовскій, Е. М. Гаршинъ, С. А. Жебелевъ, А. В. Комаровъ, С. П. Корфъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, князь П. А. Путятинъ, А. И. Соболевскій, А. А. Спицынъ, А. Н. Щукаревъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго засѣданія членовъ Отдѣленія.

II.

Г. управляющій Отдѣленіемъ заявилъ, что въ первомъ выпускѣ „Трудовъ Русскаго Отдѣленія“ предположено помѣстить статьи: 1) Н. Бранденбурга: „Изъ поѣздки 1891 г. въ Донскую область и Бахмутскій уѣздъ“ и 2) А. А. Спицына: „Описаніе раскопокъ, произведенныхъ въ различныхъ областяхъ Россіи“.

III.

В. Ю. Бокъ сдѣлалъ сообщеніе по поводу изданія Г. Звенигородскаго: „Византійскія эмали“.

IV.

А. А. Спицынъ сдѣлалъ сообщеніе о курганахъ Радимичей. Докладъ г. Спицына вызвалъ замѣчанія со стороны графа А. А. Бобринскаго, Н. И. Веселовскаго, А. В. Комарова, А. С. Лаппо-Данилевскаго и А. И. Соболевскаго.

V.

А. И. Соболевскій демонстрировалъ изданный имъ вмѣстѣ съ С. А. Пташицкимъ Сборникъ славяно-русскихъ старопечатныхъ изданій XV—XVII вв. и обратилъ вниманіе присутствующихъ на встрѣчающіяся въ немъ новинки.

Засѣданіе того же Отдѣленія 12 мая.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали: Д. В. Айналовъ, графъ А. А. Бобринской, В. Ю. Бокъ, Н. И. Веселовскій, Э. А. Вольтеръ, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, С. А. Жебелевъ, Ю. Б. Иверсенъ, Г. Е. Кизеричкій, Г. И. Котовъ, С. П. Корфъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, А. К. Марковъ, Н. А. Мѣдниковъ, А. А. Павловскій, А. В. Половцевъ, баронъ В. Р. Розенъ, В. Д. Смирновъ, А. А. Спицынъ, А. А. Цагарели, Н. Д. Чечулинъ, А. Н. Щукаревъ; гость г. Романченко.

I.

Въ виду возраженій, сдѣланныхъ Н. И. Веселовскимъ, утвержденіе протокола прошлаго засѣданія отложено до слѣдующаго собранія Отдѣленія.

II.

Г. И. Котовъ сдѣлалъ сообщеніе „О ханскомъ дворцѣ въ Бахчисараѣ“. Нѣсколько замѣчаній по поводу прочитаннаго реферата сдѣлалъ В. Д. Смирновъ.

III.

Графъ А. А. Бобринской прочелъ рефератъ „О скиѳскихъ древностяхъ, найденныхъ въ Венгріи“. Рефератъ гр. А. А. Бобринского вызвалъ нѣсколько замѣчаній со стороны А. А. Спицына.

IV.

Князь П. А. Путятинъ прочелъ докладъ о новѣйшихъ изслѣдованіяхъ по вопросу о височныхъ кольцахъ и волнообразномъ орнаментѣ, приписываемыхъ славянамъ. Слушаніе послѣдней части реферата князя П. А. Путятина, въ виду поздняго времени, отложено было до одного изъ слѣдующихъ засѣданій членовъ Отдѣленія.

Засѣданіе того же Отдѣленія 10 октября.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали: Д. В. Айналовъ, графъ А. А. Бобринской, А. Ѳ. Бычковъ, В. Г. Васильевскій, Э. А. Вольтеръ, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, Д. Ѳ. Кобеко, И. П. Корниловъ, А. А. Куникъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, Х. М. Лопаревъ, Л. Н. Майковъ, Н. В. Покровскій, С. А. Пташицкій, С. В. Рождественскій, С. М. Середонинъ, П. А. Сырку, И. П. Хрущовъ; гость: В. В. Майковъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго засѣданія Отдѣленія.

II.

С. М. Середонинъ сдѣлалъ сообщеніе о наказѣ князю М. И. Воротынскому и росписи полкамъ 1572 года. Докладъ С. М. Середонина вызвалъ нѣсколько замѣчаній со стороны А. Ѳ. Бычкова и С. Ѳ. Платонова.

III.

Х. М. Лопаревъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: „Новое свидѣтельство о нашествіи Руси на Константинополь въ 860 году“.

Противъ выводовъ, къ какимъ пришелъ референтъ, возражали: В. Г. Васильевскій, по мнѣнію котораго сказаніе Ѳедора нельзя пріурочивать къ событіямъ 860 года, и А. А. Куникъ.

IV.

Графъ А. А. Бобринской предложилъ вниманію присутствующихъ новое изданіе средневѣковыхъ картъ Европы, сдѣланное г. Миллеромъ.

Засѣданіе того же Отдѣленія 2 декабря.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали: Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, В. К. Ернштедтъ, А. В. Комаровъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, Х. М. Лопаревъ, А. К. Марковъ, С. Л. Пташицкій, князь П. А. Путятинъ, С. В. Рождественскій, С. М. Середонинъ, А. А. Спицынъ; гости: г.г. Адріановъ, Майковъ, Люба-Радзиминскій, Павловъ-Сильванскій, Поліевктовъ, Раевскій.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго засѣданія Отдѣленія.

II.

Г. предсѣдатель заявилъ, что за выходомъ въ силу § 33 Устава члена Совѣта Н. И. Веселовскаго Отдѣленію предстоитъ избрать новаго представителя въ Совѣтъ Общества. По баллотировкѣ большинствомъ голосовъ избранъ былъ Н. Д. Чечулинъ.

III.

А. А. Спицынъ сдѣлалъ сообщеніе о доисторическихъ древностяхъ Саратовскаго края. По поводу доклада А. А. Спицына нѣсколько замѣчаній высказано было кн. П. А. Путятинымъ.

IV.

За отсутствіемъ М. Н. Крашенинникова, докладъ его о письмѣ царя Іоанна Грознаго къ императору Максиміліану прочитанъ былъ г. предсѣдателемъ.

Засѣданіе того же Отдѣленія 19 декабря.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали: Ѳ. А. Браунъ, о. А. Виноградовъ, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, А. И. Маркевичъ, С. Ѳ. Ольденбургъ, С. В. Рождественскій, С. М. Середонинъ, А. А. Спицынъ, С. Л. Степановъ, П. С. Толстой, Н. Д. Чечулинъ; гости: Н. Н. Дебольскій, М. А. Дьяконовъ, г. Конопасевичъ, В. В. Майковъ, В. М. Нечаевъ, М. А. Поліевктовъ, А. Е. Прѣсняковъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго засѣданія Отдѣленія 19 декабря.

II.

Доложено о пожертвованіи о. А. Виноградовымъ въ библіотеку Общества и членамъ Отдѣленія двухъ его трудовъ: 1) Исторіи Библіи на Востокѣ и 2) приложенія: Древне-патріархальныя династіи царей Ассуро-Вавилоніи, Персіи, Китая, у евреевъ и магометанъ. Опредѣлено: благодарить о. А. Виноградова за его пожертвованіе.

III.

М. А. Дьяконовъ прочелъ сообщеніе: „Къ вопросу о бобыляхъ въ древней Руси“. Докладъ М. А. Дьяконова вызвалъ нѣсколько возраженій со стороны А. С. Лаппо-Данилевскаго; онъ обратилъ вниманіе на нѣкоторую неполноту выводовъ референта, который недостаточно разъяснилъ причины бѣдственнаго положенія бобылей, какъ лицъ, лишенныхъ пашни, не выяснилъ различія сельскихъ бобылей отъ посадскихъ и приписалъ первымъ изъ нихъ слишкомъ общій признакъ, характеризовавъ ихъ состояніе, какъ не тяглое. Вслѣдъ за А. С. Лаппо-Данилевскимъ нѣсколько замѣчаній на выслушанное сообщеніе сдѣлано было А. А. Спицынымъ и С. Ѳ. Платоновымъ.

IV.

Ѳ. А. Браунъ прочелъ сообщеніе о Бастарнахъ въ Южной Россіи, вызвавшее нѣсколько замѣчаній со стороны А. С. Лаппо-Данилевскаго и А. А. Спицына.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Засѣданіе того же Отдѣленія 30 января 1896 г.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали: Н. И. Барсовъ, В. В. Бартольдъ, Н. И. Веселовскій, Е. М. Гаршинъ, Ю. Б. Иверсенъ, А. В. Комаровъ, Х. М. Лопаревъ, Л. Н. Майковъ, В. В. Майковъ, С. Л. Пташицкій, А. И. Савельевъ, А. А. Спицынъ, П. А. Сырку, П. С. Толстой, А. А. Цагарели, А. Н. Щукаревъ; гости г.г. С. А. Адріановъ, Конопасевичъ, Поліевктовъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго засѣданія Отдѣленія 19 декабря 1895 г.

II.

Н. И. Веселовскій сдѣлалъ сообщеніе о погребеніи съ конемъ на сѣверномъ Кавказѣ и въ Крыму и представилъ собранію предметы, найденные имъ при такого рода погребеніяхъ.

III.

С. А. Адріановъ прочиталъ рефератъ о древнѣйшихъ поселеніяхъ Пермскаго племени. Рефератъ г. Адріанова вызвалъ дополненія и разъясненія со стороны А. А. Спицына.

Засѣданіе того же Отдѣленія 27 февраля.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали: Е. М. Гаршинъ, С. П. Корфъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, В. В. Майковъ, князь П. А. Путятинъ, С. В. Рождественскій, С. М. Середонинъ, А. А. Спицынъ; гости: Н. Н. Дебольскій, г. Конопасевичъ, Н. П. Павловъ-Сильванскій, М. А. Поліевктовъ, А. Е. Прѣсняковъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго засѣданія Отдѣленія.

II.

Н. И. Веселовскій прочелъ сообщеніе о бронзовомъ котлѣ изъ Туруханска, боготворимомъ мѣстными тунгусами.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

III.

Н. П. Павловъ-Сильванскій сдѣлалъ докладъ о закладничествѣ въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. Докладъ г. Павлова-Сильванскаго вызвалъ нѣсколько замѣчаній со стороны А. С. Лаппо-Данилевскаго и С. В. Рождественскаго.

Засѣданіе того же Отдѣленія 21 апрѣля.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали: Г. П. Алексѣевъ, Н. И. Барсовъ, графъ А. А. Бобринской, В. Ю. Бокъ, А. Ѳ. Бычковъ, Н. И. Веселовскій, Э. А. Вольтеръ, А. Я. Гаркави, С. А. Жебелевъ, А. О. Ивановскій, В. И. Ламанскій, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. П. Лихачевъ, В. В. Майковъ, А. К. Марковъ, Н. Я. Марръ, С. Ѳ. Ольденбургъ, князь П. А. Путятинъ, С. В. Рождественскій, баронъ В. Р. Розенъ, А. А. Спицынъ, П. А. Сырку, И. П. Хрущовъ, И. А. Шляпкинъ; гости: г. Леперъ, П. Е. Островской, А. Г. Туманскій, Б. В. Фармаковскій.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго засѣданія.

II.

Графъ А. А. Бобринскій сдѣлалъ общую характеристику научнаго значенія предметовъ древности, поступившихъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію въ теченіе 1895 г.

III.

Члены Общества и гости приступили къ обозрѣнію выставки означенныхъ предметовъ, причемъ необходимыя разъясненія по отдѣлу древностей средней и сѣверной Росссіи (въ особенности могильниковъ р. Оки), а также Сибири сдѣланы были А. А. Спицынымъ, по отдѣлу древностей южной Россіи (преимущественно Таврической губ. и Кубанской области) и Самарканда—Н. И. Веселовскимъ, наконецъ, по отдѣлу древностей русскихъ (Новгородскихъ)—И. А. Шляпкинымъ.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Засѣданіе того же Отдѣленія 27 сентября.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали: Ѳ. А. Браунъ, В. Г. Васильевскій, Э. А. Вольтеръ, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, Д. Ѳ. Кобеко, Р. О. Ланге, А. С. Лаппо-Данилевскій, Н. П. Лихачевъ, В. В. Майковъ, Л. Н. Майковъ, А. К. Марковъ, князь П. А. Путятинъ, С. В. Рождественскій, баронъ В. Р. Розенъ, И. А. Шляпкинъ; гости: С. А. Адріановъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, А. И. Маркевичъ, Б. А. Тураевъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго засѣданія.

II.

И. А. Шляпкинъ сдѣлалъ сообщеніе о Рогволодовомъ и Двинскихъ камняхъ.

III.

Ѳ. А. Браунъ сообщилъ собранію результаты своихъ изслѣдованій по вопросу о Скирахъ въ южной Россіи. Докладъ Ѳ. А. Брауна вызвалъ нѣсколько замѣчаній со стороны В. Г. Васильевскаго.

Засѣданіе того же Отдѣленія 29 октября.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали: графъ А. А. Бобринской, А. Ѳ. Бычковъ, В. Г. Васильевскій, Н. И. Веселовскій, Э. А. Вольтеръ, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, Н. П. Лихачевъ, В. В. Майковъ, Н. В. Покровскій, С. Л. Пташицкій, С. В. Рождественскій, Н. Ф. Романченко, С. М. Середонинъ, А. А. Спицынъ, С. Л. Степановъ, Н. Д. Чечулинъ; гости: С. А. Адріановъ, М. А. Поліевктовъ, А. Е. Прѣсняковъ, Н. К. Рерихъ.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія 27 сентября 1896 г.

II.

С. В. Рождественскій прочиталъ свое изслѣдованіе „О служнихъ земляхъ“. Въ обсужденіи выводовъ реферекта приняли участіе В. Г. Васильевскій, Н. П. Лихачевъ и С. Л. Пташицкій.

III.

С. Ѳ. Платоновъ высказалъ свои соображенія по вопросу: „какъ сложилась территорія опричнины?“ По данному вопросу высказали съ своей стороны замѣчанія А. Ѳ. Бычковъ, В. Г. Васильевскій, Н. П. Лихачевъ, С. В. Рождественскій и С. М. Середонинъ.

IV.

Н. К. Рерихъ сообщилъ собранію результаты своихъ раскопокъ въ курганахъ Вотской пятины. По поводу этого сообщенія возникли пренія, въ коихъ приняли участіе графъ А. А. Бобринской, А. Ѳ. Бычковъ, Н. И. Веселовскій, Н. П. Лихачевъ, Н. В. Покровскій и А. А. Спицынъ.

Засѣданіе того же Отдѣленія 10 декабря.

Подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова присутствовали графъ А. А. Бобринской, В. Ю. Бокъ, Ѳ. А. Браунъ, Н. И. Веселовскій, Е. М. Гаршинъ, В. Г. Дружининъ, А. В. Комаровъ, А. С. Лаппо-Данилевскій, А. К. Марковъ, о. К. Т. Никольскій, Н. В. Покровскій, С. Л. Пташицкій, князь П. А. Путятинъ, баронъ В. Р. Розенъ, А. А. Спицынъ, С. Л. Степановъ, Н. Д. Чечулинъ, А. А. Цагарели.

I.

Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго засѣданія Отдѣленія.

II.

На основаніи § 56 Устава Общества приступлено къ избранію секретаря Отдѣленія. Состоящій въ должности секретаря А. С. Лаппо-Данилевскій просилъ Отдѣленіе освободить его отъ дальнѣйшаго исправленія лежащихъ на немъ обязанностей, такъ какъ онъ лишенъ возможности надлежащимъ образомъ выполнять ихъ. По баллотировкѣ большинствомъ голосовъ оказался избраннымъ С. М. Середонинъ. По предложенію В. Г. Дружинина, Отдѣленіе благодарило А. С. Лаппо-Данилевскаго за исправленіе имъ должности секретаря въ теченіе двухъ трехлѣтій.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

III.

Ѳ. А. Браунъ, сдѣлалъ сообщеніе о книгѣ D-r Löwe: Die Reste der Germanen am Schwarzen Meer.

IV.

Графъ А. А. Бобринской ознакомилъ Отдѣленіе съ новой теоріей происхожденія свастики (по брошюрѣ г. фонъ-деръ-Штейнена) и демонстрировалъ ее на мотивахъ кавказскихъ ковровъ. Докладъ графа А. А. Бобринскаго вызвалъ нѣсколько замѣчаній со стороны В. Ю. Бока, А. С. Лаппо-Данилевскаго и барона В. Р. Розена.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Отзывъ объ изданіи А. В. Звенигородскаго „Исторія и памятники византійской эмали".

(В. В. Стасова).

Изданіе А. В. Звенигородскаго „Исторія и памятники византійской эмали" до того выходитъ изъ ряду вонъ, что со времени его появленія на свѣтъ, въ 1894 году, всѣ лучшіе и значительнѣйшіе археологи и историки искусства на Западѣ поспѣшили высказать о немъ свое мнѣніе въ печати, а многія ученыя собранія (какъ, напримѣръ, Парижская Академія Наукъ и другія) посвящали разсмотрѣнію и оцѣнкѣ его нѣсколько спеціально назначенныхъ для того засѣданій. И всѣ эти ученыя учрежденія и ученыя личности единогласно признавали, что эта книга—явленіе совершенно исключительное, единственное въ своемъ родѣ. Многіе заявляли даже, что изданіе это составляетъ эпоху. Таково мнѣніе ученой Европы. Теперь очередь и за нами, за нашими учеными учрежденіями, которыя не имѣли еще случая высказаться, но имѣютъ, по моему твердому убѣжденію, не только право, но даже обязанность гордиться этимъ изданіемъ, какъ однимъ изъ утѣшительнѣйшихъ и радостнѣйшихъ явленій нашего отечества за послѣднее время. Какъ со стороны научной, такъ и со стороны художественной, мы находимъ въ этой книгѣ соединеніе величайшихъ богатствъ.

А. В. Звенигородскій является передъ нами не только какъ личность, владѣющая обширными матеріальными средствами и потому имѣющая возможность свободно выполнять свои произвольные капризы. Нѣтъ, онъ руководствовался идеей, и такой идеей, которая назначена была принести великую пользу общему знанію и общему художественному чувству.

Еще въ молодыхъ годахъ своихъ онъ полюбилъ искусство и сдѣлался собирателемъ художественныхъ созданій Европы и Востока за

времена лучшаго ихъ творчества. Но съ 80-хъ годовъ начинается его коллекторство по части той отрасли искусства, съ которою отнынѣ и навсегда связано его имя. Его „завѣтною мыслью сдѣлалось (по его „собственнымъ словамъ, въ его „предисловіи"): способствовать появле„нію на свѣтъ такого сочиненія о византійской эмали,—этой средне„вѣковой отрасли одного изъ древнѣйшихъ искусствъ міра,—гдѣ заклю„чалось такъ много красоты, мастерства и разнообразнаго художе„ственнаго и научнаго значенія. Мнѣ всегда казалось, что изслѣдова„ніе и изданіе въ свѣтъ созданій византійскаго искусства принадле„житъ, быть можетъ, преимущественно передъ многими другими людьми, „именно къ задачамъ человѣка русскаго, т. е. того человѣка, кото„рый отъ самой ранней юности окруженъ преданіями и наслѣдіемъ „Византіи..."

Выполненію этой задушевной идеи А. В. Звенигородскій потратилъ много лѣтъ своей жизни, много трудовъ, и, наконецъ, громадные капиталы. Одинъ, безъ всякой посторонней помощи и совѣта, онъ совершилъ нѣсколько путешествій по Востоку и по Европѣ, изучая повсюду уцѣлѣвшіе до сихъ поръ памятники древней византійской эмали, и, гдѣ можно, пріобрѣтая ихъ для себя. Черезъ это получились для него д в а результата: п е р в ы й тотъ, что вкусъ и понятіе его по интересовавшему его предмету необыкновенно изощрились и сдѣлали его однимъ изъ тончайшихъ знатоковъ и цѣнителей, в т о р о й тотъ, что въ его рукахъ мало-по-малу накопилось такое собраніе византійскихъ и византійско-русскихъ эмалей, которое не имѣетъ себѣ равнаго и которое, по признанію компетентнѣйшихъ ученыхъ, есть п е р в о е въ мірѣ. Вначалѣ А. В. Звенигородскій пользовался и наслаждался своею коллекціею одинъ, самъ, но скоро потомъ многіе иностранные и русскіе ученые, имѣвшіе случай видѣть это его собраніе, стали горячо убѣждать его подѣлиться своими сокровищами и съ другими людьми, издавъ во всеобщее извѣстіе эти сокровища. Счастливый и благодушный собственникъ, чуждый эгоизма, согласился на эти убѣжденія, и издалъ свое собраніе.

Изданіе заняло много времени, сопряжено было съ безчисленными трудностями и усиліями, иногда со многими неудачами и неподѣлками. Но А. В. Звенигородскій, съ энергіею, никогда его не покидающею, преодолѣлъ благополучно всѣ затрудненія и выпустилъ въ свѣтъ такую книгу, которая составляетъ теперь предметъ изумленія научной и художественной Европы.

Во все время продолженія работъ, онъ являлся постоянно почи-

нателемъ, двигателемъ, указателемъ и направителемъ. Выборъ личностей, совершавшихъ работы, какъ художественныя, такъ и научныя, выборъ средствъ, наконецъ выборъ производительныхъ формъ, все исходило непосредственно отъ него самого.

Великимъ счастьемъ для А. В. Звенигородскаго и его изданія было, конечно, то, что предложеніе изучить предметъ и составить текстъ принялъ профессоръ Н. П. Кондаковъ, этотъ знаменитый нашъ ученый, который дорогъ не однимъ намъ, его соотечественникамъ, но и всей ученой Европѣ. Давно уже онъ признанъ однимъ изъ самыхъ первыхъ, а быть можетъ, и самымъ первымъ византинистомъ нашего времени, и, принявъ предложеніе А. В. Звенигородскаго, совершилъ свою громадную задачу съ тѣмъ высокимъ знаніемъ, глубиною и неоцѣненнымъ трудолюбіемъ, которыя стяжали ему всеобщее уваженіе и удивленную преданность. Онъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ по Кавказу, Россіи и Европѣ, для того, чтобъ собственными глазами увидѣть, изучить и оцѣнить существующія еще на свѣтѣ созданія византійской эмали, прочиталъ цѣлыя библіотеки, все, писанное до сихъ поръ объ эмали, и, какъ результатъ такихъ неутомимыхъ, несравненныхъ трудовъ, написалъ такую „Исторію“ и такое изслѣдованіе „памятниковъ византійской эмали“, какихъ до сихъ поръ не было еще на свѣтѣ; многочисленные ученые, его же сотоварищи у насъ и въ Европѣ, громко признаютъ это сочиненіе — истинно-классическимъ и достойно заполняющимъ тотъ пробѣлъ, который до сихъ поръ существовалъ по этой части. Профессоръ Кондаковъ началъ свое изслѣдованіе съ Египта и странъ далекаго Востока, и, кромѣ того, что указывалъ на множество памятниковъ, правда, мало извѣстныхъ, но все-таки доступныхъ ученому въ музеяхъ европейскихъ и въ книгахъ, написанныхъ на разнообразнѣйшихъ современныхъ европейскихъ языкахъ, — онъ, кромѣ этого, опубликовалъ значительное количество такихъ памятниковъ эмали, которые совершенно были всѣмъ недоступны, и лишь недавно вывезены нашими путешественниками и изслѣдователями (гг. Потанинымъ и Симаковымъ) изъ Средней Азіи, Монголіи и Китая. Эти новыя извѣстія придаютъ особенную цѣнность и колоритъ изслѣдованію профессора Н. П. Кондакова. Кромѣ Египта и Азіи глубокой древности, онъ разсмотрѣлъ эмали и поливы Персіи, Индіи, Африки, эмали такъ называемыхъ „варварскихъ народовъ“ средневѣковой Европы, и только послѣ всего этого уже перешелъ къ эмалямъ Византіи, и наслѣдницы ея — Россіи. Не взирая на обиліе трактованнаго имъ матеріала, профессоръ Кондаковъ все-таки не при-

зналъ его полнымъ и совершенно достаточнымъ. Онъ возлагаетъ большія надежды на новый, еще будущій матеріалъ, и отъ него-то будетъ въ особенности зависѣть рѣшеніе вопроса о первоначальномъ происхожденіи эмали. До сихъ поръ существуютъ двѣ главныхъ теоріи этого происхожденія: прежняя, въ особенности французская (и лишь отчасти нѣмецкая)—происхожденія эмали изъ Византіи, а ранѣе ея, изъ Персіи; другая же теорія — англійская — происхожденія эмали изъ Средней Азіи. Профессоръ Кондаковъ, не вполнѣ довѣряя англійской теоріи и не убѣждаясь ея доводами, примыкаетъ скорѣе къ теоріи французской. Это вопросъ, покуда, такой тяжелый, такой запутанный, такой темный, что принадлежность изслѣдователя къ тому или другому лагерю не можетъ служить еще ни къ восхваленію, ни къ порицанію. До окончательнаго и рѣшительнаго рѣшенія его нужны и даже совершенно необходимы рѣшенія многихъ другихъ вопросовъ объ эмаляхъ, особенно „анатомированіе“ художественныхъ произведеній, ими украшенныхъ или изъ нихъ составленныхъ, и разъятіе ихъ, научнымъ взглядомъ, на многочисленныя составныя ихъ части—такъ какъ въ настоящее время все болѣе и болѣе укрѣпляется мнѣніе, что если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, большинство эмалевыхъ памятниковъ представляютъ произведенія составныя, сложенныя изъ многихъ отдѣльныхъ произведеній разнаго времени, въ позднѣйшія эпохи соединенныхъ и сложенныхъ вмѣстѣ. Вотъ эта-то „анатомія“—не многимъ изъ ученыхъ доступна и требуетъ вѣрнаго взгляда, острой мысли, прочнаго и опытнаго знанія. И вотъ, именно въ этомъ направленіи профессоръ Кондаковъ представилъ такіе замѣчательнѣйшіе образцы ученаго изслѣдованія въ настоящей книгѣ, что она, по всей справедливости можетъ считаться лучшимъ и значительнѣйшимъ трудомъ изъ всѣхъ, до сихъ поръ имъ совершенныхъ.

Что же касается внѣшняго проявленія книги, ея художественнаго и техническаго выполненія, то это послѣднее достигаетъ такой высокой степени совершенства, что никакъ нельзя не согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ ученыхъ и художественныхъ критиковъ Европы, которые нынѣче много разъ высказали въ печати, что эта „внѣшняя обстановка“ книги Звенигородскаго—истинное событіе.

И оно не мудрено, когда въ достиженіи необычайныхъ результатовъ участвовали и силы необычайныя. Большинство созданій и работъ для этой книги падаютъ на долю нашего отечества.

Во главѣ художественныхъ работъ стоялъ нашъ высокохудожественный архитекторъ И. П. Ропетъ, давно извѣстный и у насъ, но

также и въ Европѣ, по своимъ постройкамъ русскихъ отдѣловъ на всемірныхъ выставкахъ и по многочисленнымъ художественнымъ предметамъ, появлявшимся на разнообразныхъ выставкахъ нашихъ. И. П. Ропетомъ сочинены, съ необыкновенною красотою и изяществомъ, два заглавныхъ листа изданія А. В. Звенигородскаго, большой и малый, посвятительный листъ изданія Императору Александру III, тканая изъ шелка и золотыхъ нитей чудесно-византійская лента-закладка, съ вытканнымъ же греческимъ текстомъ, наконецъ многія шелковыя роскошныя матеріи, украшающія книги съ наружной и внутренней стороны (въ томъ числѣ шелковая превосходная обложка). Всѣ эти шелковыя работы произведены знаменитою нашею фирмою братьевъ Сапожниковыхъ въ Москвѣ.

Гравированные рисунки, внутри текста, или отдѣльно отъ текста, выполнены частью талантливѣйшимъ нашимъ граверомъ, В. В. Маттэ, частью достойными его товарищами: Творожниковымъ, Шмидтомъ и другими.

Хромолитографическіе рисунки выполнены за границей знаменитою франкфуртскою фирмою Августа Остеррита; переплетныя, отличившіяся необычайнымъ совершенствомъ и художественною точностью — лейпцигскою фирмою Гюбель и Денкъ.

Въ общемъ, книга А. В. Звенигородскаго представляетъ собою явленіе необычайное, высоко ставящее русскую науку и русское искусство въ глазахъ Европы, и я считаю пріятною своею обязанностью обратить на нее совершенно особое вниманіе Императорскаго Археологическаго Общества.

8 марта 1895 г.

II.

Отзывъ о сочиненіи В. К. Мальмберга: „Предметы греческаго и грековарварскаго искусства, найденные въ курганѣ Карагодеуашхъ“.

(Дѣйств. члена С. А. Жебелева).

Изслѣдованіе В. К. Мальмберга „Памятники греческаго и грековарварскаго искусства, найденные въ курганѣ Карагодеуашхъ“, составляетъ часть 13 № „Матеріаловъ по археологіи Россіи, издаваемыхъ Императорскою Археологическою Коммиссіею“. Раскопка кургана Карагодеуашхъ, близъ станицы Крымской, произведенная въ 1888 г.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

г. Фелицынымъ, значительно обогатила число предметовъ, которые были находимы ранѣе по прибрежью Чернаго моря. На долю г. Мальмберга достались описаніе и изслѣдованіе тѣхъ предметовъ Карагодеуашхскаго кургана, которые обращаютъ на себя вниманіе съ чисто-художественной стороны. Автору разбираемаго изслѣдованія пришлось выбрать изъ богатой коллекціи карагодеушхскихъ древностей такія вещи, которыя отличаются или высокою своею художественностью, или нѣкоторыми характерными особенностями. Едва-ли можно что-либо сказать противъ выбора предметовъ, сдѣланныхъ авторомъ. Уже въ прежнихъ своихъ работахъ, особенно въ изслѣдованіи о „Метопахъ древне-греческихъ храмовъ“, г. Мальмбергъ зарекомендовалъ себя не только въ качествѣ ученаго археолога, вполнѣ достойнаго носить это имя, но и какъ хорошаго художественнаго критика.

Изслѣдованіе г. Мальмберга состоитъ изъ трехъ главъ. Гл. I представляетъ описаніе вещей царя, погребеннаго въ Карагодеуашхѣ, гл. II—описаніе вещей царицы, гл. III—изслѣдуетъ вопросы относительно того, какимъ способомъ, гдѣ и какими мастерами изготовлены были карагодеуашхскіе предметы.

Описаніе предметовъ карагодеуашхскаго кургана составлено тщательно, детально, строго-научно. Авторъ постоянно ищетъ и находитъ случай сравнивать описываемые имъ предметы съ ранѣе извѣстными южно-русскими древностями, обнаруживая вполнѣ основательное съ нимъ знакомство. Изъ вещей царя описываетъ прежде всего его вооруженіе: горитъ, мечъ, оселокъ, золотыя бляхи. При изслѣдованіи горита предлагается въ высшей степени удачная его реставрація на основаніи сравненія его съ горитомъ чертомлыцкимъ. Послѣ описанія вооруженія царя г. Мальмбергъ изслѣдуетъ принадлежавшія ему украшенія: гривну съ изображеніемъ львовъ, терзающихъ кабановъ, золотой ободъ, охватывавшій, по вѣроятному предположенію автора, загнутый кончикъ башлыка, недалеко отъ его вершины, и продолговатыя четыреугольныя бляшки съ украшеніями или въ видѣ грубо выбитыхъ масокъ, или розетокъ; этими бляшками, по мнѣнію автора, былъ оторочень кафтанъ царя снизу; онѣ же шли полосами сверху до низу.

При описаніи карагодеуашхской утвари г. Мальмбергъ удачно указываетъ на принадлежность двухъ крупныхъ фрагментовъ не къ двумъ отдѣльнымъ ритонамъ, а къ одному—къ ритону со звѣринымъ фризомъ, гдѣ выгравированы двѣ группы: первая состоитъ изъ двухъ хищниковъ кошачьей породы, терзающихъ оленя, вторая — изъ льва, пожирающаго какое-то четвероногое животное съ раздвоенными копы-

тами. Авторъ прекрасно объясняетъ животныхъ, изображенныхъ на фризѣ, вполнѣ справедливо замѣчая, что „точное выясненіе вида животныхъ всегда можетъ повести къ важнымъ результатамъ“. Изображенный на фризѣ олень принадлежитъ къ породѣ „чубарыхъ“, хищники—барсы, называемые монголами ирбисами. Попутно г. Мальмбергъ предлагаетъ цѣнное наблюденіе, что въ греческомъ архаическомъ искусствѣ, особенно на черно-фигурныхъ вазахъ, головы барсовъ всегда изображаются en face, головы же львовъ—въ профиль. При описаніи сосудовъ типовъ κύλιξ и σκύφος, мы находимъ любопытное предположеніе автора, что, въ виду небольшихъ размѣровъ указанныхъ сосудовъ, сравнительно съ соотвѣтствующими имъ сосудами изъ Италіи и Греціи и изображенными на памятникахъ искусства, можно думать, что въ южной Россіи пили чистое вино, или, по крайней мѣрѣ, разбавляли его не въ такой степени, какъ въ Греціи. Что касается бараньей головки, которая, по мнѣнію автора, могла быть насажена на царскій скипетръ и во всякомъ случаѣ не служила наконечникомъ рога, то позволительно напомнить ему, что въ Семибратнемъ курганѣ найденъ былъ золотой ритонъ съ изображеніемъ передней части собаки [1]); наконечникъ этого ритона довольно близко подходитъ къ наконечнику карагодеуашхскому.

Вторая глава изслѣдованія г. Мальмберга имѣетъ своимъ предметомъ вещи, принадлежавшія къ украшеніямъ царицы. Онѣ дѣлятся на двѣ группы: 1) самостоятельныя украшенія (ожерелья, серьги, запястья и т. д.), 2) различнаго рода бляшки, служившія нашивками головного убора и платья. Изъ этихъ бляхъ особенно любопытна золотая треугольная бляха, украшавшая головной уборъ царицы. Вверху ея изображена en face женщина въ длинной одеждѣ. Нельзя не согласиться съ г. Мальмбергомъ, что „отсутствіе крыльевъ и тяжелый костюмъ фигуры... не позволяетъ признать въ ней Нику“. Авторъ такъ и оставляетъ безъ объясненія эту фигуру; на мой взглядъ, то объясненіе, которое предложено авторами „Русскихъ древностей“, усматривающими въ ней изображеніе Тихи, не настолько безосновательно, чтобы о немъ не стоило упомянуть. Не могу также согласиться съ авторомъ, будто на нижней полосѣ пластины изображены бычачьи черепа, а не головы. Чѣмъ объяснить присутствіе подобныхъ череповъ? За то весьма удачно считаетъ г. Мальмбергъ женскія маски, найденныя въ Карагодеуашхѣ, не горгоніонами, а просто человѣче-

[1]) Гр. Толстой и Кондаковъ, Русскія древности II, рис. 141.

скими лицами, имѣвшими профилактическое значеніе и игравшими такую же роль, что и варварскія маски, помѣщавшіяся на углахъ римскихъ саркофаговъ.

Перехожу ко второй части изслѣдованія г. Мальмберга, озаглавленной имъ „Нѣкоторые выводы“ (гл. III). Всѣ вещи карагодеуашхскаго кургана дѣлятся авторомъ на два класса: на вещи чисто-греческаго характера (декоративная обшивка горита, гривна, ожерелья, серьги, запястья, ритоны, серебряные кружки) и на вещи греко-варварскія (оселокъ, бляхи, ободъ царскій, шапки и мелкія нашивки отъ вещей царицы). Средину между ними занимаетъ золотая пластина съ клобука царицы, гдѣ мы находимъ смѣшеніе греческихъ и варварскихъ элементовъ. „Въ виду того,—говоритъ г. Мальмбергъ,—что варварскія и греческія издѣлія найдены въ одномъ и томъ же курганѣ и принадлежатъ однимъ и тѣмъ же лицамъ, нѣтъ никакого основанія приписывать время ихъ происхожденія отдаленнымъ другъ отъ друга періодамъ“. Объ „отдаленныхъ“ періодахъ (терминъ довольно-таки неопредѣленный), конечно, не можетъ быть и рѣчи, но болѣе или менѣе точное разграниченіе карагодеуашхскихъ предметовъ, по времени ихъ происхожденія, казалось бы входило въ прямую задачу автора. Между тѣмъ онъ рѣшительно заявляетъ, что „время происхожденія предметовъ, найденныхъ въ курганѣ Карагодеуашхъ, можно установить на основаніи греческихъ работъ“. Но раньше, чѣмъ подойти къ хронологическому опредѣленію карагодеуашхскихъ вещей, г. Мальмбергъ выясняетъ, какому греческому искусству принадлежатъ онѣ.

Предметы варварскаго характера мѣстнаго происхожденія. Предметы греческаго характера сопоставляются авторомъ вполнѣ основательно съ предметами, найденными въ другихъ южно-русскихъ гробницахъ; особенно ясно замѣчается это сходство на двухъ обшивкахъ горита, тема котораго соединяетъ его съ ножнами изъ Чертомлыка.

Прежнее мнѣніе, что лучшія греческія издѣлія, находимыя въ южной Россіи, аттическаго происхожденія (мнѣніе это высказано было Стефани; ему же слѣдуютъ Швабе, Райэ, Кизерицкій) встрѣтило возраженіе со стороны Фуртвэнглера, который въ своемъ трудѣ „Der Goldfund von Vettersfelde“ высказался за іонійское происхожденіе южно-русскихъ вещей. Къ мнѣнію Фуртвэнглера вполнѣ присоединился А. Н. Шварцъ, присоединяется и нашъ авторъ, находя, что „предметы Карагодеуашхскаго кургана вновь подтверждаютъ эти (Фуртвэнглера) положенія“. Мнѣ думается, что заключеніе Фуртвэнглера и его послѣдователей нѣсколько рѣшительно. Прежде чѣмъ окончательно распроститься съ

аттическимъ происхожденіемъ южно-русскихъ вещей, не худо было бы вновь разобрать важнѣйшія изъ нихъ; тогда, быть можетъ, удалось бы поставить вопросъ этотъ болѣе правильно, и однѣ вещи считать аттическими, другія—іонійскими. Конечно, задача эта слишкомъ обширна, чтобы требовать рѣшенія ея отъ г. Мальмберга въ предѣлахъ разбираемаго изслѣдованія. Въ частности, справедливо указываетъ авторъ, что многочисленныя серьги, найденныя въ южной Россіи, особенно серьги Карагодеуашхскаго кургана, очень близки къ кипрскимъ серьгамъ; это же относится къ плетенымъ цѣпочкамъ, ожерельямъ, орнаменту на гривнѣ, встрѣчающемуся, въ качествѣ декоративнаго элемента, лишь на произведеніяхъ іонійскаго искусства.

Къ доказательствамъ іонійскаго происхожденія лучшихъ вещей Карагодеуашхскаго кургана г. Мальмбергъ прибавляетъ нѣсколько доводовъ, еще болѣе, по его словамъ, подтверждающихъ ихъ іонійское происхожденіе. Онъ разбираетъ изображеніе чубараго оленя на главномъ фризѣ одного изъ карагодеуашхскихъ ритоновъ. Изображенія чубарыхъ оленей встрѣчается на родосскихъ вазахъ, на монетахъ эфесскихъ, кипрскихъ, проконнисскихъ. Сюда же не мѣшаетъ присоединить серебряный статиръ изъ Тарса [1]); на оборотѣ этой монеты мы видѣли въ высшей степени характерное изображеніе чубараго оленя, на котораго напалъ левъ; равнымъ образомъ, полустатиръ изъ Каппадокіи [2]) съ изображеніемъ грифона, нападающаго на чубараго оленя; подобнаго же рода изображенія встрѣчаются на монетахъ мавританскаго царя Бога II. Надо замѣтить, что такого рода группы не столько спеціально іонійскаго, сколько восточнаго происхожденія. Итакъ, все говоритъ, повидимому, въ пользу того, что чубарый олень былъ животнымъ, свойственнымъ, главнымъ образомъ, востоку. Г. Мальмбергъ, желая подтвердить свое положеніе, что чубарый олень былъ лишь извѣстенъ грекамъ М. Азіи и сосѣднихъ острововъ, обращается къ литературнымъ извѣстіямъ по этому вопросу, собраннымъ у Келлера („Thiere des classischen Alterthums“), которому онъ, не въ обиду ему будь сказано, слишкомъ довѣряетъ. По Келлеру-Мальмбергу, въ классическій періодъ въ Греціи не было чубарыхъ оленей. А далѣе они заявляютъ: „съ культомъ Артемиды Эфесской впервые проникъ въ Европу и чубарый олень“. Но, спрашивается: когда же проникъ въ Грецію культъ Артемиды Эфесской? Греческое названіе чубараго

[1]) Imhoof-Blumer und Otto Keller, Thier- und Pflanzenbilder auf Münzen und Gemmen des classischen Alterthums II, 34.

[2]) ibid. XI. 29.

оленя, по заявленію нашихъ авторовъ, есть πρόξ, „покрытый крапинками“, „крапчатый“ (отсюда и названіе о. Προκόννησος—островъ чубарыхъ оленей). Слово πρόξ (это не указано г. Мальмбергомъ) встрѣчается какъ ἅπαξ λεγόμενον въ Одиссеѣ (ст. 295), гдѣ говорится о молодыхъ охотникахъ на Ивакѣ, которые часто уводили Одисеева пса Аргуса: αἶγας ἐπ' ἀγροτέρας ἠδὲ πρόκας ἠδὲ λαγώους. Любопытно, почему авторъ Одиссеи, употребивъ это слово всего одинъ разъ, прилагаетъ его именно къ ивакійскимъ оленямъ: вѣдь у него было въ распоряженіи слово ἔλαφος, которое употребляется для обозначенія обыкновеннаго оленя и которымъ онъ пользуется не одинъ разъ. Изображенія чубараго оленя мы находимъ на золотой пластинкѣ, найденной въ Микенахъ [1]). Что касается другого названія чубараго оленя βαλίας (м. б. βαλιός?), то, вмѣсто ссылокъ на Свиду и Исихія, не худо бы обратить вниманіе на то, что это слово у Еврипида, напр., является опредѣленіемъ къ ἔλαφος [2]). А что Еврипидъ употребляетъ это слово въ смыслѣ „крапчатый“, „пятнистый“, доказываетъ Iph. Aul. 222, гдѣ упоминается о „жеребятахъ съ бѣлыми пятнами“ (πώλους ...λευκοστίκτῳ τριχὶ βαλιούς). Если имѣющіяся у насъ данныя и не говорятъ въ пользу того, что чубарый олень водился въ Греціи, то они едва-ли противорѣчатъ тому, что тамъ кое-что о немъ знали.

Въ хищникахъ, терзающихъ оленя, г. Мальмбергъ справедливо, какъ указано, призналъ пантеръ-ирбисовъ. Онъ же указываетъ, что шкура этихъ животныхъ встрѣчается на аттическихъ вазахъ. Это, думается, указываетъ на то, что не одни іонійскіе, но и аттическіе художники были знакомы съ этою породою звѣрей. Итакъ, я не рѣшусь вмѣстѣ съ г. Мальмбергомъ признать въ изображеніяхъ животныхъ на карагодеуашхскомъ ритонѣ „новаго вѣсскаго доказательства“ происхожденія южно-русскихъ вещей, непремѣнно, изъ Азіи, и думаю, что подводить всѣ вещи „подъ одну мѣрку“ еще не время. Тѣмъ опаснѣе слѣдовать за Фуртвэнглеромъ въ пріурочиваніи происхожденія южно-русскихъ вещей изъ Кизика. Впрочемъ, г. Мальмбергъ не склоняется вполнѣ къ этому мнѣнію, хотя не отрицаетъ, что „въ пользу этой догадки говоритъ многое“.

Время созданія карагодеуашхскихъ памятниковъ г. Мальмбергъ опредѣляетъ на основаніи сравненія человѣческихъ фигуръ на фрагментахъ карагодеуашхскаго горита съ фигурами на обивкахъ горита и ноженъ Чертомлыка, а этихъ послѣднихъ съ другими греческими

[1]) Schuchhardt, Schliemann's Ausgrabungen, fig. 183.
[2]) Eurip. Hecuba 90. Hipp. 218.

рельефными изваяніями. Справедливо указываетъ онъ на различіе въ пропорціяхъ фигуръ на Карагодеуашхскомъ горитѣ и Чертомлыцкихъ ножнахъ, фигуръ приземистыхъ, коренастыхъ, съ таковыми же фигурами на рельефахъ Мавсолея, стройными и даже высокими. Еще болѣе говоритъ въ пользу древности карагодеуашхскихъ и чертомлыцкихъ предметовъ, въ сравненіи съ скульптурами Мавсолея, то наблюденіе г. Мальмберга, что въ южно-русскихъ композиціяхъ фигуры поставлены значительно тѣснѣе и тщательнѣе заполнено свободное пространство, хотя, въ данномъ случаѣ, не слѣдуетъ забывать, что нельзя требовать полной аналогіи въ композиціяхъ скульптурной и торевтической.

Указавъ на то, что чертомлыцкіе и карагодеуашхскіе рельефы не могли быть исполнены позже 2-ой половины IV в. до Р. Х., г. Мальмбергъ ищетъ „если не самое исполненіе нашего горита, то, во всякомъ случаѣ, памятниковъ, повліявшихъ на него, въ V в. до Р. Х.“ и указываетъ съ полною основательностью на сходство композиціи фигалійскаго фриза съ композиціями на чертомлыцкихъ ножнахъ, „забывъ, пока, объ особенностяхъ, отличающихъ изваянія европейскихъ грековъ отъ ихъ мало-азійскихъ соплеменниковъ“, чего забывать, казалось бы, не слѣдовало тому, кто отстаиваетъ исключительно іонійское происхожденіе южно-русскихъ вещей.

Въ разборѣ композиціи Чертомлыцкаго горита г. Мальмбергъ примыкаетъ къ мнѣнію Роберта, высказанному имъ въ одномъ рефератѣ (содержаніе его въ „Arch. Anzeiger“ 1892). Сюжетомъ Чертомлыцкаго горита послужила, по мнѣнію Роберта, тема: „Ахиллъ среди дочерей Ликомида“. Это толкованіе, безспорно, лучше предлагавшагося ранѣе, и за Робертомъ остается лишь развить его въ обѣщанномъ имъ спеціальномъ изслѣдованіи. Г. Мальмбергъ, съ своей стороны, подкрѣпляетъ нѣкоторыми остроумными соображеніями правильныя предположенія Роберта, хотя указываетъ, что и въ немъ есть кое-какіе темные пункты.

Другой вопросъ, что̀ слѣдуетъ принимать за оригиналъ сценъ на чертомлыцкомъ горитѣ. Робертъ высказывается довольно осторожно: не признать-ли здѣсь за оригиналъ упоминаемую Павсаніемъ (I, 22, 6) картину Полигнота, представлявшую „Ахилла на Скиросѣ“?. Г. Мальмбергъ болѣе рѣшителенъ: „весьма вѣроятно,—говоритъ онъ,—что эта композиція (Ахиллъ среди дочерей Ликомида) сводится къ картинѣ Полигнота, слѣдовавшаго, по свидѣтельству Павсанія, именно этой традиціи, а не той, по которой Ахиллъ взялъ Скиросъ силою оружія“.

Но изъ свидѣтельства Павсанія можно вывести только то заключеніе, что Полигнотъ написалъ картину, имѣвшую сюжетомъ сказаніе о пребываніи Ахилла на Скиросѣ среди дочерей Ликомида. Какъ была трактована картина, мы не знаемъ, и всѣ попытки къ реконструкціи останутся только попытками, болѣе или менѣе удачными.

Къ тому же Полигноту относитъ авторъ и сюжетъ чертомлыцкихъ ноженъ, гдѣ видитъ не бой между греками и скиѳами, а бой между греками и персами. „Среди композицій, —говоритъ г. Мальмбергъ, — украшавшихъ знаменитую „росписную галлерею“ (στοὰ ποικίλη) въ Аѳинахъ, Павсаніемъ упоминается и Маратонская битва, приписываемая то Полигноту, то одному изъ его товарищей, Панэну или Микону, а на этой картинѣ въ особенности отмѣчается древними источниками фигура Мильтіада, въ Маратонской битвѣ ободряющаго эллиновъ. Мнѣ кажется, не слишкомъ смѣло будетъ заключить, что въ фигурѣ предводителя, встрѣчающейся въ различныхъ памятникахъ, мы имѣемъ именно повтореніе Мильтіада этой картины и что въ композиціи чертомлыцкихъ ноженъ вообще отразилось это пресловутое произведеніе. Какъ предположеніе, это замѣчаніе можетъ быть названо очень остроумнымъ, но какъ заключеніе оно не можетъ не быть названо „слишкомъ смѣлымъ“.

Установивъ, какъ нѣчто незыблемое, что „источникомъ нашихъ рельефовъ послужили знаменитыя, но, къ сожалѣнію, утраченныя творенія великаго художника средины V в.“ и „что въ произведеніяхъ, найденныхъ въ южной Россіи, мы имѣемъ драгоцѣнные памятники, проливающіе свѣтъ на композицію Полигнота и современныхъ ему живописцевъ“, г. Мальмбергъ обращается къ фрагментамъ Карагодеуашхскаго горита. Удачно сопоставляетъ онъ одинъ фрагментъ этого горита съ одной группой фриза изъ Гёльбаши, хотя на карагодеуашхскомъ памятникѣ воины представлены обнаженными, какъ на аттическихъ памятникахъ, въ фризахъ же Гёльбаши, какъ и на памятникѣ съ Нереидами, воины являются, большею частью, въ кожаныхъ панцыряхъ, притомъ всѣ сравнительно въ длинныхъ хитонахъ. Плохая сохранность обшивки карагодеуашхскаго налучья не позволяетъ высказать сколько-нибудь надежнаго и убѣдительнаго толкованія. Г. Мальмбергъ предполагаетъ, что на карагодеуашхскомъ горитѣ могли быть представлены сцены изъ разрушенія Иліона, и на одномъ изъ фрагментовъ горита онъ видитъ Эанта и Кассандру. Ему очень улыбается такого рода толкованіе и потому, что „по свидѣтельству античныхъ источниковъ, Полигнотъ представилъ двѣ композиціи на тему разру-

шенія Иліона въ λέσχη Книдянъ въ Дельфахъ и въ στοά ποικίλη въ Аѳинахъ".

Итакъ, Полигнотъ и іонійское происхожденіе—вотъ два исходные пункта въ изслѣдованіи г. Мальмберга. Приписывая южно-русскія вещи іонійскому искусству, нашъ авторъ усматриваетъ родство ихъ „съ фигурами Парѳенова и фигалійскаго фриза", памятниками аттическаго искусства, а сюжеты ихъ ставитъ въ связь съ тѣми картинами Полигнота, оригиналы которыхъ находились, главнымъ образомъ, въ Аѳинахъ.

Воздавая должное остроумію и глубокому знанію своего дѣла г. Мальмберга, не могу не замѣнить, что „нѣкоторые выводы" его грѣшатъ подчасъ слишкомъ большою поспѣшностью, съ какою они получены. Принимая же во вниманіе, что 1) добрая половина изслѣдованія г. Мальмберга является трудомъ вполнѣ самостоятельнымъ, 2) что авторомъ обнаружено тщательное изученіе нашихъ южно-русскихъ сокровищъ и 3) что въ грудѣ его разсѣяна масса вполнѣ вѣрныхъ и цѣнныхъ замѣчаній, я полагалъ бы, что изслѣдованіе его „Памятники греческаго и греко-варварскаго искусства, найденные въ курганѣ Карагодеуашхъ", заслуживаетъ награды.

III.

Воспоминанія о П. И. Савваитовѣ.

Почетнаго члена **А. Ѳ. Бычкова.**

Императорское Русское Археологическое Общество понесло чувствительную утрату въ лицѣ П. И. Саввоитова, скончавшагося въ Петербургѣ 12 іюля текущаго года.

Нѣсколько словъ, посвященныхъ его памяти въ настоящемъ собраніи, да послужатъ выраженіемъ уваженія къ почившему, какъ Общества такъ и лично моего.

Павелъ Ивановичъ родился въ 1815 году въ Вологдѣ. Онъ былъ сынъ священника. Первоначальное образованіе получилъ въ Вологодской семинаріи, откуда поступилъ въ здѣшнюю Духовную Академію. Въ 1837 году онъ кончилъ въ ней курсъ, и былъ причисленъ къ первому разряду академическихъ воспитанниковъ.

Вслѣдъ за оставленіемъ Академіи, Савваитовъ, существовавшею въ то время коммиссіею духовныхъ училищъ, былъ опредѣленъ наставникомъ философіи въ Вологодскую семинарію, и затѣмъ возведенъ въ магистры съ наименованіемъ профессоромъ. Здѣсь вскорѣ онъ обра-

тилъ на себя вниманіе начальства какъ выдающійся преподаватель, умѣвшій отъ своихъ уроковъ находить время на ученыя занятія, на изученіе народной словесности и на собираніе памятниковъ нашей старинной письменности. По настоятельному убѣжденію Погодина и Сахарова, а отчасти и по своему желанію, онъ покинулъ Вологду и въ 1842 году перешелъ въ С.-Петербургскую семинарію профессоромъ патристики, Священнаго Писанія, герменевтики и чтенія отцовъ церкви, восточныхъ и западныхъ. На этой каѳедрѣ онъ оставался болѣе 25 лѣтъ. Между прочимъ, въ семинаріи, въ теченіе слишкомъ четырехъ лѣтъ, онъ преподавалъ современную статистику русскаго раскола во всѣхъ его видахъ и отрасляхъ, а также обозрѣніе сочиненій раскольниковъ, и написанныхъ противъ нихъ. Въ то же время онъ читалъ лекціи по русскому языку и русской словесности въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ коммерческомъ училищѣ.

Многочисленные акты, обнародованные Савваитовымъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, и указаніе на него, какъ на опытнаго археографа, академиковъ Куника, Погодина и другихъ, открыли ему дорогу въ Археографическую Коммиссію, членомъ которой онъ былъ избранъ въ 1858 году, а разностороннія знанія и преподавательская дѣятельность, отзывы о которой были самые благопріятные, имѣли послѣдствіемъ назначеніе его въ 1873 году правителемъ дѣлъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія. Эти послѣднія двѣ должности онъ сохранилъ за собой до конца своей жизни.

Вотъ краткій очеркъ его скромной, не особенно выдающейся службы, продолжавшейся 58 лѣтъ.

Почти столько же лѣтъ Павелъ Ивановичъ трудился и въ области науки. Какъ въ учрежденіяхъ, такъ и въ ученыхъ обществахъ, въ которыхъ онъ состоялъ членомъ, онъ всегда оставлялъ слѣды своей дѣятельности, умѣя соединить педагогическія и служебныя занятія съ трудами научнаго характера. Въ Вологдѣ онъ пишетъ на латинскомъ языкѣ руководства для семинаристовъ по предметамъ, которые читалъ въ семинаріи; изучаетъ акты и рукописи, хранящіеся въ мѣстныхъ архивахъ; составляетъ описаніе нѣкоторыхъ древнихъ монастырей Вологодской епархіи и находящихся въ нихъ ризницъ; записываетъ народныя повѣрья и пѣсни съ точнымъ соблюденіемъ говора; собираетъ матеріалы для зырянской грамматики и для зыряно-русскаго и русско-зырянскаго словарей, впослѣдствіи имъ напечатанныхъ. Съ переѣздомъ въ Петербургъ расширяется кругъ учено-литературной дѣятельности Савваитова; онъ принимаетъ живое участіе въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, помѣщая въ нихъ свои статьи и найденные имъ документы

съ объясненіями и примѣчаніями. Какъ профессоръ С.-Петербургской духовной семинаріи онъ написалъ библейскую герменевтику, первое изданіе которой не было выпущено въ свѣтъ, вслѣдствіе суровой критики тогдашняго ректора С.-Петербургской Духовной Академіи Аѳанасія (впослѣдствіи архіепископа Астраханскаго), готовившаго издать руководство по этому же предмету, которое въ свой чередъ подверглась строгому осужденію митрополита Филарета.

Дважды онъ былъ командированъ сначала духовнымъ начальствомъ въ 1846 году въ Вологодскую губернію для изслѣдованій о зырянскомъ языкѣ, а потомъ, по опредѣленію Св. Синода, для обозрѣнія замѣчательныхъ монастырскихъ книгохранилищъ и ризницъ въ губерніяхъ Вологодской, Ярославской, Костромской и Владимірской.

Какъ членъ Археографической Коммиссіи П. И. Савваитовъ напечаталъ обстоятельное описаніе своей командировки въ Москву для изслѣдованія рукописей писцовыхъ книгъ, хранящихся въ тамошнихъ архивахъ: Главномъ министерства иностранныхъ дѣлъ и Вотчинномъ министерства юстиціи; два первые тома и начало третьяго Новгородскихъ писцовыхъ книгъ; три выпуска Великихъ Миней-Четій за сентябрь мѣсяцъ, надъ изданіемъ которыхъ онъ не мало потрудился, сличая славянскіе переводы житій и твореній св. отцовъ съ греческимъ подлинникомъ; Новгородскую лѣтопись по синодальному харатейному списку, который подъ его наблюденіемъ былъ воспроизведенъ и свѣтописью; Путешествіе архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ XII вѣка, снабженное многими важными историческими и археологическими примѣчаніями, свидѣтельствующими объ его обширныхъ знаніяхъ. Наконецъ, подъ его редакціей вышли два выпуска Лѣтописи занятій Археографической Коммиссіи, въ которыхъ онъ помѣстилъ нѣсколько своихъ статей.

Какъ членъ-основатель Общества любителей древней письменности, онъ напечаталъ въ его изданіяхъ въ 1879 году Счетную мудрость, а въ 1886 году обширное сообщеніе подъ заглавіемъ „Строгановскіе вклады въ Сольвычегодскій Благовѣщенскій монастырь по надписямъ на нихъ съ приложеніемъ описи 1579 года“.

Въ составъ нашего общества Павелъ Ивановичъ вступилъ 14 февраля 1850 года, въ качествѣ члена-сотрудника; съ небольшимъ черезъ годъ, именно 24 февраля 1851 года, онъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены Общества, а 28 октября 1887—въ почетные члены, по сложеніи съ себя казначейскихъ обязанностей, которыя онъ исполнялъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Принадлежа полвѣка нашему Обществу, онъ не былъ номинальнымъ его членомъ, а однимъ изъ наи-

болѣе дѣятельныхъ: въ разныхъ его изданіяхъ онъ помѣстилъ довольно большое число статей, участвовалъ во многихъ коммиссіяхъ, учреждавшихся Обществомъ, и въ нихъ своими обширными знаніями былъ всегда полезнымъ членомъ; напечаталъ подъ своею редакціею два тома „Записокъ“ и въ одномъ изъ нихъ помѣстилъ пользующійся общею извѣстностью трудъ свой „Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, извлеченное изъ рукописей архива Московской Оружейной Палаты“. Этому труду Павелъ Ивановичъ посвятилъ много лѣтъ, и приготовляя второе, исправленное и дополненное его изданіе, о которомъ будетъ рѣчь въ сегодняшнемъ собраніи, занимался имъ еще за нѣсколько дней до своей смерти.

По порученію Общества П. И. Саввaитовъ принималъ живое участіе и въ археологическихъ съѣздахъ, оказавшихъ значительныя услуги наукѣ, и своими замѣчаніями содѣйствовалъ разъясненію многихъ вопросовъ, на нихъ поднятыхъ. Труды Павла Ивановича были нѣсколько разъ увѣнчаны наградами Академіею Наукъ, которая въ 1872 году избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности.

Владѣя въ совершенствѣ греческимъ языкомъ, Павелъ Ивановичъ, по мысли А. С. Норова, напечаталъ Новый Завѣтъ на славянскомъ языкѣ съ греческимъ текстомъ, подобраннымъ изъ разныхъ изданій, въ которыхъ находилось то или другое выраженіе, соотвѣтствующее славянскому переводу. Нельзя также пройти молчаніемъ Сказаній о земной жизни Пресвятой Богородицы, составленныхъ и напечатанныхъ имъ по приглашенію Аѳонскаго Пантелеимонова монастыря.

Исчисленіе трудовъ П. И. Саввaитова могло бы быть значительно увеличено, но я нахожу весьма достаточнымъ то, что мною приведено. Всѣ занимающіеся русскими древностями и знаютъ многочисленные, разнообразные и цѣнные труды Павла Ивановича и уважали его за нихъ.

Постоянно благодушный, отзывчивый къ просьбамъ лицъ, приходившихъ къ нему искать совѣта и указаній по научнымъ вопросамъ, Павелъ Ивановичъ сохранялъ до послѣдняго времени ясность мысли и способность къ умственному труду, и одно, за что можно было бы сѣтовать на него—это за медленность обнародованія въ свѣтъ своихъ трудовъ, что, впрочемъ, происходило отъ желанія разрѣшить или объяснить все, представлявшееся ему сомнительнымъ или темнымъ.

СОСТАВЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

по 1-е января 1897 года.

Покровитель Общества, Его Императорское Величество Государь Императоръ.

Предсѣдатель Общества, Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь **Константинъ Константиновичъ.**

Помощникъ Предсѣдателя, Почетный членъ Аѳанасій Ѳедоровичъ **Бычковъ** (съ 28 апрѣля 1885 г.).

Секретарь, Василій Григорьевичъ **Дружининъ** (съ 15 апрѣля 1890 г.).

Казначей, Алексѣй Константиновичъ **Марковъ** (съ 15 марта 1888 г.).

Библіотекарь, Александръ Николаевичъ **Щукаревъ** (съ 11 апрѣля 1891 г.).

Хранитель музея, Владиміръ Георгіевичъ **Бокъ** (съ 11 апрѣля 1891 г.).

Управляющій Отдѣленіемъ археологіи русской и славянской, Сергѣй Ѳедоровичъ **Платоновъ** (съ 6 апрѣля 1894 г.).

Секретарь Отдѣленія, Сергѣй Михайловичъ **Середонинъ** (съ 10 декабря 1896 г.).

Управляющій Отдѣленіемъ археологіи восточной, баронъ Викторъ Романовичъ **Розенъ** (съ 27 февраля 1885 г.).

Секретарь Отдѣленія, Василій Дмитріевичъ **Смирновъ** (съ 27 февраля 1885 г.).

Управляющій Отдѣленіемъ археологіи древне-классической, византійской и западно-европейской, Почетный членъ Иванъ Васильевичъ **Помяловскій** (съ 13 мая 1893 г.).

Секретарь Отдѣленія, Сергѣй Александровичъ **Жебелевъ** (съ 10 декабря 1894 г.).

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ.

Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ **Георгій Александровичъ** (съ 18 декабря 1896 г.).

Его Императорское Высочество Великій Князь **Михаилъ Николаевичъ** (съ 18 декабря 1896 г.).

Его Императорское Высочество Великій Князь **Владиміръ Александровичъ** (съ 25 ноября 1871 г.).

Его Императорское Высочество Великій Князь **Сергій Александровичъ** (съ 11 февраля 1886 г.).

Его Императорское Высочество Великій Князь **Петръ Николаевичъ** (съ 11 февраля 1886 г.).

Его Императорское Высочество Великій Князь **Георгій Михаиловичъ** (съ 16 ноября 1885 г.).

Его Императорское Высочество Великій Князь **Александръ Михаиловичъ** (съ 18 декабря 1896 г.).

***Бобринской**, графъ Алексѣй Александровичъ, избр. 18 ноября 1894 г., въ дѣйств. чл. 26 октября 1892 г.

***Буслаевъ**, Ѳедоръ Ивановичъ, въ Москвѣ, избр. 16 мая 1888 г., въ чл.-сотр. 16 февраля 1861 г.

***Бычковъ**, Аѳанасій Ѳедоровичъ, избр. 15 сентября 1890 г., въ дѣйств. члены 9 декабря 1846 г.

***Васильевъ**, Василій Павловичъ, избр. 11 мая 1887 г., въ чл.-сотр. 11 февраля 1857 г.

Васильевскій, Василій Григорьевичъ, избр. 11 декабря 1896 г., въ дѣйств. члены 30 мая 1874 г.

***Вельяминовъ-Зерновъ**, Владиміръ Владиміровичъ, въ Кіевѣ, избр. 9 января 1881 г., въ дѣйств. чл. 11 февраля 1857 г., въ чл.-корр. 30 декабря 1885 г.

Деляновъ, графъ Иванъ Давидовичъ, избр. 31 января 1873 г.

Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ, избр. 27 марта 1892 г.

Иконниковъ, Владиміръ Степановичъ, избр. 11 декабря 1896 г.

Кондаковъ, Никодимъ Павловичъ, избр. 11 декабря 1896 г., въ дѣйств. члены 26 марта 1886 г.

Куникъ, Аристъ Аристовичъ, избр. 11 декабря 1896 г., членъ-основатель.

Майковъ, Леонидъ Николаевичъ, избр. 11 декабря 1896 г., въ дѣйств. члены 24 декабря 1874 г.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Помяловскій, Иванъ Васильевичъ, избр. 28 апрѣля 1885 г., въ дѣйств. члены 25 ноября 1871 г.

Сабатье, Лукіянъ Петровичъ, избр. 11 декабря 1896 г., членъ-основатель.

*Стояновскій**, Николай Ивановичъ, избр. 7 іюня 1891 г., въ дѣйств. члены 5 іюня 1871 г.

Тизенгаузенъ, баронъ Владиміръ Густавовичъ, избр. 29 декабря 1891 г.

Толстой, графъ Иванъ Ивановичъ, избр. 11 декабря 1896 г., въ дѣйств. члены 22 мая 1882 г.

Трубецкой, князь Сергѣй Никитичъ, избр. 16 декабря 1881 г.

Уварова, графиня Прасковья Сергѣевна, избр. 22 апрѣля 1892 г.

Фришъ, Эдуардъ Васильевичъ, избр. 16 мая 1888 г.

Хвольсонъ, Даніилъ Абрамовичъ, избр. 11 декабря 1896 г., въ дѣйств. члены 20 декабря 1868 г.

Юргевичъ, Владиславъ Норбертовичъ, въ Одессѣ, избр. 29 декабря 1891 г., въ дѣйств. чл. 4 января 1885 г.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ.

***Абамеликъ-Лазаревъ**, князь Семенъ Семеновичъ, избр. 26 октября 1882 г.

***Алексѣевъ**, Георгій Петровичъ, избр. 26 марта 1886 г.

Антоновичъ, Владиміръ Бонифатіевичъ, избр. 30 марта 1894 г.

***Арсеньевъ**, Сергѣй Васильевичъ, въ Іерусалимѣ, избр. 26 мая 1882 г.

Барсовъ, Елпидифоръ Васильевичъ, въ Москвѣ, избр. 15 марта 1888 г.

Барсовъ, Николай Ивановичъ, избр. 7 ноября 1880 г.

Бенуа, Леонтій Николаевичъ, избр. 18 мая 1893 г.

***Бертье-Делагардъ**, Александръ Львовичъ, въ Одессѣ, избр. 20 декабря 1890 г.

Бобринской, графъ Андрей Александровичъ, избр. 26 марта 1886 г.

****Бокъ**, Владиміръ Георгіевичъ, избр. 13 апрѣля 1890 г.

***Боткинъ**, Михаилъ Петровичъ, избр. 31 марта 1881 г.

Бранденбургъ, Николай Ефимовичъ, избр. 28 декабря 1878 г.

Браунъ, Ѳедоръ Александровичъ, избр. 30 декабря 1892 г.

---

*) Означаетъ единовременный взносъ въ кассу Общества, по § 20 Устава.

**) Означаетъ членовъ не платящихъ, на основаніи §§ 21 и 22 Устава.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Буличъ, Францискъ, въ Спалато, избр. 21 декабря 1893 г.

Бѣляевъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, въ Казани, избр. 20 декабря 1890 г.

*__Вахрамѣевъ__, Иванъ Александровичъ, въ Ярославлѣ, избр. 4 января 1885 г.

*__Веневитиновъ__, Михаилъ Алексѣевичъ, въ Воронежѣ, избр. 28 октября 1878 г.

Веселовскій, Александръ Николаевичъ, избр. 13 декабря 1888 г.

Веселовскій, Николай Ивановичъ, избр. 23 февраля 1889 г., въ чл.-сотр. 9 ноября 1881 г.

*__Вешняковъ__, Владиміръ Ивановичъ, избр. 18 марта 1877 г.

**__Властовъ__, Георгій Константиновичъ, избр. 9 января 1881 г.

*__Гаркави__, Авраамъ Яковлевичъ, избр. 30 мая 1874 г.

*__Гиль__, Христіанъ Христіановичъ, избр. 16 декабря 1881 г.

*__Гинцбургъ__, баронъ Давидъ Гораціевичъ, избр. 18 мая 1894 г.

Глазовъ, Владиміръ Гавриловичъ, избр. 16 мая 1897 г.

*__Голенищевъ__, Владиміръ Семеновичъ, избр. 26 марта 1886 г., въ чл.-сотр. 22 мая 1879 г.

*__Готвальдъ__, Осипъ Ѳедоровичъ, избр. 24 февраля 1887 г.

Григоровичъ, Дмитрій Васильевичъ, избр. 9 апрѣля 1864 г.

*__Гриммъ__, Давидъ Ивановичъ, избр. 29 ноября 1865 г.

Грубе, въ Берлинѣ, избр. 1888 г.

Деревицкій, Алексѣй Николаевичъ, избр. 11 декабря 1896 г.

**__Дриновъ__, Маринъ Степановичъ, избр. 27 марта 1892 г.

**__Дружининъ__, Василій Григорьевичъ, избр. 21 октября 1888 г.

Дубровинъ, Николай Ѳедоровичъ, избр. 18 мая 1894 г.

**__Ернштедтъ__, Викторъ Карловичъ, избр. 29 января 1892 г., въ чл.-сотр. 27 февраля 1885 г.

**__Жебелевъ__, Сергѣй Александровичъ, перечисленъ 20 декабря 1894 г., избр. въ чл.-сотр. 27 марта 1892 г.

Жуковскій, Валентинъ Алексѣевичъ, перечисленъ 3 марта 1893 г., избр. въ чл.-сотр. 20 декабря 1886 г.

Залеманъ, Карлъ Германовичъ, избр. 26 октября 1882 г.

*__Звенигородскій__, Александръ Викторовичъ, избр. 20 декабря 1886 г.

Зинченко, Игнатій Клеметьевичъ, избр. 30 декабря 1886 г.

*__Иверсенъ__, Юлій Богдановичъ, избр. 11 октября 1865 г., въ чл.-корр. 5 декабря 1862 г.

Иловайскій, Дмитрій Ивановичъ, въ Москвѣ, избр. 29 апрѣля 1883 г.

Кибальчичъ, Турвонтъ Венедиктовичъ, въ Кіевѣ, избр. 20 мая 1876 г.

*__Кизерицкій__, Гангольфъ Егоровичъ, избр. 11 февраля 1886 г.

Кирпичниковъ, Александръ Ивановичъ, избр. 21 декабря 1893 г.
Клачковъ, Александръ Петровичъ, въ Москвѣ, избр. 11 октября 1865 г.
*__Кобеко__, Дмитрій Ѳомичъ, избр. 16 марта 1884 г.
Комаровъ, Александръ Виссаріоновичъ, избр. 16 мая 1888 г.
*__Корниловъ__, Иванъ Петровичъ, избр. 15 января 1865 г.
Корфъ, баронъ Сергѣй Павловичъ, избр. 22 апрѣля 1892 г.
Кулаковскій, Юліанъ Андреевичъ, въ Кіевѣ, избр. 18 мая 1890 г.
Куторга, Михаилъ Степановичъ, избр. 18 января 1893 г.
*__Латышевъ__, Василій Васильевичъ, избр. 11 февраля 1886 г., въ чл.-сотр. 11 января 1883 г.
**__Лаппо-Данилевскій__, Александръ Сергѣевичъ, избр. 23 февраля 1889 г., въ чл.-сотр. 21 октября 1888 г.
Лисовскій, Николай Михайловичъ, избр. 20 декабря 1890 г.
Лихачевъ, Николай Петровичъ, избр. 16 мая 1888 г., въ чл.-сотр. 15 марта 1888 г.
Лишинъ, Константинъ Николаевичъ, избр. 22 апрѣля 1892 г.
Лютшъ, Яковъ Яковлевичъ, избр. 30 декабря 1895 г.
Маевскій, Эразмъ Ипполитовичъ, въ Варшавѣ, избр. 18 мая 1894 г.
Маркевичъ, Алексѣй Ивановичъ, избр. 11 декабря 1896 г.
**__Марковъ__, Алексѣй Константиновичъ, избр. 18 декабря 1885 г.
Миллеръ, Всеволодъ Ѳедоровичъ, въ Москвѣ, избр. 20 декабря 1890 г.
*__Мищенко__, Ѳедоръ Герасимовичъ, перем. 5 октября 1896 г., въ чл.-сотр. 20 декабря 1886 г.
*__Мордвиновъ__, Владиміръ Павловичъ, избр. 31 марта 1878 г.
*__Неустроевъ__, Александръ Николаевичъ, избр. 20 мая 1876 г., въ чл.-сотр. 28 декатря 1852 г.
Никольскій, о. Константинъ Тимоѳеевичъ, избр. 22 мая 1879 г., въ чл.-сотр. 27 мая 1877 г.
Ольденбургъ, Сергѣй Ѳедоровичъ, перем. 16 декабря 1895 г., въ чл.-сотр. 4 мая 1889 г.
*__Орѣшниковъ__, Алексѣй Васильевичъ, въ Москвѣ, избр. 26 марта 1886 г.
Остроумовъ, Николай Петровичъ, въ Ташкентѣ, избр. 20 декабря 1886 г.
Павлиновъ, Андрей Михайловичъ, въ Москвѣ, избр. 8 марта 1882 г.
Пановъ, Ѳедоръ Николаевичъ, избр. 8 іюня 1871 г.
Петровъ, Николай Ивановичъ, въ Кіевѣ, избр. 16 декабря 1881 г.
**__Платоновъ__, Сергѣй Ѳедоровичъ, избр. 13 апрѣля 1890 г.
Позднѣевъ, Алексѣй Матвѣевичъ, перечисленъ 20 декабря 1894 г., избр. въ чл.-сотр. 31 марта 1881 г.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

**Покровскій, Николай Васильевичъ, избр. 7 ноября 1880 г.
Полевой, Петръ Николаевичъ, избр. 7 ноября 1880 г.
*Половцовъ, Александръ Александровичъ, избр. 9 апрѣля 1864 г.
Половцовъ, Анатолій Викторовичъ, избр. 30 декабря 1892 г.
Поповскій, Матвѣй Юліановичъ, избр. 16 мая 1888 г., въ чл.-сотр. 16 марта 1884 г.
**Праховъ, Адріанъ Викторовичъ, въ Кіевѣ, избр. 20 мая 1875 г.
Путятинъ, князь Павелъ Арсеньевичъ, избр. 20 октября 1881 г., въ чл.-сотр. 28 декабря 1878 г.
Радловъ, Василій Васильевичъ, избр. 20 октября 1887 г.
*Раевскій, Михаилъ Николаевичъ, избр. 18 декабря 1885 г.
Регель, Василій Эдуардовичъ, избр. 16 мая 1888 г.
Рождественскій, Сергѣй Васильевичъ, избр. 16 мая 1895 г.
**Розенъ, баронъ Викторъ Романовичъ, избр. 19 марта 1876 г.
Роузъ, въ Рёгби, избр. 16 мая 1897 г.
Румянцевъ, Василій Егоровичъ, въ Москвѣ, избр. 28 декабря 1873 г.
Сабанѣевъ, Евгеній Александровичъ, избр. 18 мая 1893 г.
Сабанѣевъ, Дмитрій Александровичъ, избр. 26 октября 1882 г.
Савельевъ, Александръ Ивановичъ, избр. 9 апрѣля 1864 г.
Самоквасовъ, Дмитрій Яковлевичъ, въ Москвѣ, избр. 17 марта 1877 г.
Семеновъ, Анатолій Ѳедоровичъ, въ Кіевѣ, избр. 18 января 1893 г.
Середонинъ, Сергѣй Михайловичъ, избр. 17 января 1891 г.
**Смирновъ, Василій Дмитріевичъ, избр. 26 мая 1882 г.
Соболевскій, Алексѣй Ивановичъ, избр. 18 мая 1890 г.
Соколовъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, избр. 30 мая 1874 г.
Степановъ, Сергѣй Лаврентьевичъ, избр. 22 апрѣля 1892 г.
*Султановъ, Николай Владиміровичъ, избр. 17 марта 1877 г.
Суручанъ, Иванъ Касьяновичъ, въ Кишиневѣ, избр. 26 марта 1886 г., въ чл.-сотр. 4 января 1885 г.
Тепловъ, Владиміръ Александровичъ, избр. 18 мая 1890 г.
Толмачевъ, Николай Александровичъ, въ Казани, избр. 15 марта 1888 г.
*Толстой, графъ Дмитрій Ивановичъ, избр. 18 мая 1884 г.
Толстой, Павелъ Сергѣевичъ, избр. 20 декабря 1886 г.
Троицкій, Иванъ Гавриловичъ, избр. 18 мая 1893 г.
Троицкій, Иванъ Егоровичъ, избр. 31 марта 1881 г.
Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ, перечисленъ 3 мая 1896 г., избр. въ чл.-сотр. 20 декабря 1886 г.
Форстенъ, Георгій Васильевичъ, избр. 27 марта 1892 г.

Хитрово, Василій Николаевичъ, избр. 28 мая 1880 г.
Хрущовъ, Иванъ Петровичъ, избр. 28 декабря 1878 г.
*__Цагарели__, Александръ Антоновичъ, избр. 30 мая 1874 г.
Цвѣтаевъ, Иванъ Владиміровичъ, въ Москвѣ, избр. 19 апрѣля 1883 г.
*__Чарыковъ__, Николай Валеріевичъ, избр. 4 января 1884 г.
Челищевъ, Григорій Ѳедоровичъ, избр. 22 апрѣля 1892 г.
Чечулинъ, Николай Дмитріевичъ, избр. 17 января 1891 г.
Черневъ, Николай Павловичъ, въ Кіевѣ, избр. 18 мая 1890 г.
Шапошниковъ, Константинъ Алексѣевичъ, въ Омскѣ, избр. 26 мая 1882 г.
Шварцъ, Александръ Николаевичъ, избр. 20 декабря 1895 г.
Шереметевъ, графъ Сергѣй Дмитріевичъ, избр. 15 ноября 1869 г.
Шляпкинъ, Илья Александровичъ, избр. 16 мая 1895 г.
Шмурло, Евгеній Францевичъ, въ Юрьевѣ, избр. 20 декабря 1890 г.
Щегловъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, избр. 24 декабря 1879 г.
**__Щукаревъ__, Александръ Николаевичъ, избр. 13 апрѣля 1890 г.
Эварницкій, Дмитрій Ивановичъ, избр. 26 марта 1886 г.

ЧЛЕНЫ-СОТРУДНИКИ.

Айналовъ, Дмитрій Власьевичъ, въ Казани, избр. 13 апрѣля 1890 г.
Алексій, іеромонахъ (Александръ Николаевичъ Виноградовъ), избр. 5 ноября 1876 г.
Алексѣевъ, Василій Владиміровичъ, избр. 1 ноября 1891 г.
Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ, въ Москвѣ, избр. 11 января 1883 г.
Барсуковъ, Александръ Платоновичъ, избр. 26 октября 1882 г.
Бартольдъ, Василій Владиміровичъ, избр. 18 мая 1893 г.
Батюшковъ, Ѳедоръ Дмитріевичъ, избр. 18 мая 1894 г
Богословскій, Николай Гавриловичъ, въ Новгородѣ, избр. 4 апрѣля 1875 г.
Борнгауптъ, въ Ригѣ, избр. 20 февраля 1871 г.
Буличъ, Сергѣй Константиновичъ, избр. 18 мая 1893 г.
Вольтеръ, Эдуардъ Александровичъ, избр. 27 марта 1892 г.
Гаршинъ, Евгеній Михайловичъ, избр. 30 октября 1886 г.
Голстунскій, Константинъ Ѳедоровичъ, избр. 15 января 1865 г.
Голышевъ, Иванъ Александровичъ, въ с. Мстерѣ, избр. 27 мая 1877 г.
Григоровъ, Дмитрій Александровичъ, избр. 15 марта 1888 г.
Димитрій, епископъ Подольскій, избр. 26 марта 1886 г.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Діонисій, архимандритъ, въ Можайскѣ, избр. 29 апрѣля 1883 г.
Долбежевъ, Василій Ивановичъ, въ Владикавказѣ, избр. 11 января 1883 г.
Друцкой-Соколинскій-Ромейко-Гурко, князь Василій Петровичъ, избр. 20 мая 1860 г.
Ермаковъ, Дмитрій Ивановичъ, въ Тифлисѣ, избр. 16 декабря 1881 г.
Ждановъ, Иванъ Николаевичъ, избр. 15 марта 1889 г.
Зѣлинскій, Ѳаддей Францевичъ, избр. 4 мая 1890 г.
Ивановскій, Алексѣй Осиповичъ, избр. 4 мая 1889 г.
Катановъ, Николай Ѳедоровичъ, въ Казани, избр. 30 марта 1894 г.
Клеръ, Онисимъ Егоровичъ, въ Екатеринбургѣ, избр. 18 января 1893 г.
Коковцевъ, Павелъ Константиновичъ, избр. 30 марта 1894 г.
Корсаковъ, Дмитрій Александровичъ, въ Казани, избр. 29 октября 1877 г.
Котовъ, Григорій Ивановичъ, избр. 18 мая 1883 г.
Крашенинниковъ, Михаилъ Никитичъ, избр. 17 мая 1896 г.
Крыловъ, Александръ Лукичъ, избр. 4 января 1885 г.
Кудрявскій, Дмитрій Николаевичъ, избр. 17 мая 1896 г.
Лазаревскій, Александръ Матвѣевичъ, избр. 22 марта 1860 г.
Ламанскій, Владиміръ Ивановичъ, избр. 6 апрѣля 1856 г.
Лашкаревъ, Петръ Александровичъ, въ Кіевѣ, избр. 16 декабря 1881 г.
Леммъ, Оскаръ Эдуардовичъ, избр. 11 мая 1887 г.
Леопольдовъ, Андрей Филипповичъ, въ Тамбовѣ, избр. 22 марта 1860 г.
Леперъ, Романъ Христіановичъ, избр. 18 мая 1894 г.
Лопаревъ, Хрисанѳъ Меѳодіевичъ, избр. 21 октября 1888 г.
Любомудровъ, Николай Васильевичъ, избр. 22 марта 1860 г.
Мазараки, Сергѣй Аркадьевичъ, въ Ромнахъ, избр. 26 марта 1886 г.
Мальмбергъ, Владиміръ Константиновичъ, въ Юрьевѣ, избр. 17 января 1891 г.
Мартьяновъ, Николай Ивановичъ, въ Минусинскѣ, избр. 16 декабря 1881 г.
Марръ, Николай Яковлевичъ, избр. 4 мая 1889 г.
Меліоранскій, Платонъ Михайловичъ, избр. 18 мая 1893 г.
Мерцаловъ, Иванъ Михайловичъ, въ Тулѣ, избр. 10 мая 1852 г.
Милюковъ, Павелъ Николаевичъ, въ Рязани, избр. 30 декабря 1892 г.
Мордовцевъ, Даніилъ Лукичъ, избр. 22 марта 1860 г.
Мѣдниковъ, Николай Александровичъ, избр. 20 декабря 1890 г.
Никитинъ, Петръ Васильевичъ, избр. 24 февраля 1887 г.
Никитскій, Александръ Васильевичъ, избр. 17 мая 1896 г.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Новосадскій, Николай Васильевичъ, избр. 16 мая 1895 г.
Ординъ, Николай Георгіевичъ, въ Сольвычегодскѣ, избр. 31 октября 1884 г.
Орловскій, Степанъ Филаретовичъ, избр. 4 января 1885 г.
Пантусовъ, Николай Николаевичъ, избр. 30 октября 1886 г.
Павловскій, Алексѣй Андреевичъ, въ Одессѣ, избр. 4 мая 1889 г.
Петровскій, Николай Ѳедоровичъ, въ Кашгарѣ, избр. 18 мая 1894 г.
Петровъ, Константинъ Михайловичъ, избр. 28 декабря 1878 г.
Позднѣевъ, Дмитрій Матвѣевичъ, избр. 1 мая 1895 г.
Покровскій, Алексѣй Ивановичъ, въ Нѣжинѣ, избр. 18 января 1893 г.
Поярковъ, Ѳедоръ Владиміровичъ, въ Вѣрномъ, избр. 24 февраля 1887 г.
Преображенскій, Михаилъ Тимофѣевичъ, избр. 18 мая 1893 г.
Пташицкій, Станиславъ Львовичъ, избр. 18 января 1893 г.
Пыпинъ, Александръ Николаевичъ, избр. 3 апрѣля 1856 г.
Рейманъ, Ѳедоръ Петровичъ, избр. 11 декабря 1896 г.
Роиновъ, въ Темирханшурѣ, избр. 26 марта 1886 г.
Романченко, Николай Филипповичъ, избр. 30 декабря 1895 г.
Ростовцевъ, Михаилъ Ивановичъ, избр. 18 мая 1894 г.
Рѣдинъ, Егоръ Кузьмичъ, въ Харьковѣ, избр. 13 апрѣля 1890 г.
Сапуновъ, Алексѣй Парфеновичъ, въ Витебскѣ, избр. 30 марта 1894 г.
Сементовскій, Николай Максимовичъ, въ Кіевѣ, избр. 10 мая 1851 г.
Смирновъ, Яковъ Ивановичъ, избр. 18 мая 1893 г.
Соловьевъ, Александръ Титовичъ, въ Казани, избр. 8 марта 1882 г.
Сперанскій, Михаилъ Нестеровичъ, избр. 6 ноября 1896 г.
Спицынъ, Александръ Андреевичъ, избр. 23 мая 1891 г.
Стасюлевичъ, Михаилъ Матвѣевичъ, избр. 6 апрѣля 1856 г.
Сусловъ, Владиміръ Васильевичъ, избр. 11 мая 1887 г.
Сухомлиновъ, Михаилъ Ивановичъ, избр. 12 декабря 1857 г.
Сырку, Полихроній Агаѳіевичъ, избр. 11 января 1883 г.
Такай-Швили, Ефимъ Степановичъ, въ Тифлисѣ, избр. 30 марта 1894 г.
Титовъ, Андрей Александровичъ, въ Ростовѣ, избр. 13 мая 1881 г.
Туманскій, Александръ Григорьевичъ, избр. 21 декабря 1893 г.
Тураевъ, Борисъ Александровичъ, избр. 30 декабря 1895 г.
Успенскій, Владиміръ Михайловичъ, избр. 15 марта 1888 г.
Фармаковскій, Борисъ Владиміровичъ, избр. 12 марта 1896 г.
Фелицынъ, Евгеній Дмитріевичъ, въ Тифлисѣ, избр. 16 декабря 1881 г.
Филимоновъ, Георгій Дмитріевичъ, въ Москвѣ, избр. 19 января 1862 г.
Церетели, Григорій Филимоновичъ, избр. 1 мая 1895 г.

Шеборъ, Осипъ Антоновичъ, избр. 20 октября 1887 г.
Шебунинъ, Алексѣй Ѳедоровичъ, въ Константинополѣ, избр. 1 ноября 1891 г.
Энманъ, Александръ Ѳедоровичъ, избр. 27 марта 1892 г.

ИНОСТРАННЫЕ ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ.

*__Алишанъ__, въ Венеціи, избр. 11 декабря 1896 г.
*__Аспелинъ__, въ Гельсингфорсѣ, избр. 11 декабря 1896 г.
*__Берджесъ__, въ Эдинбургѣ, избр. 11 декабря 1896 г.
*__Бюлеръ__, въ Вѣнѣ, избр. 11 декабря 1896 г.
*__Гвиди__, въ Римѣ, избр. 11 декабря 1896 г.
*__Де-Гуіе__, въ Лейденѣ, избр. 11 декабря 1896 г.
*__Кернъ__, въ Лейденѣ, избр. 11 декабря 1896 г.
*__Масперо__, въ Парижѣ, избр. 11 декабря 1896 г.
*__Моммсенъ__, въ Берлинѣ, избр. 11 декабря 1896 г.
*__Нельдеке__, въ Страсбургѣ, избр. 11 декабря 1896 г.
*__Ріе__, въ Кембриджѣ, избр. 11 декабря 1896 г.
*__Сахау__, въ Берлинѣ, избр. 11 декабря 1896 г.
*__Томпсонъ__, въ Лондонѣ, избр. 11 декабря 1896 г.
*__Шеферъ__, въ Парижѣ, избр. 11 декабря 1896 г.
__Шлумбергеръ__, въ Парижѣ, избр. 16 мая 1897 г.
__Ягичъ__, Игнатій Викентьевичъ, въ Вѣнѣ, избр. 13 декабря 1888 г.

ИНОСТРАННЫЕ ЧЛЕНЫ-СОТРУДНИКИ.

__Боди__, въ Спа, избр. 16 марта 1884 г.
__Вогюе-де__, въ Парижѣ, избр. 27 мая 1877 г.
__Вольтерсъ__, въ Аѳинахъ, избр. 11 декабря 1896 г.
__Германъ__, въ Сараевѣ, избр. 16 мая 1895 г.
__Геза__, въ Парижѣ, избр. 11 декабря 1896 г.
__Гильдебрандъ__, въ Стокгольмѣ, избр. 13 декабря 1878 г.
__Гофманъ__, въ Вашингтонѣ, избр. 4 января 1884 г.
__Гюбнеръ__, въ Берлинѣ, избр. 27 мая 1877 г.
__Гюльзенъ__, въ Римѣ, избр. 11 декабря 1896 г.
__Де-Бай__, баронъ, въ Парижѣ, избр. 17 января 1891 г.
__Делакруа__, аббатъ, въ Пуатье, избр. 30 октября 1886 г.
__Дерпфельдъ__, въ Берлинѣ, избр. 17 мая 1893 г.
__Дучичъ__, Никифоръ, о. архимандритъ, въ Бѣлградѣ, избр. 11 сентября 1890 г.

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Еличъ, въ Спалато, избр. 21 декабря 1893 г.
Картальякъ, въ Парижѣ, избр. 17 января 1891 г.
Кёлеръ, въ Берлинѣ, избр. 18 мая 1894 г.
Кирхгофъ, въ Берлинѣ, избр. 18 мая 1894 г.
Коллиньонъ, въ Парижѣ, избр. 11 декабря 1896 г.
Конце, въ Берлинѣ, избр. 11 декабря 1896 г.
Куманудисъ, въ Аѳинахъ, избр. 16 декабря 1881 г.
Ламбросъ, въ Аѳинахъ, избр. 16 декабря 1881 г.
Лэнъ-Пуль, въ Лондонѣ, избр. февраля 1887 г.
Маденокози, принцъ, въ Токіо, избр. 30 октября 1886 г.
Мау, въ Помпеѣ, избр. 16 мая 1895 г.
Мельхиседекъ, епископъ романскій, избр. февраля 1887 г.
Ньютонъ, въ Лондонѣ, избр. 27 мая 1877 г.
Омолль, Теофилъ, избр. 12 марта 1896 г.
Паппадопуло-Керамевсъ, избр. 4 января 1885 г.
Петричейку-Хышдеу, въ Букарестѣ, избр. февраля 1887 г.
Перро, въ Парижѣ, избр. 11 декабря 1896 г.
Пичъ, въ Прагѣ, избр. 30 марта 1894 г.
Роджерсъ, въ Лондонѣ, избр. 28 октября 1878 г.
Роза, въ Римѣ, избр. 27 мая 1877 г.
Стауматіадисъ, въ Фати, избр. 22 апрѣля 1892 г.
Тардье, въ Клермонъ-Ферранъ, избр. 18 мая 1894 г.
Трухелка, въ Сараевѣ, избр. 16 декабря 1895 г.
Усвингъ, въ Копенгагенѣ, избр. 11 декабря 1896 г.
Филиппсъ, въ Филадельфіи, избр. 8 марта 1882 г.
Фіорелли, въ Римѣ, избр. 27 мая 1877 г.
Фукаръ, въ Аѳинахъ, избр. 30 октября 1886 г.
Шрейберъ, въ Лейпцигѣ, избр. 11 декабря 1896 г.
Штида, Лудвигъ, въ Кенигсбергѣ, избр. 18 декабря 1885 г.
Эрманъ, въ Берлинѣ, избр. 11 декабря 1896 г.
Якубъ-Артынъ, паша, въ Каирѣ, избр. 21 октября 1888 г.

ЧЛЕНЫ-СОТРУДНИКИ.

ИЗБРАННЫЕ ВЪ ПРЕЖНІЕ ГОДЫ, НА ОСНОВАНІИ УСТАВА 1849 ГОДА.

Мельниковъ, Степанъ Егоровичъ, въ Чистополѣ, избр. 12 декабря 1857 г.
Струковъ, Дмитрій Михайловичъ, въ Москвѣ, избр. 15 января 1865 г.

БИБЛИОТЕКА НИ Ин-та Краеведческой и Музейной

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Очеркъ жизни и дѣятельности Д. В. Полѣнова. **И. П. Хрущова.** 1 р.— к.

Опись древнихъ рукописей, хранящихся въ музеѣ Имп. Русск. Арх. Общ. **Д. И. Прозоровскаго** . . . . . 1 » 50 »

Поѣздка въ Румелію. Архим. **Антонина** . . . . . 3 » — »

Изъ Румеліи. Архим. **Антонина** . . . . . 6 » — »

Критическія наблюденія надъ формами изящныхъ искусствъ. I. Зодчество древняго Египта. **А. В. Прахова** . . . . . 3 » — »

Рязанскія древности . . . . . 1 » — »

Собраніе древнихъ памятниковъ искусства въ Павловскѣ. **Л. Э. Стефани** . . . . . 1 » — »

Монеты восточнаго халифата. Бар. **В. Г. Тизенгаузена** . . . . . 5 » — »

Сборникъ еврейскихъ надписей. **Д. А. Хвольсона** (съ 8 таблицами) . . . . . 4 » — »

Библіографическое обозрѣніе трудовъ Имп. Русскаго Археол. Общества. **Д. В. Полѣнова** . . . . . 1 » — »

Опись предметовъ, хранящихся въ Музеѣ Имп. Русскаго Археол. Общества. **Д. И. Прозоровскаго** . . . . . 1 » — »

Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae .....edidit **Basilius Latyschev**, vol. I –7 р., II—10 р. 17 » — »

В. В. Латышевъ. Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ Южной Россіи (съ 13 таблицами) . . . . . 2 » — »

Ю Б. Иверсенъ. Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ. Т. III (съ 7 таблицами) . . . . . 3 » — »

Н. Е. Бранденбургъ. Старая Ладога. Рисунки и техническое описаніе акад. **В. В. Суслова** (съ 90 таблицами) . . . . . 25 » —

Н. И Веселовскій. Рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи 15 го декабря 1895 г. . . . . — »

Съ требованіями просятъ обращаться въ **книжный магазинъ К. Р**
(С.-Петербургъ, Невскій пр., № 14).

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ